ЭР1
6213

КАЛЕНДАРЬ-АЛЬМАНАХ

„ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА—ВІЛЬНОГО КОЗАЦТВА“

НА

РІК **1930** ГОД

UNION DES COSAQUES LIBRES
STANITZA
VÉSINE-CHALETTE
(Loiret)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И. А. БИЛОГО.

ПРАГА. 1930.

Федеральное государственное
учреждение культуры
"Государственная
публичная историческая
библиотека России"
№278831 2005 г.

... Наши Края, и наши Земли, и Казачество само по себе достаточно прекрасные и высокие цели, чтобы все наши силы и все наши способности посвятить Им, Их счастию, Их благополучию.

„Вольное Казачество—
Вільне Козацтво", № 1,
10 декабря, 1927 г.
Прага.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Издание „Календаря-альманаха В. К. на 1930 год" является в то же время первым опытом в казачьей эмигрантской литературе выпуска в свет вообще литературно-политического сборника.

Этим об'ясняются, прежде всего, и те его недочеты, которые нам самим видны больше, чем кому бы то ни было другому. Тем не менее, эти недочеты и неизбежная критика их послужат хорошим уроком и необходимым опытом для того, чтобы следующий, второй подобный сборник имел их меньше.

Можем признаться, что при выпуске настоящей книги не могла быть исполнена в некоторых частях ранее намеченная программа, но мы глубоко уверены, что и в таком об'еме и содержании „Календарь-альманах В. К. на 1930 год" сослужит свою службу. Казачеству и не только тем, что принесет ему нечто новое и полезное, скажет ему то, чего оно и само о себе часто не знало, или предложит решение некоторых вопросов казачьей жизни (а, возможно, их только поставит), но и тем, может быть, что вызовет к жизни иные начинания подобного рода.

Точно также, нельзя будет ни в какой мере не дооценить и значения того литературного материала, который, кажется, впервые казачьи поэты и писатели в таком большом собрании предлагают вниманию читателей-казаков.

Делаем мы свое дело с искренним стремлением дать казаку в руки свою книгу; казачью книгу о казаках и Казачьих Землях; книгу, писанную казачьими руками для своего брата-казака.

Пусть же теперь Казачество само скажет, нужна ли ему вторая, третья,... десятая,... двадцатая своя книга, казачья книга.

Мы думаем, что нужна.

Ноябрь—Декабрь, 1929.
ПРАГА.

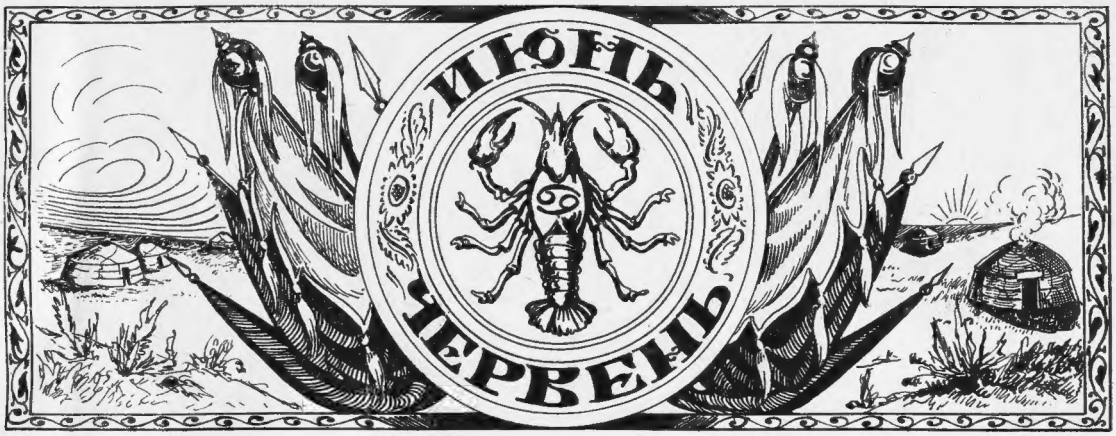
Ст. ст.	Дни недел.	Н. ст.	ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ	Важнейшие события из истории Казачества
19	Ср.	1	**Мч. Илии. Григория.**	1773 г. 12-25. Начало народного восстания, возглавляемого казаком Войска Донского Емельяном Пугачевым.
20	Чт.	2	Свщмч. Игнатия Богоносца.	
21	Пт.	3	Мц. Иулиании. Свт. Петра.	
22	Сб.	4	Вмч. Анастасии.	
23	Вс.	5	Пр. Павла.	1775 г. 10-23. Казнь Емельяна Пугачева в г. Москве.
24	Пн.	6	Рождественский сочельник. Евгении.	
25	Вт.	7	**Рождество Христово.**	1797 г. 15-28. Смерть предпоследнего Кошевого Войска Черноморского Захария Алексеевича Чепиги.
26	Ср.	8	Собор Пресвятой Богородицы.	
27	Чт.	9	Первомуч. Стефана. Федора.	
28	Пт.	10	Ап. Никанора. Мцц. Домны, Агафии.	1720 г. 21 д.-3 ян. Донская православная церковь перестает быть автокефальной и церковные дела по указу Петра I переходят в ведение Воронежского митрополита.
29	Сб.	11	Прп. Маркела, Марка, Феофила и Иоанна.	
30	Вс.	12	Мц. Анисии. Прп. Зотика.	1919 г. 26 д.-8 ян. Сдача Донской Армией города Новочеркасска большевикам.
31	Пн.	13	Прп. Мелании.	
1	Вт.	14	**Обрез. Господне. Св. Василия Вел.**	1919 г. 27 д.-9 ян. Оставление донскими казаками пределов своего Края. Отступление на Кубань.
2	Ср.	15	Прп. Сильвестра Печерск.	
3	Чт.	16	Прор. Малахии. Мч. Гордия.	
4	Пт.	17	Собор 70 апостол. Мч. Зосимы.	
5	Сб.	18	Прп. Григория. Прор. Михея.	
6	Вс.	19	**Богоявление Господне.**	1920 г. 5-18. Собрался Верховный Круг Дона, Кубани и Терека. созванный в столице Кубани, в г. Екатеринодаре.
7	Пн.	20	Собор св. Иоанна Крестителя.	
8	Вт.	21	Прпп. Георгия и Емилиана.	
9	Ср.	22	Свт. Петра; свт. Филиппа митр. Моск.	
10	Чт.	23	Свт. Григория. Прп. Маркиана.	
11	Пт.	24	Прп. Феодосия Великого.	
12	Сб.	25	Мц. Татианы. Свт. Саввы Сербского.	
13	Вс.	26	Прп. Иакова. Мч. Петра.	1921 г. 1-14. Соглашение в Константинополе между Правительствами Дона, Кубани и Терека, Создание Об'единенного Совета Дона, Кубани и Терека.
14	Пн.	27	Равноап. Нины просв. Грузии. Стефана.	
15	Вт.	28	Прпп. Павла Фивейск. и Иоанна Кущника.	
16	Ср.	29	Св. Петра. Св. Леонилы.	
17	Чт.	30	Прп. Антония Великого.	
18	Пт.	31	Свт. Афанасия и Кирилла.	1921 г. 12-25. Переброска частей Донского корпуса из лагерей Чаталджи на остр. Лемнос.

Ст. ст.	Дни недел.	Н. ст.	ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ	Важнейшие события из истории Казачества
19	Сб.	1	Прп. Макарий Египетский. Св. Арсения.	1778 г. 31 ян.-13 ф. Сидор Игнатьевич Билый избран первым Кошевым Атаманом Войска Черноморского („войска верных казаков") образованного, после уничтожения Запорожской Сечи, за р. Бугом.
20	Вс.	2	Прп. Евфимия Великого.	
21	Пн.	3	Прп. Максима; Агнии.	
22	Вт.	4	Свт. апост. Тимофея.	
23	Ср.	5	Смч. Климента.	
24	Чт.	6	Прп. Ксении.	
25	Пт.	7	Свт. Григория Богослова. Виталия.	
26	Сб.	8	Прп. Ксенофонта. Аркадия.	
27	Вс.	9	Свт. Иоанна Златоуста.	1918 г. 22 ян.-4 ф. Смерть донского партизана полковника Чернецова от руки вахмистра Подтелкова и поражение Голубовым Чернецовского отряда под станицей Каменской.
28	Пн.	10	Прп. Ефрема Сирина.	
29	Вт.	11	Перен. мощей Игнатия Богоносца.	
30	Ср.	12	Трех Святителей.	
31	Чт.	13	Преп. Никиты; Виктора.	
1	Пт.	14	Мч. Трифона.	28 ян.-10 ф. Провозглашение Кубанской Законадательной Радой Кубанской Народной Республики.
2	Сб.	15	**Сретение Господне.**	
3	Вс.	16	Симеона и Анны.	29 ян.-11 ф. Смерть первого, после революции, выборного Войскового Атамана Войска Донского, Алексея Максимовича Каледина.
4	Пн.	17	Исидора; Германа; Леонтия.	
5	Вт.	18	Мц. Агафии и Свт. Феодосия.	
6	Ср.	19	Свт. Вукола.	
7	Чт.	20	Прп. Парфения, Луки.	17 я.-4 ф. Собрался Назаровский Войсковой Круг. Избрание Войсковым Атаманом Войска Донского А. М. Назарова.
8	Пт.	21	Влкмч. Феодора.	
9	Сб.	22	Муч. Никифора.	
10	Вс.	23	Харлампия. Валентины.	12-25. Начало Степного Похода под командыванием Походного Атамана П. Х. Попова. Первая сдача города Новочеркасска большевикам.
11	Пн.	24	Свщмч. Власия. *Маслянца.*	
12	Вт.	25	Свт. Мелетия.	
13	Ср.	26	Прп. Зои, прп. Симеона.	
14	Чт.	27	Свт. Кирилла.	
15	Пт.	28	Апост. Онисима.	

Ст. ст.	Дни недел.	Н. ст.	ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ	Важнейшие события из истории Казачества
16	Сб.	1	Свщмч. Порфирия и Павла. Св. Даниила.	1613 г. 18 ф.-3 м. Донскими казаками Атамана Межакова возведен на русский престол Михаил Федорович, первый из дома Романовых.
17	Вс.	2	Феодора; Мариамны.	
18	Пн.	3	Свт. Льва папы рим.	
19	Вт.	4	Свт. Архипа, муч. Максима.	
20	Ср.	5	Свт. Льва, прп. Агафона.	
21	Чт.	6	Прп. Тимофея.	
22	Пт.	7	Прп. Афанасия.	
23	Сб.	8	Свщмч. Поликарпа.	
24	Вс.	9	Обретение Главы Иоанна Крестителя.	1738 г. 17 ф.-2 м. Первый наказный Атаман на Дону — Степан Ефремов, назначенный императрицей Анной Иоанновной.
25	Пн.	10	**Благовещение Пресвятой Богородицы.**	1917 г. 2-15. Первый Терский Войсковой Круг после революции.
26	Вт.	11	Свт. Порфирия.	8-21. Смещение последнего наказного Атамана на Дону графа Граббе.
27	Ср.	12	Прп. Прокопия исповед.	
28	Чт.	13	Прп. Василия; Киры; Марины.	1918 г. 1-14. Первое оставление кубанцами города Екатеринодара.
1	Пт.	14	Прпмц. Евдокии.	
2	Сб.	15	Мч. Феодота.	9-22. Расстрел большевиками члена Кубанской Рады К. Л. Бардижа.
3	Вс.	16	Мч. Евтропия; Василиска.	
4	Пн.	17	Герасима; Даниила; Вячеслава.	18 ф.-3 м. Расстрел большевиками Атамана А. М. Назарова и Е. А. Волошинова.
5	Вт.	18	Мч. Конона; прп. Марка.	
6	Ср.	19	Прп. Аркадия.	
7	Чт.	20	Василия; Ефрема.	17-30. Организован в г. Новочеркасске Казачий Союз, в противовес Военно-Революционному Областному Комитету.
8	Пт.	21	Преп. Феофилакта.	
9	Сб.	22	Свв. 40 мученников; Вивиана.	
10	Вс.	23	Киприана; Галины.	1919 г. 20 ф.-5 м. Смерть в Новочеркасске Донского писателя Р. П. Кумова.
11	Пн.	24	Свт. Софрония.	
12	Вт.	25	Прп. Феофана.	
13	Ср.	26	Свт. Никифора.	
14	Чт.	27	Прп. Венедикта.	
15	Пт.	28	Мчч. Никандра. Агапия.	
16	Сб.	29	Мч. Трофима.	1920 г. 20 ф.-5 м. Смерть, на Кубани, Донского писателя Ф. Д. Крюкова.
17	Вс.	30	Прп. Алексия.	
18	Пн.	31	Свт. Кирилла.	

Ст. ст.	Дни недел.	Н. ст.	ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ	Важнейшие события из истории Казачества
19	Вт.	1	Мч. Хрисанфа; Клавдия.	1642 г. 3-16. Оставление донскими казаками Азова после первого взятия.
20	Ср.	2	Преп. Сергия.	
21	Чт.	3	Преп. Иакова; свт. Кирилла.	1671 г. 14-27. Арест Степана Разина Атаманом Корнелием Яковлевым и отправка его в Москву.
22	Пт.	4	Свщмч. Василия.	
23	Сб.	5	Свщмч. Никона.	1917 г. 5-18. Начало работ временного Совета Казачьих Войск в Петрограде.
24	Вс.	6	Прп. Захарии.	23 мр.-5 ап. Первый Общеказачий с'езд в Петрограде.
25	Пн.	7	Благовещение.	
26	Вт.	8	Гавриила; Аллы; Ларисы.	9-22. Войсковой Казачий с'езд в г. Новочеркасске, противопоставленный военно-революционному комитету, возглавляемому Голубовым.
27	Ср.	9	Мц. Матроны.	
28	Чт.	10	Прп. Илариона; Бояна.	1918 г. 31 мр.-13 ап. Смерть генерала Корнилова под г. Екатеринодаром.
29	Пт.	11	Мчч. Марка, Кирилла.	
30	Сб.	12	Прп. Зосимы.	19 мр.-1 ап. Кавказское восстание кубанских казаков против большевиков.
31	Вс.	13	**Вербное Воскресение.**	
1	Пн.	14	Прп. Марии Египет.	1-14. Восстание на Дону против большевиков, начатое станицей Кривянской Черкасского округа.
2	Вт.	15	Поликарпа; Гавриила.	
3	Ср.	16	Прп. Никиты исповед.	Смерть М. П. Богаевского, расстрелянного в Балабановской роще г. Ростова Антоновым.
4	Чт.	17	Прп. Иосифа; прп. Георгия.	
5	Пт.	18	Прп. Платона.	
6	Сб.	19	Свт. Евтихия.	
7	Вс.	20	**Пасха Христова.**	
8	Пн.	21	Свт. апп. Иродиона.	
9	Вт.	22	Мч. Вадима.	
10	Ср.	23	Мчч. Терентия, Африкана, Максима.	
11	Чт.	24	Свщмч. Антипы.	
12	Пт.	25	Прп. Василия исповед.	
13	Сб.	26	Свщмч. Артемона.	
14	Вс.	27	Свт. Мартина; мч. Антония; Ардалиона.	
15	Пн.	28	Свт. апп. Аристарха, Трофима.	
16	Вт.	29	Мцц. Агапии и Ирины.	
17	Ср.	30	Мчч. Симеона, Адриана.	

Ст. ст.	Дни недел.	Н. ст.	ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ	Важнейшие события из истории Казачества
18	Чт.	1	Прп. Иоанна, мч. Виктора.	1708 г. 2-15. Занятие Атаманом Кондратием Булавиным г. Черкасска.
19	Пт.	2	Прп. Иоанна, прп. Никифора.	
20	Сб.	3	Прп. Феодора.	
21	Вс.	4	Мч. Феодора и матери его Филиппии.	1709 г. 19-2. Конец восстания Атамана Кондратия Булавина.
22	Пн.	5	Апп. Нафанаила, Луки и Климента.	
23	Вт.	6	Св. влкмч. Георгия Победоносца.	1629 г. 1-14. Поход Донских казаков на Крым. Взятие Бахчисарая.
24	Ср.	7	Мч. Саввы, прп. Елисаветы.	
25	Чт.	8	Св. ап. и евангелиста Марка.	
26	Пт.	9	Свщмч. Василия.	1688 г. 10-23. Казнь в г. Москве сторонников независимости Дона, Атамана Лаврентьева, Чюрносова и др. вождей донской раскольничей партии.
27	Сб.	10	Свщмч. Симеона.	
28	Вс.	11	Свт. Кирилла Туровского. Виталия.	
29	Пн.	12	Свт. 9 муч.	
30	Вт.	13	Св. Апостола Иакова Заведеева.	1696 г. 13-26. Победный бой донского флота совместно с московским в Азовском море. Гибель турецкого флота.
1	Ср.	14	Прор. Иеремии. Антонины.	
2	Чт.	15	Св. Афанасия Великого.	
3	Пт.	16	Мчч. Тимофея и Мавры.	
4	Сб.	17	Мц. Пелагии девы.	1918 г. 25 ап.-8 м. Взятие восставшими казаками Черкасского округа г. Новочеркасска.
5	Вс.	18	Великомуч. Ирины.	
6	Пн.	19	Св. Иова многострад.	28 ап.-11 м. Созыв Круга Спасения Дона.
7	Вт.	20	Прп. Иоанна и 13 уч. его.	
8	Ср.	21	Св. ап. и еванг. Иоанна Богослова.	3-16. Избрание Атаманом Войска Донского генерала П. Н. Краснова.
9	Чт.	22	Перенес. мощей свт. Николая Чудотворца.	
10	Пт.	23	Св. ап. Симона Зилота.	
11	Сб.	24	Свв. равноапост. Мефодия и Кирилла.	
12	Вс.	25	Свт. Епифания.	
13	Пн.	26	Мц. Гликерии девы.	
14	Вт.	27	Мч. Исидора; мч. Максима.	
15	Ср.	28	Прп. Пахомия Великого.	
16	Чт.	29	**Вознесение Господне.**	
17	Пт.	30	Свт. апост. Андроника; свт. Стефана.	
18	Сб.	31	Мц. Александры, Клавдии, Иулии.	

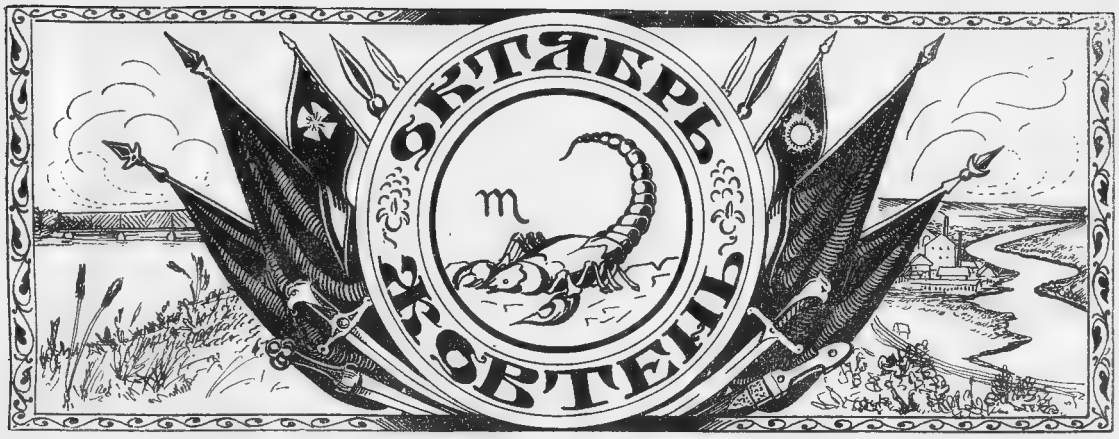


Ст. ст.	Дни недел.	Н. ст.	ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ	Важнейшие события из истории Казачества
19	Вс.	1	Прп. Корнилия.	1622 г. 26 м.-8 ин. Первый отказ донских казаков от присяги на верность царю Михаилу Федоровичу.
20	Пн.	2	Мч. Александра.	
21	Вт.	3	Св. Константина и Елены.	
22	Ср.	4	Мч. Василиска.	
23	Чт.	5	Прп. Михаила.	
24	Пт.	6	Прп. Симеона Столпника.	
25	Сб.	7	Ярополка.	
26	Вс.	8	**Св. Троицы.**	1671 г. 6-19. Казнь Степана Разина на Красной площади в г. Москве.
27	Пн.	9	**День Св. Духа.**	
28	Вт.	10	Свт. Игнатия.	1736 г. 2-15. Взятие Азова при импер. Анне Иоанновне.
29	Ср.	11	Мчц. Феодосии.	
30	Чт.	12	Прп. Исаакия.	1775 г. 4-17. Уничтожение Запорожской Сичи Екатериной II.
31	Пт.	13	Св. ап. Еремия.	
1	Сб.	14	Мч. Юстина; Валериана.	1788 г. 1-14. Бой лодочной флотилии черноморских казаков у Кинбурна.
2	Вс.	15	Свт. Никифора; Александра.	11-24. Смерть Кошевого Атамана Черноморского Войска Сидора Игнатьевича Белого.
3	Пн.	16	Мчч. Клавдия, Павла.	
4	Вт.	17	Свт. Митрофана.	1810 г. 28 м.-4 ин. Черноморцы участвуют в битве при Силистрии.
5	Ср.	18	Свщмч. Дорофея; Аполлона; Гордия.	
6	Чт.	19	Прп. Виссариона; прп. Илариона.	1917 г. 26 м.-8 ин. Первый Большой Войсковой Круг на Дону
7	Пт.	20	Мч. Феодота; мц. Марии. Антонина.	
8	Сб.	21	Влкмч. Феодора Стратилата.	13-26. Учреждение Совета Союза Казачьих Войск в Петрограде.
9	Вс.	22	Свт. Кирилла.	
10	Пн.	23	Свщмч. Тимофея.	1919 г. 14-27. Убийство в г. Ростове Председателя Кубанской Рады Н. С. Рябовола.
11	Вт.	24	Свв. Варфоломея и Варнавы; Аркадия.	
12	Ср.	25	Прп. Онуфрия Великого. Авксентия.	1921 г. 23 м.-5 ин. Переброска казачьих частей с острова Лемноса в Балканские государства.
13	Чт.	26	Мчц. Акилины.	
14	Пт.	27	Прор. Елисея. Георгия. Мстислава.	
15	Сб.	28	Прп. Иеронима; Августина.	
16	Вс.	29	Прп. Тихона Луховского.	
17	Пн.	30	Мч. Мануила; Василия.	

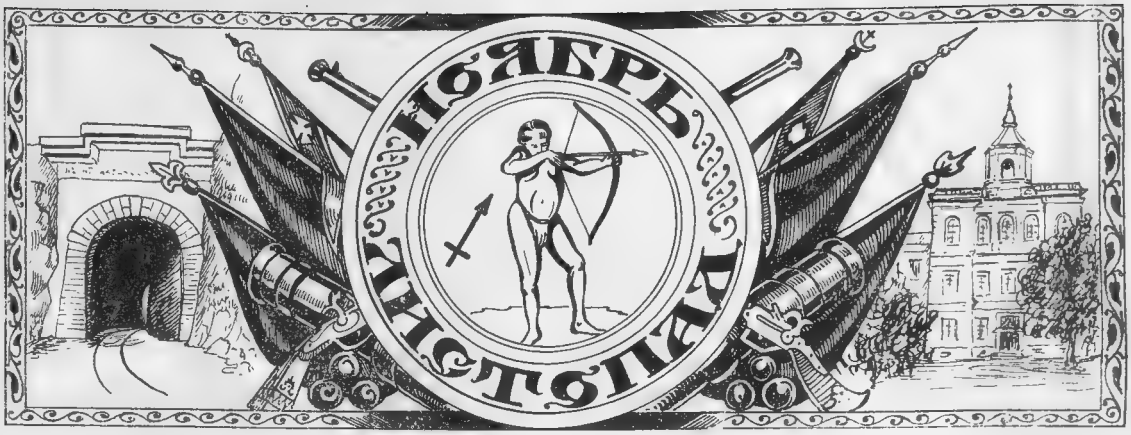
Ст. ст.	Дни недел.	Н. ст.	ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ	Важнейшие события из истории Казачества
18	Вт.	1	Мч. Леонтия.	1637 г. 19 ин.-2 ил. Первое взятие казаками Азова, под начальством Атам. Михаила Татаринова.
19	Ср.	2	Мч. Зосимы.	
20	Чт.	3	Свщмч. Мефодия.	
21	Пт.	4	Свщмч. Терентия.	
22	Сб.	5	Мч. Зиноны, мч. Евсевия.	1670 г. 25 ин. - 5 ил. Взятие войсками Степана Разина Астрахани.
23	Вс.	6	Мц. Агрипины.	15-28. Поход Степана Разина на Россию.
24	Пн.	7	**Рождество Иоанна Крестителя.**	
25	Вт.	8	Мц. Февронии.	1696 г. 18-31. Взятие донскими казаками, совместно с русскими, г. Азова при импер. Петре I.
26	Ср.	9	Прп. Давида.	
27	Чт.	10	Прп. Самсона.	1708 г. 19 ин. - 2 ил. Приказ импер. Петра I кн. В. Долгорукому о беспощадном истреблении донских казаков и их станиц, поддержавших восстание Атамана Кондратия Булавина.
28	Пт.	11	Прп. Павла.	
29	Сб.	12	**Св. Ап. Петра и Павла.**	7-20. Смерть Атамана Кондратия Булавина.
30	Вс.	13	Собор 12 Апостолов.	1709 г. 27 ин.-10 ил. Донское Войско под командой Атамана Фрола Минаева в Полтавской битве.
1	Пн.	14	Свв. Космы и Дамиана; св. Льва.	
2	Вт.	15	Положение ризы Пресвят. Богородицы.	1788 г. 1-14. Бой черноморских казаков под Очаковым. Поражение ими турецкого флота.
3	Ср.	16	Свт. Анатолия, прп. Александра.	
4	Чт.	17	Свт. Андрея Критского.	1789 г. 18 ин.-1 ил. Участие черноморских казаков при взятии крепости Бендеры.
5	Пт.	18	Прп. Афанасия; прп. Сергия.	
6	Сб.	19	Св. Валентина.	1797 г. 2-15. Павлом I назначен 1-ый наказный Ат. Черноморск. Войска Тимофей Котляревский.
7	Вс.	20	Св. Андрея.	
8	Пн.	21	Влкмч. Прокопия.	1917 г. 18 ин.-1 ил. Избрание Донс. Войс. Кругом 1-го, после революции, Выборного Атам. Алексея Максимовича Каледина.
9	Вт.	22	Свщмч. Панкратия, свт. Феодора.	
10	Ср.	23	Прп. Антония; Вианора.	
11	Чт.	24	Блаж. кн. Ольги.	
12	Пт.	25	Мчч. Прокла и Илария. Св. Арсения.	
13	Сб.	26	Собор Архангела Гавриила.	
14	Вс.	27	Прп. Стефана.	
15	Пн.	28	Св. кн. Владимира.	
16	Вт.	29	Свщмч. Афиногена.	
17	Ср.	30	Влкмч. Марины.	
18	Чт.	31	Свщмч. Емилиана.	

Ст. ст.	Дни недел.	Н. ст.	ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ	Важнейшие события из истории Казачества
19	Пт.	1	Серафима; Романа.	1584 г. 5-18. Смерть Ермака Тимофеевича — покорителя Сибири.
20	Сб.	2	Св. пророка Илии.	
21	Вс.	3	Прп. Симеона.	1708 г. 26 ил.-8 ав. Занятие русскими войсками кн. В. Долгорукого города Черкасска. Конец восстания Атамана Кондратия Булавина.
22	Пн.	4	Св. равноап. Марии Магдалины.	
23	Вт.	5	Мчч. Трофима и Феофила.	
24	Ср.	6	Мчц. Христины; свв. Бориса и Глеба.	
25	Чт.	7	Успен. св. Анны.	
26	Пт.	8	Свщмч. Ермолая.	
27	Сб.	9	Пантелеймона; Климента.	1722 г. 18-31. Донские казаки совместно с калмыками принимают участие в Персидском походе, предпринятом Петром I-ым.
28	Вс.	10	Св. ап. Прохора.	
29	Пн.	11	Мч. Каллиника.	
30	Вт.	12	Св. ап. Силы.	
31	Ср.	13	Св. и правед. Евдокима.	
1	Чт.	14	Маккавеи.	1914 г. 19 ил.-1 ав. Начало Мировой войны.
2	Пт.	15	Перенесение мощей св. Стефана.	
3	Сб.	16	Прп. Исаакия.	1917 г. 15-28. Декларация двенадцати казачьих Войск, прочитанная на Московском совещании Донским Атаманом А. М. Калединым.
4	Вс.	17	Мчц. Евдокии; св. Максимиллиана.	
5	Пн.	18	Св. Нонны.	
6	Вт.	19	**Преображение Господне.**	
7	Ср.	20	Прп. Пимена Печерского.	
8	Чт.	21	Свт. Емилиана; св. Леонида.	
9	Пт.	22	Св. ап. Матфия; св. Алексия.	
10	Сб.	23	Мч. Лаврентия.	1918 г. 16-29. Сформирование регулярной, молодой Донской Армии.
11	Вс.	24	Прп. Феодора.	
12	Пн.	25	Св. Фотия.	
13	Вт.	26	Прп. Максима.	
14	Ср.	27	Св. Михея.	
15	Чт.	28	**Успен. Пресвят. Богородицы.**	2-15. Освобождение г. Екатеринодара от большевиков.
16	Пт.	29	Пер. иер. Образа.	
17	Сб.	30	Мч. Мирона; св. Стратона.	1919 г. 5.-18. Кавалерийский рейд Донского конного корпуса генерала Мамонтова в глубь России.
18	Вс.	31	Мчч. Флора и Лавра.	

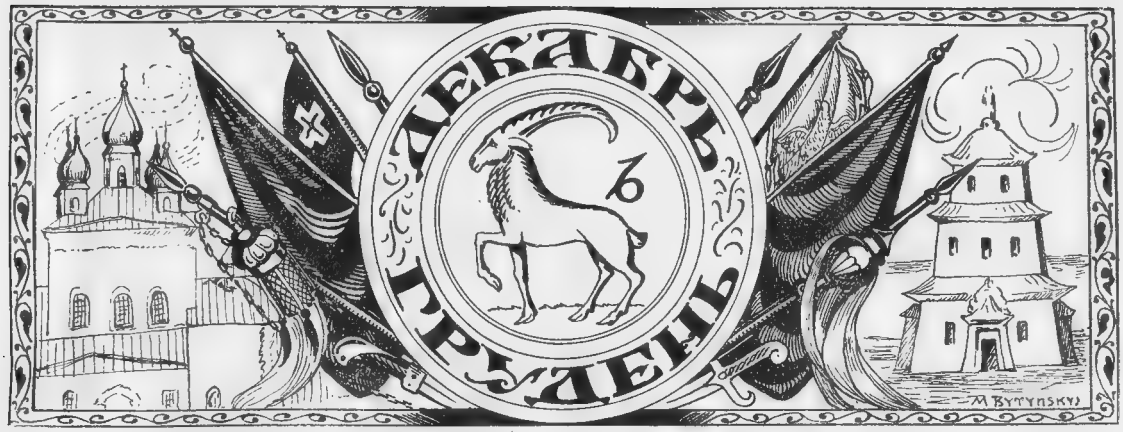
Ст. ст.	Дни недел.	Н. ст.	ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ	Важнейшие события из истории Казачества
19	Пн.	1	Свщмч. Андрея.	1581 г. 1-14. Начало похода Атамана Ермака Тимофеевича в Сибирь.
20	Вт.	2	Прор. Самуила.	
21	Ср.	3	Св. апост. Фаддея.	
22	Чт.	4	Мч. Агафоника.	
23	Пт.	5	Свщмч. Иринея.	1671 г. 29 ав.-11 с. Присяга Дона царю Алексею Михайловичу.
24	Сб.	6	Свщмч. Евтихия.	
25	Вс.	7	Св. ап. Тита.	1761 г. 13-26. Основание на Дону крепости св. Димитрия Ростовского (впоследствии Ростова-Дону).
26	Пн.	8	Мчч. Адриана и Наталии.	
27	Вт.	9	Пр. Пимена.	
28	Ср.	10	Св. прав. Анны; св. Даниила.	
29	Чт.	11	**Ус. Гл. Иоанна Крестителя.**	1792 г. 25 ав.-7 с. Прибытие на Тамань Черноморских казаков под командою полковника Саввы Билого.
30	Пт.	12	Свт. Александра.	
31	Сб.	13	Свт. Геннадия.	
1	Вс.	14	Прп. Симеона.	1804 г. 23 ав.-5 с. Закладка города Новочеркасска.
2	Пн.	15	Мч. Маманта.	
3	Вт.	16	Свщмч. Анфима.	1808 г. 5-18. Казнь полковника Донского Войска, Евграфа Грузинова — сторонника независимости Дона.
4	Ср.	17	Свщмч. Вавилы.	
5	Чт.	18	Елизаветы; Раисы.	
6	Пт.	19	Прп. Архиппа.	31 ав.-13. Временное Правительство об'являет Атамана Каледина поднявшим бунт.
7	Сб.	20	Свщмч. Созонта.	
8	Вс.	21	**Рождество Пресв. Богородицы.**	1-14. Арест генерала Корнилова Временным Правительством.
9	Пн.	22	Свв. Иокима и Анны.	
10	Вт.	23	Свтт. Петра и Павла — Никейских.	10-23. Войсковой Круг Дона, на требование Временного Правительства, отказывается выдать Атамана А. М. Каледина.
11	Ср.	24	Прп. Феодоры; св. Димитрия.	
12	Чт.	25	Свщмч. Автонома.	
13	Пт.	26	Свщмч. Корнилия; св. Зотика.	
14	Сб.	27	**Воздв. Чест. Креста Господня.**	1918 г. 15-28. Установление Основных законов Всевеликого Войска Донского. Утверждение Донского Герба и национального флага.
15	Вс.	28	Мч. Никиты.	
16	Пн.	29	Вмч. Евфимии.	
17	Вт.	30	Свв. мц. Софии, Веры, Надежды и Любви.	



Ст. ст.	Дни недел.	Н. ст.	ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ	Важнейшие события из истории Казачества
18	Ср.	1	Мчц. Ирины; св. Аркадия; св. Ариадны.	1641 г. 1-14. Отступление турецких осадных войск от Азова. Победа донских казаков. Конец бессмертного Азовского сидения.
19	Чт.	2	Мчч. Трофима, Савватия.	
20	Пт.	3	Мч. Михаила; Олега.	
21	Сб.	4	Св. ап. Кодрата.	
22	Вс.	5	Свщмч. Фоки, прор. Ионы.	1671 г. 4-17. Поражение Степана Разина московскими войсками под г. Симбирском. Ранение Степана Разина.
23	Пн.	6	Мч. Андрея; Антонина.	
24	Вт.	7	Св. Феклы, прп. Никандра.	
25	Ср.	8	Прп. Евфросинии.	
26	Чт.	9	Прест. св. ап. Иоанна Богослова.	1707 г. 9-22. Начало восстания атамана Кондратия Булавина.
27	Пт.	10	Мч. Калистрата.	
28	Сб.	11	Прп. Харитона.	1760 г. 27 с.-10 ок. Окончательное поражение немцев донскими казаками Походного Атамана Краснощекова. Вступление в Берлин.
29	Вс.	12	Прп. Кириана.	
30	Пн.	13	Свщмч. Григория.	
1	Вт.	14	**Покр. Пресв. Богор. Всеказачий празд.**	
2	Ср.	15	Свщмч. Куприана. Св. Давида.	
3	Чт.	16	Свщмч. Дионисия.	
4	Пт.	17	Свщмч. Иерофея; св. Вероники.	1854 г. 13-26. Геройский приступ черноморских пластунов у Балаклавы в Севастопольскую компанию.
5	Сб.	18	Свщмч. Харитины.	
6	Вс.	19	Св. ап. Фомы.	1917 г. 29 с.-12 ок. Первая Куб. Краев. Рада после революции.
7	Пн.	20	Мчч. Сергия и Вакха.	
8	Вт.	21	Прп. Пелагии.	5-18. Кубан. Рада провозглашает независимость Кубани от Всеросс. Времен. Правительства.
9	Ср.	22	Св. ап. Иакова; прп. Андроника.	
10	Чт.	23	Мч. Евлампия.	1918 г. 20 с. 3 ок. Большим Войсковым Кругом Дона одобрен Войсковой Гимн.
11	Пт.	24	Св. ап. Филиппа; св. Зинаиды.	
12	Сб.	25	Мчч. Прова и Андроника.	19 с.-2 ок. Принят Донским Войсковым Кругом закон о предоставлении казачьих прав не только отдельным лицам, но и целым слободам.
13	Вс.	26	Мч. Карпа.	
14	Пн.	27	Мч. Назария; прп. Параскевы.	
15	Вт.	28	Прмч. Лукиана.	
16	Ср.	29	Мч. Лонгика.	
17	Чт.	30	Свв. Космы и Дамиана.	1920 г. 17-30. Сдача Перекопа большевикам.
18	Пт.	31	Св. ап. и еванг. Луки.	



Ст. ст.	Дни недел.	Н. ст.	ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ	Важнейшие события из истории Казачества
19	Сб.	1	Прп. Иоанна.	1581 г. 26 ок.-2 н. Занятие Ермаком Тимофеевичем столицы Сибири — Искера. 1612 г. 22 ок.-4 н. Смутное Время. Взятие донскими казаками Атамана Тимофея Межакова Китай-Города. 1788 г. 7-20. Взятие черноморскими казаками крепости Березани, под начальством Войскового Судьи Антона Головатого. 1792 г. 29 ок.-11 н. Приход на Кубань Черноморцев во главе с Атаманом Чепигой. 1919 г. 7-20. Смерть А. И. Кулабухова, члена Кубанской Краевой Рады. 1920 г. 5-18. Оставление казачьими войсками Крыма. 1920 г. 10-23. Начало высадки эвакуированных из Крыма казачьих частей в г. Константинополе.
20	Вс.	2	Влкмч. Артемия.	
21	Пн.	3	Прп. Илариона.	
22	Вт.	4	Казанской Бож. Матери.	
23	Ср.	5	Св. ап. Иакова.	
24	Чт.	6	Мч. Арефы.	
25	Пт.	7	Мч. Маркиана.	
26	Сб.	8	Влкмч. Димитрия,	
27	Вс.	9	Прп. Нестора.	
28	Пн.	10	Мчч. Африкана, Терентия, Максима.	
29	Вт.	11	Мч. Анастасии.	
30	Ср.	12	Свщмч. Зиновия.	
31	Чт.	13	Прп. Спиридона.	
1	Пт.	14	Св. Космы и Дамиана.	
2	Сб.	15	Мч. Акиндина.	
3	Вс.	16	Мч. Иосифа.	
4	Пн.	17	Свщмчч. Никандра и Ермея.	
5	Вт.	18	Мч. Галактиона.	
6	Ср.	19	Св. Павла; св. Германа.	
7	Чт.	20	Мч. Никандра.	
8	Пт.	21	Собор Архистратига Михаила.	
9	Сб.	22	Мч. Онисифора.	
10	Вс.	23	Мчч. Ореста и Константина; св. Ераста.	
11	Пн.	24	Мч. Виктора; св. Викентия.	
12	Вт.	25	Свт. Иоанна.	
13	Ср.	26	Св. Иоанна Златоуста.	
14	Чт.	27	Св. ап. Филиппа.	
15	Пт.	28	Свщмч. Гурия.	
16	Сб.	29	Св. ап. Матфея.	
17	Вс.	30	Свт. Григория.	



Ст. ст.	Дни недел.	Н. ст.	ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ	Важнейшие события из истории Казачества
18	Пн.	1	Мчч. Платона и Романа.	1736 г. 30 н.-13 д. Победа донских казаков под начальством Краснощекова и Ефремова, совместно с калмыками Дундука-Омбу над Жетукульской татарской ордой на Кубани.
19	Вт.	2	Мч. Варлаама.	
20	Ср.	3	Прп. Григория.	
21	Чт.	4	Введен. во храм Пресвят. Богородицы.	
22	Пт.	5	Свв. апп. Филимона и Архиппа.	
23	Сб.	6	Св. кн. Александра Невск.	
24	Вс.	7	Св. великомуч. Екатерины; св. Августы.	1790 г. 20 н.-3 д. Истребление турецкого флота под Измаилом, Антоном Головатым.
25	Пн.	8	Свщмч. Климента и Петра.	
26	Вт.	9	Прп. Иакова; свт. Инокентия.	11-24. Взятие Измаила донскими и чеморскими казаками совместно с русскими войсками.
27	Ср.	10	Влкмч. Иакова: св. Всеволода.	
28	Чт.	11	Мч. Стефана.	
29	Пт.	12	Мч. Парамона.	1917 г. 20 н.-3 д. Бегство генерала Л. Г. Корнилова из Быхова на Дон.
30	Сб.	13	Св. ап. Андрея Первозванн.	
1	Вс.	14	Прор. Наума.	1-14. Арест большевиками в Петрограде членов Совета Союза Казачьих Войск.
2	Пн.	15	Прор. Аввакума.	
3	Вт.	16	Прп. Саввы.	1918 г. 4-17. Подавление Ростовского большевицкого восстания Атаманом А. М. Калединым.
4	Ср.	17	Влкмчц. Варвары.	
5	Чт.	18	Св. Анастасия.	
6	Пт.	19	Св. Николая.	1918. 5-18. Кубанская Краевая Рада приняла Кубанскую Конституцию 1918 года.
7	Сб.	20	Прп. Иоанна; св. Антония.	
8	Вс.	21	Прп. Потапия.	1918. 5-18. Куб. Кр. Рада приняла Земельный Закон.
9	Пн.	22	Св. Анны; Прп. Стефана.	
10	Вт.	23	Мчч. Мины, Ермогена и Евграфа.	
11	Ср.	24	Прп. Никона Печерск.	
12	Чт.	25	Прп. Спиридона.	
13	Пт.	26	Мчч. Евстратия и Евгения.	
14	Сб.	27	Мчч. Фирса, Левкия и Каллиника.	
15	Вс.	28	Прп. Павла.	
16	Пн.	29	Прор. Аггея.	
17	Вт.	30	Прор. Даниила.	
18	Ср.	31	Прп. Михаила; свт. Модеста; св. Викторина.	

Судьба Казачества должна быть в руках самого Казачества.

Брати-козаки, гуртуймося свій до свого!

Литературно-политический

АЛЬМАНАХ

КАЛЕНДАРЯ

„Вольного Казачества—Вільного Козацтва“.

Блещет горн огнем и золотом.
В кузне — дым и запах серный.
Мы куем свистящим молотом
Счастья кубок драгоценный.
. . . . . .

ЮРИЙ ГОНЧАРОВ.

Нужно хотя теперь выходить Казачеству на с в о ю Дорогу и этой Дороги не терять из виду ни при каких обстоятельствах ни т а м, дома, ни з д е с ь, в эмиграции. К эмиграции мы можем быть более строгими в этом отношении, ибо там, под большевиками, о собственных Дорогах Казачеству не только говорить, но и думать не разрешается.

... Формулировку политической идеологии Казачества и государственной системы Казачьих Земель должна взять на себя казачья эмиграция. Это ее долг и обязанность.

„В. К." №. 43—44, 25-IX-1929.

... Задача освобождения будет по силам Казачеству только тогда, если оно будет едино в своих политических стремлениях и действиях. Нужна внутренняя консолидация казачьих сил. Нужно в корне пресекать все попытки к дроблению Казачества. Надо оставлять чужие партии и группировки и идти к своим. Казачество должно, в конце концов, собраться под свои знамена. Раскиданное по чужим группировкам, оно никакой реальной силы представлять собою не будет, — со слабыми же сейчас никто не считается. В этот ответственный момент, когда мы снова может быть стоим накануне исторических событий, мы зовем все Казачество под свои Вольно-Казачьи знамена!

„В. К." №. 40, 25-VII-1929.

ИГН. БИЛЫЙ.

Казачья Идея.

Дивіться: скрізь зворушились народи
І в бій несуть посвячені мечі, —
Щоби зламать останні перешкоди,
Щоб запалить вогонь Свободи
У ночі...
Дивіться: вже у чорному безсиллю
Конають скрізь насильники брудні, —
Останній раз в страшну для себе хвилю
В кровавому лютують божевіллю
У борні...
Дивіться ж всі і знайте: із темряви
Повстав і мій потоптаний нарід
Та йде туди через іспит кровавий,
Де сяє Волі й Слави
Заповіт!..

М. О—ч.

Исторические события последних пятнадцати лет, — лет Мировой войны и послевоенных договоров; лет поражения и распада Великих Империй Средней и Восточной Европы; лет возрождения и созидания новых государств под защитой идеи самоопределения народов; наконец, великие события последних двенадцати лет, — лет небывалых по своим размерам и последствиям революционных потрясений на землях б. Российской Империи, — все это застало Казачество слишком мало подготовленным к тому, чтобы быть активным суб'ектом развернувшихся событий. В бушующем море великих исторических событий Казачество оказалось утлым челном без руля и без ветрил, без ясного осознания себя, как отдельной национальной особи со своими собственными политическими целями и заданиями, без твердо направленной на их достижение волевой деятельности. Посторонние, чужие, по большей части враждебные Казачеству силы бросали его из стороны в сторону, не щадя его крови и... кармана.

Когда то вольные казачьи общины-республики, потом покоренные и разгромленные Петром и Екатериною, силой запряженные в ярмо российской имперской государственности, в продолжении двух последних столетий — казаки были почти безгласным, хотя и первосортным материалом для... расширения и охраны границ Империи, для бесконечных русских войн... Неограниченная, самодержавная центральная власть, управляя и создавая имперскую Россию по единонеделимческому сословно-чиновничьему плану, нашла в нем соответствующее место и буйным казачьим племенам. Казаки — в о е н н о - с л у ж и л о е с о с л о в и е, казаки — авангард российской государственности в ее территориальном и колонизационном росте, казаки — слуги и опора царя, — вот российское имперское разрешение казачьего вопроса. В годы наибольшего блеска, величия и силы императорской России, ее верховная власть допускала только такое и только единственное понимание казачьей идеи, — как идеи бескорыстной службы Государству. Московский палач твердою рукою снимал с плеч непокорные казачьи головы, а глухой ропот казачьей „вольницы" заглушался начальническим окриком обласканной Москвою старшины. Российская наука решительно боролась „с развратным мнением, почитающим казаков за народ от российского отличный", и даже совершенно невинное, об'ективное исследование казачьей старины рассматривалось, как тягчайшее государственное преступление. Казачество и на свое прошлое должно было смотреть глазами московскими.

Идеологически раздробленное, с интеллигенцией, воспитанной в общероссийском духе, Казачество ко времени переживаемых нами ныне событий оказалось во мнении всей России, да, иногда, и в своем собственном, действительно ни чем иным, как лишь специальным „с о с л о в и е м",

обязанным нести службу интересам Российского государства, как их понимала имперская власть.

Постепенный упадок сословной императорской России, громы первой Российской революции 1905 года уже тогда поставили перед Казачеством вопрос его дальнейшего бытия. Но только Мировая война и последовавшая вскоре революция 1917 года открыли для Казачества подлинный трагизм его положения.

Если Казачество действительно только сословие, то революция, сносящая все сословные перегородки, уничтожающая самое понятие сословий, неминуемо должна была привести к уничтожению и „казачьего сословия", к расказачению казаков и слиянию их с остальным населением по национальному или экономическому признакам. Удерживание обособленности Казачества, с точки зрения общероссийских интересов, являлось вредной реакционной затеей, ничем неоправдываемой. Так на казачий вопрос смотрела после революции вся российская общественность, так смотрели и смотрят большевики. Само Казачество, однако, такого решения для себя не приняло и начало искать иные решения своего вопроса.

Сословно-служебная роль, навязанная Казачеству императорской Россией, кончилась. Однако, Казачество не захотело самоуничтожиться, расказачиться. Под влиянием воли пробудилось в Казачестве сознание своей не сословной, а политически-племенной особенности; из глубины казачьих масс вышла на явь старая, здоровая традиция своей казачьей государственности. Казачество восстанавливает Раду и Войсковые Круги, выбирает Войсковых Атаманов и создает Войсковые Правительства. Активной защитой своих прав еще при Временном Всероссийском Правительстве, кровавой борьбой с большевицким Московским правительством и принятием своих Конституций Казачьи Земли самоопределяются фактически как отдельные от России государственные организмы.

Однако, творческий порыв и энтузиазм Казачества, давшие такие блестящие результаты, как освобождение своих Краев от московских большевиков и утверждение в них своей власти, — в конце концов не принесли Казачеству желанной воли. Слишком еще слаба была возродившаяся идея казачьей государственности, слишком еще были сильны в руководящих вéрхах Казачества традиции сословно-служебные, всероссийские. С ростом отогретой на груди Казачества всероссийской Доброволии, среди казаков, поставленных на верхи казачьих Правительств, среди казаков, воспитанных в идеях всероссийской Государственности, снова начинают преобладать идеи служебной роли Казачества для всей (старой) России. Основной задачей, единственной целью Казачества было, как они понимали, не внутреннее устройство своих Краев, не защита границ Казачьих Земель, не создание казачьей Державы, а „спасение" в с е й России, отвоевание у большевиков Москвы. Эти казачьи вожди-общероссы, пользуясь специфическими обстоятельствами времени, подменили священные задачи оборонительной борьбы Казачества против завоевателей большевиков на цели общероссийской реакции и контр-революции. Связали казачье дело с чужим ему делом и погубили его.

Ныне — Казачество в своих Краях пребывает в положении населения Земель, покоренных неприятелем. Ныне на отобранных у Казачества землях Московская советская власть поселяет только ей угодные элементы. Ныне Казачество так и настолько расказачивается, что даже самое имя к а з а к теперь признается только за киргиз-кайсаками. Казачий уклад жизни, казачий быт, культура, казачья песня, казачье сознание — все это подвергается гонениям, все это беспощадно ломается или насильно искажается. Казачество подгоняется под „всесоюзный" аршин. Казачество осудили т а м на уничтожение.

Однако, безнадежному отчаянию не должно быть места в казачьих сердцах. Нет такого тяжелого положения, из которого твердая, ясная воля не вывела бы народы. „Правда побеждает", говорит девиз чешского народа, народа еще не так давно казалось бы безнадежно затиснутого во враждебные тиски, а ныне торжествующего, процветающего. Осознание себя и своих целей, укрепление воли к жизни и деятельности, продуманной и рассчитанной, не до-

пустят и Казачество к гибели и приведут к конечному торжеству Казачьей Идеи.

Казачья Идея прежде, в начале истории, имела в своем содержании моменты: этнический и государственно-политический. Позже, под властью русских царей, она сводилась, как мы уже сказали выше, все больше и больше к идее „служилого сословия".

Казачество не может оставаться в будущем „сословием". Оно равно не может измениться в класс в современном общем понимании этого слова, как: „рабочие", „крестьяне", „буржуазия" и т. п. Надо возобновить государственно-политическое содержание Казачьей Идеи, иначе Казачество неизбежно должно раствориться во всенивеллирующем процессе руссификации, все равно — РСФСР или будущей „новой России". Казачество, если оно хочет остаться Казачеством, должно снова стать нацией в государственно-политическом смысле этого слова. Оно должно сделаться базою и цементом государственно-политического организма — Самостоятельного, Независимого Государства — Союза Вольных Казачьих Земель.

В содержание Казачьей Идеи в настоящее время и на ближайшее будущее надо вложить первым и наиважнейшим элементом стремление поставить Казачество четвертым равноправным членом среди Восточных Славянских Народов, наравне с народами: великорусским, украинским и белорусским.

На казачьей эмиграции лежит сейчас славная и ответственная задача вести работу не только по подготовке к освобождению своих Земель из под чужой и враждебной им власти красных кремлевских оккупантов, но и выработать идеологические предпосылки, равно как и организационные принципы для воссоздания и закрепления государственности Казачьих Земель. Вне сферы советской досягаемости, в обстановке свободной европейской жизни, наша эмиграция должна строго и бесстрастно проанализировать ошибки и неудачи прошлого; должна познать Казачество, как социальное явление; должна всесторонне и основательно изучить Казачьи Земли, уразуметь их место и роль в геополитике, экономике; должна ясно формулировать Казачью Идею и наметить действительные пути к ее осуществлению.

После всего пережитого за последние пятнадцать лет, Казачество о казачьих делах может думать уже только по своему, по казачьи.

Для Казачьих Земель возможны в будущем только два пути:

или раздел этих Земель между Россией и Украиною по признаку национально-языковому, что неизбежно поведет и в одном и в другом месте к постепенной ликвидации Казачества,

или создание на всей территории Земель Европейского Казачества государства на казачьей базе.

Первый путь — путь ликвидации Казачества, путь ухода его с исторической сцены.

Второй путь — начало эпохи ренессанса и гарантия дальнейшего развития и нового исторического бытия Казачества.

Если Казачья Идея не усвоит себе государственно-политического содержания, исторические события пойдут мимо Казачества и будут развиваться по линии борьбы на Казачьих Землях двух главных национально-языковых групп: русской и украинской. Кровавая, вооруженная борьба для решения этого вопроса на Казачьих Землях закончилась бы, повторяем, уничтожением Казачества и разделом Казачьих Земель между Россией, Украиною и, возможно, Кавказом.

Половина всех Казачьих Воск б. Р. империи (шесть) и 85% всего числа казаков населяет непрерывную компактную территорию и составляет на ней основную массу населения. Каждое казачье Войско имеет, правда, свои собственные государственно-политические традиции, свою историю, свой быт и характер. Идея единства Казачества, тем не менее, возможна, но могла бы быть осуществлена только на почве государственно-политической. На почве языка, нап., единство невозможно. Всякая политика, которая стремилась бы создать из Казачества одноязычный коллектив, неизбежно привела бы к разделению Казачества. Только абсолютное равноправие и равноценность среди Казачества тех разных языков, на которых говорят казаки (и др. народы, населя-

ющие К. Земли) может сохранить Казачество. Недопустима в какой бы то ни было форме насильственная русификация или украинизация. Если бы это условие не было выполнено, началась бы гибельная внутренняя борьба из за языка.

Государства создаются не по одному только национально-племенному признаку. Чистые национально-племенные государства возможны на территориях лишь с однородным национальным населением. Территории со смешанным населением или делятся по национально-племенному признаку между соседями или служат основанием для создания государств типа Северо-Америк. С. Штатов, Швейцарии и т. п.

Казачьи Земли в национально племенном отношении (если брать к тому же и неказачье население) — довольно пестрая шахматная доска, произвести размежевание на которой по национально-племенному признаку было бы задачей даже в общем виде трудно разрешимой. Поэтому государственность Казачьих Земель может итти в будущем только путем С. Америки, Швейцарии и др. подобных разноплеменных государств.

Вооруженную борьбу 1917-20 годов Казачество проиграло. Проиграло потому, что проиграло, или вернее не сумело выиграть ее политически. Военная неудача прошлой войны — прямое следствие отсутствия у Казачества своей ясной и определенной политической программы борьбы. В огне и буре революции рождалась Казачья Идея, намечались контуры Казачьей Программы, но в самый решительный момент, в момент, когда решалась судьба Казачества, иные силы, другие связи оказались сильнее молодой, не овладевшей еще массами Казачьей Идеи. И потому Казачество, часто невольно, но тем не менее служило чужим идеалам, свою прекрасную боевую силу и мощь своей экономики отдало на достижение чужих целей.

Но, Казачество не проиграло своей борьбы за освобождение. Напротив, оно ее только начинает. Ибо ни один народ, осознавший себя национально и раз начавший активную борьбу за свое национальное освобождение и государственную самостоятельность, никогда еще не прекращал ее раньше, чем не достиг своих целей. Торжество правды и справедливости в таких случаях обеспечено всегда, — вопрос только во времени и в цене: когда и какой ценой удается этого достигнуть. Народы погибают только те, которые не умеют бороться. (Инстинкт самосохранения присущ народам может быть в большей степени, чем отдельным физическим лицам).

Возможно, что нам, Казачеству, суждены еще отдельные поражения, но мы знаем, что будут и успехи и, что главное, обеспечен конечный успех. От самого Казачества во многом будет зависеть — когда он наступит.

Сейчас мы придушены. Но, идея возрождения Казачества жива и живуча: раз родившись, она не умрет. Она растет и развивается. Иногда скорее, иногда медленнее, смотря по внешним обстоятельствам, смотря по тому, какие внутренние силы самого Казачества становятся около нее „нянькой". Кладется камышек за камышкем, устраняется все лишнее, выравниваются неправильности и шероховатости и остается в конце концов только нужное, действительное.

Посмотрим, напр., как росла и развивалась Казачья Идея, идея Казачьей Государственности, за последние десять лет.

Вспомним события 1917-20 годов там, на родных наших Землях. Не были они однообразны, не были бедны содержанием. Слишком полны были содержанием, часто драматическим. А что осталось от всех тех событий жить? Только то яркое, что связано с идеей государственной самостоятельности, с обособлением Казачьих Земель, с возрождением Казачества. Из всей Донской Конституции лучше всего помнят ее первую статью: Дон есть самостоятельное государство. Сохранили флаг, герб, помнят Донскую Армию, — словом живут до сих пор и будут жить аттрибуты государственности. Так же точно у Кубанцев, так и у других. „Ты, Кубань, Ты — наша Родина" — уже никогда не перестанут петь. Никто не скажет сейчас, оглядываясь назад: „жалко, что не довели Деникина до Москвы", но каждый в тайниках своей души не раз пожалел, что не сумели казаки отстоять своей государственной самостоятельности. Забыты все декларации на те-

му „мысля себя неразрывно связанным с Россией...“ и тем острее вспоминается: ... „Ныне же Кубанский Край управляется волею своего народа...“

Забываются и забудутся все (хотя может быть и напрасно!), кто боролся против казачьей государственности. Не забудутся те, кто боролся и пал при ее защите. Филимонова забудут и песен о нем петь не будут. Рябовола и Кулабухова не забудут.

Каледин стоял на распутьи между служением России и служением Казачеству. О первом Каледине уже забыли, о втором не забыли и не забудут. Напротив, теперь только это второе и видят в нем.

Краснова самостийника помнят. Краснова единонеделимца и русского монархиста забыли.

О правоверных кадетах из донских казаков: Харламове, Каклюгине, Парамонове забыли и не вспомнят.

О „кадете“ Бардиже никто уже не помнит, но Бардижа 1917—18 годов, Бардижа — организатора первых на Кубани курінів Вільного Козацтва не забудут.

О русском интеллигенте Митрофане Богаевском забыли, о Митрофане Богаевском — баяне донского Казачества никогда не забудут...

Не забыты ни Рада, ни Круг. И уже никогда не забудутся ни там, ни здесь. Забыты здесь и там миллионы высокопарных прокламаций всех и всяческих „освагов“, но все помнят и знают единственный „Родимый Край“ Ф. Крюкова.

Обратимся к казачьей эмиграции. Здесь лучше всего проследить постепенный разрыв Казачества не только с русской эмиграцией, но и с российским единонеделимчеством вообще. Русские программы казаков уже не интересуют. Даже наиболее яркие сторонники Деникина — Врангеля в 1918—20 годах постепенно отошли от них самих (или наследников их, — все равно) и их идеологии. О них самих забывают. Никто из казаков не интересуется серьезно Кириллом или Милюковым, Кутеповым или Керенским.

Возьмите казачью прессу заграницей. Попробуйте проследить по ней, чем интересуется казачья эмиграция, что ее захватывает, что считает она своим, родным.

Давно уже забыто „Казачье Слово“ с его Красновско-Богаевской программой: „путь Казачества домой лежит через Москву“. Не менее основательно забыты и сменившие его (всего только названием) „Казачьи Думы“.

Умер и не воскреснет „Путь Казачества“ В. А. Харламова — орган русских кадетов (Милюкова) для донских казаков (а пять лет, ведь, располагал такими большими средствами!).

Принужден был изменить заглавие „Вестник Казачьего Союза“ на „Родимый Край“. Авторы этой замены, очевидно, придавали большое значение названию. Имеет значение, конечно, и название, но суть дела прежде всего во внутреннем содержании. Содержание же „Р. К.“ ничем не отличается от содержания покойного „Вестника“.

Все эти печатные органы умерли или умирают потому, что по существу они казакам чужие и чуждые. Они не могли не только захватить, но и вообще привлечь к себе серьезное внимание казачьей эмиграции. Ибо не было у них с в о е й казачьей идеи, все они служили или служат идее чужой, оперируют с отмирающим, хотят воскресить то прошлое, от которого Казачество уходит, что забывается.

Каждый народ может увлечься только с в о е й национальной идеей. Каждый народ может проливать свою кровь, защищая только с в о и интересы. Все лучшие свои силы народ может принести в жертву только на алтарь с в о е г о освобождения. Так и Казачество. Никто и ничто его уже не поднимет идти класть свои головы за интересы чужие. Только Казачья Идея может увлечь Казачество, только свою Казачью Программу будет защищать Казачество в будущем.

Вот почему имел успех в первые времена казачьей эмиграции „Голос Казачества“.

Вот почему повстало „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“. Возродилась Казачья Идея. „В. К.“ заговорило живым языком о живом; поставило себе задачу продолжать то, что не умирает; собрать то, что не забывается. „В. К.“ снова и дальше кует Казачью Программу. Этим оно привлекло к себе все наиболее активное среди Казачества, всех тех, кто не ушел от Казачества, а думает прежде всего о нем;

„В. К." пошло в самую гущу Казачества и понесло ему решение Казачьего Вопроса.

Так, пусть медленно, но неуклонно формируется Казачья Идея, складываются элементы Казачьей Программы.

Первым и основным вопросом Казачьей Программы — программы „Вольного Казачества — Вільного Козацтва" — стоит очередная задача настоящего — освобождение Казачьих Земель из под власти Москвы, как бы она сейчас или в будущем ни называлась, освобождение полное и совершенное.

Создание Казачьей Державы—Казакии — Свободного Союза Вольных Казачьих Земель — Республик, государства самостоятельного и ни от кого независимого — второй наиважнейший элемент Казачьей Программы.

Дальнейшим коренным вопросом Казачьей Программы должно быть решение в Казачьих Землях „крестьянского" и „иногороднего" вопроса. Для решения этого „больного" и чрезвычайно трудного вопроса необходимо сначала искреннее, полное и взаимное примирение и соглашение казаков со старым (до большевицким) иногородним и крестьянским населением, одинаково — на Дону или на Кубани, на Яике или Тереке. Старые крестьяне и иногородние должны стать казаками, т. е. такими же гражданами Казачьих Республик, как и сами казаки. Так думает В. К. Иного решения этого вопроса нет.

Установление принципа равенства основных национальностей Казачьих Земель в области национального и культурного развития — следующий бесспорный момент программы Вольного Казачества, Казачьей Программы.

Это — основы. Остальное — детали. Согласимся об основах, сойдемся и на деталях. Как бы дальше не развивалась Казачья Мысль, каковы бы кто решения Казачьего Вопроса не предлагал, намеченных основных вопросов ему не обойти. Иначе то не будет казачье решение Казачьего Вопроса. Чужие же решения этого вопроса Казачества уже не затронут — оно их отвергнет так же решительно, как отвергло все предыдущие попытки такого рода.

Когда осуществится Казачья Мечта — не знаем. Мы верим, что скоро. Во всяком случае, мы будем делать все, чтобы она осуществилась скорее. Но... судьба Казачества в руках самого Казачества. Казачья Идея восторжествует тогда, когда все Казачество станет активно защищать и осуществлять Казачью Программу.

КОНСТАНТИН ПОЛЯКОВ (Прага).

Родная Песня.

В жестокий час, когда холодный вал людской неизмеримой злобы смыл наши пастбища, станицы, хутора, когда отнял он жизнь у лучших казаков, живым осталась ты лишь утешеньем, Родная наша Песнь.

Теперь, сквозь шум волны морской, нас отделяющей от Родины Степной, сквозь крик врагов победный, мы слышим песнь далекую, родную, рожденную усталой грудью братьев угнетенных.

И в жилах наших кровь горит огнем, стучит в виски, вперед на путь свободы нас толкает, а мертвых кровь к отмщению зовет, а песня все о славе вспоминает, о прежней, будто солнце яркой славе казаков.

Она, как зеркало, в себе отобразила всю жизнь и долю их: в боях над павшими как мать рыдала, живым бойцам в сердца дух доблести вселяла, отвагой жгла казачии глаза, иль в курене на хуторке далеком из уст казачки слышалась она, когда ее в тоске по милому певала, из глаз жемчужиной катилася слеза.

Родная Песня, — над колыбелью мать ее поет, покоем стелет, тишью накрывает и маленький казак глаза покорно закрывает, и спит, и грезит тем, что ты ему сказала — Родная наша Песнь. *5-X-29 г.*

ИС. БЫКАДОРОВ.

Казакия.*)

(Историко-географический очерк).

Гл. I.

Территория Казакии до образования Хозарского государства.

Казакия — территория Востока Европы, заключающая бассейн нижних — Дона с Донцом, Волги и Яика; на юг — до Кавказского хребта. Территория эта была обитаема уже за много столетий до Р. Хр. Она являлась пространством степной полосы, через которое передвигались разные народы при переселении своем с востока на запад, из Азии — в пределы Европы. Передвижение это происходило как через Яик, так и через Кавказские проходы. Казакия была также местом длительного оседания многих народностей и существования их в составе различных государств. Нередко она представляла из себя и государственное ядро тех или иных народов. При дальнейшем уходе большей части народов из пределов Казакии на запад, часть их оставалась все же в пределах ее и, в свою очередь, смешивалась с вновь пришедшими.

Памятниками такого оседания и существования различных народностей являются бесчисленные курганы, городища и становища, разбросанные по всему пространству Казакии, изучение которых является задачей археологии.

В археологическом отношении территория Казакии почти что еще не изучена; изучению подвергались лишь места греческих городов-колоний на Азовском побережьи, главным образом Таны (близ Азова) и Фанагории (близ Тамани).

Русские и казачьи историки, одни изучая историю юга бывш. России, другие — Казачества, начинали с изучения страны в историко-географическом отношении обычно с Геродота, греческого писателя IV в. до Р. Хр. Но, у него очень мало данных о Казакии и эти данные вызывают еще и у современных историков различное понимание и толкование.

Перечисляя реки на Востоке Европы (в пределах существовавшего тогда Скифского государства), Геродот говорит: „8-ая река — Танаис, которая вытекает гораздо выше из большого озера и изливается еще в большее озеро, называемое Меотида, которая отделяет скифов царских от савроматов (сарматов). В Танаис вливается другая река, которой имя Гиргиз".

Безусловным является лишь то, что под Танаисом Геродот разумел низовье Дона; но, далее, принимал ли он за р. Дон дальнейшую часть его, Сев. Донец ли, или Маныч остается вопросом открытым как и то, какой приток разумел Геродот под названием Гиргиз.

Известно, что и в настоящее время существует река под названием Иргиз, приток Волги, но это название как и другие, встречающиеся у Геродота (Оксай, Сал) указывают лишь на преемственность названий, но, очевидно, что не эту реку он разумел под названием Гиргиз.

Далее Геродот говорит: „А как перейдешь Танаис реку, конец земли Скифской, здесь область савроматов, которые, начинаяясь от пазушья Меотиды, простираются на 15 дней сухопутья, в стране лишенной диких и насаженных деревьев; за ними две области занимают будины, земля которых покрыта лесом. Будины народ многочисленный и великий, весь белобрысый и в веснушках... У них есть город деревянный, имя ему Гелон..."

Если не представляется возможным установить, какую реку разумел в целом Геродот под именем Танаис, то нет возможности установить и границы, разделявшей сарматов от царских скифов. Не представляется возможным установить и территории сарматов (приблизительно территория Казакии). Если под будинами можно считать этническое имя какого-то народа, по мнению одних — славян, других — финнов, то названия — скифы царские и сарматы современные историки склонны считать государственно-политическим и территориальным, аналогично тому, каким до

*) Главные источники, послужившие для составления этого очерка, указаны в „Истории Казачества", ч. I. И. Ф. Быкадорова.

недавнего времени было название — русский. Является спорным, не представляли ли сарматы и царские скифы (народы, входившие в состав тех и других) этнического родства, по крайней мере в культурно-бытовом отношении: те и другие были кочевниками, в противоположность скифам-пахарям.

Мало положительных данных находится о Казакии и у позднейших греческих и римских писателей, за исходную точку бравших Геродота. Появляются новые названия, но является вопросом — названия ли это вновь пришедших народов или только новые названия уже существовавших ранее. Преемственности народов установить не представляется возможным.

Из общих исторических данных установлено, что господство в степной полосе Востока Европы около начала христианской эры перешло от скифов к сарматам, потом к готам, передвинувшимся с Балтийского побережья и образовавшим государство (IV ст.), включавшее и зап. часть Казакии. В V в. последовало нашествие гуннов из пределов Азии, которые разрушили государства готов, сами ушли на запад и образовали гуннское государство.

Исторически установлено, что часть готов осталась в степной полосе и смешалась с аланами, а часть существовала в Крыму, как отдельная народность. В гуннах одни историки видят славян, другие — тюркские народности, третьи — монгольские. В действительности гунны было и государственно-политическим названием, и в состав гуннского государства входили различные народности, и прежде существовавшие в степной полосе Восточной Европы, и вновь пришедшие из Азии (тюрки, возможно и монголы). Часть народов Гуннского государства, после ухода гуннов на запад, осталась в степной полосе. Можно с достаточной достоверностью полагать, что коренные народы в пределах Казакии существовали со времени существования Сарматского государства; оставались они в пределах ее и во время готского и гуннского владычества. После ухода на запад из пределов степной полосы болгар и аваров (кабаров), народностей, безусловно, тюркских, в VII в. по Р. Х. в пределах степной полосы Востока Европы образовалась Хозарская империя, или каганат; в пределах Казакии было государственное ядро Хозарии.

Несомненным является, что с начала христианской эры славяне и тюркские народы уже обитали в степной полосе Востока Европы от р. Дуная и до р. Яика: первые жили преимущественно в западной ее части, а вторые — в восточной, т. е. Казакии; в бассейне же Дона с Донцем (нижней и средней частях их) жили и славяне и тюрки. Господство принадлежало последним. При передвижении народов на запад, из Казакии, с другими народами, уходили славяне и тюрки, но большая часть оставалась в пределах Казакии; оставалась всегда и часть вновь пришедших из Азии. Таким путем сохранялась культурная преемственность в Казакии, и происходило (через смешение) образование новых народностей.

Предки казаков, безусловно, находились в пределах Казакии уже около начала христианской эры и они как предки народности, образовавшейся из смешения различных народностей, были многочисленны. Кроме установления общего, выше приведенного положения, нет возможности установить иных. Не представляется возможным установить ни этнического ни культурного преемства теперешних народов Востока Европы, в частности, и предков казаков от тех или иных народов, обитавших в степной полосе, ни самих этих народов.

Историками до сих пор не может быть установлена принадлежность народов, упоминаемых греческими и римскими писателями, начиная с первого века христианской эры, не только к славянским или тюркским народностям, но и принадлежность тех или иных народностей, существовавших в степной полосе Востока Европы, к кавказской или монгольской расе.

Культурную преемственность, этническую принадлежность можно установить лишь со времени образования Хозарской империи (с VII в.) Этим временем и должно ограничиться исследование о происхождении Казачества. Внедрение же в более отдаленные времена, в большие исторические глубины было бы извлечением и постановкой разных спорных исторических

вопросов и приведением не положений, а, всего лишь, предположений разных историков, различных исторических точек зрений.

Из более отдаленных времен устанавливается прочно лишь следующее историческое положение. Р. Дон и Волга имели мировое значение еще со времени существования Скифского государства: они представляли мировой водный путь из культурных стран древнего мира Востока и Запада (Малой Азии и Европы) в восточные и северные страны Востока Европы, богатые пушным зверем и металлами (Урал) и представляли один из двух существовавших в то время мировых путей из Европы в Азию (Индию). Как устанавливают археологические изыскания последнего времени, уже в начале христианской эры не только все Приуралье и Урал, но и центральная Азия — Монголия (изыскания полк. Козлова) находились под сильным культурным воздействием Греции. Области, прилегавшие к этому пути, т. е. Казакия, уже по одному своему географическому положению, представляя одно целое подвергались особо сильному влиянию и воздействию культурных народов Востока (Армении, Персии) и Запада (Греции и Рима).

Влияние Греции и воздействие ее на Казакию, особенно в западной части ее, по непрерывности, глубине и широте было главным. Греческие колонии на берегах Азовского моря, из которых главные — Танаис, в устьи Дона; Матрега (Матарха) и Фанагория, в устьи Кубани, возникли в IV в. до Р. Хр., существовали во времена скифов и продолжали существовать и во времена Хозарии.

Вновь приходившие из Азии народы и оседавшие на территории Казакии, подвергались первоначально культурному воздействию уже живших на ней народов, у которых культурные позаимствования были уже часто претворенными в свою культуру, как напр., у алан, а после подвергались и непосредственному влиянию Греции.

Таким образом, территория Казакии, народы обитавшие в ней, находились под непрерывным воздействием различных культурных народов древнего мира. Она была на путях мировой торговли и сама входила в оборот ее и поэтому своему положению, несмотря на различие народностей, обитавших в ней, она представляла единое целое.

Территория Казакии, народы обитавшие в Казакии являлись посредниками, как в торговле так и во взаимном воздействии народов Европы и Азии, она являлась передовым форпостом европейской культуры (греческой и римской), а народы обитавшие в ней первыми проводниками ее среди народов обитавших в Азии, равно как и переселявшихся оттуда и оседавших в Казакии и вообще на Востоке Европы.

Гл. II.

Казакия в составе Хозарского каганата (VII—IX ст. по Р. Хр.)

После передвижения из пределов Вост. Европы болгар, а после них и аваров (народностей тюркского происхождения, между которыми были и славянские племена), в VII ст. по Р. Хр. на Вост. Европы образовалась Хозарская империя, или каганат.

За время существования Хозарского государства сохранилось достаточное число трудов греческих и арабских писателей, которые дают возможность установить картину исторического прошлого Казакии, имеющую непосредственное отношение к истории казачества, к выяснению основных элементов, из которых оно образовалось.

Пределы Хозарской империи, в эпоху ее расцвета и могущества (IX в.) простирались на западе до Днепра, на востоке до р. Яика, на юге — до Кавказского хребта, а на севере захватывали часть лесной полосы, с г. Киевом (Куябой) на р. Днепре и Болгаром на р. Волге. В состав Хозарского государства вошли народы, уже обитавшие в пределах Вост. Европы (во время образования его и перед ним новых передвижений из Азии не происходило). В состав Хозарской империи входили славянские и тюркские народности; господство принадлежало последним. У арабских писателей Хозария нередко называлась Хозаро-славянским государством.

Ядром (собственно Хозарией являлась территория Казакии. Здесь была расположена столица Хозарии — Итиль или Балангиар (в устьи Волги) и г. Руссия, или Ар-

тана (в устьи Дона). Эти 2 города играли исключительно большую торговую роль не только для Хозарии, но, как лежавшие на торговом мировом пути того времени, и для Европы и Азии.

Другие важные торговые и культурные центры во время существования Хозарского государства образовались: на Днепре в г. Киеве (Куябе), и на средней Волге (у камских болгар) — в г. Болгаре.

Время существования Хозарской империи было временем расцвета Арабского калифата, охватывавшего пределы Азии и Африки и начинавшего захватывать и Европу. Это было время наибольшего распространения ислама. И Казакия, кроме широкого воздействия на нее греков, стала подвергаться столь же широкому торговому и культурному воздействию арабов. Областями господствующего влияния греков были прибрежные черноморские и азовские области, арабов — прикаспийские и бассейн р. Волги. Дон подвергался торговому и культурному влиянию тех и других.

Торговое влияние арабов распространялось по Волге и на лесную полосу Востока Европы до Новгорода. Поволжье — Камская Болгария и соседние народы — были под исключительным влиянием арабской торговли и культуры, вносимой через хозаров.

Повествуя вообще о Востоке Европы, некоторые арабские писатели того времени говорят о трех славянских народностях, которые были отдельными государственно-политически, как разнились и в культурно-бытовом отношении: 1) с центром — городом Киевом; 2) в Славии (Новгороде) и 3) в Руссии (или Ар-Тане).

Арабские источники устанавливают существование славян-руссов на Азовском побережьи, в составе ядра Хозарии (т. е. Казакии) и указывают главный город их Руссию (Артану); некоторые и р. Дон называют рекой руссов.

Имеется у арабских писателей указание и на жительство на Таманском полуострове, образуемом рукавами — устьями р. Кубани (Вардана). Указывается и численность их (в 100 тысяч), при чем отмечается отсутствие у них земледелия: существовали они военной добычей. Вероятно это был просто лагерь руссов (сечь), а число, по древнему обычаю, сильно преувеличено По сведениям арабских писателей руссы широко участвовали в торговле Хозарии, с торговыми целями посещали и Итиль и Камский Болгар и другие города даже самого Арабского Калифата. Они представляли воинственный народ с прочной организацией, совершавший морские и речные походы.

Некоторые арабские писатели говорят, что руссы говорили тем же языком, что и славяне, но особым наречием.

Украинский проф. Шелухин *) в своем специальном исследовании устанавливает, что собственно руссы были народностью, вышедшей из Галии (гальской или кельтской), появилась она в Приазовьи во времена владычества Рима над Грецией, следовательно и на Черноморском побережьи. Русы (rutheni) стали во главе части славян (Приазовья, Казакии), смешавшись с ними, они передали им и свое имя и свои культурно-бытовые основы. Эта новая теория происхождения руссов (руси) еще не прошла через горнила научно-исторической критики.

Украинский же пр. Пархоменко (Харьковского ун.) устанавливает теорию, что руссы в Поднепровьи появились с Приазовья (Казакии); они то и явились главным основным элементом образования из Поднепровья Киевского или Русского государства.

Несомненно, что первоначально руссы (народность под этим названием) жили в пределах Казакии, главным образом на Азовском побережьи и в Подоньи. И это название руси (руссов) распространилось на славян, обитавших и в Поднепровьи, и прибрежной черноморской полосе (вместе с распространением господства хозар через руссов (русь) Казакии).

Этим названием русь византийские (греческие) писатели эпохи существования Хозарского государства называют весь народ, живший в пределах древней Скифии (от Дуная до Дона). По имени этого народа они и Черное море называют морем руссов (по гречески росов).

На основании свидетельств арабских и византийских писателей является несомненным существование руссов в пределах Ка-

*) Проф. С Шелухин. Звідкіля походить Русь. Прага 1929.

закии, которых современные писатели и считают главным элементом образования Киевского государства Русь по передвижении части их из Казакии. В пределах Казакии и по Волге жили и тюркские народности численно значительно превосходившие руссов, общим (этническим) названием их было, вероятно, имя — *ар*, как полагают некоторые историки с дополняющим определением: болг-ары, каб-ары, ав-ары, хоз-ары. Корень — хоз сохранился и до сих пор в слове хоз-яин, но уже с славянским окончанием; в первоначальном смысле хоз — господин, владыка и т. д. Возможно, что слово хозары первоначально обозначало господствующие, велико-ары (аналогично-царские скифы). Если хозары первоначально было этническим названием определенной тюркского происхождения народности, то вскоре оно стало общим — государственно - политическим названием всех тюркских народностей Казакии, а иногда и всех народов, живших в пределах Хозарии. Писатели эпохи существования хозарского государства и позднейшей отмечают особую группу народностей в Казакии, под названием алан асов (в русской летописи — осов, ясов, позже осетин), жившую от низовьев р. Волги до Кавказского хребта.

Асы и алане были названием почти тождественным, но последнее было названием географическим, территориальным; в состав асов (алан) входили — народность ирано-персидского происхождения, остатки готов и вероятно, славян; из смешения их и образовалась особая народность — асы (алане).

В географическом труде византийского писателя X ст. императора Константина Багрянородного, в перечислении стран Хозарии упоминаются: ближайшая к Черному морю (южнее Кубани) — Чигия, далее Папагия и Казакия (по греческому мягкому выговору и написанию Казахия), простиравшаяся от Кавказского хребта до низовьев р. Дона. Прибрежную часть Каспийского моря, по его сведениям, занимали алане. Константин Багрянородный ничего не говорит об областях между Волго-Донской переволокой, к югу и северу от нее, которые ранее занимали венгры и кабары. По сведениям Константина Багрянородного в первой половине IX в. венгры занимали пространство от Ингула до Донца, страну, называвшуюся Лебедой. Кабары же осели в то время по сев. Азовскому побережью (по р. Берде).

Казахи, представляли ту же народность, что и чиги, но численно бо́льшую. Но как в государственно-политическом смысле все тюркские народности назывались хозарами, так и в смысле этническом все народности Казакии назывались казахами, и вся страна, все территориальное ядро Хозарии, именовалось Казакией. В русских летописях все народы (кроме алан) между Доном и Кавказским хребтом неизменно назывались касогами, что являлось только видоизмененным названием — касаг, касах, казак. И только в 1380 г. в сказании о Куликовской битве впервые эти народности в русской летописи называются черкасами, и слово это в дальнейшем совершенно вытесняет слово касог.

Слово черкас ранее до 1380 г. в русской летописи применялось в замену слова черные клобуки — названия тюркских народностей, осевших на окраине Киевского государства.

Для алан тождественным названием служило название — асы, а для тюркских народностей — черкасы и казахи. Названия же чиги и кабары являлись частными названиями, иногда и заменявшими названия черкасы, казахи.

Руссы и казахи, отчасти и алане (асы), жившие в пределах Казакии и являются главными основными элементами, из которых путем смешения образовалась казацкая народность. Великороссы (преемственно с древних времен) донских казаков и всех происшедших от них до сих пор называют народным именем чига.

Во время существования Хозарского государства Казакия представляла из себя одно целое, представляя ядро государства и в экономическом и в культурном отношении, в смысле источника военной силы и средств государства. Стало оно единым целым с середины IX в. и в религиозном отношении.

На ряду с воздействием греков на Хозарию шло и воздействие арабов (как мы говорили выше). В результате этого в середине X в. Камская Болгария приняла

ислам, а вся Казакия (народы ее — руссы, казахи и алане) приняла христианство от греков.

*
* *

События начала IX ст. имели громадные последствия для Вост. Европы. Движение из-за Яика нового воинственного народа — печенегов заставило двинуться из пределов северной Казакии венгров и части кабаров (черкасов) на запад. Оседание их от Ингула до Донца, в Лебедии, самих печенегов — к востоку от них, до Яика, а севернее их — торков, оторвало окраинные области Хозарии — Поднепровье и Поволжье от Ядра Хозарии Казакии, что и явилось одним из главных факторов образования из них новых государств: из первой — Киевского (Русь), а из второй — Камско-Болгарского.

Оседание торков и печенегов не только в Хозарии оторвало окраины, но и разорвало славян (руссов) степной полосы, обособило живших в пределах Казакии (в нижнем Подоньи и на Азовском побережьи) от остальных. Эта обособленность территориальная и обособленность религиозная (руссы Казакии были христианами, а Поднепровья оставались еще язычниками) способствовали смешению руссов Казакии с другими народностями, жившими в ней, образованию нового народного организма.

Близость печенегов, удары их и вторжения в пределы Казакии принудили хозар построить на Дону крепость Саркел (835 г.). В то же время, вероятно, (возможно несколько позже) был построен и г. Ахас (Акас) в устьи Маныча. Историки различно определяли место Саркела — одни близ теперешней Цымлянской станицы, другие близ Волго-Донской переволоки. Все данные, что отвечает действительности второе предположение — Саркел (по русской летописи Белая Вежа) был близ ст. Цымлянской на правом берегу р. Дона. Подтверждением этому служат и результаты раскопок хранителя Донского Музея Х. И. Попова.

Но где бы ни был расположен Саркел, он, а также и Ахас, не могли обеспечивать плавания по Дону, т. е. пользования мировым торговым путем. Эти крепости обеспечивали лишь переправы через р. Дон. И действительно, Саркел был расположен у существующей и доныне естественной переправы (Еланской), также как и Ахас (близ Бабской), где Дон и во время половодья остается той же ширины.

Вследствие того, что Дон был под постоянными ударами печенегов, хозары должны были искать новые пути к устью Волги, к столице своей Итилю. Таким путем и явился Маныч, прорезывавший территорию казахов. От верховьев Маныча до р. Кумы несколько десятков верст. От верховья Маныча шел караванный путь к Итилю. Саркел и Ахас и прикрывали эти новые водный и караванные пути. Доказательством, что р. Маныч служила водным путем, являются археологические находки на нем предметов судоходства. Как водный путь он был известен и у арабов. Один из них, говоря про г. Руссию (Артану), указывает, что он был расположен в устьи реки, вытекающей из горы Кукайя (Кукайшр), из которой берет начало Маныч, т. е. устье Дона он считал за устье р. Маныча, т. к. он в ту эпоху имел большее значение и был более известен чем Дон.

Но низовье Дона, следовательно, и путь по Манычу все же подвержен был ударам печенегов и торков и поэтому хозары стали искать еще более безопасных путей к Итилю — р. Варданом (Кубанью). Торговая жизнь перешла из устья Дона к устью Кубани, из Руссии в Тьмутаракань (Матарху, Матригу). Этим перемещением центра торговли на юг (в целях обеспечения его от ударов печенегов) и об'ясняется кажущееся непонятное явление — нахождение центра образовавшегося позже Тьмутараканского княжества в Тьмутаракани, а не в г. Руссии (Артане).

Арабские писатели говорят о походах руссов в 913 и 943 г. по р. Дону и Волге в Закавказье. Эти походы, вне всякого сомнения, производились руссами Казакии, а не Поднепровскими, уже существовавшего в то время Русского Киевского государства. Эти походы совпали с временем, когда венгры уже передвинулись на запад, а на их место передвинулись печенеги. Поднепровье продолжало быть отрезанным от Казакии, но Доном можно уже было пользоваться как водным путем, хотя бы только для военного похода.

В пределах Казакии жили 2 народности: вблизи Азовского побережья и речным путям — руссы, а восточнее от них — казахи.

Руссы являлись торгово-промышленным населением, судоходами и мореходами, а казахи скотоводами и коневодами; существовало у них и земледелие. Эти два различных качества были в одинаковой степени присущи впоследствии Вольному Казачеству. Возможно считать, что качества мореходов и конников являются преемственными, вследствие того, что новая народность — казаки — образовались из смешения народностей, обладавших ими порознь. Возможно, что и в позднейшие времена условия жизни в Казакии вообще способствовали сохранению и развитию у населения качеств, с одной стороны — конников, с другой — мореходов.

Гл. III.

Тьмутараканское княжество.
(966—1096 г.).

Современные историки считают, что руссы в Поднепровье переселились с Приазовья (Казакии). Едва ли в этом может быть теперь какое-либо сомнение.

Проф. Пархоменко полагает, что Русское (Киевское) государство образовалось во времена Игоря.

Новое переселение руссов из степной полосы, вследствие передвижения печенегов и торков в Киевские и Черниговские области несомненно и во время кн. Игоря. Вследствие увеличения сил и средств уже существовавшего Русского (Киевского) государства и новое внесение элементов степной стихии — все это побудило и дало возможность осуществлению походов на юг сына Игоря Святослава.

Если установление вообще переселения руссов в Поднепровье из Казакии (Приазовья), является правильным, то естественным является существование и общих традиций и сохранение преданий. Сами цели похода Святослава можно об'яснить его желанием соединить всех руссов и желанием присоединить наследие Хозарии — области, через которые лежал мировой в то время торговый путь. Но убеждение в том, что он потерял свое былое значение, возможно и было причиной того, что впоследствии кн. Святослав внешние свои устремления перенес на Дунай.

Мало было завоевать тот водный путь, чтоб он приобрел снова прежнее свое торговое значение, нужно было время для успокоения вообще и распространения известия о том в весьма далекие страны, на что при тех условиях требовалось очень длительное время.

Свидетельством того, что Вел. князья Русского (Киевского) государства считали себя наследниками Хозарского государства, может служить то обстоятельство, что они именовали себя и титулом каганов, принадлежавшим Хозарской Империи. Даже Владимир Святой в нагробном слове киевского митрополита именуется Каганом.

Следствием походов кн. Святослава и Владимира было присоединение части Казакии к Киевскому государству и образование из него Тьмутараканского княжества. Став владением. частью Киевского государства во время княж. Святослава, оно стало княжеством при Владимире, и было дано им в удел старшему сыну — Мстиславу. Уже из этого одного видна значимость Тьмутараканского княжества. (Мы уже указали причины, почему торговое значение перешло от устья Дона, к устью Кубани из гор. Руссии (Ар—таны) к Тьмутаракании. Пр. Пархоменко отрицает принадлежность кн. Мстислава к Киевской династии, и полагает, что он не был вовсе сыном Владимира, а местным князем приазовских руссов. Но для подобного утверждения нет достаточных данных. Наоборот образование, структура этого княжества и другие исторические данные указывают на наличие в Тьмутараканском княжестве начал Киевской государственности. Если бы оно возникло самопроизвольно, вследствие распада Хозарии, то возникло бы в целом изо всего ядра Хозарий, всей Казакии. Князю же Мстиславу, как видно из летописи, пришлось вступить в борьбу с казахами. Вопрос, кому владеть землей и народами Казакии (из летописи вытекает цельность

Казаки, читайте журнал „Вольное Казачество—Вільне Козацтво.“

Казакии), как известно, был разрешен единоборством между кн. Мстиславом и князем казахов Редедей в пользу первого.

Следовательно, при кн. Мстиславе вся Казакия, или во всяком случае большая ее часть вошла в состав Тьмутараканского княжества, т. е. сохранилось единство, цельность ее.

Овладев всей Казакией, кн. Мстислав имел силы и средства для ведения успешной вооруженной борьбы, против всего Киевского государства.

Только благодаря великодушию Мстислава в. кн. Ярослав после военного поражения сохранил стольный город Киев. Все лежащее на восток от Днепра Мстислав оставил в своем владении, а на запад от него, с г. Киевом предоставил в. кн. Ярославу. Перенос, или вернее, установление стольным городом новых обширных владений г. Чернигова, а еще больше то, что Мстислав не оставил потомства (и ряд других обстоятельств), помешали образоваться новому сильному государству с ядром в виде прежней Казакии. Возможно, что при других исторических условиях и центр из Киева впоследствии не передвинулся бы на северо-восток, в Москву, а на юго-восток, в пределы Казакии.

Русская (Киевская) летопись дает очень мало сведений о Тьмутараканском княжестве, т. к. оно было владением, частью другого государства — Черниговского и потому, что была отдаленным княжеством. Князья в нем часто менялись, — там находили приют князья изгои.

Кроме Тьмутаракани, в нем были и другие города, существовавшие еще во время Хозарского государства. Некоторые из них в низовьи Дона русской летописью упоминаются во время владычества половцев в степной полосе уже под половецкими названиями; торговля по Дону во время существования большей части Казакии в виде Тьмутараканского кн. не могла возродиться в прежнем размере и виде, он не мог приобрести прежнего значения; мирового пути. Казакия потеряла государственную цельность, а потом и экономическую: р. Волга с г. Итилем и Алания не входили в состав Тьмутараканского княжества.

Греки интересовались восстановлением торговли с областями Казакии. При помощи их Мстислав нанес последний удар хозарам и присоединил Крым к Тьмутараканскому княжеству. Города в нем: Корчева (Керчь), Козлов (Евпатория) и Сурож (Судак) стали городами Тьмутараканского княжества. Торговля греков имела только местное значение, влияние их теперь ограничивалось почти областью церковной, религиозной. Византия, преемница Греции, сама уже была в периоде перерождения или вырождения и перестала быть культурным источником; и торговая гегемония уже не принадлежала ей.

Летописных сведений о Тьмутараканском княжестве очень мало; несомненно сведения о нем имеются в исторических документах византийских и арабских, хранящихся в архивах Константинополя, но они не подвергались достаточному розыску и исследованию русских историков. Эти документы начинают появляться на свет только в последнее время.

Тьмутараканское княжество существовало и при появлении половцев в степной полосе, передвинувшихся из-за р. Яика в середине XI в., но в конце его всякие упоминания о Тьмутараканском княжестве в летописи прекращаются.

Итак, Казакия является историческим названием областей Востока Европы между Азовским и Каспийским морями, между лесной полосой и Кавказским хребтом, географически представлявших одно целое.

Казакия представляла одно целое в смысле воздействия различных культур древнего мира, поэтому народы жившие в ней и в этом отношении, несмотря на племенное различие, представляют одно целое.

Казакия представляла одно целое и в государственном отношении: и во времена сарматов, когда, вероятно, и образовалась Казакия, и во времена Гуннского государства; во времена же Хозарского она достигла наибольшего расцвета.

Тьмутараканское княжество включало большую часть Казакии во время кн. Мстислава, но позже территория его ограничивалась, повидимому, только зап. ее частью. Казакия потеряла государственную цельность. Казахи и алане стали существовать в виде особых государственных организмов. С потерей мирового пути (значения его как такового) и с уходом из экономи-

ческого мирового таварообмена, Казакия потеряла единство и экономическое. Осталось в Казакии лишь единство религиозное и единое культурное наследие, которым и питались народы Казакии очень длительное время после распада Хозарии.

Тьмутараканское княжество включало не только руссов, но и казахов и алан, живших и принимавших участие в торговле на мировом пути. Казакия — родина тех элементов, из которых образовалось казачество — одинаково и запорожское и донское. И теперь она включает как раз территории казачьих (европейских) Войск.

Гл. IV.

Казакия во время владычества половцев в степной полосе Востока Европы.
(1096—1240 г.).

Ядро половецкого ханства было, как и Хозарского государства, в пределах Казакии. Позже, с распространением владычества половцев до р. Дуная, другое ядро их образовалось к западу от Днепра. Время половецкого владычества — эпоха упадка экономического и культурного на Востоке Европы. Во главе государства стоял народ кочевой. Вооруженная борьба Половецкого с соседними государствами — Киевским (Русским) и Московским было постоянным характерным явлением исторического прошлого. Раньше из пределов Казакии шло культурное и экономическое воздействие на лесную полосу, теперь туда вносились половцами огонь и меч.

Византия потеряла свое былое значение и влияние главного мирового центра. В Зап. Европе образовались новые сильные государства. Религиозные вопросы поглощали все их внимание, были главными направляющими их деятельность и, в особенности, сковали они всю жизнь Византии. Крестовые походы, занятие Царьграда и другие причины оторвали Византию от Востока Европы. Широкое и глубокое влияние и воздействие Византии во времена Хозарского государства на Вост. Евр. и особенно на Казакию теперь ограничивалось исключительно областью религиозной. По разным причинам совершенно прекратилась и торговля в Казакии арабов и их культурное воздействие. Исторически сложилось так, что христианство и ислам не могли мириться, уживаться друг с другом. Они взаимно ислючали друг друга.

Половцы подверглись культурному влиянию народов Казакии — населения Тьмутараканского княжества, казахов и алан. В русской (киевской) летописи неоднократно упоминается о городах в пределах Казакии, в низовьи Дона, существовавших, безусловно, во времена Тьмутараканского княжества, теперь с половецкими названиями — Балин, Сугров, Шарукань (Саркел), Чешлюев, Осенев.

Из летописи видно, что население в них было христианское, земледельческое — это было коренное население, славяне-руссы Казакии. В летописи нет упоминания о г. Руссии. Мы уже указывали причины, почему центр из нее переместился в Тьмутаракань; г. Руссия существовал уже под имен. Орна (Орнаса); о нем в летописи не упоминается потому, что он не был предметом походов южно-русских князей и по условиям местным (и не мог быть таковым).

В русской (киевской) летописи славянское население Казакии и вообще степной полосы приобретает во времена половецкого владычества название бродников. Оно было славянским по языку, в этническом это была народность в процессе своего образования — из смешения славян-руссов с казахами и аланами; несомненно, был прилив и половецкой крови. Название это было дано по государственно-политическому признаку. Любое славянское население на Востоке Европы (и войско его) входило в состав того или иного княжества, славянского происхождения; население же Казакии (части ее — Тьмутараканского княжества) в состав какого-либо княжества не входило. Кроме того, часть этого населения вынуждена была передвинуться при половцах с Азовского прибережья на север, в среднее Подонье. В летописи и в иностранных источниках о бродниках упоминается, главным образом, как о войске, о дружинах бродников, принимавших участие по найму и как союзники в удельной борьбе славянских княжеств на Вост. Европы. В иностранных источниках упоминается об участии бродников в походах половцев и против Венгрии и против Византии.

Иностранцы считали бродниками и смешанное население славянского происхожде-

ния, образовавшееся между Дунаем и Днепром из остатков — тиверцев, угличей и венгров, печенегов (позже и половцев), которое позже называлось и берладниками (по реке и городу Берладь). Эта народность и послужила основным ядром для образования Днепровского (Запорожского) казачества.

В Никоновской летописи под 1148 г. имеется запись, указывающая, если не на главное ядро, то на одно из них в пределах Казакии, в среднем Подоньи — Черленый Яр. В летописи говорится, что кн. Глеб Юрьевич вернулся оттуда на помощь Черниговским — князьям, естественно, не один, а с бродницким войском. Возможно, что у бродников существовали предания и традиция, что Подонье, Казакия в былые времена (при кн. Мстиславе) с Черниговским кн. составляли государственно одно целое. Черленый Яр — называлась область среднего Дона до Волги, в которой были „города и месты". Эта область, ни в каком случае, не могла принадлежать к Рязанскому княжеству, в то время только что образовывавшемуся.

К югу от Воронежа, Переяславля и Ряжска никакого славянского населения и населенных пунктов при половцах не было. Сам г. Воронеж был половцами совершенно разрушен и славянским населением заброшен. Пространство к югу от Переяславля и Ряжска носило уже название „поля половецкого". Население из предстепной полосы передвинулось в степную.

В пределах Казакии при половцах могли существовать народности, являвшиеся в ней коренным оседлым населением до прихода еще их, каковым и были бродники.

Народы Казакии во время половецкого владычества существовали в виде народных и государственных организмов, в вассальной зависимости от половцев. Общие экономические интересы этих народов были разрушены: пути через Казакию, имевшие мировое значение, утеряли его. Казакия стала вне экономического и культурного воздействия арабов и византийцев и последние сами потеряли свое былое значение в мировой истории.

Бродницкая народность, приспособляясь к новым условиям, при половцах получила или обрела военное устройство. Военные интересы стали господствующими: война давала средства к жизни. Чтобы жить, надо было воевать, и военная деятельность стала главною для населения Казакии — и для бродницкой народности, как и для казахов и алан. В киевской летописи упоминается об участии войска бродников в битве на Калке в 1223 г. как союзного войска на стороне монголов, под предводительством своего воеводы Плоскини.

Участие это возможно об'яснить тем, что союз с монголами (тем более, что монголы его предлагали и южно - русским княжествам) обещал избавление от половецкого владычества. Еще более вероятно то, что после вторжения монголов через Железные ворота (Дербентский проход) в пределы Казакии и поражения ими алан и половцев в пределах теперешней Терской области, бродникам, для спасения от отдельного поражения своего войска и спасения своей территории от разгрома, не оставалось иного, как только принять союз монголов и самим принять участие в дальнейшем походе их на Запад.

Гл. V.

Казакия в составе Золотой Орды (1240—1400).

В трудах русских историков бродницкая народность представляется уничтоженной монголами, что является совершенно не соответствующим исторической действительности.

В первое нашествие монголов в 1223 г. уничтожать, или только подвергать разгрому территорию Казакии, в частности бродников, не было оснований, последние были союзниками монголов.

Второе же их нашествие (1237-40), направленное из-за Волги, шло в стороне от Казакии. Оно обрушилось на Сев.-Вост. Русь, население которой подверглось разгрому, но не было уничтожено. Не было уничтожено и население Казакии. Разные народности (бродники, черкасы-казахи и аланы), наоборот, составили ядро вместе с передвинувшимися на Вост. Евр. монголами образовавшегося нового государства — Золотой (Кипчакской) Орды и вместе с ними составляли основу и ее военного могущества.

В 1227 г. Папа Римский Григорий IX в послании своем к епископу Гранскому упоминает наряду с землей Кумании (половцев) и Бродник (Brodnic) и говорит о населении последнего, отделяя его от населения Юго-Зап. и Сев.-Вост. Руси.

Один из послов папы Инокентия IV в Золотую Орду Рубруквис, посетивший низовье Дона и Волги (в 1246 г.), указывает на существование в пределах Казакии особой народности, образовавшейся из смешения руссов, алан и казахов, на воинственность ее и вхождение войска этой народности в состав монгольских войск. По его словам г. Орнас (Орн), главный город в низовьи Дона (прежняя Руссия-Артана), был разрушен монголами. Рубруквис не называет эту народность бродниками, т. к. они себя этим именем не называли, а монголами оно не было усвоено, поэтому и утерялось.

Письмо короля венгерского Белы IV к папе Римскому (уже по установлении владычества монголов (1257 г.)) указывает, что бродники и после того были полны силы.

Византийские писатели той эпохи, Н. Григора и Г. Пахимер, говоря о народах степной полосы, покоренных сыном Чингис-Хана Телепугой (Тулуем), — готах (в Крыму), аланах, чигах (казахах), упоминают среди них и руссов (rutheni). Под последними, вне сомнения, они разумели бродников. Они указывают, что народы эти, попав под владычество монголов, усвоили их нравы, обычаи, одежду и устройство. Народности эти обязаны были выставлять войско, входившее в состав монгольского.

Золотая Орда, как государство, включала в свой состав большую часть Востока Европы, всю степную полосу до Днепра, а на севере всю Сев.-Вост. Русь, кроме В. Новгорода и Вятки.

Территория Казакии с народностями, жившими и осевшими в ней монголами, и составила ядро нового государства и источник его военного могущества. Бродницкая народность, жившая в пределах Казакии во время существования Золотой Орды получила название казаков, как свое этническое имя.

Уже в конце XIII в. Золотая Орда стала совершенно независимым государством от монголов в Азии. Влияния и воздействия оттуда прекратились. Прекратились совершенно по разным причинам влияния и воздействия и Византии и Рима, еще сохранявшиеся во время половцев; попытки последних установить влияние, попытки неудачные, касались исключительно области религиозной.

Золотая Орда, в частности ядро ее — Казакия — существовала на тех основах, которые внесли монголы и которые имелись у коренных народностей — бродников, казахов, и алан.

Основой владычества монголов на Востоке Европы была вооруженная сила, военная мощь. Разные народы Востока Европы, вошедшие в состав Золотой Орды в государственной ее системе получили роль и значение сословий.

Так, славянские народности (княжества) лесной полосы приобрели роль податного, тяглого сословия, явились источником получения материальных ценностей для монгольского государства; камские болгары — значение торгового сословия. Народности Казакии, существовавшие и при половцах в виде народных и военно-государственных организмов, в государственной системе Зототой Орды получили роль и значение военно-служилых сословий.

Эти народности, сохранив свое управление и устройство, будучи свободны внутри себя, свободными от дани и податей, какую платили княжества лесной полосы, были обязаны поставлять готовое конное войско; они служили и в виде пограничного и воспомогательного войска.

Образцом и устройства войска и организации его и самой народности и типом конницы и отдельного воина конника послужили казахи (черкасы). Отсюда и получилось название известной системы (военно-погран. войска) и название воина-конника — К а з а к.

Мы полагаем, что эта военная система лишь получила развитие и законченность в Золотой Орде, начала же ее были еще во время существования Половецкого Ханства, вернее они существовали у самих народов, живших в пределах Казакии.

В Казачество в Золотой Орде превратилось и население Сев.-Зап. части Каза-

кии — население Подонья — бродницкая народность.

Для населения его еще в 1261 г., т. е. вскоре после установления монгольского владычества на Вост. Европы, была образована Сарская (Сарайская) или Подонская епархия, с епископским столом в столице Золотой Орды — г. Сарае, на р. Волге (близ Царицына). В эту епархию входило все Подонье, в том числе и область Черленый Яр с городами и караулами, существование которой при владычестве татар устанавливается документально из духовных грамот митрополитов „всей Руси" к епископам Сарским и Подонским.

В государственной системе Золотой Орды часть Казакии, — территория Подонья и население его, получили особую роль и значение. Подонье (р. Дон с Хопром) являлось естественным прикрытием столицы Золотой Орды — г. Сарая и татарских кочевий, находившихся к югу от Волго-Донской переволоки, со стороны княжеств Сев.-Вост. Руси, Юго-Зап. Руси (Украины), Литвы и Польши.

Население Подонья обратилось в пограничную военно-служилую народность, в казаков.

Название подонского населения донскими казаками видно уже из документов, относящихся к Куликовской битве (1380). Происхождение и закрепление этого названия за подонским населением, как названия народности, двояко. Оно закрепилось потому, что эта народность произошла от смешения руссов и казахов (чигов); в свое время черты последней народности настолько ярко выражены были у подонского населения, что великоруссы дали им название чига, совершенно тождественное слову казах. Это народное название, как известно, у великороссов относящееся к донским и происшедшим от них казакам, существует и доныне.

Подонское население и как военно-служилая народность в положении военно-служилого сословия усвоило за собой то же название казаков.

Подонские, или донскне казаки имели военное устройство; у них существовали города (укрепленные), караулы. Население было оседлым, земледельческим. Оно имело не только церкви, но и монастыри. Кроме пограничной службы и поставки войска, готового — снаряженного и вооруженного, на донских казаков падала служба охраны бродов, переправ, конвоирования и пр.

Во время существования Золотой Орды велась торговля, хотя и местного значения, при посредстве венецианцев, а позже генуезцев. Путь к г. Сараю шел по Дону. Можно полагать, что донские казаки участвовали и в торговле.

Аналогичное положение военно-служилой пограничной народности имели и алане и казахи. От этих народностей и других происходил отрыв и путем смешения с монголами образование новых тюрско-татарских народностей.

Существование Казакии в составе Золотой Орды до конца XIV в., — обособленное существование народностей ее, без культурного влияния других народов; соединение основ тюркских, славянских и монгольских и развитие их, но совершенно одностороннее, военное.

По своему пограничному положению, жизни на торговом пути из Азовского моря, можно думать, донские казаки были в лучших условиях, чем другие народности, жившие в пределах Казакии.

Можно думать, что и военно-служилое положение донских казаков было лучшим, чем алан (ясов) и казахов (черкасов); территория последних прикрывала второстепенные направления с юга, а Подонье и его население — главные направления с севера и запада.

Гл. VI.

Разгром и запустение Казакии (XV в.).

События конца XIV и начала XV ст. на Вост. Европы имели исключительное значение для судеб народов Казакии и особенно для донских казаков.

Борьба за ханский престол Золотой Орды, принятие татарами *) ислама и проявленная ими после того религиозная нетерпимость в отношении христианских народов Казакии (донских казаков, казахов-черкасов и осов) были главными причинами

*) Монголов в чистом виде на Востоке Европы уже не было: из смешения монголов с тюрками образовались народности, которые и называются татарами — крымскими, ногайскими и казанскими.

ослабления самого Золотоордынского государства. Правителю Золотой Орды, Мамаю, удалось укрепить государственную власть в самом ядре ее (Казакии). В это время из-за Яика появилась новая монгольская синяя (киргизская) Орда. Мамай вышел победителем из столкновения с ней. Стремление восстановить былое, уже пошатнувшееся владычество татар над Сев.-Вост. Русью привело их к Куликовской битве (1380 г.), окончившейся, как известно, поражением Мамая.

Участие донских казаков, как войска Юго-Зап. Руси, на стороне Московского войска (благодаря чему и выиграна была битва над татарами), является исторически несомненным.

Тохтамыш, хан Киргизской Орды, (возможно вместе с народами Казакий, отпавшими от Мамая) скоро нанес полное поражение Мамаю. Последний бежал в Крым, в один из генуэзских городов, где и был отравлен.

В 1382 г. Тохтамыш занял и сжег Москву. Временно Золотая Орда усилилась, получив сильное увеличение сил от киргизов, осевших от Каспийского до Азовского побережья.

Движение нового завоевателя (в конце XIV ст. из за Волги) Тамерлана, нанесло удар и самому ядру Золотой Орды. Тамерлан занял и сжег столицу ее, г. Сарай, и нижнее Поволжье. События в Азии заставили вернуться его туда. Центр Золотой Орды оставался в пределах Казакии, но переместился в промежуток между Азовским и Каспийским морями, к югу от р. Дона, где осели и Киргизы. Через несколько лет Тамерлан снова появился в пределах Казакии, но на этот раз из-за Кавказских гор через Дербентский проход. В битве с Тохтамышем в пределах теперешней Терской области Тамерлан вышел победителем. Он двинулся к Сараю и разорил его. Далее он двинулся в землю камских болгар, оттуда повернул на запад и, прошел через Рязанское княжество к р. Дону. Но пройдя вдоль его на север по направлению к Москве, повернул на юг: события в Азии снова звали его туда. Разорив Азов (1395 г.), Темерлан на некоторое время осел с своими полчищами между Азовским и Каспийским морем, после чего ушел в малую Азию.

Следствием походов в конце XIV в. через Казакию (в разных направлениях) — Мамая, Тохтамыша и Тамерлана настал полный разгром ее, но народы жившие в ней не исчезли с лица земли.

Донские казаки уцелели лишь по Хопру и Медведице и стали служить Рязанскому княжеству. Часть казаков, уцелевшая в низовьи Дона, стала служить как внешняя охрана генуэзцам, возобновившим торговлю в Азове (1420 г.). Часть донских казаков ушла на юг, в соседство казахов (черкасов) и получила название гребенских казаков. Большая же часть донских казаков после разгрома передвинулась на север в Мещерские и Мордовскне земли и на окраины Московского государства. Позже они были разселены по всей южной и восточной окраине Московского государства.

Сохранившиеся как народность казахи (черкасы), алане (осы) и другие народности были оттиснуты за р. Кубань и Терек, между же Каспийским и Азовским морем стали кочевать ногайские татары.

Часть казахов ушла за Волгу с киргизами и из смешения с ними образовалась новая народность: киргиз-кайсацкая или киргиз-казацкая.

В результате ударов, нанесенных Тамерланом, настал распад Золотой Орды. Тюркско-монгольские народности распались и вошли в состав новых образовавшихся государств на Востоке Европы — Казанского, Крымского и Золотой или Астраханского царства.

Почти до конца XV в. Подонье было театром походов и войн Золотой (Большой) Орды, Крымского ханства и Польско-Литовского государства.

После ухода на восток, за р. Яик, киргиз-казацкой Орды, Большая (Золотая) Орда окончательно лишилась своего могущества и владычества над Русью Северо-Восточной. Единственным городом, через который сохранялась связь Казакии с Зап. Европой являлся город Азов. Но со взятием Константинополя турками и особенно после овладения ими Азовом (1475 г.), всякая культурная и экономическая связь Казакии с Зап. Европой прекратилась. Г. Азов для турок имел военное значение, оплота их владычества на Азовском море и связи между магометанскими государства-

ми степной полосы Вост. Евр. — Крымским ханством и Большой Ордой (быв. Золотой).

Донские казаки после овладения турками Азовом (служившие ранее генуэзцам), оказались на службе турок. Азов у турок получил название Казак, Азак.

В XV в. северо-зап. часть Казакии на запад от Дона и почти до нижнего Днепра получила название Дикого Поля, т. е. никому не принадлежащего, дикого, безлюдного никем не оселенного. Такой же пустынной территорией было пространство между Азовским морем и Каспийским. На Азовском побережьи существовали, кроме Азова, города Темрюк и Тамань, которые были заняты турками одновременно с Азовом. После окончательного, совершенного разгрома г. Сарая и откочевки киргиз-казаков за Яик, столицей Большой (Ногайской) орды стала Астрахань.

Утверждение могущественной в то время Турции на берегах Азовского моря грозило установлением владычества их над всем мусульманским миром (татарами) Востока Европы, распространение и утверждение ислама между народами, жившими в пределах Казакии — над осетинами, черкасами — кабарданскими и пятигорскими. Представлялось не только вероятным, но и несомненным обращение всей Казакии в турецкое владение.

Самое сильное государство в то время на Вост. Европы — Московское, поглотившее другие, было слишком удалено и слабо для борьбы против Турции за территорию никогда ей не принадлежавшую. Народы Казакии, после разгрома Тамерлана, культурно были отброшены на сотни лет назад и не имели уже между собою никаких связующих начал кроме религиозного единства. Казакия представляла материал для создания государственнной жизни, но не представляла наличия элементов для собственного возрождения. Итак, походы Мамая, Тохтамыша и Тамерлана привели к полному разгрому Казакии и прекращению в ней государственной жизни, отрыву от коренных народностей части их и после смешения с монголами новых народностей. Сохранившиеся части, вытеснены были из своих исконных территорий, и стали существовать в виде особых народностей, не связанных между собой ни общей государственной жизнью, ни общими экономическими интересами.

Донские казаки перестали существовать и как цельный народный организм, будучи резко разделены исторической судьбой на части, и государственно-политическими, и территориально и новыми различными для каждой части условиями своего бытия... Мотив борьбы на Востоке Европы намечался впредь главным образом религиозный — борьба ислама и православия, представительниц и носительниц соответственных религиозных идей: Турции с одной стороны, Московского государства с другой. Это обстоятельство обещало обратить Казакию в арену вооруженной борьбы, т. к. в пределах ее жили народности: одни исповедовали христианство (казаки, осетины, черкасы), другие (татары) — ислам.

Гл. VII.

Возникновение Вольного Казачества и образование Казачьих республик — Казакии. (XVI в.).

В первой половине XVI ст. территория Казакии была земля „не знаваема“ не только для зап. государств, но и для Московского. Граница последнего проходила от устья р. Камы до устья Десны, на юг от этой границы были области безлюдные. На иностранных картах этого времени показаны реки с названиями, встречающимися еще у Геродота, на Азовском побережьи показаны города, генуэзские колонии, которых в XVI ст. уже не существовало. Составители карт пользовались устаревшими сведениями, новых не имелось, да и не о чем и не у кого было их получить. На картах первой половины XVI ст. встречается название озера, из которого берет начало р. Дон — „оз Иваново“. Это указывает на древность названия и дает основание предполагать, что Дон и назван был казаками „Ивановичем“ потому, что он вытекает из озера „Иваново“. Имеется на старинных картах указанной эпохи надпись иностранными буквами — „Великий перевоз“, поставленная вблизи теперешней Цымлянской ст., т. е. там, где был древний Саркел. Это славянское название, обратившееся в собственное имя, указывает на наличие славянского населения (казаков) по р. Дону во время владычества татар.

Из царственной летописи видно, что по р. Хопру в начале XVI в. еще существовали гор. Корник, Дубок и Урюпинск. Из дел Московского посольского приказа и других видно, что Азовские казаки были вытеснены турками из Азова (1503 г.) и низовьев Дона и переселились за р. Днепр в низовья его, откуда переселились по приглашению Василия 3 (1517 г.) на юго-западную окраину Московского государства на территорию Украины, завоеванную им в 1505 г. Азовские казаки получили земли в районе Рыльска, Путивля и Н. Северского и обязаны были охранять окраину Московского государства. Между окраиной Московского государства и северной окраиной Казакии, южнее Жегулей (Самарской луки), по левому берегу р. Волги осели новгородцы и вятичи после разгрома Московским государством их республик; число их увеличилось позже бежавшими своими собратьями, укрывшимися было в Рязанском княжестве и вынужденными бежать оттуда, по присоединении его к Московскому государству (1517 г.).

Громадная территория Казакии была безлюдной. Долины ее рек были покрыты лесом; покрыты им и кустарником были все овраги и балки Дикого Поля; особенно большие леса были по Хопру, Медведице (Салаваске) и С. Донцу. Казакия была богата зверем, птицей; воды ее — рыбой. В лесах было изобилие диких яблонь, груш, терна, орешника, малины, ежевики; в южной части рос и кизил. Из животных в Казакии водились, сохранявшиеся почти до конца XVIII ст., следующее: дикие лошади (вероятно одичавшие в древнее время), лоси, зубры, олени, сайгаки, дикие козы, дикие свиньи, медведи, пардусы (барсы), волки, лисицы, бобры, черные лисицы, куницы, хорьки, байбаки. и др. Из птиц — глухари, тетерева, рябчики, куропатки; из перелетных — лебеди, казарки, журавли, утки разных пород, дудаки, стрепета, бабы, балабаны и др. В водах Казакии водились в изобилии: белуга, севрюга, стерлядь, осетр, саван, судак, окунь, ерш, сула, тарань, сельдь, ласкирь, секреть, чехонь, белезнь, щука, линь, карась, сом и пр.

Из этих естественных богатств в то время главное значение имели дикие лошади и добыча кож — лосевых, зубровых и сайгачных и особенно мехов ценных пород пушного зверя. Эти естественные богатства привлекали на окраины Казакии пограничное население соседних народов и государств. Донские казаки, оказавшиеся в XV ст. на службе Московского и Рязанских княжеств, осевши на их окраинах, посещали ближайшие области Казакии — Дикое Поле, и для „добычи вестей“ (для выполнения охранной, сторожевой службы) и для промыслов — звериного и рыбного.

В XVI в. началось передвижение казаков с Московских окраин в Дикое Поле, в северную часть Казакии и оседание их по р. Дону и С. Донцу.

Причины этого передвижения, ухода с Московских окраин в пределы Казакии были разнообразны. Укажем здесь лишь основные: 1) развитие самодержавия — государственно - политического, социально-экономического и религиозного в Московском государстве, стремление распространить его и на казаков, — т. е. сила отталкивания казаков от всего московского и — 2) притягательная сила Казакии — естественные богатства ее, свежие предания о жизни в ней, и 3) возможность после окончательного ослабления татар Большой Орды осесть в части Казакии.

Главным решающим фактором передвижения казаков в Казакию и возникновение Вольного Казачества была жажда вольной жизни, жажда сохранения себя как организма, сохранение свободы и вольности. Эти качества были настолько выпукло выявлены казаками, что и у Московского государства казаки, осевшие в Казакии, получают название вольных казаков, т. е. свободных, независимых. Процесс передвижения казаков в Казакию был связан с завоеванием ее, по времени довольно длительный. В настоящий очерк освещение этого вопроса не входит.

Лучше нам погибнуть за казачьи щепки, чем за азовские каменья.

(Постановление Войск. Круга Главного Войска в 1641 году).

К середине XVI ст. в пределах Казакии образовалось независимо друг от друга 2 ядра Вольного Казачества — Войска:

1) Донское Низовое Войско — в низовьи р. Дона и по р. С. Донцу, в непосредственной близости от г. Азова. Оно образовалось из Донских казаков (Азовских), ушедших с юго-зап. окраины Московского государства, и днепровских черкасов, преимущественно запорожцев;

2) Донское Верховое Войско — образовалось по среднему Дону с его притоками до Волги. Это Войско образовалось из донских и мещерских казаков.

Вхождение новгородцев и вятчан, эмигрантов на Волгу, после разгрома их республик, как в Верховом так и в Низовом Донском Войске несомненно. Значение их было не численное, а культурное: они принесли знание судоходного дела и постройки городков.

Вольное казачество было в середине XVI в. уже настолько сильным, что не только прочно закрепилось в долинах р. Дона и его притоков, но уже „не дает Азову пить воды из Дона", и оказывает громадную военную поддержку посылкой своих отрядов своему соседу и союзнику Московскому государству, при покорении Казани (1552) и вместе с Запорожским Войском при покорении Астрахани (1553—57 г.)

Прочное занятие Вольным Казачеством северо-западной части Казакии — Подонья и образование независимого государства Донских казаков имело громаднейшее значение не только для Казакии, но и для всего Востока Европы. Донское казачество (республика) разобщило магометанские народы, три их государства — царства Крымское, Астраханское и Казанское, и положило предел распространению могущества Турции в Казакии. На последние два царства, не смотря на установление над ними вассальной зависимости от Московского государства, Турция не переставала претендовать, стремясь религиозную зависимость их от себя превратить в государственно-политическую.

В 1569 г. Турцией был предпринят поход громадного количества войск от Азова сухопутьем и р. Доном с целью прорытия Волго-Донского канала, покорения Астраханского царства и установления с ним прочной связи водным путем, а после и с Казанским царством. Грандиозному плану не соответствовала организация, подготовка и средства для осуществления похода, и он закончился катострофически для турок. Во время этого турецкого похода Донское Войско бросило свои городки — Атаманский, Красный Яр, Нижние Раздоры, Верхние (Донецкие) Раздоры, Кочеты, Бабей, Ведерники и другие городки, юрты и зимовища и ушло частью на Донец и к Верховому Донскому Войску. Были разорены и казачьи городки и на С. Донце — Лугань, Митякин и Гундор.

Донские казаки после похода турок восстановили свои городки, кроме Атаманского и Красного Яра; а после значительного приселения к низовым донским казакам запорожских черкасов в 1570 г., на Казачьем острове (острове, образуемом р. Доном и его руковом Аксаем) образовались выше Нижних Раздор новые городки — Черкасский, Маныч, Бесергенев, а позже Богай и Мелехов.

Во второй половине XVI в. казачьи городки, находившиеся по р. Дону выше Мигулина, и бывшие по верхнему Хопру и Медведице, стали перемещаться на юг в среднюю часть Дона, сюда же стали перемещаться и городки с С. Донца, где они, вследствие ударов наносимых крымскими татарами и азовцами, и вследствие малой естественной защиты, которую представляла долина р. Дона, не могли удержаться. Городки и юрты Донского Верхового и Донского Низового сомкнулись в одну непрерывную цепь и образовалось одно Все Великое Войско Донское.

Средствами для существования донских казаков до похода турок (1569 г.) были — военная добыча, добываемая в столкновениях с противниками, „жалованье" — поддержка, получаемая от союзника — Московского государства, присылавшаяся не регулярно и в недостаточном количестве, и жалованье, уплачиваемое за службу казачьих отрядов. Главной ценностью в жалованьи были — хлебные запасы и пороховая казна. В последние годы царствования Иоанна IV в Московском государстве Донское Войско получило право свободной торговли в пределах его, т. е. по совре-

I
ВЫРЕЗКА ИЗ КАРТЫ:
CARTE
De Moskovie
Dressée par Guillaum De l'Isle Premier Géographie de l'Academie A son Excellence Monseigneur Andre Artemonide de Matveeff Ministre d'Etat de son Mageste Csarcènne l'Emperiur de Russie son Leeutenant.
1703.
Campagnes Desertes
ou l'on voit plusieurs Villes et Villages ruinez par Tamerlan
Chiderski des Cosaques
Montagne dou l'on tire du Sel
Isle de Kostavata
Adrobe R.
Sariol Kurgan
les Montagnes
Salée
Gelatma
Adima
Chiatscoi
Kadom
Temnikof
Arsamas
Inscrat
Nisney Lomof ou Lomof Inferieur
Verchney Lomof ou Lomof Superieur
Tamboff
Koslof
Rezan ruinée
Pereslavle Rezanski
Pronetk
Grematzot
Reesco ou Raescoi
CHÉ DE REZAN
Talecz
Donco ruiné ou le Don comence a etre navigable
Lebedan
Voronecz ou l'on fait des Vaisseaux
Cobakin
Bogator Satoon
Babey
Betoeck ou Bitug
R de Don
M. de Boglovy
Kalisva
Desert de 10 journées d'etendue
Stovok Ostrove ou les 10 Isles
Koltof I
I de Kurim
Saratof
Karaum ou Caramon
Epifan
Pianzi
Izernata Ozeritkaia
Monastere de Borisova
Boegoevar
Tsiorno Saton
Galicz
Livna ou Liven
Casanski Prevos
Guilocecha
Kleatskoi
Modvedietsa
Rospopien
I.d'Achmatzko
I de Sollotoi
Isle de Danilofsko
Ouvelescaia
VELIKA
NAGAY OU NAGAY
LE GRAND
Pays de Memac
Ruslana ou Rustana R
R. de Samara
Lacs de Samarti
Zolotaia horda ou Horde d'or autrefois tres puissante dans ces quartiers
CZARSTVO ASTRAKANSKOIE
OU ROYAUME D'ASTRACAN
Plaine d'Ourtoupa
Achtobs ou Achtopska Ustga
Runes de Seraye ou Zarefgorod
Czaritzin
Icy se cachent les Cosaques
Pays de Stubin
Czorn gor
Isle d'Ossino
Sables de Narim
Buchvostova
Oeskoen Lac
Deserts sans eau
Staroi Oskol ou Vieille Oskol
Novoi Oskol ou Nouvelle Oskol
Biel-gorod
Voluyky
Czuguief
Udy R.
DIKIA POLE OU CAMPAGNES DESERTES
ou l'on ne trouve aucune habitation ny meme aucune plante
DONSKI
COSAQUES CZERCASSES
RASDOLIÉ DONSKI ou CAMPAGNES DU DON
Czaref
Borisof
R de Bogdan
Izium
Kalzik Kamich ou Ilz a beaucoup de roseaux
AZOFSKAIA STEP ou DESERT D'AZOF
Montagnes de Velikoi Perevos
Glibokou
Kagalinck
Babey
Rosdorie ville des Cosaques
Semkorker
Besergenof
Manitz
L'an 1685 l'Armée du Czar trouva des monumens antiques vers lendroit ou Ptolomée marque les Autels d'Alexandre
Czercaskoi aux Cosaques
Panchine Capitale des Cosaques du Don
Mer d'Azof
Azof ou Azak aux Moscovites
PALUS MEOTIDES
Jeffa oclof
Zorra
Coloeba peatib
GREBENSKAIA COSAQUES
Polovon M
Mont Kisiar
Coponogar M.
Lac de Baschziz
Sixal
Montagnes de Varada
CIRCASSIE
PAYS DES CIRCASSES
TARTARES D'ASTRACAN
NOGAIS OU
Landes
Gora Ulka ou Montagnes d'Ulka
Besmada
PETIGORIE ET CABARDINIE
ASTRACAN
Salines
Ochtouba
Berkela
Bouches du Volga dans la Mer Caspienne
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
53
52
51
50
49
48
47
46

менному положение наиболее благоприятствуемой державы.

После 1569 г. Донские казаки переходят к деятельности — добычничеству на Азовском и Черном морях; в конце XVI в. у Донского Войска устанавливается и торговля в Черкасском и в г. Азове с турками (через греков) и ногайцами.

В 80-тых годах (1580-82) XVI ст. образовались новые казачьи Войска (республики) в пределах Казакии — Яицкое, Терское и Волжское. Они представляли колонии Донского Войска; во вне они представляли единое цельное-Казакию.

В то же время образовались: казачье войско в Сибири после завоевания ее Ермаком Тимофеичем, Самарские и Уфимские казаки, из которых вместе с Исетскими (потомков дружины атам. Мещеряка, сподвижника Ермака Тимофеича) образовалось Оренбургское Войско.

Условия, обстановка и причины образования вышеупомянутых Войск совершенно не исследованы.

Мы полагаем, что основы нужно искать в усилении Донского Войска, происшедшего вследствие приселения запорожских казаков и нового приселения новгородцев после окончательного разгрома, потока и разграбления Новгорода, произведенного Иоанном IV.

Главная связь и зависимость Донского Войска от Московского государства исходила из зависимости экономической необходимости и неизбежности полученья и покупки оттуда хлеба и боевых припасов.

Выход в Каспийское море был заперт г. Астраханью, которым владело Московское государство, стеснена была свобода казаков и на р. Волге, где в конце XVI в. (1586) Московским государством были построены г. Саратов, Самара и Камышин.

Искание лучших условий существования, экономической независимости, и вызвало занятие новых рек в пределах Казакии, вне воздействия Московского государства, вне влияний Царицына и Астрахани.

Во время царствования Бориса Годунова Московское государство прервало дипломатические сношения с Вольным Казачеством — с Войсками (республиками) Донским, Волжским, Терско-Гребенским и Яицким.

Искание экономической свободы, стремление к установлению прежних выгодных для Казачества взаимоотношений с Московским государством и было главной причиной активного участия его в событиях этого государства в Смутную эпоху.

Образование новых Войск (республик) Волжского, Терского и Яицкого, занятие части Каспийского побережья, было положительным историческим явлением для Казакии — оно закрепляло за казачеством большую часть ее территории; но это образование вместе с тем вело и к разброске сил Казачества по разным направлениям, появлению у Казачества новых противников:

Численность Казачества была — считая одних бойцев, способных для походов, Донского с Волжским 12-14 т. бойцов, Терско-Гребенского и Яицкого по $1^1/_2$-2 т. каждого; по громадности территории и по численности противников эти силы были не только недостаточны, но и ничтожны.

Все силы были заняты борьбой, не было возможности использовать естественные богатства — звериный и рыбный промысел и до конца XVI в. существовал в пределах собственной потребности.

Земледелие по историческим условиям не могло существовать и даже возникнуть: все городки, юрты и зимовища вольных казаков были расположены в долинах рек — на островах или полуостровах, представлявших естественные крепости.

Военные условия существования не оставляли свободных рук для занятия промыслами, и те же военные условия не давали возможности развития Казачества. Исторические условия Казачества не благоприятствовали его развитию, если оно и было возможным, то исключительно военным.

Вольное Казачество возникло, Казачьи республики образовались и Казакия в северной части стала возрождаться вне содействия Московского государства, вопреки его желанию.

Гл. VIII.

Казакия во втор. пол. XVI и первой XVII ст.

От XVI ст. сохранился очень ценный документ Московского государства, так наз. книга Большого Чертежу, представляющая

географическое описание соседних с Московским государством стран, в том числе и всей Казакии.

Большой Чертеж, как предполагают, был составлен еще в 1552 г., до нашего времени дошел с дополнениями до 1626 г. Приводим извлечение относящееся к Казакии.

Р. Донец. Ниже Святых гор, с крымской (с правой) стороны впал р. Тор., от Святых гор в 15 в., в 4 в. от него р. Торец. Ниже Тора, в 30 в. от него р. Бахмутовка, в 15 в. от нее перевоз *Боровской*, от него в 2 в. Белый Колодезь, а после другой Белый Колодезь, а выше него Савин. От другого Б. Колодезя в 8 в. р. *Луганъ*, а от нее в 5 в. Луганчик, в 5 в. от него Сизые горы. В 8 в. от Б. Колодезя *р. Каменная*, 5 в. от нее р. Каменка, ниже Лихой колодезь (речка), под ним ниже *Гребенные горы*, берегом до него 40 в., а степью 10 в. Между Гребенных гор и Лихим кол. перевоз Татарский, а ниже 60 в. *р. Кундрючья*, а от устья ее до устья р. Донца (до выхода из гор) 10 в.

С Ногайской (левой стороны) ниже р. Тора 12 в. р. Жеребец в 15 в от нее р. Красная, в 10 в. ниже р. Боровая, в 20 в. *р. Ольховая*, в 30 в. *р. Айдар*, в 6 в. ниже Явсюга, ниже р. Деркул. Выше р. Деркула Сизые горы, по крымской стороне от Деркула 2 в.; в 15 в. ниже Митякин кладезь; в 20 в. ниже *Вишневецкий* кладезь; в 5 в. ниже р. Глубокая, в 15 в. р. Калитвенец; в 8 в. от нее Дядин кол. (против на крымской стороне Хорошие горы); р. Калитва против Гребенных гор, ниже их Сокольи горы (в 15 в.) Ниже Сокольих гор *р. Быстрая*. От р. Быстрой до Раздоров, где впал Донец в Большой Дон — 40 в.

Характерными названиями являются р. Тор и Торец, оставшиеся от времен торков, живших в районе их. Название Вишневецкий колодец — память пребывания стана Запорожских казаков (гетмана Дм. Вишневецкого) во время походов на помощь Московскому государству и Донскому Войску против Астрахани.

Название Гребенные горы может служить основанием для позаимствования отсюда названия частью донских казаков при передвижении их в конце XIV ст. на Терек. Названия р. р. Бахмутовка, Аидар, Луганъ, Калитва, Быстрая, Боровской, Кундрючья, Каменная об'ясняют происхождение названия городков, возникших во второй поло вине XVII ст. по р. Донцу и его притокам с тождественным им названиям.

Р. Дон. Вытекает из Иваня-озера. Ниже р. Воронежа в 40 в. р. Фарасань, а ниже ее с Крымской (правой) стороны р. Красная Девица, рекой 30 в., а полем 10 в. ниже ее в 10 в. р. Потудонь; ниже ее р. Коротоян; ниже ее в 10 в. р. Тихая Сосна (брод); в 20 в. р. Лиска. С Ногайской стороны (левой) — р. Икорец, в 60 в. р. Битюк (Битюг), в 15 в. р. Серет*), в 40 в. Калитва Черная; в 20 в. р. Мамонец; в 20 в. с Крымской стор. р. Баучар (Богучар), в 20 в. с Ногайской — р. Тулучева; 10 в. ниже Песковатая; 10 в. с Ногайской ст. р. Елань; 20 в. ниже р. Хопер (вытекает с верху р. Ланкодоры). В Хопер втекает р. Сувала; с левой стороны в Хопер впадает р. Сартаба (вытекает из р. Табалыки), ниже ее р. Бурлук *(Бузулук?)*; ниже ее р. *Кумыл(га)*. Ниже Хопра в 30 в. р. *Медведица;* в Медведицу впадает р. Карамыша, ниже ее Арчеда; в Медведицу с правой стороны впадает р. Войская; ниже ее в 90 в. р. Иловля; ниже ее в 70 в. р. Кишеня, сходящаяся с р. Балаклеей (прит. Волги), ниже ее р. Паншина, ниже 2 Голубые; ниже с ногайской стороны р. Карповка, ниже 2 р. Аксай. С Крымской стор. р. Чир, ниже ее р. Цымла, в 20 в. ниже р. Кумшак; в 60 в. р. Тальник; с ногайской стороны р. Сал (вытекает из гор Улка), ниже Саксыл (т. е. Гнилой Сал) и Юриксал (теперешний). Против Донецких Раздор р. Маныч (вытекающей из озера Ясыбаша за 70 в. от Хвалисского моря. *С верху Маныча* с левой стороны *озеро: емлют соль, черкасы пятигорские и татары Казыева Улуса,* а с верху Маныча в 150 в. Капчаклы и Калауз (кладезь Какуй-гир). Ниже р. Маныча, р. Егорлык и Егорлык Сальск, с крымской стороны — р. Таузлова и р. Мертвый Донец (рукав Дона).

В описании р. Дона, как и р. С. Донца, не упоминается о местоположении городков потому, что это описание было сделано в промежутке в 1570—72 г., т. е. после турецкого похода, когда казачьи городки не были еще восстановлены. После 1572-75 Московское государство посылать своих сторож (которые и собирали сведения) в пределы Казакии уже не имело возможности, казаки этого не допускали. Большинство названий преемственно еще со времени Хозарского каганата, — существования Казакии, как ядра этого государства. Названия притоков р. Волги — Сура, Самара, Балаклея и Дона — Егорлык, Бузулук, Елань, Иловля, Серет, Тисса и Токай (притоки Битюга и Серета), Баучар, встречаются в названиях бассейна р. Днепра и далее до Венгерской долины включительно. С достаточным основанием можно предположить, что эти названия перенесены с востока на запад при передвижении или болгар или венгров.

Сохранение преемственности названий является доказательством преемственного существования населения. Названия, внесенные в кн. Большого Чертежу, были получены, конечно, от донских казаков.

*) Теперь Серет называется Осеред.

Характерным является для донских казаков — сохранение названия своих городков, расположенных в устьях притоков Дона по имени их (Цымлянский, Чирский, Паншин, Кумылга, Кагальницкий, Арчеда, Донецкие Раздоры, Медведицкой, Усть-Хоперский). Это, между прочим, указывает на широкую общую известность у Вольного Казачества этих рек.

На иностранных картах, в частности — Ис. Масса, изданной около середины XVII, составленной по устаревшим и преимущественно турецким сведениям (турки могли собрать сведения во время похода 1569 г. и позже во время прохода турецких посольств в Москву по р. Дону), значатся городки — Атаманский (Лебок), Красный Яр, которых уже не существовало в XVII в., но эти надписи на картах указывают, что городки эти до 1569 г., несомненно, существовали. Атаманским городком у донских казаков называлось даже еще в начале XVII место у теперешней Аксайской станицы (называлось и „Кобякова казна"); название сохранялось, но городка уже не было. На тех же картах между г. Мигулиным и Дон. Борщевским монастырем показан ряд городков, но в первой половине XVII в. их уже не было, казаки передвинулись из них вниз по Дону и его притокам, и городки или юрты эти были заброшены; некоторые названия оттуда, как напр., Бабей, были перенесены на нижний Дон. Во второй половине XVII в. на этих местах возникли поселения Московского государства с прежними названиями. Очевидно, что названия сохранялись у населения г. Воронежа, особенно у ратных его людей.

Между Черкасском и Мигулиным на иностранных картах городки первой половины XVII, а также и 2-ой показаны верно. Но по притокам Дона (Хопру, Медведице, Иловле) ни одного городка не указано и не потому, конечно, что их, будто бы, не было: посольства, шедшие речным путем по Дону, о всех не могли получить сведений — одинаково послы — и турецкие, и московские. И сами притоки Дона показаны на картах едва заметными ручьями. Р. Медведица обозначена под названием Салаваска; это название до сих пор сохраняется у местных жителей, донских казаков, за старым руслом реки. Можно полагать, что Салаваска есть древнее название, название же Медведицы дано в XVI в. по характерному признаку — обилию в лесах медведей, которые водились там в начале еще прошлого века.

Приазовье и р. Кубань. В книге Большого Чертежу ниже Азова показана р. Куральник (вероятно описка — Кугальник), в нее впала Жегорлык (Егорлык), далее р. Ея, от нее южнее впали в Азовское море рр. Кумака и Кушака, от нее в 50 в. южнее р. Куба (Кубань), в нее впала р. *Лаба.*

В горах и по р. Теркеу живут пятигорские черкасы, кабарда, анохи, асохи, кугени, мичкизы. От р. Кубы по Черному и Азовскому морю живут Малые Ногаи, Казыева Улуса.

На иностранных картах XVII в. по Азовскому побережью, как по северному так и восточному, показан целый ряд городов, Генуэзских колоний, которых уже не существовало; данные о них нанесенны были составителями карт из устаревших источников. На Азовском побережьи в XVII в. были, кроме Азова, г. Тамань, Темрюк и город в устьи р. Еи, все эти города были под владычеством Турции, через них она воздействовала и в глубину Казакии — на черкасов и даже на осетин.

На некоторых иностранных картах в верховьи Кубани показан г. Черкасы, название народности ошибочно обращено составителями в город.

Р. Терек. В Терек впадает с левой стороны р. Ардан, от верху, Терека до Ардана 170 в., в 20 в. ниже р. Агер, в 20 в. ниже впадает р. Юрюх, 20 в. нижер. Казык (Казак?). От р. Кабарды до р. Белой 60 в. В Белую впала р. Черем; ниже ее р. Баксан меньшой, от нее 20 в. ниже Баксан Большой, в 20 в. Баксан Средний, в 20 в. р. Балк, все 4 реки слились в одно место и потекла р. Балауз.

А по тем рекам земля пятигорских черкас. А притоку тех рек с верху до р. Терека 90 в.

Ниже р. Белой с правой стороны впала р. Курпа, 20 в. ниже кладезь Гремячий, ниже р. Сунжа. А в Сунжу впала р. Белая и *р. Быстрая.* Против устья Сунжи острог. *Здесь живут гребенские казаки.* От острога вниз по Тереку протоки его: Воспольная Быстрая, ниже р. Тюменка. Из р. Тюменки вытекает р. Запольная. На устье *Тюменки* град *Тюменский.* Далее протоки Быстрая, Кызла, Брянцевой. А от Терека, от острога до пятигорских черкасов 90 в. и до р. Кумы 90 в. По р. Куме 7 мечетей татарских и *Мажиров-юрт.*

От Астрахани до г. Улки 300 в., а из нее вытекают реки и потекли в Азовское море. Вдоль горою Улскою 230 в. С полуночи против Улки оз (с.) Арпа и еще 7 озер. *А ниже (южнее) Улки меж морей и гор кочевья малых ногаев.*

В книге Большего чертежу наряду с названиями тюркскими и иными встречаются названия славянские. Название Тюмень было принесено казахами (черкасами) и в Сибирь после образования Киргиз-казацкой орды и передвижения ее туда. Славянские названия, вероятно, были даны гребенскими казаками по передвижении их туда, как мы предполагаем еще в конце XIV в. Некоторые названия являются, вероятно, переводом туземных. Но название р. Быстрая и Белая и самих казаков Гребенскими не может иметь местного происхождения. В стране, где масса гор (гребней) где все реки имеют быстрое течение, эти совсем не характерные названия не могли обратиться в собственные.

Мы высказывали не раз свое предположение, что Гребенские казаки на Терек пришли с Донца. На Донце, в стране равнинной „Гребни" (горы) резко выдающиеся из земли, на сотни верст являются единственным и памятным. В книге Б. Ч. это название „Гребни" на р. С. Донце существует, и оно, безусловно, древнего происхождения существовавшее когда была еще подонская епархия. С Донца на Терек принесены и названия притоков его — Быстрая и Белая (Калитва).

В книге Б. Ч. не приведено названия городка гребенских казаков. Он назывался, как мы полагаем „Черленый", по крайней мере, под этим названием известен древнейший городок гребенцов.

В книге Бол. Черт. не указан г. Терки, принадлежавший Московскому государству и ничего не говорится о терских казаках, — которые появились после 80 год. XVI в. Отсутствие этого с несомненностью устанавливает, что сведения о Тереке в Кн. Б. Черт. помещены, какие имелись до 80 годов т. е. в 70—72. Упоминание гребенских казаков и острога (главного городка) у них подтверждает существование гребенских казаков до появления терских, т. е. до появления донских казаков на Тереке (сначала в устьи) в 1580-82 г. Иностранные карты совершенно не дают сведений о р. Тереке на Каспийском побережьи. Эта часть территории Казакии на картах совершенно отсутствует, а на позднейших картах гребенские казаки ошибочно показаны у Волго-Донской переволоки, а кабардинские черкасы в низовьи Дона, по левую его сторону.

Р. Яик. Р. Яик вытекла „поровень" с горою Аралтавою от *Тюмени* вытекла за 250 в. В Яик сверху впала Юрюк Самара (по нашему Резвая). Против Аралтавы горы с правой стороны впала Трюгун Самара, ниже в 60 в. пала Салмаш-Самара; ниже в 100 в. в Яик впал Дюдчил, ниже в 50 в. другой Дюдчил, в 60 в. третий Дюдчил, дальше три Ишсуклы, ниже три речки Дючас.

С левой стороны против — р. Изле. Выше конца Алтавы горы пала р. Вор. (Орь) из горы Юрука (Урала), из нее же *р. Иргиз* впала в озеро Акбашлы. В то же озеро впала р. Саук, а в нее р. Базын, Гинчал, Илген все с левой стороны; а с правой — Юрик Иргиз.

А против тех рек и Хвалисского моря пески Аракуль, Каракуль да Барсук-куль. Из гор Юрика вытекла р. Гем в нее с правой стороны впала р. Темирса. Р. Гем не дошла до Хвалисского моря 20 в.; с правой стороны в Гем впала р. Кайняр и Саненаз. Ниже Вора (Орь) впали в Яик 3 реки без названия, ниже тех речек 50 в. впала р. Илек; ниже Тустаба (Соленая) где ломают соль. А на устьи р. Яика — Остров Кош-Яик. *А промеж протоков Казачий городок.*

А Илек вытекла за горою Урук. В нее втекает Сунгурлук. Против горы Тустебе р. Оиль (Уиль) не дошла до р. Яика и ушла в землю; на устье той реки 8 озер Карагол (по нашему Черные). Ниже р. Сунгурлука и Ойля пали в землю 2 реки Аспага (Аспуга).

Все названия тюркско-монгольского происхождения нет ни одного славянского названия, это может служить доказательством, что все названия при составлении Большего Чертежа заимствовались от коренного населения. На иностранных картах областей к востоку от Волги совсем не показано.

Таким образом, по московским источникам (делам Посольского приказа и Кн. Большего Чертежу) и иностранным картам в первой половине XVII в. Казакия представляется в таком виде.

Р. р. Дон с притоками, Яик, частью Терек и частью Волга были заняты Вольным Казачеством. В пределах Казакии прочно существовали республики (войска) Донское и колонии ее — Волжское, Яицкое и Терско-Гребенское.

Это было единое государство во вне — Казакия, не только по названию исторически-преемственно территории, но оно являлось Казакией, как единое государство, и как представляющее одну казацкую народность, с одним внутренним содержанием, бытом, устройством, идеологией и психологией.

На низовьи р. Волги утвердилось Московское государство (в г. Царицын и Астрахань), но сама река являлась спорным владением между Казачеством и Московским государством.

По левую сторону р. Волги до р. Яика кочевали татары Большого Ногая. Малый Ногай кочевал от Каспийского до Азовского моря (по теперешней Кубанской области и Ставропольской губернии). По левую сторону р. Кубани по правую р. Терека и в горах между ними жили Пятигорские и Кабардинские черкасы и другие горские народности.

В устьи Дона находился г. Азов, опора турецкого могущества на Азовском море и на Азовском побережьи г. г. Темрюк и Тамань. Торговлю (местного значения) вели в них греки.

Соль, важнейший продукт того времени, в пределах Казакии добывалась в 3 местах — у устья р. Тора, из Манычских озер и на р. Яике.

К концу первой половины XVII в. кавказские черкасы и все горские народности подпали под влияние Турции. Среди них стал распространяться ислам и изменяться внутреннее устройсто и быт. Малый Ногай лавировал между Турцией (Крымским ханством) и Московским государством.

В пределах Казакии единство представляло лишь Вольное Казачество — оно являлось главным элементом; другие народности, как напр., ногайцы, изживали себя, иные (черкасы) начинали историческую жизнь как бы за ново.

В первой половине XVII в. Донское Войско имело по одному Дону 35 городков, кроме юртов и зимовищ.

Центр его — „главное войско“ т. е. столица всего Казачества было на Казачьем острове. Правильнее „главным войском“ считать все городки этого острова, т. е. Черкасский, Монастырский (прежде Нижние Роздоры), Маныч, Бесергенев, Мелехов и Богай.

В древних турецких актах и исторических документах Турции за XVI—XVII в. имеется несомненно много исторических и географических данных о Казакии и в частности о главной народности ее — казаках, но архивы Турции историками совершенно еще не исследованы.

Гл. IX.

Казачество в эпоху государственной своей независимости.

(XVII ст.)

Участие Донской, Волжской, Терской и Яицкой республик в событиях Московского государства, поддержка того или иного претендента на московский престол и, наконец, решающее способствование избранию на престол Михаила Федоровича Романова, как мы уже говорили, исходило из требований реальной политики Вольного Казачества — всей Казакии.

Вопросы были разрешены для него в благоприятном смысле. Установились определенные, регулярные сношения Московского государства с метрополией Казакии Всем Великим Войском Донским через Посольский приказ, через который велись тогда сношения со всеми иностранными государствами. Восстановлена была свобода торговли Донских казаков в пределах Московского государства, определено было „жалованье“ за военную помощь, оберегание окраин Московского государства; оно было установлено сначала в размере действительной потребности, соответственно военным услугам, оказывавшимся Московии Донским войском.

Но политика Московского государства, уже сильного соседа в то время Вольных Казачьих республик, была по отношению к ним всегда коварна и лжива.

Жалованье (поддержка) стала уплачиваться и отправляться на Дон не регулярно (не каждый год) и в ничтожных размерах. Укрепившись и усилившись, Московское государство начинает протягивать свои руки, закидывать сети в Казакии, как это делало в свое время в отношении соседних княжеств-республик: В. Новгорода, Вятки и Пскова.

Политические устремления Московского государства в сторону Донской республики, привели к убийству на Дону московского посла Карамышева, разрыву дипломатических сношений и экономической блокаде Дона (1630-32 г.)

Тесный союз Вольного Казачества — Казакии — с Московским государством скоро не только не давал экономической свободы, но наоборот — ставил в экономическую зависимость от Московского го-

сударства. В то же время религиозная идея борьбы с Турцией и ее вассалами — Крымским ханством и Малым Ногаем, препятствовала казачеству установить союзные отношения с этими своими соседями. Турция, занятием Константинополя и установлением владычества на Черном море, лишала казаков возможности установления торговой связи с государствами Зап. Европы. Выбора у Донского войска не было или оно не видело лучшего и союзные отношения с Московским государством в 1632 г. восстановились вновь,

Донское войско еще в первой половине XVII в. обращается к использованию своих естественных богатств не только для своей потребности, но и для получения предметов для обмена и торговли.

В первой половине XVII в. в пределы Московского государства уже вывозятся: рыба соленая, вяленая и свежая, кожи зубровые, лосевые и сайгачные и меха пушных ценных зверей, выгоняются лошади. На Дон из окраинных московских городов привозили хлебные запасы, обделанную кожу и разные „москотельные“ товары.

Донское войско изыскивает средства для существования; одним из таких средств было добычничество на Азовском и Черном море где был „лучший зипун“, т. е. более ценная добыча. Выход в Каспийское море стеснен был г. Царицыным и Астраханью.

Донское войско начинает энергично стремиться к овладению г. Азовом не только, как препятствием для выхода в море, но, главным образом, вообще для осуществления свободы торговли; в Московском государстве свободной торговли в действительности не было; то, что устанавливала правительственная власть практически аннулировали воеводы и приказный люд.

Высшего напряжения борьба за Азов достигает в промежуток 1637-43 г. г. Донские казаки, с помощью запорожцев, приступом берут его, успешно обороняют во время бессмертного „Азовского сидения“, но, под давлением своего союзника — Московского государства — вынуждены в конце концов вернуть его туркам.

Коварная политика Московского государства — обнадеживание в поддержке средствами борьбы и отказ в — посылке под разными предлогами даже хлебных запасов поставило Донское войско в исключительно тяжелые условия борьбы, и без того бывшими далеко не равными. Борьба за Азов кончилась неблагоприятно для казаков, несмотря на то, что в ней погибло более половины бойцов Донского войска.

После этого Донское войско снова устремляет все свое внимание на север, в сторону Московского государства. Между тем, экспансия последнего в сторону Казачьих республик и в первую очередь и главным образом в сторону Донского войска все усиливалась.*)

Стремление к предохранению от московских посягательств изменением государственного политического и социального строя самого Московского государства является главной основой Разиновщины. В своем отношении к Московскому государству Вольное Казачество редко бывало идеологически и психологически едино. Не было оно единым и во время Разиновщины. Это и было главной причиной поражения Казачества, было причиной потери Донским войском, а с ним автоматически и другими войсками государственной независимости и установления вассальной зависимости (1673 г.) после принесения присяги московскому царю.

Вольное Казачество продолжало существовать в виде государств до начала XVIII в., до разгрома Булавинского восстания Петром I; после чего оно стало существовать в виде отдельных народных организмов совершенно разобщенных друг от друга российской политикой. Результат Булавинского восстания был началом новой исторической эпохи Казачества.

Непрерывная боевая деятельность поглощала всю живую силу Вольного Казачества. Оно пополнялось из разных источников, главным образом, запорожскими казаками, и вообще черкасами (украинцами); но этим пополнением Донское войско, как и другие войска, сохраняло лишь свою численность. В первой половине XVII в. численность войск от пополнения извне и от

*) Желающим представить полную картину взаимоотношений Донского войска и Московского государства, предлагаем обратиться к ценному труду проф. Сватикова — „Россия и Дон“.

естественного прироста не увеличивалась; население начало расти только во второй половине XVII в. Источником серьезного пополнения и развития Донского Войска явились Запорожское Войско и Украина.

В первой половине XVII в., как документально известно, ни одного городка на р. С. Донце не существовало. В 50 годах возникли на старых местах первые городки по С. Донцу — Гундор, Лугань, Митякин и Каменской; ко времени же Булавинского восстания (1707 г.) на нем существовало уже до 30 казачьих городков и юртов (поселений).

После принятия Украиной (1653 г.) государственно-политической унии с Московским государством, установления там московских порядков, особенно же крепостного права, с Украины двинулась эмиграция в Казакию, где еще существовали свобода и равенство, откуда выдачи не было. Тяжелая и изменчивая судьба Запорожского войска также заставляла часто эмигрировать и запорожских казаков на Дон.

Эти эмигранты представляли идеологически, психологически, в бытовом и во всех других отношениях элемент совершенно однородный с донскими казаками, они быстро смешивались с ним и органически в одно целое, увеличивая численность и силу, но не оказывая влияния в сторону изменения природы, существа Донского казачества.

Причины Булавинского восстания были — с одной стороны, попирание со стороны царя прав Донской республики, а с другой, посягательство на часть ее территории, наиболее ценную экономически — Соляные озера у р. Тора и Бахмутовки, где добыча донскими казаками соли начала развиваться еще с 1680 года.

Ко времени Булавинского восстания (1707 г.) существовали следующие городки и юрты:

По Дону: 1) Черкасский, *) Маныч, Богай, Бесергенев, Мелехов, Раздоры, Семикаракор, Кочеты, Бабский (Бабей), Ведерников, Кагальницкий, Траилин, Н. Михалев, В. Михалев, Н. Каргалы, Быстрянский, Камышник, В. Каргалы, Романовский, Кумшацкий, Цымлянский, Терновской, Филлиповской (Перелышн.), Гугнин (юрт), Н. Курмоярский, Нагавкин (Ногайкин), В. Курмоярский, Зимовейкин, Есаулов, Кобылкин (Кобылянский), Н. Чир, В. Чир, Пятиизбянской, Голубые (Голубянский), Паншин, Качалин, Иловля, Сиротин, Ст. Сиротин, Новый (Н. Григорьевский), Ст. Григорьевский, Кременской, Перекопской, Распопин, Усть Медведицкий, Клецкой, Усть-Хопра, Вешки (Вешенской), Решетов, Тишанской Мигулин, Казанка, Дмитриевский.

По Донцу и его притокам, известные: Бахмутский, Боровской, Закотнов, Каменской, Митякин, Луганской, Гундор, Воровской, Ст. Андарский, Н. Андарский, Теплинский, Краснянский, Трех-избянский, Сухаревский, Яблоновой, Беленький (Белявский), Обливской, Каширский, Среднe-Калитвянский (на р. Белой Калитве), Худояровский, Новокраснянский (юрт), Обливы на р. Деркуле), Калитва, У. Быстранский, Кундрючье, Осиновский (юрт).

Из них после разгрома Петром I остались лишь городки по С. Донцу от Луганского вниз.

По Медведице. Островянской, Глазуновской, Скуришинской, Кепинской, Арчединской, Тетеревский, Раздорский, Орлов, Заполянской, Малодельский, Березовский. Городки выше Березовского по р. Медведице и по ея притоку Терсе, в том числе и Красноярский были уничтожены Петром I.

По Хопру. Букановский, Остроуховский, Кумылга, Слащевский, Федосеев, Зотовский, Арженой, Усть Бузулуцкий, Акишевский, Тишанской, Бурацкий, Провоторов, Луковский, Тежкинской, Безплемяновский, Левикинской, Урюпинской, Котовский, Добринской, Михайловский и Пристанской. Последний и все выше его были уничтожены Петром I.

По Бузулуку. Лук'яновский, Карповский, Мартыновский, Дурновской, Черный, Березовский, Филонов.

По Иловле все городки были уничтожены Петром I.

Таким образом при Петре I территория Донского Войска была значительно урезана.

На прилагаемой копии карты (№ 1 показана северо-зап. часть Казакии. Издание ее французское, издана она в Париже в 1703 г., по сведениям и материалам, полученным от русского резедента Андрея Артамоновича Матвеева.

На карте имеются как географические так и исторические сведения, но есть и грубые ошибки. Так г. Паншин показан не вблизи Волго-Донской переволоки, а в низовьи Дона и обозначен ошибочно — „столица Донских казаков". Видимо составитель руководствовался для обозначения этого городка ниже Черкасского какими то старыми источниками, как и для обозначения г. Атаманского. Черкесы и Гребенские казаки обозначены значительно севернее, чем они жили в действительности. Карта была не снята, а составлена по описаниям, поэ-

*) Монастырский после сожжения в 1643 г. турками, уже не восстанавливался.

тому она, конечно, неправильна. На ней имеются ценные и исторические сведения. Между р. Доном и Волгой имеется надпись: „пустые пространства, где видно несколько городов и поселений, разрушенных Тамерланом"; надпись соответствует исторической действительности, но она поставлена значительно севернее, чем следовало. Там, где она поставлена, городов и поселений не было, а были они южнее — на территории Подонской епархии у донских казаков. Низовые казаки на карте обозначены: „донские казаки или черкасы". В то время они могли называться и последним именем как и запорожцы, т. к. приселение запорожцев и вообще черкасов (украинцев) к низовым донским казакам было очень сильно.

Вторая карта (№ 2) издана в Нюренберге в конце первой половины XVIII ст., но по сведениям большей частью до Булавинского восстания. Это единственная карта, на которой показана часть городков по С. Донцу до этого восстания и существовавшая до него западная и сев. западная границы Донского Войска; граница же восточная показана, как она установилась после Булавинского восстания.

Гребенские казаки и черкасы показаны не на том месте, где они жили, надписи должны были бы быть сделаны значительно южнее.

Не обозначены на карте Кубанские или Аграханские казаки. Это войско образовалось из эмигрировавших с Дона в 80 г. XVII ст. $1^1/_2$—2 т. донских казаков, в результате религиозной борьбы, занесенной из Московского государства, и политика московского приверженца атамана Фрола Минаева. К этим казакам, после разгрома Булавинского восстания, эмигрировало 4—6 тыс. донских казаков под предводительством атамана Некрасова.

Кубанское *) или Аграханское войско жило в верховьях Кубани, в соседстве с гребенскими казаками и черкесами; позже оно передвинулось ниже по Кубани.

Причины потери Донским Казачеством государственной самостоятельности были разнообразны, но главными являлись: 1) то, что Вольное Казачество не отыскало себе союзников в пределах Казакии и 2) экономическая слабость Казачества, что и было причиной разделения Казачества на 2 партии (идеологически и психологически) — московскую и противомосковскую. Последняя руководствуясь идеями религиозными, не сумела найти другого иноверного союзника и противопоставить его Московскому государству. Последнее использывало Вольное Казачество всегда, как средство своей политики на юге, против Турции. Экономическая слабость Донского Войска была последствием того, что все силы и средства оно тратило на вооруженную борьбу на своих рубежах.

В начале XVIII в. Казакия распалась. Казачество вошло народными организмами в состав Российской империи, а другие народы ее — черкесы, кабардинцы и другие горские народности попали под владычество Турции. Первые лишились своего государственного бытия, а вторые были уже омагометанены. Через Казакию прошла граница двух государств Русского и Турецкого и народы, жившие раньше в соседстве, оказавшись теперь пограничными, обратились в материал экспансий, в военный материал для осуществления завоеваний для каждого из соперничавших государств (Турции и России). Дальнейшее описание исторической жизни Казакии является темой особого очерка.

10-XI-1929.

*) Это было первое Кубанское войско; существующее ныне образовалось из других источников; из переселившихся в конце XVIII в. донских казаков (Линейное) и из запорожских казаков (Черноморское). Первое же Кубанское частью вошло в состав Терского, большей же частью во второй половине XVIII в. эмигрировало в Турцию (Некрасовцы).

В предстоящей освободительной борьбе, все равно какими бы средствами она ни велась, сила Казачества будет зависеть от степени его политической организованности. *„В. К." № 13, 10-VI-1928.*

II
ВЫРЕЗКА ИЗ КАРТЫ:
Tabula Geographica
QUA PARS
RUSSIÆ MAGNÆ
PONTUS EUXINUS
seu
MARE NIGRUM
et
TARTARIA MINOR
Cum finitimus Bulgariæ
Romaniæ et Natoliæ
Provinciis exhibetur
A IOH. BAPTISTA HOMANNO
Sac. Cæs. Majestatis Geographo
Noribergæ.
BELGRADIENSIS
MAXIMA
TERRITORIUM COSACORUM DONNENSIUM
ASOWISCHE MEER
CIRCASSIA seu REGIO CIRCASSIORUM
GREBENS KAIA
KOSSACKI
NOGAJENSES TARTARI
PETIGORIA
CABARDINIA
POPULI LIBERI
Gora Ulka Mons
Varada Mons
Caucasus Mons
Woronits
Ostrogofskoi
Kostanskoi
Tanais nunc Don Flu
Donetskoi
Adar
Lugan
Gudorofskoi
Kamennoi
Czaritzim
Perevo loc
Zari Canalis
Ruinæ de Seraia seu Zaresgojod
Powuza Ins.
Wolga Fl.
Czornog or Vetus Czornogor
Candach flu
Zorra
Besinada
Assof
S. Anna
Kalantze
Cuban
Cuban fl.
Cupan fl.
Insula Taman
Kerza
Kafa
Korzibas
Karabes
Batan Abase
Campus

ЛЮБОВЬ САМСОНОВА.

Путь.

Поэма.

I.

Ни шляха, ни тропки... Сухая трава
Ложится бескрайною степью.
От знойного солнца болит голова
И руки повисли, как плети.
Исколоты ноги сухим чебрецом.
Испить бы хоть каплю водицы...
Шел соколом с Дону, приду — чернецом, —
Суха ты родная землица!
Полынною горечью вскормлена ты,
Кровавые росы вспоили цветы. —
Где сочные травы, кустарник, деревья?!.
Кто степь истоптал, отправляясь в кочевья?..
Иду столько дней: на пути ни станицы, —
Лишь зверь осторожный, да птиц вереницы.
Упасть бы в глубокий покоющий сон;
В ушах погребальный, размеренный звон:
Над жизнью ненужной, над стынущей кровью,
Над мертвым Степаном убитым за волю,
Над матушкой старой, над малым братишкой,
Над робкой женою, ребенком сынишкой,
Над горьким поворот седого отца,
За сына испившего чашу конца.
А мне — четки в руки, клобук чернеца,
Да рваные ноздри, — не смыть клеймеца!..
Как, Боже, предстанем пред Страшным Судом:
Один четвертован, другой обезглавлен...
Как, Боже, простремся пред Свышним Отцом,
Как силу Господню и Правду восславим?!.
Кто девичьи слезы, мой Боже сокроет,
Кто руки, покрытые кровью омоет,
Кто скажет: мы злобы и месть не таим,
Мы только покоя, покоя хотим!?.
Пустеет, пустеет родная земля, —
Одни заплатили за вольность душою,
Другие склонили колени, стеня,
А третьих по миру пустили с сумою..

II.

А воля, раздольная воля жила;
А воля степными цветами цвела;
Задорная сила сшибалась плечом;
И пика не гнулась под барским мечом;
И весла дробили зеркальную гладь,
И силушки некуда было девать...
И спину согнула боярская стольница,
И в ширь разлеглася Степанова Вольница;
Крушила, разила людская волна, —
Все ж воля казацкая, — воля была!
— Сбиралися с юга, бежали с востока,
Звенела ночами степная земля;
Горела кострами сухая осока
На волжские дым нанося берега.
Дрожали окрест степовые народцы:
Послушно несли Атаману Ясак;
Их робкие жены, сойдясь у колодца,
С опаской шептали друг другу — „казак“!
Он в робкую стайку врывался наметом,
Хватал постройнее какую в седло
И мчалися тени бесшумным полетом,
В испуге прикрывши чадрою лицо.
И в прах рассыпалася звонкая глина,
И крик одинокий ловила лишь ночь,
И никли к земле под копытом полыни,
И мать не искала пропавшую дочь...
Плыли величавые, гордые струги;
Хвалынское море кидало волной;
И встали пред Шахом Степановы други
Железною вольница встала стеной!
Вернулись, везли драгоценные ткани,
Везли изумруды, топаз, жемчуга;
И сам Атаман был богаче всех данью, —
Дороже камней бирюзовых княжна!
Сомкнулись над нею могилою воды.
Степану дороже утехи — свобода...
Как вольный орел Атаман к небу взвился,
Да скоро потом ниже туч опустился!
Сломали Степану железную волю,
Сломали сафьянным, цветным ичигом
Его покаяние кровью омыли,
Ласкали треххвостым московским кнутом...
Рекою казацкая кровь потекла
А все таки волюшка, воля была!

III.

Хутор пустынный, сожженный курень,
Срубленный тополь, разбитый плетень,
Ветер уныло над пустошью свищет,
Плачет надорванным стоном:
Горсть обугленной земли с пепелища —
Все, что осталось от дома...
Пепел отцовский мне в сердце стучится,
Сердце кровавой росою сочится...
Кто же детишкам даст корочку хлеба,
Кто же подставит за них буре грудь?...
Синим шатром запрокинулось небо —
Путь мой далекий, неведомый путь...
Плетусь бесдорожием, беглый расстрига,
Бегу от обители, кротких отцов,
Бегу от ярма насильного пострига,
От четок игумна, от чтенья святцов...
Какие грехи мне замаливать, Боже,
Какое проклятье несу на плечах?!.
За то ли, что Воля была мне дороже
Сиденья на царских дареных хлебах?..

IV.

Виясь, бежит по травам путь,
Теряясь в необзорной дали,
Ползет в глаза седая муть,
И сердце биться уж устало...
Струят сухие травы горький вздох,
Из тощих кустиков глядится жутко нежить,
Мне б лечь на мягкий, влажный мох,
Мне б веки тяжкие в спокойной дреме смежить...
Во сне увидеть лик Христа,
Забыть о том, что люди звери
И путь Голгофы, путь Креста
Восславить, трепетно поверя.
Простить потери и позор,
Прильнуть, очистясь, к ризам Божьим
И обратить окрепший взор, —
Во мглу пустынных бесдорожий.

Твоей незримою тропой
Последовать, Исусе Сладкий,
Где травы под твоей стопой —
Касались ног твоих украдкой;
Где цвет лазоревый поник,
Твою святыню славословя,

Где гроздья робких повилик
Сплели ковер тебе лиловый...
И вдалеке узреть сиянье
Твоих надоблачных палат,
И пасть с слезами покаянья
У звездных, скитских, Божьих врат...

Д-р. С. ФЕДОРОВ.

Краткий очерк истории Казачества.

В связи с процессом послереволюционного возрождения казачества, оно проявляет чрезвычайный интерес к прошлому своих предков и в историческом своем прошлом стремится найти свое настоящее я и познать самого себя. Историческая литература о казачестве сравнительно не велика, содержание ее, главным образом, касается военной стороны казачьей истории и почти совершенно обходит вопросы, посвященные происхождению казачества, как самобытного явления черноморско-азовской области древних веков; серьезных исследований о происхождении казачества до сего времени не было и только в настоящее время делаются в этом направлении серьезные попытки. Большинство прежних исследователей казачьей истории никак не могло отрешиться от навязанных общероссийской школой (последней четверти XIX стол.) схем и не решалось искать истоки казачества там, где оно само указывает их в отдаленной старине приморского Юга и Подонья Востока Европы.

Древнее казачество, чувствуя резкую свою отделенность от других славянских племен, населявших Восток Европы, вольно или невольно стремилось самоопределить себя не только по племенному, но и по национальному признаку. Старозапорожская традиция, зафиксированная в казачьей истории и в актах колоссальнейшей исторической ценности — Протестации украинского духовенства 1620 года и первой Запорожской Конституции 1710 года, относила ко временам Хозарского владычества на черноморском Юге, не только начало образования Войска, но и национально-племенное происхождение Запорожцев. Традиция эта продолжала жить у Запорожцев еще в конце половины прошлого века и соответственно поддерживалась трудами многочисленных российских солидных исследователей. Соответственно и другое великое Войско — Донское, положившее начало многим иным Войскам казачьим, придерживалось своей особой исторической традиции, относя свое происхождение как от славянского корня, так и от горских и других степных народов в древней глубине веков. Все казачьи Войска единодушно отметали «русскость» и российское свое происхождение и всегда, на протяжении всей казачьей истории противопоставляли себя России, а свои Земли — Руси.

Эта староказачья традиция была настолько сильною, что в первой половине XIX стол. идея «казачье-русского» народа, как отдельной этнической группы восточно-европейских славян, взяла верх в российской исторической литературе о казачестве и была принята к оффициальному руководству на протяжении целых десятилетий в учебниках высших и средних школ Российской Империи.

Преподавание в русской школе не только не разрушало, а наоборот, закрепляло такие представления. В учебнике географии Арсеньева, бывшего в течении тридцати лет, с 1818 по 1849 год, единственным учебником по географии в средних школах России, казаки (Донские, Черноморские, Сибирские, Уральские) в отделе о «племенах народов обитающих в российских владениях» отнесены к «славянскому племени» на ряду с поляками, отдельно от русских. Подобная же тенденция была проведена в истории Устрялова. В ней особый «казачий народ» фигурировал отдельно. Обе эти книги выдержали по тридцати изданий каждая.

Позднее взгляды эти уступают новой теории племенного единства народов российских, в которой Казачеству отводится всего лишь жалкое место сяужилого сословия, отживающего свой век, как исторический пережиток. Подобный взгляд укрепляется и господствует безраздельно везде, куда проникает общероссийская культура и ученость, только народные казачьи массы инстинктивно сохраняют в себе староказачью историческую традицию, которую и выявляют в революционный период 1917 года. В связи с ростом национального самосознания по пути самоопределения народов идет и Казачество, заявившее устами своих представителей на Киевском с'езде угнетенных народов о национальном бытии Казачества, как отдельной ветви народов Востока Европы.

Старая традиция возрождается и находит себе отклик в оффициальных документах Казачества. Конституция 1918 года Всевеликого Войска Дон-

ского говорит о национальном донском гимне, флаге, цветах, гербе и о казачьей народности.

Казачество находит свое историческое прошлое, стремится очистить его от наносов и чужих тенденций и показать его таким, каким оно было в действительности, в давно забытое время. Казачество самоопределяется. Только закоренелая предубежденность может отвергать древние исторические свидетельства, проливающие свет на жизнь казачьих предков в пределах Руси Азовско-Черноморской.

Об'ективный исследователь имеет в них неоспоримые свидетельства автохтонности Казачества на своих родных территориях. Истоки казачьего бытия относятся в то отдаленное прошлое, когда еще не существовало ни Российского государства, ни русского (великорусского) народа, ни прототипа их — царства Московского, наложившего путы духовные и физические на самостоятельное развитие казачьей жизни и мысли. Революция разбила путы физического «единонеделимства» и свободное казачество идет далее по пути своего национального самоопределения.

I. Доисторический период Казачьих Земель.

Основная территория предков — запорожского, донского и кубанского Казачества в описаниях древнейших писателей, еще до Рождества Христова, носила название Скифии. Скифы, равно как и сменившие их сарматы, меоты и алане, принадлежали к одной семье иранских народов, и имели язык одного общего корня; имя их было именем собирательным и в период VII—V веков до Р. Х. в бассейнах Черного и Азовского морей насчитывалось до 55 скифских племен.

Скифы кочевали и владели теми самыми землями, на которых позднее появляется Казачество. Древние писатели говорят, что Европейская Скифия лежит у Меотиды (Азовского моря) и Таиаиса (Дона), включая в себя Сев. Кавказ. Северная линия их владений проходила от верховьев р. Днестра, через теперешний гор. Кишинев, Екатеринослав, пороги на р. Днепре, р. Самару, Харьков, Дон, до г. Борисоглебска. За этой линией, к северу от нее, жили народы не скифские; скифы же владели этой территорией до прихода готов и гуннов, появившихся здесь во II стол. по Р. Х.

Скифы характеризуются, как отличные скотоводы и коневоды, ведущие кочевой образ жизни; только часть их у Меотийского моря знает хлебопашество.

В 60-х годах II-го стол. по Р. Х. в черноморских степях появляются пришедшие с Балтийского побережья в Германию Готы. Владычество их продолжается около 150 лет и характеризуется очень тесной и интенсивной связью с местным населением. Готы выступают здесь как носители христианской культуры; они вытесняются отсюда гуннскими племенами и оставляют только часть своего народа, сохранявшегося в Крыму еще в XV столетии.

Во времена готского владычества на черноморско-азовском побережьи становятся известными многочисленные народы Антов, которых европейская наука признает славянами. По свидетельству византийских и готских писателей у многочисленных племен Антов осуществлялось народоправство. Анты отличались воинственностью и выносливостью и имели те-же самые характерные особенности, как и их предшественники Скифы, к которым некоторые писатели продолжают относить и Антов.

В первой половине VI-го века по Р. Х. славяно-антские племена уже овладели бассейном Дона и продвинулись к берегам Азовского моря. Эта колонизация шла из автохтонной славянской территории, охватывавшей современную нам правобережную Украину с Черниговщиной до Карпат и Вислы. Процесс расселения шел веками и оседание славянских племен на наших территориях происходило еще до VI-го века. Здесь они встречались с народами аланскими, перемешивались с ними и подвергались их влиянию. Анты служат в качестве конницы в византийских войсках и принимают участие в походах на Италию и против Аваров и Хозар. Между собой они об'единяются в политическое единство, которое в начале VII в. было разрушено Аварами. С этого времени об Антах перестают упоминать летописцы и историки.

Аваро-гуннское государство, которое по византийским источникам называется Великой или Старой Болгарией, находилось в границах между Яиком, Азовским морем, р. Кубанью и Кавказом; в 642 г. оно под натиском хозар прекратило свое существование, а Болгары отошли в район Камского Приволжья и Кумских степей. Хозары же распространили свое владычество за Днепр и до теперешней средне-русской возвышенности.

На исторической сцене Предкавказья и Донских степей, в период высококультурного и организованного могучего Хозарского государства, становятся уже известными славянские племена Руссов, занимающие те самые территории, на которых недавно еще мы видели племена Славян-Антов. Мощное своей конструкцией Хозарское государство успешно охраняло эти степи от напльва восточных кочевников и благоприятствовало славянской колонизации приморско-степной территории.

Сильное культурное влияние хозар начало распространяться на подчиненные им племена и народы, общим числом до 25-ти (начиная с VII ст.) и настолько углубилось в народное существо, что

отзвуки его замечались в запорожском Казачестве почти тысячелетие спустя.

Сожительство Азовско-черноморской Руси с хозарскими племенами продолжается долго после падения этой державы. Упоминания об этом имеют место и в первой половине XIII ст.

II. Русь Азовско-Черноморская.

1. Первые свидетельства.

Целый ряд выдающихся арабских писателей, историков и географов, повествуя о походах Арабов на Подонье, на Северный Кавказ, и Поволжье, устанавливает наличие славян по Дону, Донцу, нижней Волге, на Тереке и на кубанском Черноморьи. О славянах по Дону, в составе хозарской империи упоминается уже в первой половине VI века.

Исторические свидетельства не вызывают уже никаких сомнений о начале Казачества от времен хозарского владычества в степной полосе Вост. Европы, устанавливая даже в деталях общность организации.

В этот же период к азовско-черноморскому славянству начинает применяться название Русь. Первые известия о каком-то племени Рос (рус), живущем в южных степях, относится к 555-му году, позднее челны «россов» (руссов) упоминаются в боях под Цареградом в 626 г. и с болгарами в 773-м г. На основании сообщений иностранцев некоторые исследователи полагали, что уже в IX стол. существовала какая-то Таманская Русь. Самое наименование Русь явилось причиной построения нескольких теорий о происхождении позднейшей России и к различным спорам между историками разных школ.

В конце концов для казачьей истории не имеют большого значения теории происхождения Руси, важно то, что наукой установлено бесспорное наличие многочисленного славянского населения на землях Азовско-черноморских, к которым в IX в. уже привилось название Руси. Эти славяне, находясь в непосредственных сношениях с культурными народами Востока и Византии, сами поднимаются на высокую ступень культурного развития. Большую роль играло здесь и христианство, уже с первых веков христианской эры укрепившееся в Крыму и на Черноморско-азовском побережьи Предкавказья. Здесь существовало несколько христианских епархий и митрополий, а впоследствии в уставе греческого императора Льва Философа (886—911 г.г.) в числе епархий, подчиненных Константино-польскому патриарху на 60-м месте упоминается церковь Русская, а следующая за нею Аланская. Кафедра последней находилась в гор. Бидзиги (Бездеже), на среднем течении р. Кубани, и считалась весьма древней на Кавказе. Церковь же Русская поставлена раньше Аланской, в те времена, когда Русь Киевская еще не принимала крещения и когда в Киеве никакой епархии не могло быть. Параллельно с христианством, к славянам Азовско-черноморского побережья проникала культура и наука, они имели свою письменность еще до того, когда Св. Кирилл и Мефодий составили первую славянскую азбуку. Св. Кирилл, прибывши в Крым, по дороге к хозарам, изучал в Корсуни славянский язык и там же, в начале второй половины IX в., нашел Евангелие и псалтырь «роуськи письмены писаны». Во времена I-го Вселенского собора в г. Никее, в 325 г. на нижнем Дону существовала уже Танаисская митрополия. Особенно широко и глубоко началось развиваться христианство в Приазовьи в царствование византийского императора Юстиниана I (527—565 г.). По свидетельству св. Иоанна Златоустого и бл. Иеронима богослужения там совершались на местных наречиях.

К какому времени относится принятие христианства Азовско-черноморскою Русью сказать трудно, во всяком случае распространение его шло постепенно и не предотвращало важных походов этой Руси на греческие побережья Малой Азии и Крыма. «Погибельны делами и именем народ Русь опустошил берега Черного моря от Пропонтиды до Синопа», говорится в житии Св. Георгия Амастридского (около 842 г.), а несколько спустя, по другому сказанию, руссы, под предводительством «князя» Бравлина попадают на г. Суроже (Судак) в Крыму, где «князь» их постигается карой за святотатство. В эти времена русского государства в бассейнах Днепра и Волхова еще не существовало.

В период хозарского владычества над скифско-славянскими землями Юга начинает приобретать значение Киевское Государство, выступающее под таким же наименованием Руси. Украино-русские племена, об'единенные под верховной властью Киевского князя, живут своею самостоятельною областною жизнью под главенством местных «светлых» князей, пребывающих «под рукою» князя Киевского. Вся Русь, а не князь, пользуются полнотою власти, осуществляя прямое народоправство; народ, а не князь выступает в первых международных договорах Олега и Игоря с греками, в качестве верховного властелина.

Русь Киевская по системам Днепра и Донца, по Волчьим водам, через рр. Мице и Кальмице имеет непосредственное деловое и военное общение с Русью Азовско-черноморскою и морским побережьем. Мореходные качества прибрежных руссов открывают военные возможности в отдаленных краях и современная история фиксирует целый ряд безкняжьих походов, совершаемых ими в конце IX и X-м ст. на Черноморское побережье, Закавказье и Каспий, морем и сухопутью.

Арабские писатели отводили для Азовско-черно-

морской Руси разное место среди двух других Русей — Киевской и Славии-Новгородской. Они писали, что Русь состоит из трех племен — третья Русь, придонская, имеет свой центр между хозарским Поволжьем и Дунайскими владениями Болгар и свидетельствуют о существовании г. Руссии в устьи Дона. Русь приморская и подонская тесно соприкасалася с племенами иранскими, предками теперешних черкес и других кавказских народностей. Народности, обитавшие между Кавказским хребетом, Каспийским и Азовским морями, захватывая нижнее и среднее течение р. Дона была занята народом, который носил название — и черкасов, и чигов и казаков, у Каспийского побережья жили алане. Страна эта у Византийского имп. Константина Багрянородного фигурирует под именем К а з а к и и. Славяно-руссы первоначально, видимо, занимали морское побережье и низовье Дона.

Совместное сожительство иранцев со славянами, а позднее с тюрко-татарами разнило их не только духовно, но и по крови, при посредстве браков. Черты одной народности воспринимались другою, писмена перемешивались, вырабатывался средний тип степняка-славянина, который «амальгамировал» собою соприкасавшиеся близко народы. Вырабатывался тип воинственного юго-русса, которого не менее воинственные арабы характеризовали в X в. как добычника подобного «волкам и львам безжалостным». Тем не менее в повествованиях арабов о приходе Руси в Закавказье, на судах с Дона волокам до Волги, через Каспий и вверх по Куре в Арак, воины эти выступают в качестве благоустроенного организованного войска.

Киевская Русь во времена князя Игоря, нашедшая убежище у Руси Азовско-черноморской, при неудачном походе на греков в 944 г., нашла здесь родственный организованный народ, помогший ей при князе Святославе уничтожить могущество хозар в далеких походах за Волгу и до Яика. Во времена княжения Святослава и перенесение им своих походов на Кавказ, здесь была уже значительная самостоятельная народность славянская, господствовавшая над целым краем, но еще не бывшая в династической связи с Хозарским каганатом. После установилась и династическая связь с Киевским государством. В 988 г. Владимир Святой, об'единивший под своею властью все восточно-славянские племена, поставил князем над землями херсонскими, придонскими и кавказскими старшего сына своего Мстислава.

2. Княжество Тьмутараканское.

С этого времени в землях наших предков на некоторое время устанавливается княжеская власть, имеющая свой стол в городе Тьмутаракани, б. греческой Таматарке, на Таманском полуострове, напротив Керчи (Корчева древнерусских летописей). Во все время существования Тьмутараканского княжества характер княжеской власти в нем был своеобразный. Князь-дружинник был не более как воеводою, полководцем, прототипом стародавнего Атамана, в противоположность типу князя земского в Руси остальной.

Около этого времени Русь Азовско-черноморская попадает в сферу движения кочевников, и ее княжество становится уже территорией, отрезанной от украино-русского мира. Тьмутараканский князь Мстислав переносит центр своего внимания к берегам Днепра и, поддержанный своими дружинами и кочевниками, получает во владение весь необ'ятный простор от левого берега Днепровского до Волги, Каспия и Кавказа, со стольным городом Черниговом. Род кн. Мстислава не раз еще именовался в летописях тьмутараканским, а преемники его считали Тьмутаракань своею вотчиной и при усобицах князей находили там убежище и помощь Руси азовско-черноморской и кочевников против своих врагов. Сын его Олег из далекой Тьмутаракани не раз потрясал Киевским столом и владениями Ярославичей. Тьмутаракань почти еще столетие служила убежищем князей изгоев. Русские князья берут себе в жены дочерей степных владетелей, а Азовско-черноморская вольница, в свою очередь, роднится с соседними племенами. Княжество Тьмутараканское об'единяет в себе и славян, и иранцев-яссов и казахов (касогов) и остатки хозар, игравших еще большую роль в государственной жизни Приморья.

В X в. печенежская орда, торки и берендеи, заполняют южные степи и отрезывают Русь Азовско-черноморскую от Руси западной и северной. Почти целое столетие проводит государство Киевское в борьбе с этими кочевниками.

Место Торков и Берендеев, носящих об'единенное название Черных Клобуков, занимают в степях Половцы — конгломерат кочевых племен, которые оттесняют еще дальше славян-руссов и прижимают Черноклобуцкие народности к границам Руси-Украины. Русь Тьмутараканская в конце XI века теряет связь с последней и в русских летописях с 1094 г. прекращаются всякие известия о Тьмутараканском княжестве. На месте ее в XII ст. появляется Русь степовая, бродячая, «бродники» русских летописей, которые живут среди половецких народов и вместе с ними принимают участие в междуусобицах князей Рюрикова рода.

3. Бродники и берладники.

В черноморских степях, от Дуная до Кавказа, оставались славяно-русские общины, разбросанные оазисами между кочевыми народами, с которыми они сжились и к которым приспособились. Славяне никогда не переставали заполнять степей, по которым передвигались кочевники. Отдельные группы и целые племена и колена южно-русские могли отрываться от главной массы и передвигаться по бесконечной равнине в поисках средств существо-

вания. Кроме того, по городам и селам бывшего Тьмутараканья продолжали жить потомки Руси приморской и подонской. В XII в. Русь чувствовала себя ещё как дома на Осколе и Донце; среди лесов между Сулою и Ворсклою были поселки славян; были они и по Дону, Волге и в Предкавказьи, только летописи по своей традиции не упоминали о них, как находившихся вне княжеской территории. За Ворсклой для Руси княжеской начиналось уже чужое Дикое Поле, но за Диким Полем, по Дону и Донцу, славянские следы были еще сильны — урочища и реки носили славянские названия и по ним сидела древне-русская народность. Она входила в тесное соприкосновение с кочевниками, роднилась с ними, перенимала их обычаи и сноровки и всасывала в себя безчисленные элементы степовой жизни.

Через два столетия после смерти Владимира Святого единение между Русью Днепровской и Приазовской (Казакией) начинает утрачиваться. На Руси господствует период междуусобий, падает ее культурное развитие и интерес к своим южным соплеменникам; опустошения кочевников влекут потери людьми и имуществом. Степной народ не может подняться выше примитивных забот об охране своего существования и удовлетворении элементарных потребностей повседневной жизни. Народ дичает и становится не менее примитивным, чем и сами кочевники. Русские племена живут в различных экономических и бытовых условиях и, таким образом, славянские народности начинают дифференцироваться, определяются народности украино-русская, белорусская и великорусская; особняком от них стоит Русь степовая, утратившая тесную ранее племенную связь с населением княжества Черниговского и Переяславского. Окраины последних заселяются черноклобуцкой народностью, которая ассимилирует славянские оазисы и ассимилируется сама в славянской стихии. В этнографический тип южно-русского населения вливается сильный элемент тюркской крови, а в северо-восточную — финской. На северо-востоке в XII в. образовалась Суздальская Русь и начинает формироваться новая государственная сила — московская.

Русь степовая все больше и больше сближается с народами тюркскими, которые называются общим именем — чигов, казахов и черкас и сама усваивает эти названия, перенесенные и на берега Днепровские. В летописных повествованиях она выступает на Дону и Приморьи как «бродники», на Днестре, как «берладники» и всюду как воинственный народ, наполовину промышленники, наполовину добычники.

Русские князья ищут их помощи и посещают их городки по Дону, Хопру и Днестру; в XIII в., еще до прихода татар, ими интересовался духовный католический мир, а король соседней с землями бродников Венгрии — Бела IV, сообщает нам, что земли бродников и куманов (половцев) простираются от его границ до Кавказа. Бродники принадлежат к славянскому племени и исповедуют христианскую религию, вследствие чего католический епископат, укрепившийся в генуэзско-венецианских колониях северных берегов Азовского и Черного морей имеет желание привлечь их под свое покровительство.

Бродники и в XIII ст. до прихода татар, продолжают принимать участие в междуусобицах русских князей. Известность их среди родственных и чужих народов была большая; военные их соединения по тем временам были весьма значительны. По устроиству и качествам своего легкого войска и по образу своей жизни и занятий бродники и берладники Черноморско-азовских степей напоминают казачьи общины. В украинских и русских исторических исследованиях они так и понимаются, как прототип казачества: Тьмутаракань называется украинской Сичью XI в., а в бродниках тьмутараканских видят начало зарождения Сичи Запорожской. Такою же Сичью называют и Берладь, укрепленный богатый город днестровской вольницы; само же имя их есть собирательным: в заднепровьи их называли «севруками», на Днепре «черкасами», на Дону — бродниками, на Днестре — берладниками. Степовая, азовско-черноморская Русь утратила непосредственное соприкосновение с культурной единоплеменной Русью и, не образовав своей собственной культуры, жила особой, своеобразной жизнью, отделенная от остальных славян тюркским морем.

4. Период татарский.

Дальнейшие известия о славянском населении в степной полосе Вост. Европы относятся уже к периоду татарского господства на всем Азовско-черноморском Юге и в Подоньи.

Утверждения о полном опустошении татарами этих территорий неосновательны. Легенды об исключительной жестокости войск Чингис-хана и его ближайших наследников опровергнуты исторической наукой. Следует строго различать периоды татарских походов XIII века, от походов Тамерлана и Тахтамыша в конце XIV в.

Организованные Чингис-ханом народы получили у европейских ученых общее название татар, независимо от того, к какой народности они принадлежали и какую религию исповедывали. Греческие и иные историки этого периода сообщают, что в татарских войсках было большое количество христиан и что предкавказские народы и руссы служили в татарских войсках, переняли их нравы, образ жизни, одежду, и они то содействовали могуществу монголов.

Прежде чем предпринять куда поход, Чингис-хан основательно знакомился с теми краями и их политическим устройством и всегда выступал в

роли освободителя от тирании прежних владетелей. Его тактика заключалась в мирном привлечении на свою сторону населения, которому он обещал сохранение его веры, обычаев, правосудия и только там, где его дипломатия не встречала успеха, непокорных подчинял ему его меч.

Каждому походу предшествовала основательная разведка и искусная дипломатия. Вследствие удивительной дисциплины монгольских войск, строгому правосудию и точной административной организованности подчиненных татарам народов, симпатии новых народов часто склонялись на сторону Чингис-хана. Поэтому нет ничего удивительного, что в рядах татарской армии, при первом же их появлении на Азовско-черноморском побережьи, мы видели значительное участие Руси Степовой, бродников, выступающих против ополчения князей русских; в тоже самое время соседнее с бродниками болоховское население, соседящее и с Галицией, выступает против князя Галицкого, поддерживая татар; живет оно своею самостоятельною жизнью под властью выборных воевод (атаманов).

Русские летописи упоминают об участии бродников под предводительством воеводы их Плоскини, в несчастной для южно-русских князей битве на р. Калке в 1224 г.

Окончательное установление Золотоордынского строя в южных степях, относится ко временам хана Бату (Батыя), в войсках которого служила и Русь степовая. Покоренные и союзные татарам народы по роду своих обязанностей делились на податных и военнослужилых. На последних лежала обязанность охраны границ и участия в походах, а первые доставляли средства к содержанию военного и государственного ордынского аппарата.

Военнослужилые обязанности легли и на Русь степовую, которая очутилась в непосредственном соседстве Золотой Орды и была отделена громадным Диким полем от владений князей южно-русских. Оставление обширных пустынных пространств по границам монгольской империи служило одним из способов обороны государства Чингис-хана.

С появлением татар на Европейском театре, западные владетели, духовные и светские, начинают устанавливать с ними дипломатические сношения. Через территорию славянских бродников и днепровских черкас в Орду ездят послы западных королей и римских пап, которые и знакомят нас с бытом казачьих предков того времени.

Один из них, Вильгельм Рубруквис, в 1253-м году проезжал по Дону и был в русско-бродницких селениях. Он говорит, что на Дону от смешения Алан и Руссов (Ruteni) образовался особенный народ закаленных воинов, которые добывали себе все необходимое войной, охотой и рыболовством, ведя полукочевой образ жизни. Неблагоприятные условия жизни не позволяли им строить больших городов и дорогих жилищ; жили они в земляных и камышовых постройках. Скромные в отношении себя жители Подонья заботились о дочерях и женах, не отказывая им в нарядах. Мужчины зимой и летом носили чекмени и высокие бараньи шапки.

Вассальные татарские владения простирались на запад за днепровское Запорожье до верховьев Буга, там тоже жили свободные славянские люди, не признававшие княжеской власти; они управлялись своим порядком и носили название «татарских людей». Все они впоследствии выступают под названием казаков.

Татарское иго не было сокрушающим для вольного славянского люда степей; им, как союзникам татар, не зачем было покидать степей и убегать на север и запад. Они были в постоянном союзе с татарами, принимали участие в их походах в глубь Европы, составляя легкое конное войско, которое, вместе с другими не монгольскими народами Кавказа, представляло авангард татарских полчищ.

Согласно монгольским взглядам на государство, военнослужилые люди были вольными, а на оседлое население сел и городов татары смотрели как на вечных рабов, призванных работать на вольных. В Золотоордынской государственной системе за казачьими предками была закреплена военнослужилая роль, вместе с которой за ними закрепляется и название казаков.

III. Начало Вольного Казачества.

1. Казаки.

Все народы, входившие в состав Монгольского государства, были разделены по военному образцу на сотни, тысячи и высшие организационные единицы, вроде дивизий и корпусов — «тьмы», причем начальниками их были люди из тех же самых народностей. Поэтому мы видим среди остатков Руси азовско-черноморской своих сотников, воевод и гражданских властей.

Монгольское войско разделялось на три категории — князей, улан и казаков. Род Чингиса — алтан-урух (золотой), вместе с родственниками, многочисленной гвардией, состоявших из монгол по крови и свободными монголами (теркетами) образовывали высший класс в государстве — князей; поэтому кличка «князь» сохранилась за поволжскими татарами и до наших дней. Гвардия была распределена на 4 ставки и при главной из них — Золотой находилась всегда десятитысячная «тьма» гвардейцев. Остальные подвластные военнообязанные народы давали вспомогательные войска, состоявшие из улан и казаков. Казаки со-

ставляли низший род войска, легкоподвижный, употребляемый для авангардных боев, караульной и разведывательной службы и конвоя.

Происхождение слова казак вызывает много толкований. Большинство приходит к тому выводу, что оно есть тюркско-татарского корня и имело у татар значение человека вольного и независимого, воинственного добычника, партизана, человека бездомного и неоседлого. Слово это значительно старше Батыева владычества в Приволжьи и землях казачьих. Еще во времена Константина Порфирородного в X столетии, территория Кубани и Нижнего Подонья носила название Казакии по народу жившему там, и долго потом в XIV и XV стол. в греческом и латинском языках слово казак было равнозначущим татарскому казак; слово это в значении передовой стражи было известно и у народов половецких. Предкавказское население несло легко-конную службу в монгольской армии и отсюда название казак легко могло утвердиться и за другими народами, отправлявшими тот же род службы. В XIV. в. оно уже становится названием Руси степовой — бродников и постепенно закрепляется за ними в название национально-племенного значения. После принимают название казаков и об'единенные киргизские народы, подпавшие под власть монголов. Киргизы в Золотой Орде несли такую же казачью службу, как и народы наших степей и занимали прикаспийскую территорию в Предкавказьи и Черноморьи. Название киргиз-казаков они приняли в начале XV ст. после того, как киргизы смешались с казаками (черкасами). Киргиз-казаки составили пятую Казачью Орду, управлявшуюся в XV стол. без хана и князей.

2. Казаки „запольные".

Среди начавшихся в Орде междуусобий жизнь безкняжей степовой славянской народности становилась неспокойной и тревожной. Патриархальная жизнь этих людей, управлявшихся на основах народоправства, под руководством своих атаманов, вдали от татарских властей, не вмешивавшихся во внутренние отношения, развивала у степного населения чувство взаимной сплоченности и взаимоподдержки. Занимаясь добычничеством и отхожими промыслами, они об'единялись в группы и партии, устраивали места обороны в удобных местах, и укрепляли их.

На всем пространстве черноморских и подонских степей, за Диким Полем, по «запольным» речкам и лесистым байракам, возникают городки и «сечи» там, где, подобно оазисам, были рассеяны берладницко-бродницкие общины с их самобытным укладом жизни. Постепенно они входят в все большую и большую связь между собою и превращаются в большие казачьи союзы, которые господствуют над целыми территориями. Сожительство с татарскими народами сделало их такими же, как и сами татары и нет ничего удивительного в том, что долгое время среди соседнего населения держался и взгляд на «заполянских» казаков, как на татар.

Дикое Поле отделяло казаков запольных от владений князей литовских, суздальско-московских и рязанских. Области нижнего Днепра, Донца и Дона еще долгое время продолжали находиться вне русской и литовской исторической жизни. Там сидела лишь пропитанная многочисленными кочевыми элементами Русь Степовая — казачье-бродницкая, бывшие люди татарские, севруки-черкасы, развивавшие начала своей вольной жизни в государственную систему Казачьего Войска.

Многочисленный люд этот не терял представления о своем славянском происхождении и связи с православной церковью. Во времена татарского владычества для него основывается в 1261-м году особая епархия «Сарская и Подонская», охватывавшая обширную территорию от Волги и северных границ предкавказской епархии Аланской — по Манычу и Салу до Дона и далее до Днепра. В состав этой епархии, входила вся территория позднейшего Запорожья, Слободской Украины, Войска Донского и б. княжества Переяславского, заселенного «черкасами» и «севруками». Документы XIII и XIV в.в. свидетельствуют нам о наличии там многочисленных городков, церквей и монастырей и значительного населения, которое обладает всеми аттрибутами общественно-гражданского управления и стойко отстаивает церковную независимость своей территории от покушений соседней епархии.

Донское население по р. Хопру, Великой Вороне и в районе «Черленого Яра» целые десятилетия — почти столетие, борется против поползновения рязанских епископов навязать свою власть над частью этой территории, усиленно поддерживает в этой борьбе своего владыку Сарайского и Подонского и не обращает внимания на угрозы митрополитов, стремившихся поддержать материальные интересы разоренной рязанской епархии передачей к ней части благоустроенного и зажиточного Подонья. Церковные документы Сарайской епархии и грамоты-ярлыки татарских ханов свидетельствуют о богатстве тамошней земли, о наличии на Дону институтов социального обеспечения — богаделен, странноприимчества, заботливости о заключенных в тюрьмах, — одним словом на донских территориях и в Порельи — по р. С. Донцу мы видим в XIII—XIV веках наличие многочисленного организованного народа, живущего в нормальных условиях тогдашней жизни и дорожащего своим единством и независимым самоуправлением.

Первое прямое свидетельство о казаках по Дону относится ко времени Куликовской битвы в 1380 г., в которой было потрясено могущество

татар. Летописное сказание указывает на поднесение вел. кн. Дмитрию стяга и чудотворной иконы Гребенской Божьей Матери, называет жителей Подонья донскими казаками: «народ христианский, воинска чина живущий, зовомии казаци». Некоторые документы дают возможность установить участие гребенских-донских казаков и днепровских черкас на стороне московской; с другой стороны часть донцов, — левобережная, занявшая неприязненное отношение к войскам московского князя, была после поражения татар, повидимому, выведена в московский полон и только по договору в начале XV стол. отпущена обратно на Дон. Эти донцы были ближе к Золотой Орде и, находясь в стыке союзных войск, князя рязанского и хана Мамая, должны были волей-неволей держаться татар. С другой стороны, — разбитый Мамай, отступая со своей ратью, состоявшей из татар, армян, кавказских горских и др. народов, сильно опустошил Подонье, очутившееся между двух огней.

О наличии славянского населения по левому берегу Дона и в Предкавказьи, в XIV в., свидетельствуют и иностранные писатели, арабы и европейцы, путешествовавшие по этим краям. Здесь славяно-руссы занимались также добыванием серебряной руды и производством серебряных денег, имевших хождение в Орде и на побережьи.

Страшный удар по Предкавказью и Подонью был нанесен в конце XIV стол. во время сокрушительных войн Тохтамыша и Тамерлана. Опустошения и разрушения, произведенные на этих территориях, на долгое время приостановили здесь развитие жизни. Донское и прикубанское черкасское население отхлынуло на запад в приднепровские трущобы и подалось вверх по Волге и ее притокам в земли московские; с этого времени по северным землям становятся известными казаки, как бездомные батраки, работники.

Но не все население ушло со своей территории, часть его осталась в глухих недоступных местах, часть начала возвращаться домой, вскоре после погрома.

Возвращение казачьей эмиграции на свою территорию продолжалось в XV в. и в начале XVI-го, не смотря на запретительные мероприятия московских князей; на границах владений последних уже в первой половине XV в. появляются казаки в роли военно-обязанных служилых людей.

3. Казаки татарские.

Известия о казаках в южных степях встречаются, начиная с конца XIV в. Это казаки «татарские», народность которых не представляется ясной. Казаки татарские также могли не быть татарами, как не были литвинами — казаки литовские и поляками — казаки польские. Большей частью известия говорят о казаках Азовских, и казаках, находящихся в землях Ногайских, захвативших территорию б. Тьмутараканин. Во второй половине XVI в. на карте черноморского бассейна, от устьев Днепра, через Запорожье и Донец обозначаются казаки буджацкие или скифы.

О казачьей Орде в землях древнего Тьмутараканья уже упоминалось. Она даже у татар была на самом плохом счету, т. к. совершенно не подчинялась власти постоянно враждовавших между собою ханов золотоордынских, ногайских и крымских. С полной достоверностью можно полагать, что казаки Азовские образовались из части, оставшейся в нижнем Подоньи от донских казаков, оставшихся на своей территории после разгрома Подонья Тамерланом.

В начале последней четверти XV ст. на северном побережьи Черного моря появляются турки, уничтожившие там генуэзское и венецианское владычество. Занявши Азов, старую колонию последних, турки там находят казаков азовских, которые имеют свою особую организацию, выборных предводителей и разнятся от казаков ордынских; последних турки относят к волжским татарам и называют «нашими людьми», в то время, как к первым применяют определение «старых азовских казаков». Здешние казаки враждуют с ордынскими татарами и в 1481 году они в двух боях — раз на Донце, а другой — на донском Низу, вместе с ногайцами разбили на голову орду Ахмата и убили его самого.

Эти казаки были теми героями, которые освободили восточно-европейских славян от татарской власти, после того как вооруженная артиллерией многочисленная московская армия постыдно бежала без боя с р. Угры в начале зимы 1480—81 г.г. Враждуя с татарами, казаки оказывали также сопротивление и турецкому распространению на северном побережьи Черного и Азовского морей. Казаки на Днепре, в Азове и кубанские черкасы не желали признавать турецкого владычества, но, в конце концов, они должны были покинуть Азов и уйти в Приднепровье. В начале XVI в. вольные казаки представляли в южных степях уже большую силу: «от казака на поле страх великий», писал московский князь Иван III хану крымскому в 1505 г.

4. Казаки Болоховские.

О болоховцах как о населении территорий по верховьям р. Вост. Буга и его притокам, верховьям р. Тетерва и Случи имеются исторические свидетельства с половины XIII стол. в документах об опустошительных войнах с ними галицкого князя Даниила в 1234, 1241 и 1254—55 г.г., как союзниках татар. Позднее к ним применяется название казаков; под этим именем они появляются в разных местах — в XVI в. в Подолье, в XVII в. — в Киевщине. Сама древняя Болоховская земля находилась в стыке земель Подольской, Волынской и

Киевской. Летописные упоминания о ней впервые относятся к 1150 году.

Болоховский люд во времена Даниила управлялся своими князьями, местного происхождения, ни от кого не зависимыми, ведшими борьбу с Даниилом, желавшим подчинить болоховцев своей власти. Борьба за самостоятельность принудила болоховцев искать поддержки у татар еще до их прихода в эту землю, на весьма короткий период завоеванной Даниилом. В дальнейшем, в татарский период, титул князь уже не встречается, а вместо князей в этих же самых местах появляются Атаманы; да и сам характер княжеской власти в Болохове есть аналогичным с властью сельских старшин, которые в соседних с Болоховией землях — румынских и прикарпатских носили название «князей» еще в конце XIX в., подобно тому, как назывались князьями сельские старшины у черногорцев.

Предания о болоховцах были живы в восточной части Волыни еще в 70-х годах прошлого столетия. Казачье же имя на Болоховской территории появляется во второй половине XIV стол., подобно тому, как это было и на Дону. Предание о построение церкви в с. Стенах Ямпольского уезда Подольской губернии говорит, что она была основана в 1365 г. казаком Нечаем, о чем свидетельствует и закладной камень с надписью; в этот же период местные казаки помогли литовскому князю Ольгерду отнять у подольских князей Карнатовичей гор. Каменец и Червоный городок. Татарское владычество в Подолии было свергнуто литовцами в конце XIV стол., при помощи местного казачьего населения, совместно с которым действовали и предки запорожцев, согласно позднейшим оффициальным заявлениям Войска Низового Запорожского. Запорожцы устанавливали с этого времени признание литовскими князьями Запорожской войсковой территории до самого Донца.

В дальнейшем в Литовско-русских документах не раз встречается имя болоховцев, в значении военных промышленников, навещавших пограничные замки и города. В отношении болоховцев применяются те же меры, как и к казакам, а название казаков у польских писателей этого времени применяется и к обитателям Буга и Днестра.

Ко времени появления литовской власти в Подолии и изгнания оттуда татар, земля эта после Волыни была наиболее населенной и позднейшие нашествия крымско-татарского периода, обратившие болоховскую землю в дикую пустыню, не изгладили имя болоховское. Болоховцы несколько раз появляются в первой половине XVII в.; в качестве союзников запорожских казаков; они вместе с донцами геройски сражаются с коронными польскими войсками, во время войны Запорожцев с реестровцами в 1638 г., и гибнут вместе в числе 2000 при неудачной обороне.

Связь их с Запорожцами не нарушается и во времена Новой Сичи — запорожское начальство берет под свое покровительство б о л о х о в с к и х к а з а к о в, занимающихся рыбным промыслом, совместно с запорожцами по р. Кальмиусу и Азовскому побережью.

Имя болоховского казачества перестает быть известным с концом Сичи Запорожской и концом правобережного казачества — болоховцы ассимилируются с местным населением и, вероятнее всего уходят к соседям на другую сторону Буга, на Днестр и Дунай в Запорожскую задунайскую Сич и Молдавию, где оседают в скором времени несколько десятков тысяч украинского населения, спасаясь от введенного царицей Екатериной крепостного ига.

5. Казаки Генуэзские.

Наиболее ранние свидетельства о генуэзских казаках находятся в документах, относящихся к истории Крыма и северного черноморского побережья, главным образом, к истории торговых колоний Генуэзской республики. Установленное владычество генуэзцев в этих краях относится к периоду крестовых походов и Латинской Империи в Царьграде — в первом десятилетии XIII в.

Главным центром генуэзских колоний был гор. Кафа (Феодосия), резиденция генуэзского консула, управлявшего всеми подвластными Генуе местами на Черном море и по Кубани.

Консульская власть уже в начале XIII в. имела такое большое значение, что консул носил громкий титул «Повелителя И м п е р и и Х о з а р с к о й и всего Черного моря». Управление подведомственными ему землями производилось на основании особого «Статута Империи Хозарской», последняя редакция которого относится к 1413 г., а более ранние к XIII ст.

На службе в черноморских колониях этой республики, в эпоху их славы и расцвета мы встречаемся впервые с казаками в начале XV в., т. е. после разгрома Подолья Тамерланом.

Казакам посвящены несколько глав Статута, определяющих их служебное положение и дающих возможность установить себе характер службы и этническую природу этого казачества.

Казаки эти выступают как совершенно свободные, не принадлежащие ни к какому подданству люди, не являющиеся ни чьими слугами и не связанные родственными узами с местными гражданами. Служба ими отправляется по вольному найму и носит характер военно-конвойный и по охране городских и замковых укреплений. Казаки эти не являются гражданами этих общин Генуэзской республики, каковыми является все христианское оседлое население колоний, пробывшее более года в них. По окончании своей службы они обязаны покинуть колонии, если не пожелают осесть в них семейной жизнью.

Они не являются ни татарами ни тюрками и не исповедывают мусульманской религии. Судя по их участию в праздновании христианских праздников и в особенности в почитании дня Ивана Предтечи, можно с уверенностью сказать, что казаки генуэзских колоний были христианами. Они могли быть в равной степени как «черкасами» — жителями прикубанского предгорья — Казакии, так и частью населения Подонья, т. е. донских казаков, так и болховскими казаками.

Порядок службы генуэзских казаков, их вооружение и снаряжение, отношение к начальникам, участие в празднествах, скачках и джигитовках ни в чем не отличаются от таковых же у казаков Юга в позднейшее время. Средствами их существования служили довольно большое жалованье и добыча, взятая во время набегов на татар, $^5/_8$ которой отдавалось консулу и генуэзской общине.

Для нас является весьма характерною хозарская традиция генуэзских колоний, связывавшая имя хозарской империи с черноморско-азовским и крымским побережьем, а население их с законами устава Хозарского. Подобная же хозарская традиция была прочна и у казаков Запорожских, имевших непосредственное соприкосновение с землями генуэзских колоний в начале письменных известий о казаках в литовско-польском пограничьи.

IV. Казачество служилое.

Наряду с Вольным казачеством, безраздельно и неограниченно господствовавшим в степях, во второй половине XV в. и в начале XVI-го история находит в пограничной полосе московского и литовско-польского государства казачество иное, которое состоит на службе в большинстве в городах и укрепленных местах, под руководством местных воевод и старост.

Московские летописи впервые упоминают о казаках в 1444 г., которые пришли на помощь Рязани при нападении на них татар. Позднейшая историография называет их «рязанскими», предполагая, что они появились с рязанских Украин; однако, потом нигде и никогда о казаках в Рязани не упоминается.

Москва, Литва и Польша в XV—XVI стол. проявляют особенное старание по организации служилого казачества в своем пограничьи. Обещанием различных выгод и привилегий эти государства привлекают к себе пограничный люд и вольных казаков, степных добычников, стараются оселить ими свои окраины и обратить в служилое сословие. При полной необеспеченности степной жизни эта приманка действует не безуспешно — в конце XV ст. по окраинным городкам вел. кн. московского сидят «северские украинные казаки», в 1493 году появляются «ордынские выходцы казаки», казаки мещерские и иные; упоминаются «донские атаманы и казаки», которые живут на литовском пограничьи в Путивле и Рыльске, а в 20-х годах XVI ст. туда же переселяются с женами и детьми Азовские казаки, вытесненные султаном Баязетом из Азова и Азовского побережья.

На литовско-польском пограничьи появляются служилые казаки возле княжеских замков и пограничных городков. Они несут не только охранную службу, но под предводительством своих старост и атаманов совершают не безуспешные набеги в далекую степь на кочевников и их покровителей турок.

Со временем служилое казачество появляется и в северных частях Московского государства, причем донские служилые казаки упоминаются не только в южном пограничьи, а и в новгородско-псковской областях, даже как казаки «морские», т. е. мореходные.

Казакованье пограничного люда начинает носить технический термин и приносит доходы не только самим казакам, а и их владельцам — старостам, воеводам.

Вольные казаки идут на службу к ним, так как они в XVI ст. ходили на службу к кавказским князьям и владетелям, дорожившим их военными способностями и в особенности мореходным умением.

В Московском государстве к вольным казакам присоединяют эпитет «воровские», а в литовском пограничьи имя казак еще в половине XVI стол. имеет характер унизительный, определяющий бездомную голыдьбу, бесприютного бродягу. Не смотря на то, что в этот период казачье имя шумело широко и далеко даже по самой Европе, число служилых заказов определялось десятками, а среди украинного люда казаков число их было ничтожно. В служебные отношения шли только единицы, гремело казачество вольное, которое к этому времени целиком овладело Низом Запольных рек и стало настоящим господином степи. Государственные власти всячески старались ограничить рост и пополнение вольных казачьих общин, занимаясь ловлей вольных казаков, натравливанием на них служилых и переманиванием их к себе на службу. Польша затягивает их в «реестры», а Москва усиленно вербует литовских и днепровских черкас, отправляя их на Сибирь и в свое восточное пограничье, пополняя служилое казачество охочими людьми и всевозможными пленниками.

Наибольший успех достигает в этом отношении польское правительство, быстро увидевшее выгоды поселения казаков в пограничной полосе. Оно организует целое «реестровое» войско, оплот и защиту южных границ, страх не только татар, но

и московских земель, заселенных такими же «малороссиянами». К этому времени служилое казачество появляется почти во всех пограничных местностях, развиваясь на почве привилегий центральной власти и претворяясь в касту совершенно отличную от казачества Вольного.

V. Вольные казачьи Войска.

Представляется совершенно невероятным, чтобы менее чем через полтора столетия после того, как мы установили наличие многочисленной вольно-казачьей людности в южных степях, закаленные и воинственные обыватели степей исчезли с мест своего вековечного пребывания так, чтобы там не оставалось и их следов.

Если все эти бродники, берладники, севрюки и черкасы вынесли степные нашествия XI—XII ст., если они во время татарского владычества в XIII—XIV в.в. продолжали пребывать на своих территориях, то тем более они могли удержаться там в XV—XVI в., когда царившая в Орде междуусобица значительно ослабила татарское могущество и предоставила возможность подвластным народам устраивать свою жизнь самостоятельно.

Казачество XV в. принято считать шайками бродячего люда, не имеющими никакого устройства, что является едва ли правдоподобным, т. к. казаки в начале XVI в. представляли уже значительную силу и всего лишь через какое нибудь полустолетие выступают на ратном поле в больших организованных группах, искусными не только в полевой войне, но и в осадной, искусными инженерами, и артиллеристами, со своими — организацией, порядками и законами. В 1551 г. турецкий султан жалуется на казаков, что они «поле все и реки поотымали и с Азова оброк емлют и из Дона воду пить не дают»; казачий «розмысл» (инженер) производит подкоп под стены. В половине XVI в. Дикое поле действительно было полно казаками. Мы не знаем, имеют ли они в это время свои общинные или государственные центры на разных реках, т. к. действуют всюду они — то порознь, то сообща, не редко враждуя друг с другом. На Дону ходят «казаки севрюки» и черкассцы; донцами предводительствует атаман с тюркским именем — Сары-Азман, с одинаковым рвением казаки нападают то на татарских, то на московских купцов, послов и людей, рыщут по воронежской и иным окраинам и ни султан, ни король, ни хан, ни великий князь московский не могут справиться с ними и признают свое полное бессилие. Казачьи общины этого времени представляются нам уже весьма организованными, а такой процесс, конечно, не мог произойти в короткий срок.

Зап. Европа, познакомилась воочию с казаками во время гуситских войн XV столетия, в которых они поддерживали гуситов и литовско-польских претендентов на чешскую корону. Даже знаменитый вождь гуситов Ян Жижка, прошедший военную школу на Литве, в своей тактике против войск императорско-панских применял казачьи боевые порядки и способы обороны за возами (табор).

1. Основные казачьи Войска.

Честь упорядочения и устройства Запорожья принадлежит, соответственно со взглядами большинства историков, князю Дмитрию Вишневецкому, потомку литовских Гедиминовичей, который пренебрег королевскими милостями и из любви к казачеству ушел на Днепровский Низ, откуда совершал походы с казаками по южным степям до Кавказа и Астрахани, приняв казачью кличку Байда. На запорожском Низу он появился в 1540 году, и укрепил там Сич на острове Хортице.

Однако, казачьи предания войсковое свое устройство относили к гораздо более ранним временам: запорожская традиция относила основание Войска к 948 г., при императоре Константине византийском; запорожское начальство, отстаивая свои земельные границы, ссылалось на короля польского Болеслава Храброго, современника Ярослава Мудрого и на вел. кн. литовского Витовта, т. е. на XI и XIII стол.

Правда, до Байды-Вишневецкого не знают центральных пунктов ни на Дону ни на Запорожьи, но городки там уже в это время существовали и центр был, несомненно, там, где находилось более значительное скопление вольного казачества.

Запорожский и Донской Низы долгое еще время являлись теми гнездами-центрами, вокруг которых группировалось вольное казачество других рек, признавая свою подчиненность «старшему» Войску. Между всеми казачьими Войсками, очень долгое время, почти до половины XVII столетия, существовала тесная связь — сотрудничество, в которой казаки всех Войск были между собой «побратимами», пользовавшимися равными правами во время нахождения на территориях иного Войска; точного разграничения земель тогда не существовало, каждое Войско осуществляло свою власть автономно на своей «реке», признавая первенство своего центра.

Войска запорожское и донское до принесения ими первой присяги московскому царю Феодору Алексеевичу Романову, жили независимой жизнью, лишь на словах, номинально признавая порой приоритет того или другого владетеля.

Процесс объединения вольного казачества в отдельные Войска происходил постепенно. Донецкие казаки, жившие по верхнему Донцу и Осколу имели постоянное близкое общение с Запорожьем и только в XVII в. вошли частью в состав Войска донского, а частью в полки слободской Украины. Верхне-донские казаки, раскинувшиеся на широком просторе от Путивля до Волги, в начале писанной казачьей истории, жили и действовали в полной разобщенности. На Волго-донской перево-

локе. по Иловле и Камышинке сидело Волжское Войско, связанное с Доном и административно; на Яике пребывали «донские яицкие казаки», а в предгорьях Кавказа казаки гребенские и терские, ходившие вместе с донцами и запорожцами в походы в XVI—XVII в. и думавшие с ними думу «во едином Круге».

2. Войско Запорожское.

Писанная история запорожского казачества совершенно не оставила нам следов, по которым можно было бы установить время образования на Днепровском Низу. Войска Запорожского. Несомненно, что в те времена, когда замковое украинное казачество начало оседать и зимовать на Великом Лугу за Днепровскими порогами, Вольное казачество там уже существовало.

И те и другие не раз входят в союз с пограничными князьями и старостами и под их начальством ходят в военные набеги на соседей. История упоминает о них уже в самом начале XVI стол. Однако, эти казачьи начальники не были организаторами Войска Запорожского. В начале 70-х г.г. XVI ст. насчитывают уже три больших городка у запорожцев, а позднее в казачьей истории упоминается 10 мест, в которых находятся Сичи; кроме того было достаточно и меньших поселений.

Версия о том, что Войско Запорожское представляло из себя сборище бессемейных казаков, сидевших в одной только Сичи не имеет исторического обоснования. В 1580 г. встречают уже несколько сот »водных» казаков по р. Самаре, которые ловят рыбу и дичь, постоянно проживая вне Сичи; свою добычу они отправляют, главным образом, «лыцарям» в Запороги.

Честь упорядочения центра Войска Запорожского, как мы уже говорили, принадлежит князю Дмитрию Вишневецкому.

В половине XVI в. Дикое поле было уже полно казаками и слава о них гремела по всему свету. Европа, дрожавшая перед могуществом турок, удивлялась Вольному казачеству, с которым было бессильно справиться войско османов.

К концу XVI стол. Войско Запорожское приобретает такое большое значение, что европейские монархи наперерыв стараются привлечь казаков на свою сторону, главным образом, для действий против турок. Главные усилия исходят, конечно, от королей польских, но и австрийский император и папа римский интересуются казачьей помощью против неверных.

Пребывание австрийского посольства на Сичи Запорожской в 1594 г., оставленные им записки, обмен посольствами, документы казачьи и иностранные, относящиеся к дипломатическим сношениям казаков с императором Рудольфом II, пребывавшем в Праге, дают нам картину государственной жизни Запорожья с вполне развитым и законченным государственным устройством Войска.

Иностранные монархи наперерыв засыпают казаков грамотами, посылая им клейноды, подарки и деньги. За Иваном IV, следует польский король Стефан Баторий, за ним император Рудольф, господари молдавские и т. д. и т. д. В Сичи Запорожской различные претенденты на мелкие троны ищут убежища и поддержки.

Рост и развитие военных сил Запорожья приводят Войско к постоянным конфликтам с соседями, от которых одинаково страдают как Польша, так и Москва. В то время не существовало еще ясно выработанного национального убеждения, вера христианская не была еще всеоб'единяющим элементом и для вольного казака в одинаковой степени каждый человек и каждое государство могли быть и другом и врагом.

Правительства Польши и Москвы, в своих недоразумениях с вольными казаками, не раз используют против Вольного казачества казачество служилое и кладут между ними глубокую пропасть.

Племенной состав казачьих Войск, в том числе и Запорожского, был чрезвычайно разнообразен. Главное ядро их составлял, безусловно, элемент коренной древне-с л а в я н с к и й, пребывавший с незапамятных времен в степях черноморских. Он был в достаточной степени силен для того, чтобы быстро ассимилировать приходящих одиночек иноплеменников.

Вопросы языка и религии не могли играть здесь особо большой роли, необходимо было лишь изъявить свое желание стать казаком, отбыть положенный искус, иногда и долголетний, и быть принятым в Войско. О происхождении пришедшего, о его национальности не было и речи; только впоследствии, в половине XVII ст. с развитием церковной жизни, понятие национальности стало совпадать с религиозным признаком.

Списки запорожских полков свидетельствуют о самом разнообразном племенном составе казаков. Наряду с коренными запорожскими прозвищами, попадаются и указывающие на выходцев из Украины, Белоруссии, Великороссии и других славянских стран; Сичь Запорожская была переполнена татарами, тюрками, валахами, калмыками, поляками, евреями, грузинами, были там и черкесы, немцы, французы, итальянцы, испанцы и даже англичане. Привлекала их не только жажда приключений, попадали на Сичь и в Войско торговцы и бывшие невольники, уходившие вместе с казаками из плена и сжившиеся с ними годами совместного рабства. Каждый мог быть в Войске и только личные качества и заслуги, а не род и племя, выдвигали и возвышали казака.

Запорожцы представляли из себя такую значительную силу, с которой считались и которой боя-

лись все соседи и даже свои единоверные, православные.

«Черкашенин», Иван Заруцкий, донской старшина, не только становится одним из фактических правителей Московского государства, но и сам домогается престола, пользуясь поддержкой вольного казачества. Хозяйничанье казаков в московских областях продолжалось некоторое время и после избрания на престол Михаила Романова.

Это был период колоссального роста запорожского казачества. Освобожденное на московском театре, оно стало представлять чрезвычайно грозную силу для своих соседей. С начала XVII ст. умелая рука гетмана Конашевича-Сагайдачного направляла поток казачьей энергии и использовала его в целях более полезных, чем участие в службе соседнего государства.

Он втягивает казачество в религиозную борьбу, хотя казачество никогда не было религиозным и тем менее фанатично православным.

Казачество становится оффициальным стражем и протектором украинской церкви, а вместе с тем и культурной и национальной жизни. В свою очередь украинская высокая иерархия берет под покровительство Вольное Казачество Запорожья.

Религиозный мотив начинает играть решающее значение и в морских походах вольного казачества на турецкие и татарские побережья. Первая половина XVII стол. проходит под знаком преобладания морского господства казачества на Черном море. Содружество военное и морское запорожских казаков с донцами приводит к фактическому обладанию ими морскими путями и держит в постоянной тревоге не только население побережья, а и самую столицу могущественного султана, — Стамбул. Частые и многочисленные казачьи походы на море привлекают внимание европейцев к Запорожью; Запорожье изучается как государственный организм, ему пророчат блестящую будущность, строятся планы и делаются попытки вовлечь казаков в военный союз против турок, не только европейцами, но даже и шахом персидским.

Азов, Кафа, Трапезунд, Синоп, предместья Константинополя систематически чувствуют на себе казачье оружие и окуриваются казачьим порохом.

В это же самое время, в период тридцатилетней войны, начавшейся в Праге Чешской в 1618 году, казачьи отряды в войсках Валленштейна, шведов и французов б о р о з д я т по всем направлениям Европу; воюют во Фландрии, Испании.

Казачья сила становится настолько опасной для политики и внутреннего спокойствия Московского государства и Польши, что правители их начинают принимать сильные репрессивные меры против Вольного казачества. В эту эпоху, когда между казачеством Запорожским и реестровым окончательно вырывается глубокая пропасть, особенно сильно выявляется содружество между Войсками Запорожским и Донским, проливающими совместно кровь при защите родовых казачьих территорий. Даже в критические моменты запорожцы охраняют донцов во имя братства и гостеприимства, не позволяют применять к ним никаких ограничений и донцы, в свою очередь, тесно держатся запорожской дружбы, пренебрегая гневом царственной Москвы и проклятиями и отлучением всего Войска от церкви, исходящими от патриарха Филарета.

Войско Донское не останавливается, даже перед разрывом дипломатических сношений с Москвою. Войсковой Круг в 1630 г. казнит царского посла, отважившегося разговаривать с донцами не обычным посольским языком и выносит решение, в случае нужды уйти с Дона «в Запороги», готовясь впоследствии и совсем перейти на службу к «литовскому королю».

Конфликт с Польшей и реестровым казачеством закончился весьма неблагоприятно для Запорожья, гибнут выдающиеся вожди казачества Сулима, Павлюк, Остроница и Запорожье на некоторое время притихает, тая в себе искру всегда готовую вспыхнуть и разгореться в буйное пламя.

Оно загорается десять лет спустя, когда Сичь Запорожская вручает гетманскую булаву в руки чигиринского сотника Богдана Хмельницкого и могучим толчком поднимает не только Запорожье, но и всю Украину и часть Белоруссии от Днепра по Збруч и Сан в Галиции.

Поддержанный Запорожьем, Хмельницкий не только освобождает Украину, но и имя Войска Запорожского делает собственным именем новой державы. Однако, само Запорожье не только не выигрывает, но проигрывает в этой борьбе. Старая неприязнь вольного казачества к казачеству служилому, постоянно проявляется в период строительства державы Хмельницкого и только железная рука гетмана удерживает Запорожье от открытых выступлений. Запорожье и в это время продолжает жить своею государственной жизнью и не только не переходит вместе с Украиной, под власть Москвы, в 1654 г., но и выявляет открыто враждебность к Москве.

Войско Запорожское по окончании войн Богдана, снова уделяет сильное внимание морю, в то же самое время оно принимает деятельное участие в гражданских войнах Украины, беспримерных по жестокостям и опустошениям, давшим этому периоду 1659—1680 годов название «Руины». Со смертью кошевого Сирка Войско Запорожское почти совсем перестает вмешиваться в дела Украины и поставлять и сменять в ней гетманов. Запорожцы более стремятся к тому, чтобы отстоять и защитить права и вольности Войска от покушений окрепшей Москвы, подданство которой оно приняло, приняв впервые присягу в 1676 г.

Героический период жизни Запорожья почти закончился. Казаки не раз еще ходят на море и

вместе с донцами и калмыками помогают польскому королю Яну Собесскому в борьбе против турок.

Еще один раз блещет войско Запорожья в Центральной Европе, когда оно под стенами Вены решило участь битвы в пользу короля Яна Собесского и вместе с тем положило конец турецкой угрозе в Средней Европе. Далее наступает упадок: царство московское, приблизившись своими крепостями и гарнизонами к самим границам Запорожья, покушается на его Вольности. Интриги Москвы разбивали казачество на несколько групп и лишали его силы сопротивления. Так продолжалось до тех пор, пока в 1702 г., во главе Войска не появляется кошевой Кость Гордеенко-Головко, рядом героических мер пытающийся отстоять Запорожскую республику. Запорожье терпит опустошения от войск царя Петра, Сичь уничтожается до тла и Войско выходит в первую свою эмиграцию на земли турецко-татарские в 1709 г.

Через два года счастье, как будто немного улыбнулось казачеству — запорожцы снова добыли свои земли, но оставались еще до 1734 года под властью ханскою. В этом году они порвали с протекторатом турецким и признали над собою власть российской императрицы Анны.

Первое время Войско росло и укреплялось, произвело у себя административную реформу, разделивши земли на округа-паланки, упорядочило промышленность и торговлю; в то же время оно принимало деятельное участие во всех российских войнах. Тем не менее вскоре на запорожское казачество стала надвигаться новая гроза: Россия вела систематическую колонизацию южных степей и мало-по-малу «убирала Войско в мешок», окружая его укрепленными линиями и поселениями.

Во главе Запорожья стал мудрый Кальнишевский, решавший бороться с захватом войсковой территории мирными способами, противопоставляя колонизации имперской колонизацию Войсковую. Успешные его меры вызвали сильный приток «підданців», к концу его правления население Запорожья, с 35.000, пришедших в 1734 г., возросло до 100.000 душ. На Запорожьи развивалось земледелие и поднялась культура, в самой Сичи было основано училище для молодых казачат, нечто вроде «кадетского» корпуса. Политика Петербурга в это время сильно вооружала казаков против России и усиливала значение «крымской» партии сепаратистов. Кальнишевскому приходилось прилагать чрезвычайные усилия для того, чтобы успешно маневрировать между престолом и запорожской самостоятельностью. Но, и он не сохранил Запорожья.

Предательским наскоком императорская армия захватила 5-го июля 1775 г. Сичь и разорила ее Войсковое имущество было конфисковано и в большей части дано новым иноземным колонистам, а обширные земли Запорожья розданы всяким панам и «підпанкам». Войско же ушло во вторую запорожскую эмиграцию на Дунай «під турка».

Царский манифест, перечисляя «злодеяния» казаков, наиболее упрекал запорожцев в желании устроить у себя «государство особенное», под «неистовым» своим управлением, и приказывал предать на веки забвению имя запорожское. Запорожье перестало существовать, будучи погублено той Россией, которой оно дало обладание благословенным Югом.

3. Войско Донское.

Начало войска Донского принято относить к 1549 г., в котором упоминается о нескольких городках, построенных по Дону казачьим атаманом Сары-Азманом. Дата эта является, безусловно, неверною, ибо уже в 1551 г. казаки донские являются уже настолько сильными, что берут сильную турецкую крепость Азов. В этом году султан жаловался, что казаки «поле все и реки поотымали, и с Азова оброк емлют и из Дона воду пить не дают».

Хотя в действиях на Дону участвуют уже в 1549 г. «казаки севруки», под каким названием известны казаки северо-донецкие, Войско Донское к этому времени должно было представлять уже вполне сформированную независимую общину, которые, как известно, не возникают так вдруг и на образование которых нужны, если не столетия, то долгие десятилетия.

Казачьи общины на Донце, донском Верху и Низу вначале действуют разобщенно и порой враждебно друг другу, постепенно сливаясь и об'единяясь вокруг общего центра, каковым на Донском Низу сначала служат Раздоры (Донецкие), а впоследствии Черкасск. К этому времени Дон является ареной деятельности всех казаков вообще, как донских, так и запорожских и «черкас литовского короля» и казаков азовских, во главе которых упоминаются предводители с христианскими именами. Запорожское-донское содружество с самого возникновения Донского Войска является традиционным и на суше и на море и тянется непрерывно до событий 1708—09 г.г., когда оба Войска в силу политических обстоятельств, очутились разделенными под верховной властью, одно сул-

Не нужно никогда казачьей эмиграции забывать своего долга перед своей казачьей Родиной. *„В. К. №. 46, 25-X-1929.*

тана, другое императора российского. До того же времени претензии польских королей на Запорожье, а московских царей на Дон не мешали нисколько политическому и военному сотрудничеству Войск, не считавшихся с разграничением «сферы влияния» в южных степях упомянутыми государствами. Донцы и Запорожцы не считались с внутренней и внешней политикой этих сюзеренов и не отдазывались от сношений и сотрудничества даже тогда, когда оба монарха были между собой во враждебных действиях и состоянии войны.

Попытки царства московского связать донцов присягою царю в 1606 и 1632 г.г. кончились полнейшей неудачей. Донцы решительно отвергли такой акт, подчеркнувши свои добровольно союзнические отношения к царям и государству со времен Ивана Грозного, когда Войско начало оказывать военную помощь Москве.

На почве московских попыток на установление зависимости Донского войска (республики) от Московского Царя между казаками и ним возникали не раз крупные недоразумения и конфликты, в особенности в правление Бориса Годунова и первого Романова, приводившие к разрыву дипломатических сношений и экономической блокаде. Враждебность казаков к московской власти служила одной из главных причин поддержки ими различных претендентов на московский престол во времена Смутного времени, когда казачество некоторое время было фактическим распорядчиком судеб московского царства.

Избрание «казачьего царя» Михаила Романова, поддержанного саблями донских атаманов и казаков, привело только к более лойяльному отношению донского Войска к Московскому государству, но не изменило отношений между ними. Войско продолжало быть независимой республикой и сувереном своих земель. Сохранившаяся дипломатическая переписка ясно указывает, что отпускаемое Москвою жалование было лишь вознаграждением за труды в походах, «утраченные доходы» при вынужденных примирениях с Азовом, турками и татарами, для пропуска послов и их принятия на Дон; пожалование же регалий вообще не служило никаким знаком политической зависимости Дона от Москвы.

Войско не считало себя обязанным в служебных отношениях и помогало только при обещании вознаграждения. В случаях, когда политический авторитет Москвы был недостаточен, на сцену выступал авторитет церковный — патриарх Филарет, отец первого царя Романова, сам писал черновики грамот к Войску, называя казаков «злодеями, врагами креста Господнего» и угрожая Войску проклятием и отлучением от церкви, что и имело место из-за походов казаков на море, отказа в поддержке Москвы против Польши и за тесную связь с Запорожцами. Последние, чувствуя опору в донской силе, при сильных давлениях короля угрожали оставить Днепр и уйти на Дон всем Войском к своим побратимам.

Мелкие инциденты, возникавшие иногда между отдельными отрядами и атаманами своих Войск, не отражались на войсковых отношениях, также как не отражались на внутренних отношениях неизбежные в каждом государстве бунты, распри и возмущения. Тяга днепровского казачества на Дон была велика и постоянна. Низовое Донское войско и особенно Донецкий район пополнялся почти исключительно днепровским казачеством и, в свою очередь, по свидетельству казаков, в первой половине XVII ст., иногда половину всего населения Сичи составляло Донское казачество и «велось это исстари».

В основе обоих Войск долгое время лежали одни и те же порядки, один и тот же быт, законы и обычаи, дававшие казакам возможность чувствовать себя в родной стихие равно как на Дону, так и в Запорожьи.

Хотя у Донцов преобладал и семейный быт, не чуждый запорожцам и в XVI—XVII в.в. в основу жизни казачьих общин-городков Дона было положено о д н о с у м с т в о, имевшее место на Дону еще и в первой половине XVIII ст. и выражавшееся в «куренной» жизни, общинном — пользовании промышленными снарядами, добывании средств пропитания и приготовлении пищи. Подобно тому как это практиковалось в куренном устройстве Запорожья, с той только разницей, что в то время как на Запорожьи автономно-самоуправляющейся единицей был курень, на Дону ему соответствовала станица (община). Главный городок — Черкасск состоял из нескольких самоуправляющихся частей-станиц, число которых доходило до 11. Некоторые городки имели «безженный» характер, служа убежищем и приютом семейного казачества во время «сполоха» и военных действий Войска. На Дону как и в Запорожьи казак был собственником только личного имущества. Такой порядок существовал до тех пор, пока эволюция казачьей жизни не принудила население перейти к иным хозяйственным формам.

Военный, рыболовный и звериный промыслы наравне с торговлей, а позднее и скотоводством служили главными источниками существования донского населения. Царское жалованье, ничтожное по размерам, уходило на военные поделки и строения, да на прокорм выходцев на Дон из полона и Украин.

Все сношения Москвы с Доном и Дона с Москвою велись через посольский Приказ (т. е. через тогдашнее «Министерство Иностранных Дел» в Москве) и во время пребывания казаков на Москве им, по словам московского дипломата того времени Котошихина «оказывалась честь наравне

с иноземными послами». Важная роль казаков, сидевших в соседстве татар и турок, в деле обеспечения Московских владений от набегов и войн, заставляла, по словам того же дипломата, терпеть казачью самостоятельность, т. к. в противном случае Москва никогда бы не владела ни Казанским ни Астраханским царствами. Войско и в сношениях с иностранными монархами и народами выступало независимо и суверенно — принимало и отправляло посольства, вело войну и заключало мир, военные и оборонительные союзы, торговые и иные договоры. Не вмешиваясь в автономную жизнь других Войск — колоний Всего Великого Войска Донского. Дон об'единял их под своей властью и в необходимых случаях служил посредником и передатчиком важных требований и актов.

В церковном отношении Войско Донское было независимо; сносясь непосредственно только с патриархом, оно само строило монастыри и церкви, принимало и увольняло духовенство и в моменты конфликтов с Москвою запрещало поминовение в церквах царя и патриарха; точно также ведению круга и кругов частных в городках (общинах) принадлежало заключение браков и развод (в гражданской форме).

В военном отношении Войско Донское представляло могучую организацию, одинаково сильную как на море, так и на суше. Могущество казаков в XVII в. было особенно на море: действия донцов на Анатолийском и Кавказском побережьях послужили даже причиной к исканию московского подданства царем Грузинским. Геройские силы донцов не могли сломить даже войска турецкого султана, ни при походе на Дон в последней четверти XVI ст., ни в половине XVII ст., во время борьбы за Азов. Во все это время донцы обходились собственными силами и только колоссальное истощение живой силы принудило в после Азовский период просить помощи московского царя.

Население Дона пополнялось естественным приростом и через принятие в Войско приходящих людей, отбитых пленников и отпущенного ясыря, пожелавшего остаться в Войске. Донское казачество в религиозном и национальном отношениях проявляло всегда полную веротерпимость; среди казаков были и татары-мусульмане и степняки-буддисты, европейцы и кавказцы-христиане всяких толков и вер, в том числе и, значительном, поляки-католики. На Дону находил убежище и приют каждый желающий и с Дона, равно как и с других Войск выдачи не было.

В результате эволюции жизни Войска и московской политики внутри его самого появился антагонизм и, не смотря на отчаянное сопротивление сторонников «самостийности», Дон вынужден был принести присягу царю в 1671 г., давая обеспечение против повторения восстаний вроде Разиновского, а в 1676 г. принес присягу уже в порядке обычном — при восшествии на престол.

Но и принесение присяги не смирило донцов, так как этого желало правительство Москвы. Донские казаки долгое время держались еще независимо, не выполняя царских домогательств и в особенности в период религиозных гонений на Москве, явились защитниками и поддержкою гонимых. Москва снова прибегла к излюбленному средству и вызвала на Дону междоусобную войну, в которой достигла своего — выдачи неугодных ей виновников и запрета со стороны Войска принимать в верхние городки беглецов, за что в 1690 г. обещалось карать смертью. К этому времени тенденции отложения Дона от Москвы очень усилились и в 1680 г. донцы помышляли учредить свою авто-кефальную церковь с патриархом или епископом во главе. Однако, они были сломлены и Войско сохраняет лойяльность до того времени, когда под предводительством Атамана Кондрата Булавина восстает в 1707—08 г.г. с оружием в руках на защиту своих исконных прав и территорий. К этому времени Москва стала усиленно осуществлять план стратегического окружения вольного казачества крепостями и «линиями», стиснула их со всех сторон и казачеству ничего не оставалось, как взяться за оружие.

После страшного разгрома Войска Донского, обескровленное и обобранное территориально, казачество не рисковало уже поднимать голову и мирилось с теми ограничениями своей государственности, которые постепенно навязывала Москва при посредстве усиливших свое значение старшин. Войсковой Круг еще продолжал существовать, но право международных сношений было у Войска отобрано, избиравшиеся Атаманы подтверждались правительством и даже просто назначались пожизненно, а в роду Ефремовых — и наследственно. Усиление атаманской власти привело Степана Ефремова — «донского герцога» к неудачной попытке освободиться от опеки Военной Коллегии. Обвиненный в сепаратизме, в желании отторгнуть Дон от России, он кончил свою жизнь в ссылке. Напуганное его политикой и пугачевщиной, правительство решительно прибегнуло к урезанию автономных прав Войска и с 1775 г. начало сводить ее на нет. Круг стал фикцией, Атаманы — назначаемыми, наказными. Обломки автономии продолжали действовать до 1835 г., когда Дон стал обыкновенной русской провинцией, с некоторыми особенностями.

4. Войско Яицкое.

Яицкое Войско, оторвавшись от своей донской метрополии, долгое время находилось с нею в государственной связи, пока не обособилось государственно окончательно. Точных сведений о времени возникновения Яицкого Войска нет. Российские источники, на основании различных преда-

ний, относят это ко второй половине XVI в., когда часть казаков с атаманом Андреем Нечаем ушла на юг, одни на Терек и Куму, другие на Яик. Следы их первого поселения были заметны вначале XVIII в. на устье р. Рубежной, от которого Яицкое казачество стало распространяться в бассейне реки Яика.

Яицкое же предание, записанное в первой половине XVIII ст. со слов престарелого Войскового Атамана Ильи Меркульева, относит переселение донцов на Яик к концу XVI ст. Первые поселенцы вышли с Дона под предводительством Атамана Гугни, ставшем вместе со своей женой «бабкой Гугнихой» историческими личностями Войска Яицкого. Традиционный тост «за здоровье бабки Гугнихи», праматери уральцев, удержался и до наших дней. Древний отец Ильи Меркульева, тоже б. Войсковой Атаман, слышал это предание от своей столетней прабабки, знавшей лично гугнинских потомков.

Органическая связь Войска Яицкого с Донским удерживалась очень долгое время; в 40-х г. XVII стол. донцы сообщали Москве о «послушании» Войска Дону и еще в XVIII ст. яицкий войсковой есаул скликал, с насекой в руках, «в с е донское яицкое войско» на Круг.

Первые известия о боевой деятельности яицких казаков относятся ко времени покорения Иваном IV Казани, куда, по словам донской отписки 1630 года, выходили с Атаманом Сусаром Федоровым и яицкие казаки. Расширение Войска и торговая деятельность яицких казаков, в самом начале XVII века приводит их к столкновениям с хивинцами, на земли которых, в Хорезму за Аральское море по реке Дарье ходили яицкие казаки, и за добычей, и по торговым делам. В половине XVII в. Туркестан был хорошо известен Яицкому казачеству. Надо думать, что оно не только воевало с азиатскими обывателями, но и умело дружить с ними, по крайней мере донские казаки, в момент напора Москвы на Дон, грозили очищением р. Дона и уходом «на реку Дарью» всем Войском.

В бурях московской смуты Яицкое казачество принимало самое живейшее участие и в его землях нашел последнее убежище Иван Заруцкий с Мариной Мнишек и ее трехлетним сыном «воренком» — наследником Дмитрия и московского престола.

Там они были схвачены московским войском в 1614 г. и вместе с ними погиб на виселице яицкий Атаман Баловень, а за ним был повешен в Москве и неугодный Романовым маленький престолонаследник.

С окончанием московской смуты, Яицкое казачество стало уделять особенное внимание походам на Каспий, в Персию и на Волгу. Там они, вместе с Волжскими казаками, нападали на царские и персидские суда и Москве пришлось приложить десятилетния усилия, действуя через донцов и непосредственно, пока через вызванного в Москву яицкого Атамана Белоуса не удалось в 1655 г. привлечь казаков на царскую службу под г. Ригу.

В 1677 г. яицкие пределы посетил и удалой атаман Степан Разин, волжский и каспийский богатырь.

С 90-х г.г. XVII ст. яицкие казаки принимают участие во всех царских войнах. В 1681—82 г.г., они вместе с запорожцами и донцами принимали участие в походе под Чигирин, в 1696 г. с ними же брали Азов, в 1701—07 г.г. воевали против шведов, в 1711 г. служили на Кубани, позже ходили с Бековичем-Черкасским в Хиву.

Отделенное от Москвы, Войско пользовалось большой долей независимости. Оно находилось в ведении Посольского Приказа (министерства иностранных дел), а позже до 1721 г., в составе Коллегии иностранных дел.

Некоторые обязательства по охране границ и участия в военных походах были наложены на Войско по принесении им первой присяги царю Федору Алексеевичу, одновременно с донцами, после усмирения разиновского восстания. Дальнейшее ограничение постигло Войско в 1721 г. с причислением его к Военной Коллегии, но только в 1740 г. была сделана попытка уничтожить выборность Атамана Кругом и ввести имперский контроль над финансами Войска. Уже первые мероприятия России вызвали возмущение Яицкого казачества. В 1721 г. они сожгли свой главный Яицкий городок и намеревались уйти Войском в Киргизские степи. Центральному правительству стоило много усилий удержать казачество на р. Яике, так необходимое для защиты от инородцев. Не удалось произвести и ограничений 1740 г. Видя невозможность решительных мер, Петербург стал применять испытанную тактику окружения Войска. Был устроен ряд форпостов по нижне-яицкой линии, отрезывавший казаков от азиатских степей и постепенно начался проводиться ряд реформ, сводивших на нет государственную автономию Войска.

Казачество на Яике, также как и на Дону и в Запорожьи разделилось на две стороны, явно враждебные: старшинскую-московскую и «самостийную». В 70-х г.г. XVIII. ст. власть Круга была сильно стеснена и в его ведении оставались только хозяйственные дела. Существовало нарушение исконных прав и обычаев, самовольные налоги и всякие утеснения. Казачество не раз волновалось, а Правительство прибегало к оружию и казням. В особенности сильное возмущение вызывало религиозное гонение войскового духовенства российскими епископами, желавшими подчинить Войсковые церковные дела своей власти. Крутые меры правительственных агентов, доходившие до стрель

бы в безоружных казаков, возмутили Войско.

В январе 1771 г., не желая высылать полки на Кизляр и в погоню за ушедшими в Азию калмыками, яицкие казаки взялись за оружие и после упорного боя с царскими войсками, в котором был убит начальник его, генерал Траубенберг, казаки перебили солдат, захватили их артиллерию и восстановили независимое выборное Войсковое управление.

Екатерина II залив кровью Яик, усмирила казаков. Восставшие были переловлены, часть их сослана в Сибирь, другая отдана в солдаты, наказана кнутом; уничтожена должность Войскового Атамана и разогнан картечью Войсковой Круг. Казачество притихло, но не на долго. Осенью 1773 г. на Яике появился, принятый в Терское Войско, донской хорунжий («из малороссиян») Емельян Пугач и по настоянию яицких казаков говоривших, что «мы из грязи сделаем князя», принял руководство восстанием под именем, зверски убитого фаворитами Екатерины, императора Петра III; в две недели под войсковыми знаменами стало у Пугачева все Войско и пожар восстания залил все Поволжье с частью Дона до самой Казани.

С чрезвычайными усилиями царица подавила восстание и жестокими казнями расправилась с казаками. У Войска была отобрана артиллерия, на Яике поставлен постоянный гарнизон и «для истребления из памяти возмущений бывших на р. Яике» река эта переименована в Урал, Яицкий городок — в Уральск, а само Войско названо Уральским и подчинено губернатору оренбургскому.

С этого времени (15 января 1774 г.) Яицкие казаки утратив древнее имя свое и последнюю слабую тень автономии, вступили в общий состав иррегулярных войск России. Непожелавшие же подчиниться казаки уходили партиями и одиночками на Кавказ и Кубань в Войско Кубанское, под протекторат хана Крымского.

5. Войско Волжское.

Судьбы Волжского казачества представляют наиболее неосвещенную страницу казачьей истории. Подобно казачеству Яицкому, оно долгое время является, тесно связанным со своей Донской метрополией и потом снова растворяется в ней и соседних казачьих войсках, теряя свое особое войсковое устройство.

Некоторые остатки церковной старины в Поволжьи указывают на наличие там казачьего православного населения еще во времена татарские в конце XIV стол. Дипломатическая переписка Дона с Москвой в 30-х г. XVII ст. говорит об участии волжских казаков в походах под Казань в 1552 г. и вообще об их службе московскому царю без принесения присяги. Когда волжские казаки получили свое особое войсковое устройство — неизвестно, но несомненно, что к концу XVI ст. они его уже имели, а возможно, что имели и ранее, в то время, когда на Волге хозяйничал Ермак.

Донская территория в XIV веке и позднее простиралась до самой Волги; первоначальный ее центр тяготел к Иловлинской переволоке, р. Камышенке, захватывая верховья рек на границе волго-донского бассейна.

Нижне-донской «черкасский» центр — явление более позднее; верховое Донское казачество первое время действует самостоятельно от него и даже по окончании московской смуты дальше тяготеет к казачеству яицко-волжскому, поддерживая Заруцкого и сына Дмитрия. В этой «смуте» Волжское казачество принимает деятельное участие и крепко держится Заруцкого, не признавая новоизбранного царя Михаила Романова.

В адрес Волжского Войска Московский земский собор, царь и пограничные воеводы направляют целый ряд грамот, увещевая казаков отложиться от Заруцкого и поддержать Романова против Марины с сыном. «На Волгу атаманам и казакам и всему Войску» посылается царское жалованье и запасы, лишь бы только Войско оказало содействие против Заруцкого.

Грамоты эти направляются через Войско Донское, в послушании у которого состоит казаки Волжские и, что всего характернее, царская грамота к ним пишется на татарском языке — тогдашнем дипломатическом языке восточных народов. Очевидно, инородческий степовой элемент был очень силен в Волжском Войске и не тяготел к царю Московскому, но крайней мере, царская увещевательная грамота к нему, от 26 марта 1614 года укоряет казачьего Атамана в том, что он хочет отдать царство Астраханское, фактическими владетелями которого были тогда волжские и яицкие казаки, шаху персидскому — Аббасу.

Дело Заруцкого не увенчалось успехом, но Волга долгое время, еще целый ряд десятилетий, оставалась казачьей рекой; царские гарнизоны сидели в трех крепостях от Казани до Астрахани, а царские караваны ходили только один раз в год по Волге с сильным многотысячным конвоем.

В описании Олеария о путешествии датского посольства в Персию, по Волге и обратно в первой половине XVII стол. говорится, со слов бояр и очевидца, о господстве казаков на Волге, начиная от Симбирска. Знаменитая Самарская Лука являлась главным станом волжских добычников.

Никоновская летопись отмечает это господство казаков: «на Волге казаки живяху и воровху*) много по Волзе и по иным рекам». Репрессии московских воевод на Волге, во времена царя Алексея нисколько не уменьшили воинственности казаков, добычничавших по Волге, здесь преобладa-

*) Воровать по старинной терминологии значило заниматься вообще «вредными» московскому государству делами, а не красть в теперешнем смысле.

ли начала, не мирившиеся с лояльной политикой в отношении Москвы главного Войска — Донского; поэтому то и Разин, избирая своим об'ектом Волгу и Каспий с прилегавшими донскими переволоками, мог говорить донскому Атаману о «своем Войске». Будучи донским по существу, оно не переставало быть обособленным и только поражение разиновского движения в корне подрубило обособленность Волжского казачества.

Во времена после Разиновщины на Волге происходит еще ряд серьезных вспышек и поисков казачества, но московская сила, поддерживаемая политикой донских старшин, берет там решительный перевес и в начале царствования Петра Волжское казачество уже не выступает на исторической сцене. Анексия Петром I в 1708 г. огромной донской территории, прилегавшей к Волге и ряд укрепленных линий отделяют совсем Донское казачество от Волги, а волжское казачье население, поскольку оно не было уничтожено во время кровавой борьбы 1707—08 г.г., уходит на Кубань в эмиграцию и оседает на Дону.

6. Войско Гребенское и Терское.

Первое известие о гребенских казаках относится ко времени Куликовской битвы и поднесения ими князю Дмитрию стяга и чудотворной иконы Гребенской Богоматери; это были казаки, населявшие Порелье или Гребени между Доном и Донцом. В дальнейшем гребенские казаки появляются на исторической сцене только через полтора столетия слишком. Казачьи и кумыцкие предания говорят о переходе донских казаков на Кавказ с атаманом Андреем, по имени которого назывался впоследствии опустевший город за Тереком на р. Сулоке, с высокими и толстыми каменными стенами. Есть предположения, что гребенцы осели на р. Акташе около 1580 г., однако, приход гребенцов с кабардинцами к царю (1552 г.) и участие терских казаков во взятии Казани, свидетельствует о пребывании вольного казачества на Тереке и за ним, а также в «гребнях» — отрогах Кавказских гор, в Большой и Малой Кабарде, во времена значительно более ранние. Свидетельство польского историка XV в. говорит о рутенах (руссах) пятигорских, называющихся так по имени пятигорских черкас.

Как бы то ни было, но к половине XVI стол. между гребенским и терским казачеством существовали настолько близкие отношения, что и в дипломатических актах Ивана Грозного они обобщались в «беглецов из рязанских пределов», под каковыми тогда и в позднейшее время разумелось и Подонье. Да и их уздени даже в 30-х г.г. XVIII стол. сообщали российскому правительству, что предки их вышли из «Казачьих степей на Терек, а оттуда перешли на Куму в район Пятигорья, которое в то время было во владениях русских. Это свидетельство, и живые предания чеченского народа в половине XIX ст. о тех временах, когда «Русь сделалась отцом страны и телега русская взошла на горы», переносят нас к временам княжения Тьмутараканского, с каковых времен остатки Руси Азовско-черноморской, как о том свидетельствует Арабский писатель 1333 г., могли удерживаться и передвигаться в этих пределах. Есть свидетельства, что гребенцы были на Тереке уже в 1534 г. В позднейшее время ни терские ни гребенские казаки не выступают особо, являясь как бы одним общим целым, а их имя синонимом. Побывавшие под Казанью, терцы принесли в Кабардинские земли известия о могуществе христианского московского царя, а продвижение имени Ивана в астраханские пределы, еще дальше утвердило обывателей Предкавказских казаков и черкас в необходимости искать царской помощи и защиты против сильно наступавшего на примитивно-христианские народы турецкого влияния.

Черкасские князья, мурзы и уздени беспрерывно ездят в Москву, бьют челом о присылке священников и воевод. В 1559 г. по их челобитью ходил на Кубань князь Байда-Вишневецкий, предводитель запорожских казаков и основатель Хортицкой Сичи и в этом же году по просьбе кабардинцев на рукаве Терека-Тюмене была построена крепость Терки, в которой поселили стрельцов вместе с донскими, гребенскими и яицкими казаками. Вообще же гребенские казаки имели поручение царя с 1552 года «служить им службу царскую и беречь новую свою вотчину кабардинскую». Начало службы гребенцов было зафиксировано в старшинстве Кизляро-гребенского полка с 1577 г., но только в 1623 году гребенцы впервые получили обещание жалованья, которое и осталось обещанием. Московский гарнизон держался в Терках очень не долго, по договору с султаном он очистил крепость и она стала служить только местопребыванием вольных казаков. Попытка Москвы утвердиться в землях шамхана тарковского при Борисе Годунове кончилась еще печальнее — московский отряд в 7000 душ с воеводами был уничтожен турками и кумыками и владычество Москвы исчезло в этих землях. В это же время вековая дружба и сожительство гребенцов и терцев с горскими народами способствовали их укреплению и усилению. Казаки не только занимали земли за Тереком и в Кабарде, но и беспрепятственно плавали по Кубани, выходя в Черное и Азовское море и на Дон в совместные походы с своими братами.

Так в 1592 г. два терских атамана, Никита Болдырь и Иван Нос, идя от Темрюка с Кубани к Дону, сразились с судами азовского князя Али-бея и взяли два судна, в том числе и княжеское. Князь бежал и скрывался в плавнях.

Во времена московской службы гребенские и терские казаки являлись самыми деятельными помощниками сторонников Дмитрия и Заруцкого.

Будучи независимыми от Москвы, они не признавали долгое время и Романова.

Не получая обещанного жалованья, гребенские казаки и не считали себя обязанными служить Москве, они просто отказывали помогать воеводам, которые всю опору видели только в казаках. «Если казаков по Тереку и в Гребнях не будет, то терскому городу будет большая теснота», доносили они в Москву. Терско-гребенские казаки отвергали какое-бы то ни было влияние Москвы. По этим же причинам в землях терских и гребенских казаков находили убежище казачьи эмигранты из Войск, признававших верховную власть Москвы. Первоначально религиозная казачья эмиграция (1675—1685 г.) шла за Терек на р. Сулак и Аграхань, где и пробовала оседать в землях собратьев, но посылки Москвой воинских отрядов на новых казаков и натравливание на них чеченцев заставило их перебраться в глубь кабардинских владений и перейти на Кубань. В конце XVII ст. Гребенцы не только не служили Москве, но и были ей враждебными.

В то время, как казаки терские группировались в районе позднейшего Хасов- и Чирт-юртовского округов, гребенцы имели свой центр среди чеченского района, у устьев р. Сунжи; станицы же их были по урочищам голого Гребня, в ущелье Павловом, при гребне и ущельи Кишлаковом, при Пимоновом Дубе и у кабардинского священно-христианского урочища Татартуп, в Малой Кабарде.

Кабардинские князья, которым принадлежала вся территория горских народов до Дагестана высоко ценили казаков за их военную и морскую доблесть.

Занимая дороги на торговых путях в Персию и Индию, казаки занимались не только войной и добычничеством, но и промыслами — рыбным и виноделием, и торговлею. В 50-х годах XVII ст. к ним в городки присылали воеводы (по распоряжению Москвы) за лозами и учиться делать вино.

Мирное сожительство с горцами обеспечивало казакам существование и развитие. Только в последние годы XVII ст. Москва стала возбуждать чеченцев против гребенцов, для того, чтобы ослабить влияние на них казаков кубанских, с которыми они были в непрестанных сношениях.

В первой четверти XVIII ст. Петр I, ища путей в Индию, близко столкнулся с гребенцами и постарался привлечь их на свою сторону. Часть из них была переселена из за Сунжи в пять станиц на левом берегу Терека; другая же часть осталась во владениях кабардинских, постепенно войдя в состав казачьих Войск и полков на Тереке, Куме и Кубани.

Но и подчинившись российской власти, гребенские и терские казаки жили своими Войсками и управлялись автономно, будучи в церковных делах связанными не с Москвой, а с Войском Кубанским, находившимся под властью хана крымского.

Российские порядки им не нравились и они не прочь были уйти под протекторат хана. В 1774 г. б. Войсковой Атаман гребенцов, Иванов, посылал послов к Казы-Гирею-Султану и нарочных для приискания Войску удобных земель на р. Чех и Зикха; в то же время они вели сношения с Кубанским Войском и поэтому командующий русскими войсками Де-Меден, донося царице Екатерине о подозрениях в желании гребенцов отложиться от России, приказал не держать их в лагерях.

Коренные изменения в отношениях произошли по уходе с Кубани Великого Войска Кубанского и по установлении Кавказской линии в 1777 году.

7. *Государственное устройство В. Казачества.*

Вольноказачьи Войска на Запорожьи, Дону, Волге, Яике, Тереке и в Гребенях жили и управлялись на одних и тех же вечевых основаниях, унаследованных ими от древних своих предков — Руси Азовско-черноморской.

Разделяясь на две союзные государственные системы — Днепровскую-запорожскую и Все-донскую (об'единявшую все остальные пять Войск во едино Казачество) Казачество было источником верховной власти на своих территориях, видимым выявлением которой были всенародные собрания — Круги и Рады, имевшие место в Главном Войске — войсковых центрах, в Сичи и Черкасске. Войско Донское представляло из себя метрополию для автономных Войск Волжского, Яицкого, Терского и Гребенского, составлявших «Все Донское Войско» и признававших присуд Главного Войска.

Запорожье и Дон создали независимые самостоятельные Войска-республики, со своеобразным внутренним устройством, так не похожим на существовавшие и существующие формы государственной жизни. Это были непосредственные народоправства, со своими территориями, властью и населением.

Государственные системы Войска Запорожского и Все-Донского находились между собою в тесном братском союзе, составляя как бы Союз государств, в которых казачье население пользовалось равными правами, вплоть до участия в законодательных учреждениях друг друга.

Войсковые территории принадлежали казачеству со стародавних времен, по праву первого занятия территории. Получая от соединенных монархов подтверждение своих прав на землю, казачьи Войска видели в этих актах только признание их государственного порядка.

Этот порядок признавался и соседними монархами. Царь Михаил сообщал татарам, что Донцы на своих делах живут издревле; о споконвечной независимости запорожцев писал великий визирь королю польскому в XVII веке; ген. Вейсбах, осу-

ществивший возврат запорожцев в 1734 г., говорил, что все их земли являются «их собственностью, которою казаки владеют несколько сот лет беспрекословно», и что в эти места «ни Россия, ни Порта, ни хан крымский вступать не могут». Подобный же взгляд на стародавнее право казачества на свои земли, возникшее естественным путем, без каких либо «пожалований», зафиксирован был и в докладной записке министра финансов царю Николаю I-му, по вопросу о землях потомков Запорожского Войска.

Во второй половине XVI в. Запорожская и Все-Донская государственные системы представляются нам с вполне упорядоченным устройством в качестве независимых республик, каковыми они и пребывают до принесения первой присяги дому Романовых в 80-х г.г. XVII ст. В дальнейшем эти Войска сохраняют государственную автономию до критических 1708—09 г.г., когда сила Петра подламывает казачье устройство. Ряд мероприятий его и его наследников к последней четверти XVIII ст. низводит автономию казачьих Войск—на степень расширенного самоуправления. Уничтожая потом одни Войска и создавая из потомков Вольного Казачества новые Войска и войсковые казачьи организации, Россия переводит Вольное Казачество в разряд служилых иррегулярных войск сословного типа.

VI. Казачья колонизация Сибири.

В последней четверти XVI. в. Вольное Донское казачество, усиленное «литовскими» и финскими пленными, проникает в Сибирь и в короткое время преподносит корону царства Сибирского московскому царю Ивану IV.

Слава завоевания Сибири принадлежит донскому казаку Ермаку Тимофеевичу, атаману одного из отрядов добычничавших в низовьях Волги в 70-х годах XVI стол. Спасаясь от преследования царских войск, он пробрался по р. Каме во владения московских купцов Строгановых, колонизаторов и промышленников, имевших свой центр на р. Чусовой, при впадении ее в р. Каму.

Ермак со своими 540 казаками прибыл в их владения и здесь оставался два года, помогая Строгановым воевать с вогулами, вотяками и пермяками. К этому времени Строгановы имели царское разрешение «набирать и вооружать охочих казаков» для защиты и приискания новых земель. Казачья вольница, во главе с Ермаком, причиняла не мало хлопот и опасений купцам Строгановым: царь грозил им строгим наказанием за приют волжским добычникам, да и сами казаки были не безопасны для богатого купца. Желая избавиться от них, а вместе с тем и извлечь материальные выгоды от казачьего похода, Строгановы снабдили пополненный отряд Ермака оружием и припасами и 1-го сентября 1581-го года Ермак отправился «воевать Сибирь». 23-го октября казаки собрали Круг и решили добыть укрепленный город сибирского царя Кучума. Счастье благоприятствовало казакам и они вошли в столицу Сибири. Строгий порядок и высокая дисциплина в отряде Ермака, наряду с высокой нравственностью, проявленной старыми казаками в походе, привели к тому, что Ермак вскоре приобрел любовь и расположение окружающих народов. Он оказался не только храбрым полководцем, но и умным дальновидным политиком, умевшим покорять народы не столько огнем и мечем, сколько лаской и справедливым обращением.

Через год казачье посольство било сибирским царством в Москве. Казакам были прощены их прежние вины, а они сами богато одарены царем. Вслед за казаками Москва выслала в Сибирь своих воевод с незначительным количеством стрельцов и служилых людей.

Но, пока подошло подкрепление, Ермака не стало. 5-го августа 1584 г. он утонул в Иртыше, во время внезапного ночного нападения сибирского царя Кучума. Однако, дело казачье не пропало: Ермак со своими удальцами «посеял первое зерно сибирского казачества» и оно продолжало медленно, но упорно двигаться на восток, осваивая своими незначительными силами необ'ятные пространства. Несколько десятков казаков, а то и меньших групп и одиночных лиц неудержимо пробирались по рекам Сибири, перетаскивая свои самодельные струги через волоки и перевалы, ища новых путей на восток к берегам Тихого океана и Ледовитого моря. Через тридцать лет после покорения гор. Сибири, казаки перебрались уже на Енисей. К казакам подходили непрестанно мелкие пополнения, главным образом, состоящие тоже из казаков же и инородцев; московских людей-стрельцов было мало. Вся служба по постройке и охране городков и острогов, по строению судов и приведению в подданство ясочных народов лежала главным образом на казаках, а за ними вслед двигались московские воеводы, промышленники и крестьяне. Стрельцов прибывало в Сибирь мало: в 1585 г. — 100; в 1594 году из 1540 человек, московских стрельцов прибыло всего лишь 197 человек, остальные были: «польские» казаки-запорожцы, литовские пленники — опять таки украинское казачество, татары. 400 башкир. Систематическое заселение Сибири новоприбывшими казаками и московскими людьми началось с 1609 года.

Тем не менее казаки, терпя голод и страшные лишения, делали свое дело. Завоевание Восточной Сибири было исключительным результатом мелких казачьих походов. В 1648 г. они уже достигли Ледовитого и Тихого океанов, а несколько десятков лет спустя, присоединили и Камчатку. Дело

завоевания всей Сибири было закончено к 1701 г. и русская власть по следам казачьих мореходов перешла даже в далекую Америку, распространившись по Аляске и части восточного побережья Тихого океана. Московское правительство смотрело на Сибирь, как на свою колонию. Единственной целью его было собрать, как можно больше дани-ясака. О благополучии покоренных народов и самих казаков оно не заботилось. Казаки годами не получали своего ничтожного жалованья и жили только промыслом и добычею. В 1626 г. они писали: «еда у казаков такая, что на Руси и скотина не ест: зимой — мука в воде разболтанная, а летом борщ на воде». Казаку выдавали на всю экспедицию только $2^1/_8$ четверти ржаной муки и $^1/_8$ крупы. Случалось, что казаки питались только ягодами, кореньями и сосной; десятками мерли с голода. Московские администраторы всячески стесняли казаков, подвергая их жестоким наказаниям — задерживали выдачу припасов и заставляли покупать у себя же дорогой ценой муку, отбирая у казаков хлебные припасы.

В таких условиях служили и жили сибирские казаки, добывая государству великое богатство, а Москва все настойчивей требовала «новой земли-ны», золотой и серебряной руды. На этой почве нередко казаки бунтовали, сменяли московских голов, и выбирали новых, расходились из городков и острогов, враждовали между собой и предпринимали самостоятельные походы.

Пока казаки имели сами непосредственное соприкосновение с инородцами, ясачное дело шло тихо и мирно, но как только появлялись московские приказчики и промышленники, дравшие с инородцев двойные поборы, бравшие их в полон на откуп, возникали бунты и восстания. На «истеснение» бурят потребовалось целых 25 лет и 40 лет они тщетно боролись за свою самостоятельность.

Правительство, заботясь о пополнении казаков, присылало им девок и «женок гулящих», а со времени присоединения Украины наполняло Сибирь ссыльными украинскими и запорожскими казаками и уходившими от «руины» Украинцами. Казаки не только несли военную службу, но и исполняли роль дипломатов. Когда московская экспансия на восток, мечтавшая с сотней людей Хабарова покорить «Пегую Орду» — Китай, разбилась о манчжуров, первый посол к богдыхану — нерчинский казак Игнат Милованов с 6 товарищами уладил дело миром. Казаки три дня кормились у богдыханского стола и возвратились в 1670 г., с богатейшими подарками, домой, а московское правительство послало в награду промышленнику Хабарову, за его службы, золотой червонец, 200 казакам по золотой Новгородке, а 700 охочим — по золотой московке. В это же время три казачьих острога на Амуре, с 1658—69 г.г. не получили ни копейки жалованья, ни пуда муки; бунтовавших же от голода и насилия казаков приговаривали в Москве заочно к смертной казни и наказаниям кнутом.

Главным несчастьем казаков было их страшное малолюдство и необыкновенная разбросанность. Они сидели по острогам десятками человек, обслуживая огромные территории, да и во всей Сибири к 1662 г. на пространстве $4^1/_2$ миллионов квадрат. верст было всего навсего 70.000 славян и 290.000 инородцев. К этому времени московское правительство начало протежировать пашенных крестьян, оставляя в загоне казаков. На Амуре, например, было наказано в 1682 г. «учинить заказ крепкой крестьянам, у которых есть дочери, чтоб они их за албазинских казаков отнюдь не выдавали замуж, а выдавали бы за крестьян, чтоб крестьяне были все женаты...» Таким образом первоначальные вольные казаки, потомки донцов, запорожцев и других степовых казаков обречены были на вырождение и вымирание.

Разбросанные мелкими гарнизонами казаки, хотя и не имели войскового устройства, подобно общинам-государствам Дона, Запорожья и др. Войск, но твердо хранили казачьи обычаи и порядки. У них было выборное начальство, которое они наказывали и сменяли в Кругу, в Кругах решали казаки свои важные дела: постройки крепостей, походы, распределение жалованья, добычи и подобное; одним словом, они, хотя и оторванные от материнских своих Войск, и находившиеся на городовой московской службе, не забывали своего вольно-казачьего происхождения и жили славными традициями своих предков. Входившие в состав казаков инородные элементы и ссыльные «в казачью службу »за проступки «чиновные люди» быстро ассимилировались и проникались казачьим духом. Связь их с казачьими Войсками на Черноморско-каспийских степях не прекращалась совершенно, в далекую Сибирь, за Байкал и на Амур попадали ссыльные донцы, запорожцы и другие казаки, поляки, литовцы, они здесь жили и возвращались, а частью оседали совершенно; сибиряки же ходили в посольствах на Москву и встречались там с вольными казаками. Вольно-казачий дух не замирал у сибирских казаков и еще больше ожил, когда разбросанных по городам казаков стали собирать вместе и выселять на Сибирскую линию, расселяя их потом по границам Сибири.

Было это в начале последней четверти XVIII стол., когда Вольно-казачьи Войска были или уничтожены, или обращены на положение «регулярных», а население их начало сводиться на всевозможные «линии», начиная от границ турецких и до самой Азии.

Пришла пора говорить казакам с казаками.

„В. К.“ № 2, 25-XII-1927.

VII. Казачьи Войска в составе Российской империи по уничтожении автономий.

Хотя в царствование Екатерины II автономная жизнь вольноказачьих Войск была сведена на нет, а из их осколков путем выделения формировались новые казачьи Войска и полки, связь духовная и физическая с вольно-казачьим прошлым не прекращалась и у этих Войск «служилых».

«Известие о начале и учреждении в России регулярного войска» относит его к 1775 г., когда, после разрушения Сичи Запорожской, было сформировано из «малороссийских» казаков 3 полка, а в 1783 году — казачьи шестисотенные полки по 961 чел. в служилом составе — Моздокский, Оренбургский, Ставропольский и Уфимский. Современный автор «Известия» говорит, что «Донские, Гребенские, Уральские, Волжские, Оренбургские и Сибирские казаки — все они свое начало производят от первобытных черкасских», послуживших основой Запорожья и впоследствии Войска Черноморского.

В соответствии с этим и запорожская традиция, в записанном в 50-х г.г. XIX ст. повествовании старого запорожца Хоржа говорит об общности происхождения всех казаков вообще, приходе в Запороги, расселении оттуда на Дон и в Сибирь.

Императорская Россия уничтожив независимость, а после автономность Вольно-казачьих Войск, не смогла уничтожить казачьего исторического прошлого и его традиций общего происхождения и былого братства.

1. Войско Донское.

К этому времени органическая связь младших казачьих Войск с донской метрополией прекратилась, а вместе с тем от нее отпал и старинный эпитет Все Великое. Каждое Войско жило само по себе, под контролем и надзором Петербурга.

1775 г. оказался роковым и для донской автономии, с него начался переходной период в правовом положении Дона, имевший целью приблизить гражданское управление Войском к общегосударственному типу с применением российских гражданских и уголовных законов. На короткое время, после смерти Екатерины, по капризу Павла I, была восстановлена областная автономия, но вскоре новые реформы начали вводить черты крепостного дворянского строя. В некоторой степени сохранилась еще церковная автономия, которую поддерживал и Петербург, не позволявший воронежскому епископу наложить окончательно свою руку на Дон. В 1785 г. было даже запрещено определять в церковники в Войско великороссиян.

С учреждением на Дону дворянского сословия и крепостного права, особенности казачьего управления были еще больше нарушены; оставались только обломки казачьих законов и обычаев, просуществовавшие до 1835 г., когда Дон был сделан «областью по особым учреждениям управляемой» и оставался таким до 1917 г.

Преследуя свои цели, правительство старалось расселять донских казаков по другим Войскам и местностям. На этой почве среди казачьих полков, стоявших на р. Расшеватке у Ставрополя и Кубани вспыхнул в 1792 г. бунт, распространившийся и на Донскую территорию. Россия восстановила свой авторитет на Дону вооруженной рукою — «бунт» был подавлен.

Вскоре Донское Войско было пополнено калмыками большой Дербетской Орды, причисленными к нему в 1798 г. и жившими вначале автономно. В том же году донские старшины были сравнены с армейскими чинами. С этого времени усиливается заселение старшинских земель (начавшись с половины XVIII ст.) крестьянами и рост инородного населения на Дону.

В политическом отношении эпоха Павла I ознаменовалась на Дону террором, направленным против заподозренных в сепаратизме и автономизме, и из донского населения усиленно изгонялся вольно-казачий дух. Пострадал от него даже сам генерал Платов, сидевший в крепости и ссылке за крамольные речи, хотя этот же Платов, возвеличивавший воинскую доблесть донцов, был наиболее верным исполнителем велений центра. В гражданском отношении в его правление Дон пришел в упадок.

Подозрительное отношение к донцам проявилось и в период польских волнений — в Войске встречались поляки и сами Атаманы ходатайствовали о их включении в ряды казачества; в большом количестве в начале XIX в. были приписаны (3½ т. семейств) в Войско и «малороссияне» числившиеся крепостными за станицами. Живя на Дону, они сохраняли вольнолюбивый дух и шли за казачеством, не перенося бесправия. На самом Дону в 1820 г. правительству пришлось жестоко подавлять крестьянские волнения и приводить их в подданство помещикам.

1835 г. со своим положением принес упадок казачества на Дону; вольно-казачий дух был придавлен, экономически казачество было разорено войнами первой половины XIX ст. и обнищало. С 1848 г. Атаманы стали назначаться не из донцов и заботиться о казачестве было некому, а эпоха «великих реформ», вместе с освобождением донских крестьян, принесла уничтожение выборной администрации и дальнейшее ограничение станичного самоуправления. При Александре III положение казаков еще более ухудшилось. Потомки вольного казачества были обращены в служилое войско типа аракчеевских военных поселенцев, все особенности казачьего военного и гражданского управления были уничтожены и его «привилегии» сведены на нет.

Волна казачьих ограничений с 1835 г. неизменно катилась с Дона по всем Войскам. Правительство усердно всюду применяло Донское положение. При последнем императоре порядки, заведенные его отцом, оставались неизменными и даже «думский» период не принес облегчения. Наоборот, в революцию 1905—07 г.г. казачество было использовано правительством для удержания своего престижа и понесло на себе за это проклятие его режима до революции 1917 г. В этой революции казачество нашло путь к восстановлению своего былого и познало пропасть, отделяющую его от России и русских.

2. Войска Екатеринославские.

После уничтожения Сичи Запорожской и ухода казаков за Дунай, российское правительство было поставлено лицом к лицу с крымско-татарской опасностью. Не имея никакой возможности справиться с ними при помощи регулярных Войск, оно снова должно было обратиться к казачеству. Вслед за созданием Войска верных казаков Коша Запорожского, на землях Запорожья начали формироваться другие казачьи войска и полки из остатков запорожских поселенцев и новых колонистов. В 1788 г. из поселенцев на левом берегу р. Буга был сформирован Бугский казачий полк, а кроме него был еще по Линии татарской целый ряд поселенных казачьих полков. Наиболее близким к Вольному казачеству был полк Чугуевский. Древнее городище Чугуев было укреплено в половине XVII ст. и заселено уходившими на восток днепровскими казаками, которые в 1698 г. были обращены в однодворцев. Для несения военной службы сюда были переведены казаки Яицкие, Донские и крещеные калмыки. Они составили казачью команду, которая в 1747 г. была наименована Чугуевским конным казачьим полком.

В 1788 г. из этого полка и всех вообще чугуевских однодворцев был составлен Корпус Передовой Стражи Екатеринославских регулярных казаков, упраздненный в следующем году, взамен чего были сформированы Чугуевский казачий и Конвойный князя Потемкина полки, составившие передовое казачье регулярное войско.

В 1790 г. из полков Бугского, чугуевских и семи других было учреждено Екатеринославское Казачье Войско, просуществовавшее до 1796 года. Сам Потемкин, по-запорожски — «товарищ». Грицко Нечоса, в 1790 г. был пожалован и Великим Гетманом Войск казачьих Екатеринославских и Черноморских». По расформировании Войска, из казаков бугских, екатеринославских и днепровских, пожелавших поселиться в новой Вознесенской губернии, на бывш. землях запорожцев, было сформировано, в том же году, Бугско-Вознесенское казачье Войско, но в следующем году учреждение этого Войска было отменено. Оставшаяся часть казаков на Днепре и Черном море, вместе с переселившимися сюда болгарскими эмигрантами в 1803 г. составили Бугское казачье Войско. В то же время часть казаков б. Екатеринославского Войска, не желая состоять в поселянах, добилась переселения на Кубань, где и осела Кавказским полком у границ Войска Черноморского.

В 1812 г. на Днепровском правобережьи и б. землях болоховских было сформировано Украинское казачье Войско, упраздненное в 1816 г. и влитое в Бугское. Последнее же, в свою очередь, было упразднено 8-го октября 1817 г., а казачьи полки перечислены в уланские. Казачьи Войска на территории Запорожья перестали существовать; только во время польского восстания 1833 года были здесь вновь сформированы два казачьих полка, которые, по окончании похода, были отправлены на Кавказ и поселены на Линии.

3. Войска Дунайские.

Российское правительство было весьма озабочено привлечением на свою сторону ушедших к туркам, на Дунай, запорожцев. При помощи своих дипломатов и эмиссаров оно непрестанно убеждало запорожцев возвратиться в российское подданство. Частично это удалось, главным образом, во время войн России с Турцией, в которых запорожцы вынуждены были принимать участие не только против одноверных собратий, но и своих же одноплеменных братьев казаков. Казаки, между собою братались и переходили одни к другим.

В начале войны 1806—11 г.г. при приближении российских войск к кр. Измаилу, на встречу им вышли несколько сот запорожцев со старшинами и просили о принятии их в подданство. Из этих казаков, и перешедших ранее одиночек и партий были созданы полки буджацких и усть-дунайских казаков, поселенные в степях между р. Бугом и Дунаем. 20-го февраля 1807 г. им повелено было называться Усть-Дунайским Буджацким Войском. Немногочисленное Войско все же сберегало свою запорожскую организацию, но просуществовало оно не долго. По заключении мира, в 1811 г. оно было расформировано, часть старшин и казаков переселилась на Кубань, а войсковые регалии были переданы Войску Черноморскому. Во время войны 1806—11 г.г. Войско это было пополнено «малороссиянами» из поселян б. Запорожья, молдаванами, болгарами и цыганами. Не пожелавшие итти на Кубань казаки были обращены в казенных поселян и осели в Буджаке на р. Сарате около озера Сосьека.

Во время войны 1828 г. Кошевой Атаман задунайского запорожского Войска Осип Гладкий, тайно от турок и большинства задунайских запорожцев вышел из Сичи морем на 42 бударах и 10-го мая 1828 г. явился под Измаил к царю.

Гладкий захватил с собою святыни Сичевой церкви, регалии, грамоты султана и австрийского императора и все это передал Николаю I, получив

чин полковника и богатые поместья. К концу войны он был уже генералом.

Из пришедших с Гладким запорожцев было сформировано Дунайское Войско с водворением его в Екатеринославской губернии. Но запорожцы не захотели жить отдельно и постановили на своей Раде присоединиться к Войску Черноморскому. Это обстоятельство не было по душе Гладкому и он добился у царя отвода новых земель, на берегу Азовского моря между Бердянском и Мариуполем. Войско получило название Азовского и Гладкий назначен был его наказным Атаманом.

На Буджеке же было сформировано в 1829 г. новое Дунайское Войско из остатков бывшего Усть-Дунайского Буджацкого Войска, пополненного молдаванами и болгарами.

В царствование Николая I часть Азовских казаков была переведена на Кавказ, а в 1852—64 г.г. стало производиться систематическое их выселение за Кубань. Войско желало осесть целиком в одном районе и на этой почве произошли крупные беспорядки, подавленные оружием. Казаки были выселены в Анапский район и за Кубань; по их жалобе дальнейшее переселение производилось уже целыми станицами. 11-го октября 1865 г. Войско Азовское было упразднено, а регалии его переданы Кубанскому Войску.

4. *Войско Черноморское.*

По разрушении Сичи Запорожской российское правительство очень скоро почувствовало, что оно сделало опрометчивый шаг. Крым еще существовал и с ним было много забот, преодолеть которые без казачьих сил было трудно. В конце концов Потемкину, — главному начальнику нового «Новороссийского Края», ничего не оставалось, как на свою ответственность начать формирование нового Войска из бывших Запорожцев. Для этого он использовал трех старшин — Захара Чепигу, Антона Головатого и Сидора Билого. В 1783 г. они собрали около тысячи душ казаков на степях Запорожья и из Сичи Дунайской, а в следующем году царица дала согласие на образование нового Войска, по донскому типу.

В 1787 г. у России произошел новый разрыв с Турцией и он решил окончательно судьбу нового Войска верных казаков. Оно получило клейноды, артиллерию, оружие и соорудило Кош в Василькове, по запорожскому образцу.

Возобновление Войска из старых запорожцев привлекало казаков и из-за Дуная. Войско принимало деятельное участие в войне и за отличия в ней получило название Войска верных казаков Черноморских. Однако, в отношениях российских властей к казакам было много такого, что вызывало в Войске неурядицы и уход казаков в Турцию. Казаки пухли с голоду, мерзли, а в конце концов свой Кош отдали турецким пленным. Черноморцы поселились в Слободзее над Днестром, ниже г. Бендер. Новые земли их неудовлетворяли и они с осени 1789 г. стали просить о отдаче Войску земель на Кубани, оставшихся пустыми после ухода Войска Кубанского (некрасовцев) в Турцию, а кроме того и степью Перекопскою, от б. южных границ Запорожья до Азовского моря.

Войско этих земель не получило, но ему отвели в 1790 г. приморскую полосу между Бугом, Днестром и Черным морем, да часть земли на Кинбурнской полосе, и на Тамани.

В 1791 г. война кончилась, а вскоре умер и Потемкин. Черноморцы остались без покровительства, на земли не было еще царских грамот и их легко могли отнять у Войска. Старшина послала просить у царицы, хотя бы одну только Тамань, не думая удержаться в Слободзее, где к тому же возникли серьезные осложнения с возвращавшимися в свои поселения после войны, коренными жителями. Действительно, в феврале 1792 г. войсковые земли присоединили к Екатеринославской губернии и только летом черноморцам была предоставлена половина просимых ими земель на Кубани: «в вечное владение» — остров Фанагорто и земли до р. Еи и Устья Лабы; запорожцы же просили всю территорию позднейшего Войска Кубанского.

Осенью 1792 г. казачья флотилия пристала к Тамани, а в ноябре пришел Чепига с конницей на р. Ею, в конце же весны 1793 г. прибыл и Головатый с семейными казаками. На Кубань перешло всего около 25.000 душ; на Карасунском Куте казаки заложили, по образцу Сичи, гор. Екатеринодар, а остальную землю разделили по жребию на 40 куреней. Войско сохранило пока свою хотя и слабую автономию. Неся военные обязанности и охрану границ, оно пользовалось, собственно говоря, широким местным самоуправлением, сохраняя тень запорожских порядков.

Первоначальная жизнь была очень тяжелой, казаки вымирали от голода и болезней. Войско пополнялось переселением на Кубань б. запорожцев и б. казаков из Полтавской и Черниговской губерний.

С воцарением Павла I изменения казачьего устройства были еще глубже — заведена «войсковая канцелярия» с Наказным Атаманом, а в 1801 г. уничтожено прежнее куренное деление и введено полковое; куренные порядки продолжали все же существовать в общественной жизни до 1842 г., когда было введено новое «Положение об управлении Черн. Каз. Войска», применительно к донскому. Казачество было недовольно, глухо волновалось и для вящего надзора над ним с 1855 г. начали назначать Наказными Атаманами не казаков. Этот удар был нанесен как раз после того, как Черноморцы прогремели славой в Крымскую кампанию. Теперь рассоренные правительством со

своими соседями горцами, урезанные в правах по самоуправлению, они были отданы под опеку чужих генералов, зачастую даже не русского происхождения.

Коренные изменения постигли Войско Черноморское в 1861 г., когда оно было слито с частью Кавказского Линейного Войска в одно Кубанское Казачье Войско.

5. Войска Сибирские.

После покорения Сибири опасное соседство кочевых воинственных народов заставило российское правительство оградить селения сибирских колонистов линиями крепостей, форпостов и редутов, заселенных казаками. Это были, главным образом, потомки отважных соратников Ермака, усиленные переселявшимися в Сибирь казаками европейских Войск, днепровскими, городовыми и переводимыми на казачье положение военнопленными, среди которых наиболее численными были поляки и литовцы.

В 1716 г. с построением по р. Иртышу укреплений, сюда были переведены, разбросанные по городам обширной Сибири казаки и составлено из них Сибирское Войско. Во второй половине XVIII в. оно было значительно пополнено Донскими казаками, башкирами и мещеряками, несшими службу на сибирской кордонной линии в составе Башкиро-Мещеряцкого казачьего Войска и сосланными Запорожцами. В 1775—99 г.г. в состав Войска было включено более 2000 малолетков, отставных солдат и ссыльных из местных жителей, а в 1813—14 г.г. значительное количество военнопленных поляков, пожелавших добровольно остаться в Войске.

Сибирские казаки занимались скотоводством, хлебопашеством, охотой и рыбной ловлей. Живя среди туземцев и кочевников они в силу продолжительной совместной жизни сблизились с ними и духовно и культурно до того, что многочисленные группы и целые полки туземцев входили в состав казачества, образуя с потомками вольных казаков новые казачьи Войска в Сибири.

Остальные сибирские казаки продолжали оставаться по городам и станицам в составе городовых полков: Енисейского, Иркутского, Забайкальского, Якутского, Тобольского и Татарского и двух команд — Верхотурской и Камчатской. Казачью же службу несли Тунгусский и четыре Бурятских полка в Забайкалье.

В половине XIX в. организация сибирских казаков была изменена: в 1867 г. из двух полковых округов Сибирского Войска было образовано Семиреченское казачье Войско, всего 28 станиц; Енисейское казачество было обращено на гражданское положение, а из казачьих и туземных полков в Забайкалье было образовано 17-го марта 1851 г. Забайкальское казачье Войско. Прочное устройство забайкальцы получили еще ранее, в 1822 г., когда они были разделены на городовых, станичных и пограничных; теперь же к Войску были причислены образованные в 1762 г. тунгусский полк и четыре бурятских.

Население Забайкальского Войска явилось основным ядром для формирования других восточно-сибирских Войск — Амурского, в 1858 г., на границах с Китаем, после того как по Айгунскому договору р. Амур была закреплена за Империей. Из Войска Амурского в 1889 г. было выделено особое Войско Уссурийское.

В состав всех этих восточно-сибирских Войск влилось очень значительное количество казаков европейских и кавказских, уходивших от наступавшего малоземелья на Зеленый Клин колонизовавшийся главным образом родственными казакам по духу переселенцами-украинцами.

Неказачье население областей этих Войск и теперь состоит из 90—95% украинцев, а правительство имело план усилить Амурское Войско путем переселения сюда Донских и Оренбургских казаков, во исполнение чего в 1895—1901 г.г. было переселено их больше 8000 душ.

Обращенное в крестьянство сибирское казачество не мирилось со своим положением и только ждало удобного случая для того, чтобы восстановить свой древние порядки. Он настал в революцию 1917 г.

Енисейское казачество, более полустолетия пребывавшее в крестьянстве, стихийно возродило войсковое устройство, избрало Войскового Атамана Енисейского казачьего Войска и вошло в семью остальных казачьих Войск. Сдавленное со всех сторон российскими поселенцами, оно решалось после борьбы 1918 г., лучше уйти всем Войском в Уряханский Край к Китаю и пополнить свои ряды включением в Войско кочевого народа хаккасов, чем расказачиться и поддаться российскому насилию. Дух Вольно-казачьих предков не вымер в них окончательно, несмотря на сотни лет службы их Москве и Российской Империи.

6. Степные европейские Войска.

В первой половине XVIII в., в нижнем Поволжьи возникло, как особая единица, Войско Волжское на тех самых исторических местах, где ранее сидели «вольские» казаки, как «доминион» Вседонской казачьей республики.

В 1732 г. на заселение так зв. Царицынской Линии были вызваны для поселения охотники из донских казаков, но затем план этот был изменен, охрана Линии передана Войску Донскому, а вызванные на переселение казаки, пополненные отчасти «сходцами» с Украины, а отчасти и великороссийскими, были поселены на Волге в окрестностях Дубовки, по р. Балаклеи, между Камышином а Царицыном. Из них в 1733 г. было образовано Войско Волжское, во владения которого были отданы земли по р. Иловле, от донской границы

до гор. Дмитриевска, и введено общеказачье управление.

Войско просуществовало здесь недолго. В 1770 г. часть его была сведена на Терек и образовала там пять станиц, а остальные, сохранив свое название, были переведены на Кавказ в 1777 г., заселив тоже пять станиц между Екатерининской и Александровской крепостями.

На его месте в Поволжьи водворилось Астраханское казачье Войско. Первоначальным зародышем его была Астраханская трехсотенная казачья команда, составленная в 1736 г. с причислением 200 крещенных калмыков. В 1750 г. к команде было причислено еще 200 человек крещенных татар, калмыков, казачьих детей, и она переформирована в Астраханский казачий полк, поселенный за Казачьим Ериком. Полк нес охранную службу на яицких и киргизских границах и постепенно рос и увеличивался; станицы его распространились с 1764 г. вверх по Волге к Черному Яру и Епотаевску. В 1784 г. к Астраханскому полку были присоединены еще три станицы, а в 1801 году владения его распространены до Саратова. Вскоре было выделено еще два полка, а в 1817 г. учреждена Войсковая Канцелярия с Наказным Атаманом во главе. Войско несло общеказачью службу и отличалось высокой культурностью: уже в начале 90-х г.г. прошлого столетия 66% мужского его населения было грамотным.

В соседстве с Войском Волжским и на границах Войск Яицкого и Сибирского было образовано Оренбургское казачество. Основным ядром его, сформированным в 1733 г., послужили казаки Исетские, утвердившиеся на р. Исете, после завоевания Ермаком Сибири, и городовые казаки самарские и уфимские, вместе с вызванными для защиты новой Линии от Оренбурга до Верхнеяицкой крепости казаками яицкими, донскими, запорожскими и днепровскими, а также башкирами, калмыками и мещеряками. В разное время состав Войска значительно пополнялся причислением белопахотных солдат, малолеток и пушкарских детей, а в особенности поселением «малороссийских» казаков.

В 1755 г. было сформировано Оренбургское казачье Войско. Одни казаки, получавшие жалованье, составляли «нерегулярный казачий корпус», во главе которого стоял Войсковой Атаман, остальные казаки в 1798 г. были разделены на 5 кантонов и несли меньшие служебные повинности. В 1803 г. в Войске была учреждена Войсковая Канцелярия по образцу Черноморского и Уральского Войска, а в 1840 г. во главе войскового управления был постановлен Наказный Атаман. С 1835 г. с проведением новой Линии от Орска и по р. Уе, казачьи станицы были выдвинуты на границу, а из оставшихся казаков внутри образовали ряд поселенных регулярных полков, в которые отошли приписные к Войску государственные крестьяне. Население Войска значительно пополнилось включением в него в 1842 г. Ставропольского калмыцкого Войска, уведенного к этому времени с Кавказской Линии.

В жизни Оренбургского казачества и пополнении его самое близкое участие принимало Башкиро-Мещерякское казачье Войско, составленное из воинственных инородцев, разбросанных по всей Оренбургской и южным частям Пермской и Вятской губерний, о казаках мещерских история знает еще со второй половины XV стол. и приписывает им значительную роль в образовании Донского верхового казачества.

Прозвище Мещеряка часто встречается у степных казаков. Атаман Мещеряк был правой рукой и заместителем самого Ермака. Мещеряки и Башкиры в России долгое время сохраняли самоуправление, под начальством старшины, сотников и есаулов. Вся история жизни Башкир состоит из борьбы за независимость, постоянных бунтов и поголовных восстаний (начиная с покорения Казанского царства, когда они вошли в соприкосновение с Москвою). Башкиры принимали поголовное и самое деятельное участие в Разиновщине и Пугачевщине. В 1705—07 г.г. их предводитель, «святой султан», поднял не только Башкир, но и астраханских казаков. Жесточайшие наказания, казни, пытки, ссылки тысячами в каторгу не останавливали Башкир. Кровавые восстания 1709—11, 1724-го, 1735—39, 1739—40 г.г. привели почти к уничтожению большинства мужского населения; в одном 1740 г. было казнено более 16.600 чел. и более 3½ тысяч продано в рабство, но в 1755 г. Башкиры восстали снова поголовно.

Во всех этих случаях они шли рука об руку с казаками, с которыми населяли одну общую территорию в Приуральском крае. Следствием восстаний было запрещение с 1737 г. колонизовать эти земли великороссами, разрешено было заселять только «малороссами» и казаками, а в конце XVIII ст. было сформировано из них иррегулярное казачье Войско, расформированное в 1863 г., после чего туземцы были переведены из военного ведомства на гражданское положение.

Историческое сожительство этих народов на волжском левобережьи сблизило их с казачеством.

Казачий образ их жизни не менялся на протяжении целых четырех столетий, когда мы их встречаем бок-о-бок с Оренбургским казачеством на той же самой исторической территории. Башкиро-мещеряцкое Войско подчинялось тому же Оренбургскому Командованию и выставляло 12 башкирских и 5 мещерских кантонов, численностью от 10—12 тысяч казаков, для охранения Оренбургской Линии, вместе с уральцами и оренбуржцами.

Кроме этих инородцев, тесное участие в жизни степового казачества принимали калмыки; остав-

шиеся в Поволжьи и на Северном Кавказе, после массового ухода их сородичей в 1770 г. в Джунгарию, под влиянием неразумной политики правительства Екатерины II. Часть калмыков вошла в состав Донского Войска, другая составляла особое Войско Ставропольское, влитое потом в Оренбургское казачество. В июле 1917 г. астраханские калмыки образовали Калмыцкое казачье Войско, осенью того же года вошедшее на автономных началах в Войско Астраханское и в казачье государственное образование Юго-восточный Союз.

В ведение оренбургского же начальства окончательно перешло с начала XIX столь и Войско Уральское, тщетно старавшееся добиться в Петербурге восстановления старых Войсковых порядков. Подобного рода ходатайства и в начале XIX в. служили поводом к долголетним ссылкам казаков, а в 1837 г. за подачу Наследнику, бывшему на Урале, прошения «о смене Наказного Атамана» поставленного «вопреки старинных войсковых прав и преимуществ», над Войском снова повисла угроза. За такое выступление «доверенных от Войска людей» угрожали «совершенным уничтожением всего Войска Уральского и даже самого имени Урала и выселением в другие места». Российское правительство не могло допустить и тени восстановления казачьей самобытности. Вольное Войско обратилось в самое обыкновенное служилое и только крайняя важность его для мер защиты от кочевников, заставляла правительство сохранять за уральцами известные особенности их жизни.

Уральские казаки жили в Оренбургской губернии, подчинялись Наказному Атаману, несли военную службу и ни в чем не отличались от других Войск казачьих. Во внутреннем же Управлении Войска, как отзвук причисления к Войску Илецкой станицы, в 1737 г. основанной яицкими казаками из инородцев и управлявшейся самостоятельно, осталось разграничение двух общин — собственно уральской и илецкой, трех смежных с Войском Оренбургским станиц, которые до последнего времени чувствовали себя совсем обособленным организмом среди уральцев.

В 1868 г. было уничтожено и историческое название «Земли Уральского казачьего Войска», взамен которого была создана Уральская область с Наказным Атаманом, не из уральцев, во главе.

7. Кавказское линейное Войско.

Стремление Петра I утвердиться на путях к Индии привело к учреждению Линии — безопасной дороги для торговой связи с Персией и Индией через земли горцев в Закавказье. Подобный торговый путь пролегал с незапамятных времен через земли чеченцев. Последние, желая избавиться от этого соседства. стали нападать на Линию так ожесточенно, что в 1786 г. Линия была уничтожена и сообщение с Грузией прекращено. Она была вновь учреждена в 1800 г. после присоединения Грузии к Российской Империи.

Во времена Потемкина Линия была протянута от Ставрополя до Черкасска и названа Кавказской; тянулась она через Ростов, Ставрополь, Георгиевск, Екатериноград по военно-грузинской дороге до Тифлиса, с ответвлениями от Ставрополя на Екатеринодар и от Екатериноградa на Кизляр. В Кизляре скрещивалась с другой дорогой от Астрахани на Св. Крест (Аграхань) и далее на Баку.

Для охранения дорог сюда переводились казаки различных Войск партиями, полками и даже целыми Войсками. Терские казаки прикрывали дорогу с 1586 г. в районе крепости Терки, по ее же срытии в 1722 г. они были переведены к кр. Св. Креста на р. Аграхань и получили название Аграханских казаков. Неудачные походы русских за Каспий и в Закавказье и болезни привели почти к уничтожению этого Войска; в 1736 г. оно было переведено на р. Терек к Кизляру, где вместе с включенными в его состав горцами и кумыками составило Терское Кизлярское Войско. От Кизляра же вверх по Тереку осело Терское Семейное Войско, под управлением своего Войскового Атамана, переведенное в том же году с Аграхани.

Это Войско было сформировано в 1722 г. путем поселения у кр. Св. Креста донских казаков, по одной семье от каждой станицы и присоединения к нему крещенных туземцев.

Для усиления терской Линии, по этим же соображениям, в 1711 г. было переведено, из Большой и Малой Кабарды и из-за Сунжи, на левый берег Терека Войско Гребенское, управлявшееся своим Атаманом.

В районе гор. Моздока были поселены казаки моздокские, переселенные в 1770 г. с Волги из состава Волжского Войска; к ним были приданы 328 кибиток крещенных калмыков, в 1764 г. поселенных по линейным станицам, а в 1788 г. присоединены 200 семей Донских казаков; кроме того в 1799 г. сюда же была причислена и Легионная Команда из туземцев, и выведенные из плена в ст. Новогладковскую грузины.

В 1763 г. был основан гор. Моздок и в нем поселена Горская Моздокская команда из крещенных горцев, по преимуществу осетин и кабардинцев, которые составляли главным образом население и в соседней станц. Луковской. Кабардинцы несли службу на Кавказе с давних времен, с 1636 г. прикрывая Царицынскую Линию, проходившую через крепости Мечетную, Грачевскую, Сокорскую и Донскую.

С Горской Моздокской командой в 1817 г. была соединена и Луковская станица.

Далее по Линии осели казаки Волжские, переведенные на Кавказ в 1777 г.; к ним были причислены горцы Абазинцы. От волжцев ближе к Кубани

осели казаки хоперские, первоначально поселенные в 1717 г. при Новохоперской крепости, в числе нескольких сотен семейств. В 1777 г. хоперцы были переведены на Кавказ в район Ставрополя, где к ним присоединились несколько сот донцов, пленных персов и кавказских горцев. Через некоторое время Хоперцы были переведены на р. Кубань и Уруп.

По средней части течения р. Кубани сидел полк Кубанский, составленный в 1794 г. из поселенных здесь Донцов, бунтовавших в 1791 г. на р. Расшеватке и присоединенных к ним «малороссиян» Войска Донского. От его станиц и далее до границ Войска Черноморского, вдоль р. Кубани осел полк Кавказский, составленный в 1803 г. из казаков упраздненного Войска Екатеринославского и добровольно переселившихся сюда казаков волжских и хоперских.

После того, как в 1779 г. Россия достигла берегов всей Кубани и привела вооруженной рукой в подданство кабардинцев, в линейные казачьи Войска и полки в значительной степени стали выходить эмигрировавшие раньше на Кубань и в Кабарду казаки из Вольноказачьих Войск; к ним же присоединялись и вольные люди, скрывавшиеся от российский властей в Кавказских плавнях и дебрях и не желавшие вступить в регулярное войско.

В 1832 г. была упразднена Кавказская губерния, оба Терских и Гребенское Войска, а взамен них основано Кавказское Линейное Войско, управлявшееся Наказным Атаманом.

К Войску были причислены несколько поселений государственных крестьян, преимущественно из «малороссиян» и все оно разделено на девять полков, составлявших две бригады.

Войсковая территория простиралась от восточной границы Черноморского Войска до берега Каспийского моря; каждый полк имел свою определенную территорию, в большинстве разделенную черезполосицей землями татар, ногайцев и крестьян. Войско выставляло пехоту, конницу, артиллерию и гвардейские части. Со «Старой Линии« оно выдвигало «Линии» новые по р. Белой, Лабе, Урупу, Зеленчуком, пополняясь казаками степовых Войск, инородцами и добровольцами («выходцами»), росло и крепло экономически и, сближаясь с горцами в войнах и мирных сношениях, принимало от них и внешний облик и многие внутренние качества.

В 1861 г. Войско было упразднено, первая его бригада вошла в состав нового Войска Кубанского, вторая — вошла во вновь учрежденное Войско Терское, а часть станиц была обращена, несмотря на протесты населения, на крестьянское положение в Ставропольской губернии.

8. Кавказские казачьи Войска.

1861-й год принес новые изменения в жизни казачьих Войск на Северном Кавказе — были упразднены все существовавшие до сих пор там отдельные Войска, а взамен их образованы два Войска новых: Кубанское и Терское. В состав первого вошли Черноморцы и три Линейных полка первой бригады — Кавказский, Кубанский и Хоперский. Ставропольский полк был упразднен совсем, а население его станиц, несмотря на протесты и сопротивление переведено на крестьянское положение.

Остальные полки Войска Линейного были частью сведены по два и образовали Терское казачье Войско. Завоевание Восточного Кавказа было закончено и правительство направило главный свой удар, при помощи новых Войск на Кавказ Западный. В 1864 г. пал и он, миллион горцев эмигрировал в Турцию, бросив свои земли, на которые Петербург решил перебросить казаков, а старые казачьи земли занять под помещичьи владения и крестьянские поселения. На Черномории на этой почве вспыхнули беспорядки и переселение не состоялось. Закубанье стали заселять выходцами из других Войск, отставными солдатами и линейскими казаками. Все Закубанье и Черноморское побережье оставалось в управлении Войска Кубанского, хотя правительство поспешило в 1870 году упразднить Шапсугский казачий батальон, а 12 станиц его, расположенных по берегу моря обратить на крестьянское положение, убеждая казаков принять это как «высочайшую милость», освобождающую от военных обязанностей. Казаки протестовали, не соглашались и разбегались с побережья на Кубань, а Петербург заселял его иногородними.

С покорением Кавказа и уничтожением крепостного права было открыто вольное поселение не казаков на Северном Кавказе, поток иногородних залил казачьи земли. Управляемые чужими Наказачими Атаманами Бойска, с куцым местным самоуправлением, не могли уже и сопротивляться, обреченные на несение военных тягот за пределами родных краев. В 1896 г. российское правительство сделало новое преступление против казачества — выделив приморскую полосу в особую Черноморскую губернию, оно отрезало Кубань от Черного моря и лишило ее непосредственного сообщения с заграницей.

Урезывая Кубанское казачество и усиляя в Войске неказачий элемент, российское правительство шло систематически к ослаблению его политической силы, — кубанцы обращались в послушных служак. Только революция 1905 года показала, что в них сохранилось еще национальное самосознание.

До этого времени Войско жило и управлялось по четырем разным положениям — Черноморье, Закубанье, Старая и Новая Линии. В 1906 г. была созвана Кубанская Рада для разрешения земельных вопросов и она провела окончательное слияние четырех кубанских Войск в одно.

На Тереке велась политика иная — там казачество поддерживалось в ущерб горцам и ссорилось на радость Москвы и Петербурга со своими вековечными соседями. За время своего господства на Кавказе Россия рыла пропасть между терцами и горцами и привела их к тому, что в момент наибольшей необходимости государственного сотрудничества населения Терека, в 1918—19 г.г. между ним вспыхнула кровавая борьба. Тем не менее кавказское казачество, составленное из конгломерата различных Войск, украинцев, туземцев и горцев, осело прочно на исторических землях Тьмутараканского княжества, слилось с местной стихией и выработало свой особенный тип кавказского казака резко отличавший его от другого населения Империи и приближавший к горцам.

VIII. Заключение.

Охватывая общим взглядом историческую перспективу жизни Казачества, мы приходим к заключению, что европейское казачество в самой отдаленной старине являлось автономным населением своей теперешней территории.

Его древне-славянские предки, среди степных бурь и невзгод X—XV столетий, сумели не только сохранить непрерывность своего рода на просторах широких степей Черноморско-азовских, но и впитать в себя многочисленные степные элементы иной крови. Славянская кровь, в бурных условиях степной жизни, сумела отстоять свою живящую силу и растворить весь тот инородный элемент, который вошел в казачество, сжился и слился с ним физически и духовно. Почва казачьих территорий создала к XVI-му стол. из древне-славянских и степных элементов казачьи племена, со своим особенным духом, национально казачьими устоями народного быта и государственной жизни. Никакие политические комбинации сильнейших соседних государств целыми столетиями не могли сломить казачества и поглотить его; со своей родовой территории оно распространялось далеко и широко, осваивая новые реки-родины и закладывая свои колонии и в далеких сибирских кончинах.

Везде на своих путях встречаясь с туземными племенами и народами, Казачество находило средства не только к добрососедскому сожительству, но и к духовному сближению с ними — целые племена и народы входили в состав казачества, принимали его дух и становились казаками, не теряя своих этнических особенностей: Казачьи вольность, законы, обычаи и все существо казачества привлекали к нему люд, шедший в ряды казачьи и пополнявший его потери; даже для вековечного врага казачества — оседлого, земского, человека в XVII—XVIII ст. казачьи идеалы становятся мечтой недосягаемых достижений.

И в то же время на всей территории казачества сохраняется до самых последних дней твердое убеждение казачьей солидарности не только в образе жизни, но и в родо-племенных отношениях.

Пали казачьи государственные автономии, пали вольно-казачьи Войска, но на их территориях долгое время бурлит еще процесс казачьей жизни — нарождаются и умирают различные Войска и полки, по воле монархов, но всякий раз в основу их входят потомки Вольного Казачества, расселяющиеся и расселяемые по бесконечным просторам Империи. И даже вековой служебный гнет, не убивает Духа казачьего и сознания обще-казачьих интересов.

Злая судьба не раз выбрасывала десятки тысяч казаков в эмиграцию. Не мало запорожцев и реестровиков пребывало в свое время в эмиграции на Дону и Кавказе, Урале и в Сибири, не мало и степовых казаков побывало на Дону и Дунае. С течением времени они теряли характерные особенности своих Войск, но также и передавали их окружающей среде. Таким образом, от Черного моря до Амура и Уссури образовывалось новое казачество.

Дух вольно-казачьих предков живет и в порабощенном казачестве и никогда не умирает: бьет година революции 1917 года и Вольное Казачество встает, как один человек, от Кавказа до Тихого Океана, сбрасывая с себя оковы служилого раба и стихийно восстанавливает свое древне-казачье бытие.

Разбросанное островками на Восток и раздробленное, окруженное российским морем казачество, не сговариваясь говорит одним голосом и думает одной мыслью. Надвигаются на него осенние бури революции 1917 г. и оно властно говорит голосом суверена, восстанавливает свою государственность и как один, поголовно, берется за оружие, защищать Волю и Вольность унаследованные от древних своих предков. Сломленное силой, но не побежденное, оно снова идет, историческим путем казачьих эмиграций, на чужбину, сохраняя в ней национальную идею казачества и ожидая момента, в который оно снова примется за восстановление исторического здания казачьего единства — Союза казачьих государств — Казакии, — Тьмутаракани своих предков.

Не то, чего мы не хотим, а то, чего мы хотим нужно выдвинуть на первый план. *„Голос Казачества“ № 1, 14-VII-1921.*

❖ ه« ❖ ئۇ ئۆزىنىڭ ئىسمىنى «ئۇلۇغ ئىسىم» دەپ ئاتىغان ئىدى. ئۇ ئۆزىنى ئىسا پەيغەمبەر

СЕРГІЙ САВИЦЬКИЙ.

* * *

Над Кубанню лихо віє,
Пісня не лунає, —
Що козак собі посіє,
Ворог забирає.
Та й не кажи-ж йому слова,
Не питай заплати,
Бо образиш духа злого, —
Попадеш за ґрати.
Козакові тільки й волі,
Що в ярмі ходити,
Та пшениченьку у полі,
Москві молотити.
Ой, повій-же вітре з тиха
Та по над степами;
Та розвій-же чорне лихо
Та над козаками.
Хай козак живе на волі,
У ярмі не мліє;
Та лише для себе в полі
Пшениченьку сіє.

П. И. КОКУНЬКО.

Батарейка Тиховского.

(*Странички прошлого*)

В 1908 г., при осмотре собора св. Павла в Лондоне, мне показали памятник-барельеф на стене собора капитану коллониальных войск, который стоял со своей ротой в одном из селений восставшего против англичан племени, в северной части английских владений в Индии. Среди бушующей толпы полудикого народа, он твердо держался на занятой им позиции, ожидая выручки своих. Помощи он не дождался и погиб вместе с ротой, оставшись верным присяге и службе до конца. И барельеф на стене собора св. Павла выразительно свидетельствовал о том, как английский народ умеет чтить своих выдающихся деятелей, на каком бы поприще они не прославились. А у нас?... Горькое чувство защемило мое сердце и припомнился мне один случай далекого, но славного прошлого, о котором теперь едва кто помнит.

В сороковых и пятидесятых годах прошлого столетия Кавказская война была еще в полном разгаре и набеги горцев на населенные места были заурядным явлением. Набеги эти сопровождались грабежом, угоном скота и пленных, преимущественно женщин и детей, так как мужское население, способное носить оружие, было все на службе, а старики убивались и вырезывались на месте, жилища разорялись. В один из таких набегов были уведены в плен, между прочим, и сын есаула Лисицына, Василий, станицы, кажется, Ахтанизовской, мальчик лет 4—5. В том же году попал в плен и сын полковника Ивана Крыжановского, Николай, станицы Полтавской, почти одних лет с Лисицыным. Первый во время ухода горцев потерялся, или просто был брошен ими и его подобрали потом калмыки, табунщики, у которых он и прожил несколько лет, пока не розыскали его родители. Впоследствии он был сельским учителем и умер уже во время революции. Николая Крыжановского родители выкупили и по окончании Петербургского университета он служил по судебному ведомству, а перед революцией занимал должность члена Тифлисской судебной палаты. Не знаю, здесь ли он в настоящее время.

Случаи эти не единичны и приведены мною, как фактическое доказательство сказанного.

Набеги горцев не ограничивались одной прибрежной полосой Кубани, но распространялись далеко вглубь земли Войска Черноморского, достигая рек Бейсуга и даже Ясеней, если в набеге участвовала большая и сильная партия горцев.

Сильные партии для набегов организовывались обыкновенно далеко от границы, в горных аулах, иногда задолго до времени, назначенного для набега. Никогда партия не сосредоточивалась вся целиком в одном месте для выступления в поход. В назначенное время и в определенном месте собиралось только ядро ее вокруг инициатора предприятия, которым являлся какой либо владетельный князь, либо один из известных своей предприимчивостью, удалью и храбростью абреков, приобревших, благодаря этим качествам, большой авторитет между горцами. Сила партии зависела от степени популярности предводителя: чем большей популярностью он пользовался, тем больше охотников являлось к нему. Обязательное участие всего горского населения в бою требовалось только при вторжении неприятеля в пределы горского населения, когда брались за оружие все — и стар и млад, а при защите своего аула часто и женщины.

Задуманный набег оповещался по аулам эмиссарами, посылаемыми главарем его. В аулах составлялись партии джигитов, выбиравших из своей среды наиболее предприимчивого вожака, Партии эти присоединялись к ядру на походе, так что сам главарь набега окончательно мог определить свою силу только в конце похода, т. е. перед переправой

через Кубань. Успех набега зависел не только от силы партии, но, главным образом, от его неожиданности, поэтому все предварительные действия и распоряжения держались в строгом секрете.

Не новое это дело было для Черноморцев — выследить и раскрыть намерения врага, определить более или менее верно его силы. Приемы выработаны для этого еще в Запорожской Сичи, когда приходилось ежеминутно быть настороже, когда приходилось выслеживать пути врага, уведшего в рабство товарищей и изыскивать способы спасения их. Черноморцы, как прямые наследники Запорожцев и первоначально даже набранные из них, все это принесли с собой на Кубань и с успехом применили на деле, имея впереди себя сеть пластунов, зорко следивших за тем, что делалось в аулах.

Обо всем пластуны, находившиеся за Кубанью в почти постоянном соприкосновении с горцами, через своих лазутчиков давали знать войсковому начальству.

*

Перед концом весеннего половодья, когда вода Кубани заметно начала спадать, получены были от пластунов через их лазутчиков сведения, что, с открытием бродов через Кубань, готовится большой набег, силы которого еще определить трудно, но в виду того, что в нем намерены принять участие много известных узденей и джигитов, под предводительством довольно предприимчивого князя (имени которого не помню), надо полагать, что дело затевается серьезное. Действительно, через некоторое время после получения известий, на левом берегу Кубани начали попадаться одиночные горцы и даже всадники, нащупывающие места, удобные для переправы через Кубань ниже Екатеринодара. Чем дальше, тем больше обрисовывалась обстановка: замечено было, например, что ниже Красного леса никаких разведок горцами не производится; далее определилось, что переправа намечена как будто между Екатеринодаром и Красным лесом; замечено также через некоторое время, что партии джигитов от западных и восточных аулов направляются к центру по прямой, идущей почти от середины этого участка в горы, партии довольно сильные, по которым можно было предположить, что весь отряд для набега будет состоять из нескольких тысяч всадников и пеших. Из дальнейших сведений выяснилось, что партия горцев, после переправы через Кубань, намерена была разделиться на две части, одна из которых направится на Екатеринодар, а другая вглубь территории Черноморского Войска на ближайшие станицы.

Соответственно этим сведениям были приняты надлежащие меры. Екатеринодар имел свой довольно сильный гарнизон. В виду того, что переправа через Кубань достаточно ясно определилась ниже города, нападения можно было ожидать с северной его стороны, со стороны рощи «Кругляк» и восточнее. Участок между «Кругляком» и Кубанью был под наблюдением так называемой учебной команды, которая состояла из двух конных и одной пешей сотни и помещалась в казармах на берегу Кубани, верстах в 2—3 от города. Южная и западная части города были сильно защищены Главным постом за рекой Карасуном, отделявшей этот пост от города, затем крепостью и ниже ее по течению, против спуска нынешней Штабной улицы, также кордоном. Тем не менее на всех спусках к Кубани, на теперешних Крепостной, Графской, Штабной и Гимназической улицах, были выставлены по одному орудию и по полу-сотне пеших казаков. Независимо от этого был составлен особый отряд для действия против горцев, состоявший из двух конных полков, одного пешего батальона при двух орудиях, под общей командой генерал-майора Могукорова. Назначение этого отряда было: помешать переправе, а если таковая совершится, то действовать против той партии горцев, которая наиравится вглубь территории.

Для защиты участка между «Кругляком» и Главным постом были назначены две конных сотни и пеший баталион при двух орудиях. Левый фланг этого отряда обеспечивался учебной командой под начальством Войскового Старшины Ивана Шелеста, а правый — гарнизоном Главного поста. Такое разбросанное распределение Екатеринодарского гарнизона оправдывалось тактикой горцев при совершении ими набега на населенные пункты.

Главная цель этих набегов заключалась в грабеже имущества, в пленении жителей, в угоне скота и в поспешной отправке всего этого за Кубань. Следовательно, чем неожиданнее будет набег, чем больший населенный район будет захвачен партией набега, чем скорее будет совершен самый грабеж, тем более шансов на успех самого набега. Вследствие этого горцы, приближаясь к атакованному ими населенному пункту, выделяли необходимые части для прикрытия атакующих и для охраны отправлявшегося после атак транспорта, разбивались на мелкие группы, которыми старались захватить возможно больший район поселения по опушке его и, захватив, что возможно, быстро отводили и отправляли все это в свой тыл и далее, за Кубань, под прикрытием выделенных заранее партий.

Станицы не имели своих гарнизонов. Таковыми служило все население, не исключая стариков и женщин. Поэтому, с появлением партии горцев, по набату, все жители бросали свои жилища и бежали к церкви, за ограду, которая в тех станицах, что подвергались набегам, строилась всегда прочная, кирпичная. Церковная ограда и сама церковь в таком случае играла роль редута, где атакованные отсиживались до получения помощи от соседних станиц или от поблизости расположенных частей

войск. Помощь эта, конечно, заключалась не в отражении набега, так как она всегда запаздывала, а в преследовании горцев и в отбитии награбленного.

Другое дело, когда заранее было известно о набеге. Тогда заблаговременно возможно было принять меры к отражению набега и оборона всегда располагалась почти в таком же порядке, как и в приведенном примере Екатеринодара, с отступлениями от него, вызываемыми местными особенностями. Окончательную форму расположение обороняющихся получало с появлением горцев, когда возможно было предугадать образ их действий.

Так как таких данных в данном случае еще не было, то и распределение екатеринодарского гарнизона носило характер предварительного. Общие распоряжения по обороне Екатеринодара исходили от наказного Атамана, но отряд генерала Могукорова, получивший особое назначение, действовал самостоятельно. Так как пункт переправы горцев достаточно уже определился, а время зависело от наступления темных ночей, то за несколько дней до наступления новолуния Могукоров с отрядом выступил и расположился верстах в 10—12 от намеченной переправы, выслав к ней команды пластунов от своих частей, на обязанности которых было выбрать место для устройства прикрытия для орудия и пехоты, приблизительно около полусотни. Как выбор места, так и производство работ было поручено артиллеристу есаулу Тиховскому, со строгим приказанием выполнить это поручение по возможности скрыто, что легко было сделать, так как правый берег Кубани в месте переправы был несколько выше левого и густо поросший лозняком.

Во исполнение полученного приказания, есаул Тиховский лично осмотрел участок предполагаемой переправы и выбрал место для постройки прикрытия шагах в 30 от берега Кубани, где ниже всего был берег, удобный для вылазки переправившихся конных горцев. Здесь он решил возвести небольшой редут для полусотни гарнизона с одним орудием, насыпав его бруствер настолько, чтобы с фронта он не был виден из-за лозняка и закончить высоту его с наступлением сумерек в ночь переправы горцев. Работы производились по ночам пластунами от строевых частей, входивших в отряд Могукорова, которые в ночь переправы входили также в отряд Тиховского.

*

Была на исходе последняя четверть луны и, как всегда в это время, вечера были длинные, небо чистое и звездное, хотя в воздухе чувствовалась влажность и всякий звук далеко разносился в пространстве. От пластунов, находящихся за Кубанью, получено было известие, что верст за семь от Кубани и в пределах плавень начали показываться одиночные и небольшими группами горские всадники, число же пеших горцев в плавнях видимо увеличивается и пластунам приходится, постепенно отступая, приближаться к левому берегу Кубани. Было очевидно, что горцы заняты были накапливанием своей пехоты в плавнях, чтобы во время переправы занять левый берег реки и под ее прикрытием совершить переправу. Горцам, что называется, везло. С наступлением новолуния небо начинало заволакиваться тучами и наступали темные ночи. Можно было предположить, что переправа совершится и раньше ожидаемого времени.

С наступлением первой темной ночи Тиховский занял позицию.[1]) Орудие было перевезено на людях, как и зарядный ящик к нему, и поставлено в редуте на назначенное для него место; взвод пехоты расположился по правую сторону редута в лозняке, другой по левую; оба фланга этого прикрытия были удлинены пластунами строевых частей. Строго было приказано днем не выявлять себя, не отвечать на выстрелы до открытия огня с редута. С началом переправы горцев, когда будет открыт орудийный огонь, обоим крыльям прикрытия сближаться к редуту, чтобы в конце концов составить его гарнизон. Несмотря на то, что ночь была на редкость темная, никаких признаков не только переправы, но даже присутствия горцев нельзя было обнаружить. Было так темно, что даже реку нельзя было отличить от суши — вода казалась совершенно темной и только по всплеску ее у берега можно было догадаться о ней... Ночь прошла совершенно спокойно, слышны были только всплески воды в водоворотах, нарушавшие общую тишину. Невольно вкрадывалось сомнение — правильно ли определено место переправы? Ни одного звука, по которому можно было бы судить о присутствии горцев на левом берегу Кубани, не доносилось.

Также спокойно прошла и первая половина следующего дня, но к вечеру начало доноситься редкое, правда, ржание лошадей, неожиданно обрывающееся, что указывало на то, что владельцы их не хотели обнаружить себя.

Пластуны, находившиеся на левом берегу, все перешли на правый и сообщили, что плавни наполнены горцами, преимущественно пешими, а конных очень мало, но, вероятно, последние за ними на некотором расстоянии в большом количестве. Горцы большие мастера скрывать свои силы, поэтому трудно было угадать размеры их партии. Одно было ясно, что, вероятно, в наступающую ночь горцы начнут переправляться на правый берег реки, о чем и было доложено генералу Могукорову, который с наступлением сумерек приблизился со

[1]) Близ Красного леса, в нескольких верстах выше «Раздер», т. е. выше того места, где Кубань разделяется на два рукава — Кара Кубань и Протоку. Ред.

своим отрядом на половину расстояния, отделяющего его от Кубани.

С наступлением темноты начались работы по возведению бруствера редута до надлежащей высоты. Вместе с тем с левого берега послышались редкие одиночные выстрелы в разных местах. Очевидно горцы нащупывали противника, но ответа на их выстрелы, согласно отданному ранее распоряжению, не последовало. Через некоторое, довольно короткое время, одиночные выстрелы со стороны горцев прекратились и наступила полная тишина, не долго, впрочем, продолжавшаяся. Прошло, может быть, не более получаса, как по броду послышались всплески, по которым можно было догадаться, что переправа начинается. Всплески эти делались все сильнее и сильнее и распространялись по течению реки. Тиховский выждал момента, когда по его рассчету переправляющиеся должны были достичь середины реки, и приказал некоторым взводам прикрытия открыть огонь по переправе. Это как бы озадачило горцев и на переправе все затихло, но через короткое время шум увеличился в большом размере и вместе с тем получены были сведения, что и выше и ниже переправы замечены переправляющиеся вплавь одиночные всадники. Тиховский, отдав приказание, что, в случае накопления отдельно переправляющихся всадников, прикрывающим частям следует отходить к редуту, и, допустив опять переправляющихся в брод против редута до середины реки, встретил их картечью из единорога.[2])

Это произвело впечатление и переправа почти прекратилась на броде, но зато усилилась вплавь на флангах занятой позиции и далеко за ними. Было очевидно, что горцы намерены уничтожить оборону брода, перебросив достаточное количество всадников через реку. Не имея у себя артиллерии, чтобы заставить замолчать орудие, обороняющее переправу, горцам оставалось одно средство — завладеть им. Следовательно, нужно было ожидать штурма редута. Действительно, около полуночи с двух сторон был атакован редут: с кинжалами и шашками, спешившиеся горцы бросились на редут. Вместе с тем возобновилась и переправа, так что и с третьей стороны он подвергся опасности. Орудие почти беспрерывно действовало по переправе, а осаждающих пришлось отражать штыками. Взлезая на бруствер, горцы старались добраться до орудия, но жизнью платили за эту попытку — вскочившие в редут живыми не возвращались. Но это не останавливало других.

В конце концов штурм был отбит благодаря тому, что прикрытие запоздало с отступлением к редуту, значительная часть его осталась вне редута и оно сыграло роль вылазки. Большой был урон гарнизона, но еще больше было трупов горцев, как внутри, так и вне редута. По отражении штурма все трупы горцев сложены были на гребне бруствера, чтобы затруднить аттаку его в следующий раз, если таковая последует.

Между тем переправа шла своим чередом во все время аттаки и явилось другое бедствие: от беспрерывной пальбы тело орудия раскалилось и грозило истощение запаса воды, заготовленной для охлаждения его. Достать воду можно было только с реки, через которую переправлялись горцы. Приходилось ее таскать оттуда чем попало или мочить в реке одежду, которой обматывали орудие для охлаждения, сберегая запас воды. Время от времени охотники под прикрытием темноты пробирались к реке и редкий из них возвращался благополучно, многим пришлось пожертвовать собой для спасения товарищей.

После отражения штурма Тиховский имел возможность отступить под покровом ночи, но в таком случае его задача осталась бы не выполненной — он имел приказание задержать переправу до рассвета, а до него еще было далеко. Так как после каждого выстрела из орудия переправа как бы прерывалась на некоторое время, то этим промежутком и пользовались, чтобы принести воды. Тиховский же приказывал посылать картечь только по миновении этого весьма короткого, впрочем, промежутка, когда ясно было накопление переправляющихся на броде.

С присоединением прикрывающих частей к гарнизону редута переправа через реку выше и ниже брода вплавь сделалась свободной и нужно было ожидать, что по накоплении достаточного количества горцев на правом берегу Кубани непременно повторится штурм редута. Орудие действовало по броду, остальные фасы редута оборонялись ружейным огнем, который открывался, когда имелось подозрение о группировке горцев перед ними. Цели видно не было и выстрелы посылались на шум, чтобы держать противника в почтительном расстоянии от редута.

Не прошло и двух часов после первого штурма, как на редут поведена была аттака с трех сторон. Что это было!... Горцы ворвались в редут через выход из него и произошла резня, описать которую нет возможности. Темнота ночи скрывала весь ужас происходившего. Рубили, кололи и просто резали, кто чем мог. Гарнизон теснился к орудию, к которому старались добраться горцы. Сколько времени продолжалась эта резня, кто скажет? Прекратилась она сама собой, когда ни одного из ворвавшихся в редут горцев не осталось в живых. Очевидно, партия их не имела резерва и брошена была с полной уверенностью, что редут не устоит против них, или же не было возможности поддержать аттакующих за недостатком переправившихся.

[2]) Единорогом называлось орудие калибром от 2 до 2½ дюймов и длиною в 50 калибров, тогда как простая пушка при том же калибре длиною была в 20 калибров.

ся людей. Как бы то ни было, но и этот второй штурм был отбит, но какой ценой!... От гарнизона осталась только меньшая половина и снаряды для орудия были на исходе, а о выручке ни слуху ни духу... «день скоро, но еще ночь»... Еще дело не окончено и оставшиеся в живых начали работу по заграждению выхода из редута телами убитых горцев и своих... Другого материала не было.

Приближалась утренная заря, переправа была в полном разгаре. Слышен был шум и всплески, по которым можно было заключить, что переправлялись уже не одиночные всадники или отдельные группы, но масса. Орудийных снарядов оставалось очень мало и поневоле приходилось делать большие промежутки между выстрелями, чем, конечно, горцы воспользовались, увеличивая интенсивность переправы. Слышен был топот лошадей и в тылу редута. Ясно, что редут был окружен и путь отступления совершенно отрезан. Настал момент выпускать последний снаряд, что сделал сам Тиховский, после чего орудие замолчало совсем. Почти вслед за этим обозначилась белая полоска на восточной стороне неба.

— Братцы, заря! — крикнул Тиховский и, сняв шапку, осенил себя широким крестом.

Перекрестились и все, оставшиеся в редуте живыми. Увы! Это была последняя заря для гарнизона... последняя молитва Тому, в чьих руках судьбы всех народов... И сколько силы, сколько веры вылилось в ней из простых, безхитростных сердец тех, кто клал «душу свою за други»!... Уже можно было различить, как со всех сторон слетались всадники в тылу редута. Серой массой обозначалось их скопление. Жадные глаза устремлены были из редута в сторону, откуда должна была явиться выручка, но вместо нее они видели только постепенно увеличивающийся серый ком, к которому беспрерывно прибавлялись такие же серые комки и он рос и рос, все увеличиваясь. И не было сил, не было возможности помешать этому наростанию. Гарнизон увидел себя беспомощным, брошенным, как им казалось, на верную смерть и не одна слеза скатилась по загрубелым щекам этих мужественных людей своего долга, за которых прольется еще больше слез там, в хуторах и станицах, откуда слетелись они сюда, чтобы защитить близких и родных еще от большего горя — плена и рабства. Но размышлять об этом и предаваться горю было некогда.

С наступлением рассвета на редут со всех сторон хлынула толпа горцев. Удержать ее не было никакой возможности, пробиться сквозь нее было немыслимо. Оставалось одно — как можно дороже продать свою жизнь...

Горцы ворвались в редут и заполнили его. Гарнизон сплотился около орудия, защищаясь кто чем мог. Все выше и выше росла гора трупов около этой кучки героев, все меньше и меньше становилось от этой кучки. В виду отсутствия снарядов орудие уже потеряло свою ценность в глазах горцев: все старание их было направлено на то, чтобы живым схватить Тиховского, надеясь впоследствии получить за него выкуп. И, уничтожая бойцов, они щадили его. Но не таков был Тиховский. Прислонясь спиной к орудию и схватив в руки банник, он банником отбивался от напирающих на него врагов. По другую сторону орудия, спиной к спине Тиховского, орудовал шашкой его бомбардир. Кажется только двое их и осталось со всего гарнизона.

Внезапно эхом прокатился звук орудийного выстрела со стороны отряда Могукорова. Увы! его услышали только двое из всего гарнизона... Услышав этот звук, горцы с еще большим остервенением рванулись к своей добыче. Тиховский бросил банник, которым уже становилось неудобно орудовать и, с шашкой в правой руке и кинжалом в левой, продолжал отстаивать свою жизнь. Один из горцев схватил банник и замахнулся им, надеясь оглушить ударом Тиховского, чтобы живым взять его, но удар пал не на Тиховского, который случайно, в пылу резни отклонился, а на голову — бомбардира. Оглушенный этим ударом, доблестный соратник Тиховского упал под орудие в беспамятстве. Он то впоследствии и передал все подробности этой ужасной ночи, а Тиховского, изрубленного шашками, нашли на орудии.

*

В верстах трех-четырех от места, на котором разыгралась описанная трагедия, стоял отряд Могукорова. Орудийные выстрелы с редута, конечно, доносились до него, по ним он мог догадаться, что переправа горцев началась.

Как всегда во время какого либо несчастья, общественное мнение старается найти виновника этого несчастья, так и теперь, не зная истинного положения дел и всех обстоятельств, общественное мнение старалось найти об'ект, обвинением которого оно облегчило бы свое горе. Таким об'ектом в данном случае явился Могукоров. Он — горец, мусульманин и только в силу этих соображений его обвиняли в симпатиях к горцам и в измене, выразившейся в том, что он своевременно не пришел на выручку сторожевому отряду, высланному им же на Кубань. Обвинение это было так распространено, что даже и в регулярных частях, среди солдат имя Могукорова-Пшакуй долго употреблялось, как ругательное слово.

Едва ли это справедливо. Могукоров действительно был мусульманин и горец, но горец, с малых лет живший со всем своим родом в Гривенском ауле, находящимся на территории Черноморского Войска, где прошла вся его служба, на которой он достиг высших степеней служебной иерархии. Знающий почти все наречия Закубан-

ских горцев, Могукоров был очень полезен в ведении с ними переговоров. Он был убежденный противник Кавказской войны, непредвидя от нее никаких хороших результатов для своего народа, который он любил и о судьбе которого скорбел всей душой.

Закубанские горцы были очень злы на Могукорова, как и на весь Гривенский аул, который, в случае прорыва горцев внутрь территории Черноморского Войска, не мог рассчитывать на их благодушие, ибо горцы в первую голову расправились бы с теми, кого они считали изменниками. Поэтому назначение начальником отряда для защиты станиц именно Могукорова было в высшей степени целесообразным и обвинять его в измене и в предательстве в данном случае, значит обвинять его в предательстве своей семьи и всего населения своего аула.

Перед рассветом отряд Могукорова двинулся к переправе. Зная привычку горцев нападать преимущественно на фланги, Могукоров двинулся к переправе широким фронтом, имея на флангах орудия, под прикрытием небольших частей. Пехота шла в центре непосредственно за конной частью по прямому направлению к редуту. Ослабление орудийного огня с редута не ускользнуло от внимания Могукорова, оно то и вызвало наступление раньше, чем он предполагал, так как ввязываться ночью в бой с горцами — народом отважным и предприимчивым, не входило в расчет Могукорова. Вся тактика горцев основана на быстроте и внезапности удара и в этом отношении темнота, которой они привыкли пользоваться, представляла много шансов для их успеха. Не имея никакого представления ни о силах противника, накопившихся на правом берегу Кубани, ни о его группировке, Могукоров шел, так сказать, с завязанными глазами. Только по звукам, доносившимся из темноты, он мог кое-как судить о положении дел, но звуков кроме слабеющего орудийного и ружейного огня со стороны редута, в первую половину пути, до него не доносилось. Из последнего же обстоятельства ясно было, что оборона редута слабеет и отряд ускорил до крайней возможности быстроту наступления. То обстоятельство, что горцы оставались еще как бы пришитыми к реке, ясно указывало, что переправа далеко еще не окончилась, что переправилось только количество, быть может, достаточное для прикрытия переправы остальных, иначе горцы воспользовались бы темнотою для углубления внутрь территории, чтобы по возможности избежать встречи с противником.

Движение отряда Могукорова не скрылось от внимания горцев при его приближении к реке, а по топоту лошадей Могукорову легко было догадаться о группировке горцев вправо и влево от редута. Действительно, с наступлением зари можно было видеть накопление их в сказанном направлении. Как только начало рассвета позволило различать предметы на достаточном расстоянии, хотя и не ясно, горцы бросились в аттаку, сначала на правый фланг Могукорова и вслед за этим и на левый. Встреченные в обоих случаях картечью, они быстро повернули назад, преследуемые конницей. Припертые к реке, горцы бросились прямо в воду, накинув бурки на головы лошадей, провожаемые картечью. Много сорвалось и унесено течением реки, много погибло от картечи и очень мало счастливцев достигло противоположного берега. Находившиеся в редуте горцы так же поспешно бросили его, торопясь воспользоваться бродом для обратной переправы, пока возможно это было сделать безнаказно, но вслед за ними редут был занят пешими казаками отряда Могукорова, которые открыли ружейный огонь вслед отступающим.

Обстреляв противоположный берег реки орудийными картечными выстрелами, чтобы очистить его от горцев, Могукоров почти на хвосте противника переправился через Кубань, прихватив с собою и единорог, в суматохе брошенный горцами. Так как к этому времени плавни были покрыты уже камышем, в котором свободно могли скрыться даже всадники, Могукоров рассыпал вправо и влево пехоту, придав ей небольшие части конницы, чтобы очистить плавни от горцев, а с остальным отрядом и тремя орудиями двинулся по следам их. Плавни отряд проходил не тревожимый противником. Это наводило на мысль, что главное ядро партии горцев, собраных для набега, следы которой ясно оставались в плавне, покинуло ее и, вероятно, решило выждать дальнейших действий отряда Могукорова в более удобном для действия месте. Можно было предположить, что противник скопится за плавнями с тем, чтобы повторить набег, если Могукоров уйдет от переправы, ограничившись только отражением попыток к переправе; если же останется на переправе, то, выискав другой брод, попытаться переправиться потом через него; или же аттаковать отряд при выходе из плавни, если Могукоров решится преследовать.

Действительно, от посланных вперед раз'ездов получено было донесение, что горцы собираются приблизительно в одной версте за плавнями, где видно большое скопище их. Приблизившись к границе плавней, Могукоров остановил отряд, чтобы дать возможность выравняться с флангами рассыпанных частей; затем решительно двинулся, имея в голове все три орудия. Как только голова отряда показалась на опушке плавни, горцы бросились на нее в аттаку густой толпой, но, встреченные картечью всех трех орудий, быстро повернули назад, — не любили они орудий и не выносили их огня. Одновременно с этим и конные части, приданные пехоте для очистки плавень бро-

сились в аттаку, на фланги аттакующих горцев. Этот маневр был настолько неожиданным для горцев, аттака казаков, поддержанная орудиями, настолько решительна, что горцы дрогнули окончательно и отступление их уже обратилось в беспорядочное бегство. Преследуемые остальной конницей отряда Могукорова горцы, в конце концов, рассыпались по всем направлениям и скопища их рассеялись окончательно.

Собрав после этого отряд, Могукоров оставался на месте целую ночь, которая прошла совершенно спокойно, — горцев и след простыл. На следующий день отряд возвратился к переправе и оставался на ней, занятый уборкой тел, до получения сведений от раз'ездов и пластунов о том, что скопище, пытавшееся переправиться через Кубань, рассеялось окончательно по аулам.

*

Так окончилась одна из славных, но забытых страниц истории Черноморского Войска, которая не будет лишней и в истории всего Кубанского Войска, в состав которого вошло Черноморское. Своим успехом в этом деле Могукоров всецело обязан отряду Тиховского, правильной оценке своего положения последним, и решимости действовать до конца, свято выполняя долг, возложенный на него службой. Дрогни Тиховский, уйди с занятой им позиции, хотя бы после первого штурма редута, когда уже довольно ясно обрисовалось, что помешать переправе нельзя, так как она уже началась и горцы появились на правом берегу Кубани в достаточном количестве, чтобы решиться на штурм редута, и дело приняло бы совершенно иной оборот. Ведь цель горцев была не в поражении противника, а в разорении всего, что попадется на пути. В таких случаях не ищут противника, а избегают его, ограничиваясь обороной или завлечением его на ложный путь.

Переправившись через Кубань и разбившись на партии под покровом темноты, горцы делались неуловимыми для отряда Могукорова. Была еще одна возможность помешать горцам переправиться через Кубань — это перейти самому Кубань и прикрыть переправу, недопустив таким образом к ней горцев. Но это значило бы, что называется сыграть в руку горцев, которые всегда избегали столкновения с организованными отрядами противника и нападали на них только при вторжении последних на их территорию, как карательных экспедиций, для своей защиты.

Перейдя Кубань, Могукоров обнаруживал себя и тем отводил удар на намеченную переправу. Но цель горцев заключалась не в овладении переправой, а во вторжении в пределы Черномории. Зная заранее о прикрытии переправы сильным отрядом, они постарались бы, оставив лишь незначительную часть против отряда Могукорова, переправиться в другом месте, более или менее удаленном от намеченного ими пункта. Как горец, Могукоров знал, что раз собравшееся скопище разойдется только по выполнении своей задачи или же будучи рассеянным силою оружия. Поэтому он предпочел скрыть свой отряд, завлечь горцев именно на избранный ими брод, выставив свой отряд не для ее защиты, а с целью затруднения переправы, чтобы не отогнать скопище горцев, а ликвидировать его здесь, что ему и удалось. Отрядом Тиховского он пожертвовал для успеха своего плана.

Понимал и Тиховский, что он и его отряд приносятся в жертву для успеха дела, понимал и необходимость этой жертвы, поэтому и выполнил приказание до конца.

Когда подробности этого дела сделались известными в станицах, казаки обратились к Наказному Атаману с просьбой поставить на месте редута памятник Тиховскому и с ним погибшим, чтобы увековечить их геройский подвиг. Наказный Атаман сделал представление об ассигновании денег на это из войскового капитала, но... в этом было отказано... Почему?... Горький осадок получается на сердце, когда вспоминаешь об этом... Больше двух тысяч лет прошло, когда в Фермопилах пало триста верных долгу и отечеству и мы помним об этом, даже в учебниках истории учим, хотя там и нашелся один изменник; здесь пало тоже верными долгу и отечеству, хотя и меньше 300, но за то ни единого изменника... И нет ничего напоминающего о их подвиге! Англичане не пожалели денег для увековечения памяти своего героя, а нам не разрешили на это потратить даже своих.

Чтобы хоть сколько нибудь удовлетворить общественное желание, Наказный Атаман приказал зарыть на месте редута тарелью[3]) вверх тот единорог, на котором был изрублен Тиховский и самое место именовать «Батарейкою Тиховского». Но и это теперь забылось и, вероятно, и единорог уже в землю вошел...[4]) Sic transit gloria mundi.

---

[3]) Тарелью называлась хвостовая часть орудия.

[4]) В последнее время перед войной можно было видеть на месте Батарейки Тиховского простой памятник — железный крест на кирпичном подставце, в весьма заброшенном виде. Ред.

Пришла пора самим о себе думать, по своему пути идти, да под свои казачьи знамена собираться. *„В. К." № 29, 10-II-1929.*

ВИКТОР КАРПУШКИН.

* * *

Я в темнице сырой и холодной
Обреченный на гибель живу;
Как отверженный раб, оскорбленный,
Утешенья в молитве ищу...
Предо мною проносятся годы
— Безмятежные юные сны...
Снова видим Кавказа могучие горы
И казачьих станиц курени...
И не знаю, что лучше: грустить?..
Засмеяться?.. иль плакать... рыдать?..
Иль, незримых врагов о пощаде, просить?..
Или снова о счастьи мечтать?..
Чу!.. Слышу звуки... Родная мне песня...
Подголосок звенит... где-то там, за рекой...
И болит... здесь... у самого сердца...
Нет!.. Не слышу я песни родной!..
Где же вы?! Где родная станица?..
Где же бурный ты, Терек, родной?..
Ах зачем я не вольная птица!?.
Ах зачем я в темнице сырой!?.

В. П. ЕЛИСЕЕВ (В. Петров).

Два раза под Петроградом.

Печатая свои «Воспоминания», считаю нужным по существу их оговориться. 12 лет прошло с тех пор, как мне выпало на долю быть непосредственным их участником. Срок вполне достаточный, чтобы не требовать от автора абсолютной полности изложения пережитых им тогда событий. За той же давностью времени точность дат каждого факта пришлось ограничить началом и концом каждого «р а з а» под Петроградом. Кроме того, занимавшийся мною тогда скромный пост офицера-субалтерна не позволяет мне много говорить о других полках дивизии, а тем более о корпусе. Но, о крупных воинских частях я и не собираюсь говорить. О них говорили и говорят большие люди... Я же хочу вспомнить только о такой боевой единице, как полк. Хочу вспомнить о последних днях моего родного 9 Донского полка. В описываемое мной время я был в этом полку и переживал с ним тяжелые дни двух исторических походов, о которых и будет итти разговор.

Вот оно то, мое личное участие, и да будет мне порукой в правдивости хотя бы не полных, но очень «исторически» интересных и глубоко для всего казачества поучительных моих скромных «Воспоминаний».

Первый раз.

«Хоть убей, следа на видно,
Сбились мы, что делать нам:
В поле бес нас водит видно,
Да кружит по сторонам»...

Был конец августа 1917 г. Временное Правительство все продолжало свое «временное правление».

Политическая атмосфера накалялась. Говорилось и не договаривалось. Проэктировалось и не осуществлялось. Служили и не служили, ибо приказывалось и не исполнялось. Не было уверенности ни в начальнике ни в подчиненном. Имел много обязанностей и никаких прав первый и был совершенно безответственен второй. Армия братался, оставляя фронт. Тыл митинговал тоже, Правительство уговаривало. Нужно было ежедневно ожидать рокового «завтра».

Злободневные разговоры о «4 июле» не смолкают в сотнях полка. Казаков охватывает недоумение...

Уж не зря ли пролита кровь наша — слышалось в сотнях. — Что же это, в самом то деле? Только казакам нужно защищать Временное Правительство.

И действительно, было странно... Странным казалась казакам та «неитральность» и та беспечность, которые были проявлены в этот день Петроградским гарнизоном. Но еще более странным было то, что сам «русский народ» относился к этим «июльским дням» как то сдержанно и даже безразлично, а между тем во мнении последнего казаки нуждались, ибо шла речь о спасении России, «отечество было в опасности», как говорил Керенский.

I Донская казачья дивизия (полки 9, 10, 13 и 15), вызванная тогда из-под Тарнополя, прибыла в Псков и расквартировалась в его окрестностях.

Ввиду усилившегося к этому времени дезертирства русских солдатских частей, задача дивизии состояла в контролировании поездов, мостов, лазании по лесам и деревням, т. е. в ловле солдат-дезертиров.

Служба была и физически и морально тяжелая и, кроме того, совершенно бесполезной, ибо дезертирствующие толпы солдат, останавливаемые зачастую со стрельбой, будучи препровождаемы псковским властям, на другой день от них уходили, а измученные казаки рассыпаясь по лесу, снова гонялись за ними...

Невесело было бродить по скучному осеннему лесу. Невесело было жить и на дачах оставленных

дачниками. Беспрестанные дожди, пронизывающая до костей сивирка, вместе с бестолковой и неблагодарной службой, угнетающе действовали на начинавшие впадать в сомнение казачьи души. Но, надо отдать справедливость казачье стойкости и спаянности. Плоды «бескровной», влившие уже немало революционного яда в русскую армию, наш полк, как полковую семью совсем не тронул. Не было случаев недоразумений между казаками и офицерами, не было случаев и неповиновения. Полк продолжал жить дружной полковой семьей. Было только досадно и нудно гоняться за распоясанными, растрепанными солдатами ...

28 августа, вечером, командир 6 сотни, есаул А. И. Климов угощал меня чаем с душистым малиновым вареньем, как то забытым уехавшим дачником (единственная наша находка во всех дачах). Наслаждаясь непредвиденным вкусным чаепитием после беспрерывного трехсуточного лазанья по лесам, мы вели дружеский, непринужденный разговор. Есаул был человек словоохотливый, держал себя, где можно просто, рассуждал дельно, так что слушать его было не одно только удовольствие, но и польза. Не раз мы с ним дружески беседовали и на позиции. Слушая его ровный, спокойный и приятный голос, невольно забывалось о неудобных холодных окопах, о лесистых высоких Карпатских высотах и даже о ежеминутно подкарауливающей нас смерти. В боях он был смел, толков и донельзя спокоен. Его смелость и спокойствие невольно передавались и казакам и драться вместе с «Климчиком» было нестрашно. «Наш не подведет» — говорили казаки. И, к слову сказать, этот лихой и добрый офицер никогда не «подводил».

Повидимому и на этот раз мы бы не легли скоро, позабыв о давно морившем нас сне, но вошедший вестовой, казак Чеботарев, оборвал нашу беседу, доложив о принесенном приказании из штаба полка. Принесенное приказание касалось меня, я вызывался в штаб полка по «делам службы». Не медля, явившись в канцелярию полка, я нашел адьютанта уже с готовыми документами для экстренной моей командировки в Петроград.

Взглянув на предписание, где кроме меня еще значился подхорунжий Землянухин и ур. Пивоваров (все мы командировались полком в какое-то интендантство за получением обмундирования), я перевел глаза на адьютанта. А когда адьютант сказал мне, «что дальнейшие директивы» мы получим на месте, подав при этом мне, три ничего не имеющих общего с интендантством адреса, — то тогда я догадался, понял ...

Петроград. Чужой, властный и богатый Петроград. Мы, казаки служили на западе далеко от него, потому его никогда и не знали, только от гвардейцев кое-что черпали об этом Петрограде.

Мелкий, как из сита, сыпавший дождь делал серый петроградский день еще более серым, а большие тяжелые его дома, еще более мрачными и неприветливыми. Так и казалось, что вот-вот повалится какая либо шести или семи этажная громада и прихлопнет тут тебя «ни за что ни про што». А Невский, хоть и слава Петрограда, но под сапогами хлюпала вода. Помню, когда шли по нем, то Землянухин затянул:

Шел по Невскому проспекту,
Сам с перчаткой рассуждал,

а потом подхватили все:

Правда ле-ли
Правда ле-ли
Сам с перчаткой рассуждал.

Увидели на одном из красивых, «вкусных» с разноцветными стеклами магазинов вывеску моей фамилии. Посмеялись, что не дурно бы было зайти в него, пред'явив свои права на родство.

Смотрели громадные, черные конские статуи Аничкина моста и даже пальцами попробывали. — Завлекли потому, что кони и как живые. А когда дошли до Знаменской площади, то повернули по Знаменской улице — искать № 7. Нашли высокую железную дверь и за ней сразу же узнали казака-часового. Подбежавший в желтых лампасах вахмистр открыл нам дверь и сразу же стал предлагать нам, как людям с дороги, обед и отдых. Но я оставив своих спутников с часовым в сопровождении вахмистра, поспешил к председателю «Совета Союза Казачьих Войск».

— Как вы добрались сюда? — были первые слова председателя (да будет ему мягка земля), полковника Оренбургского войска, А. И. Дутова. Я передал ему о бывших с нами в дороге небольших препятствиях (контроль от солдатских частей отнесся к нашей командировке с большой подозрительностью и чуть-чуть нас не задержал в дороге), о начавшейся уже погрузке на ст. Псков нашей второй бригады (полки 13 и 15), о задержке штаба дивизии (раньше всех ушедшего) на станции Луга. Последнее было то, что я по данному мной из полка поручении заявил о «Корниловском настроении» нашего полка, добавив, что «дальнейшие директивы, как мне об'яснено, должен получить здесь от Вас». — Да, да, хорошо, получите. Только обождите немного, и приказал вошедшему вахмистру астраханцу нас устроить.

Возле нас, как возле людей, прибывших с «Корниловским настроением» скоро сгруппировалось немалое число членов Союза. Каждый старался узнать о настроении полка. От каждого члена Союза веяло неподдельным сочувствием к нам и радостью. Нас не знали где посадить и чем угостить.

— Молодцы девятовцы — говорили члены Союза. —Они знают дело ... К слову не могу обойти молчанием имен тех почетных казаков, которые в свое время удостоились от своих Войск высокой

чести избрания в чисто казачий орган власти, пробудившегося через столько лет Казачества.

Из Донских представителей Совета Союза Казачьих Войск помню следующих: Войскового старшину А. Н. Грекова, Есаула А. И. Аникеева, Ткачева инспектора городского училища, представителей от других Казачьих Войск помню только более выдающихся еще в то время. От Оренбургского полк. А. И. Дутова (председателя Союза) и от Терского — М. А. Караулова (товарища председателя). Узнал бы и сейчас того вахмистра-астраханца, который так радушно нас встретил, но фамилии его, к сожалению, назвать не могу. Были и другие честные работники, облеченные высоким доверием своих Войск, но прошедшие двенадцать лет не позволяют мне назвать их благородные фамилии...

29 августа. Вечернее заседание Совета Союза Казачьих Войск. Верховный правитель России Керенский будучи «испуган» движущимся на Петроград 3 кавалерийским корпусом (в состав которого входила и наша дивизия), под командой ген. Крымова, упорно добивается от Союза Казачьих Войск, как можно скорого и определенного ответа, — согласно ли Казачество поддерживать Временное Правительство и, в случае вынесенного постановления Союзом Казачьих Войск в положительном смысле настаивает на скором обнародовании такового, дабы последним можно было остановить «ненужную» «банду контр-революционера Корнилова». Самого себя и самое Временное Правительство Александр Федорович, как видно, «поддержать» без Казачества в состоянии не был.

Как я понимал тогда, так пишу и теперь. Движение на Петроград 3 кавалерийского корпуса было вызвано обоюдным согласием Керенского и Корнилова. Причина — предполагавшееся новое выступление большевиков. Но большевики, узнав о приближении корпуса к Петрограду в предполагаемых днях не выступили (каждый играл в свою дудку). Керенский уже склонен был движение корпуса за ненадобностью остановить, но корпус повинуясь первым приказаниям Корнилова продолжал движение. Тогда малодушный честолюбец, использовав свой «народный авторитет», окрестил движение корпуса в «авантюру» и «контр-революцию». Большевикам же ничего не оставалось, как только молча, ожидать окончания политической игры товарища Керенского и они не выступали...

Вызванный кем то к телефону полк. Дутов возвратился с сияющим лицом. — «Наши войска занимают Павловск» — заявил он радостно Союзу. — Утро нам даст много нового...

Без лишних разговоров Совет Союза наскоро вынес ответное постановление Керенскому, где говорилось, что Казачество поддерживало и будет поддерживать ту власть, которая «ведет на благо и спасение родины»... Керенский этим постановлением удовлетворен не был — не было определенности...

30. августа. — День св. Александра Невского. Создавшаяся к этому дню обстановка была такова, что ходить казакам в форме по столице было рисковано. Были уже случаи одиночных арестов казаков на улице. Поговаривали и об аресте самого Союзного Совета. В виду этого я, выйдя из двери Союза и поглядев нерешительно по сторонам улицы, решил пробежать в церковь недалеко от Союза (на Знаменской площади), возле памятника Александра III.

Тихо и уютно было в маленькой церкви, полной божеской таинственности и душевного успокоения. Хотелось стоять и тихо молиться. Ему Единому, Бескорыстному и Всевидящему... Хотелось слезно просить Его о пронесении мимо тех черных туч, которые так сгустились над «бескровной революцией».

Влетевший и заглушивший слова молитвы священника революционный марш («мы жертвою пали в борьбе роковой») заставил меня и молящихся вздрогнуть...

Бесконечно двигающиеся роты солдат увидел я, выйдя из церкви. Впереди каждой роты шли офицеры, затянутые в боевые ремни. И (к великому моему удивлению) имели вид не только спокойный, но и задорно-гордый. Позади каждой роты тянулись пулеметы, санитарные повозки и кухня, движение рот замыкали легкая и тяжелая батареи. Долго стоял я боязливо прижавшись к ограде церкви, наблюдая это историческое шествие русских солдат против «других войск наших» — как сказал председатель С. С. К. В. полк. Дутов.

Послышались слова: «Казаки», «Корнилов», «Каледин»... Было понятно, куда шли эти роты и батареи русских солдат...

Керенский об'явил «сполох», призвав «верных» на спасение «революции».

Для этого он и «раскрыл дело Корнилова» с участием Казачества — «Каледина», приклеив первому — Корнилову ярлык «авантюриста», а второму — «мятежника». Но «сполох»-то «сполохом», а личная предосторожность личной предосторожностью и потому он «на всякий пожарный случай» озаботился крейсером Аврора, стоявшим на Неве у Зимнего Дворца.

Несмотря на приказ остановить корпус, последний все таки продолжал движение на Петроград к «сердцу революции». Задержанная в Луге 1-я Донская Казачья дивизия, оставив вагоны двигалась походным порядком. О находившейся в составе корпуса «Дикой дивизии» в Петрограде циркулировали самые фантастические слухи. «Дикое» слово «резить» наводило неописуемый страх и панику даже на нейтральных петроградцев.

Выслав против мятежников правительственные войска Керенский не очень то успокоился, ибо

нервно продолжал добиваться от Совета Союза Казачьих Войск «определенного ответа». А «определенность» ответа состояла в приказе остановить казаков.

Мой сопутник, подхорунжий Землянухин сказал мне тогда, «что Керенский висит на волоске... Но баловень русской революции оказался «рожденным в сорочке».

В то время, как он растерянно метаясь, никак не мог добиться от С. С. К. В. нужной ему определенности ему как снег на голову свалилась казачья делегация во главе с сотенным фельдшером 15 полка Гуровым.

Фельдшер Гуров и два с ним казака явились в Петроград и не сочли нужным предварительно зайти в С. С. К. В., а влетели прямо в Зимний Дворец. Керенский действительно висевший в это время на волоске ухватился за них, как утопающий хватается за соломинку.

Оговорюсь... вовсе не утверждаю того, что Гуров спас Временное Правительство «тов. Керенского», вернее продлил его еще на 2 месяца, но нахожу нужным отметить, что приезд этой Казачьей делегации был очень и очень для Керенского кстати...

От Гурова Керенский узнает, что казаки «не желают итти на Петроград», что их «ведут» офицеры силой, не об'ясняя зачем именно, что они только тогда «поняли в чем дело», когда встретились и разговорились с правительственными войсками. Керенский производит делегатов за спасение революции в хорунжие, осыпает их милостивыми ласками и дает им обещание, как можно скорей расправиться с офицерами, с этой «гидрой контрреволюции». Впоследствии выяснилось, что 15 полк такой делегации к Керенскому не избирал, что Гуров и К° были секретно посланы от пулеметной команды этого полка только затем, чтобы узнать, что творится в Петрограде. Никто даже не думал, что эти «делегаты» проберутся к Керенскому, да еще с такой «жалобой». Но факт остается фактом.

Теперь, как шло дело с наступлением на Петроград и почему дошло до законной или незаконной делегации.

Высланные Керенским «правительственные войска» против «авантюристов-Корниловцев» не так то были боевыми, как они казались гордо маршируя под звуки оркестра по улицам Петрограда. Тогда была уже та пора, когда «уговоры» Временного Правительства приучили армию к «рассуждениям», к «разговорам», а самое главное к шкурничеству. В это время русская армия уже не ходила в наступление, а все решала митингами, да делегациями. Вот почему надеяться на стойкость и серьезную защиту правительственных войск своего Правительства было бы больше чем рискованным. Тем более, что юнкера считались вовсе не надежными (и не без основания, ибо как выяснилось впоследствии, они ждали только начала, чтобы присоединиться к казакам). А немногие, но смелые (самовольные) налеты рвавшейся в бой «Дикой дивизии», окончательно убедили правительственные войска в ненужности воевать с казаками, а само правительство в его действительной опасности.

Теперь будет понятно, почему товарищ Керенский так обрадовался «Казачьей делегации» — фельдшера Гурова. Было ясно, что и авантюристы некрепки, значит они «замешались». Значит русская армия «замешалась». Значит еще можно надеяться на спасение Правительства.

Так, конечно, оно и было «сейчас» с правительственными войсками. Части корпуса вступили с ними в «переговоры», результатом которых было не только охлаждение, потеря момента, пыла, но и полная апатия ко всей политической неразберихе. Больше того, они оказавшись душевно задерганными, растерялись инстинктивно, чувствуя, что победителями этой политической игры выходит Временное Правительство-Керенский, и растерявшись, потеряв уверенность в самих себя, незаметно склонились на сторону Керенского, ни как на правого, а просто как на победителя... То было смутное, неуверенное и паническое время и переменить частям свою политическую личину не стоило особенного труда. Части еще могли держаться в смысле дисциплинированности и в смысле политического kredo (ведь армия же была втянута в политику, почему и вспоминаю здесь о ее политическом kredo). Если ее не касалис ядовитые иглы запутавшейся тогда революции, но при первых же их «уколах» самый простой, самый настойчивый случай мог сбить с ног не только полк, дивизию, а даже самый корпус.

Так случилось и с нами. Корпус «разговорившись» остановился. Пошли митинги, догадки, толки и споры. Участились в Петроград делегации за «выяснением» дела... А в Союзе Казачьих Войск я уже не видел той уверенности, которой горели его лица, когда полк. Дутов радостно об'являл «наши войска» занимают Павловск.

Керенский же — наоборот, пользуясь замешательством корпуса, наскоро выслал в его части «следственные комиссии» расследовать причины побудившие офицеров вести казаков на Петроград. А в Зимний Дворец экстренно вызвал для дачи показаний, командира корпуса ген. Крымова, начальников дивизий и командиров полков.

К делу сказать, в 9 полк председателем такой следственной комиссии явился бывший наш помощник командира, жандармский полковник В. А. Ерундаков, не казак, присланный в Карпаты к нам из Петрограда. Он явился тогда в полк за несколько месяцев до революции. Командир полка тоже петроградец и из жандармов (нам в это время везло на жандармов) полковник Савченко-Мацен-

ко оканчивал срок своего командования полком (вернее стаж своего пребывания в полку) и намеревался сдать полк своему товарищу по Петрограду. Но вспыхнувшая внезапно революция помешала его намерениям.

Не хочу обойти вниманием, что полку не нравились командиры мужики (т. е. чужие, иногородние, русские), сидящие на коне, как собака на заборе, и они стяжали им славу только в силу необходимости. Конечно, в свою очередь не долюбливали казаков и «мужики»... Уезжая из полка не дослужившись до генерала, полк. Ерундаков (фамилии то все какие!), увез с собой и затаенную в душе обиду, особенно на офицеров (вместо него командиром полка стал полк. А. В. Короченцев).

И теперь воспользовавшись случаем излить свое старое недовольство он, явившись в полк так «стыдил» офицеров, такие клины забивал между офицерами и казаками, что было «любо и дорого» слушать. Правда, хотя ненадежных офицеров этот полковник не нашел (казаки полка молчали, не выдали), но свое самолюбие он удовлетворил, ибо расследование его посеяло первое недоверие между казаками и офицерами полка. Здесь впервые у нас появились митинговые ораторы.

Спустя несколько дней, Керенский, успокоившись, разрешил 3 кавалерийскому корпусу расквартироваться в районе Царского села. Командование корпусом принял генерал П. Н. Краснов, т. к. ген. Крымов не перенес Керенской аудиенции.

Свой полк я нашел в Пулкове и его окрестных деревнях. В Пулкове полк простоял около 3 недель, выслушав немалое число делегатов Временного Правительства (все стыдили нас за то, что мы послушали Корнилова), а затем, получив распоряжение, в составе корпуса перешел в гор. Остров (Псковской губ.).

Так бесславно закончилось дело Корнилова — первый наш поход на Петроград, превратившийся в глазах русского народа в «казачью авантюру». Сам «авантюрист» от верховного командования был отрешен, а Каледин, грозивший будто-бы «отделением юга от севера» заочно, как соучастник Корнилова, получил ярлык «мятежника» и вызывался в Могилев, как государственный изменник для дачи показаний военно-следственной комиссии.

А на нас казаков, как на главных виновников создавшегося «Корниловского дела», и русский народ и солдаты страшно негодуют за то, что мы хотели свергнуть их любимого народника Керенского. Негодовали на каждом шагу, упрекали нас до тех пор, пока мы казаки не встретившиеся с ними снова к нашему удивлению не нашли в них и тени той любви и преданности тому, которому они вчера поклонялись и из-за которого нам пришлось переслышать немало упреков и «стыда».

Второй раз под Петроградом.

Итак мы, казаки, мятежники «Калединовцы», прибыв в конце сентября в район Острова, стоим уже несколько дней ничего не делая в его глухих и бедных деревнях, ничего не зная о «революционных делах» России.

Беспрерывные дожди, невылазная грязь Псковских болот затрудняют наше сообщение даже сотни с сотней, а серые и мрачные дни кажутся бесконечными.

Не так много времени прошло с тех пор, как мы стояли на псковских дачах, но полк так изленился, что и узнать его трудно. «Первый поход» на Петроград так его потрепал, что жить в нем стало не только не весело, но и боязно. Глубокая бездна недоверия, легшая между офицерами и казаками полка, сделала их чужими и подозрительными друг к другу.

— Мы не знали, куда шли. Они нас вогнали в эту историю, — отзывались многие казаки об офицерах. И половина офицеров полка к этому времени потеряла свой авторитет в глазах казаков. Дружная раньше полковая семья надтреснула. Не стало полкового теплого товарищества. Не стало души полка. Полк замитинговал, и на митингах по адресу офицеров зачастую сыпались упреки и обвинения за то, что они пошли «против Временного Правительства»... Не доверяя и порицая офицеров, полк невольно находил «действия» Керенского правильными (т. к. глас народа — глас Божий. — Ведь общественное мнение, и солдаты были за него), почему и авторитет его, Керенского (как досадно, что это слово приходится так много раз повторить), даже поднимался. Такое невольное изменение политической платформы полка можно об'яснить только политической неразберихой, бывшей тогда русской революции и только тем заразным ее ядом, которого полк захватил при встрече с правительственными войсками...

Так, с возросшим у многих казаков авторитетом Керенского, мы жили в окрестностях гор. Острова, пока в конце последних чисел октября, где получилось приказание командира корпуса явиться полкам и батареям, оставив обозы на местах, на станцию Остров. За несколько дней до получения настоящего приказания командира корпуса вторая бригада нашей дивизии (полки 13 и 15) куда то ушла, кажется, под Ригу. Что касается остальных частей корпуса, то я о них ничего не могу сказать, где они были в то время. Знаю только то, что командир корпуса ген. Краснов в критические минуты своего корпуса располагал только 2 бывшими с ним казачьими полками (9 и 10) и одной батареей дивизии.

Ввиду того, что сотни полка стояли по разным деревням, каждая сотня выступала и приходила на место сама по себе. 6-ая сотня, в которой был

я, прибыла на ст. Остров одной из последних. Уже издали, подходя к станции, мы заметили на ней большое скопление народа и немалое число конских вагонов, что наводило нас на мысль о предстоящей погрузке.

А куда? Зачем? Конечно, никто точно не знал. Терялись только все в догадках и предположеннях. От более ретивых (от крикунов, как называли их в сотнях) доносились и предупреждения:

— Как бы опять не завели, — говорили, шушкая, в хвосте сотни...

Экстренности погрузки, между тем, не замечалось. Подойдя и спешившись, остановились и мы.

Интересовавшая всех неизвестность нового похода (а что предстоял поход, это чувствовали все) скоро породила много самых противоречивых догадок и толков. Причины и задачи нового похода разбирали по разному, но разбираясь и теряясь в них все инстинктивно приходили к одному общему мнению, а именно к новому походу на Петроград, что скоро и подтвердилось возвратившимися из штаба корпуса командирами сотен (штаб корпуса уже был здесь на станции). Они доложили, что «идем на Петроград, что не то предполагается, не то уже осуществились в нем беспорядки...

— Опять авантюра — послышалось в сотнях... Последнее замечание, собственно говоря, не было справедливым (вернее сказать, подходящим к моменту), так как было заявлено казакам определенно, что «теперь идем спасать Временное Правительство» (читай того же Керенского). — Какая уже тут «авантюра», но корень этого замечания был вполне справедлив — за что же в самом деле понукают казаками, как метлой. Почему они говорили... Как же это де-скать так. Тогда шли против Керенского, а теперь за Керенского. Получшел он им, что-ль... Смотрите, как бы не попасть в новую историю...

Но это еще бы куда ни шло, но вот, что сбило с ног казаков. Вечером слоняясь по станции, казаки наткнулись на совсем (из рук вон) непредвиденное обстоятельство, на совсем непредвиденный поворот дела, а именно поговорив с одним, другим солдатом Островского гарнизона, они были прямо таки ошеломлены новым и непонятным для них открытием. — Солдаты, как один, не только были против Керенского, а прямо таки «плювали на него» и к могущему быть (или уже осуществившемуся) «кем то» свержению Временного Правительства относились с полнейшим равнодушием, даже больше с сочувствием. Чувства же любви и преданности к своему еще так недавно любимому народнику, как будто бы и не было никогда. В разговоре с казаками солдаты открыто его (читай все Керенского) поносили, а к казакам, как защищавшим его, они относились с полным презрением и удивлялись их «политической слепоте». Во время таких разговоров казаков с солдатами ввиду их большого противоречия, так сказать ввиду их «политического разногласия» произошло даже несколько одиночных схваток, дошедших и до прикладов.

Правда, казаки очень рассердились на «хамов» за их «двуличность», но вместе с тем потерянный у последних авторитет Керенского не только, что степлил казаков и их офицеров, а наоборот, еще больше их охолодил, вернее, еще больше сделал казаков подозрительными к своим офицерам. (Шутка ли Россия против Керенского, а казаки думают спасать Керенского.) Вполне допустимо, что может быть новая «история», новая «лавочка». И, разбираясь в «политике дня», они доходили даже до такого умозаключения, говоря: «понять трудно... То против Керенского, то теперь за Керенского распинаются. Они идут за себя».

Казачьи души окончательно были измотаны, надорваны.

Между тем ночью, вопреки первым приказаниям грузиться, начальником штаба корпуса (сам командир корпуса в это время был во Пскове) было получено новое распоряжение, гласящее об оставлении погрузки.[1]) В виду этого рано утром сотни полка (10 полк тоже был тут) стали расходиться обратно по своим деревням...

Не спав всю ночь на станции и сделав обратно 25 верст, сотня, расходясь по квартирам, несказанно была рада, как предстоящему ей отдыху, так и тому, что «благополучно отделалась»... Но какая была досада, когда не успев еще расседлать коней, мы услышали сигнал «сбор сотни». Догнавший нас уже на месте конный ординарец с приказанием немедленно явиться на ст. Остров был нам страшно неприятен, несмотря на всю его невиновность.

Обратно на станцию прибыли к вечеру, и на этот раз еще издали заметили на ней необыкновенную поспешность в погрузке. Встретив на станции офицера сотни, хорунжего Дубенцева (покойник в белую войну), я узнал следующее. Когда сотни полка возвращались по деревням, согласно полученному штабом корпуса распоряжению, первая сотня нашего полка, идя по шоссе (Псков-Остров) встретилась с быстро несущимся ей навстречу автомобилем, в котором сидел командир корпуса и ... (кто бы вы думали...) — сам «главнокомандующий», председатель совета министров, сам глава Временного Правительства, А. Ф. Керенский.

Встретившейся сотне, командир корпуса приказал немедленно возвратиться на ст. Остров, выслав от нее конных ординарцев в другие части корпуса (точнее в полки 9, 10 и 6 или 7 Дон. казачью батарею, точно не знаю, какая была с нами

[1]) Кем передано было это распоряжение, я тогда не узнал, но тогда думал и теперь думаю, что его передавала уже власть Ленина.

Донская казачья батарея, т. е. 6 или 7, но была только одна) с тем же приказанием.

Такое поспешное приказание командира корпуса, а еще более, такая экстраординарная встреча с «главой правительства» не нуждалась в каких либо доказательствах. Было ясно, как дважды два четыре, что Временное Правительство пало...

Собравшиеся сотни полков командир корпуса счел нужным «представить» главнокомандующему. Последний, проходя по фронту, с заложенной по наполеоновски за пазухой рукой, нервно, не глядя казакам в глаза, истерически выкрикивал: «Здравствуйте казаки» (смотри, казáки, а не казаки). — Здравия желаем господин главнокомандующий — отвечали, нельзя сказать что дружно, казаки. Ничего не сказав, пройдя по фронту полков и батарей, главнокомандующий поспешно скрылся в вагоне.

Оставшийся с казаками командир корпуса приказал немедленно кончать погрузку, чтобы двигаться на Петроград «спасать Временное Правительство». Сказал, что сам главнокомандующий едва спасся от захвативших власть большевиков, взяв автомобилем прямое направление Петроград-наш корпус, надеясь последним спасти положение России...

Вагон с главнокомандующим и штабом корпуса беспрестанно маневрируя был оцеплен казаками — охранялся, ибо Островский гарнизон (солдаты) возмущаясь, требовал выдачи им «жулика». Комичен и жалок был вид этого «плюгавенького» человека с его воробьиным сердцем. Он до того был растерян и запутан творившимся под окнами вагона «положением России», что не мог сидеть на одном месте (я сам видел, как его пальцы выбивали барабанную дробь), а когда входили в вагон офицеры, то он первым, вскакивая с дивана, подавал им руку и приглашал садиться (как будто они за этим входили в вагон).

Нельзя не упомянуть о случившейся с главнокомандующим тут одной неприятности. Вошел в вагон офицер нашего полка 1 сотни сотник Еремеев, Керенский, вскочив с места и вежливо раскланиваясь протянул ему свою «главнокомандующую» руку. Но сотник Еремеев, презрительно отвернувшись не удостоил «главнокомандующего» своим солдатским пожатием.

Наскоро погрузившись полки и батарея во главе с главнокомандующим двинулись эшелоном на Петроград спасать «положение России».

Гатчина. То-же неприветливое, серое и мокрое утро. Та-же неуверенность и те-же тяжелые предчувствия сжимают больно сердце...

По направлению Царского Села слышна орудийная стрельба. 10 полк, прибывший первым, и четыре сотни нашего полка уже ведут бой с большевиками и красногвардейцами. Керенский и штаб корпуса здесь в Гатчине в Павловском Дворце. Командир корпуса на «позиции». Спешит и наша сотня туда-же. Не только слышны, а и видны высоко реющие взрывы снарядов. Вот и белое Царское Село — летняя царская резиденция. Тут жил не так давно царь и сюда с'езжались богатые и именитые сановники. Тут была богатая царская жизнь, о которой до нас только слух доходил. Это все было и не так давно. Сейчас-же все это куда-то подевалось. Сейчас здесь только мы казаки да она, наша позиция. Да есть еще «большие кучи» солдат местного гарнизона, праздно стоящие и грызущие семячки. Жутко в Царском Селе. Невесело, даже больше, страшно, оттого и колени ходором ходят по бокам коня.

— Нейтральными себя называют, — сказал мне полушопотом вахмистр, отставший на время, чтобы узнать о «настроении» царско-сельских солдат. А вот куча уже более чем нейтральная. Стоит и многозначительно посмеивается покачивая на нас двусмысленно головами. Не слышу, но знаю, что думают и говорят, глядя на нас, так поспешавших куда то. Ясно. — И куда — де вас черт несет — защитников... Ясно, что прибывшая с нами вывеска Временного Правительства, Керенский (их же солдатский Керенский), отжила.

— Ведь мы опять одни — проговорил уныло сотенный вахмистр. А в задних рядах сотни уже слышалось открытое возмущение (и ведь вполне логичное). «Опять заведут. — Никому не нужно, Одни мы мучимся...»

Проехав Царское Село на его окраине мы спешились. Перед тем, как спешиваться, нужно было пробежать рысью поражаемое большевицкой артиллерией место. Командир сотни подесаул Ф. И. Лобачев (старый командир сотни эсаул Климов, в то время от открывшейся раны выбыл из полка) подал команду: «рысью марш», но сотня, митингуя и «разбираясь в обстановке», команды не исполнила. Тогда возмущенный командир сотни крикнул: «категорически приказываю, рысью марш». После этого сотня пошла рысью, но за слово «категорически», как увидим, он поплатился.

Оставив лошадей мы увидели на шоссе под большим артиллерийским огнем ген. Краснова. Явная храбрость сопряженная с очевидной опасностью для жизни командира корпуса, подействовала на казаков и, они, прекратив митинг, и недовольные выкрики, молча ожидали приказания. А находившиеся в том балагане, под которым мы стояли, пять трупов убитых уже большевиками казаков 10 полка окончательно зажгли в них кровь и пробудили обиду и чувство мести за своих знакомых и товарищей...

Возвратившийся от командира корпуса командир сотни приказал сотне занять позицию по линии железной дороги, что сотня, беспрекословно выполнила, рассыпавшись по откосу железной дороги, лицом к Пулково.

Сзади нас, сильным и метким огнем, била батарея нашей дивизии. Стрелял сам командир батареи. Видно было, как снаряды, врываясь в черные многочисленные толпы большевиков, взметали на воздух вместе с землей еще молодую новую русскую армию — красную армию...

Противник, как видно было, силился наступать, но всякий раз при попытке перейти в наступление задерживался нашим огнем. Был приказ, во что бы то ни стало удержаться на занимаемой позиции до прихода второй нашей бригады (полков 13 и 15 и еще, как говорили какой то пехоты, которой мы так и не дождались).

Никогда я не забуду этого, т. е. первого дня «красной войны». Войны казаков с «красными».

Держа в застывших мокрых руках винтовку и лежа под откосом полотна железной дороги, я ни на одну минуту не забывал о тех пяти казачьих трупах, что с запекшейся на устах кровью и в забрызганных грязью шинелях, нечаянно увидел в балагане. Лежат они в балагане сердечные, а белые георгиевские крестики тускло поблескивают в темноте. Застывшую в руках винтовку хоть возьми да о рельсы стебани — не слушается. А грязные, окровавленные, восковые со стиснутыми до крови зубами, казаки, так и стоят перед тобой, как живые. И мстить не хочется. Хочется побежать в балаган, упасть на них мертвых и плакать, плакать без конца...

Ну, а вот урядник Мельников, так о том совсем другое дело. Ведь самый ярый крикун в сотне, ведь всю сотню перевернул митингами, идя против офицеров и защищая Временное Правительство (а в дороге и «большевиков»), а посмотри ты на него... Уже надоело кричать «оставить стрельбу», а он, как с ума сошел став на позицию. — Палит и палит. Бормочет, что то про себя, а сам все выбрасывает обойму за обоймой... Этот ни что иное, как рассердился на «народ», мстит народу, иначе чем же об'яснить его перемену, когда уже и приказ получился об оставлении позиции, а его оттянуть не могут от этой позиции.

Видел я, что побыв всего несколько часов под огнем красных, казаки стали опять казаками, такими казаками, какими я их знал не так давно, а всего два три месяца тому назад, когда они не знали еще чуждого им «народа», о котором им теперь так много наговорили, и когда они мне (а я им) были близкими и родными. Душою близкими.

Судя по возродившемуся их духу (духу инстинктивной защиты их казачьего я), можно было надеяться, что пойди тогда в наступление, получив в подкрепление хотя бы вторую нашу бригаду, мы к утру были бы определенно в Петрограде. Ну, а удержать его опять таки зависело от воли «самого народа»... Понятно же, в самом деле, что если станица не старается, то ведь хутору не разорваться...

Но в наступление мы не пошли, ибо поздно вечером был получен приказ оставить позиции и итти обратно в Гатчину,[1]) куда мы и прибыли часа в три ночи усталые, голодные и морально разбитые... Поставив в кирасирских конюшнях лошадей, сотни полков разошлись по казармам бывших кирасиров. Большая часть офицеров ушла в Павловский Дворец, и только незначительная их часть осталась ночевать при сотнях. Не скрою, что со стороны офицеров, укрывшихся на ночь во Дворце, была тактически большая ошибка. Они не учли той растерянности, того озлобления казаков, какого последние набрались с момента оставления Царского Села. Ясен был «новый неуспех», а потому следовало считаться с могущими быть его чреватыми последствиями. Видно было, что приближается «расправа». Значит так или иначе, а присутствие офицеров было бы более полезным чем их отсутствие, тем более, что последнее наводило разбитых душевно казаков на жуткую мысль, что офицеры их «побросали»...

Кирасирские казармы, по которым разошлись казаки, не были пусты. Они занимались различными ротами и отрядами (авиационными, автомобильными и обыкновенными ротами) солдат. Если не считать затаенных в душе признаков негодования и пущенных вскользь двусмысленных намеков по адресу заварившейся нами, казаками «братоубийственной» войны, то солдаты приняли казаков («бедных» казаков), как они говорили, сочувственно. Для казаков потеснились на нарах, а мне (как старшему в сотне, оставшемуся после ухода командира сотни во Дворец) уступили даже койку, на которую я и свалился, отвернувшись к стене, притворившись спящим...

Через час уже завязались разговоры. Разбираясь в причинах затеянной «братоубийственной бойни», солдаты лукаво оправдывая казаков, всю вину умышленно сваливали на белопогонников офицеров. Казаки же молча и виновато их слушали и время от времени неуверенно и боязливо поддакивали...

На недалеких от меня нарах сидят несколько

[1]) Чем вызвано было настоящее приказание я точно не знаю. Судя же по обстановке, можно было его об'яснить тем, что расчитывать на какую либо помощь совершенно не приходилось...

Верьте своим, не доверяйте чужим.

растерявшихся казаков. Полупьянный солдат дает об'яснения:

— Да вы думаете, мы то не пошли бы против большевиков, если бы это нужно было? Нашему командиру роты тоже хотелось... Да мы его скоро убрали... Теперь у нас командир роты наш — подпрапорщик. А у вас, никак, до сих пор охвицеры?... Э-э, товарищи, вы здорово отстали...

Завязался жаркий разговор, слышу в углу казармы. — Ведь, что такое, товарищи, большевики? — Авторитетно вопрошает солдат казаков. — «Большевики» — это трудовики... Это вся Россия, вся Русь матушка... — Что же, вы еще ждете? — Кричат на верхних нарах. — Мы своих давно «пустили в расход». Да и матросы своих потопили... — Что же, что с вами Керенский? — заявляет авторитетный солдат, об'ясняющий, что такое — большевики — нас... нам на вашего Керенского...»

«Наш» — передернуло меня уже полусонного...

— То-ва-рищи!... От страшного дикого выкрика я испуганно проснулся. Утро. Казарма полна вооруженных матросов. — Вот они. Готовься, в расход, — подумал я.

— Товарищи! — Где вы были вчера? Все слушаете этих белопогонников?... И неистово площадная ругань раз'яренного матроса по адресу офицеров повисла в воздухе. Чувствовалось, что был самый подходящий момент для самосуда. Страшный, настоятельный выкрик матроса брал казаков «на момент», на «скорость», но казаки не растерялись. Я это видел по их угрюмым, но спокойным лицам.

— Председателя комитета ко мне! — приказывал матрос.

— Я — спокойно отозвался урядник Сибов и смело направился к матросу. Я уже видел, что матрос сдался... Сердитый матрос не устоял перед спокойным, ледяным молчанием казаков. Оно его обезоружило, сбило с него так много взятого на себя гонора, почему он сразу понизил тон. — Товарищ председатель, где мы с вами поговорим? — сказал он уже по человечески.

Условились поговорить в тайной канцелярии. Я облегченно вздохнув, почувствовал, что страшная внезапная буря пронеслась... Разговор матросов с казаками заключался в требовании первых выдачи виновных и «ненадежных» офицеров, т. е. тех офицеров, которые были замечены в той или иной инициативе в братоубийственной бойне, а так же сюда принадлежали и те офицеры, которые «раньше были в чем либо замешаны» (по определению матросов).

В этом месте следует отметить справедливую похвалу казакам. «Виновных» они не выдали, а что бы отвязаться от матросов, они им заявили, что они сами разделаются с такими офицерами. Делать было нечего и матросы уступили.

Но это было только начало, «цветики и ягодки» нас ожидали впереди.

Известно было, что большевики (красные), с которыми мы дрались под Пулковом, почувствовав в себе силу и правду народную, после нашего отступления из Царского Села, облаживали Гатчину со всех сторон. Все знали, что с ними дело будет обстоять щекотливей, чем с красногвардейцами (так мы называли местных солдат, матросов и рабочих).

В эти тяжелые, страшные дни, придавленности всякого человеческого, разумного достоинства, в дни безволья и грубого эгоизма нужно было ожидать всего...

О вооруженной же защите теперь, конечно, не могло быть и речи... Нужно было находить другие выходы, более целесообразные в создавшемся заячьем положении.

Успокаивались еще тем, что командир корпуса (как сообщали сотенные комитеты, то и дело бегая во Дворец) прилагает все усилия к предотвращению могущего случиться с приходом большевиков произвола, что так или иначе, но он перед входом большевиков в Гатчину старается с ними связаться, старается раньше выговорить у них некоторые условия...

Коротко, что он прекращая войну (?) с большевиками просит только одного — свободного выезда на Дон с лошадьми и оружием...

На второй день нашего пребывания в Гатчине дивизионный комитет сделал постановление об аресте Керенского, каковое командир корпуса ген. Краснов и об'явил Керенскому (в 12—1 часу дня) перед тем, как итти обедать.

Как говорил командир корпуса, Керенский, выслушав постановление дивизионного комитета, удивленно спросил: — «так значит и казаки против меня?!»

— Надо полагать, что да — ответил командир корпуса и приказал юнкерский караул, охранявший Керенского, заменить казаками.

Перед вечером того же дня я услыхал страшный крик и шум и, как казалось мне, шумели недалеко от казармы. Чувствуя себя ежеминутно, как на раскаленных углях, я опрометью бросился к окну, чтобы выглянуть на площадь.

Но в это время дверь казармы с визгом распахнулась и несколько казаков других сотен нашего полка, неистово крича, ворвались в казарму. За ними показались матросы и солдаты. По возбужденным лицам так шумно ворвавшейся толпы, по злобно сверкающим красным глазам, по диким выкрикам, да еще и по «об'единению с матросами», — не трудно было догадаться о случившемся чем то необыкновенном...

— Что же вы сидите? — Заорала толпа на нашу сотню. — Ай, не знаете, что-ль! Ведь Керенский ушел...

— Признаюсь, подобное сообщение полоснуло меня, как обухом по голове!...

— Что вы? — закричала сотня — да как же это? Кто же его выпустил?...

— Известно кто, товарищи! — Заорал выскочивший вперед матрос, потрясая винтовкой над головой (циркулировали слухи между казаками, что командир корпуса договариваясь с большевиками обязался выдать им Керенского. А большевики-де обещались выдать казакам Ленина. Откуда исходили эти слухи, я не знаю). — Кому же он, товарищи, нужен, как не офицерам? Вестимо, что они сработали, а расплачиваться придется вам, товарищи! Сделалось жутко, жутко на сердце. Даже досадно... В самом деле, как же это так?... сам прибежал к казакам, сам их привел и, проиграв ушел, оставив казаков на полную красным «расправу»... Это же́, ей Богу, прямо таки не только предательство, а и гнусное мошенничество. Прямо убивают тебя эти «чрезвычайные политические события России». Не хочется жить — ноги подкашиваются и руки отваливаются. Хоть бери, да залазь в бутылку...

Но как же это, в самом деле, он, мошенник ушел? Он, отступник!... И раз'яренный полк наскоро выскакивал из казарм, полуодетый, но с винтовками, бешено устремился ко Дворцу. Рабочие, солдаты и сама «краса и гордость русской революции» — матросы усердствовали тут же...

Сначала решили арестовать автомобиль. Бронированный автомобиль, что стоял во дворе Дворца. Быстро назначили для этой надобности несколько казаков с хорунжим Черномуховым во главе.

Через минуту автомобиль, пыхтя уже медленно вылазил из Дворца. Глядящие во все стороны дула пулеметов, безшумно покачиваясь, блестели своей страшной белизной. Успокаивался еще тем, что между казаками на автомобиле не видел ни одного солдата или матроса — значит инициатива ареста Краснова находится в руках самих казаков...

Теперь позвать Краснова, — закричал возбужденный полк. — Пусть он нам доложит, как ушел Керенский... Здесь весь благополучный исход дела обязан и Краснову и самим казакам. Первый не растерялся, а вторые не забылись... Когда показался командир корпуса, то сразу же наступила гробовая тишина. Страшная и непонятная тишина... Замер ли полк от того, что видел своего начальника, которого он пополам с грехом, приготовился встретить, или он уподобился той внезапной тишине, что бывает перед бурей, чтобы через несколько секунд снова разразиться неудержимым и еще большим потоком гневного, сильного вихря, трудно было установить. Я всегда считал, что этот момент, момент приближения командира корпуса к полку был одним из самых страшных моментов нашего Гатчинского сидения. Толпа была настолько наэлектризована, что достаточно было одного только случайного выкрика по адресу командира корпуса и он бы был поднят на штыки. А кровь его дала бы начало новым жертвам...

Не спрашивая о причинах появления полка, командир корпуса начал говорить сам. Речь его, тихая, ровная и без всяких оттенков волнения, была самым обыкновенным дружеским разговором с казаками. Она-то и зажгла казаков, она то их и успокоила. Теплость, образность и простота речи, стоящего перед ними командира корпуса, своего казака, заставила казаков забыть и о самом Керенском, и о его побеге. И потому, слушая, как, явившийся на смену юнкеров, казачий караул, с начальником караула, урядником 4-ой сотни Рузским, при приеме поста, вместо самого Керенского нашел только его френч, брюки и кепку; как он сам (ген. Краснов), кинувшись после доклада начальника караула, на поиски Керенского, мог установить только то, что из комнаты Керенского (еще при юнкерском карауле) вышел один человек в форме матроса, в котором юнкерский караул не признал Керенского — казаки, забыв про все их окружающее, думали только о том, что «история» их никогда «не забудет», что «их страдания будут в нее внесены золотыми буквами», что командир корпуса «принимает все меры к тому, чтобы казаки выехали домой, на Дон»...

Видел я, что и эта страшная гроза миновала...

Но чаша казачьего страдания еще не была испита до конца.

После побега Керенского, на другой день вошла в Гатчину красная армия во главе с матросом Дыбенко. «Армия» эта состояла в большей части из петроградских рабочих, потом, конечно, как заправилы шли матросы и солдаты. Имела она и сестер милосердия. Но зато все (даже и сестры милосердия) были не вооружены, а увешаны винтовками, штыками и револьверами, от которых у них так и отдувались карманы. Само собой разумеется, что армия эта не так была страшна своим вооружением, как своим появлением, своим присутствием в среде казаков...

Вошедшая красная армия первым долгом ворвалась во Дворец, где поизорвала штыками и поизрешетила пулями портреты царей и цариц, а потом, рассыпавшись по казакам, занялись очередной травлей белопогонников, которая на этот раз была еще чувствительней. Во первых, потому, что эти красные были гораздо обиженней (воевали же мы с ними), чем местный гарнизон, почему держали себя гораздо развязней, верней нахальней, сознавая свое превосходство (превосходство победителей над нами), во вторых, бежавший от казаков Керенский страшно колол глаза последним. Матросы утверждали, что бы казаки не верили Краснову, что Керенский ушел сам, без согласия на то Краснова и офицеров. Они говорили, что офицеры его выпустили «нарочно» для того, чтобы

затеять еще какую-нибудь историю против народа...

Сначала матросы говорили казакам, а потом стали и грозить неотправкой их на Дон (власть-де народных комиссаров хотела раньше казаков отправить на Дон, а теперь, не соглашается. Били, так сказать, по самому больному месту казаков), если казаки не выдадут власти народных комиссаров ненадежных офицеров, т. е. тех офицеров, которые если уже не способствовали побегу Керенского, то во всяком случае были замешаны в братоубийственной войне, да и вообще, в ненадежности.

Словом, клещами вытягивали из сотенных комитетов подобные решения, сами же непосредственно брать офицеров еще не решались.

Приходивший из совместных заседаний дивизионного комитета с народными комиссарами, прапорщик В. Х. Кузнецов сообщил, что комитет бьется во что бы то ни стало выбраться отсюда, как-нибудь благополучно, т. е. всем вместе и с оружием. Но к сожалению слова его не вполне оправдались. Казаки устали. Устали физически и нравственно. Задергались окончательно. Испугались, чего доброго ведь могут их и не отправить на Дон народные комиссары. И издерганный полк снова замитинговал и, замитинговав, решил таки в сотенных комитетах выдать комиссарам ненадежных офицеров.

Каждый комитет сотни «судил» своих офицеров, разделяя их на надежных и ненадежных...

Вот образчики таких решений:

6-ая сотня осудила своего командира сотни за то, что он будучи под Царским Селом ей «категорически» приказывал...

Командир первой сотни под'есаул Молчевский судился, как приверженец старого режима, не разделявший новых идей...

Командир 4-ой сотни под'есаул Хопров — за строгое отношение к сотне (трудно было вообще редактировать казакам эти постановления)...

«Осуждению» подверглись большей частью офицеры старые, «кадровые», прослужившие по десятку и больше лет...

К великой чести 10 полка и батареи у них до такого «осуждения» все же не дошло. У них даже наши осужденные (многие из них бежали, когда узнали о состоявшемся суде) находили себе убежище и с ними они прибыли и на Дон.

Не хочу этим сказать, что этот полк и батарея были лучше дисциплинированы, тверже нашего полка. Нет. И наш полк был одним из самых славных, заслуженных казачьих полков, а вот, все же дрогнул, растерялся, не выпил своей чаши страданий до конца. Но я говорю о том, что было.— не в похвалу одним и не в порицание другим...

Арестовать матросам удалось только 4 офицеров нашего полка: командира 4 сотни, под'есаула Хопрова, хорунжего Биркина, хорунжего Гуткова и хорунжего Перфилова.

Бежал и сам временно командующий полком (много принесло зла полку, что не было самого командира полка полк. Короченцева). Он перед уходом полка заболел и остался в обозе. Не в обиду будь сказано полк. Короченцеву, что он «болел», в это время довольно таки частенько, а между прочим, много шансов за то, что будь командир полка в эти дни с полком, быть может и не «осудили»-б казаки своих офицеров, войсковой старшина В. Т. Лаврухин, вместе с ад'ютантом, оставил полковое знамя на немногих оставшихся. которые прятали его в конюшне вплоть до от'езда из Гатчины. Четырех арестованных офицеров, отправив в Петроград, сначала поместили в Смольном, а потом перевели в Кресты. Комиссары тогда еще не были так сильны и после многих упреков и оскорблений этих офицеров и голода (почти не давали им есть), их все же освободили.

Но четыре арестованные офицера не искупили вины казаков, не удовлетворили народную власть, ибо вскоре потребовали в Петроград для отдачи показаний и командира корпуса ген. Краснова.

После уже он явился домой, на Дон, а мы ехали домой одни с разрешением матроса Дыбенко (полученным на 7 день пребывания нашего в Гатчине). Ехали с нами и 10 полк и батарея.

На станции Великие Луки нас пытались задержать, но мы отбив все атаки комиссаров, все таки ехали дальше. Не имел успеха пытавшийся нас задержать и Брянский Революционный комитет (помню тов. Петрищев)...

Дон был уже близок...

— Ну, как дела ребята? — спросил я, входя в один из вагонов эшелона. — Да дела, господин сотник, луковые, а лук дело горькое... — Как так? — Да вот так! сидим, да все толкуем о наших походах, да об этой проклятой Гатчине... Ведь подходим к дому, а на душе кошки скребут... Все офицеры из головы не выходят. Все думаем, как это нас попутал лукавый...

Ну и в семейку же мы попали... И два раза. Два раза улопались, как «курочка во щи»...

Никто нам жизни не устроит, если мы сами ее не устроим.

„Голос Казачества“ № 3, 28-VIII-1921.

ПЕТР КРЮКОВ.

Донцам.

Вдали от Родимого Края,
От шума священной реки,
Тоскуя по ним, изнывая, —
Сроднимся, орлы — казаки!
Мы — разных станиц и не знаем:
Встречались ли где и когда?
Не все ли равно? — Все страдаем
Одною душой казака.

Родные станицы далеко;
Далеко наш Батюшка — Дон;
Стоят хутора одиноко
И слышен печальный их стон.
Там семьи все ждут — не дождутся
Лихие Донские полки...
Бог даст *вольным шляхом* вернутся
На Тихий свой Дон казаки!

МЫКОЛА БЫТЫНСЬКИЙ.

Казачьи гербы.

Автору этих строк приходится с некоторого времени заниматься изучением геральдики, как подсобной науки в исследовании общеисторических явлений. При этом особенное внимание обращено им на изучение и разбор материалов из соответствующей области вообще восточно-европейской геральдики, возникшей на территории бывшей России и до сего времени представляющей в исторической науке малоисследованный вопрос.

На предложение редактора «Вольного Казачества» г. И. Билого осветить до некоторой степени и вопрос о специально казачьих гербах, автор согласился приложить к этому делу свой посильный труд, результатом чего и является скромно предлагаемая вниманию читателей настоящая статья с разбором и описанием материала, относящегося к гербам Казачьих Земель и с предложением проэктов гербов, для некоторых из них, построенных на общепринятых геральдических основаниях.

Скудость необходимых материалов и специально эмигрантские условия не позволяют развернуть вопроса о казачьих гербах во всю ширь, с углублением в чисто научное исследование литературных и вещественных данных, а потому и приходится в настоящей статье ограничиться коротким разбором и схематическим описанием соответственного материала, укладывая его в рамки краткого очерка. За все замеченные и исправленные путем критики ошибки, неясности и неточности автор будет очень благодарен.

—х—

Прежде, чем приступить к строгому изложению темы о специально казачьих гербах, необходимо остановиться на общем вопросе о гербе: что такое герб, каково его происхождение и роль в прошлом; что такое геральдика со своими правилами, и, наконец, каково значение герба в настоящее время и почему есть интерес им заниматься. При этом достаточно заметить, что и до сего времени существуют (и будут существовать) различные гербы, как родовые, дворянские у некоторых, так и гербы городские, областные, земские, наконец, государственные у всех культурных народов. Гербы родовые в большинстве случаев представляют теперь лишь пережитки давних исторических традиций, гербы иного рода, корпоративные, вызываются к существованию условиями действительной необходимости, но общий вопрос в отношении и одних и других покоится и в настоящее время на реальных основаниях и в смысле чистого исследования не является праздным.

Что же представляет из себя герб и как он возник? Геральдика, как наука о гербах, дает следующее лаконическое определение герба: герб есть образное, построенное согласно принятых геральдических правил изображение, понимаемое, как постоянный знак достоинства, мощи или права отдельных личностей или родов, земель, городов и корпораций.[1]) Таким образом, как видим, герб есть в геральдическом понимании внешним знаком, внешним отображением общих признаков морального и юридического характера, присущих владельцу герба. Это, чисто геральдическое понятие в отношении герба можно расширить еще определением, возникшим исторически и придающем гербу значение образного (картинного) изображения имени владельца герба. В данном случае герб, как изображение пластическое, есть равносилен письменному начертанию имени или названия носителя герба, и эти два способа начертания имени всегда могут одно другим легко заменяться. Исторически значение внешнего знака, как образного имени из чисто практических соображений возникло и развилось даже намного раньше его геральдического определения. Многие народы в ранюю эпоху своего существования для разузнавания между собою различных групп и ро-

[1]) V. Král: Heraldika. 1900. Praha.

дов даже более часто употребляли различные знаки, нежели имена.[1])

Герб, как символ известного внутреннего содержания, развился исторически из хоругви, знамени или флага, которые изначала были лишь знаками отождествляемыми с именами и названиями личностей, групп, народов и государств. Человечество в наидревнейшую эпоху, выходя из организационных соображений, уже употребляло знамена и хоругви или, в том же значении пластические изображения для различия всевозможных групповых формаций. Особенно частое употребление таких знаков было во время войн и столкновений между народами. И все народы, даже дикие орды, во время походов, сражений, стоянки или торговых операций употребляли куски разноцветных материй, как возвышенных на древке, как знамена для обозначения себя. Различные группы обозначались и различными такого рода знаменами, и по этим знакам узнавали, где свои, где чужие и их имена. На бранном поле возле знамен собирались, группировались и под их сенью сражались военные отряды, в мирное время под такими же знаками собирались на торговищах купцы или совершались при храмах торжественные празднества и богослужения. Во всяком случае, в ранюю эпоху знамя имело целью обозначить внешне лишь имя его владельца, как в настоящее время любая торговая вывеска, или употреблялось в качестве украшения. Древние народы, особенно египтяне, так же часто наряду со знаменами употребляли еще с той же целью и пластические изображения своих божеств или иных предметов и знаков своего религиозного культа.

Чрез долгий период эволюции прошел простой лоскут материи, привешенный к древку, пока не воплотил в себе высших понятий, которые в настоящее время всеми народами приписываются знаменам. Сначала выбор цвета знамени, его форма и способ ношения был совершенно произвольный, возникал свободно по желанию вождя известной группы или в зависимости от подручного материала. Позже, при учащивающихся столкновениях дроблении групп и усовершенствовании военного строя выбор известного определенного знамени становился более строгим. Надо было выбрать знак-знамя или хоругвь такой, чтобы во-первых, он был всем, группирующимся возле него, хорошо и надолго знаком, во-вторых, отличал бы ясно данную группу и от родственных ей и от враждебных иных групп. И вот, выбор знамени ограничивается и появляется постепенно тот порядок в цветах, в их расположении, форме и способе ношения знамен, который позже вырабатывается в твердые геральдические правила. Этому особенно способствует организация военных сил по родовому и национальному принципу внутри великих народов, государств и монархий. Каждая национальность в большом государстве (Персия, Рим, Европейские монархии), а внутри ее родовые группы утверждают у себя определенное знамя, служащее им постоянным отличительным знаком. В зависимости от подобной стабилизации и значение самого знамени увеличивается; оно уже переходит в понятие внешнего знака, как символа известных внутренних качеств. Военные, национальные и родовые традиции, возникая и укрепляясь на протяжении многих лет под сенью знамени, еще более увеличивают его значение. Такое знамя, помимо первоначального имени народа или рода становится уже и указателем присущих им качеств, их славы, мощи или права, и, таким образом, приобретает силу символа, освящается. Как пример, можно указать на римлян; они уже издавна употребляли в своих легионах знамена с изображением орлов в значении символа римского всемирного могущества; позже их употребление расширилось и на иные римско-государственные случаи. Известно, до какой степени эти знаки «римских орлов», разнесенные по миру, были предметом тщеславия и гордости для самих римлян, а одновременно — предметом злобы, ненависти и зависти у покоренных римлянами народов. Вот каким стало символическое значение знамени-знака. «Римский орел» да на ряду с ним христианский крест, почти единственные из знаков старого мира, которые приобрели такое могущественное вековое качество влиять психологически на массы, вызывать у них известные ассоциации и возбуждать их к действиям. В смысле понятия знака, как могучего символа, и «римский орел» и крест приближались уже и в древние времена к геральдическому определению герба, но ни тот, ни другой гербами еще в полном смысле не были, потому что изображения их строились произвольно, не по определенным геральдическим правилам; далеко позже, с возникновением геральдики, как специальной науки о гербах, эти два старинных образца знаков были под влиянием их мощного психополитического воздействия обработаны в правильные гербы. «Римский орел», как символ высшего владетельного, государственного могущества и римского наследия, дал начало гербам священной римской империи и византийскому, а через их посредство и гербам германской империи, австрийской монархии и императорскому гербу бывшей России. Крест же, как самостоятельный гербовой знак, вошел в так называемый «герб Иерусалимский».

Конечно, и до возникновения герба народы и государства, как было уже указано, употребляли, кроме знамени, множество различных символических знаков, особенно относящихся к области религиозного культа, как изображения богов или их

[1]) F. Palacký: Dějiny národu českého, díl I. — Любавский: История западных славян.

аттрибутов; тоже — знаки военного и общественного значения, как различное оружие (особенную роль в этой символике играли меч и щит), жезлы, казоны повязки, венки; многими из этих знаков в силу привычки или их широкого распространения украшались даже государственные предметы, военные знамена, монеты и т. п.; но, возникая в большинстве произвольно, в зависимости от различных случаев, не подвергаясь в своем возникновении и употреблении определенным, строго выработанным и систематизированным правилам, все это множество знаков не носило еще в старые времена характера гербов в узко геральдическом понимании. До герба существовал «знак» как известное символическое изображение, собственно же «герб» возник не ранее XII ст. и, как уже упоминалось, развился из определенной категории знаков — военного знамени и родовой хоругви. Уже известно, что первоначально и знаки и цвета на знаменах и хоругвях избирались произвольно; постепенно с течением времени они стабилизировались и приобретали значение символического родового знака. Ввиду ограниченного количества употребляемых для знамен цветов материй, особенное внимание обращалось на комбинации их в знамени, способ расположения, порядок последовательности и т. п. Еще позже для различия однородных по цветам знамен, эти последние уснащиваются всевозможными фигурами животных и предметов. Помимо цвета знамени или хоругви начинает и сама фигура на них играть равносильную с ней роль и приобретать одно из первых мест в значении родового знака. Цвета хоругвей и фигуры переносились далее на боевой щит, как членов рода известной хоругви, так и подчиненных ей воинов с той целью, чтобы рассеянные во время сражения по полю бойцы легче могли узнавать друг друга в битве или собираться под знамена. Боевые щиты делались большею частью из дерева и обтягивались полосами металла или кожей; соединение этого рода материалов с красками цветов знамени на щите принуждало к новой необходимости вырабатывать определенные общие правила для целесообразного размещения красок и фигур на щитовом поле. Вот такой уже знак, построенный по выработанным обычаям и общепризнанным правилам на щите, получает уже название герба.

Слово «герб» (herb) — польского происхождения (лат. — arma,франц. — armes, немец. — Wappen) и усвоено почти всеми славянскими народами. Распределение и размещение цветов и фигур в гербе подчиняется строгим законам, правилам и обычаям, собрание и толкование которых составляет как бы гербовой кодекс, именуемый геральдикой.

Так возник герб и создалась геральдика. Позже, когда боевой щит потерял свое значение, как оружия, и вывелся из употребления, герб поддержал свое существование в так называемом геральдическом щите, имеющем собственно значение лишь поля для гербовых знаков; употребление такого щита имело то незаменимое удобство, что его можно было помещать во всякое время и во всех случаях на различных предметах, отмечаемых гербом, зданиях, мавзолеях, на знаменах, печатях, документах и т. д. Щит, таким образом, сам сделался символическим знаком и еще более усилил собою символизм герба, составляя в нем, наряду с другими гербовыми фигурами, существеннейшую часть. Формы геральдических щитов в соответствии с формами щитов боевых и согласно требованиям стиля эпох и национального вкуса у разных народов, были различны и изменчивы. Для гербов позднего происхождения современная геральдика признает форму геральдического щита так называемого французского типа.

Европейская геральдика зародилась во Франции и особенно пышное ее развитие припадает на времена крестовых походов и расцвета рыцарства. От французских рыцарей были геральдические правила переняты другими народами и распространились по всей Европе. Название свое геральдика получила от герольдов, на обязанности которых лежало во время турниров оглашать происхождение, подвиги и заслуги рыцарей, участников турнира. Будучи потому хорошо знакомыми с происхождением, историею и гербами рыцарских родов, герольды и выработали главнейшие, основные правила геральдики.

Распространяясь среди многих народов и подчиняясь национальным особенностям их, геральдика в дальнейшем своем развитии приобрела некоторые отличительные признаки для того или иного народа, но важнейшие ее приемы и основные законы относительно составления, описания и чтения гербов, не изменяясь на протяжении веков, остаются неизменными и до сего дня. Лишь принимая во внимание эти общие геральдические правила, можно посредством герба начертать грамотно образное имя того или иного народа, земли или государства, как, подчиняясь правилам грамматическим, можно правильно написать имена их. Гербы и в настоящее время — образный международный язык в известной области символики, а геральдика — грамматика этого языка.

—x—

Итак, основные и важнейшие правила геральдики остаются навсегда неизменными. Каждое новое возникновение или изменение герба, его построение и описание подчиняется неукоснительно этим правилам

Затрагивая вопрос о гербах казачьих, изучая материалы к ним, рассматривая их историю, рассуждая относительно их составления или изменения, принятия тех или иных из них или отрицания, необходимо все время иметь в виду эти ге-

ральдические требования и в своих рассуждениях исходить из них.

Уместным теперь будет поставить вопрос, что же такое казачьи гербы и их особенности?

Для ответа опять таки необходимо уклониться в историю общего развития герба и в историю возникновения его на Казачьих Землях.

Общая картина исторической эволюции герба вкратце представляется в следующем виде. Возникнув из родового знака, будучи первоначально символическим именем и знаком достоинства того или иного (рыцарского, магнатского или княжеского) рода, герб в конце концов сделался достоянием более широких общественных групп, сохраняя за собой, а иногда даже и усиливая свое значение символа. В настоящее время имеются гербы родовые, дворянские, гербы городов, земель, государств и различных иных корпораций, в первый же период своего существования герб был исключительно знаком родовым. Старинный владелец герба помещал его изображение во всех подходящих случаях и на всех почти предметах, принадлежащих ему, как знак своей власти над ними. Владельческий герб, таким образом, красовался издавна и на граничных столбах, главных зданиях селений и городов, подчиненных феодалу. Последнее обстоятельство для нас особенно интересно, потому, что становится понятным, каким образом герб из родового знака становился знаком корпоративным, городским и даже земским и государственным.

Первоначально гербом города был герб его владельца и все более значительные города во владении какого либо магната носили один герб. Но вот, часто повторялись такие случаи: один владетельный род вымирал и его наследие переходило к другому роду. Новый владелец города или заменял старый герб своим или, что бывало еще чаще, принимал герб города в свой родовой герб; другими словами, город получал новый герб, представляющий соединенные по известным правилам гербы бывшего и настоящего владельцев. То же явление происходило и в случае переуступки другому лицу или завоевания. Таким образом гербы городские с течением времени стали изменяться, усложняться в своем построении и отличаться между собою даже во владениях одного владельческого рода. (Примерами таких гербов могут служить гербы Мекленбург-Стрелиц и Мекленбург-Шверина.) Вместе с тем начинают отличаться городские гербы и от общего родового герба владельца, как будто составляя собою категорию специально каких то городских гербов.

Но развитие городского герба знало еще и иной путь: неофициальный. Существуя даже под властью феодалов, многие европейские города все же пользовались некоторыми правами самостоятельности, как то: самоуправления, суда, цеховой организации, и т. п. Такие города, как знак некоторых своих юридических прав, имели и употребляли во многих случаях городскую (ратушную или магистратскую) печать. На печати изображались, обыкновенно, портреты основателя города или владельца, или патрона города, какого либо святого, или даже обыкновенные предметы, чаще всего местные костельные башни, городские башни и стены. Кроме этого города имели свои знамена и хоругви, под которыми собирались городские ополчения; подобные хоругви с изображением святого-покровителя или предметов производства (молотки, ножницы и т. д.) употребляло в тех же случаях и городское ремесленное население, организованное в цехи. Эти все корпоративные знаки и печати, не носили, правда, характера геральдических знаков-гербов, но часто практически употреблялись в их значении, а позже послужили и богатым материалом для образования специальных гербов городских. Факт же признания самостоятельности некоторых городских гербов, возникших оффициальным путем, послужил в дальнейшем основанием для утверждения за городами права иметь вообще свой самостоятельный герб.

Расцвело это право особенно во времена мощного развития городов и освобождения их от власти феодалов. И до этого случалось, иногда, что какой либо князь или даже император (некоторые города Италии) дарили или награждали тот или иной город отдельным, особенным, сочиненным специально гербом; во время же расцвета городского самоуправления эти примеры принятия городом своего собственного герба вошли в общее правило и пользовались очень широко такими правами, как Магдебургское, Гамбургское, Любекское и другие. В этих случаях для составления собственно городского герба и использовывался тот богатый материал, какой давали старые городские печати. Ннаиболее распространенным обычаем для городов было в то время принятие в свой герб изображений башен или городской стены с башнями или без них, с открытыми или закрытыми воротами, церковных звониц и т. п. В отличие от родовых дворянских или владельческих гербов, увенчанными именами или княжескими и иными коронами, городской герб венчался специальной башенной короной, и, таким образом, создалась в геральдике новая, совершенно особенная категория гербов — городских.

Развитие герба земского (герба какой либо земли), герба широкой территории шло уже двумя натуральными путями — из герба родового княжеского и герба городского. Процесс происхождения земского герба, и даже в некоторых случаях и государственного, от герба владетельного, княжеского, подобен описанному выше случаю возникновения городского герба. Родовой герб князя был вместе и гербом его территориальных владений.

Усиливался ли какой либо княжеский род и подчинял себе других князей, он распространял и свой герб на все владения, одновременно увеличивая и дополняя свой собственный герб (вместе с титулами) присоединением к нему гербов подчиненных им земель и областей. Когда такой княжеский род достигал высшего государственного могущества, сложный его герб становился и государственным гербом, причем, очень часто знак его собственного герба среди иных знаков этого необыкновенно сложного герба играл доминирующую роль, а иногда и вовсе заменял собою все остальные знаки. Такое государство имело тогда два (а иногда и более) герба: большой государственный герб (средний) и малый. Яркими примерами могут служить: 1) родовой династический герб, тождественный с государственным; герб королевства французского с бурбонскими лилиями, герб королевства английского с династическими львами; 2) сложные государственные гербы: гербы королевств испанского и румынского; 3) гербы сложные с подчеркнутой частью династической, даже с заменой последним остальных гербовых земских знаков: герб бывшей монархии австрийской, где в большом и среднем государственных гербах (щит о 56 полях) герб династический габсбургский доминировал, а в малом государственном гербе заменял собою все остальные знаки (двуглавый орел с габсбургским гербом на груди); тоже герб бывшей российской империи, где двуглавый орел, принятый за династический монархический герб, доминировал в большом государственном гербе (о 52 полях) и заменял собою все остальные знаки — в малом.

Другим способом государственные гербы возникли из земских, а эти последние — из городских. Герб города был и гербом всей городской территории. Герб главного города был земским гербом и для всех прочих населенных мест в данной области, а с приобретением этой областью государственной независимости, становился и государственным гербом, чему имеем примеры во многих бывших италийских республиках. Как на характерный пример подобного рода достаточно указать на государственный герб Венецианской республики — лев св. Марка, патрона города Венеции — бывший первоначально городским гербом. Вообще в республиканских государствах заметно стремление избегать владетельных гербов и принимать в свой общий государственный герб, признанные давно за земские, как это случилось, например, в республике Чехословацкой и в иных новопоставленных государствах даже в наше время.

Как видно из описанного, герб прошел в логическом порядке целый ряд этапов, пока из родового в своем историческом конечном развитии дошел до значения герба территориального земского и государственного. Так было в Западной Европе.

Иначе немного обстояло дело с возникновением гербов в бывшем царстве российском. Что касается западных областей бывшей России, то они, будучи отделенными от Москвы и находясь ближе к Западной Европе, как Украина и Белорусь, намного раньше коренных московских областей приобщились к западной культуре и усвоили ее общественные формы.

Первенствующее место в смысле распространения гербов и развития геральдики занимает Польша. В Польше происходил процесс социологического развития общества по западным образам, развитие же силы и значения магнатства и шляхетства даже в усиленной форме, понятно потому, что и употребление гербов в Польше представляет повсеместное явление. И геральдика польская, и общий характер дворянских, городских и земских гербов мало в чем отличается от вышеописанного европейского порядка. Так же и Украина и Белорусь через Польшу и Литву рано ознакомились с гербами и практиковали их употребление. Правда, и украинская и белорусская геральдики шляхетскими гербами и их пышностью, ввиду основного демократического характера этих наций, не особенно богаты и даже благодаря именно этому значительно отличается некоторыми своими особенностями от геральдики европейской, зато в распространении и употреблении гербов городских и земских, они с давнего времени идут следами Европы. И на Украине и в Белоруссии большинство городов и земель обладает очень старыми гербами, возникшими в значительном количестве еще со времени принятия этими городами немецкого магдебургского права, некоторыми даже с XIV ст.

В московских же, великорусских областях возникновение геральдики и употребление правильных гербов, как дворянских, так и территориальных, относится лишь к XVII ст., когда в царствование Алексея Михайловича сделан был первый опыт составления, сведения и систематизации гербов дворянских фамилий по геральдическим правилам. Тогда то для многих княжеских, боярских и дворянских родов сочинялись специально гербы (царский романовский герб тоже возник в это время), ибо слабое значение боярства и совершенное отсутствие рыцарского сословия в Московском царстве не благоприятствовало раннему возникновению гербов.

То же было и с городскими гербами. Будучи лишенными самостоятельности и возможности организовать свои общественные классы по свободному европейскому принципу цеховых и иных корпораций, находясь долгое время под гнетом деспотии разных царских наместников и воевод, живя почти полудикой жизнью, эти деревни-города не ощущали потребности обзаводиться гербами, как это было в местах с западно-европейской культурой. Лишь с XVII в. русская геральдика усвоила

и подчинилась важнейшим правилам европейской геральдики, удерживая за собой и некоторые специфические, присущие ей одной особенности. До настоящего времени русская геральдика успела обработать и упорядочить гербы дворянских фамилий и наделить гербами города и области бывшей империи, причем гербы дворян, городов и земель, существовавшие и ранее инкорпорирования их Россиею, как Украина, Белорусь и целая полоса отделившихся от Московии в настоящее время государств, были приняты русской геральдикой в первоначальном или измененном виде и утверждены государственными законами; остальные гербы были сочинены в сравнительно недавнее время. Что касается гербов дворянских, то благодаря изменившейся в настоящее время социальной структуре общества, они, представляя собою лишь отвлеченый, научный или чисто исторический интерес, нас совершенно не занимают в данном случае. Практически интересуют нас лишь гербы земель бывшей России, и то в более узком смысле лишь гербы Земель Казачьих, казачьи земские гербы.

Происхождение же гербов собственно казачьих и тех, которые в данное время можно бы принять за казачьи, таково: старейшие казачества, как донское и запорожское, испокон находясь в военном и мирном общении с народами европейской и мусульманской культуры, выработали самостоятельно или по заимствованным образцам свои собственные знаки, употребляемые ими издавна в значении герба; более же молодые казачества, образовавшись на отдаленных восточных землях Европы и Азии и, главное, в сравнительно недавнее время, собственных гербов не имели и получили гербы для своих Земель выработанные русской геральдикой в общем порядке. При этом надо заметить, что российские законы не утверждали земских гербов, которые бы именовались казачьими; гербами наделялись земли согласно административного деления России на губернии и области и их гербы носили названия губернских и областных. Таким образом, европейские и азиатские земли с казачьим населением получили общие земские гербы с чуженародным населением, занимающим те-же земли. Создание таких губернских и областных гербов совершалось по общему правилу, что герб главного города или административного центра земли почитается вместе и за герб принадлежащей им территории; при составлении герба принималось во внимание и то обстоятельство, что существенные признаки или отличительные особенности данного края должны бы быть символизируемы каким либо знаком в его гербе. По этой причине большинство гербов Казачьих Земель носит в себе элементы казачьего характера и быта, как наиболее выразительной особенности края.

Вот теперь, зная историю разделения земских гербов в Европе и в России, легко ответить на поставленный вначале вопрос: что такое казачьи гербы. Как видим, это — гербы Казачьих Земель; сочинены они русской геральдикой и не очень давнего происхождения. Так было до настоящего времени.

Об общем значении герба было уже сказано; о значении своих родных гербов для казачества тоже не пришлось бы много распространяться. Каждый должен знать свой герб, образное имя своей Земли, как должен знать свое знамя, свой гимн.

Но, вопрос о казачьих гербах становится особенно животрепещущим и актуальным в том случае, когда приходится говорить о тех группах казаков, которые стремятся к своей государственной самостоятельности и желают герб своей Земли употреблять в качестве высшего символа своей независимости.

Является новый вопрос: каким должен быть такой герб и каковы основания для его принятия? Это вопрос не лишний и не праздный для самостийного казачества, подтверждают примеры из жизни старых и молодых новопоставленных государств. У многих из них было важнейшим актом государственного законодательства принятие и утверждение государственного герба, наравне с печатью и хоругвью или флагом. Эти государственные символы есть священнейшие и утверждение их вызывается природной необходимостью, как высшая функция собственного достоинства и самоутверждения.

Нет сомнения, что казачество, стремясь к государственной самостоятельности, принципиально в высказанном смысле вопрос этот для себя уже вполне решило; остается заняться практическим разрешением данного вопроса.

Какой же принять герб? Решений такого вопроса для казачества, а вместе, и примеров других государств, есть несколько:

1) Принять за государственный настоящий, современный герб своей Земли — а) без изменения, в) с изменением.

2) Отказаться от своего настоящего земского герба и в этом случае — а) возвратиться к своему старому земскому или национальному гербу, если таковой есть; в) сочинить для себя новый герб и утвердить его соответствующим законом.

В виду того, что восточные казачества европейские и азиатские обладают в настоящее время своими земскими гербами неодинаковой исторической и геральдической ценности, — невозможно предлагать в решении вопроса о выборе ими государственных гербов одного какого либо из вышеупомянутых ответов, который был бы общим, одинаковым для всех.

Необходимо остановиться на конкретной оценке всех возможных условий для каждого казачества в отдельности и относительно его герба постарать-

ся дать отдельный ответ; здесь же можно пока ограничиться лишь общим замечанием, что принятие современного земского герба за государственный возможно в том случае, если данный герб является ярким выражением национального характера, духа народа или отражает собой звучные исторические традиции земли или народа; отрицание современного земского герба и замена его другим необходимы тогда, когда навязанный чужой властью в прошлом герб оскорбляет национальное достоинство народа, — возможны и желательны тогда, когда существует даже старый земский или национальный герб, имеющий за собой выразительную историческую традицию.

Анализ и оценка казачьих гербов в духе вышесказанного и будет предметом дальнейшего изложения статьи в порядке территориальной последовательности казачеств в направлении с запада на восток.

Перед этим же автор позволяет себе предложить читателю несколько практических указаний относительно чтения помещаемых в тексте рисунков: знаки гербов расположены на французском щите; правой стороной щита признается левая со стороны зрителя и наоборот; рассеченным щит считается по вертикальной линии, разделенным — по горизонтальной и скошенным — по наклонной; свободное от фигур пространство на щите называется «щитовым полем»; верхняя часть щитового поля, отделенная горизонтальной линией (около ⅓ высоты щита) — наз. «главою щита», нижняя — «оконечностью щита». Все геральдические цвета на рисунках переданы графически и согласно принятому обыкновению читаются так: вертикальная штриховка означает красный цвет, горизонтальная — синий (голубой), перекрестная — черный, наклонная слева на право (от зрителя) — зеленый, справа на лево — пурпуровый (малиновый), точечная — золотой (желтый), свободные от штриховки места — серебренный (белый); последние два цвета означают металлы.

Описание (блазонирование)[1]) гербов русского происхождения следует за русской геральдикой, проекты же измененных гербов и новых блазонирует, согласно геральдических требований сам автор.

Донской герб.

Донское Казачество обладает достаточным количеством материала в отношении своих гербов. До сего времени было у донцов зафиксировано законами, следовательно, утвержденно юридически три герба, представляющих большой интерес, как с исторической, так и геральдической точек зрения. Наиболее оффициально распространенным и известным у донского Казачества был герб дореволюционного царского периода. Герб этот построен совершенно правильно геральдически и являлся действительным знаком донской казачьей Земли; носил он название «герба области Войска Донского», утвержден 1878 г. (рис. 1).

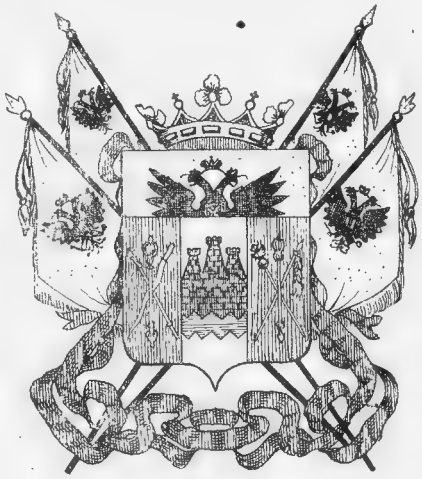


Рис. 1.

Блазонируется герб так: «Щит дважды рассечен с главою; в среднем серебряном поле на лазурном волнистом поясе червленная зубчатая стена с таковыми же зубчатыми круглыми башнями, из которых средняя выше. В правом червленном поле золотой пернач, за которым положены косвенно накрест серебряный бобылев хвост на таковом же древке и серебряная же насека — эмблемы, пожалованные Войску Д. Петром I. В левом червленном поле серебряная булава, за которой накрест положены косвенно серебряная насека, украшенная императорским орлом и серебряный же бунчук на таковом же копье — эмблемы, пожалованные Войску Д. императрицей Елизаветой Петровной. В золотой главе щита возникающий черный императорский орел тремя коронами украшенный. За щитом четыре императорских знамени, соединенные александровской лентой.»

Как с самого названия герба, так и с блазонирования и изображения его видно, что герб составлен специально для Донского Войска. Изображения и эмблемы на гербовом щите подчеркивают некоторые яркие исторические моменты из жизни Войска. Для дореволюционного периода с точки зрения русского правительства герб этот можно бы считать очень удачно составленным. Иное немного впечатление производит тот же герб, если посмотреть на него с точки зрения самого казачества, сознавшего свое национальное достоинство и стремящегося воплотить его в своей независимости. Критика царского герба со стороны Казачества могла бы возбудить в нем даже оскорбленныя чув-

[1]) Блазонировать от им. „blasen“ — трубить в рог, оглашать; важное правило геральдики, равнозначущее изображению герба.

ства и принятие такого герба добровольно за свой постоянный герб земский и государственный стало бы совершенно невозможным. Вот почему. Дореволюционный царский донской герб слишком уже подчеркивает унизительную служебную роль Казачества. Ярким выражением этого есть большое обилие в гербе и в окружении его рассыпанных императорских орлов. Подобные черты до некоторой степени носят на себе и эмблемы в гербе. Сами по себе эмблемы и аттрибуты казачьего быта, помещенные в гербе безусловно не подчеркивают еще служебной роли и не являются оскорбительными (даже наоборот!), если бы не подробное специфическое об'яснение их в блазонировании герба. Там ясно указано, что такие то и такие эмблемы пожалованы Войску царями российскими Петром или Елисаветой (понимай — за верную службу). Особенно неприятные ассоциации должны бы вызывать в воспоминаниях Казачества всякого рода «пожалования» Петра I, деспота-царя, залившего казачьей кровью Дон во время Булавинского восстания. Таким образом, все эти казачьи эмблемы, как булавы, перначи, бунчуки, уместные на всяком ином месте, в царском гербе являются уже не отвлеченными знаками, символами известных казачьих особенностей, а реальными указателями определенных исторических событий, способных вызвать, в общем, неприятные чувства. Принятие самим народом герба, оскорбляющего его достоинство — невозможно. Конечно, можно было бы легко найти выход в изменении герба. В первую очередь пришлось бы снять с герба все императорские знаки, в данном случае — «орлы», тем более, что прекращение царской династии дает на это полное право (см. терс. герб). Но, этим не пришлось бы ограничиться. Углубляя изменения в гербе, необходимо было бы коснуться и «пожалований» царей — заменить эмблемы новыми или изменить по крайней мере тип их и вид. Что же бы тогда осталось от герба? Возможно, один средний щит с крепостью. Не равносильно ли это утверждению нового герба? И Донское Казачество, к чести его надо признать, интуитивно ли, сознательно ли, со времени революции, устанавливая свою конституцию, сразу же отказывается от царского герба и пробует решить для себя вопрос о гербе избранием нового. В переходных этапах этих исканий не обошлось, конечно, и без ошибок; первый герб, утвержденный казачьей донской конституцией следствие ли исторической путаницы или незнания и игнорирования геральдики, был избран очень неудачно. Но донцы продолжали свои искания и, осознав ошибку, вышли с честью из критического положения, утвердив новый, достойный себя герб.

Сначала Круг Спасения Дона (28/IV—5/V 1918 года) принял и утвердил одновременно с печатью, флагом и гимном герб, изображающий казака, сидящего на бочке с ружьем. Параграф 49 постановлений Круга о печати и гербе гласит: «Восстанавливается старинная печать и герб Донского Войска, изображающие нагого казака в папахе, при шашке, ружье и аммуниции, сидящего верхом на бочке. Печать и герб этот употреблять во всех нужных случаях.»

Очевидным становится из этого постановления, что Донское Казачество во времена своего недавнего конституционного законодательства, ясно осознало необходимость утверждения собственных государственных регалий, почувствовало необходимость в перемене царского герба и из'явило желание обратиться при решении этого вопроса к исторической традиции. Решен ли этот вопрос действительно правильно или нет и насколько — видно будет из следующего исторического и геральдического его анализа.

Тождество изображений на печати и гербе выбрано верно. Сфрагистика (наука о печатях), в этом отношении с геральдикой проявляет полное содружество. Установился издавна исторически общий обычай, перешедший в негласное правило, что изображения на гербе и печати должны быть одинаковы. Города, земли и государства всегда следовали и следуют этому обыкновению: отклонение от него понимается, как исключение, имеющее какие-либо твердые основания. Далее. Что касается самого построения донского герба, то геральдика к нему могла бы предъявить большие претензии. Вышеупомянутый герб совершенно не блазонирован, что является крупным недостатком, вследствие чего из этого упущения и вытекают существеннейшие ошибки. Во-первых, не указано совершенно цветов герба: всякое же блазонирование герба начинается именно с указания цвета поля щита и фигур, ибо цвета — существеннейшие элементы герба, и без них он невозможен. Правда, в таком случае можно бы себе помочь переводом цветов флага в герб по определенным правилам, но все же с точки зрения геральдики такая ошибка недопустима.

Во-вторых, не означено точно изображение самой фигуры казака. Как он должен изображаться, в профиль или en face? Из печатей донских видно, что фактически практиковалось употребление изображения казака в профиль[1]) (рис. 2). И, действительно, резать на печать человеческую фигуру в профиль — легче. Очевидно, таковым бы должно быть изображение казака и в гербе. Геральдическое же правило гласит, что человеческая фигура в гербе, если нет специального указания, изображается всегда en face. Как мог бы по такому скудному описанию, как дал его Круг Спасения Дона, какой-либо геральдик построить герб? И как, вообще,

[1]) Образцом для данного рисунка послужила одна из военных печатей, хранящихся в Донском архиве в Праге.

практически могло быть разрешено употребление такого герба? Ни цветов, ни способа изображения фигуры не указано. Возможно, в ближайшем будущем при попытках практического применения герба (не печати), главнейшие ошибки были бы и исправлены; во всяком случае, для донцов грозил риск иметь не один общий тип герба, а несколько. Блазонирование герба или хотя бы простое, но подробное его описание с перечислением всех существенных элементов, является крайней и первейшей необходимостью при утверждении герба. Но все это пока критика герба с точки зрения чистой геральдики.

Рис. 2.

История тоже имеет не менее важные замечания относительно этого же герба. Можно полагать, что вообще донцами руководило сильное желание восстановить свой старый исторический герб, но было упущено из виду, что герб, принятый Кругом Спасения Дона, в свете исторической критики будет представлен в большей степени неприемлемым, чем даже дореволюционный царский герб. Конечно, в данном случае даже не важно то обстоятельство, что герб с казаком на бочке дан тоже Петром I. Относительно принятия целого герба, пожалованного кем либо из царей, принимаются во внимание иные соображения, чем те, которые были высказаны раньше в отношении принятия отдельных эмблем. История знает достаточно примеров, когда герб принимался и носился тогда, когда получен был от чужих владетелей, даже врагов. Такими гербами, имеющими за собой глубокую древность традиции, даже гордились. Но, здесь было важным то, что герб по своему содержанию был или чисто центральным знаком, чистым символом, как во многих городских и земских гербах стены, башни и т. п., или выражал собой какое либо особенно высокое достоинство народа, личности, признаваемое чужеземцами, даже врагами. Как на характерный пример можно указать награждение немецким императором Барбароссой чешского короля Владислава I за храбрость Чехов под г. Миланом в 1158 г. гербом с белым львом на красном щите; герб этот впоследствии сделался чешским земским гербом, а в наше время и государственным гербом. Другой пример — награждение польскими королями клейнодами и гербом Запорожцев за их рыцарскую доблесть в борьбе с мусульманством.

Не в том дело, кем был дан герб, важно, чтобы он не был оскорбительным своим внешним содержанием. Происхождение же донского герба с казаком на бочке не имеет точного исторического основания, зато имеет оскорбительное (хотя и сомнительное) об'яснение изображения своего.

Вот что пишет про донской герб В. Броневский в своей истории Донского Войска: «В бытность государя (Петра I) в Черкасске, 1709 г., около 20 апреля, казаки, призванные по очереди на службу, перед отправлением в поход »гуляли». Царь, по обычаю своему, просто одетый, прогуливался по городу с одним деньщиком; и, заметя в толпе народной пьяного казака, нагого до пояса, подошел к нему и спросил: — для чего не продал ты ружья, за которое мог бы получить более денег на пропой? — Пьяница, не узнав царя, смело отвечал: — Как бы не так! с ружьем Богу, Государю и Все-Великому Войску Донскому честь и славу заслужу; и одежду у врага добуду; а без ружья никому не угодишь. — Войско не имело еще герба: государь, вникнув в смысл речи пьяницы, представлявшей настоящий нрав и свойства народа, пожаловал Донскому Войску герб с изображением казака, нагого до пояса, сидящего на бочке, и над главою держащего ружье.»[1])

Надо полагать, что весь этот рассказ, несмотря на подробное датирование случая, — просто анекдот. Но пусть это даже вымысел, пусть ничего подобного в действительности не было и никакого диалога в описанном смысле между царем и казаком-пьяницей не происходило, все же обращает на себя внимание во всем этом рассказе желание со стороны, по всей вероятности, русских создателей анекдота, подчеркнуть уничизительную роль казачества. Психическим центром во всем рассказе стоит несомненно «пьянство». В приведенном небольшом отрывке пять раз встречаются слова «пьяный», «пьяница», «пропой», «гулять», словом, слова, произведенные от слова «пить». В общем допустимо думать, что весь рассказ выдуман для об'яснения (хотя и натянутого) изображения на гербе той пресловутой бочки, смысл изображения которой был уже и в старое время непонятен. Самое же изображение казака на бочке, есть основание думать, и до этого случая уже употреблялось донцами на войсковой печати, что еще более подтверждает выдуманность рассказа, записанного Броневским.

Но теперь, допустим, наоборот, что весь этот анекдот отвечает действительности, имеет факти-

[1]) В. Броневский. История Донского Войска. т. I. 1834 г.

ческое основание. Становится тогда странным отношение царя Петра к казачеству. Почему он обратил внимание именно на речь пьяницы и соизволил «вникнуть» в смысл именно ее, «представлявшей настоящий нрав и свойства народа»? Что поразило Петра? Глубокая ли мудрость отравленных алкоголем мозгов или понравилось обыкновенное легкое остроумие подпившего гуляки? Пусть и то и другое. Но почему, на каком основании вывел заключение Петр, что речь пьяницы представляет настоящий нрав и свойства народа? Конечно, каждый народ в своих нравах и быте имеет много темных сторон; донские казаки в отношении употребления алкоголя, да еще в старые добрые времена, тоже не были благим исключением среди других народов, хотя бы, к примеру, Запорожцев. Но ни один народ никогда бы не избрал своим гербом предмет, знаменующий умышленно исключительно темные стороны быта. Такое поведение Петра I относительно Донского Казачества нельзя бы было иначе и разуметь, как подчеркивание им нелюбви к казачеству или злую иронию. Такое «пожалование» герба царем, фактически было бы оскорблением народа, ибо такие качества казачества, как воинственность, храбрость и прочие военные доблести умышленно как бы устраняются в тень, замалчиваются, а в герб, высший символ достоинства народа, вводится эмблема, характеризующая как раз темные стороны быта и нрава народа.

Но, к счастью, можно быть совершенно уверенным, что весь анекдот о происхождении донского герба от встречи царя Петра с пьяным казаком, является чистым вымыслом. Находится тому основательное документальное подтверждение. Сухоруков, исследователь земли Донского Войска, отмечает следующее:

«Относительно изображения на печати и вида насеки, найдена в современных актах выписка или справка следующего содержания: «Присланным 1704 г. августа 2 из Нарвы в Посольский приказ Государевым указом, за рукою боярина Феодора Алексеевича Головина, предписано сделать печать Донскую серебряную, величиною такову, как при том письме вложен образец и вырезать подпись, как на нем подписано; а в средине вырезать во всем так, как у них водится на печати: мужика, сидящего на бочке, держа в одной руке кальян и в сабле препоясана, только прибавить и вырезать в другой руке фузею; и взять для того из Оружейной Палаты мастера Левкина, который печати резал.»[1])

Этот документ сильно противоречит первому рассказу о происхождении Донского казачьего герба. Следует заметить, что сами описания изображений на печати и гербе, в сути имея общее, в деталях расходятся. Общее: на бочке сидящая человеческая фигура с ружьем. Далее описания расходятся. В печати на бочке сидящая фигура с кальяном и в сабле, в гербе — фигура нага, про кальян и саблю не упомянуто. Фигура в двух текстах различно названа; в первом — мужиком, во втором — казаком, Это, конечно, не является расхождением существенным, ибо само название фигуры мало значит, важны ее отличительные внешние признаки, в особенности одежда. Можно даже, пожалуй, примириться на том, что выражение «мужик в сабле препоясан», равнозначуще обыкновенному выражению «казак», причем не важно уже упоминание о сабле, как о вещи неотменно присущей казаку; наконец, выражение «мужик» употреблено в грамоте русскими людьми, не совсем обязанными к употреблению местной терминологии. Словом, с расхождением в названии легко можно примириться, включая сюда и упоминание или умалчивание о сабле. Важнее расхождение в описании одежды. Едва ли можно допустить, чтобы изображаемая на печати фигура была нага, ибо принимая во внимание подробное описание всех ее особенностей (кальян, сабля), и о наготе было бы упомянуто. Наверное, казак, изображенный на печати, был одетым.

Самое же главное противоречие двух цитированных памятников заключается в следующем. По Броневскому выходит, что герб Донского Казачества возник 1709 г. исключительно в прямой зависимости от случайной встречи царя Петра с пьяным казаком; потому то и фигура казака на бочке в гербе определена была нагой, очевидно, исходя из общего стиля анекдота. В грамоте же Петра по Сухорукову описание печати датировано 1704 г.; к тому же еще отмечено, что печать надо резать так, «как у них водится на печати». Следовательно документ этот фиксирует старый обычай, существовавший ранее, значит изображение казака на бочке допетровского происхождения.

Таким образом, если верить, что герб Войску Донскому дан был Петром 1709 г., то он был простым переводом с древней печати, повторяя ее изображение; и теперь понятно, что вся история с пьяным и нагим казаком — выдумана. Это совершенно меняет оборот дела. В таком случае, герб, опертый на старую традицию, был бы и для настоящего казачества вполне приемлемым. Если даже допустим, что описанный выше герб не был утвержден Петром и весь рассказ об этом, приведенный у Броневского, является плодом позднейшего вымысла, то для современного самостийного казачества утверждение своего герба по образцу старинной печати было бы вполне логичным.

К сожалению, как кажется автору этой статьи, мешало бы этому психическое воздействие слишком популярного вышеописанного анекдота в об-

[1]) Сухоруков. Статистическое описание Земли Донских казаков, 1822—32 г. из грамоты Петра I к Войску Донскому 1704 г., сентября 21 дня.

яснении происхождения герба, тем более, что изображение казака на бочке до сих пор является непонятным и необ'яснимым. Слишком всосалось в сознание, что бочка есть, как будто, эмблемою пьянства; во всяком случае, изображение ее в гербе само собою вызывало бы в сознании подобные ассоциации.

Что собственно символизировала собою бочка в старинной казачьей печати — неизвестно. Невозможно же допустить, чтобы предки донских казаков сериозно величались свою способностью «пить» и чтобы именно эту свою особенность, бывшую к тому же обыкновенным явлением, старались подчеркнуть во всех случаях, употребляя свою печать даже на важных документах и грамотах, даже при сношениях своих с чужестранными народами. Это — невозможно. При попытке же об'яснить в настоящее время изображение на старой донской печати, пришлось бы вращаться лишь в кругу догадок. Содержание бочки, да будет еще раз повторено, — неизвестно; возможно, например, что эта бочка не винная, а пороховая и казак, сидящий на ней, да еще с кальяном, мог как раз знаменовать высшую ступень безбоязненности, удалой беспечности; возможно даже, что в руке он держал фитиль, ошибочно принятый в грамоте Петра за кальян. Возможно еще, что бочка была эмблемой края, богатого рыбой, пусть даже вином; в последнем случае, можно было-б принять бочку без всякой задней мысли и за винную. Бочка и кальян могли быть знаками богатств края, а сидящий при них вооруженный казак означать мог постоянную готовность защищать свое достояние. Еще возможно, что винной бочкой подчеркивалось различие между казачеством и соседними мусульманскими народами-врагами, не употреблявшими вина. Словом, догадок относительно значения бочки в донском гербе может быть много и ни одна пока из них, за отсутствием ясных документальных данных, не в силе вывести нас на действительный путь из их общего заколдованного круга.

И вот, не обладая пока в настоящее время точным об'яснением изображения казака на бочке в гербе и печати, принимая во внимание историческое воздействие этой пресловутой бочки на дурное направление мыслей и подвергаясь, вследствие этого, риску быть оскорбленным, для донского казачества было бы удобнее отклониться от такого изображения в своем гербе.

Так действительно и случилось Уже Донской Большой Войсковой Круг 15 сент. 1918 г. принял для Донского Казачества новый герб с «еленем». В сущности и это было лишь возвращением к своему старому гербу.

Параграф 45 основных законов Всевеликого Войска Донского, принятых и утвержденных на Круге, гласит: «Войсковой герб Войска Донского есть в голубом щите черный стилизованный степной «елень» (олень) пронзен стрелой — старый герб допетровского Донского Казачества. Этот герб изображается на печати войсковой в круге с надписью «Всевеликое Войско Донское».

Относительно этого последнего герба отметим следующее. И этот герб, к сожалению, как и предыдущий, имеет за собой исторические неясности и геральдические ошибки.

Автору сего неизвестно, из каких документальных данных исходили утвердители донского герба с оленем, но позволительно думать, что игнорируя дату возникновения сего герба, приведенную В. Броневским, они, возможно, допустили ошибку, называя герб с оленем «допетровским» гербом. Броневский же приводит дату возникновения этого герба — 1775, время Екатерины II. В истории Донского Войска Броневским отмечено: «уже в 1775 г. дана войску печать с двуглавым орлом, а герб дан с изображением скачущего оленя с вонзенною в спине стрелою». Тоже в рассказе об утверждении Петром герба с казаком на бочке, Броневским же отмечено, что «Войско не имело еще герба». Из этого выходит, что до Петра I у Донского Казачества, вообще, кроме печати, никакого герба еще не было, и что, следовательно, герб с оленем послепетровского происхождения. При этой вот неясности возникают две возможности: 1) Герб с оленем существовал у Донцов действительно еще до Петра и в 1775 г. этот герб был лишь восстановлен; 2) Герб с оленем утвержден лишь в 1775 г., как действительно новый герб. Пока приходится более верить последнему.

Во всяком случае, является понятной необходимость еще раз строго проверить дату возникновения герба с оленем и, в случае надобности, сделать соответствующее исправление ошибки в параграфе закона о гербе.

Герб с изображением оленя, избранный Донским Большим Кругом, несравненно удачнее предыдущего герба с казаком на бочке. Во первых, это тоже старый герб, имеющий за собой более 150 лет, во-вторых, символ, данный им — чистый и гордый. Оффициального толкования герба и его символов, правда, ни в законе, ни, очевидно, в иных литературных памятниках не отмечено. Автору сего приходилось слышать от самих казаков-донцов лишь изустную интерпретацию своего герба. Вот как об'ясняется донцами свой герб: «изображенный в донском гербе олень, поражаемый стрелой, означает, что: как не быстер олень, но от казачьей стрелы не уйдет». Таким образом в донском гербе как будто символизировано графически отвлеченное понятие сравнительных скоростей; действительно — красивый символ быстроты, стремительности, очень удачно отвечающий достоинству военного народа, обладающего к тому великолепной конницей.

Обращаемся к геральдической оценке герба. В описание его, которое отчасти похоже уже на бла-

зонирование, вкралось тоже несколько ошибок. Крупнейшею из них есть совершенно неправильное геральдически распределение цветов щита и фигуры в гербе. В законе сказано, что черный олень

Рис. 3.

помещается в голубом щите (рис. 3). Это ни в коем случае недопустимо, ибо таким расположением цветов нарушается главнейшее правило геральдики, не позволяющее накладывать краски на краску. Щит герба и фигуры на нем обязательно должны комбинироваться из цветов различных материалов — краски и металла. Этому важному правилу геральдики «металл на краску, краска на металл» подчинено построение всех гербов всех народов, и нигде в геральдике нельзя найти случая полного нарушения этого правила, как имеем это в донском гербе. Геральдика, правда, еще мирится иногда с частным, небольшим отклонением от этого общепринятого обычая, но в общем, даже составленный с такими отклонениями герб, считается не совсем правильным, полное же игнорирование этого правила, делает уже герб безграмотным. Как например, первого случая, частного отклонения от правила, можно указать в геральдике на старый герб Галиции и города Галича, где на синем щите вместе с золотыми коронами в нижней части щита, в верхней его половине помещена на красном бревне черная галка; значит в одной половине щита (все же не разделенного) допущено наложение краски на краску; зато другая половина герба построена вполне правильно и в общем даже уравновешивает недостаток верхней половины. Подобные отклонения в геральдике — единственные случаи и возникают историческим путем. Гербов же второго рода, т. е. составленных исключительно из одних красок или металлов, геральдика не знает, за исключением разве иерусалимского герба, в котором сознательно и умышленно с известной целю слиты два металла, золото и серебро (см. калмыц. герб). Таким образом, и в донском гербе совмещение черного оленя с голубым щитом — недопустимо, если в интересе донцов есть построить свой герб геральдически правильно.

Другой ошибкой, скорее даже упущением, является отсутствие указания других побочных цветов в фигуре и щите, как цвета оленьих рогов, глаз, копыт а главное стрелы. Правило геральдики для блазонирования гласит, что если не упомянуты отдельно цвета других предметов в щите, то они понимаются в цвете упомянутой в описании предыдущей фигуры. Выходя из этого, можем считать, что стрела тоже черного цвета, не говоря уже о рогах и копытах оленя, которые тоже или оставались бы черными, или каждый раскрашивал бы их произвольно. Даже такая второстепенная неясность не даст возможности правильно построить герб. Опытный геральдик, правда, легко бы исправил это упущение, окрасив рога, копыта, глаза оленя и стрелу, что чаще всего и встречается в геральдике при черной фигуре, но все же цвет всех этих вещей в описании надо означать.

Труднее справиться с той крупной ошибкой, где допущено наложение краски на краску. Здесь необходимо изменить или цвет щита или цвет оленя. Или изменить надо в один из металических цветов (золото, серебро) поле щита при черном олене или изменить в один из тех же цветов самого оленя, оставив голубым щит. Надо решить, что важнее, что должно быть оставлено неприкосновенным.

К этому решению можно приблизиться путем следующего рассуждения. Определение в законе о донском гербе оленя черным, может быть, с целью охарактеризировать тем и породу оленя (степной), в данном случае не имеет существенного значения; геральдика оперирует всегда стилизованными контурами и цветами фигур; те и другие всегда отмечаются ею условно, а добрый вкус и традиции старой геральдики диктуют даже играть в комбинациях как можно меньшим количеством цветов; поэтому то геральдика и располагает немногими цветами и потому не имеет в своем распоряжении натуральных цветов. Значит, будет ли черным, красным, золотым, синим или еще каким олень, для геральдики — безразлично. Цвет оленя поэтому и легко изменить, ведь он стилизован, о чем и в законе упомянуто. В таких случаях, когда вследствие ошибок или каких либо неясностей возникает сомнение относительно расположения цветов в гербе, удобнее всего переходить из цветов национального знамени или флага, как первобытных определителей гербовых цветов вообще. Обратимся к этому способу.

Донской флаг — трех цветов: синего-красный. Один из цветов — голубой (синий) имеется и в гербе, в поле щита, значит цвет фигуры оленя может быть лишь золотым (желтый), если мы заимствуем уже цвета от флага. При этом, конечно, вполне возможны и иные комбинации, но описанная наименее трудная и наименее сложная. Удобнее всего оставить неизменным щит, а оленя сделать золотым с красными рогами, глазами, копытами и стрелой, что обыкновенно и практикуется при золотой фигуре. К тому же, таким образом, в герб, по счастливому стечению обстоятельств, вмещаются и все цвета национального флага, хотя, правда, и не в таком порядке, который когда то рекомендовала старая геральдика и от которого теперь новая геральдика отступает. Вопрос, таким образом, легко решен, герб упорядочен и построен теперь геральдически верно (рис. 4).

Рис. 4.

Остается лишь и это геральдическое исправление вместе с вышеописанным исправлением исторической ошибки, провести в новом будущем законодательстве. Теперь же, до времени исправления ошибок, все же лучше употреблять в нужных случаях правильный герб, чем с такими крупными ошибками, как показано на рис. 3. Блазонируется этот исправленный герб так:

«В голубом щите золотой скачущий степной «Елень» (олень) с глазами, копытами и рогами червленными, таковою же стрелою в спину пронзен.»

К настоящему блазонированию стоит заметить, что в нем умышленно не упомянуто направление оборота фигуры, ибо этого не принято делать, так как из общего геральдического правила понятно, что направление поворота фигуры всегда определяется положением щита; фигура обращается влево лишь тогда, когда щит почему либо изображается наклоненным влево; при нормальном же положении щита (вертикально) фигуры на нем всегда обращены вправо (если они не симметричны).

Кубанский герб.

Кубанское Казачество в отношении своих гербов обладает таким же достаточным материалом для исследования, как и Казачество Донское. Кубанское Казачье Войско, происходя в большей своей части от Черноморцев, потомков Запорожья, несомненно имеет право и на некоторое культурное достояние этого старейшего из казачества. И при изучении кубанских казачьих гербов, является необходимостью обращаться к старинным запорожским регалиям, послужившим основанием для возникновения новых черноморских регалий, употреблявшихся в значении герба (печати), равно как и при рассмотрении вопроса о проэктируемом новом гербе для самостоятельного Кубанского Казачества. Особенно при решении этого последнего вопроса придется углубляться экскурсиями в историю Запорожья.

Но, обратимся сначала к исходной точке и рассмотрим ближайший к нам по времени, оффициальный герб Кубанского казачества. Таким гербом был утвержденный царским российским правительством в 1874 г. герб, именовавшийся «гербом Кубанской области (рис. 5).

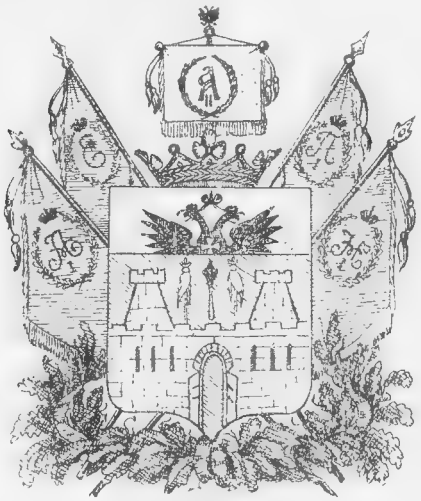


Рис. 5.

Блазонируется этот герб, согласно русской геральдике, так: «В зеленом щите золотая зубчатая стена с двумя таковыми же башнями с открытыми воротами и черными швами. Над башнями золотой перначъ между двух серебряных бунчуков

с золотыми остриями на золотых же древках. В золотой главе щита возникающий императорский орел, имеющий на груди кавказский крест. За щитом накрест положенные четыре лазоревых знамени с золотою бахромою и таковыми же, окруженными дубовыми и лавровыми ветвями, коронованными вензелевыми изображениями имен императрицы Екатерины II, императоров Павла I, Александра I и Николая I, и в середине штандарт с вензелем императора Александра II.»

Герб сочинен для целой Кубанской области, но благодаря обилию в нем казачьих и военных эмблем, смело можно допустить, что при его составлении имелась в виду, главным образом, казачья земля, казачий край, и потому кубанцы всегда имели бы право назвать этот герб своим краевым, земским гербом, если бы имели к тому желание и потребность. Этого не случилось. Кубанцы, как и донцы, после революции, обратились на путь искания для себя иных знаков, которыми можно бы было выразить свои свободолюбные стремления. Российский старый герб был отвергнут.

В целом своем виде, он, конечно, после революции и после свержения императорской власти, ни в коем случае не мог бы быть принят кубанцами, как и донской царский герб — донцами. В этом гербе так же подчеркнута служебная роль казачества во имя интересов России и во славу русских царей. Главнейшие места в кубанском гербе заняты чуждыми по духу казачеству эмблемами, а аттрибуты чисто казачьи, как пернач и бунчуки занимают в нем скромное место. Зато возникающий орел во главе щита, нейтральная, ничего не говорящая сердцу казака, городская стена, обыкновенный знак большинства городов и земель, занимают главнейшие места в поле щита. Свободное Кубанское Казачество едва ли могло бы принять, даже в измененном виде, такой герб для выражения своей государственности, герб, так слабо символизирующий гордые дедовские традиции славной его вековой истории. Если же почему либо пришлось бы изменять царский герб, то прежде всего были бы сняты с него все знаки прекратившей властвование императорской династии: была бы упразднена глава щита с императорским орлом, а из окружения герба исчезли бы все царские вензеля, наверное, вместе и со знаменами, как вообще не особенно важные элементы герба. Осталась бы на щите зеленом золотая стена с бунчуками и перначем. К тому же, может быть, пришлось бы еще и цвета герба изменять. Не лучше ли утвердить иной герб, более выразительный?

Но, к этому последнему окончательному решению задачи Кубанское Казачество все же не дошло, может быть, недооценив или упустив из виду общее значение герба для всех народов, а для молодого государства или освободившейся Земли, в особенности. Возможно, что и бурные политические и военные события не позволили кубанцам остановиться специально на решении этого вопроса. Итак, оффициально утвержденного герба своими собственными послереволюционными законами Кубань и до сего времени не имеет. В законодательном порядке здесь, в эмиграции, этого, конечно, нельзя сделать, даже, если бы кубанцами и был теперь избран какой-либо герб. Об утверждении своего соответственного краевого герба на самой Кубани под советской властью — нечего и думать. Остается в силу необходимости ограничиться пока 1) составлением проэкта герба для будущей свободной Кубани, 2) утверждением привычки употребления этого герба.

Таким образом, мы приблизились вплотную к решению вопроса о гербе Земли современного Кубанского Казачества . Хотя кубанцы после революции и не успели еще утвердить у себя оффициально государственного или даже земского, краевого герба, однако, в период самоуправления все же создали у себе некоторые знаки, которые в некоторых случаях употреблялись в значении герба и которые можно уже отнести к категории государственных регалий. Это — флаг и печать.

Вот эти кубанские флаг и печать и должны быть теперь главными исходными точками в выборе проэкта будущего кубанского государственного герба.

При этом стоит немного отклониться в сторону и отметить интересную пробу изменения кубанского царского герба и приспособления его к новым послереволюционным требованиям.

На одном из дипломатических бланков послереволюционной Кубани находится такой измененный кубанский царский герб (рис. 6).

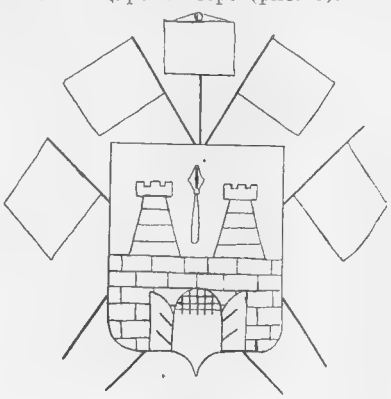


Рис. 6.

Со щита снята глава с орлом; со знамен и штандартов сняты императорские вензеля, как и должно бы быть. Оставлена в щите одна стена и над ней пернач; бунчуки, к сожалению, почему то тоже сняты. Ясно, что этот новый герб составлен наскоро, очевидно, согласно требованиям времени и случая; является он временной переделкой старо-

го герба и потому не упорядочен геральдически: выброшены из него бунчуки — важные эмблемы казачества — и оставлены знамена в окружении щита — вещь в гербе второстепенная.

Но все же этот случай дает интересное свидетельство о сознании необходимости создания известных регалий для самоуправляющейся Земли и с довольно верной интуиции при переделке старого отжившего герба в новый, соответственный времени.

Другим знаком, хотя и полуофициальным, но употреблявшимся фактически кубанским правительством, есть кубанская краевая печать с вышкой (рис. 7).

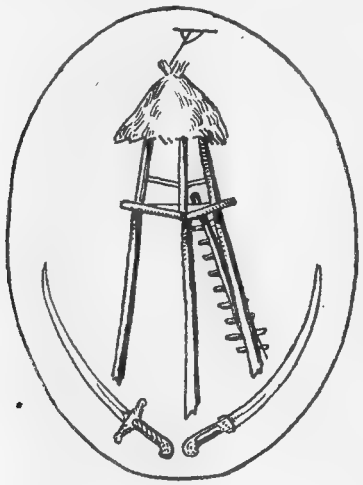


Рис. 7.

Печать эта, насколько известно автору сего, была принята Кубанской Законодательной Радой в начале 1919 года в Екатеринодаре, но Краевая Рада, вследствие бурных событий на Кубани, не успела утвердить ее законом. Таким образом, печать эта и до сего времени имеет как бы неофициальный или полуофициальный характер. Тем не менее, благодаря тому, что в свое время была она употребляема фактически в государственном значении, — заслуживает и теперь особенного к себе внимания.

Новая кубанская печать, помимо очень удачного, обоснованного исторически, изображения вышки на ней, в глазах современных кубанцев, борцов за свободу, должна бы иметь еще и то ценное достоинство, что была она спутницей освободительной борьбы и свидетельницей пролитой за волю казачьей крови. Она как бы освящена уже кубанской кровью и ее символом, как бы устанавливается новая могучая традиция борьбы. Потому то при обсуждении вопроса о новом кубанском гербе названную печать в настоящее время нельзя уже никоим образом упускать из внимания.

Совершенно правильным был бы простой перевод изображения печати в герб. Возможно, что Кубанское правительство при установлении краевого герба, так бы и разрешило задачу. Путь к этому ведет через представление о том, что изображения на печати и гербе в большинстве случаев — суть тождественны. Сфрагистика и геральдика, как было уже отмечено, помогают всегда друг другу, и в той и другой области всегда можно найти много исторических примеров. Вспомнить хотя бы, что многие городские гербы особенно со времени распространения магдебургского права, создались по образцу городских печатей.

Ранее этого шляхетские роды и владетельные княжеские фамилии почти всех народов, совершенно понятно, употребляли свои гербы на печатях и потому утвердилось исторически такое соответствие изображений герба и печати. В настоящее время геральдика даже очень часто прибегает к сфрагистике за помощью в случае какого либо сомнения при исследовании того или иного герба; герб тогда изучается по печати. Конечно, в подобных случаях вопрос может решаться лишь в отношении контуров изображений, ибо на печати цвета обыкновенно не отмечаются; за дополнительной помощью обращаются тогда к цветам государственных или родовых знамен и флагов; таким образом восстанавливается полный рисунок герба. Из этого ясно, что гербы, печати, знамена и флаги всегда имеют у себя много общего и что перевод разных элементов с одних из них на другие всегда возможен и логичен.

Так должно бы быть и с кубанским гербом. Вышка кубанской печати должна бы была уместиться и в современном ее гербе. Это — так сказать, со стороны формальной.

Что же касается стороны внутренней, идейной, то было уже вскользь отмечено, что выбор в изображении печати, а через нее же и в гербе традиционной казачьей вышки, сделан очень удачно. Исторически кубанская вышка происходит от «кебетов» или «фигур» славного Войска Запорожского. Эти кебеты и фигуры, искусственно устроенные специальные наблюдательные сооружения, были широко разбросаны по запорожским степям и служили сторожевыми пунктами в линии охраны страны от татар. Возле такой фигуры обыкновенно располагался конный сторожевой пост, а на самой фигуре пребывал наблюдатель. При обнаружении врага немедленно принимались меры к обороне. Если неприятельский отряд был малочислен, старались ликвидировать его тихо, силами самих постов; если же обнаруживался крупный неприятельский поход, тогда со сторожевых кебет или фигур извещали весь край об опасности. Зажигались немедленно сама фигура или приготовленный заранее возле нее горючий материал (солома, деготь); пламя и дым от горящей фигуры виден был другими постами; там тоже зажигался

огонь. Целый ряд таких постов передавал тревогу и в глубь страны. Очень быстро разносилась весть об опасности и край мог заблаговременно принять меры к защите. Вот эти то запорожские «фигуры» и были прообразом кубанской вышки, изображенной на печати.

Черноморские казаки, потомки Запорожцев, поселившись на Кубани, перенесли с собой в новые места и свой традиционный дедовский обычай в употреблении таких кебет для охранения своей новой родины. Независимо от запорожцев употребление искусственных возвышенных пунктов известно было издавна и другим казачествам, как напр. Терскому и Линейному на самой Кубани. Запорожская фигура от сооружения линейцев разнилась только несколько своим типом. Приспособив свою старинную традиционную фигуру к новым условиям и требованиям местности, черноморцы создали вышку, образец которой еще и до недавнего времени сохранялся в Екатеринодаре.

Итак, вышка идейно сочетает и отражает в себе и отзвуки старых казачьих традиций и способы применения кубанцев к требованиям военных условий в борьбе за родину. Одновременно вышка указывает и на объединение двух Войск, Черноморского и Линейного в Кубанское, ибо она была достоянием и того и другого казачества. Вместе с тем, вышка может еще служить и знаком отвлеченных понятий свойств, присущих Казачеству, как военному наряду — символизировать постоянную готовность к защите и борьбе, неуступность, бдительность.

На печати вышка изображена стоящею между двух сабель, наклоненных, эфесами внутрь, из коих одна старинного запорожского типа, а другая — современного, кавказского. Оружие это еще в большей степени усиливает впечатление от вышки в описанном выше смысле.

На основании всего вышесказанного вышка могла бы вполне и единственно красоваться и на кубанском гербе, еслибы кубанцы желали создать для себя совершенно новый герб, если бы они были бедны на другие такие же выразительные эмблемы и если бы у них нечего было выбирать из своего исторического прошлого.

Было уже отмечено, что чаще всего при утверждении герба обращаются к своим старым регалиям, имеющим за собой юридическую или традиционную силу; в оживлении тех регалий, в применении их к новым условиям и создается нечто новое, твердо основанное на старом. Это — традиция непрерывности исторического процесса. Так поступали и поступают и иные народы, в случае упразднения ими по какой либо причине неподходящего для них знака или герба. Возвращаются к старым символам и вводят их в создаваемый знак. Совершенно новый знак творится, «сочиняется» лишь тогда, когда в прошлом не на что опереться.

В наше время имеются примеры возвращения к своим старым регалиям и священным знакам среди народов, достигших после русской революции своей государственной самостоятельности. Так поступила Украина, избрав своим государственным гербом, после упразднения герба царского, знак киевского князя Владимира Святого — трезуб, возвратились к своим старым государственным гербам и знакам и иные, освободившиеся от русской власти государства, возвратилось, наконец, к старинному гербу своему и Донское Казачество. Обо всем этом было уже на своем месте сказано, здесь еще раз повторяется для того, чтобы подчеркнуть, что такой прием — наиболее общий и наиболее практический. То же должно бы сделать и Казачество Кубанское в отношении своего герба, тем более, что у него в большей степени, чем у какого иного Казачества или народа, есть возможность вернуться к своему прошлому.

Кубанский герб с вышкой — несомненно очень хорошая и удачная идея, но все же такой герб есть создание совершенно новое; стоило бы поэтому кубанцам поискать в своем прошлом старых гербов казачьих или иных знаков, употреблявшихся в значении герба и постараться возобновить эти старинные символы. Одним из таких знаков или регалий есть у кубанцев как раз печать Черноморского Войска с 1792 года (рис. 8).

Рис. 8.

Печать эта очень характерна и употреблялась черноморцами несомненно в значении герба по старому еще запорожскому обычаю. Вместе с тем черноморская печать свидетельствует открыто, что изображение на ней заимствовано от печати и герба самих запорожцев. Какая богатая и звучная традиция! И вместе с тем, какой большой правовой силой облечено это изображение на печати.

Ведь печать черноморского Войска, равно, как печать и герб запорожцев употреблялись все время оффициально, были признаны de jure, значит, изображение тех же знаков и на гербе Кубанского Казачества, наследников запорожцев и черноморцев, было бы вполне оправдано.

Печать черноморского Войска или вернее «печать Коша Войска верных казаков Черноморских», как она оффициально называлась, происходит в сути, безусловно, от печати войсковой запорожской.

Запорожцы издавна имели у себя войсковую печать (рис. 9), и ранее остальных Казачеств обла-

Рис. 9.

дали собственным гербом. Уже в 1576 году получили запорожцы от польского короля Стефана Батория на имя гетмана Якова Богданка и кошевого Павлюка войсковые клейноды вместе с грамотой на запорожские земли. В числе этих клейнодов была, надо полагать, и печать запорожского Войска, ибо употреблялась она и казаками городовыми и запорожцами очень давно. На печати изображен был рыцарь-казак при сабле и с мушкетом на плече. То же самое изображение казака было и в запорожском гербе. В какое, собственно, время возник этот герб, трудно с уверенностью сказать; возможно, что герб запорожцам дан был тоже Баторием в числе клейнодов, но вероятнее всего, что герб запорожский возник позже и изображение его было обыкновенным переводом с войсковой печати. Тоже возможно, что собственно герба, как строго геральдического знака запорожцы и не имели (за отсутствием точных указаний все можно предполагать) и что лишь их печать употреблялась в значении герба, т. е. одно и тоже изображение звалось то «печатью», то «гербом», в зависимости от случая и места его использования.

Во всяком случае с запорожским гербом, как таковым, встречаемся впервые под датою 1622 года, когда при похоронах гетмана Сагайдачного, на этот герб были составлены специальные вирши и выбито его изображение. В этом гербе, как и на печати, изображен тот же казак в шапке, в жупане при сабле и с мушкетом на плече. Изображение помещено, правда, в круг; но круг на месте подписи на печати окружен уже венком и ограничен извне квадратом с узорными украшениями по углам (рис. 10).

Рис. 10.

Как можно сразу заметить, герб значительно отличается уже от печати, особенно своей рамкой; круг печати еще сохраняется и в гербе, но специфическая отделка его сознательно подчеркивает разницу и приближает его скорее к примитивному щиту бароккового типа, что было тогда как раз в моде.

Вирши в честь запорожского герба являются ценным литературным памятником, ибо об'ясняют изображение на гербе и причину его возникновения. Составлены вирши ректором братской киевской школы Касияном Саковичем и называются «на герб сильного войска Е. К. М. Запорожского». Содержание виршев гласит, что польские короли, оценив доблести запорожцев, дали им за герб рыцаря, который готов служить отчизне.

Это указание важно, как ясное свидетельство того, что запорожцы уже в начале XVII ст. имели свой войсковой герб и гордились им, как выразителем своих казачьих рыцарских доблестей.

С переходом запорожцев, после упразднения Сичи в 1775 г., на Кубань и с утверждением их на новых землях как Черноморских казаков, возникает у этого казачества печать, изображение которой, правда, в измененном несколько виде, повторяет традиционное изображение печати и герба бывших запорожцев. На печати 1792 г. вырезан тот же казак-рыцарь, стоящий на острове при сабле, с мушкетом в одной руке и с хоругвью, отмеченною крестом, в другой. Что, собственно зна-

менало это изображение, сказать с уверенностью трудно, можно лишь догадываться. Возможно, что казак с хоругвью на острове символизировал владение казачеством новыми землями, или, что, как будто даже вернее, символизировал Черноморское Войско, являющееся христианским островком среди чужих иноверческих народов. Но в данном случае важна не узкая интерпретация названного изображения на печати, а отмеченная в нем непрерывность традиции в помещении на печати старинного рыцаря-казака, как выразителя важнейших свойств народа; не менее важен и сам факт существования такого старинного знака-регалии у предков кубанцев. К этой то печати и должно (по мысли И. А. Билого) возвратиться при утверждении проектируемого кубанского краевого герба; это изображение печати надо и перевести в новый герб.

Тогда выходило бы, что на эмблемы кубанского герба претендуют два знака: вышка и казак-рыцарь, запорожец, как он изображен на печати 1792 г. Аргументы за обоими знаками одинаково сильные, и решить задачу можно лишь одновременным помещением двух этих эмблем в гербе. Провести это практически, остается уже задачею исключительно геральдики.

Новый кубанский герб в проекте, обработанном в данном случае геральдикой, представлялся бы так: щит рассечен на два поля; в правом помещен старый герб Черноморских казаков (переведенный с печати) — рыцарь-запорожец; в левом поле красуется вышка, переведенная в герб с новой кубанской печати. Таким образом, в одном гербовом щите представлены были бы две эмблемы: старая и новая; гербы старый и новый были бы соединены(рис. 11).

Рис. 11.

Примером геральдической практики такого рода может служить герб Венгрии, где таким же точно образом соединены в одном щите два герба — старый и новый. Цвета для кубанского герба были бы избраны также из старого и нового времени. Правая часть герба наследовала бы в общем цвета запорожцев — белый и малиновый, а левая — цвета современного кубанского национального флага, т. е. поле левой части герба было бы трех цветов — сине-малиново-зеленое; на нем поднималась бы золотая вышка над двумя серебряными саблями. (Цвет вышки и сабель уже не важен, но должен быть обязательно металическим.) Далее. Чтобы новый кубанский герб был вместе и государственным символом мусульманских народов, обитающих среди казачества на Кубани, должно было бы по удачной мысли г. Билого вместить в герб еще полумесяц; полумесяц был бы тогда золотым и занимал бы оконечность щита среди зеленных цветов. Вот на каких основаниях исторических и геральдических создается настоящий проект государственного герба для Кубани.

Блазонировался бы герб так: «Щит — рассечен; в правой его части на серебряном поле запорожский казак, держащий малиновую хоругвь с серебряным крестом на черном древке в левой руке и с синим мушкетом в правой руке на зеленом острове стоит; одет в малиновую одежду, черную шапку с малиновым шлыком и черные же сапоги; в черной на синем поясе сабле препоясан. В левой части щита на синем, дважды скошенном малиновым и зеленым поле, золотая вышка над двумя серебряными — запорожской и кавказской — саблями наклоненными золотыми эфесами внутрь. В оконечности щита золотой полумесяц концами вверх.»

Как дополнение к блазонированию для не специалистов можно отметить, что окраска лица и рук фигур допускается новейшей геральдикой в природных цветах (в старину красный — серебряный); мелкая отделка одежды и оружия — произвольна, как произвольны и самый тип казака, да и самый тип вышки. Все эти вещи для каждого геральдика совершенно понтны и о них потому в блазонировании не упоминается.

Таким образом, видно из всего вышеизложенного, что донцы и кубанцы представляют ту группу в казачестве, для которой возможно вполне или отчасти возвращение ко своим старым гербам.

Терский герб.

Многие из рассуждений и геральдических замечаний, высказанных в описании гербов двух предыдущих Казачеств, надо хорошо помнить и при рассмотрении последующих казачьих краевых гербов. Регалии остальных казачеств не представляют пока такого богатого материала для последования как Казачества Донское и Кубанское. Старинных гербов или особенно выдающихся, употребляв-

шихся в значении герба печатей, к которым возможен был бы возврат при настоящем решении вопроса о гербе, остальные казачества, и европейские и азиатские, насколько сейчас известно автору сего, не имеют. Последние же дореволюционные их краевые гербы тоже недавнего происхождения, поэтому на исторических изысканиях как и на анализе этих гербов надолго останавливаться не придется. Главное внимание будет обращено в дальнейшем изложении на геральдический разбор и оценку нижеследующих гербов. Посколько же важнейшие геральдические приемы и об'яснения неоднократно были отмечены уже ранее, в дальнейшем изучении гербов, чтобы избежать слишком частых повторений, придется лишь ссылаться на вышеуказанные замечания, иллюстрируя соответствующими примерами лишь какой либо особенно выдающийся или в первый раз встречающийся случай.

Терское Казачество хотя и принадлежит к старым европейским казачествам, но из-за своей сравнительной малочисленности и замкнутости в горах, не успело выработать у себя особенно ярких выдающихся исторических традиций, отмеченных какими либо высшими знаками, которые могли бы лечь в основу новоутверждаемого герба. Автор сего не берет на себя смелость утверждать, что у терцев действительно нечего искать в своем прошлом. Возможно, что и у них лежит еще где-нибудь под спудом историческое богатство, заключающееся в старинных печатях, изображениях, может быть, даже гербах, но пока из-за скудости подробных исторических сведений о Терском Войске, к этим богатствам нет доступа и приходится ограничиваться одним известным небольшим, даже бедным материалом. Самим терцам должно быть более известно содержание их родной истории, и если они в решении вопроса о своем государственном или краевом гербе смогут извлечь соответствующий материал, то это — тем лучше. Общее направление решения вопроса о гербе уже известно: возвращение к своим старым историческим гербам или иным геральдическим знакам, переводимым в герб. Теперь же имеется возможность исходить лишь от известного дореволюционного герба.

Дореволюционный терский герб утвержден 1873 года и назывался «гербом Терской области». Блазонируется так: «В черном щите волнистая серебряная перевязь влево, за которой вправо штандарт на золотом древке(рис. 12).

С геральдической точки зрения герб — несложный, но интересный своей простотой и лаконичностью.

Составлен герб из двух фигур, — чисто геральдической перевязи и так называемой общей фигуры — штандарта. Геральдическая перевязь щита, если она волниста, знаменует в переносном значении реку; таким образом, эта серебряная волнистая полоса на черном поле в терском гербе служит, очевидно, символом реки Терека, а штандарт можно считать за знак власти под рекой (скорее даже «за рекой»). Это, конечно, не есть точная и

Рис. 12.

обязательная интерпретация данного герба. Геральдика мало считается с точным дословным об'яснением внутреннего идейного содержания знака; для нее важнее всего внешнее техническое выражение символа, но в данном случае все же такое, пусть даже, натянутое об'яснение внутреннего содержания терского герба допустимо. Такой герб вполне может отвечать достоинству терского Казачества и служить символическим выражением свойств края и народа. Не будь в гербе штандарта с двуглавым орлом, указывающим на русско-императорскую власть, герб мог бы быть принят терцами за свой, целиком, без всяких изменений. Для свободного же Терека названный герб неприемлем и требует соответствующих изменений.

Прежде всего должен быть снят императорский двуглавый орел со штандарта. Уже отмечалось выше, что с прекращением власти какой либо династии или правительства, если к тому же они прекратили властвование вследствие революций — все династические или присущие той власти знаки на гербах и прочих подобных предметах тоже упраздняются. Геральдика в таком случае могла бы при нужде извлечь из истории достаточно примеров, здесь же довольно будет остановиться на одном их них, наиболее выразительном.

С упадком старой королевской власти во Франции и с возвышением Наполеона I, государственные королевские линии были упразднены на всех

общественных гербах и заменены золотыми наполеоновскими пчелами. Или, другой случай — упразднение всех австрийских монархических знаков на чешских гербах уже в наше время. В общем такое явление обычно и вполне понятно. Прекратилась ли чья-либо правительственная власть, сброшенная силой, не должно существовать и знака властвования, присущего бывшему правительству. Особенное внимание при подобном «очищении» обращается в отношении гербов, печатей, флагов и иных государственных регалий.

Таким точно образом должен быть упразднен императорский орел и в терском гербе. И тогда останется в щите за перевязью чистый штандарт (рис. 13). Но, такой штандарт сам по себе тоже не

Рис. 13.

будет к месту в терском гербе. Что значит неопределенный штандарт без знака, и к чему тогда он? Удобнее потому и штандарт заменить обыкновенным флагом или знаменем. Для того же, чтобы еще более подчеркнуть изменения в бывшем гербе, рекомендовалось бы даже переменить порядок расположения главных фигур в гербе: перевязь — вправо, флаг или знамя — влево. Чтобы придать терскому гербу более выразительности, как именно казачьему символу, стоило бы еще украсить перевязь булавой. Получился бы тогда красивый геральдический знак, ярко отражающий особенности Терской Земли, как владений свободного казачества (рис. 14).

Блазонировался бы такой новый герб так: «В черном щите серебряная волнистая перевязь вправо, обремененная червленной казачьей булавой в том же направлении; за перевязью влево серебряное знамя на золотом древке.

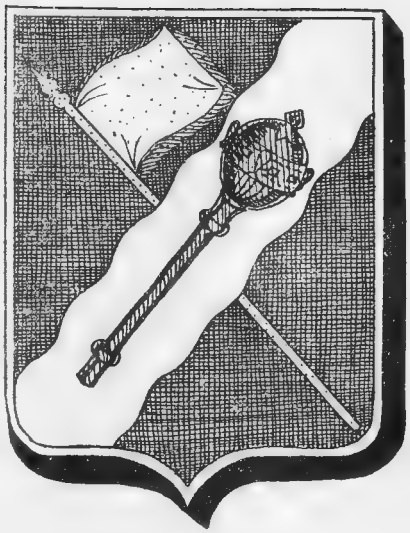


Рис. 14.

Калмыцкий герб.

Калмыцкое Казачество и до сего времени не имеет ни своего собственного национального, ни земского герба. В своем историческом прошлом калмыки, как народ азиатский, несомненно, не имели знаков, построенных по правилам европейской геральдики; в период же царской власти над калмыками, народ этот же обладал собственной, выделенной в особую административную единицу территорией, а вследствие сего не имел даже царского герба. Поэтому калмыцкому народу придется при достижении самостоятельности утверждать совершенно новый краевой или государственный герб.

До революции калмыцкий народ пользовался (если можно так выразиться: «пользовался») царскими гербами тех земель, где он был расселен: гербом Астраханской губернии и гербом Области Войска Донского. Но, конечно, гербы этих земель абсолютно не могут дать Калмыцкому Казачеству, даже в наименьшей степени, какого либо материала, могущего послужить ему основанием для новоутверждаемого герба. Гербы вышеименованных Земель юридически, по праву, принадлежат Казачествам, тоже заселяющим части тех же земель и носящим свои названия по тем же землям — Астраханскому и Донскому. Даже в том случае, если бы какое нибудь казачество и отказалось от своего бывшего царского герба, это не значит, что калмыки могли бы признать отвергнутый герб своим. Во-первых, каждый краевой, земский герб тесно связан с землей, является ее именем, и, как имя, не переносимо на другого, даже тогда, когда от этого имени отказываются; во-вторых, если от тех

или иных царских гербов отказывались бы иные казачества по известным соображениям, то должно бы от него отказаться и Казачество Калмыцкое из тех же соображений.

И так, остается одно: создать свой собственный герб для своего края, своей Земли, будущей своей независимой государственности. Эмблемы, символы и прочий исторический соответствующий материал придется калмыкам искать, конечно, в прошлом своего народа; извлеченный и выбранный наиболее ценный материал этот обработать согласно современных условий и геральдических требований и построить из этого материала правильный геральдический знак, именуемый гербом.

Насколько известно сейчас, важнейшим из такого исторического материала есть калмыцкое священное знамя. Древняя эта хоругвь называется белокошным бунчужным знаменем Духа-хранителя Чингисхана. Согласно описанию этого знамени у Котвича, оно очень оригинально по своей необыкновенной, отличительной от европейского типа знамен форме и по своей богатой выразумительной символике. Древко знамени — бунчужное, т. е. увенчано бунчуком о четырех белых конских хвостах или гривах. Четыре хвоста знаменают стороны мира; конские же хвосты или гривы означают, что мир был завоеван на коне. Полотнище знамени имеет девять вырезов по краю, украшенных девятью же хвостами якка в качестве кистей. Хвосты якка знаменают девять главных монгольских племен, составлявших ядро Чингисхановой мировой державы. К одному из этих племен причисляют себя и современные калмыки. Девять вождей этих монгольских племен находились постоянно почетными представителями при главной ставке Хана. Само знамя белого цвета с золотой (желтой) каймой; на знамени изображен белый же летящий кречет — Дух-хранитель самого Чингисхана (рис. 15).

Рис. 15.

Как видно, знамя калмыцкое действительно очень интересно и своею оригинальностью формы и богатыми звучными символами из исторического могущества монголов, прямыми потомками которых считают себя калмыки. Такой богатый традициями и историческими воспоминаниями знак, безусловно, стоит того, чтобы его символы переведены были в современный герб. История, следовательно, диктует в этом смысле свое решительное слово.

Остается слово за геральдикой. Вот здесь то, в практическом решении данной задачи, в техническом проведении ее встречаются для геральдики очень серьезные затруднения. Геральдика в главнейшем имеет целью оперировать при построении герба расположением цветов и фигур; обилие же символов и, главное, чисто восточное смешение цветов в калмыцком знамени представляли бы для геральдики европейской серьезные неудобства, при попытках ее перевести элементы калмыцкого знамени в герб.

Вскользь можно заметить при этом, что уже при составлении герба казанского царства российская геральдика сама даже не чисто европейского типа, испытывала затруднения в расположении специальных по восточному цветов. Далеко тяжелее решить задачу с переводом цветов калмыцкого знамени в герб.

Калмыцкое знамя, изображение кречета на нем, хвоста якка кайма, конские хвосты и бунчук — все это вещи, окрашенные лишь в два цвета, серебряный и золотой (белый, желтый), несовместимые ни в коем случае на гербовом щите. Если главным правилом геральдики есть запрещение совмещать в щите герба краски щита и фигур на нем, и если геральдика в исключительных, редких случаях мирится еще с некоторым частным отклонением от этого правила, примером чего приведен был старый галицкий герб (см. Донск. герб), то против смешения в гербе цветов щита и фигур из цветов металлов, она восстает со всей решительностью и прямо протестует. Европейская геральдика (азиатской и иных геральдик нет; все страны переняли способы и приемы геральдики европейской при построении гербов) знает лишь единственный случай умышленного помещения в гербе двух металлов и потому этот случай демонстрирует нарочно, как исключение, подтверждающее общее правило. Таким странным гербом есть герб иерусалимский; на серебряном поле золотой крест. Этот герб дан был рыцарю Готфриду Булонскому за освобождение Святой Земли от власти мусульман и построен был нарочно с уклонением от главнейшего правила геральдики с той целью, чтобы такой знак, данный за наибольшие рыцарские заслуги, отличался от всех прочих знаков в мире как раз своей неправильностью и чтобы именно этим самым обращал на себя всеобщее внимание. Каждый, как повествуется, кто видел этот иерусалимский крест, сейчас же спрашивал, почему знатный рыцарь употребляет такой неправильный

герб; при этом случае вопрошающему об'яснялись великие заслуги освободителя Гроба Господня и неведущий был таким образом поучаем. (Иерусалимский герб в последнее время входил в состав большого государственного герба б. австрийской империи.) И так, геральдика для герба иерусалимского имеет всегда оправдание; всеми признан этот герб, как исключительный случай умышленного нарушения главного геральдического правила.

При построении же калмыцкого герба, никто не мог бы применить того же приема, не рискуя составить герб безграмотный. Поэтому, в данном случае, необходимо обратиться к дополнительному, произвольно избираемому, цвету и его применить в комбинации с металлическими цветами. Введение в герб такого дополнительного цвета ни к чему собственно не обязывает, не может, например, влиять на какое либо существенное изменение национальных цветов (во флаге, знамени) и т. п.; употребляется такой цвет в гербе просто из-за технического удобства. Дополнительным цветом к калмыцкому гербу можно избрать голубой, все же более других цветов почитаемый калмыками.

Теперь есть возможность комбинировать в гербе три цвета — голубой, золотой и серебряный (хотя геральдика рекомендует перевес красок над металлами, но это не есть правило.

Остается решить еще более тяжелый вопрос о расположении фигур в гербе. Попробовать решить этот вопрос можно двумя способами. Первый — согласно желания, высказанного некоторыми самими же калмыками, просто перенести в гербовый щит все священное знамя целиком в качестве самостоятельной геральдической фигуры. Другой — произвести геральдический анализ знамени, скомбинировать его элементы на щите, и таким образом построить новый знак. Первый способ с точки зрения строгой геральдики не есть правильный. Европейская геральдика отрицает вообще помещение знамени на щите, как поля на поле. Само знамя, как и щит, является полем для фигуры (смотри происхождение герба), так что было бы не логично помещать фигуру на двух полях. Это неудобно (рис. 16).

Правда, русская геральдика позволяет себе уклонение от этого правила и часто употребляет в гербах своих знамена, штандарты, флаги, но и здесь все эти предметы помещаются не в качестве поля, а признаются самостоятельными общими фигурами. Этого нельзя сделать, с калмыцким знаменем, ибо оно не может служить общей фигурой в щите, неся на себе главнейшую по значению эмблему всего герба — белого кречета. Калмыцкое знамя, вместившись на щите, тем самым сделается или главной фигурой и заменит важнейшую эмблему кречета, или, будучи для кречета лишь полем, ляжет на поле. Значит, накладываются одно на другое два поля: поле знамени на поле щита, что совершенно невозможно. Не может быть в калмыцком гербе знамя и главной фигурой. Главнейшим знаком в гербе безусловно должен быть белый кречет, определяемый за Духа-хранителя Чингисхана,

Рис. 16.

и этот знак должен доминировать в щите герба. Знамя, вообще, — второстепенная вещь и, будучи носителем того же кречета, равняется по значению щиту. Знамя, как таковое, есть знамя; герб есть герб; эти две вещи, конечно, различаются и их нельзя смешивать в одно. Что было бы, если бы и другие народы вмещали в гербы свои национальные знамена или флаги? Для чего тогда существует герб, как самостоятельный знак? Ведь герб же и есть особенный специальный знак, составленный по известным правилам и повторяющий содержание знамени в иной форме. Даже, все равно никоим образом не удалось бы разрешить противоречия цветов фигур, если бы даже и признать знамя на щите за отдельную фигуру. И знамя и кречет — белого цвета; каким же образом можно изменить присущие этим фигурам цвета, чтобы одновременно не нарушить их характерных свойств? Сделать этого невозможно. Пришлось бы или знамени или кречету дать какой либо цвет краски, но тогда бы или знамя или кречет не были бы б е л ы м и, что требуется оригиналом. Задача эта неразрешима при вышеописанном способе построения герба.

Автор сих строк, лишь уступая желанию некоторых самих калмыков, очевидно боящихся смелого новшества, согласился поместить в щите знамя, будто признаваемое за главную фигуру герба, погрешив при том явно против правил геральдики. В самостоятельном же решении вопроса о калмыцком гербе автор стоит за применение второго спо-

соба построения герба. Для этого надо обязательно сделать расчленение знамени; из него взять лишь главные цвета для герба; главной же эмблемой взять белого кречета — символ мощи Чингисхана, второю эмблемою взять девять якковых хвостов, знаменующих число монгольских племен, окружавших великого хана. Расположение цветов и фигур произвести по строго геральдическим правилам, не заботясь о том, что внешний вид некоторых эмблем на щите немного изменится против их оригиналов на знамени. Лишь в таком случае был бы калмыцкий герб действительно самостоятельным геральдическим знаком.

Герб калмыцкий получил бы такой вид: голубой щит из дополнительного цвета; на щите золотая кайма из цвета каймы на знамени; на голубом поле белый «возносящийся», как требует правило, кречет с золотыми лапами, зобом и языком; вокруг кречета девять белых хвостов якка(рис. 17).

Рис. 17.

Правда, в гербе не было бы бунчука, но он есть принадлежность древка знамени и помещение его в герб излишне; в щит герба перенеслись бы лишь фигуры и предметы, бывшие на самом знамени. Во всяком случае, этот кажущийся, быть может, недостаток легко исправить помещением бунчука в герб, например, в лапе кречета. Герб блазонируется так: «В голубом с золотой каймой щите белый кречет, символ Духа-хранителя Чингисхана, девятью белыми же хвостами якка — по числу главных монгольских племен — окружен.«

Лишь такое изображение может считаться, собственно, гербом.

Астраханский герб.

То, что в описании исторических изысканий гербов было выше сказано о терцах, в еще большей степени касается Астраханского и последующих Казачьих Войск.

В решении вопроса о своем гербе астраханцы, до того времени, пока исследовано и пересмотрено будет все историческое богатство Войска, остается, как и терцам, исходить из общей точки, из оценки оффициального царского герба их Земли дореволюционного периода. Оценка герба приведет к определенному вопросу: принять или не принять названный герб за свой казачий краевой. Герб, подлежащий в данном случае исторической и геральдической оценке, есть герб бывшей «Астраханской. губернии», утвержденный в 1856 году. Блазонируется так: «В голубом щите, подобны королевской, золотая корона с пятью дугами и зеленой подшивкой; под нею серебряный восточный меч с золотой рукояткой, острым концом вправо« (рис. 18).

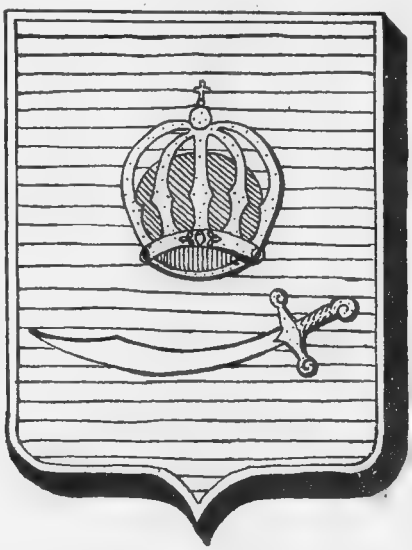


Рис. 18.

Итак, видно, что астраханский герб вполне отвечает историческому прошлому Земли, как бывшего царства астраханского. Герб несет в себе восточные элементы и символизирует богатое прошлое бывшей некогда татарской мощи.

На первый взгляд астраханский герб является для казаков несколько чужим. Но стоит углубиться в его идейную оценку и тогда яснее станет возможность принятия такого герба Астраханским Казачеством за свой. Во-первых, герб связан тесно с названием «астраханский», принадлежит Земле, бывшей некогда самостоятельным ханством и ярко характеризирует именно эту Землю. Даже русская геральдика при составлении герба этой Земли не сочла возможным изменить герб в противном, хотя

бы, отчасти, духе Земли, искалечив хотя бы один из ее символических элементов; наоборот, подделываясь под чистый восточный стиль, русская геральдика даже несколько уклоняется от общепринятого обычая, изображая в короне зеленую подшивку вместо красной, подчеркивая, таким образом, даже в подробностях ценности исторических воспоминаний для астраханской Земли. Во-вторых, Астраханское Казачество и до сего времени носит название, присущее тоже некогда чужому ханству и являющееся историческим воспоминанием. Следовательно, нет основания отказываться от герба, символизирующего историческое прошлое Земли, как нет основания отказываться от своего настоящего имени «астраханский». Это имя, как было сказано, связано с гербом теснейшим образом. И не пришлось бы особенно углубляться в историю, чтобы доказать, что многие Земли, населенные современными народами нового уже этнического типа, сохраняют старинные исторические названия. Это явление очень частое. Опереться можно хотя бы на такие примеры: Италия и до сего времени носит название по имени древнейших италиков, в этническом отношении имеющих мало общего с современными итальянцами: еще лучше — болгарская Македония сохраняет имя древней греческой провинции или сама даже славянская Болгария удержала за собой чужое название владевших некогда этими землями тюркских народов. То же, что с именем, случалось и с гербами: южные провинции Испании имеют своим земским гербом знак Гренады, бывшего мавританского калифата или Мекленбургский герб в девятом своем поле имеет гербом руку с кольцом, бывший некогда ритуальный знак славянских балтийских племен, населяющих провинции Мекленбурга. Словом, случай удержания народами исторических имен и знаков суть частые и обыкновенные явления. А потому и для астраханского казачества нет особенных оснований отказываться, как от исторического имени, так и знака земли, ставших в настоящее время его владением, наоборот, исторические указания в звучном имени и знаке на славное прошлое края лишь подчеркивают гордость его новых владельцев. Имя «астраханский» заменяло в титуле быв. российского императора одно из первых мест, как и герб астраханский в государственном русском гербе (первый в левом орлином крыле). Таким образом, и для вольного астраханского Казачества является вполне возможным принятие почетного земского, бывшего губернского герба, связанного и с Землей и с названием самого Казачества.

Герб астраханский слегка лишь можно было бы изменить, добавив к нему какую либо чисто казачью эмблему, знаменующую новую казачью власть над землей астраханской. Удобнее всего, не изменяя общей, очень удачной, конструкции герба, добавить в правом верхнем углу щита булаву (рис. 19).

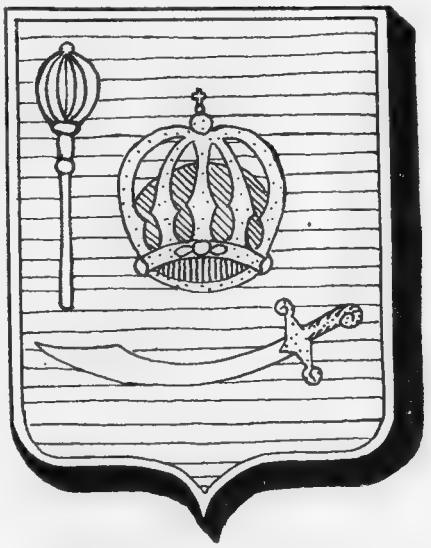


Рис. 19.

Тогда в общем блазонировании герба, отмеченном выше, было бы в конце добавлено: «в правом верхнем углу щита серебряная казачья булава».

Случай такого украшения (правильно геральдически «улучшения») известны в геральдике. Относительно дворянских рыцарских гербов это право изменения герба «улучшением», «размножением» и т. п. принадлежало королям и императорам. В наше время функции эти исполняют правительства государств. Поэтому и правительство вольного астраханского Казачества в свое время должно бы законом принять и герб и новое добавление («улучшение герба») в нем.

Подобное помещение фигуры в верхнем правом углу, как проектируется здесь в астраханском гербе, тоже часто встречается в геральдике. Примеры: гербы многих мальтийских рыцарей со знаком ордена в углу; тоже герб Валахии в румынском государственном гербе; в гербе Валахии красуется одноглавый золотой орел, провожаемый солнцем в правом верхнем углу щита.

Уральский (Яицкий) герб.

В первый раз в истории упоминаются Яицкие казаки в 1584 г., когда ногайский князь Урус жаловался царю московскому на нападение Яицких казаков на татарские владения.

Краевым гербом имеют Уральские казаки дореволюционный герб бывшей «Уральской области», утвержденный в 1878 г. Блазонируется герб так: «В зеленом щите три серебряные горы; на них — средняя — золотая булава поставлена; на крайних поставлены золотые же бунчуки с золотыми

же полумесяцами, концами вверх с таковыми же остриями. В голубой оконечности щита серебряная рыба» (рис. 20).

Рис. 20.

Данный герб ярко отражает особенности края и свойства населяющего его и владеющего им Казачьего народа, а потому и может быть принятым яицким казачеством за свой краевой и государственный герб без всяких изменений. Надо вспомнить, что таким же точно образом поступалось и иными народами и было, вообще, обыкновенным явлением в практике геральдики. В случае удачно составленного земского герба, отражающего в себе полностью особенности Земли или богатые исторические традиции, то или иное государство такой герб включает при инкорпорировании края в состав своих гербов. Русская геральдика в большей своей части тоже приняла в состав свой в свое время готовые гербы присоединенных к Московии народов, как Польши, Украины, Литвы и Балтийских государств. С возвращением к своей государственности Земли эти вернулись вновь и к своим старым гербам. Такового рода обоюдное «отвлечение» гербов широко известно всей европейской геральдике.

Оренбургский герб.

Оренбургское Войско образуется постепенно с начала XVIII столетия. В 1748 г. Войско оренбургское известно уже под именем нерегулярного казачьего корпуса.

Гербом казачьей своей Земли имеют оренбуржцы дореволюционный герб, именуемый «гербом Оренбургской губернии» и утвержденный в 1856 г.

Герб этот блазонируется: «В червленном щите два золотые накрест положенные знамени греко-российским крестом и опрокинутым полумесяцем сопровождаемые. В серебряной главе щита голубая куница» (рис. 21).

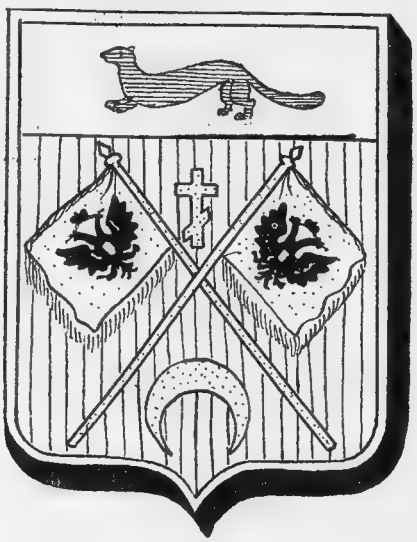


Рис. 21.

Герб этот может быть принят Оренбургским Казачеством за свой краевой с тем лишь изменением, что со знамен снимутся царские орлы (см. описание Терского герба). Крест, называемый в блазонировании герба «греко-российским», может быть в рисунке оставлен без изменений, потому что он не является специфически московским или русским крестом с какими либо национальными признаками; крест этот представляет собою обыкновенный тип вообще «восточно православного» креста. Помещен крест в герб, очевидно, с целью символизировать победу чистого христианства над соседями иноверцами, знаком коих есть «опрокинутый» полумесяц. В общем же герб удачно отражает некоторые выдающиеся свойства Земли, богатой некогда ценным пушным зверем (голубая куница), а вместе указывает и на историческое прошлое — борьбу Оренбургского казачества с кочевыми народами.

Не в изображении самого герба, а в блазонировании его, можно думать, надо бы сделать исправления, тогда блазонирование характеризовало бы более верно герб, принадлежащий Казачеству. В блазонировании гласилось бы: «В червленном щите два золотые накрест положенные знамени на таковых же древках сопровождаемые золотым же шестиконечным крестом вверху и таковым же опрокинутым полумесяцем — внизу. В серебряной главе щита голубая куница» (рис. 22).

Приведенное блазонирование было бы более подробной характеристикой самого герба, более верно передавало бы идейное содержание креста в

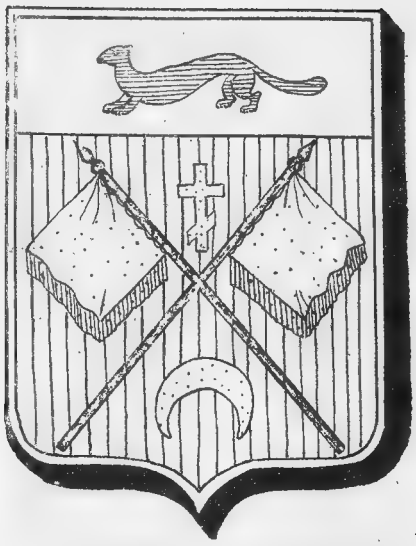


Рис. 22.

гербе и вернее отражало бы его графическое начертание.

Сибирский герб.

Сибирское Казачье Войско сложилось из казаков выходцев из иных казачеств, туземцев, да потомков казаков Ермаковых.

В решении вопроса о краевом или государственном гербе Сибирское Казачество находится в том выгодном положении по сравнению с остальными азиатскими казачествами, что занимает Земли, бывшие самыми значительными центрами разыгрывавшихся исторических событий в Сибири и имеет эти богатые исторические воспоминания зафиксированными в двух земских гербах. Такими интересными знаками являются дореволюционный «герб Тобольской губернии», утвержденный в 1878 году и «герб Сибирского царства».

Для Вольного Сибирского Казачества является потому возможным решать вопрос о своем гербе по линии выбора между этими гербами и по линии слияния этих двух гербов в один новый, комбинированный.

Герб бывшей Тобольской губернии интегесен для Сибирского Казачества тем, что помимо своего обыкновенного значения краевого герба земель, занимаемых казачеством, он отражает в себе богатые воспоминания связанные с личностью Ермака, покорителя Сибири и основателя Казачества в Азии; вместе с этим, герб напоминает и те интересные события, которые разыгрывались по р. Иртышу, колыбели азиатского Казачества, реке, имеющей для сибирцев то же историческое значение, что для донцов Дон или для запорожцев — Днепр. Герб Тобольской губернии, герб Земли, бывшей ареной исторических событий по р. Иртышу и несет в себе Ермаковы казачьи эмблемы, служащие и поныне символом незабвенного прошлого. Герб этот блазонируется, согласно русской геральдике, так: «В золотом щите червленная атаманская булава, на ней черный щит Ермака, круглый, украшенный драгоценными камнями между двух косвенно наклоненных и скрещенных червленных же знамен на черных древках» (рис. 23).

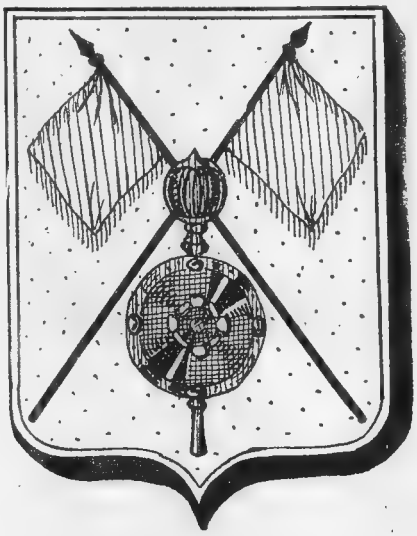


Рис. 23.

Как видно, Тобольский герб ярко отражает в себе мощный дух первого казачьего деятеля Сибири Ермака; и поскольку нынешнее Сибирское Казачество связано традицией и потомками Ермаковых казаков с историческим прошлым края, принятие такого звучного знака за свой современный герб, было бы вполне возможным и желательным.

Другим гербом, не менее ценным и богатым историческими воспоминаниями есть, так называемый «герб Сибирского царства». Герб этот; правда, российской геральдикой относится ко всей сибирской территории; и, занимая почетное место в российском государственном гербе (второй в левом орлином крыле), он представлял собою всю Сибирь в целом, однако, в узком значении герб этот принадлежит специально бывшему татарскому царству Сибирскому, покоренному Ермаком. Центр этого царства, городок царя Кучума — Сибирь, расположен был на землях позднейшего Сибирского Казачества (на р. Иртыше), и нынешнее Вольное Казачество Сибирское может иметь на него свои права как на историческое достояние. Герб же Сибирский тесно связан как с бывшей территорией собственно Сибирского царства, так и с современным именем Сибирского Казачества. И поскольку нынешнее Сибирское Казачество удерживает за собой наименование «Сибирское», постолько оно

может претендовать и на «Сибирский» герб. В этом случае вопрос о принятии такого земского герба, ставится в ту же площадь, что и для казачества Астраханского (см. Астраханский герб).

Сибирский герб блазонируется: «В горностаевом щите два черных соболя, стоящие на задних лапах и поддерживающие передними: одной — золотую пятизубцовую корону, другою — червленный лежащий лук и две крестообразно остриями вниз поставленные стрелы» (рис. 24).

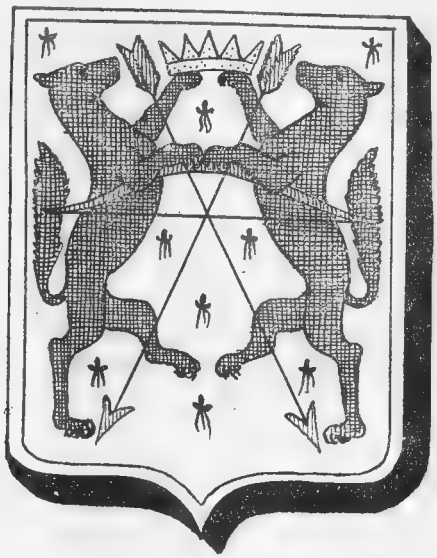


Рис. 24.

Вот между этими двумя гербами, одинаково ценным ярким отражением исторического прошлого Земли и приходится Сибирскому Казачеству выбирать при утверждении своего краевого или государственного герба. Аргументы же за одним и за другим гербом настолько сильны и равны, что сделать выбор действительно трудно, и если б нельзя было решительно остановиться на том или ином из этих гербов, то пришлось бы решить вопрос в таком случае компромиссом: два герба слить в один. При этом надо заметить, что это не было бы «соединением» гербов, как в случае с гербом Кубанским, а именно «слияние» их, т. е. для одного самостоятельного щита взяты были бы элементы из обоих спорных гербов. По правилу «соединение» возможно лишь в «сдруженных» гербах (Allianz-Wappen), имеющих одну общую психологическую точку опоры в непрерывности ли исторической традиции (см. Кубанский герб), в перетворении ли двух самостоятельных единиц в новую форму, как уния государств. Такие гербы соединяются посредством рассечения щита, четвертования и т. д. Поскольку же Сибирский и Тобольский гербы по своему содержанию совершенно различны (один связан с историческим названием Земли, другой — с подвигом казаков на ней) и к тому же принадлежат одной и той же Земле, образование из них нового герба возможно лишь посредством слияния их.

Это слияние переводится «делением» щита. Щит был бы разделен на две части горизонтально. В верхней половине его уместился бы «Сибирский» герб целиком или в половину, а в нижней — герб Тобольский тоже целиком или в половину. Удобнее, конечно, слить эти гербы в половину, взяв из Сибирского герба верхнюю часть, а из Тобольского — нижнюю (рис. 25).

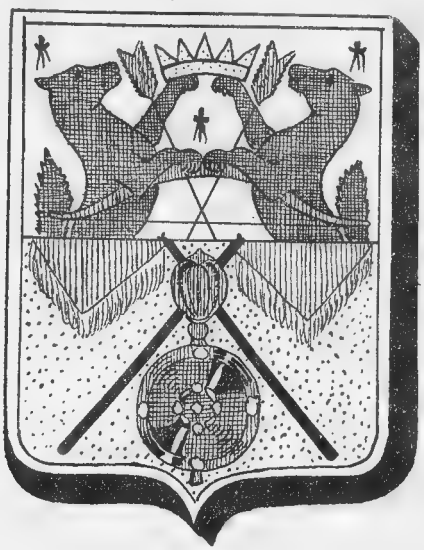


Рис. 25.

Тогда-б и блазонирование такого герба было бы подобно двойному, ибо описания слитых гербов тоже бы слились. В блазонировании сначала указалось бы, что «горностаевый щит разделен золотым», а далее шло бы описание верхней и нижней половины щита по порядку и так, как уже приведено.

Словом, не предрешая для Сибирского Казачества выбора ими своего герба, здесь представляется ему только соответствующий материал.

Енисейский герб.

Енисейское Казачье Войско обладает пока дореволюционным земским гербом, утвержденным в 1878 г. и именуемым «гербом Енисейской губернии». Герб этот представляет в красном щите золотого льва с голубыми глазами и языком, держащего в правой лапе лопату, в левой — серп (рисунок 26).

Енисейское вольное казачество по примеру иных казачеств, может и в настоящее время принять

Рис. 26.

этот герб за свой казачий краевой, так как герб этот является характерным геральдическим знаком Земли, по названию которой носит казачество свое имя и частью территории, которой владеет.

Поскольку же герб представляется подчеркнуто «нейтральным» и не несет в себе специально казачьих эмблем, в гербе можно бы в духе казачества сделать небольшое изменение тем, что заменить серп в лапе льва казачьей булавой. Тогда бы герб блазонировался: «В червленном щите золотой лев с голубыми глазами, языком и черными когтями, держащий в правой лапе золотую же лопату, в левой — таковую же казачью булаву» (рис. 27).

Рис. 27.

Семиреченский герб

Краевым гербом Семиреченского Казачества есть герб бывшей Семиреченской области, утвержденный в 1878 г. Блазонируется: «В червленном щите золотой опрокинутый полумесяц. Глава щита золотая, усеяна российскими орлами» (рис. 28).

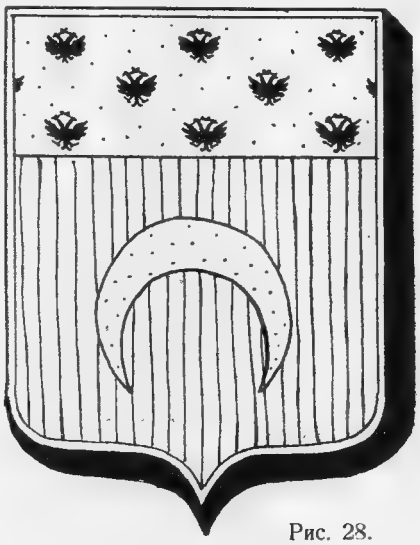


Рис. 28.

Безусловно, герб этот свободное Семиреченское Казачество могло бы принять лишь после изменения, по причинам, отмеченным подробнее в описании гербов иных казачеств (см. Терский герб). Глава щита должна быть очищена от орлов и вместо них украшена казачьими эмблемами — булавой и перначем. Тогда герб такой блазонировался

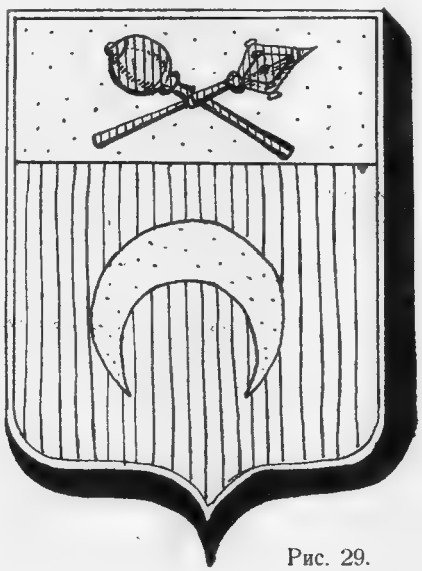


Рис. 29.

бы: «В червленном щите золотой опрокинутый полумесяц; в златой главе щита червленные накрест положенные булава (вправо) и пернач» (рис. 29).

Забайкальский герб.

Для Забайкальского вольного казачества остается принять за свой краевой казачий герб дореволюционный герб бывшей Забайкальской области, утвержденный в 1859 г. Герб этот блазонируется: «В золотом щите восьмиконечный червленный с зеленым палисад, провожаемый вверху червленною же буйволовою головою с серебряными глазами и языком» (рис. 30).

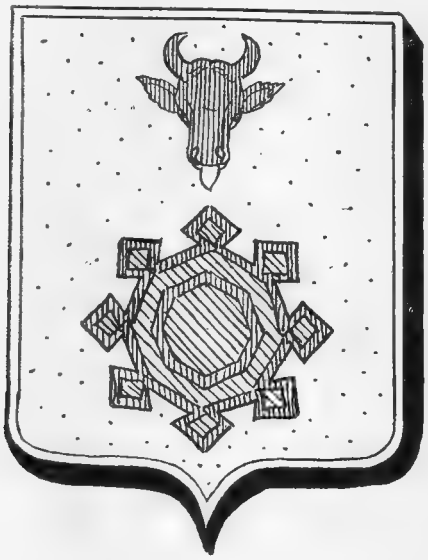


Рис. 30.

Герб настолько характерный для Забайкалья и не противоречащий духу казачества, что его можно принять без изменений.

Амурский герб.

Амурский дореволюционный герб утвержден в 1878 г. и назывался «гербом Амурской области». Блазонируется: «В зеленом щите серебряный волнистый пояс; в главе щита три восьмиконечные звезды» (рис. 31).

Подобно Терскому, Амурский герб состоит из фигуры геральдической — пояса щита и общих фигур — звезд. Волнистый пояс на щите, как и такая же перевязь в гербе терском, знаменует в переносном значении реку. Амурский герб, как определенный, чистый геральдический знак, присущий известной территории, вполне может быть принят Амурским Казачеством. Поскольку же по идейному содержанию герб этот нейтральный и имелось бы желание отметить в нем принадлежность Амурской Земли Свободному Казачеству, можно

Рис. 31.

было бы вместить в герб какую-либо казачью эмблему. Удобнее всего украсить булавой пояс щита. Булава была бы в таком случае золотой.

Герб блазонировался бы: «В зеленом щите серебряный волнистый пояс, обремененный золотою булавой и сопровождаемый тремя серебряными восьмиконечными звездами» (рис. 32).

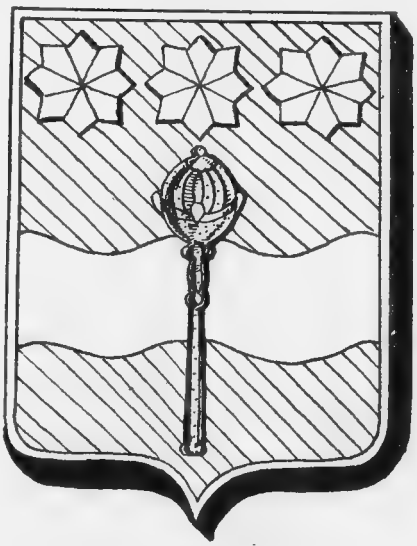


Рис. 32.

Уссурийский герб.

Уссурийскому вольному Казачеству тоже остается пока принять за свой краевой бывший земский дореволюционный герб Приморской области, утвержденный в 1878 г.

Изображает этот герб в серебряном щите голу-

бой столб между двух черных, горящих красным пламенем, сопок (рис. 33).

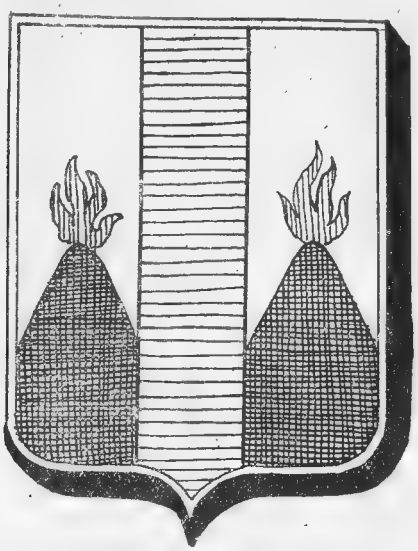


Рис. 33.

Поскольку и Уссурийский краевой герб «нейтральный» по своему содержанию и поскольку желательно было бы сделать его более близким Казачеству по духу, можно бы изменить его «улучшением», т. е. придачею к нему казачьей эмблемы, в данном случае булавы на столб. Герб тогда блазонировался бы: «В серебряном щите голубой столб, обремененный серебряною казачьей булавою между двух черных с червленым пламенем, сопок» (рис. 34).

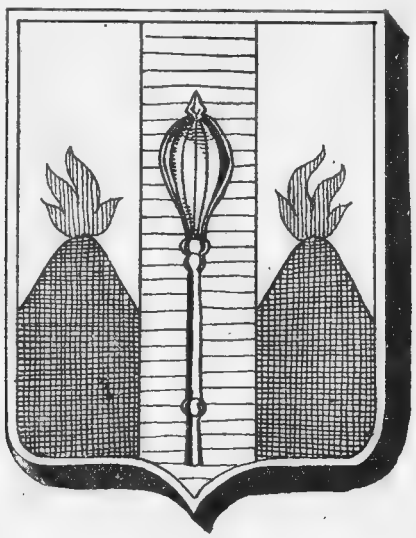


Рис. 34.

Сделав выше краткое описание всех казачьих гербов, с историческим и геральдическим разбором их, в заключение заметим еще следующее.

Все, предложенные в статье изменения в старых гербах, построение новых или оставление старых гербов на основании изложенных исторических и геральдических требований — все же надо принимать пока, как проекты, как известный собранный материал к будущему установлению свободными, независимыми казачествами своих гербов. Ибо, каждый герб лишь тогда может быть почитаем за действительный, оффициальный знак, когда он утвержден соответствующим актом законодательства, как это случилось уже с Донским и отчасти с Кубанским гербами. Описанные же гербы остальных казачеств, даже если бы они и были приняты казаками к употреблению в настоящее время, будут носить пока неоффициальный, частный характер до времени утверждения их законом. Употребление же свободными казачествами и их организациями своих, хотя бы еще и частных, гербов, имело бы то громадное значение, что уже с настоящего времени закладывало бы, уплотняло и освящало традицию установления своего собственного внешнего знака, а кроме того, создавало бы уже с сего времени основание для принятия тем или иным казачеством определенного избранного герба в будущем. Ни одно вольное казачество не может в настоящее время игнорировать вопрос о своем собственном гербе, как о выразительном внешнем знаке своего имени, как о священном символе своих освободительных идей. Такой герб будет служить точкой, в которой сходятся мысли и чувства тех, кто борется за освобождение и самостоятельность своей родной земли; такой знак будет сиять и возноситься как знамя, под которым собираются и соединяются в общем усилии, для борьбы, верные. Каждое казачье Войско должно обдумать этот вопрос и какой-либо герб для себя избрать. Автор сих строк по мере своих сил и знания соответствующим материалом, предложенным выше, хотел бы в этом казачеству помочь.

Еще один вопрос стоит перед казачеством, которого в данном случае нет возможности подробно касаться; это вопрос об общем, едином гербе всего свободного казачества, об'единенного в Казакии. Решение этого вопроса преждевременно пока потому, что лишь будущая реальная форма государственно-политического строя Казакии сможет определить и общий государственный герб ее. Сейчас же можно лишь ограничиться тем соображением, что составление такого герба может отбыться, как это в таких случаях обыкновенно бывает, только по одному из двух путей.

Во-первых, мог бы быть установлен единый государственный герб Казакии, совершенно отлич-

ный от всех иных краевых гербов казачеств, входящих в общий государственный Союз. Такой герб носил бы в себе какие-либо избранные элементы-эмблемы, общие всем казачествам (булава, пернач и т. п.), употреблялся бы самостоятельно лишь во внешних сношениях Казакии с чужими государствами; внутри же Казакии значение такого герба было бы равно значению герба краевого и они оба помещались бы в каждом казачестве рядом. Могло бы быть и так, что новый герб Казакии имел бы исключительное значение герба государственного, а все остальные гербы Казачьих Земель сошли бы на степень гербов провинциальных, как это было в России и есть еще и теперь в ряде многих государств.

Во-вторых, государственный герб Казакии мог бы быть сложным, т. е. составленным из гербов Земель казачеств, как это можно видеть на примерах таких государств, как Испания, Румыния и др. Такой герб был бы очень пестрым. В случае об'единения в Казакии всех казачеств, щит ее герба был бы разделен не менее, чем на 13 полей. Причем, в этом случае, встретилось бы еще то затруднение, что пришлось бы устанавливать, по какому либо принципу градацию значения Казачьих Земель в Союзе, ибо места в многопольном щите — не ровны, обладают относительным старшинством между собою. В подобном гербе знак равенства между всеми Казачьими Землями в Казакии геральдически невозможно было бы выразить.

Все эти замечания, как было уже предупреждено, высказываются здесь вскользь, так как решение вопроса о всеказачьем государственном гербе зависит исключительно от будущей конституции Казачьего государства, а практическое проведение в жизнь закона об этом гербе становится будущей задачей того геральдика, который над этим гербом будет работать.

АЛЕКСЕЙ ПЕРСИДСКОВ.

Казакия.

Глаза мои косы,
А взгляд остер, как бритва,
Пронижет тьму темей
И явится ему лазурный стан
Серед степи ковыльной
В лазоревых цветах и лозах виноградных,
Овенчанный серебряною лентой
Реки извилистой в песчаных берегах.
Покажутся за станом белые кибитки,
Стада овец и легких скакунов;
Потом дома с железа и бетона;
Сверкнут, захлебываясь дымом,
Сто тысяч труб фабрично-заводских
И дальше сеть дорог, сплетаясь паутиной,
Ведет к восходу, разрезая шлях.
А там, в обманчивой маревной дали
Из камня твердого и закаленной стали,
Топясь в садах и солнцем упиваясь,
Появится единый в мире казачий град.

6-IX-29.

И. А. БИЛЫЙ.

Территория и народонаселение Казачьих Земель.*)

Для ясного сформулирования Казачьей Идеи основное значение имеет точное уяснение и правильное представление как тех территорий, тех земель, какие на протяжении своей истории заселило Казачество и на которых и впредь должна будет строится и развиваться его жизнь и творческая деятельность, так и состава и распределения на Казачьих Землях их народонаселения. Территория и население — основные элементы всякой государственности.

Здесь, заграницей, мы лишены возможности пользоваться всеми и исчерпывающими данными относительно территории и населения Казачьих Краев. Соответствующие публикации до-военных годов еще можно найти в некоторых здешних библиотеках, но данные их уже устарели. Публикации же 1914—1915 г. г., а также современные советские, из которых можно было бы почерпнуть новые данные, являются редкой, не всегда доступной роскошью. Этот недостаток новых материалов значи-

*) Более подробные сведения по этим вопросам см. в статьях автора, помещенных в №№ 19-23 „В. К." за 1928 г., вышедших также и отдельной книжкой: „Казачьи Земли". Прага, 1928.

тельно затруднил и помешал более совершенной обработке и предлагаемой здесь работы. Мы приводим ниже сводки данных, касающихся территории и населения Казачьих Земель в надежде, что и в таком неполном и несовершенном виде они сослужат свою полезную службу.

К началу Мировой войны Казачество, заселившее различные земли от Черного моря и до Тихого океана, разделялось на двенадцать Войск. Различная историческая давность образования этих Войск, различная величина и, наконец, разное географическое положение их Земель — все это создает из Казачества довольно разнообразную картину. Все же и среди этого разнообразия легко выделяются три основные группы Казачьих Войск:

1. Казачество Европейское — из шести Войск. Это — основное ядро, метрополия всего Казачества, составляющая более семи восьмых частей всего его количества. Казачество Европейское занимает непрерывную территорию от Азовского и Черного морей и Кавказского хребта по реку Урал-Яик и Уральский хребет. На всей этой территории Казачество составляет основную массу населения.

2. Казачество Сибирское — из трех Войск, во главе со старым Сибирским. Территории этих Войск раскиданы на огромных пространствах Сибири. Казачье население составляет большинство только на собственно казачьей войсковой территории.

3. Казачество Дальневосточное — из трех казачьих Войск — занимает непрерывную территорию, на которой составляет основную массу населения.

Численность населения как Казачьих Земель так и каждого из казачьих Войск, равно как и основных групп их подает таб. I, составленная на основании данных на 1 января 1912 года (Новый Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 20, стр. 343, статья: Казаки). Более поздние дореволюционные данные имеются лишь по отдельным казачьим Войскам (напр., Кубанскому, Донскому). Количество же всего Казачества к настоящему времени можно установить (с большей или меньшей степенью точности) лишь на основании довольно сложных исчислений.

В первые годы после революции события, происходившие на Казачьих Землях, не дали возможности произвести точный учет казачьего населения. Советская власть, оккупировавши Казачьи Земли и последовательно проводя политику расказачивания, во всех своих переписях населения совершенно не выделяла казаков ни как отдельную племенную или национальную, ни как сословно-бытовую группу населения*). Публикации результатов переписей 1920, 1923 и 1926 г. г., равно как и выборочных ежегодных сельско-хозяйственных обследований совершенно не дают каких-либо отдельных данных о Казачестве, не выделяют его из общих групп классовых или национальных всего населения.

Таким образом, для установления количества населения казачьих Войск мы имеем лишь оффициальные дореволюционные данные, после событий последних десяти лет явно устаревшие.

Установить при таких условиях точное количество казаков в настоящий момент совершенно невозможно. Весьма сложные исчисления на основании различных и разновременных данных могут дать только приблизительные, более или менее вероятные цифры, ибо столь важные для роста Казачества факторы, как участие его в Мировой и противобольшевицкой войнах, как голод и эпидемии в период царствования советской власти совершенно не поддаются учету. Приведенные в таблице I цифры прироста казаков за последнее пятнадцатилетие 1912—1927 г. г. и числа казаков к началу 1927 г. исчислены на основании прироста за десятилетие 1902—1912 г. г. Эти исчисленные данные нужно было бы считать значительно меньшими действительных, при условии, если бы годы 1912—1927 в жизни Казачества были нормальными; принимая же во внимание всю тяжесть павших на Казачество в эти годы испытаний, цифры эти следует считать приблизительно соответствующими фактическому положению вещей в настоящее время.

*) Во избежание недоразумений, отмечаем здесь то обстоятельство, что приводимые в советской статистике цифры под рубрикой „казаки", совершенно не относятся к населению казачьих Войск, а только к народности киргизов-кайсаков.

Табл. I.

Народонаселение Казачьих Земель и численность Казачьих Войск за двадцатипятилетие 1902—1927 г.

Казачьи области и Войска	Народонаселение Казачьих Войск и Областей к 1 января 1912 года											Прирост казачьего народонаселения за двадцатипятилетие 1902—1927 г.г.			
	Всего населения	Мужчин	Женщин	Христиан			Нехристиан	Казаков				Всего казаков к 1 янв. 1902 г.	Прирост казаков за десятилетие 1902-1912	Прирост казак. за 15 летие 1912-1927 по исчис.	Колич. казаков к 1/I1927г. по исчислению
				Право-славн. и единовер.	Старооб. и сект.	Прочие хр. исп.		Всего	Мужчин	Женщин	Служилый состав.				
I Казач-во Европейское	**8.018.652**	**4.109.748**	**3.908.904**	**6.831.561**	**329.718**	**162.670**	**825.802**	**3.534.576**	**1.765.718**	**1.768.858**	**392.365**	**2.743.407**	**791.169**	**1.186.753**	**4.721.329**
1. Донское	3.142.620	1.619.873	1.522.747	2.891.837	148.793	60.850	41.140	1.392.316	700.957	691.359	161.348	1.125.839	266.477	399.715	1.792.031
2. Кубанское	2.836.191	1.439.898	1.396.293	2.615.073	32.656	54.321	134.141	1.214.485	603.505	610.980	135.365	875.218	339.267	508.900	1.723.385
3. Терское	1.186.497	626.144	560.353	566.447	48.991	45.219	580.774	234.846	117.595	117.251	24.092	183.378	51.468	77.202	312.048
4. Астраханское	41.682	20.686	20.996	40.388	1.054	28	212	36.940	18.154	18.786	3.606	30.016	6.924	10.386	47.326
5. Уральское	200.061	99.964	100.097	185.860	71.245	—	19.131	155.317	77.176	78.141	13.050	126.303	29.014	43.521	198.838
6. Оренбургское	611.601	303.183	308.418	531.956	26.979	2.252	50.404	500.672	248.331	252.341	54.904	402.653	98.019	147.029	647.701
II Казач-во Сибирское	**354.588**	**181.603**	**172.985**	**251.162**	**8.949**	**10.192**	**84.285**	**200.471**	**100.812**	**99.659**	**13.985**	**156.549**	**43.922**	**65.883**	**266.354**
1. Сибирское	297.244	152.016	145.228	200.859	8.934	10.169	77.282	160.786	80.737	80.049	10.286	127.151	33.635	50.453	211.228
2. Семиречинское	57.344	29.587	27.757	50.303	15	23	7.003	39.685	20.075	19.610	3.699	29.398	10.287	15.430	55.115
3. Енисейское	С в е д е н и й					н е		и м е е т с я							
III Казач-во Дальневост.	**338.604**	**175.701**	**162.903**	**302.127**	**310**	**2.522**	**33.645**	**318.647**	**163.022**	**155.625**	**38.617**	**244.791**	**73.856**	**110.784**	**429.431**
1. Забайкальское	258.846	133.596	125.250	224.919	198	2.399	31.330	246.203	125.249	120.954	29.315	207.653	88.550	57.825	304.028
2. Амурское	45.599	23.835	21.764	45.301	34	107	157	41.003	21.289	19.714	4.990	22.476	18.527	27.791	68.794
3. Уссурийское	34.159	18.270	15.889	31.907	78	16	2.158	31.441	16.484	14.957	4.312	14.662	16.779	25.168	56.609
Итого	8.711.844	4.467.052	4.244.792	7.384.850	338.977	175.384	943.732	4.053.694	2.029.552	2.024.142	444.967	3.144.747	908.947	1.363.420	5.417.114

То обстоятельство, что подавляющее большинство Казачества населяет исконные казачьи земли в Европе, что земли эти составляют неразрывное географическое целое, равно как и то, что народно-политические и государственные устремления Казачества нашли себе наиболее яркое выражение среди Казачества Европейского, — все это заставляет видеть основную суть казачьего вопроса в Казачестве Европейском. Казачество Сибирское и Дальневосточное — сравнительно малочисленные и, к тому же, расселившееся узкими, растянутыми полосами и островками на огромных просторах Сибири, среди преобладающего неказачьего населения, оторванное от основной казачьей массы в Европе, имеет, несомненно, в будущем пути иные, во всяком случае отличные от путей Европейского Казачества. Это не значит, что пути эти безразличны Европейскому Казачеству и „Вольное Казачество", служа Казачьей Идее, думаем, всегда будет уделять должное внимание и место освещению жизни и стремлений также и Казачества Сибири и Дальнего Востока.

Ко времени Мировой войны и революции 1917 года Европейское Казачество населяло следующие области и губернии Российской Империи:

1. Войско Донское — всю О. В. Д., разделенную на 9 округов.

2. Войско Кубанское — всю Кубанскую область, разделенную на 7 отделов.

3. Войско Терское — четыре отдела Терской области, главным образом по левому берегу Терека.

4. Войско Астраханское — два военных отдела в Астраханской губернии и Царицынском уезде Саратовской губ.

Калмыки, согласно постановлению Калмыцкого Народного Собрания в 1917 г. вошедшие в состав Астраханского Войска, занимали т. наз. Калмыцкую степь Астраханской губернии.

5. Войско Уральское (Яицкое) — три военных отдела Уральской области.

6. Войско Оренбургское — три военных отдела на казачьей территории в южной и юго-восточной части Оренбургской губернии.

Неказачьими оффициально считались обыкновенно:

1. Черноморская губернія, состоящая из трех округов, выделенных (1896) из Кубанской области с казачьим населением, переписанным в крестьяне.

2. Ставропольская губернія, состоявшая из пяти уездов и территорий кочевых народов. Губернія создана была из земель гл. обр. терских и кубанских казаков, расказаченных в крестьяне.

3. Царицынский уезд Саратовской губ. — Волжско-Донская переволока, историческое достояние Донского Казачества, территория старого Волжского Войска, переселенного оттуда и расказаченного после Пугачевского восстания.

4. Калмыцкая степь Астраханской губ. свой „неказачий" характер решительно изменила вследствие упомянутого выше постановления Калмыцкого Народного Собрания о поголовной приписке калмыков в казаки.

Все эти „неказачьи" районы нисколько не нарушают географической целостности казачьих территорий, т. к., в большинстве, искусственно оторванные от Казачьих Земель специфической политикой российских правительств, они все же сберегли свой исторический народно-казачий характер.

Действительно неказачьими являются лишь территории на окраинах Казачьих Земель, а именно: на юге, по правому берегу Терека — области Горских народов Северного Кавказа; на востоке, по левому берегу р. Урала, — степи кочевых киргиз-кайсаков; на севере, — башкирские земли.

Хотя в прошлом все упомянутые здесь народы и принимали довольно активное участие в создании и пополнении казачьих Войск, все же, поскольку дальнейшее самоопределение этих народов может пойти и не в сторону их оказачения, — необходимо их территории выделить из общего итога казачьих земель.

Вышеприведенное административное деление Казачьих Земель с приходом большевицкой власти сразу же подверглось многочисленным и радикальным изменениям. Заняв Казачьи Земли силою оружия, большевики отнеслись к побежденному Казачеству просто как к сословию, опасному и „реакционному пережитку" императорской России. Расказачить Казачество, обратив его в обыкновенных крестьян и рабо-

Племенной состав населения по переписи 28 января 1897 г. в тысячах душ обоего пола.											Всего населения в тысячах душ обоего пола			Пространство в кв. верстах	Административное деление Казачьих Земель	Пространство в кв. километр	Густота населения, на кв. километр	Всего населения в тысячах душ обоего пола по переписи 17 декабря 1926 г.			Население по народности в тысячах душ обоего пола по переписи 17 декабря 1926 года.									
В том числе казаков по пер 1897 г	Великоросс.	Украинцы	Немцы	Евреи	Армяне	Татары	Киргизы	Калмыки	Горцы	Прочие	1897 г	1913 г.	1920 г	1913 г		1926 г	1926 г	Сельского	Городского	Итого	Русские	Украинцы	Немцы	Евреи	Армяне	Татары	Киргизы	Калмыки	Горцы	Прочие
1034.917	2023 3	849 0	37 5	12 3	25.6	9 3	4 4	34 9	—	30 8	3027 1	4428 1	2612 5	189.392	I. Земли Всевеликого Войска Донского	208 129	20 1	3253 4	941.2	4194 6	2667 4	1315.4	42 1	32.0	45.2	17 2	3.2	14.1	—	58.0
	1058.3	655.7	26 1	12.3	25.6	—	—	28 1	—	20 7	1826.8	2700 3	1316 1	75 618	А) Нижний Дон	108.768	25 6	2104.9	682.8	2787 7	1445.4	1174 5	29.2	29 9	44.5	5.0	—	8.9	—	50.3
	965.0	193 3	11 4	—	—	9 3	4 4	6.8	—	10 1	1200 3	1727 8	1296.4	113 774	Б) Верхний Дон Царицынская губ Сталинградская губ.	99 361	14 2	1148 5	258.4	1406 9	1222 0	140 9	12.9	2.1	0.7	12 2	3.2	5.2	—	7 7
18.316	250.8	14.3	2 0	2.2	4.2	38.8	38.7	133.1	—	6 4	490.5	615 4	513.3	88 970	II Земли Войска Астраханского и Калмыцкого	106.915	6.1	448 2	203.8	652 0	395.2	28 5	5.4	6 1	3 1	49 5	46 1	111 4	—	6.7
114.166	165.3	0.4	—	—	—	23 4	667 5	—	—	3.4	860 0	1106 4	863 1	494 294	III Земли Войска Уральского	285 797	2.4	616 5	65 3	681 8	217 0	23.0	0.8	—	—	15 1	420 0	—	—	5.9
365.500	1129 9	38 9	4 9	—		92 9	2 2			331 3	1600 1	2147 6	1538.3	166.711	IV Земли Войска Оренбургского	129 470	12.0	1283 9	269 5	1553 4	1217 2	135.3	14.5	5.3	—	100.8	27 5	—		52.8
789.227	1337 8	1238 0	30 2	2 2	18 7	26.0	—	10 8	96 3	89 6	2849 6	4363.5	4178 0	138 444	V Земли Войска Кубанского Черноморско-Линейного	119 869	35 9	3387 2	593.5	3980 7	1845 2	1695 2	49 4	5.9	80 6	6 9	—	—	152.7	153.8
787.197	829 0	908 9	20.8	—	8 0	5 7			93 4	53 1	1918 9	2911 8	2863.5	83 394	А) Кубанская область	73 394	40 3	2541 1	420 6	2961 7	1294 5	1345.5	29.2	2.0	50.7	4 3	—	—	145.0	90 5
529	25 3	9 3	0 8	1 0	6.3	-			2.9	11.8	57 4	139 6	131.4	7.327	Б) Черноморская губерния	8.610	33 8	178 9	112.5	291 4	96.2	103 9	0 8	3.0	27.7	0.8	—	—	7 7	49.7
1 501	483.5	319 8	8 6	1 2	4 4	20 3		10.8		24.7	873 3	1312 1	1183.1	47 723	В) Ставропольская губернии	28.865	25.2	667 2	60 4	727 6	454.5	245.8	1 8	8.2	2.2	1 8	-	—	—	13.6
168.628	287 6	43 5	8.6	11 0	12.2	93 3		2.2	1004 0	42 7	1505 1	1970 7	1955.4	90 174	VI. Земли Войска Терского и Горцев Северного Кавказа	115.550	20.6	1919 3	463.9	2383.2	648 6	241 2	24.8	7.5	40.0	35 0	—	—	1324.0	62.1
167 301	178 3	29 1	5 9	1 1	9 1	32 6	-	2.2	16.2	9 4	383 9	400.8	392.8	30.989	А) Левобережный Терек	28.971	22 2	458 7	184 7	643.4	375.5	194.1	18.0	2 1	21 4	2 7	—	—	10.7	18.9
1 327	109 3	14 4	2 7	10 9	2 1	60 7	—			987 8	33.3	1221 2	1569 9	1562 6	59 185	Б) Правобережный Терек Горские Республики и Области	86.579	20 1	1460 6	279 2	1739 8	273.1	47 1	6.8	5.4	18.6	32.3	—	—	1313.3	43.2
2.490.854	5194 7	2184 1	83 2	27 7	60 7	283 7	712 8	181 0	1100 3	504.2	10332.4	14631 7	11660.6	1167.985	Итого	956.730	14.5	10908.5	2537 2	13445 7	6990.6	3438.6	128.0	56.8	168.9	224.5	496.8	125.5	1476.7	339.3
															Земли шести Европейских Казачьих Войск вместе с землями Горцев Сев. Кавказа.															
2.489 427	5085.4	2169 7	80 5	16 8	58.6	223.0	712.8	181 0	112 5	470.9	9111 2	13061.8	10098.0	1108.800	Итого	870.151	13.4	9447 9	2258 0	11705 9	6717.5	3391.5	121.2	51.4	150.3	192.2	496.8	125.5	163.4	296.1
	55.8%	23.8%				2.4%	7.8%	2.0%	1 2%						Земли шести Европейских Казачьих Войск без земель Горцев Сев. Кавказа						57.4%	28.9%				1.7%	4.2%	1.1%	1.4%	

чих, внутренно раздробить, территориально разобщить и, морально обессиленное, слить в один неразрывный национальный и социальный организм с остальной Россией, — вот программа, какую настойчиво и последовательно стала осуществлять Московская советская власть на Казачьих Землях. Соответственно этим заданиям произведено было и новое перераспределение (перекройка) территорий.

Казачьи Земли, равняясь по величине своей территории самым крупным государствам Европы, по своему населению в 11.705.9 тысяч душ, достигают величины лишь таких средних государств, как Югославия или Чехословакия. Об'ясняется это тем, что Казачьи Земли являются территориями: одни — сравнительно недавнего, другие — еще незаконченного заселения сплошным оседлым населением. Старое автохтонное казачье население, издавна заселившее полосы вдоль главных казачьих рек и их притоков, бесконечно истощаемое участием во всех российских войнах, не смогло своими лишь силами вполне окончить к нашему времени колонизационного земледельческого похода на кочевую степь.

В хозяйственном освоении степи вместе с Казачеством, с половины минувшего столетия, активное участие принимают „иногородние“ — крестьяне украинские и русские.

В связи с этим крестьянским Drang nash Osten, а также и в зависимости от местных почвенных и климатических условий находится и та крайняя неравномерность в густоте населения, какая наблюдается на отдельных Казачьих Землях. В то время, как юго-запад Казачьих Земель достиг уже такой густоты населения, что здесь начинает чувствоваться (и уже достаточно болезненно) местное земледельческое перенаселение, восток — степи прикаспийские — представляют из себя почти пустыню. Так, наряду с густо населенными: Таганрогским округом — 50,2 души на кв. км.; Донским — 46,3; Армавирским — 47,8; Кубанским — 40,9, земли Войска Астрахано-Калмыцкого имеют лишь 6,1, а Уральского даже 2,4 души на кв. километр. Обширные пустынные прикаспийские степи в общем итоге всех Казачьих Земель снижают цифру густоты населения до 13,4 души на кв. километр, т. е. ставят ее наравне с густотой населения таких приполярных северо-европейских государств, как Финляндия (8,7), Норвегия (8,6), Швеция (9,4).

Слабая заселенность прикайспийских степей главною своею причиною не имеет, однако, только климатически-природные условия, как это видим, мы у вышеупомянутых северо-европейских государств. Природные, хозяйственные рессурсы прикаспийских степей огромны и вполне доступны для колонизационного их использования, однако лишь при условии соответственного развития правильного водного хозяйства и системы путей сообщения в первую очередь. Все же Казачьи Земли в царской России, в деле обеспечения их железно-дорожными, шоссейными и речными путями, не говоря уже о гидротехнических сооружениях, были поистине пасынками, прикаспийские же земли и подавно. Положение это не изменилось и в РСФСР.

Для сравнения Казачьих Земель по количеству и густоте населения с различными Европейскими государствами приводятся соответствующие данные в т. III.

Динамика увеличения населения Казачьих Земель видна из сравнения общих цифр населения за годы 1897, 1913, 1920 и 1926 (См. табл. II).

При сравнивании изменений итогов количества населения по годам, сразу же бросаются в глаза три резко отличные между собою периода в росте населения Казачьих Земель.

Первый период — довоенный — шестнадцать лет с 1897 по 1913 год — характеризуется очень быстрым ростом населения на всей территории Казачьих Земель. За этот период население всех Казачьих Земель в сравнении с 1897 годом увеличилось на 4.062.400 душ, т. е. на 44·6%, в том числе: население Дона увеличилось на 1.401.009 душ, т. е. на 46·3%; Астраханского Войска — на 124.900 душ, т. е. на 25·5%; Уральского на 246.400 душ, т. е. на 28·7%; Оренбургского на 547.500 душ, т. е. на 34·2%; население Кубани увеличилось на 1.513.900 душ, т. е. на 53·1%; Терека и Горцев Сев. Кавказа на 465.600 душ, т. е. на 31·0%.

Таб. III.

Количество и плотность населения Казачьих Земель и Европейских государств.

Казачьи Земли 1926 г.	Население в тысячах	Число жителей на 1 кв. клм.		Население в тысячах	Государства и дата последней переписи в них
Земли Европейского			126.8	59.853	Германия 1919
Казачества . . .	11.705,9	13.4	151.3	47.657	Великоб. и Ирлан. 1921
Донская	4.194,6	20.1	71.16	39.210	Франция 1921
Астраханская	652,0	6.1	124.3	38.901	Италия 1921
Уральская	681,8	2.4	70.3	27.179	Польша 1921
Оренбургская	1.553,4	12.0	42.2	21.338	Испания 1920
Кубанская	3.980.7	35.9	55.0	17.393	Румыния 1920
Терская	643.4	22.2	96.9	13.611	Чехо-Словакия 1921
			48.3	12.017	Юго-Слания 1921
Европ. часть СССР . .	121.856.6	24.3	47.1	4.861	Болгария 1920
в том числе:			8.7	3.365	Финляндия 1921
Украинская ССР . . .	29.040.5	64.3	39.6	2.300	Литва 1923
Белорусская ССР . .	4.983,2	—	28.3	1.860	Латвия 1923
Закавказская ССР . .	5.861,6	—	21.0	1.110	Эстония 1923

Таким образом, интенсивность увеличения населения достигла наибольшей высоты на Кубани и Дону, наиболее слабою же была в степях Астраханско-Уральских.

Второй период — с 1913 по 1920 год — семилетие Мировой и противобольшевицкой войн — характеризуется резким упадком прироста населения Казачьих Земель. Общее количество населения за этот период не только не увеличилось по сравнению с 1913 годом, но даже уменьшилось на 2.953·5 тыс. душ, т. е. на 22·4%.

Таким образом, абсолютная цифра количества населения в 1920 г. снизилась почти к цифре населения 1897 г.

По отдельным Казачьим Землям убыль населения распределяется так:

На Дону — убыль на 1.815.600 душ, — т. е. по отношению к цифре населения 1913 года на 41·0%

Эта ужасающая и абсолютною величиною и процентно убыль, даже при отсчитывании 623.900 душ населения Таганрогского округа и 368.700 душ половины Донецкого округа, входивших в 1920 году в состав Украины, все же равняется огромной цифре 823.000 душ, т. е. 18·6%.

Население земель Войска Астраханского имеет убыль в 101.100 душ, т. е. 16·4%. Огромная убыль населения на Землях Войска Уральского в 243.300 душ, т. е. 22·0% и Оренбургского в 609.300 душ, т. е. 28·4% должна быть об'яснена двумя основаными причинами. Во первых, отрезкой части Казачьих Земель к вновь образованным республикам Башкирской и Казакской, а во вторых, трагическим концом противобольшевицкой борьбы Яицкого Казачества.

Убыль населения на Землях Кубанских равна 185.500 душ, т. е. 4·2%. Такая сравнительно небольшая убыль населения на Кубани об'ясняется как огромным приливом на Кубань ко времени переписи населения из Центральной России, так и присутствием еще не рассеявшихся масс населения, связанного так или иначе с недавно ликвидированными противобольшевицкими армиями и учреждениями.

Убыль населения на Тереке в сравнении с 1913 годом весьма незначительна.

Таким образом, учитывая все последствия войн и революции для Казачьих Земель, должно констатировать наибольшую тяжесть их на Дону, особенно в округах с

абсолютным преобладанием казачьего населения.

Третий период — семилетие с 1920 по конец 1926 года — характеризуется положительным хотя и весьма медленным приростом населения Казачьих Земель. Общий итог населения Казачьих Земель в 1926 г. — 11.705.960 душ больше итога 1920 года на 1.485.800 душ, т. е. на 14·5%. Увеличение это, в сравнении с 1920 годом, об'ясняется как присоединением от Украины частей Таганрогского и Донецкого округов, так и действительным приростом населения: натуральным и через иммиграцию. Увеличение населения на Землях Войска Донского по сравнению с 1920 г. на 1,582.100 душ поясняется как упомянутым уже пересмотром границы с Украиной, так и прирезкой от Кубани значительной части Ейского отдела к Донскому округу.

Ценность и достоверность всяких данных, получаемых посредством переписей, обуславливают следующие факторы: 1) целесообразное, точное и ясное формулирование вопросов; 2) соответственный подбор персонала, производящего перепись; 3) доверие населения к власти, производящей перепись; 4) сохранение организаторами переписи научного об'ективизма и устранение всяких тенденций политических, фискальных и национальных и 5) выбор соответствующего времени для проведения переписи.

Все эти условия имеют особенно решающее значение для получения достоверных данных про народность населения. Национальная принадлежность, как понятие уже само по себе сложное, требует для правильного своего уяснення и учета, как значительной доли интеллектуального развития у опрашивающего переписчика, так и выкристализовавшегося национального самосознания у опрашиваемого населения.

При отсутствии указанных выше условий, полученные через переписи данные про народность легко и значительно уклоняются от действительного распределения населения по национальным группам. Такое статистическое уклонение от истины весьма часто умело используется в политической и национальной борьбе и классическим образцом тенденциозного препарирования и использования национальной статистики является статистика, напр., бывшей Австро-Венгерской Империи.

Национальная статистика Российской Империи тоже не чужда была тенденциозности в сторону преувеличения великорусского элемента среди населения различных частей б. Империи. Однако, главным образом дефекты технического характера, как результат весьма неудовлетворительной постановки всего статистического дела в России, подрывают ценность статистических данных о национальном распределении населения б. России. Особенно малоценными являются данные ежегодных подсчетов б. Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел, публиковавшиеся в Статистических Ежегодниках России.

Гораздо большую ценность представляют данные Первой Всероссийской переписи 1897 года. Перепись эта, хотя и не чуждая известных дефектов и не по всех местах России удачно проведенная, все же дала результаты, по своей точности и об'ективности являющиеся идеалом для всех последующих исчислений и переписей. Данные переписи 1897 года даже и сейчас, хотя, очевидно, уже устарели, не утратили своего об'ективного значения, ибо новейшие переписи, произведенные Советским правительством, помимо всех дефектов, какие имела имперская статистика, имеют еще один, самый большой дефект — ярко выраженную социально-политическую и национальную тенденциозность. С уверенностью можно сказать, что нигде в мире статистика и статистические данные не играют такой огромной служебной роли в политике, как это мы видим в СССР, и нигде власть для своих целей так легко и ловко не фабрикует цифр и не жонглирует ими как там. Последняя Всесоюзная перепись 1926 года, как приходится констатировать при анализе опубликованных данных, к сожалению, не представляет в этом смысле исключения.

Национальная статистика Казачьих Земель, как по данным переписей 1920 и 1923 года, так и по переписи 1926 года носит все следы основной тенденции Советской власти: доказать и статистикой то положение, что Казачьи Земли не представля-

ют из себя чего либо целостного, отличного от остальной России, что и перекройка этих Земель (разделы!) соответственно специальным видам Московской политики может быть вполне оправдана причинами природно-географическими и социально-экономическими.

Советская власть проводит эту свою тенденцию весьма решительно. Из Казачьих Земель выделяет территории горских и степных народностей в многочисленные и и разобщенные „автономные“ области и республики. Побежденное и расказаченное декретами Казачество совершенно „упраздняется“ и, как мановением чудодейственной палочки, превращается в русских „крестьян и рабочих“. Многочисленное украинское крестьянство — этот второй враждебный Советам элемент, в его требованиях свободы языка и культурно-национального развития, ослабляет Советская власть статистическим преуменьшением как абсолютной численности его, так и национального качества, представляя его как массу почти совершенно руссифицированную, утратившую свой родной язык.

Раздробляя своих противников, закидывая в их души сфабрикованными статистическими данными сомнение в их собственных силах и правах, — советская власть тем самым уже почти наполовину достигает победы. Ибо, кто в „свободном“ СССР осмелится не поверить оффициальным советским данным, кто откроет их действительное, а не оффициальное значение и смысл?

К таблице II приведены данные о племенном составе населения Казачьих Земель по переписям 1897 и 1926 годов. Охватывая собою почти полный тридцатилетний период времени, обе эти переписи, произведенные при таких различных обстоятельствах и властях, дают, в общем, более или менее схожую картину племенного состава населения.

И та и другая переписи в список народностей — племен не вводит Казачество, как отдельную особь, зачисляя казаков главным образом в группу „русских“ и, отчасти, в группу „украинцев-малороссов“ (на Кубани). Данные о казаках перепись 1897 года приводит при учете сословных групп населения, перепись же 1926 г. не выделяет казаков ни при племенном, ни при сословном, ни при классовом, ни при экономическом, ни при другом каком группировании населения.

Благодаря такому полному игнорированию обособленности казачьего населения, картина междуплеменных отношений по данным этих переписей значительно упрощается. На всем пространстве Казачьих Земель доминирующей народностью являются р у с с к и е, — великороссы, составляющие: по переписи 1897 года 55,8%, а по переписи 1926 г. 57.4% всего населения Казачьих Земель. В северо-восточной части Казачьих Земель русские составляют абсолютное большинство, как городского так и сельского населения, за исключением степных округов Уральской обл. В юго-западной части, прилегающей к Азовскому и Черному морям, русские составляют большинство городского населения и значительные меньшинства сельского. Относительное количество русских за минувшие тридцать лет увеличилось с 55.8% на 57.4%, т. е. на 1.6%.

Второю по величине группою являются у к р а и н ц ы, составлявшие в 1897 г. 23.8%, в 1926 г. 28.9% всего населения. Составляя всюду меньшинство населения, городов, украинцы составляют большинство как всего населения так, в особенности, сельского в округах юго-западных. Границею компактного расселения украинцев может, в общем, считаться восточная граница Северо-Кавказского Края. Из общего количества украинцев на Казачьих Землях — 3.391.500 душ, в Северо-Кавказском Крае насчитывается 3.106.825 душ. В северо-восточных Казачьих Землях украинцы составляют довольно значительные острова среди сельского населения Верхнего Дона — Сталинградской губ., где в 1897 г. было 193.3 тысяч, а в 1926 г. 140.9 тыс. украинцев, и Оренбургской губернии, где в 1897 г. было 38.9 тысяч, а в 1926 г. — 135.3 тысяч украинцев.

Русские и украинцы, вместе взятые, составляют на Казачьих Землях подавляющее большинство населения: в 1897 г. 79.6% а в 1926 г. 86.3%.

Среди остального населения наиболее многочисленные группы составляют: кир-

гизы-кайсаки, татары, калмыки и горцы Сев. Кавказа.

Таковы оффициальные данные. При критической проверке их, при сравнении между собою числовых данных различных переписей по отдельным административным единицам, обнаруживаются недочеты этих данных и является возможность устанавливать к ним известные поправки. Внося эти соответственно обоснованные поправки к оффициальным данным, можно достигнуть значительного приближения к действительному положению вещей и иметь возможность делать из исправленных данных более правильные выводы.

Критическая проверка статистических данных особенно необходима для правильного уяснения культурно-племенных взаимоотношений на Казачьих Землях. Ибо, простота, согласно оффициальным данным, национально-племенной структуры Казачьих Земель базируется на той основной предпосылке, что Казачество, как таковое, не представляет из себя отдельного социального организма, а является интегральною частью, главным образом, русского народа, и, значит, выделению из состава русских „рабочих и крестьян“ не подлежит. При несостоятельности же этой предпосылки, валится, как карточный домик, вся стройная „простая“ оффициальная система междуплеменных группировок. И выводы получаются тоже иные.

Приводимая ниже таб. IV представляет из себя исправленные общие данные переписи 1926 г. Поправки сделаны только у двух основных групп населения: русских и украинцев. Цифры остальных групп остались без изменений.

Из общего количества русских и украинцев выделены по отдельным комплексам Казачьих Земель казаки в особую графу.

Табл. IV.

Племенной (национальный) состав населения Казачьих Земель к концу 1926 года по исчислению.

Земли Казачьих Войск	Всего населения в тыс. душ по пер. 1926 г.	Казаки, записанные как:				Иногородние		Кирг.-кайсаки	Татары	Армяне	Немцы	Евреи	Прочие
		Русские	Украинцы	Калмыки	Горцы	Украинцы	Русские						
В. Донское	4.194.6	1.777.9	—	14.1	—	1.424.5	780.4	3.2	17.2	45.2	42.1	32.0	58.0
В. Астраханско-Калмыцкое. . . .	652.0	47.3	—	111.4	—	38.0	338.4	46.1	49.5	3.1	5.4	6.1	6.7
В. Уральское	681.8	198.8	—	—	—	23.0	18.2	420.0	15.1	—	0.8	—	5.9
В. Оренбургское	1.553.4	647.7	—	—	—	135.3	569.5	27.5	100.8	—	14.5	5.3	52.8
В. Кубанское	3.980.7	861.7	861.7	—	152.7	1378.4	438.6	—	6.9	80.6	40.4	5.9	153.8
В. Терское	643.4	312.0	—	—	—	194.1	63.5	—	2.7	21.4	18.0	2.1	29.6
Итого . .	11.705.9	3.845.4	861.7	125.5	152.7	3.193.3	2.208.6	496.8	192.2	150.3	121.2	51.4	306.8
		4.985.3											
		42.6%				27.3%	18.8%	4.2%	1.7%	1.3%	1.0%	0.44%	2.6%

Количество казаков к моменту переписи 1926 г., по причине отсутствия соответствующих данных в переписных материалах, установлено исчислением, на основании ежегодных сводок населения казачьего „сословия“. В приведенной выше таб. II по-

дано количество казаков по переписи 1897 г., в таб. I количество казаков к 1 января 1902 и к 1 января 1912 г. Исчисление казаков к концу 1926 года, приведенное в той же таб. I основано на природном приросте казачьего населения от 1897 до 1912 года

и сконтролировано по отдельным Казачьим Войскам данными уже военного времени, 1918 годом кончая.

Исчисленное количество казаков, как основанное на стационарном, а не прогрессивном годовом приросте за десятилетие 1902—1912 годов, к концу 1926 года было бы значительно ниже действительного, если бы и от 1912 до 1926 г. общие условия жизни населения Казачьих Земель были те же, что и до 1912 г. Война и революция задержали нормальный рост Казачества.

Количество казаков, установленное исчислением, отсчитано от группы русских по всех Казачьих Землях, кроме Кубани. На Кубани общую сумму 1.723.400 душ казаков отсчитано пополам как от группы русских, так и украинцев. Такой отсчет мотивируется тем, что хотя обычно было принято считать среди Кубанского Войска Черноморцев на 60%, а Линейцев на 40%, но вряд ли взаимоотношение это было удержано при получении данных племенного распределения по переписи 1926 г. Более вероятным является то положение, что в группу „русских“ попали не только все линейцы, но и значительная часть черноморцев не внесенных в украинскую группу. Десять процентов таких статистически руссифицированных черноморцев вряд ли может считаться числом преувеличенным.

Из числа казаков Донского Войска выделено в особую графу 14.100 калмыков-казáков, отмеченных переписью 1926 г. на землях Войска Донского.

К количеству казаков Войска Астрахáнско-Калмыцкого причислено 111.400 калмыков, обитателей Автономной Калмыцкой Области, хотя до войны и не принадлежавших к казачьему „сословию“, но во время революции постановивших о своем вступлении в семью Казачества. Равно к Войску Кубанскому причислено 152.700 душ горцев кубанских, пользовавшихся всеми правами казаков, согласно постановлению Кубанской Краевой Рады.

Таким образом, общее количество казаков шести Европейских Казачьих Земель к моменту переписи 1926 г. исчисляется в 4.985.300 душ. Из них записано во время переписи как „русские“ 3.845.400 душ, как „украинцы“ 861.700 душ, как калмыки 125.500 душ, как горцы 152.700 душ.

Подводя итоги произведенному исчислению по всем Казачьим Землям (см. табл. IV), получим следующую картину племенного распределения основного населения.

Основною группою, составляющею на всех Казачьих Землях как бы остов всего населения являются к а з а к и. Уступая иным группам по количеству в городах, казаки составляют сплошную, преобладающую массу среди сельского населения и тем придают всему комплексу населенных земель — стойкий, неизменный к а з а ч и й характер. Большинство русского неказачьего населения в общем итоге Земли Войска Астраханско-Калмыцкого имеет свое об'яснение в присутствии на большой, слабо заселенной территории этого Войска, такого большого интернационального города, каким является Астрахань. Сельское население и здесь — в большинстве казачье.

Большинство киргиз-кайсаков в общем итоге Земли Войска Уральского имеет своею причиною административное советское деление, соединившее с Казачьими Землями территориальные комплексы с кочевым, почти чисто киргизским населением. Среди оседлого населения казаки Уральские составляют подавляющее большинство. Таким образом, и эти земли Астраханского и Уральского Войск, со своим кажущимся преобладанием неказачьего элемента, не нарушают целостного к а з а ч ь е г о характера территории.

И н о г о р о д н и е у к р а и н ц ы — вторая по величине группа населения — это сельское население, главным образом округов Северо-Кавказского Края. Абсолютная и относительная численность и сила этой группы в Северо Кавказском Крае почти равняется казачьему населению, а в некоторых округах его и превосходит.

И н о г о р о д н и е р у с с к и е — текучее население больших и средних городов, рабочие, ремесленники, торговцы, служащие, административный и военный аппарат. По селам незначительные колонии русских земледельцев раскольников, староверов и сектантов, главным образом на Передкавказьи в Ставропольском округе. Русское крестьянское население в общем итоге Оренбургского Войска — население неказачьих тер-

риторий, слитых с казачьими в современных административных границах Каширинского уезда Оренбургской губ. и Челябинского округа Уральского Края.

Помещенные выше статистические данные касающиеся территории и народонаселения Казачьих Земель позволяют сделать некоторые выводы и заключения и дают в руки такой материал, который предоставляет возможность говорить не только о настоящем, но и о будущем Казачества.

Земли шести Европейских Казачьих Войск составляют непрерывное, сплошное и компактное географическое целое.

Казачьи Земли, гранича с морями: Азовским, Черным и Каспийским, упираясь в горные хребты: Кавказский и Уральский и открываясь на восток в степи Средней Азии, — служат природным мостом между Восточной Европой, Кавказом и Средней Азией, между Средиземным морем и Сибирью (достаточно посмотреть на карту, чтобы представить себе, какое колоссальное значение имела бы железно-дорожная магистраль Челябинск — Новороссийск!).

Большие речные магистрали блестяще дополняют выгоды большой морской береговой линии Казачьих Краев и открывают широкие перспективы развития путей сообщения и связанного с этим земледельческого и торгово-промышленного процветания.

Величина Казачьих Земель ставит их в ряды самых крупных европейских государств.

Слабая заселенность Казачьих Земель на востоке, при одновременной возможности культурного их использования, дает возможность хорошего решения земельного вопроса, как главного предмета споров и раздора между казаками и иногородними.

Я. РУДИК.

* * *

Минає вже десять, як волю кували,
Аж димом смердючим блакітне вкривали.
І громом гаї із степами лунали —
Про свято велике людей сповіщали.

. . . . . .

Минає вже десять, як чари кохання
Зманили до себе, як Єву змія.
Мов майської ночі солодкі зітхання,
Зриваються сльози і туга моя.
Далека країно, ганьбою покрита,
Тебе до нестяму я буду кохати.
Забути не хочу, що сумом повита,
Що ворога лютого мушу карати.

Кубань обернули давно у пустелю,
Немає роскішних, зелених оаз.
Сини її бьються, мов хвиля о скелю, —
В закутих — вогонь перемоги не згас.
Як вечір тихенько на землю злітає,
Мов янгел хранитель з небес прилітає;
Як буйний, мов пісня журлива стихає,
А місяць з зірками з висот поглядає.
Я Бога святого так довго благаю:
Нехай над руїною воля замріє,
Як мріють могили в далекому краю!
— У Господа щирая правди лиш тліє.
Колись над степами світ правда засяє,
Як сонце каскадами вдарить з небес!
Не вмерли-б надії, — уже розсвітає —
І келих страждань допити-б увесь!

Всем нам в одинаковой мере надо готовиться не только к борьбе за освобождение, но и ко „второму дню после освобождения“.

„В. К.“ № 26, 25-XII-1928.

ИНЖ. В. БЕЙСУГ.

Экономический очерк Казачьих Земель.

СОДЕРЖАНИЕ: Вступление. I. Факторы экономического развития Казачьих Земель. II. Этапы хозяйственного развития. III. Общие данные, земледелие, промышленность. IV. Отдельные виды земледелия и промышленности: 1) Зерновые культуры; 2) Масляничные растения, маслобойная и поташная промышленность; 3) табаководство и табачная промышленность; 4) садоводство, огородничество, бахчеводство, некоторые специальные культуры, лекарственные растения; 5) винокурение, пивоварение, виноградство и виноделие; 6) рыболовство; 7) скотоводство; охота; 8) птицеводство, пчеловодство, 9) лесные богатства и лесообрабатывающая промышленность; 10) мукомольная промышленность; 11) кожевенное производство и обработка шерсти; 12) соляная промышленность; 13) угольная промышленность; 14) добыча руд, металлургия и металлообрабатывающая промышленность; 15) нефтяная промышленность; 16) производство строительных материалов. V. Транспорт, торговля и кооперация. VI. Финансы. VII. Заключение.

Вступление.

«Прежде всего, отрешившись от всяких теорий и принципов, надо всегда себе ставить вопрос: «В чем дело? О чем идет речь?» — Таков был при решении сложных вопросов девиз маршала Фоша, поражавшего необыкновенной ясностью своего ума всех окружавших.

Последуем примеру великого полководца нашего времени и, приступая к нашему очерку, поставим и мы перед собой этот вопрос: В чем дело? О чем идет речь? Речь идет о хозяйственном развитии Казачьих Земель, об их достижениях, об их экономической силе и слабостях, о месте, занимаемом ими в общей конструкции мирового хозяйства, о грядущих путях их экономического развития.

Набросать данные по перечисленным вопросам, — такова цель этого очерка.

Задача наша весьма своевременна, необыкновенно трудна и очень ответственна. Своевременна она потому, что переживаемое время, — это время переоценки всех ценностей духовных, идеологических, моральных и материальных. Подобно тому, как в каждом предприятии, по истечении известного срока, и перед началом нового хозяйственного периода производится общая инвентура, так и нам пора произвести свою «инвентуру», ибо и мы стоим на грани, имея три периода (об этом дальше) хозяйственного развития за собой, и неизвестное, но новое будущее впереди. Когда, как не теперь, подводить итоги, закрывать старые счета и составлять баланс, чтобы знать «О чем идет речь?».

Трудно наше задание по следующим причинам. Когда делают ревизию предприятия, то просматривают не только записи в книгах, но и всевозможные приложения к ним, — квитанции, счета и т. д. Мы пишем наш экономический очерк будучи заграницей. Откуда взять нам все эти счета и квитанции, отчеты и доклады, без которых нельзя произвести точного учета? Тысячи верст отделяют нас от всего, что необходимо бы было иметь под рукою. Где взять необходимую, узко специальную литературу, от кого получить нужные справки? Много старых изданий сгорело в пламени революции. Из оставшегося материала заграницу попали лишь отрывочные, обгорелые остатки. Новых книг не получишь: выписка из СССР каждой брошюры и книги тянется месяцами, тщетно шлют заграничные книгопродавцы напоминания; заказанное, иногда даже заплоченное вперед, застревает где-то по дороге, в дебрях всяких торгпредств, и так, старательно рекламируемые Москвой заграницей книги или не приходят вовсе или приходят в размере 1% заказанного количества. Пользование и этими отрывочными материалами наталкивается порой на непреодолимые трудности.

Кого интересовало раньше народное хозяйство Казачьих Земель? Издания общегосударственного характера всегда рассматривали народное хозяйство империи в его тогдашнем целом. Те или другие вопросы «местного характера »освещались лишь постолько, посколько они и в таком аспекте выделялись на общем фоне. Местных краевых изданий экономической литературы было чрезвычайно мало. Что было, то обычно касалось отдельных отраслей местного народного хозяйства, но почти никогда его целого. Мало-мальски уже обобщенные данные ставят и специалиста в тупик. Чтобы не быть голословными, приведем лишь один пример. Возьмем данные о Донской промышленности по обследованию министерства торговли и промышленности за 1912 год, и аналогичные данные из «Памятной книжки Донской области» для того же 1912 года. Сопоставляя цифры, имеем:

	По обс. Мин. торг. и пром.	По памятн. кн. Дон. обл.
число металлург. завод. . .	54	27
» мыловаренных . . .	4	43
» кожевенных	2	43
» маслобойных	6	410
и т. д.		

Кому же верить и что брать за основание, если цифры одного источника превышают цифру другого почти в 70 раз (!), как например с масло-

бойными заводами? Такие различия, ясно, получались из за различия учета. Но где и у кого получить сведения о принципах того, или иного учета в условиях эмигрантской жизни, если при цифрах нет никаких комментарий? Приходится проводить часы и дни в кропотливой работе сверяния, сличения и перелистывания десятков книг, чтобы добиться истины. Пользование советскими изданиями сопряжено с новой трудностью: как известно, советская власть произвела полную перекройку областных и губернских границ. Поэтому современные статистические данные имеют в виду новые географическо-административные единицы. Сопоставление и «перевод» этих данных на данные для интересующих нас единиц сопряжен с кропотливыми вычислениями, а часто и просто невозможно.

Во сколько же раз после всего этого усложняется наша задача, если мы хотим нарисовать картину народного хозяйства не отдельных областей порознь, но всего комплекса Казачьих Земель в целом! Ведь дело идет не о простом арифметическом сложении, но об органическом целом, части которого функционировали самостоятельно, но взаимная хозяйственная связь коих признавалась и в бытность Империи установленным географико-экономическим термином «Юго-восток».

Первый выпуск «Юговосточного статистического сборника» под редакцией профессора Лященко (издание 1918) послужил для нас единственным и незаменимым в своем роде источником. Но и он слишком не полон и, по признанию самого автора, является лишь «первым опытом местного статистико-экономического издания для обслуживания, главным образом, нужд кооперации»: сборник издан под титулом «Трудов статистического отделения Юговосточного союза союзов кредитных и ссудосберегательных товариществ». Многие данные сборника и слишком стары.

Иностранные источники дают иногда примеры удивительного знания нашего хозяйства, но это касается лишь отдельных узко-специальных вопросов. Как правило же иностранная литература для нашей темы слишком обща и возлагать на нее больших надежд не приходится.

Тем рельефней становится третья характерная черта нашей задачи: ответственность ее решения. Полотном картины, которую нам предстоит нарисовать, является статистический материал. Никакие карты не тасуются и не подтасовываются так легко, как именно карты со статистическими цифрами. Чистосердечно указывая источники, всегда можно соответствующим их подбором нарисовать что угодно. Оставаясь добросовестным, можно перестановкой цифр и произвольными сопоставлениями доказать, что угодно. Из-за недостатка данных нам часто придется нарушать основные статистические правила, сравнивая, например, цифры за разные годы, за неименем однородных величин и т. д., но мы дали себе слово оставаться всегда об'ективными, стремиться к простому ответу на Фошевское «в чем дело?», и не стараться, что-либо доказать или опровергнуть.

В отношении литературных источников мы стремились достичь такого их подбора, чтобы тенденции автора взаимно уравновешивались и трезвость не подменялась восторгом. Свою задачу мы понимаем не как описание только хорошего или только плохого, но всего реального и действительного. Метод замалчивания слабых сторон, для того, чтобы представить все наше народное хозяйство в радужных красках, мы считаем для себя абсолютно неприемлемым: он и нечестен и излишен. Мы все равно, скажем наперед, настолько верим в творческие силы и радужность нашего экономического развития, что никакие дефекты и слабости не подорвут нашей веры и не уничтожат нашего оптимизма. О нашей об'ективности пусть судят читатели.

Поставленная задача, ее свойства и цель логически предопределяют известные методы решения. Как сказано, мы будем подводить итоги прошлому. Рисовать образ современного экономического положения Казачьих Земель, скажем за истекший год, как это делается обычно в календарях, мы не собираемся. Это не было бы пока так возможно по техническим соображениям, да собственно и не было бы столь ценно. Девяносто процентов корней современного экономического положения Казачьих Земель уходит в прошлую войну и последствия революции, но разве последние характеризуют Казачьи Земли? Конечно нет, а следовательно и нарисованная картина была бы только иллюстрацией одной страницы их движущейся хозяйственной истории, не затрагивая глубины вопроса и не давая исходных пунктов для будущих чаяний. «Дореволюционное время», — так формулируем мы исторический этап, к которому мы относим наш очерк. Большинство приводимых нами статистических данных относится к 1914 году. По ряду вопросов мы привели данные и за более позднее время — до 1916 и даже 1919 года.

Положение ряда отраслей нашего народного хозяйства в более поздние годы набросано нами систематически лишь в тех случаях, когда оно отмечено какими-либо любопытными новшествами, когда мы располагали более или менее достоверными данными, или когда последние годы открыли какие либо новые перспективы.

Характер задачи предопределил и другую методологическую сторону его решения. Если мы ищем наше место в мировом хозяйстве, то следовательно сравнение нужно проводить не только в отношении Российской Империи, но и в отношении иностранных государств. Поскольку позволяют размеры очерка, мы это неоднократно и делаем. Полез-

ность такого метода понятна, так как сравнение с абсолютными во всем огромными цифрами России часто не дают возможности правильно оценить, «прочувствовать», — подлинную, числовую величину данных Казачьих Земель. Не лишены они и интереса, так как если сопоставление территориальных размеров Казачьих Земель с площадями государств запада и вошло уже в обиход, то такие же параллели в отношении других цифр почти никогда никем не проводились. Веря, что «терпение и труд все перетрут», что и при труднейших условиях нашего положения все таки возможно будет в конце концов провести всестороннее и полное изучение народного хозяйства Казачьих Земель, мы надеемся, что читатель не забудет наших оговорок, и предлагаем пока его вниманию нижеследующий очерк.

I. Факторы экономического развития К. З.

Экономическая жизнь Казачьих Земель сложилась и будет складываться в будущем под влиянием ряда неодинаковых по своему действию факторов. Для того, чтобы понимать ее прошлое, учитывать настоящее и правильно предусмотреть ее пути в будущем, нам необходимо проанализировать хотя бы важнейшие из этих факторов. Поставив себе задачу найти место наших Земель в мировом хозяйстве, мы естественно должны в качестве первого такого фактора рассмотреть географическое положение района наших Земель среди других географических и хозяйственных районов мира, и оттенить те данные этого географического положения, которые обуславливают связь района с мировыми хозяйственными целыми. Иначе говоря, мы должны проанализировать увязку процессов нашего экономического развития с самым местным процессом.*)

Поверхность земного шара равна 510 милл. кв. километров. Из них на долю суши приходится 144 милл. кв. килом. Земли 6 Европейских Казачьих Войск занимают поверхность 1,165.404 кв. килом., т. е. приблизительно одну 113 часть земной суши. Явление потребления и распределения возможны, собственно, в любой части земной поверхности. явление производства — значительно в меньшей зоне. Откинув 10,000.000 кв. килом. на реки, озера, болота, арктические земли, мы увидим, что из остающихся 134 милл. кв. килом. приблизительно лишь 40% приходится на земли доступные каким либо производным процессам. Остаток следует разделить пополам между нетронутыми и пока не имеющими большого хозяйственного значения лесами (типа лесов тропических или тайги Сибири) и пустынями, солончаками, и вообще землями без перспектив хозяйственного развития в ближайшем будущем.

Сравнивая общую площадь Казачьих Земель с культурной земной поверхностью, мы получаем отношение уже в $^1/_{54}$, что и делает из них на карте мира уже далеко не точку. Абсолютная величина территории важна потому, что мировая хозяйственная жизнь складывается не только из элементов порядка качественного, но и количественного. Солидные размеры Казачьих Земель повышают удельный вес всех происходящих на их территории экономических процессов и создают большую площадь соприкасания с мировым хозяйством.

Бросим теперь взгляд на самую территорию и ее строение. Европейские реки имеют двоякий уклон: 1) к океану Атлантическому, Северному, морям Балтийскому и Северному, 2) к морям Средиземному, Черному и Каспийскому. Первая группа рек характеризовалась до последнего времени удобностью сплава, вторая — большим количеством рыбы.

Казачьи Земли лежат в области рек второго рода. Экономически наиболее выгодным является положение у устья, так как именно здесь, как бы, подытоживается значение реки: ее бассейны часто достигают большой площади, здесь откладывается главная масса наносов, влияющих на химический состав почвы и ее физическое строение, несомая большим количеством воды энергия доходит до максимума и т. д. Наконец, обыкновенно именно в нижних течениях рек образуется та равнина с мягким уклоном, которая является наиболее благоприятной для земледелия. Волей судеб все это характеризует Казачьи Земли. Они лежать в той части суши, где Европейская равнина мягко склоняется на юго-восток. Терек, Кума, Волга, Урал, Дон, Маныч и Кубань пересекают Казачьи Земли почти поперек, создавая территориальный комплекс с уклоном с одной стороны к Каспийскому морю, а с другой стороны к морю Азовскому и, отчасти, к Черному. Бассейны этих рек или целиком входят в Казачьи Земли, или входят в своих нижних частях. Таким образом, благодаря общему расположению системы рек и направлению их русел, вся область юговосточной смычки Европы с Азией не только не теряет, но наоборот, приобретает характер географического единства, как одной из предпосылок единства экономического.

*) Более подробный анализ географического фактора мы произвели когда-то на страницах номеров 27—31 журнала «В. К-во» в очерке под названием «О географическом положении наших Земель». Там, однако, центр тяжести лежал в географии, теперь же мы рассматриваем географические данные, как один из факторов, которые влияли на создание народного хозяйства Казачьих Земель в прошлом и будут влиять на его пути в будущем.

Сумма факторов, относимых к устройству земной коры и климату, об экономическом значении которого мы поговорим дальше, является основным условием, предопределяющим флору данных областей, а следовательно и предопределяющим и формы развития всех земледельческих культур и отраслей промышленности с последними связанных.

Можно различать два рода ландшафта: Так называемые Urlandschaft — первородный (страны степные, болота, первобытные леса, вообще земли с флорой, неизменной рукой человека) и ландшафт культурный — Kulturlandschaft, где усилиями человека флора приспособляется к его хозяйственным нуждам.

Данные истории культуры говорят за то, что земледелие развилось не в лесах и не в беспредельных степях, но в степях, граничащих с лесами или ими пересеченных. К этому именно роду земель и относится родина всех видов злаков. Хозяйственное развитие человечества шло под знаком борьбы с лесной стихией, обращением растительности лесной в степную.

Начиная с 5 столетия до 13 включительно в Европе совершается процесс борьбы с лесом, уничтожение девственных непроходимых лесов седой старины. Комплекс Казачьих Земель в своей главной массе лежит в месте, которое именуется степной «полосой», не беспредельными степными равнинами, но именно «полосой». Полоса эта граничит с лесом. Таким образом как раз в районе современных Казачьих Земель мы можем видеть осуществление той выгодной комбинации географических условий, при которой зародилась земледельческая культура вообще. В этих землях никогда не нужно было и не придется вести гигантский процесс борьбы с лесом, который пережила Европа в целом. И в то же время — этот лес близко, тут, под боком.

Сочетание двух стихий — леса и степи — преимущество огромного историко-экономического значения в прошлом и настоящем. При темпе экономической эволюции 20 века, какие бы то ни были отрицательные стороны географического фактора с этой стороны могли бы быть роковыми для Казачьих Земель в видах всестороннего развития их экономики.

Но комплекс Казачьих Земель потерял бы много в своей экономической завершенности, если бы ему не доставало третьей стихии — горной. Щедрая природа позаботилась и тут. Северный Кавказ во всем богатстве своей природы, с полезными ископаемыми, источниками водных сил, целебными водами и т. д. довершает общую картину Казачьих Земель, как законченной составной части мирового целого.

Мы рассмотрели ряд географических данных территории Казачьих Земель. Посмотрим теперь на те из них, которые обусловливают связь этой территории с мировым хозяйством.

Связь отдельных частей мирового хозяйства выражается в процессе товарообмена. Рассмотреть наши данные с этой точки зрения, это значит оценить позицию Казачьих Земель с точки зрения торговой географии.

В силу географических условий и факторов политических народные хозяйства отдельных районов приобретают характер известной общности и образуют так называемые «округа» мировой торговли. До войны 1914 года экономическая география знала 6 таких округов: 1 — округ Британский — единый политически, но географически разбросанный по всему земному шару, характеризуется он большими размерами, внутренним разнообразием и экономической несамостоятельностью, ввиду недостатка сырья и избытка товаров; 2 — Русский, куда рядом с Русской Империей входила Монголия, Манджурия и сев. Персия; округ характеризовался компактностью территории и избытком сырья; 3 — Европейский, — обнимает все Европейские государства за исключением Англии и СССР. Несмотря на то, что земли, составляющие этот округ, политически пестры, экономически он характеризуется большой общностью данных: преобладанием высоко культурных народов, большой густотой населения, поставлявшего колонистов во все части света, и равносильем между земледельческой продукцией и промышленностью с постепенным уклоном все же к преобладанию последней; 4 — Северо-Американский, включавший Соединенные Штаты, Мексику и центральную Америку. Для этого округа характерно исключительное экономическое и политическое преобладание одного государства (Соединенные Штаты), положенного на двух океанах одновременно, лицом к востоку и западу, экономическая самостоятельность и, наконец, решающее значение на рынке ряда весьма важных предметов мировой торговли (хлопок, нефть, железо); 5 — Южно-Американский — с природой, мало завоеванной человеком, и большими перспективами экономического развития; 6 — Восточно-Азиатский — включает Китай и Японию, сравнительно недавно вошедших в круговорот мировой торговли; округ богат дешевой живой силой и содержит большие неразработанные земельные богатства (угольные залежи Китая!).

Казачьи Земли лежат в районе схождения округов Британского (близость Индии и сферы Английского влияния в Персии, морского пути через Суец из Лондона в Индию), Русского и Европейского, т. е. там, где соприкасаются миры, с полным различием внутренних условий, устанавливающие необходимость грандиозного процесса взаимного обмена. В этом процессе роль Казачьих Земель можно мыслить или активной, как одного из контрагентов процесса обмена, или пассивной, как роль

района, через который будут проходить артерии мирового обмена.

В обоих случаях географическое положение Казачьих Земель исключительно.

Рассмотрим сперва первый случай. Выступая активно, Казачьи Земли могут явиться поставщиком для богатейших покупателей с 400 милл. населением — для округов Европейского и Британского. Две водных артерии Дона и Кубани дают возможность речным путем доставить грузы из Hinterlanda до морских пристаней, откуда открывается близкий и дешевый водный путь во все приморские центры Европы; даже больше — в самое ее сердце, в центральную Европу; если при современных архи-неблагоприятных условиях СССР ухитряется организовать отправку Дунаем из Чехословакии двух тысяч труб для Бакинского нефтепровода; если уже теперь чешские сахаропромышленники проэктируют отправку сахара Дунаем на Персидские рынки, то разве не есть вопрос водного пути Вена-Новороссийск, или Братислава-Ростов вопросом лишь времени, денег и технических улучшений? Безусловно, да. А это дает такое колоссальное преимущество в смысле дешевизны и удобства транспорта, уравновесить которое другими факторами не всем другим странам будет легко.

Дешевый водный путь связывает Казачьи Земли и с южной Европой. Если взять направление на север, то здесь артерия Волги служит прекрасным водным путем, ведущим в промышленные центры с обеспеченным спросом на сырье. Остается четвертое направление — на восток, вернее, на юго-восток. Каспийское море связывает нас с Персией, Туркестаном, вообще с востоком, если бы промышленность Казачьих Земель настолько развилась бы, что нуждалась бы в экспорте, то это направление привело бы к желанным рынкам для сбыта. Конкурировать готовыми фабрикатами с облеченной во все оружие техникой западной Европы, конечно, трудно, но мысль о будущей конкуренции в упомянутых странах востока не так уже смела: где нельзя будет взять качеством, можно будет взять дешевой ценой, в значительной мере зависящей от дальности, а следовательно, стоимости доставки.

Возможность использования водных путей сбережет нам те миллионы, которыми оплачивается дорогой транспорт товаров по суше. Таковы некоторые географические данные, на которые может опираться экономика наших земель, как активного участника мирового хозяйства. Посмотрим теперь на предпосылки их участия пассивного, Под таковым мы разумеем роль Казачьих Земель, как зоны, в которой и около которой протекают известные экономические процессы, своей внутренней природой не стоящей в тесной зависимости с экономикой, характерной для этих земель. Сужая эту роль, остановимся на данных Казачьих Земель, как зоны транзита мировой торговли. Упомянутое выше деление на 6 торговых округов и здесь может служить исходным пунктом.

Понятие транзитного района вызывает представление о чем-то, лежащем между тем-то и тем. При упомянутом выше делении, Казачьи Земли могут быть рассматриваемы не только как составная часть того или иного округа, но и как зона промежуточная, как зона схождения округов: Европейского и Британского с одной стороны, Русского — с другой. Торговый обмен между этими округами может или совсем не быть, что собственно мы и видим при современной политической обстановке, или принять грандиозные размеры, со всеми вытекающими отсюда последствиями, для района, который лежит на дороге.

Четыре пятых мирового товарообмена совершается водным путем. Императорская Россия в данном отношении не составляла исключения. За 1908—12 годы, например, 85% экспорта из России хлеба, этого краеугольного камня актива русского баланса, шло морем. Из отправлявшихся морем 576,3 милл. пудов, 487,8 милл. пудов шло морями Черным и Азовским, справедливо получивших название «хлеботорговых».

Перекройка политической карты едва ли изменит внешние границы экономико-географического понятия «Русского округа», разве что переменится название. Зато иное внутреннее соотношение частей округа по всей вероятности отразится на характере его внешнего товарообмена. По карте, начерченной Версальским миром, область Казачьих Земель, Кавказ, Туркестан и т. д. оказываются при прежнем географическом расстоянии теперь дальше от Европейского округа экономически: цепь Прибалтийских государств, Польша и другие кладут новые политические границы-преграды на пути в западную Европу. При этих данных путь для европейских товаров на восток через Балтийское море и дальше сушей может оказаться слишком трудным. Значение Черного и Азовского морей подымается. Баланс происходящего через южные моря товарообмена увеличивается, страны транзита этим выигрывают. Развитие Мурмана и пути через Белое море еще слишком проблематичны, других же водных путей на запад у Европ. округа нет. Таким образом, для всего Русского округа главная линия, по которой может идти товарообмен с Европейским округом водным путем является линия портов Одесса - Ростов - Новороссийск - Туапсе. Абсолютное доминирование в этой области Одессы оспаривать трудно. Однако, если брать относительное значение этих портов для лежащего позади Hinterland'a и принять во внимание величину последнего, то значение портов восточного побережья Черного моря и побережья Азовского моря будет не меньше Одессы.

Подводя итог, мы констатируем: положение Ка-

зачьих Земель у южных морей, сыграющих в будущем решающее значение в процессе товарообмена между Русским, Европейским и Британским торговыми округами, представляет огромное преимущество, преимущество стран интенсивного и массового транзита. Можно смело утверждать, что рано или поздно, но в районе, где теперь лежит Новороссийск, Ейск, Ростов, Азов и др. скромные порты, зарегистрированные в регистрах мировой торговли, как пристани «местного значения», возникнут мировые порты первого разряда. Они должны возникнуть также, как должны были рано или поздно возникнуть Гамбург, Марсель, Александрия и другие «окошки» на мировой рынок.

Мы рассматривали одну артерию обмена: с северо-востока на юго-запад. Теперь рассмотрим другое направление: с северо-запада на юго-восток. В то время, как по отношению к первому направлению Казачьи Земли оказались лежащими на границе трех мировых торговых округов, в узле меновой артерии, по отношению ко второму направлению они лежат внутри Русского округа (напоминаем, что выражение «Русский округ» есть давно установленный в экономической географии термин, без отношения к моментам политическим). Линия, проводимая по рассматриваемому направлению, проходит почти целиком по суше. Суша же не является стихией, особенно благоприятствующей развитию товарообмена. Длина проходящей в этом направлении торговой артерии до известной меры ограничена пределами доступности, экономической «проницаемости», компактной массы суши. Граница эта приблизительно совпадает с границами Русского округа: едва ли из пунктов, лежащих дальше, будет удобен сухой путь на юго-восток (и наоборот), а не водный вокруг Европы. Разность абсолютных расстояний тут не важна, ибо ведь шли же из Одессы в Гамбург грузы дешевым, хотя и окружным водным путем, а не «прямым», сухим. Из Румынии в Швейцарию хлеб тоже шел не «прямым» путем по суше, но морем через Геную. Таким образом об'ем транзита через Казачьи Земли с северо-запада на юго-восток ограничивается приблизительно масштабами товарообмена в этом направлении внутри Русского округа. Хотя нет никаких оснований думать, что обмен по этой линии будет абсолютно мал — наоборот и тут раскрываются большие горизонты для транзита — все же относительно это направление уступает в своем количественном значении торговой артерии, проходящей через Казачьи Земли с северо-востока на юго-запад. Этим и определяется ее ценность.

Чрезвычайно выгодным является обстоятельство, что линия Москва-Ташкент и Москва-северная Персия, т. е. линии с северо-запада на юго-восток проходят через Казачьи Земли. Это указание не стоит в противоречии с положением о несколько отрицательном значении компактности массы суши на севере и северо-западе Казачьих Земель, как фактора, уменьшающего длину линии товарообмена. От Москвы до северной Персии и от Москвы до Ташкента, конечно, очень далеко. Но не всякая географически длинная линия является длинной экономически. Туркестан лежит по карте несравненно ближе к Бомбею и Персидскому заливу, чем к Москве, и в то же время путь товарообмена на Москву был, по крайней мере, по прежним условиям, более короток. Тоже можно сказать и о северной Персии. Ведь недаром в свое время Англия по договору с Императорской Россией отказалась от противодействия «русскому влиянию» в северной Персии и оставила за собой лишь Персию южную: несмотря на большую близость к южным водам Персидского залива, северная Персия, при состоянии тамошних путей сообщения, просто фактически не могла бы входить в Британский торговый округ, почему и отнесена экономической географией и самой жизнью в округ Русский. К тому же комбинация сообщения по Волге и Каспийскому морю создают водный путь — долгий, но дешевый, а следовательно экономически уже более короткий.

Предстоящее осуществление немецкими фирмами проекта Siemens-Bau-Uniona постройки железной дороги между Benderhes (Каспийское море) и Choromus (берег Персидского залива), может внести существенное изменение в географию товарообмена. Однако, Казачьим Землям это дает сравнительно близкий выход в южные воды Персидского залива и Индийского океана, впрочем это дело будущего. По отношению же к настоящему мы констатируем, что Казачьи Земли лежат на водной дороге (Царицын-Астрахань) и на сухом пути (железной дороги Москва-Оренбург-Ташкент) не малого экономического значения.

Оценивая значение для Казачьих Земель географического фактора под углом зрения возможности их участия в мировой торговле, мы этим самым касались и их географического положения с точки зрения связи с мировым транспортом. Однако, ряд данных из этой области нужно оттенить специально. География мирового транспорта тесно связана с картиной общего наклона суши. Наука говорит, что 22% суши имеет склон во внутрь континентов, 78% к морю, при этом к Атлантическому океану имеет склон около 64 милл. кв. килом., в то время, как суша со склоном к Тихому океану измеряется приблизительно 16 милл. кв. килом., к океану Индийскому столько же. На этих цифрах основано сосредоточение мирового транспорта на море и первенствующее положение Атлантического океана.

Казачьи Земли непосредственно не прилегают ни к какому океану. Из трех морей, у которых

они лежат, Каспийское не без основания называется иногда озером, так как оно не связано с океаном. Море же Азовское и Черное относятся к бассейну Атлантического океана, так как связаны с ним через море Средиземное. Таким образом имеется связь с водным пространством того ближайшего океана, которому принадлежит первенствующее значение в процессе мирового транспорта и который пересекают 80 судоходных линий, в то время, как океан Тихий лишь 15, а Индийский — 26.

Дальнейшим важным обстоятельством является расстояние внутренних точек суши от моря. Высчитано, что в среднем таковое расстояние равно 560 километрам. Измеряется ли расстояние рассматриваемой зоны от моря цифрой меньше, зона считается «близкой к морю». Восемьдесят % площади Европы входят в зону близкую к морю, что сыграло огромное значение в ее экономическом развитии. Если от Казачьих Земель отсечь небольшой северо-восточный кусок по прямой, проведенной приблизительно параллельно ж. д. через Оренбург, но в верстах 100 на северо-восток от нее то, за исключением этого куска, вся остальная масса Казачьих Земель лежит в зоне «близкой к морю».

Таково положение Казачьих Земель по отношению к морям, главному фактору географии мирового транспорта.

Подойдем теперь к вопросу с другой стороны. Земная суша заселена чрезвычайно неравномерно. В то время как $^7/_8$ суши заселены очень слабо, — около 4 чел. на 1 кв. килом., — на остальной $^1/_8$ суши сосредоточено $^3/_4$ человечества, с плотностью 60 человек на кв. килом.

Если взглянуть на мировую карту густоты населения, то легко заметить, как бы 4 острова густого населения, лежащие в море населения менее плотного. Этими островами будут: Европа, Передняя Индия, Китай с Японией, и Соединенные Штаты. Из географического положения этих «островов» явствует, что мировой транспорт, связывающий эти острова, должен быть более интенсивным в полушарии северном, чем в южном, и идти по преимуществу по параллели. Так оно и есть в действительности. Соединим прямой Прагу, как центр Европы, с Калькуттой, Калькутту с восточным побережьем Китая, последнее с Прагой. Мы получим треугольник, две линии которого проходят через Казачьи Земли. Над этим фактом стоит задуматься, так как хотя транспорт и не совершается по линиям прямым, но все же экономически кратчайшее расстояние стремится всегда выравняться и приблизиться к математической прямой.

Главные линии мирового транспорта можно разделить на три класса. К первому экономическая география относит пароходные линии из пристани западной Европы в Северную Америку, трансконтинентальные железные дороги Северной Америки, пароходные линии из Северной Америки в Восточную Азию; начинающийся в пристанях западной Европы кругосветный пояс смыкается морским путем Япония-Индия-Суец, а по суше Сибирской железной дорогой. Весь пояс дополнен теперь Панамским каналом.

Ко второму классу относятся линии, соединяющие главные культурные экономические центры со странами меньшей культуры и экономической силы, например, линии Европа-Южная Америка, Европа-Южная Африка и т. д.

К третьей группе линии, соединяющие между собой земли с менее густыми населениями, например, Южная Африка-Австралия.

Из линий первого класса ни одна до сих пор непосредственно через Казачьи Земли не проходила. Наиболее близкой к ним являлась Сибирская железная дорога; из морских — путь на восток через Средиземное море. Для Казачьих Земель наиболее ценными являются линии второй группы.

Рассматривая возможности сухопутного товарообмена, мы уже видим, в какого рода «пучке» таких линий лежат Казачьи Земли. Что касается транспорта водного, то наши земли связаны водой со Средиземным морем, которая пересекается во всех направлениях, более 90 линиями. В числе их и линии первого класса.

Наидешевый, наиудобный транспорт — водный является не всегда таковым для ряда специальных товаров и особенно для движения пассажирского, так как ему недостает быстроты.

В числе связанных с быстротой проблем мирового транспорта до войны стояла на очереди проблема железно-дорожного пути Петроград-Калькутта. В масштабах уже лежавшего в этом направлении железно-дорожного пути недостающий кусочек от последней русской станции в Кушке через Афганистан до первой английской станции в Индии Perhavar был ничтожен. Препятствием к соединению были исключительно политические соображения.

Какова бы ни была политическая обстановка в дальнейшем, и каковой бы пункт ни был избран за исходный, таковой путь важен для всего человечества и рано, или поздно он пройдет. А как не повести линию через Ростов ли, Оренбург, но все равно великий трансконтинентальный путь Лондон-Индия пройдет через Казачьи Земли, со всеми вытекающими для них последствиями от транзита.

Итак, мы обрисовали первый из факторов экономической жизни наших земель — географическое их положение, которому мы придаем первостепенное значение. Следующие два фактора относятся также к географии наших земель. Однако, мы ставим их отдельно, так как значение их чисто внутреннего характера, в отличие от ряда элементов

внешних, создающих фактор первый. Мы имеем в виду климатические и почвенные условия наших земель.

В климатическом отношении Казачьи Земли не представляют однородного целого. Между климатическими условиями Оренбурга и Гагр, или Сочи лежит большая пропасть. Однако, такое неединство представляет выгоды: оно обусловливает развитие различных сторон хозяйственной жизни, а это в свою очередь ведет к установлению живого внутреннего товарообмена, различие климатических условий приводит у нас к большой пестроте растительного мира. Пестрота эта особенно бросается в глаза, если принять во внимание небольшую разницу широт (14 град.) северных и южных окраинных точек Казачьих Земель (Гагры — 43 гр. сев. шир., Челябинск — 57 гр.). Не везде при аналогичной протяженности по меридиану можно встретить такое количество различных представителей флоры, как у нас. Своими северными частями Казачьи Земли входят в области резко выраженного континентального климата, в царство Сибирских холодов; южные границы подходят к царству апельсина, чайных плантаций и даже банана. Когда подобные контрасты мы находили в пределах целой бывшей Российской империи, — этому удивляться не приходилось: на то она и занимала $^1/_6$ часть суши; но такие сочетания на территории $^1/_{54}$ части суши поистине удивительны.

Большие контрасты встречаем мы и в наших землях и в отношении атмосферных осадков. На ряду с сухим северо-востоком (нижнее Поволжье), в них находится и бывшая Черноморская губерния, южные части которой соприкасаются с одним из влажных уголков Европы (Батум). В Сочи мы имеем в год в среднем 1247 мм. осадков, на Тамани — 305 мм., в Туапсе — 1411, в Астраханской губернии 200 мм. В ряду климатических данных наших земель должны быть упомянуты, в качестве отрицательного фактора, северовосточные ветры, приносящие не мало вреда народному хозяйству. Наш норд-ост часто достигает большой силы, производит захваты на посевах, сбивает на деревьях плоды, сжигает завязи, производит разрушения в портах и т. д.

Не менее важным фактором экономической жизни Казачьих Земель являются их почвенные условия и внутреннее устроение земной коры. Так как в нашу задачу не входит предлагать читателю географию Казачьих Земель, то мы лишь вскользь упомянем об огромном разнообразии их внешнего и внутреннего строения, о наличии в них на ряду с покрытыми камышами болотистыми почвами Приазовья, солончаками востока, и полярными почвами снеговых гор, также и богатейшего в Европе чернозема, и даже приближающегося к суб-тропическим почвам краснозема юга Черноморской губернии, пригодного для экзотических растений. Нас интересует лишь влияние этого фактора на развитие нашей экономической жизни. Вся хозяйственная жизнь Казачьих Земель базируется на эксплуатации главным образом растительных богатств; добыча ископаемых богатств стоит пока на втором месте. Распределение же растительных богатств связано не только с климатическими, но и с почвенными условиями. Сочетание этих данных вызывает довольно ясно обозначившееся в хозяйственной жизни деление наших земель на три района:

1) сухой, пустынно-песочный и степной восток, где преобладает скотоводство, 2) достаточно влажный центр и предгорный и нагорный юго-запад — царство земледелия и 3) богатый ископаемыми северо-запад — область развитой горнозаводской промышленности.

Мы уже упоминали об удивительном сочетании в комплексе Казачьих Земель различных стихий природы: моря, гор, степей и лесов. Это сочетание создает возможность многогранного народного хозяйства. Стихия-степь, земли-равнины в большинстве случаев являются ареной земледельческой культуры. Добыча полезных ископаемых сосредоточивается чаще в горных районах. «Лесные» богатства уже своим названием говорят о своем местонахождении. Сочетанием всех этих стихий не могут похвастаться многие. В большинстве случаев зоны, богатые земледельческими продуктами являются синонимами зон бедных горными богатствами и наоборот. Казачьи Земли могут служить поставщиком и хлеба, — удел земель степной стихии, и стали и угля, — богатство горных стран, и нефти — ее не хватает всем вообще. Хлеб, сталь, уголь и нефть, — это четыре предмета собственно самых существенных и важных для всего мирового хозяйства, прибавить следует разве еще хлопок.

Хлебная продукция Казачьих Земель характерна в двух отношениях: во-первых, район продукции, не только речными путями связан с морем, но и непосредственно примыкает к нему; во-вторых, весь комплекс наших земель лежит в зоне экстенсивной культуры. Последнее обстоятельство, рассматриваемое само по себе, ничего особенно положительного не представляет. Однако, с точки зрения мировой конкуренции на зерновом рынке, оно имеет известную положительную сторону, ибо результатом экстенсивности земледелия обыкновенно является дешевизна продукта.

Позиция стали (железа) и угля наших земель характеризуется монопольной близостью к ряду рынков потребления (например, к центральному промышленному району России), что обеспечивает сбыт, известный уже налаженностью дела, которое и в условиях революции не сошло на нет, и близостью дешевого водного пути для экспорта.

Если хлеб, сталь и уголь «козыри» в картах Казачьих Земель, то нефть — это «козырный туз».

которого ничто не бьет. В соответствующем месте мы поговорим о значении нашей нефти подробней, сейчас же только скажем, что нефть принадлежитъ к числу тех редких и дорогих даров природы, которые вводят отдельные обладающие ею уголочки в число «благословенных» и «избранных».

Третьим и последним фактором развития экономической жизни Казачьих Земель мы считаем характер их заселения человеком и интенсивность культурного развития населения. В ряде мест этой книги, особенно в статье И. А. Билого «Территория и население», читатель найдет нужные сведения о населении Казачьих Земель. Мы хотим только обратить внимание насколько этот фактор подчинен двум вышеуказанным — климату и почве. Ход заселения наших земель протекал под их ясным и очевидным влиянием. Пути колонизации шли по естественным водным путям — Волге, Дону, по Азовскому и Черному морям. На них закреплялись первые военные поселения, на них же зарождалась и хозяйственная жизнь наших земель. Там, где почва была бесплодна, а климат губителен, — там колонизация встречала непреодолимый отпор. Если мы сравним картограмму распределения атмосферных осадков в Казачьих Землях с картограммой густоты населения, то увидим, что площади минимальных осадков приблизительно совпадают с площадями с наименьшей плотностью населения. Средняя густота населения Астраханской губернии равна 6,3 человека на одну кв. версту. Если же мы добавим к Астраханской губернии северо-восточные округа Донской области и восточные части Ставропольской губернии и Терской области, то как раз и получим район с минимальным количеством осадков в 200 мм. в год и область с бесплодными почвами. Не то на западе и юго-востоке. Области чернозема и благоприятного климата: тут население росло быстро, плотность была относительно велика; также быстро развивалось здесь и народное хозяйство. В упомянутом уже очерке И. А. Билого читатель найдет ответ и на вопрос о национальном составе населения. И эта сторона не остается без влияния на экономическое развитие Казачьих Земель. Народы кочевники, а отчасти и горские племена, остаются у нас носителями традиций скотоводства. Горцы в свое время имели ряд достижений в области садоводства (остатки черкесских садов!). Мусульманское население исключает в ряде районов свиноводство, так как Коран считает свинью животным нечистым. Культура России принесла нашим землям промышленность и вовлекла их в круговорот мировой торговли. Наше табаководство обязано своим развитием грекам и армянам. Болгары двинули вперед наше огородничество и т. д. Роль абсолютной величины густоты, национальности и характера населения в построениях хозяйственной жизни Казачьих Земель, конечно, несомненна, так как человек то, ведь, является субъектом хозяйственной жизни. Указанием на этот фактор мы оканчиваем настоящую главу.

Итак: географическое положение во вне и расположение внутреннее, климат, почва и внутреннее строение земной коры, и, наконец, данные населения, — вот естественные факторы, которые влияли на ход экономического развития Казачьих Земель в прошлом, дают основу понимания и в современной экономике, и послужат базисом путей их будущего хозяйственного развития. Посмотрим теперь, как же сказалось действие этих факторов в прошлом и бросим взгляд на хозяйственную историю наших земель.

II. Этапы хозяйственного развития Казачьих Земель.

Территориальный комплекс, именуемый ныне Казачьими Землями, известен с прадавних времен не только как одна из арен политической истории: с тех же прадавних времен он связан и с историей развития мирового хозяйства. В нашу задачу не входит излагать истории экономического развития Казачьих Земель. Мы хотим лишь наметить несколько основных историко-экономических этапов периодов развития.

Указать нижние границы первого трудно. Они уходят в расплывчатую даль древней истории. Это те времена, когда по территории Казачьих Земель проходил великий транзитный путь от Европейского запада и юга к азиатскому востоку. В двух направлениях шел этот путь: от северо-запада к юго-востоку, и от юго-запада к северо-востоку. Льнувший к водным путям товарообмен древнего мира находил себе в наших краях две удобных водных артерии: Волгу, известную под именем Ра, связывавшую северо-запад с средней Азией, и Дон. «Переволока» между последним и Волгой связывала просторы Азиатских степей с заморскими странами Черного, Азовского и Средиземного морей. Несмотря на наличие крупных местных государственных образований, сменявшихся в ходе истории, мы склонны понимать первый этап экономического развития Казачьих Земель, как период их транзитного значения для тогдашнего международного хозяйства. Шедшие из Азии волны народов приносили с собой задание новых культур и, оседая, создавали эти культуры.

Каждая эпоха, каждая страница истории бывает отмечена и специфическими чертами экономического быта. Изучение истории наших земель даст в будущем богатый материал и в этом отношении. Однако, едва ли он изменит указанное нами тогдашнее конструктивное значение наших земель в международном хозяйстве. Характер «пути», «дороги», по которой шло переселение народов, был слишком неблагоприятен для создания на месте

чего-либо экономически более или менее самостоятельного, цельного и постоянного, что могло бы стать активной частью хозяйственного мира тех времен. И все эти крупнейшие торговые центры в роде Хозарского Итиля, Сарая Золотой орды, Сарайчика Ногайской орды, древней Астрахани, богатых греческих колоний и т. д., и т. д. — все это лишь узлы на нитях тянувшихся от одного континента к другому и лишенные самостоятельного экономического значения. В ходе истории узлы эти развязывались, — города превращались в развалины, потом завязывались новые, — возникали новые центры. Значение их такое же, какое, скажем, имеет современный Сингапур, один из центров мировой морской торговли, но в то же время теряющий свой всякий удельный вес вне связи с мировым хозяйством.

Греки, арабы, персы, индусы, хивинцы, болгары, мордва, далекие сибирские племена слали сюда кожи, рыбу, мед, воск, хлеб, меха, шелк, восточные пряности, серебро, золото, драгоценности, рабов. Товары лились широким потоком, но лишь в небольшой части задерживались на месте. В массе же лишь проходили через наши края. Не изменилась обстановка и несколько позже, когда с одиннадцатого века суб'ектами разных нашествий и нападений стали горцы, татары, генуэзцы и т. д. Однако, степень экономического значения наших земель в эти века уже начала заметно слабеть. Центры тяжести хозяйственной жизни начали перемещаться, с ними начало меняться и направление мировых путей. Подоспело открытие Америки, руки Европы потянулись за океан. Во времена победы Турецкого востока нет уже и помина о том могучем потоке товарообмена, который пробегал раньше через наши земли. Он сменился деятельностью отдельных предприимчивых купцов, с опасностью для жизни пускавшихся со своими караванами на иноверный восток. Турки уже были плохими купцами.

Где-то, в пятнадцатом столетии, приблизительно посредине Европы, кончается описанный первый исторический этап хозяйственной истории наших земель. Он был очень долог и не пропорционален по своей продолжительности этапам позднейшим. Однако, несмотря на всю калейдоскопическую пестроту переворачивавшихся страниц истории, он представляет несомненную цельность с точки зрения истории развития мирового хозяйства, этапа их транзитного значения для последнего.

Скотоводство в сухих солончаковых степях и редкое население, уцелевшее у отдельных, сохранившихся торговых путей и в скотоводческих степях, — вот с чем вступали наши земли в середине 15 столетия во второй этап своего экономического развития. Пошедшая в это время колонизационная волна с запада — с Украины и отчасти с Русского севера, была иного уже характера, чем прежние волны народов из Азии. Она шла медленно, но твердо, оседая. Враждебный иноверный восток был берегом, о который бились и который размывал и Казачество и волны колонистов.

Широкий простор степей давал не только политическую свободу, но и свободу в создании собственного хозяйственного быта. Быт этот отвечал общей военной обстановке того времени. Все что связывало население, «отяжеляло» его, уменьшало его боеспособность — все это в начале отстранялось и не находило себе места. Земледелие считалось занятием предосудительным. Савельев в книге «Трехсотлетие Войска Донского» пишет, что еще в семнадцатом столетии, Донское Войско приговаривало: «Если кто станет пахать землю и сеять, того бить до смерти.» Зато скотоводство было в почете и достигло блестящего расцвета. Нетронутые плугом степи и заросли травяной растительности создавали великолепные условия. Табуны коней почти круглый год бродили на подножном корму. Отары овец и стада рогатого скота были неисчислимы.

По мере расширения территорий и отодвигания полосы вечной борьбы с соседями, начал образовываться известный безопасный тыл и центр.

В обиход казачьего народного хозяйства начало входить хлебопашество. Хронологически это совпадает с послепетровской эпохой Русской истории, конец предыдущего периода которого ознаменовался для Казачества взятием Азова и выходом к морю. В толщу нетронутого, быть может, от сотворения мира чернозема врезывался плуг земледельца. Только завоевание плугом пространств в Северной Америке может сравниться с нашим земледелием того времени. Все же земледелие еще не являлось тогда преобладающей отраслью народного хозяйства. Во втором периоде экономического развития Казачьих Земель, таковым оставалось скотоводство. В качестве второстепенных отраслей народного хозяйства сильно развивавшимся на этом этапе были и рыболовство и пчеловодство. Наметились также, но лишь только наметились, и некоторые виды промышленности. Касается это особенно каменно-угольной промышленности Дона, где добыча каменного угля началась впервые уже в 1789 году.

Торжество хлебопашества, занятие им первого места в народном хозяйстве Казачьих Земель и оттеснение скотоводства на второе место, кладет начало в 1860—70 г.г. третьему периоду нашей хозяйственной истории. Оборудование портов и возможность подвоза к ним хлеба по прокладывавшимся железным дорогам открыли перспективы экспорта, стимулируя запашку новых площадей. Земля расхватывалась. Сбор зерновых культур рос прыжками. Работа на волах сменилась лошадиной запряжкой. Примитивный плуг уступил место широко распространившемуся плугу Сакка,

а тяжеловесная неуклюжая деревянная борона — стальной бороне зиг-зага. Все более и более входило в обиход применение усовершенствованных сельско-хозяйственных машин. Мелкое земледелие превращалось в полутоварное, а дешевые рабочие руки новых и новых переселенцев создавали базу для чисто капиталистического крупного товарного земледелия помещиков. Это та эпоха, когда Казачьи Земли получили название «житницы России».

С уменьшением количества свободной земли постепенно стали развиваться более интенсивные культуры. Стремительно росла площадь посева подсолнечника. Входили в оборот технические растения. Достигло расцвета табаководство. Став менее важным для народного хозяйства, не потеряло свой удельный вес и скотоводство, наоборот начали развиваться его новые отрасли, например, свиноводство. Начинают подумывать об эксплуатации лесных богатств. Появляется и стремительно растет промышленность— и сельско-хозяйственная, и горно-заводская, и добывающая, и обрабатывающая. Развитие отдельных ее видов может конкурировать по темпу с ростом промышленности Соединенных Штатов: от 1860 до 1890 годов добыча, например, угля Донбаса, возрастает в 110 раз, а в 1916 году — в 292 раза! Рука человека протягивается к недрам земли и открывает новые и новые богатства. Начинается эксплуатация измеряющихся миллиардами пудов запасов нефти. Намечается разработка залежей цветных и благородных металлов. Стоимость вывоза всех продуктов из Казачьих Земель доходит до сотен миллионов рублей (по вычислениям С. Маракуева примерно до полмиллиарда рублей в 1913 году). Казачьи Земли связываются крепкими нитями товарообмена с заграницей и входят в качестве активного участника в мировое хозяйство. От роли «житницы России» они переходят к роли поставщика зерна для Западной Европы, вывоз куда зерна из Северной Америки стал перед войной выказывать тенденцию к сокращению, создавая благоприятную конъюнктуру для наших хлебов. Великая война разорвала нити протянувшиеся заграницу, но не остановила хода наших экономических успехов. Третий исторический период хозяйственного развития Казачьих Земель это годы небывалого под'ема и быстрого прогресса всего нашего народного прогресса под знаменем земледелия. Начался этот этап полстолетия тому назад. Кончился — под пушечные залпы большевицкой войны, ознаменовавшейся всесметающим смерчем регресса и упадка.

III. Общие данные: земледелие и промышленность.

В основе экономического благосостояния Казачьих Земель лежит сельское хозяйство. По изобилию своей сельско-хозяйственной производительности Казачьи Земли занимали выдающееся место в мире, не говоря уже о значении их в хозяйстве России. Обязаны они этим прежде всего своей земле, ее количеству и качеству.

По абсолютной величине территория Казачьих Земель превосходит ряд европейских государств, однако, не вся масса их земли одинаково пригодна для хозяйственного использования. Благодаря наличию безводных пространств, солончаков, пустынных песков, крутых склонов гор и плавней % неудобной для сельского хозяйства земли довольно высок. Так в Астраханской губ. 6 мил. земли из 20 до сих пор не имели никакой экономической цены. Такие же пустынные степи находим в Прикаспийском углу Терской области, в северной части Ставропольской губ. и в юго-восточной Донской области. Склоны Кавказского хребта хотя и покрыты в большинстве случаев лесом, все же немалой своей частью увеличивают % неудобных земель. Немало земли пропадает под плавнями и лиманами берегов Азовского моря. Однако, могучие пласты чернозема, создающего исключительные условия для земледелия, с избытком восполняют все, что теряет народное хозяйство на этих неудобных землях. Кроме того специалисты исчисляют, что из земли считающейся «неудобной», до 7 мил. дес. можно обратить даже под экстенсивное хлебопашество. Если же Казачьи Земли перейдут со временем к интенсивным формам земледелия, то тогда вообще говорить о неудобной земле не придется, т. к. «негодных» для интенсивного земледелия почв наука не знает.

Для понимания структуры народного хозяйства Казачьих Земель необходимо иметь представление о землевладении. Краеугольным камнем здесь является землевладение Казачьих Войск. Часть территории принадлежащая Казачеству измерялась в 21.7 мил. дес. при общем количестве земли в 57 мил. дес., дальнейшее, напр., распределение видно из след. табл. в мил. дес.:

	Площадь губерн. или области	Войсковых земель	В том числе			В числе отведенной станицам земли значилось десятин		
			в станичных наделах	в наделе офицеров	в войсковом запасе	удобной	леса	неудобн.
Астраханск. войс.	20,0	0,81	0,62	0,09	0,10	0,24	0,03	0,35
Донское „	15,0	12,15	9,48	0,57	2,10	7,73	0,20	1,56
Кубанское „	8,6	6,79	5,97	0,43	0,33	4,68	0,83	0,45
Терское „	6,6	1,96	1,74	0,12	0,11	1,41	0,10	0,22

В процентах из всего количества войсковой земли кругло 18% составляло войсковой запас, остальное количество приходилось на станичные наделы. Удачное решение земельного вопроса, столь занимавшее в годы революции Раду и Большие Круги, должно явиться залогом благополучия не только нашего сельского хозяйства, но и всего народного хозяйства вообще. Сельское хозяйство, являясь главным источником народного дохода, было у нас главным занятием населения. Действительно, если мы разобьем наше население на 10 групп, то соотношение их выразится в следующих цифрах (статист. сбр. Лященко):

	Свободн. проф. администр. и общест. служба	вооруж. силы	богослужение	частная служба прислуга	личные средства	сельское хозяйст.	промыш. и ремесла	пути сообщения	торговля	прочие занятия
	на одну тысячу									
Астраханская губ. . .	13	2	6	92	15	736	67	27	36	6
Донская обл.	12	3	5	43	16	754	96	23	39	9
Кубанская обл. . . .	8	3	3	48	10	790	82	16	33	7
Ставропольская губ. .	8	2	4	27	10	857	58	7	22	5
Терская обл.	11	17	5	36	16	812	53	19	25	6
Черноморская губ. . .	24	10	4	165	24	406	182	99	72	14

Как видим, количество лиц занимающихся сельским хозяйством подавляющее. Группа «промышл. и торговая» хотя и стоит на втором месте, но значительно уступает предыдущей. К тому же выводу мы придем сопоставляя количество городского и сельского населения хотя полностью, конечно, сельское население нельзя отождествлять с земледельцами.

На 100 душ населения в наших Землях приходится сельского населения в Астраханской губ. 86.1 душ, в Донск. обл. 80.3, в Кубан. обл. 91,6, в Терск. 81,4, в Ставропольской 94.4, в Черноморской 51.6. Губернии Ставропольская, Астраханская и Кубанская обл. превышают, таким образом, цифру среднюю для всей России (без Финляндии 85,0).

Еще более бросается в глаза высокий % нашего сельского населения в сравнении с другими странами. Так в Германии сельское население составляло лишь 37,1% (1919). Англии 22%, Франции 53,3% (1921 г.), Австрии 39,8% (1920 г.), Швейцарии 69,7% (1922 г.), С. Штатах 56,2% (1920 г.).

В значительном отношении не были почитателями земледельческой культуры наши кочевые и горские народы, составлявшие значительную часть населения на юге и востоке, земледелие здесь заменялось скотоводством.

Несмотря на подавляющий процент земледельческого населения, сравнительно небольшая густота населения и наличие абсолютно огромных пространств годной для землевладения земли создавали все же достаточную обеспеченность земледельческого населения землей. Последняя значительно превышала в Казачьих землях таковую в Европ. России. В 1916 году на 100 душ населения в Европ. России приходилось посевной площади 86 дес., на Дону же 166.2, в Ставропольской губ. 191,5 дес.

При рассмотрении обеспеченности по видам культур оказывается, что наиболее высокая обеспеченность в сравнении со всей Европ. Россией у нас была в отношении культур наиболее ценных, напр., пшеница. Также значительно превышала средние для Европ. России цифры и величина нашего земельного надела, доходившего в Ставропольской губ. до 30 дес. на крестьянский двор, или до 4 дес. на душу населения. Величина среднего казачьего надела на душу мужского пола видна из след. табл. в дес. (Сирин):

	всей земли	удобной	леса
Астраханская губ. . .	33,8	13,0	1,7
Терек	15,1	12,3	0,9
Дон	13,5	11,0	0,8
Кубань	8,8	7,7	1,3

Большие величины ряда перечисленных элементов народного хозяйства об'ясняют отчасти те огромные цифры, которыми характеризуются размеры земледельческой культуры Казачьих Земель. В общей сложности под главные культуры у нас запахивалось 13,04 мил. дес. (1914), что составляет менее ¼ всей территории (57 мил. дес.). Если в будущем к этой площади прибавится еще 7 мил. дес., о которых мы упоминали раньше, то площадь запашки сможет дойти до колоссальной цифры в 20 мил. дес. Но и при 13,04 мил. дес. она равняется всей территории Чехословакии 142 тыс. км², превосходит площади таких государств, как Венгрия (93 т. км²), Португалия (92 т. км²), Болгария (103 т. км²), почти в 5 раз больше Бельгии (30.000 км²), в 3½ раза больше Швейцарии (41.000 км²) и Дании и т. д. В 1919 году по отношению к засеву всей империи площадь засева Казачьих Земель составляла около 14,7%. Урожай всех культур

(без подсолнечника и без Астраханской губ.) составлял около 9% сбора империи, сбор же трех наиболее важных хлебов — пшеницы, ячменя и кукурузы — равнялся почти ⅓ сбора Европ. России. Отношения эти могли бы быть во много раз больше, в виду наших занятых под землед. культ. почв. В то же время, как видно дальше из таблицы, благодаря исключительно экстенсивному хозяйствованию и отсутствию надлежащей обработки, урожайность главных хлебов с десятины у нас не превышала средние цифры для 50 губ. Европ. России в 1911—15 г.г. (см. табл. в пуд.), наиболее высокие цифры урожайности давала Кубань и отчасти Ставропол. губ.

	Астрах.	Дон	Кубань	Ставр. губ.	Терек	50 губ. Европ. России
Озимая рожь	15	42	65	52	52	59
» пшеница	22	40	66	61	57	70
яровая » .	24	38	64	53	52	50
овес	26	47	72	61	59	55
ячмень . . .	—	50	127	62	62	56
кукуруза . .	—	47	110	74	78	84
лен	—	26	35	24	27	31

По составу земледельческих культур наши земли отличались определенным своеобразием. Первое место занимали у нас зерновые культуры, среди них в первом ряду была пшеница, далее шли — ячмень, кукуруза, овес, рожь, просо, подсолнух, лен и конопля. Для всей империи наиболее распространенными хлебами были — озимая рожь, овес, яровая пшеница и ячмень. Для Казачьих же Земель озимая рожь и овес играли второстепенную роль и до 75% посевной площади (кроме Астрахан. губ.) занимали озимая и яровая пшеница и ячмень. Из остальных культур значительно большое распространение по сравнению со всей Евр. Россией, у нас имели кукуруза и просо, наоборот, гречиха, лен, конопля и картофель имели значение меньшее, чем в последней. Исключительную роль играли в Казачьих Землях культуры масляничных растений, особенно подсолнуха, дававшие половину всего русского сбора масляничных семян. В Зап. же Европе масляничные растения не играли до войны, маломальски, заметной роли.

Луговодство и сбор сена у нас характеризовались цифрами относительно небольшими.

Лишь Астраханская и Черноморская губ. да Терек дают высокие цифры лугов, 3 же области, наиболее важные в отношении земледельческой культуры, выказывают цифры меньшие, чем средние для России. Это важный дефект нашего земледелия, каковым он был и для России — кормовые травы в С. Штатах занимали 17,5%, в Англии они покрывали до ⅓ посевов, в России же, доходя до максимума в Белоруссии (5,1%), они занимали лишь немного более одной сотой доли. Ничтожное распространение кормовых трав приводит к упадку скотоводства и в конечном итоге истощает почву.

Итак гипертрофия зерновых культур, высокий % масляничных растений и ничтожное развитие полевого травосеяния — вот отличительные черты севооборота в Казачьих Землях. С точки же зрения Европейских земледельческих районов, наши земли заслуживают название района «пшенично-ячменно-кукурузно-подсолнечного».

Виды культур, стоявшие у нас на первом месте по площади засева, давали и главнейшие продукты для вывоза. По расчетам проф. Лященко (Хлеб. торг. на внутр. рынках Европ. России) в наших четырех земледельческих областях (Дон, Кубань, Терек, Ставроп. губ.), остаток главных хлебов на вывоз — озимая и яровая пшеница, озимая рожь, — составлял в 5летие 1909—14 г.г. в среднем в год 200 мил. пуд., для 1914 г. цифра вывоза хлеба должна быть повышена до 237 мил. п. Эти же основные продукты казачьего земледелия лежали в основе и нашего экспорта заграницу. Проф. И. Емельянов, побывавший еще до войны в сев. Америке, в своей книге «Кооперативная организация среди землевладельцев» рассказывает, как он собственными ушами слышал на одной из крупнейших в мире хлебных бирж — в Чикаго, как особый метеорологический мегафон известил биржу о выпавшем в этот день на Кубани дожде! Если этот пример с одной стороны иллюстрирует совершенство организации Чикагской хлебной биржи, то с другой он характеризует и мировую роль нашего хлебного хозяйства и нашего экспорта. Каков же должен был быть удельный вес этой отрасли народного хозяйства Казачьих Земель, если один дождь на Кубани уже влиял на курс Чикагской биржи, с ее оборотами в сотни миллионов пудов хлеба!

Помимо зерновых хлебов и масляничных растений Казачьи Земли были богаты еще целым рядом специальных земледельческих культур. Среди них на первое место надо поставить табак. Сбор его высших сортов превышал половину сбора всей Империи и представлял важный продукт для экспорта.

Обращает на себя также внимание и виноградарство наших земель. До 7 мил. пудов винограда собиравшегося в Казачьих Землях составляли около ⅕ всего сбора Империи. Ряд сортов получавшегося у нас вина оставался непревзойденным.

Из глав об огородничестве, бахчеводстве и садоводстве, читатель увидит, что эти отрасли земледелия стояли у нас довольно вы-

соко, хотя достигали лишь незначительной доли возможного развития.

Второю по важности отраслью сельского хозяйства Казачьих Земель было скотоводство. И в составе богатой, по абсолютным цифрам, скотом Российской Империи, Казачьи Земли выделялись количеством скота. Почти все губ. Европ. России оказывались по общему правилу значительно менее богаты и лошадьми, и крупным рогатым скотом и в особенности овцами. В относительных цифрах на душу населения наше овцеводство превосходило соответствующие средние цифры для Европ. России в 5—7 раз. И при неточности преуменьшенных статистических данных соответствующей главы читатель увидит, что в некоторых отношениях Казачьи Земли могли претендовать на первые места среди скотоводческих стран мира. По количеству свиней три наших главных земледельческих области также выделялись среди губерний и областей России. Неудивительно, что, как поставщик продуктов скотоводства, Казачьи Земли занимали исключительное место особенно в отношении шерсти, кожи, жира. Наша тонкорунная шерсть составляла 75% сбора России.

И в таких близко стоящих к скотоводству областях с.-хозяйства, как птицеводство и пчеловодство, наши земли были представлены достаточно высоко; в отношении пчеловодства, напр., мы могли претендовать на первенствующее значение.

Обособленно стоят лесные богатства Казачьих Земель. Совершенная их необследованность и почти полное отсутствие эксплуатации, как-то невольно оттесняло их на задние незаметные места. Это не должно служить поводом к преуменьшению их значения и общей недооценки, ибо Предкавказье, Терек, Кубань и особенно Черноморская губ. располагают огромными ресурсами лесных богатств, как в количественном, так и в качественном отношении. Ряд встречающихся здесь пород стоит вне всякой конкуренции с обычными породами стран экспортирующих лес.

Несравненно более, но все же в недостаточной степени ценились и наши рыбные богатства. А между тем Казачьи Земли занимали исключительное по обилию рыбы место среди рыбных районов России, а Астраханский район и всего мира.

Бросим теперь взгляд на географию нашего сельского хозяйства. В главе о факторах хозяйственного развития Казачьих Земель, мы разделили всю нашу территорию на три основных района: восточно-скотоводческий, центральный и юго-западный — земледельческий, северо-западный — промышленный. Дальнейшее подразделение опять таки основывается на факторах косвенно-климатических, устройстве земной поверхности и данных о населении.

Из однообразного скотоводческого района востока артерия Волги, воды Урала и побережье Каспийского моря позволяют выделить подрайон рыболовства. Развитие этого вида народного хозяйства в некоторых частях подрайона настолько велико, что совершенно вытесняет скотоводство и делается чуть ли не исключительным видом занятия местного населения. Центральную земледельческую полосу можно разбивать на ряд подрайонов в зависимости от преобладания той или иной культуры. Северные округа Донской области с их тучными черноземными полями и почти исключительно пшенично-ржаной культурой находятся еще отчасти под явлением сухого востока и составляют подрайон типичного хлебопашества. В их восточные части, в Сальский округ, в сев. уезды Ставропольской области и отчасти в северный округ Терека и прилегающие части Кубанской области врезывается еще местами скотоводческий восток. Приближение к югу сопровождается повышением влажности и создает отдельные центры специальных растений. Кубанская область включает уже большие площади подсолнечной культуры в Майкопском, Екатеринодарском и Лабинском отделах, к ним следует добавить подсолнечный подрайон Пятиторского округа на Тереке.

Обилие солнца и тепла юга вызывает большое распространение высокоинтенсивных культур: табака, винограда, садовых растений и т. д., а приближение к берегам Черного моря создает уже целые их крупные подрайоны. Из таковых для табака укажем районы на Черноморском побережьи: у Джубги, Туапсе, Сочи, Архипоосиповки, Геленджика, далее ряд мест в Кавказском и Баталпашинском отделах на Кубани; по нижнему Дону (ст. Мечетинская, Кочетовская) и Миусу. Для виноградарства местности в районе Анапа-Новороссийск, Геленджик, Туапсе-Сочи, у Моздока и Кизляра — на Тереке, на Дону — вокруг станиц Цымлянской, Константиновской, Кочетовской, Чирской, Каменской, ряд мест и в Астраханской, Ставропольской и Кубанской областях. Для садоводства нижнее течение Волги, ряд местностей на Дону, Кубани и Ставр. губернии. Из пчеловодных подрайонов заслуживают упоминания юг Кубанской области ст. Уст-Медведицкая и Вешенская на севере Донской области. Поперечной полосой проходит по горам и вдоль Кавказского предгорья подрайон лесов, составляя основной массив лесных ресурсов Казачьих Земель, заметно расширяющийся на запад, захватывающий всю полосу Черноморской губернии и дополняемый отдельными островами лесов на севере.

Развитие рыбных промыслов в устьи Кубани, Дона, на Приазовских лиманах и на Терском побережьи Каспийского моря образуют ряд рыболовных подрайонов, правда уже не со столь резко выраженным содержанием, как подрайон Астра-

ханский. В общем из 45 округов и уездов к районам, более или менее, чистого земледельческого характера могут быть относимы 29. Углубление в дальнейшие детали не соответствовало бы масштабам нашего очерка, почему мы и перейдем теперь к характеристике второй области народного хозяйства Казачьих Земель — промышленности.

Напряженность хозяйственной жизни страны в ее промышленной грани бывает обыкновенно пропорциональна плотности ее населения. Казачьи Земли являются зоной довольно вообще редкого населения. Концентрация населения выражается в заметных величинах, главным образом лишь в ряде районов Кубанской и Донской областей. Соответственно этому может быть дана и общая схема промышленности Казачьих Земель: малое развитие промышленной жизни в целом, относительно большой удельный вес промышленности на Дону и меньший на Кубани. Таковая схема требует ряда оговорок.

Прежде всего »слабость« нашей промышленности оттеняется вследствие силы нашего сельского хозяйства; промышленность Казачьих Земель слаба не столько сама по себе, как в сравнении с могучим размахом сельского хозяйства, масштабам которого она не отвечает. Даже и в данной отрасли нашего народного хозяйства критерием для измерения развития традиционно являлись масштабы соответствующей отрасли народного хозяйства Империи: приходилась ли на нашу долю значительная процентная часть, той или иной величины, из статистических данных — говорилось о силе: приходилось ли мало — о слабости. При рассмотрении нашего народного хозяйства через призму всей бывшей Империи, этот прием, конечно, обоснован, однако, для оценки самое по себе такой метод не годится, т. к. не раскрывает подлинную картину, ибо величины небольшие относительно могут быть абсолютно все же значительными. И в третьих, едва ли можно при определении удельного веса промышленности Казачьих Земель оценивать ее безотносительно к истории: суть всего нашего народного хозяйства была не столько в его статике и определенных зафиксированных достижениях, сколько в динамике, в его стихийном росте и развитии. С этой точки зрения промышленность Казачьих Земель проявляла темпом своего развития огромные внутренние силы и неудержимость эволюции. Едва ли в этом случае прилагательное «слабый» как то ассоциирующееся с представлением о хилости и вялости, правильно характеризует истинную природу и дает верную оценку нашей промышленности. Но отдадим дань «традиции» и будем и мы называть промышленность Казачьих Земель, квалифицировать, как «слабую».

Некоторая картина всей нашей промышленности характеризуется следующими данными, выбранными из свед. Мин. Торг. и Пром. за 1912 год.

	Обработ. пищевых и вкусовых веществ		Обработ. животных продуктов		Механическая обработка дерева		Обработ. минеральных веществ		Химические производства		Добыча руды выпл. и обработ. металлов		Производ. бумаги и бум. изд.		Обработ. хлопка		Обработ. шерсти		Итого	
	Зав.	Раб.	Зав.	Раб.	Зав.	Раб.	Зав.	Раб.	Зав.	Раб.	Зав.	Раб.	Зав.	Раб.	Зав.	Раб.	Зав.	Раб.	Зав.	Раб.
Дон . . .	59	4008	7	795	11	412	47	3243	14	263	54	16700	25	698	3	83	3	110	224	26322
Кубань .	80	3039	4	41	1	58	20	1100	11	248	29	923	7	135	—	—	1	280	153	3824
Терек . .	47	1007	2	15	1	30	3	370	3	253	7	940	—	—	—	—	—	—	63	2615
Астрах. г.	50	2521	17	187	23	1152	30	916	1	4	38	2009	4	84	2	14	—	—	165	6887
Ставр. г.	51	598	—	—	—	—	—	—	1	12	—	—	6	301	—	—	—	—	58	911
Черном. г.	2	38	1	10	1	4	3	2696	1	139	1	40	8	71	—	—	—	—	17	2998
В цифрах .	289	11211	31	1048	37	1656	103	8325	31	919	129	20612	50	1289	5	97	1	10	4	390	680	45557

Таблица эта однако подводит итоги только для тех (и то не всех) предприятий, которые были подчинены фабрично-заводской инспекции и не затрагивают массу мелких заведений. Ее данные несколько уже устарели. Но никаких иных обобщающих сводок для нашей промышленности больше не было. Те различные цифровые данные, которые мы приводим дальше в главах об отдельных видах промышленности, заимствованы из специальных статистических сведений по разным видам промышленности. Сведение их в одну таблицу было бы рисковано в виду слишком большой нестроты источников.

В приведенной выше таблице обращает на себя внимание небольшое число рабочих, составлявших лишь 2.7% числа рабочих России. Сведения за 1914 год однако обнаруживают, что статья дохода населения через заработную плату была не так уже относительно ничтожна, т. к. в большинстве отраслей промышленности заработок рабочих у нас превышал средний соответствующий заработок по России.

Рассмотрение размеров промышленных предприятий дает характерную картину: в Казачьих Землях преобладают мелкие фабрично-заводские предприятия, в 78% предприятий число рабочих не превышает 100 человек. Что же касается распределения рабочих, то в то время, как в общерусских центрах видно преобладание рабочих в крупных предприятиях, главная масса рабочих Казачьих Земель была в 1914 г. занята в предприятиях средних размеров.

Базой нашей промышленности служило все то же сельское хозяйство, это хорошо видно, если разделить ее на 2 основных вида: добывающую и обрабатывающую, из которых появление и развитие второй было всецело обусловлено успехами нашего сельского хозяйства. Соответственно первостепенной роли в нашем земледелии зерновых культур, среди отдельных видов обрабатывающей промышленности на одно из первых мест следует поставить мукомолье. Несоответствующее продукции хлебов в Казачьих Землях (по Лященко у нас перемалывалось менее $^1/_5$—$^1/_6$ всего получавшегося зерна) наше мукомолье все же давало до 13% выработки пшеничной муки всех товарных мельниц Европейской России. Еще большее относительное значение имела промышленность маслобойная, дававшая до половины всего русского производства. В числе наиболее развитых отраслей обрабатывающей промышленности стоит производство табачных изделий, доля которых в русских масштабах доходила до $^1/_5$, обработка остального сельско-хозяйственного сырья не соответствовала масштабам сельско-хозяйственного производства. Так очень слабо была развита промышленность винокуренная, очень небольшую долю сырья поглощала и промышленность мыловаренная и кожевенная. Продукты шерстепрядильного производства составляли лишь 3% производства России в то время, как сбор тонкорунной шерсти давал 75%.

Среди видов обрабатывающей промышленности, не связанных с земледелием, выдающееся значение имело производство цемента, дававшее до $^1/_3$ продукции всей России. Во много раз меньше значения имела металлообрабатывающая промышленность. Упоминанием о производстве сельско-хозяйственных машин, дававшем до 5½% русского производства и недостаточном для удовлетворения потребности наших краев, мы исчерпаем главнейшие виды обрабатывающей промышленности Казачьих Земель.

Система географического обозрения обрабатывающей промышленности подобно тому, как мы это сделали, говоря о сельском хозяйстве, была бы довольно затруднительна, ибо промышленные заведения этого рода были разбросаны по всей территории Казачьих Земель. Тем рельефней выделяется на их «земледельческом» фоне северо-западный район, который мы наметили в числе трех основных хозяйственных районов и который назвали »промышленным«. Несмотря на то, что в этом районе была представлена и обрабатывающая промышленность, главным ее определяющим фактором являются ископаемые богатства земли и построенная на них добывающая промышленность. Северо-западной своей частью Казачьи Земли входят в знаменитый промышленный «Донбас». До $^1/_3$ его лежит в пределах Донской области. Наличие богатейших залежей угля, особенно наиболее ценного его сорта — антрацита, давно начатая их разработка, быстрый рост добычи и созданная на базе угольной промышленности, промышленность металлургическая, превращают этот район в центр не только относительно, но и абсолютно сильно развитой промышленности. В отношении добычи такого ископаемого, как антрацит, правильнее уже было бы искать не наше место и % добычи по отношению ко всей Империи, но, наоборот, цифры общерусских, кроме Дона исчислят в % от добычи на Дону. Не страшно здесь проведение параллелей с промышленностью заграничной.

Географически отдельно от этого «промышленного района», находится в наших землях месторождение нефти. Уже и при несовершенстве разработки нефти Грозненского района и молодости нефти кубанской, ее добыча в Казачьих Землях приблизилась к $^1/_3$ добычи нефти во всей России, привлекая к себе внимание мировых покупателей.

Разрабатывавшиеся Саданские месторождения серебряных руд являлись единственными в Европейской России. В районе Новочеркасск-Грушевском, на Тамани, по реке Ардону, в районе Грозного разрабатывались залежи железных руд.

Перечислить все то, что не разрабатывалось, но что содержали в своих недрах наши земли — это значит начертать целую программу могучей и разнообразной добывающей промышленности будущего. Магнитный железняк и железный купорос по р. Теберде; залежи серы, сурьмы, озекерита в районе Грозного, там же и по р. Сунже во Владикавказском районе — медные залежи, серный колчедан, мышьяковые, молибденовые и цинковые руды у Грозного, Владикавказа по реке Садону и у Баталпашинска, наконец, признаки золота в русле Терека — Моздока по Урухе (Владикавказ. район), вот начало длинного перечня и факты, которые рано или поздно должны обогатить Казачьи Земли рядом новых горнопромышленных районов.

Подведем итоги. Народное хозяйство Казачьих Земель построено на базе эксплуатации растительных богатств края, на земледелии. Земледелие это стоит в теснейшей связи с естественными условиями наших земель. Промышленность базируется отчасти на сельском хозяйстве, отчасти на подземных богатствах. И то и другое шли по пути быстрого развития. Старшее земледелие прошло уже не малый этап и имело не только относительно, но и абсолютно очень большие достижения. Более молодая промышленность прошла этап меньший, но и то, что достигнуто ею не мало. Каковы были эти достижения и земледелия и промышленности — читатель увидит дальше, а пока только следующие цифры:

По отношению к прежней Европ. России Казачьи Земли занимали:

Сельское хозяйство:

по сбору всех хлебов	12,5%
» » пшеницы	37,2%
» » ячменя	34,1%
» » кукурузы	29,2%
» » подсолнуха	50,0%
» » табака высших сортов	55,0%
» количеству овец	13,0%
» сбору тонкорунной шерсти	75,0%
» размерам рыболовли	65,0%

Промышленность:

по добычи каменного угля	75%
» » нефти	20%
» » серебра	100%
» » свинца	80%

Таковы в общем виде размеры сельского хозяйства и промышленности Казачьих Земель. Перейдем теперь к рассмотрению их отдельных видов.

IV. Отдельные отрасли хозяйства и промышленности.

1. Зерновые культуры.

Основной отраслью сельского хозяйства Казачьих Земель является хлебопашество. Вся эта отрасль народного хозяйства характеризуется у нас весьма большими, как абсолютными, так и относительными цифрами. Общий урожай зерновых хлебов наших земель доходил до огромной цифры 650 миллионов пудов, составлявших, как мы только что видели, 12,5% урожая б. Европейской России. В переводе на душевой сбор это составляло около 45 пудов на душу. Наиболее крупное количество сбора давали пшеница и ячмень, в чем нельзя не видеть результата влияния экономического характера: запроса со стороны внешнего рынка. Перефразировка существовавшего применительного к юго-востоку выражения «житница России» на ее «пшеничницу» (Сирин) было вполне обосновано. Нижеследующая таблица со средними цифрами производства отдельных видов хлебов в Казачьих Землях за 1911—1916 гг. подтверждает нашу мысль.

	в милл. п.	в % Евр. России
рожь озимая и яровая	39,4	2,9
пшеница озимая и яровая	304,7	37,2
ячмень оз. и яров.	158,0	34,1
кукуруза	27,0	29,2
овес оз. и яров.	36,7	5,1

Составляя свыше ⅓ сбора б. Европ. России, урожай пшеницы давал у нас почти 22 пуда на душу населения, в то время, как ячмень 12 пудов, кукуруза и просо 2—3 пуда.

Мы привели цифры средние для всех Казачьих Земель, в отдельных же районах имело место значительное их превышение. Чистый остаток пшеницы на душу населения получался, напр., в Сальском округе 52,2 п., в Кавказском отд. 49 п., в Благодаренском уезде (Ставр. губ.) 44,6 п. и т. д. Для ячменя в Сальск. окр. 45,8 п., в Черкасском 32,8 п., в Благодаренском 31,3 п.

Остаток всех хлебов вместе составлял на душу населения на Дону 42,5, в Астраханской губернии 9,11 п., на Кубани 51,85 п., в Ставропольской губ. 69,7 п.(!), на Тереке 52,5 п., в Черноморской губ. 2,95 п. Из отдельных же округов по общему остатку на душу выделялся избытком хлеба округ Сальский 128,7 п.(!) и Моздокский 115,5 п.

Чтобы лучше «прочувствовать» величину нашего урожая некоторых зерновых хлебов, сравним его с соответствующими цифрами иностранных государств за 1909—13 г.г. (табл. в мил. квинталов); см. табл. ниже:

Из таблицы видно, что в то время, как по сбору овса мы уступали ряду и таких малых государств, как Бельгия или Швеция и занимали, не считая России, 9-ое место, в отношении пшеницы, мы занимали 6-е место в мире (без России), превосходя и таких ее поставщиков, как Аргентина или Австралия. Наш сбор пшеницы превышал весь сбор Германии, был почти в 3 раза больше сбора Велико-

	рожь	пшен.	ячмень	овес
Казачьи земли .	6,3	48,8	25,3	5,9
Франция . . .	12,5	86,4	10,5	51,6
Италия	1,4	49,9	2,2	5,4
Германия . . .	113,0	41,4	38,4	85,9
Испания	7,0	35,5	16,2	4,2
Великобрит. с Ирл.	0,1	16,2	14,2	30,0
Болгария . . .	2,1	11,4	2,8	1,4
Швеция	6,1	2,2	3,3	12,5
С.-Штаты . . .	8,9	186,9	39,6	164,2
Бельгия	5,8	4,1	0,9	6,2
Канада	0,5	53,6	9,9	54,2
Япония	—	6,6	21,3	0,7
Аргентина . . .	0,4	40,0	1,0	7,9
Австралия . . .	0,03	24,6	0,7	2,5
Британская Индия	—	95,7	—	—

британии с Ирландией, немного уступал Канаде и равнялся почти ¼ огромного сбора С. Штатов. По сбору ячменя Казачьи Земли стояли на третьем месте в мире, уступая лишь С. Штатам и Германии. По сбору ржи, несмотря на сравнительно небольшое ее значение у нас, мы занимали 5-ое (без России) место в мире, т. к. мировая продукция ржи относительно невелика. Такая роль в мировом хозяйстве наших зерновых культур об'ясняет приведенный раньше факт, имевший место на Чикагской хлебной бирже. В отношении кукурузы Казачьи Земли не могли претендовать на конкуренцию с огромными сборами таких заокеанских стран, как С. Штаты 687,9 мил. кв., или Аргентина 48,7 мил. квинт., но эта культура имела у нас относительно меньшее значение в общем сборе. По отдельным районам, впрочем, и сбор кукурузы давал большие остатки на душу населения. Нарзановский округ 64,65 п., Сунженский 37,96 п., Нальчикский 26,72 п. Каким образом распределялись все эти огромные цифры сбора по отдельным Казачьим Землям, видно из нижеследующей таблицы (в мил. пуд. за вычетом семян для посева):

	рожь	пшеница	ячмень	овес	кукуруза	ост. хлеб	всего
Астраханская губ. . . .	2,84	8,34	0,01	0,23	0,01	0,51	11,97
Дон	20,01	80,51	48,77	9,82	1,65	2,75	163,61
Кубань	4,84	84.51	44,20	11,52	8,32	1,81	155.18
Ставроп. губ.	0,62	50,15	29,34	5,89	0,83	5,89	92,72
Терек	1,70	14,70	10,80	4,79	20,23	12,60	66,19

В Астраханской губернии бросается в глаза почти полное отсутствие кукурузы. Дон превалирует в отношении ржи. Кубань стоит на первом месте по сбору пшеницы и овса, велик здесь, в сравнении с Доном, также сбор кукурузы, превосходящий урожай этой культуры в остальных областях взятых вместе. Среди иных хлебных злаков, кукуруза стоит на Тереке на первом месте. Если вспомнить отношение территорий Дона и Кубани (15, 8,6), то нельзя не обратить внимания на небольшую разность сбора их хлебов.

Исчерпывающее рассмотрение сбора хлебов по всем отдельным округам завело бы нас слишком далеко. Поэтому укажем лишь главные округа хлебной продукции по отдельным областям и культурам. Так в Астраханской губ. наибольший сбор давал Царевский уезд 7,26 мил. п. На Дону округ Черкасский 20,14 мил. п., Донецкий 32,40 мил. п. и Донской 1-ый 21,66 мил. п. По отдельным же культурам ржи наибольше давал Донской 2-ой 5,65 мил. п.: пшеницы — Донской 1-ый 19,09 мил. пуд. (т. е. больше сбора всей Швеции), ячменя — Черкасский 12,21 мил. п., овса — Донецкий 2,09 мил. п., кукурузы — Таганрогский 0,69 мил. п.

На Кубани максимальный валовой сбор был в отделах Кавказском 37,68 мил. п. и Лабинском 28,13 мил. п., эти же отделы выделялись по сбору пшеницы 20,73 мил. п. и 16,43 мил. п.; ржи больше всего собиралось в Таманском отделе 1,7 мил. п., ячменя в Кавказском 12,67 мил. п. и Таманском 10,36 мил. п., овса в Лабинском 2,91; кукурузы в Лабинском 25 мил. п. и в Баталпашинском 1,62 мил. п. В Ставропольской губ. наиболее продуктивен был Благодаренский уезд 25,80 м. п. хлебного сбору; там же снимались и максимальные урожаи отдельных хлебных культур, кроме кукурузы (последней наибольше в Ставроп. губ. до 0,37 мил. п.).

На Тереке наиболее богаты зерном были округа Моздокский 12,70 м. п. и Пятигорский 14,52 м. п., по отдельным же культурам выделялись продукцией кукурузы, округа Владикавказский 3,79 м. п., Грозненский 2,52 м. п., Нарзановский 4,25 м. п., Нальчикский 4,16 м. п., Сунженский 2,84 м. п.

На фоне сбора отдельных культур по Казачьим Землям в целом, первые места занимали: по сбору ржи — Донской 2-ой (5,65 м. п.), пшеницы и ячменя Кавказский (20,73 и 12,67 м. п.), овса Пятигорский (3,02), кукурузы Нарзановский (4,25 м. п.).

Распределение по территории Казачьих Земель цифр сбора одновременно набрасывает и контуры географического распределения у нас посевов той или иной культуры. Пшенично-ячменная культура характеризует Дон, Кубань, Ставропол. губ. и некоторые части Терской обл. и Астрахан. губ. Сочетание посевов ржи-пшеницы и кукурузы-пшеницы носит уже, более менее, местное значение. Наиболее северной культурой была рожь в сев. частях Донской обл. и Ставр. губ., наиболее южной — кукуруза южных округов Терека. Просо играло в севообороте значительно меньшую роль, давая в сред-

нем для Казачьих Земель 2—3 пуда остатка на душу и имея самостоятельное значение лишь в Астрах. уезде (83,13% посевн. площади), а в комбинации с иными культурами в Кизлярском (24%) и в Моздокском (38%) на Тереке. По преобладанию количества земли занятой данной культурой над культурами иными, выделяются «ржаные» уезды Астраханской губ.: Енотаевский 48,8% посевной площади и Красноярский 80%. Поистине пшеничными были Майкопский отдел Кубанской обл. 76,9% посев. площади и Царевский уезд Астраханской г. 75,8%, ячменными — Черкасский округ Донской обл. 55,5% и отдел Таманский 40,8%; «кукурузными» — Сочинский округ 76,2% и Нарзановский 83% посев. пл., овсяными Красноярский уезд Астрахан. губ. 20% и Пятигорский — Терской обл. 18,7%. Географию наших зерновых культур дополним таблицей площадей их посевов по отдельным областям и губ. (в тыс. дес.):

	озимая рожь	озимая пшеница	яровая рожь	яровая пшеница	яровой ячмень	гречиха	просо	кукуруза	овес
Астраханская губ. . .	180	8	18	337	11	0,6	25	—	8
Дон	826	143	18	2653	1278	1,5	119	22	272
Кубань	108	1116	3	703	819	4.5	38	75	206
Ставроп. губ. . . .	10	1035	1	542	576	—	139	9	134
Терек	47	257	3	17	150	1,9	184	215	76
Черномор. губ.	0,4	3	—	0,4	0,7	—	—	5	1,8

Территориально подрайоны с почти полным отсутствием озимых посевов или с их незначительным % располагаются в горных местностях, частью в южных округах Дона, в Ейском отделе на Кубани и на северо-западе Ставропольской губ. Озимый ячмень сеялся у нас вообще мало. Наибольшее распространение получали озимые культуры на юго-западе Кубани, в центре Предкавказья и на востоке Ставропольско-Терской полосы. Для яровых культур обозначалось два района: на крайнем юго-западе (Черноморье!) и Ставропольско-Терском центре Предкавказья.

Неодинаковая заселенность отдельных частей наших земель и ряд естественно-исторических моментов, создали довольно пеструю картину размеров посевной площади на 1 хозяйство. Рассматривая этот элемент, найдем весьма выдержанную последовательную смену групп крупнопосевных и среднепосевных районов. Группа районов с посевом на 1 хозяйство до 2 десятин занимает крайний юг, охватывая, главным образом, территорию с горским населением. С севера к этому району примыкает среднепосевная группа с посевом в 6—8 десятин на 1 хозяйство, проходя Кубанью и захватывая часть Донской области и Ставропольской губ. Еще дальше на восток и северо-восток величина посевов на 1 хозяйство достигает наибольших размеров. Цифры эти в среднем по областям давали в 1916 г.: для Ставропольской губ. 12 дес. на 1 хоз., для Дона 9 дес., для Кубани 6 дес.

Величина посевов стояла в связи с этнографическим характером населения.

«Инороднические» районы более богаты неиспользованной посевной площадью, но в то же время обычные размеры посева на 1 хоз. на «инород. территории» (9,9—12 дес.) уступают таковым казачьего населения (13—14 десятин).

Полоса крупных хозяйств является одновременно полосой низких урожаев, полоса среднепосевных — район наиболее высоких урожаев.

Наиболее экстенсивными и односторонне-зерновыми являлись районы северо-западный и северо-восточный, хозяйства же юго-запада отличаются разнообразием в составе полевых растений с чередованием зерновых культур с подсолнечником, сеянными травами и т. д. Район такого же интенсивного состава культур лежит и у устья Дона.

Интересно, что отличающийся интенсивным составом полевых культур район центральной Кубани отличается и небольшим % волов в отношении рабочих лошадей. Наоборот в районах экстенсивного земледелия северного Дона немалую роль играла и обработка земли волами.

Основной массой хозяйств, работавших на внешний рынок и принявших формы товарного производства, были крепкие, средние и крупные хозяйства, опиравшиеся не только на избытки собственной рабочей силы (больше семьи), но и на наемных рабочих. Поэтому в рыночном отношении наибольшее значение имели районы крупных хозяйств или же средних, но с негустым населением так, что получались большие избытки хлеба.

Посмотрим теперь, в каких количествах, откуда и на какие рынки поступали продукты нашей основной отрасли земледелия. Общая картина отправок хлебных грузов по жел. дорогам видна из след. табл. за 1908—11 г.г. в мил. пуд. (Лященко):

Главными экспортерами, как видим, является Кубань и Дон. Больше половины вывоза приходится на пшеницу, 80% вывоза который дают Дон и Кубань, далее идет ячмень, около 20% вывоза, значительную часть которого (75%) вывозят опять-таки Дон и Кубань. Вывоз овса невелик и уступает место даже количеству кукурузы, вывезенной в 1915 году из Терской области.

Главной жел.-дор. артерией, по которой шли

	всех трех глав. груз.	в том числе: пшеницы	ячменя	овса	проса и чум. (в 1915 г.)	кукур.
Астраханская губ. . .	0,41	0,25	0,001	—	0,05	—
Донская обл.	64,21	37,96	12,50	0,17	0,47	0,003
Кубанская обл. . . .	77,39	37,64	17,34	0,87	0,01	0,12
Ставроп. губ.	20,61	10,43	5,90	1,21	0,03	0,001
Терская обл.	27,20	3,48	3,91	0,90	0,58	4,64
Черноморская губ. .	0,26	0,01	0,06	0,01	0,004	—
всего	190,08	89,76	36,69	3,16	1,14	4,76

наши хлебные грузы, были дороги Владикавказская и юговосточные, перевозившие до 65% всех отправок (за 1914 год). Гораздо меньше проходило по жел. дорогам Ейской (7,6 м. п.), Екатерининской (5,4 м. п.) и Рязано-Уральской (1,3 м. п.).

Для Владикавказской жел. дороги центром принятия хлебных грузов был район Кавказская-Ставрополь (более 20,5 м. п. или 20% всех ее хлебных перевозок). Почти столько же давал район Тихорецкая-Торговая с отправками в 19 м. п. След. районом отправок был Гулькевичи-Армавирский до 12,7 м. п. По линии Ростов-Леушковская собиралось 7,5 м. п. Больше отправки давала линия Тихорецкая-Екатеринодар (до 12 м. п.). По линии Торговая-Царицын в год отправлялось до 9 м. п. Из крупных (с отправкой более 1 м. п. в год) отправочных центров на других жел. дор., укажем на Ейской—Сосыку (3 м. п.), Уманскую (1,9 м. п.), Хуторскую (1,2 м. п) и Староминскую (1,1 м. п.). На Екатеринской жел. дороге наибольше давал Матвеев Курган (0,7 м. п.); на юго-восточн. линиях Ростов-Чертково давали 17,7 м. п., Царицын-Урюпино 17,4 м. п., Царицын-Лихая 18,8 м. п.

Мы наметили узлы отправок всех хлебов вместе. Рассмотрим теперь главные центры вывоза отдельных хлебов за тот же 1914 год. Для движения пшеницы главным руслом являлась все та же Владикавказская железная дорога, перевезшая пшеницы 54,8 м. п. Наибольшее количество этого хлеба здесь собиралось в районе Тихорецкая-Торговая до 13,5 мил. п. Далее шла линия Кавказская-Ставрополь до 9 м. п., Тихорецкая-Екатеринодар до 4,5 м. п. и Кавказская-Екатеринодар до 4,5 м. п. Обособленно стоят районы Леушковская-Каяла с отправкой 4 м. п., Тихорецкая-Кавказская 1,5 м. п., район Армавира 3 м. п. и Георгиевск-Прохладная до ½ м. п.

На втором месте по перевозкам пшеницы стоят юго-восточ. жел. дор. до 2,5 м. п., на которых наибольше груза стягивали линии Лихая-Царицын до 9½ м. п., Царицын-Урюпино до 7 м. п. и Ростов-Чертково до 6½ м. п.

По Ейской жел. дор. пшеницы проходило уже заметно меньше, около 4,7 м. п.

Вывоз ячменя был менее сосредоточен по тем или иным отдельным линиям и распределялся равномернее. Как и для пшеницы, главным руслом для движения ячменных грузов была Владикавказская жел. дорога с ее отправками в 27,9 мил. п. Наибольшее количество грузов стягивали линии Кавказская-Ставрополь — 87.5 м. п., Тихорецкая-Торговая около 4,5 м. п., Ейская желез. дорога собирала ячменя в общей сложности 2,5 м. п., Юговосточ. жел. дороги до 3 м. п.

Играя главную роль в вывозе пшеницы и ячменя Владикавказская железная дорога производит и почти весь вывоз кукурузы. Отправка последней выражавшаяся в г. 1914 цифрой 6,6 м. п., концентрируется в станциях района Хасав-Юрт-Беслан-Дарг-Кох-Прохладная.

Наоборот, по отправке ржи исключительное значение имеют юго-восточные железные дороги: из всего количества отправок ржи 12.2 м.п. на их долю приходится 9.2 м. п. Главными районами отправок для ржи являются линии Лихая—Царицын (около 4 м. п.), на которой более 1 м. п. стягивает Обливская (2.1 м. п.) и Царицын—Урюпино (до 3½ м. п.). По Владикавказской железной дороге ржи перевезено в том же году лишь 2.5 м. п., из коего количества 1.8 м. п. приходится на район Торговая—Царицын.

Посмотрим теперь куда же шли все эти массы наших хлебных грузов. Общую картину дают следующие 2 таблицы распределения движения хлебных грузов в 1914 и за 1908 —11 гг.

	Всего отправлено грузов в милл. пуд.	Из этого числа: Движение внутри района				Вне района Каз. Земель	
		В милл. пуд.	В %	Из этого числа к южн. портам.			
				В милл. п.	В %	В милл. п.	В %
Все хлебн. грузы	195,4	135,3	69	89,3	46	60,1	31
Пшеница	87,8	73,0	83	51,3	59	14,8	17
Ячмень	34,9	31,5	91	24,9	71	3,3	10
Кукуруза	6,8	3,0	41	1,3	19	3,9	57
Просо	2,7	1,6	59	0,3	12	1,1	41

Отправка всех хлебных грузов по губ. и областям:

	Всего отправлено из пределов Каз. областей милл. пуд.	В том числе:					
		К порт. и погранич. пунк.				К внутренним рынкам	
		Всего		Из этого числа к южн. портам			
		В милл. п.	В %	В милл. п.	В %	В милл. п.	В %
Астраханская г. .	0,4	0,1	19,9	0,1	18,5	0,3	80,1
Дон	64,2	40,5	63,0	38,8	60,4	23,7	37,0
Кубань	74,4	60,2	77,8	59,7	77,1	17,1	22,2
Терек	27,2	10,9	40,1	10,2	37,5	16,3	59,9
Ставропольская г.	20,6	15,3	74,2	15,1	73,3	5,3	25,8
Черноморская г. .	0,3	0,2	89,7	0,2	18,5	00,3	10,3
Всего . . .	190,1	127,2	66,9	124,1	65,3	62,4	33,9

Из второй таблицы ясно обнаруживается какое значение имел для нас экспорт через южные порты. Из всей массы отправляемого количества кругло ⅓ оставалась в пределах Казачьих Земель, ⅔ же вывозилось из них, 65% последней части шло в порты. Особенное тяготение к заграничному рынку обнаруживают Кубанская область и Ставропольская губерния (73—77%) всего их вывоза. Меньше связан с портами Дон. Большой % отправок Терской области шел уже на внутренние рынки, для Астраханской же губернии значение внутреннего рынка превышало значение внешнего в 4 раза. На собственно местное движение хлебных грузов внутри Казачьих Земель, исключая из него целиком движение к местным портовым рынкам, по расчетам проф. Лященко приходится лишь 23% всего хлеботоргового движения: порты же по его расчетам притягивают около ½ всего нашего хлеба, цифры весьма знаменательные и говорящие об исключительной товарности нашего зернового хозяйства.

Из первой страницы видно движение отдельных сортов хлебов. Так пшеницы 59% шло к портам, (почти все к южным: к северо-русским портам всего около ½%) 24% на местные рынки внутри Казачьих Земель и 17% на вывоз по суше. В отношении подвоза к портам пшеница все же уступала первое место ячменю в виду значительного ее вывоза и по суше. Для вывозимой последним путем пшеницы (14.8 п.) главнейшими рынками являлись Тамбовская, Воронежская и Орловская губерний, дальше шло Закавказье (0.12 м. п.) и южное Прикаспие. До 2.5 м. п. нашей пшеницы получало Баку. Не мало шло далеко на север по линиям Московских и Петербургских железных дорог (1.4 м. п.). Москва от нас получала около 219.000 п. На южные дороги пшеницы поступало 1.6 м. п.

Что касается распределения пшеницы по портам, то наибольшее количество приходится на Ростов до 27.2 м. п., где она поступала для дальнейшего экспорта в Новороссийск. Ростов собирал пшеницу с юга Донской области, севера Кубанской и Ставропольской губернии. Новороссийск уже служил конечным пунктом для более широкого района чем Ростов, хотя и получал пшеницу лишь со станции Владикавказской железной дороги. Поступала в Новороссийск пшеница и из Ростова (до 1.3 м. п.).

Третьим портом по вывозу пшеницы служил Ейск, вывозивший до 8.5 м. п. и собиравший ее со станций прилегающего района и со станций Владикавказской железной дороги. Меньшее количество пшеницы вывозил Таганрог до 2.3 м. п. и Мариуполь 1.3 м. п.

Среди вывозимых хлебов, как видно из таблицы, на втором месте стоит ячмень. 71% его грузов шло в порты, 20% распределялось по рынкам внутри Казачьих Земель и 9% вывозилось сухим путем. Из русских рынков главным были Закавказье, получавшее ячменя до 1,2 м. п. (Баку до 0,51 м. п. Тифлис 0.3 м. п.) и район Москва-Петроград 0.38 м. п. (Петроград 0,13 м. п., Москва 0,07 м. п.). Из портов по вывозу ячменя первую роль играл Новороссийск, 18,6 мил. пуд., стягивавший со станций Владикавказской железной дороги, особенно из Ставропольской губернии. Ростов вывозил ячменя уже значительно меньше — до 5,3 м. п. Далее шел вывоз через Ейск — 4,2 м. п., потом Таганрог — 0.87 м. п. (с Екатерининской железной дорогой) и Мариуполь 0.07 м. п.

Цифры перевозки кукурузы значительно уступают транспорту пшеницы и ячменя. 19% кукурузы шло в порты, 22% расходилось по местным рынкам и 5% вывозилось из Казачьих Земель сухим путем. Из последнего количества около 1.2 м. п. шло на далекий север (в Москву 123.000, Петроград — 10.000 п.).

Небольшое относительное значение имел вывоз и из Казачьих Земель ржи. Из далеких рынков много нашей ржи получал Петроград 1.2 м. п., меньше Борисоглебск 525.000 п. и Москва 195.000

пудов. Около 20% ржи шло в порты. Из портов южных наибольшее значение имел Ростов, дальше шли Новороссийск 414.000 пудов, Таганрог 171.000 пудов, Мариуполь 12.000 пудов. До 775.000 пудов ржи шло в Рижский порт, 140.000 пудов в Ревель. Главная же масса зерна этого вида потреблялась на местах.

Подводя итог картине реализации урожая зерновых культур мы констатируем большую связанность с рынком этой отрасли нашего земледелия, исключительное значение рынков, лежащих вне пределов Казачьих Земель и сильное тяготение к рынкам заморским в частности. Исчисляя вывоз 1914 года в 237,000.000 пудов зерна и переводя его на курс денежный того времени, Сирин оценивает стоимость хлебного экспорта Казачьих Земель в 200 миллионов золотых рублей. Сумма огромная! Но получало ли народное хозяйство Казачьих Земель всю возможную выгоду и прибыль от описанной отрасли земледелия? К сожалению мы, принуждены ответить — нет. Мы отклонились бы слишком в сторону, если бы стали детально описывать все дефекты и несовершенства постановки у нас данного дела. Поэтому упоминаем бегло только о том, что дает базис для совершенной реализации урожая и, что является гранью соприкосновения земледельца с рынком — об оборудовании наших Земель зернохранилищами и элеваторами.

В итоге значительного увеличения числа зернохранилищ и элеваторов за годы войны, в 1917 году, емкость всех видов складочных помещений для хлеба, принадлежащих Владикавказской, юго-восточным и Екатерининской железным дорогам измерялись в таких цифрах:

	Склады и пакгаузы тыс. пуд.	Элеваторы с механич. оборудован. (тыс. пуд.)	Элеват. без. механич. оборудов. (тыс. пуд.)	Приписные склады тыс. пуд.
Астрах. губ.	167	—	—	57
Донская обл.	1.906	3.680	—	5.142
Кубанская обл.	9.818	800	100	9.660
Ставропол. губ.	2.613	200	50	4.716
Терская обл.	4.667	100	780	5.963
Черномор. губ.	752	100	—	—
Итого	19.923	4.880	930	25.538

что дает в общей сложности около 51.3 м. п. К этому надо прибавить зернохранилища Государственного Банка. Таковые в числе 4 были только в Донской области — Миллеровское, Обливское, Таловское, Урюпинское. Первые 2 вмещали до 600.000 пудов, 2 вторые по 500.000 пудов, т. е. в сумме 3.2 мил. пудов. За годы войны сильно возросло и число зернохранилищ кооперативных, однако сведения о них имеются лишь за 1910 год: 6 в Донской области с вместимостью в 47.000 пуд., 7 в Кубанской — 80.5 т. п., 4 в Терской — 150.000 пуд., 2 в Ставропольской — 30.000 пуд. В сумме, таким образом последние вмещали около 307.000 пудов. Оборудование зернохранилищ довершалось частными складами по линиям железных дорог. В Донской области с общей вместимостью в 12.4 мил. пудов, пристанским элеватором там же на 800.000 пудов и хлебными складами и элеваторами Новороссийска на 16.1 мил. пудов.

Складывая все эти цифры, получим общую вместимость зернохранилищ Казачьих Земель кругло в 84 миллиона пудов. При урожаях, доходивших до 650 мил. пудов и вывозе зерна превосходившем 200 мил. пудов, эти цифры ничтожны. Всякие сравнения с западными странами здесь служили бы лишь горькими упреками для нас. Отсутствие должного оборудования причиняло в сумме огромные убытки, заставляя продавать зерно земледельцев далеко не тогда, когда это было выгодно, а оптовиков-экспертов торопиться со сбором давивших масс хлеба, не имея возможности в должной мере считаться с мировой коньюктурой.

Невозможность показать товар лицом и вывозить только отпущенный на элеваторах хлеб, довершали эту картину, которая давала в свое время Менделееву основание, называть земледелие »хозяйством рабов«, благодаря абсолютной неорганизованности землевладельцев и рабской их зависимости от торгашей и рынка. Только должная организация зернового хозяйства сама по себе и в области соприкосновения с рынком принесет Казачьим Землям всю ту выгоду, для извлечения которой у них имеются все данные. Впрочем вопрос о том, будет ли зерновое хозяйство и в будущем иметь решающее значение в народно-хозяйственной жизни всех наших Земель, оспорим. Мы, например, склонны думать, что если на северо-востоке зерновые культуры и сохранят на очень долгое время свое решающее значение, то на юго-востоке в будущем возможно превалирование более выгодных интенсивных культур подсолнечника, табаку и т. д.

2. Масличные растения, маслобойная и поташная промышленность.

Культура масляничных, особенно подсолнуха, глубоко внедрилась в хозяйственный оборот земледельцев Казачьих Земель. Емкость рынка сбыта всех видов растительных масел велика. Несколько лет мировой и гражданской войны особенно дали почувствовать общую обедненность питательными жирами и недостаток масла для технических целей. В последние годы хозяйственное значение растительного масла в России быстро возрастало, особенно после изобретения инж. Вильбушевичем способа превращения жидкого масла в продукт «высо-

кой температуры давления», твердый при обычной температуре, и тем самым удобный для перевозок, хранения и употребления. По значению для народного хозяйства на первом месте среди масляничных растений у нас следует поставить подсолнух. Размеры и значение культуры подсолнечника для Казачьих Земель делают из него своеобразную особенность нашего сельского хозяйства. Наш сбор подсолнечника давал кругло ½ всего русского производства. Посевная площадь подсолнечника в наших Землях и сбор урожая виден из следующей таблицы 1914 года:

	посевная площ. в дес.	сбор в милл. пуд.	сбор с 1 дес.	сбор 1 душу	% отношп. площади
Дон	45,275	2,03	45	0,52	0,83
Кубань	272,568	21,07	77	7,06	7,81
Терек	25,354	1,77	—	1,40	2,41
Ставропол. губ. .	6,741	0,40	60	0,30	0,26
Черномор. губ. .	50	0,001	—	0,01	0,47
Итого	349,988	25,271	—	—	—

На первом месте, как видим, стоит Кубанская область. Появление подсолнечника на территории Кубани относится к 70 гг. прошлого столетия, т. е. к тому времени, когда из черноземных губерний Евр. России, сюда нахлынул переселенческий поток. В это время в ряде русских губерний, особенно Воронежской и Саратовской, культура подсолнечника развилась уже достаточно сильно и переселенцы принесли с собою не только самое культуру, но и известный опыт и навык к ней. Сначала при тогдашнем земельном просторе культура не могла иметь особого значения для жизни края: внимание населения было больше обращено на возделывание зерновых хлебов, требовавших меньшей затраты труда. Эволюцию земледелия в сторону развития культуры подсолнечника нужно отнести к 90 гг., когда »хлебный азарт« и усиленная распашка целинных земель была окончена. В 90 гг. кубанский хлеб обесценился на рынке, урожай его пал, производить его в прежних количествах не было смысла. Наоборот, хорошие цены на семя, большой спрос (начало экспорта семени через Новороссийск заграницу) и хорошие урожаи подсолнечника притягивали внимание населения в эту сторону. Продукция масляничной культуры быстро стала играть значительную роль в жизни края. За 6 лет с 1891 по 1896 г. площадь посева увеличилась в 4 раза (с 32.000 дес. на 145 тыс. десятин). В 1903—1905 году засеивалось уже 159.000 дес., в1908 —204.000 дес., в 1912-14 — 269.000 дес., в 1916 —289.000 дес., в 1917 — 357.500 десятин. Дальше шли »обычные« последствия революции: в 1920 г. было засеяно лишь 50.900 десятин, к 1924 году посев увеличился в три раза, к 1926 году пал опять до 117.000 десятин и только в 1928 году площадь посева на Кубани приблизительно сравнялась с довоенной, дойдя до 283.700 десятин.

По площади посева, урожайности и сбору подсолнечника, Кубань занимала первое место в Империи (далее шла Воронежская 207.414 дес.), давая в 1914 году около 30% площади, занятой под эту культуру во всей России (около 894.000 дес.) и 42% сбору. Однако сравнивая площадь посева и сбор подсолнечника во всей России и на Кубани, можно за ряд последних лет перед войной наблюдать правильное понижение % посевной площади на Кубани, что об'яснялось быстрым ростом засевов на Украине в то время, как такое же возрастание у нас шло медленно. Это давало некоторым специалистам повод утверждать, что площадь под подсолнечником на Кубани приближается уже до известного предела насыщения. Не то в других Казачьих областях и в частности на Дону. Сколь далеко было до возможных пределов в Донской области, видно уже из того, что в 1913 году здесь засев подсолнечника увеличился на 73%, а в 1914 году на 136%.

Увеличения сбора подсолнечного семени в наших краях в будущем будет связано с рационализацией культуры. Возделывание подсолнуха у нас впрочем было рациональнее, чем в тех же Воронежской или Саратовской губерниях, где по отзывам специалистов культура велась небрежно хищнически, что истощало почву и понижало урожайность. Разница между урожаем на десятину у нас и в некоторых других »подсолнечных« губерниях Империи была иногда значительна (пуд на 1 десятину).

	Куб. обл.	Ворон. губ.	Сарат. губ.	Екатериносл.	в среднем в России
1912 г.	70	57	36	68	57
1913 г.	52 (неурожай)	52	46	74	51
1914 г.	77	52	33	61	55

Превосходили нас по урожайности лишь губернии Полтавская и Херсонская.

Распространение культуры подсолнечника по отделам, округам и уездам было у нас весьма не-

равномерно. В Черноморской губернии максимум посева приходился на Новороссийский округ 42 десятины (сбор 1019 пудов). На Тереке на ряду с Веденским округом, где засевная площадь культуры занимала лишь 5 десятин, сбор равнялся 231 п., Кизлярский — 14.818. Пятигорский округ имел засев в 17.970 десятин (сбор 1.18 мил. пудов). В Ставропольской губернии наибольше засевалось в Александровском уезде, 536 десятин (сбор 305.000 пудов). В Донецком же округе подсолнечник занимал 16.839 десятин (сбор 840.950 пудов), а в Хоперском и Таганрогском по 8000 десятин с лишним. Самые крупные засевы были на Кубани в отделах Баталпашинском 21894 (сбор 1.3 мил. пудов), Таманском 27.356 десятин (сбор 1.69 мил. пудов), Кавказском 30.3 тыс. десятин (сбор 2.98 мил. пудов), Екатеринодарском 46.6 тыс. пудов (сбор 3.78 мил. пудов), Лабинском 56.6 тыс. десятин (сбор 4.77 мил. пудов) и, наконец, в Майкопском целых 81.135 десятин (сбор 5.98). Менее всего сеялось на Кубани, в отделе Ейском (8.5 тыс. десятин, сбор 0.5 мил. пудов). В таких же отделах, как Майкопский, Екатеринодарский, Баталпашинский и Лабинский площадь подсолнечника достигала $^1/_5$ и $^1/_3$ всей посевной площади, стоя после пшеницы и ячменя на первом месте, а сбор на душу населения колебался от 9.1 пудов (Екатеринодар) до 13.37 п. (Майкопский). Предположение о приближении посевной площади подсолнечника к пределу особенно касалось Майкопского отдела, где возрастание посевной площади шло весьма медленным темпом в сравнении с другими отделами.

Рассмотрение распределения посевной площади подсолнечника в Кубанской области, в порядке возрастания значения площади под подсолнечником, дает оригинальную закономерность: параллельно с увеличением значения подсолнечника с методической последовательностью убывает значение ячменя. Получается впечатление, что подсолнечник вытеснял значение ячменя. В этом ему как бы помогала еще кукуруза, явление характерное для эволюции нашего сельского хозяйства в сторону культур более трудоемких.

Сорта произрастающего в Казачьих Землях подсолнечника весьма разнообразны: их можно разделить на 2 группы: грызовые и масляничные. На Кубани грызовой подсолнечник занимает площадь в 10 раз меньшую, чем масляничный, хотя в отдельных местах встречается преобладание и грызового. Последний стал культивироваться главным образом лишь с начала XX столетия и по причине ограниченного спроса имел меньшее хозяйственное значение, чем масляничный. В военное время со стороны продовольственной организации принимались даже искусственные меры против увеличения площади грызового подсолнечника. Природные условия у нас тоже более благоприятствуют культуре масляничного подсолнечника.

Культуры других масляничных растений в Казачьих Землях тоже довольно многочисленны, по своему значению должны быть причислены к культурам мелким. Сюда относятся культуры льна, конопли, горчицы, рапса, клещевины, рыжика. По площади среди них наибольшую занимал посев льна средние цифры за 1911—15 год:

	посев площ. в дес.	сбор в тыс. пудов
Астраханская губ. .	179	4.395
Донская обл. . . .	9.584	225.315
Кубанская обл. . .	36.979	1.476.317
Ставроп. губ. . . .	16.173	372.114
Терская обл. . . .	8.194	114.508
всего	71.119	2,192.649

Наибольшие посевы льна и конопли сосредотачиваются в западной половине Донской области, по побережью Азовского моря, в Ейском отделе Кубанской области, на севере и юго-востоке Ставропольской губернии. Лен никогда не принадлежал к числу наших земледельческих культур, а в то же время, если мы возьмем площадь засева льна, хотя бы в одном Ейском отделе Кубанской области, то окажется, что она составляет 30% площади под льном в современной Польше, 54% — в ЧСР., 55% в Голландии, 42% — во Франции, 60% — в Италии, в 10 раз превосходит засев льна в Испании и в 20 раз в Болгарии.

На Кубани лен возделывался уже очень давно и появился вместе с колосовыми злаками. Однако его возделывание долго носило чисто потребительский характер. Историк Короленко в своем »описании Черномории« в 1852 году, говорит, что »лен и конопля в Черномории не имеют исключительных обрабатывателей, а многие хозяева по мере собственной надобности сеют то и другое без предварительной подготовки к этому десятин, а на обыкновенной весенней вспашке и с двоякой целью: получить семена и волокно.» Все же по данным »памятной книжки Кубанского Казачьего Войска« в 1879 году площадь под льном в одном Таманском отделе равнялась уже 16 тыс. десятин. Наибольшего развития на Кубани культура достигла в середине 90 годов, когда как раз достиг максимальных размеров вывоз заграницу и подсолнечного семени (в Новороссийск по железной дороге прибыло подсолнечного семени в 1891 году 2.4 мил. пуд., 1893 году 3.7 мил. пудов, в 1895 году 8.9 мил. пудов, 1896 году 10.9 мил. пудов, 1897 2,9 м. п.). Начиная с 1897 г., площадь посева льна на Кубани начала из года в год сокращаться, пав в 1909 г. до 4,276 дес. В более поздние годы началось опять увеличение. В 1913 году под льном находилось уже 6,814 дес. (сбор 280 т. пуд.), в 1916 г. даже 13,142 дес. (из них 10,982 дес. в отделе Ейском, 14.69 дес. в Таманском).

Обращает на себя внимание, что более мощное залегание культуры льна на Кубани сосредоточивалось там, где или нет совсем или слабо развита культура масляного подсолнечника. В то время, как в былые времена лен возделывался в небольших размерах на территории всей Кубани, перед войной в центре Кубани он уже почти не встречался. Недостаточное развитие культуры льна на Кубани тем более досадно, что в сравнении с остальной Империей его урожайность там была большая:

	1901—05	1906—10	1911	1912	1913
Урожайность в пуд. на 1. дес. в сред. в России . . .	27	28	28	33	34
Урожайность в пуд. на 1. дес. в сред. на Кубани . .	32	39	33	34	34

В годы последней войны лен возделывался на Кубани исключительно на семена.

В Ставропольской губ., стоящей по площади подо льном на втором месте, выделялся уезд Прасковеевский с засевом в 12.486 дес. сбором кругло в 300 т. пудов. На Тереке больше других давал Моздокский округ сбор 96.379 п. засев 6693 дес. На Дону наибольшая площадь засева была в Хоперском и Донецком округах — 2393 дес. и 2358 дес. (сбор 29.509 п. и 60.048 п.), урожайность большая была в Таганрогском округе, где на 1652 дес. собиралось 54.589 п. Размеры посева конопли видны из следующей таблицы:

	посев. площ. в дес.	валовой сбор в пудах
Астраханская	78	1,045
Донская	6.781	278.855
Кубанская	4.577	108.059
Терская	1.376	36.940
Ставропольская . . .	113	3.270
всего	12.925	428.169

Как видим, на первом месте стоит Дон, потом идет Кубань. По отношению к площади засева всей Империи засев конопли в Казачьих Землях составлял лишь 2% — величина скромная; по сравнению с засевом других стран, получим, что мы в отношении продукции конопли превосходили не только мелкие, но и ряд крупных государств. Так площадь под коноплей во Франции составляла лишь 51% нашего засева, в Испании 64%, в Болгарии 21%, в Австрии 2%, в Ч. С. Р. 67%, в Бельгии 8%, в Японии 80%. Значительно превосходили нас лишь такие мировые поставщики конопли, как филиппинцы, Российская Империя в целом, Италия. А ведь культуру конопли мы причислили к числу малых культур нашего земледелия. На Кубани, напр., в 1917 г. конопля на полях почти не встречалась, кроме отделов Баталпашинского и Лабинского, и занимались под нее лишь свободные места в огородах и усадьбах, при опросе же о величине посева хозяева часто и сами не знали, сколько засеяно: «так, посеяли немного для себя грядочку», или по черноморски клаптик — вот обычный ответ.

Из приведенных только что цифр мы видим, к чему приводили эти «клаптики« да «градочки». Посев конопли распределялся особенно на Кубани более равномерно, чем льна. На Дону максимум под посевной площади было занято в Донецком округе 4109 дес. (сбор 159.735 п.), в Хоперском 1402 дес. (сбор 38.866 п.). На Кубани наибольшие цифры выказывает Ейский отдел 289 дес. засева и 23.406 п. сбора и в отделе наименьшего распространения — Таманском — засев доходил до 495 д. со сбором 7778 п. В Терской области больше всего земли было занято под коноплей в Моздокском округе 944 дес. (сбор 24.544 п.), в Ставропольской губ. в Медвеженском уезде (38 дес.) и в Астраханской губ. — в Черноярском уезде 78 дес.

Из числа второстепенных масляничных культур следует отметить горчицу. Из 43 т. дес. ее посевов по всей Империи, около 35 т. дес. приходилось на долю Астраханской губ., где эта культура занимала около 4—5% всей посевной площади. В размерах свыше ½% посевной площади посевы горчицы встречаются еще на севере и северо-востоке Ставропольской губ., на востоке Донской обл. и в районе Ставропольской губ. В Ставропольской губ. наибольший % посевной площади названная культура вместе с рыжиком занимает в Благодаренском уезде. На Кубани посевы этих двух культур носят более или менее случайный характер, в полосе же горского населения не встречаются вовсе. Наибольшая площадь под горчицей была на Кубани в Лабинском отделе 1637 дес. В имении барона Штейнгеля «Хуторок» и вблизи поселений Гулькевичи, Отрадо-Ольгинского и Ново-Михайловского горчица возделывалась даже в качестве полевой культуры. В «Хуторке» уже в 1896 году ее было засеяно 153 дес. Обычно же горчица засеивалась на свободных местах, в усадьбах и огородах. На Кубани из разновидностей горчицы возделывалась преимущественно «белая горчица», как дающая общий выход масла (до 35%); средняя урожайность на 1 дес. здесь была 57,7 пуд. (в 1917 г.), в Ейском же отделе доходила и до 70 пудов.

В ряду других масляничных растений большой интерес представляет Кубанская клещевина, по некоторым данным росшая там и в диком виде: хозяева ст. Черниговской Майкопского отдела уверяли, что лет 20 тому назад их юрт изобиловал зарослями дико растущей клещевины, станичники, мол, долго на нее не обращали внимания и только какой то приезжий надоумил их использовать семена «рай-дерева» в пищу. Сначала, говорят, полу-

чавшееся касторовое масло действовало на потребителей «соответствующим образом», но потом организмы приспособились и многие ели его, как ни в чем не бывало, только впоследствии узнали станичники назначение получавшегося масла, перестали его есть, забросили и добычу. В конце концов клещевина выродилась, частью была вырублена, как «бесполезное» (!) растение.

Как культура (в 1917 году) клещевина была распространена на Кубани неравномерно, оазисами. Наибольшее распространение она получила в степной полосе, условия же горной природы для нее менее благоприятны. По количеству десятин больше всего клещевины было засеяно около Кореновской станицы Кавказского отдела — 191 дес., потом у ст. Казанской — 80 д. и Тифлисской 74 д. Всего же на Кубани в 1917 году под клещевиной находилось 1213,4 дес. (из них 601 дес. в отделе Кавказском, 201 в Таманском, 129,9 в Ейском, 119 в Лабинском). Годовой сбор составлял 87.000 пудов. Наибольший урожай получался в Таманском отделе до 100 пудов..

Увеличение площади засева клещевины имело бы очень большое значение для нашего народного хозяйства. Дело в том, что получавшееся из клещевины касторовое масло употребляется не только в медицине, но и принадлежит к лучшим смазочным сортам. В авиации употребляется почти исключительно касторовое масло. В этом отношении Италия, как поставщик касторового масла, занимала почти монопольное положение, снабжая авиацию всей Европы. В СССР после войны ввозилось ежегодно до 1 мил. пудов касторового масла. Если вспомнить, какое значение для современного человечества имеет авиация, и сколь относительно дорогим продуктом является касторовое масло, то будет понятно, каким важным экспортным продуктом могло бы оно стать для нас, если бы засев клещевины дошел до должных размеров. К сожалению мы не располагаем сведениями о культуре клещевины в других казачьих областях, кроме Кубани.

Так же обстоит дело с рыжиком, рапсом и сурепой. Рыжик и рапс, как культуры возделывались вообще в России мало. Заграницей возделывание рапса, сосредоточивалось, главным образом, в Германии. На Кубани рыжик и рапс засеивались лишь в усадьбах и огородах. В каждом отдельном случае площадь засева не превышала долей десятины. На юртовой земле эти культуры не встречались вовсе. В виду необследованности культуры касающиеся ее данные лишь приблизительны. Сбор семян рапса давал в среднем на 1 дес. 49 пуд., рыжика — 60 пуд. Засеяно было в 1917 г. под рапсом 260 дес. (сбор 12.700 пудов), под рыжиком 26 дес. (сбор 1560 пуд.). Из разновидностей рапса возделывался на Кубани лишь рапс яровой. По вкусовым свойствам потребляющее население отдавало предпочтение рапсовому маслу перед всеми остальными растительными маслами, рыжиковое же масло в этом отношении стояло на последнем месте. Сурепу, тоже попавшую в Россию из Германии, нужно считать одной из первых прародительниц масличных растений на Кубани. Появилась она здесь уже с первых лет заселения края. Маслобойное производство, развившееся уже в 80 гг. XIX столетия в Ейском отделе, включало в круг своих работ уже и выработку масла из семян сурепы. Данных о том, каким образом возделывалась сурепа раньше — на полях или только в усадьбах и огородах — не сохранилось. Во всяком случае на пороге XX стол. ни на полях ни в огородах она специально не разводилась и существовала лишь на правах сорного растения, преимущественно в яровых хлебах, откуда семена ее по уборке извлекались отсортированием. В 1916 году сбор семян сурепы был 1,26 мил. пудов, из коего количества 40% приходилось на Таманский отдел и 33% на Ейский. Помимо удовлетворения местных потребительских нужд сурепа приобрела уже с давних времен большое торгово-промышленное значение для края. Все вместе масляничные растения занимали на Кубани в 1917 году 18,20% посевной площади, цифра заграницей неслыханная.

В связи со значительным распространением в Казачьих Землях масляничных растений, была у нас значительно развита и маслобойная промышленность и выделка искусственного сала. По своим размерам и народохозяйственному положению этот вид хозяйственной обрабатывающей промышленности занимал у нас одно из первых мест. Маслобойная промышленность Казачьих Земель давала не только сама по себе крупные итоги, но и занимала доминирующее значение в данной отрасли промышленности целой Империи. Почти ½ всего подсолнечного масла и ¼ жмыхов производилась у нас; до 18% всего числа маслобойных заводов и занятых в них рабочих приходилось на нашу долю. Размеры описываемого производства и распределение промышленных заведений по отдельным казачьим областям видно из следующей таблицы за 1912 г., к сожалению с неполными и устаревшими данными:

Как видим из таблицы, главным продуктом являлось масло подсолнечное и жмыхи, а главным районом промышленности — Кубанская область, дававшая около 85% производства подсолнечного масла во всех Казачьих Землях и до 40% всей Империи. Производство остальных продуктов было относительно невелико. Первые маслобойные заводы появились на Кубани уже с зарождением хозяйственно-экономической деятельности населения вообще, т. е. в первых десятилетиях XIX стол. Пионерами в этом деле были уже искушенные пришельцы из Воронежской и Саратовской губ., где маслобойное

	Подсолнеч. масло		Жмыхи		льняное мас.		кон. м. (1911)		Число завод.	Рабочих.
	изготовл. пудов	продано на сумму руб.	пуд.	руб.	пуд.	руб.	пуд.	руб.		
Астраханская	—	—	2.700	800	—	—	—	—	11	200
Донская	450.753	1.984.176	748.823	483.442	—	—	506	4.983	6	264
Кубанская	3.007.021	12.507.207	5.815.200	4.394.411	—	—	—	—	28	1291
Ставропольская	21.440	85.700	43.100	28.100	5.360	29.470	—	—	—	—
Терская	15.597	66.988	124.712	82.813	14.164	68.711	—	—	2	45
Итого	3.494.811	14.644.081	6.734.535	4.989.566	19.524	98.181	506	4.983	47	1800

дело, как промысел, было известно издавна. Первые заводы были построены в степной полосе в 1876 г., в Екатеринодарском отделе их было уже 85, в Ейском — 69, в Таманском — 77. Из Черноморья маслобойные заводы перешли в Закубанский район. До 1891 г. все предприятия имели примитивное оборудование, носили примитивный характер, производили в сутки в среднем не более 25 пудов, (лишь несколько заводов до 100 пудов) и перерабатывали лишь привозное семя, т. к. рынок для сбыта еще отсутствовал. К концу этого периода на Кубани уже насчитывалось до 300—400 кустарных предприятий.

С 1892 года начинается новый период, когда один за другим появляются более крупные заводы с производством до 400 п. в сутки. Первым таким предприятием было предприятие в станице Ахтырской. В первое пятилетие XX века появились уже заводы с суточным производством в 1000—1600 пудов (в 1901 году Ламагина в Армавире, в 1903 там же Уланова, в 1922 году Бабаева в Усть-Лабинской). Крупным достижением Кубанской маслобойной промышленности явился завод Авведова в Екатеринодаре с производством до 2½ тыс. пуд. в сутки и Бабаева в Армавире до 2100 пудов. Развитие промышленности шло таким быстрым темпом, что даже обогнало рост предложения сырья и в последние годы строились уже небольшие заводы в целях использования узко местных экономических условий. Лишь в 1917 году был выстроен еще один крупный завод акционерным обществом «Саломас».

В приведенной выше таблице учтены лишь крупные заводы, что же касается общего числа предприятий, включая и кустарные, то их на одной Кубани насчитывалось в 1914 г. — 494 и в 1917 г. 566. Последняя цифра не рекордная, т. к. с постройкой больших предприятий много мелких ликвидировалось. В 1895 г. число заведений доходило до 602. Возможная суточная производительность Кубанской маслобойной промышленности, не считая предприятий кустарных, превышала в дореволюционное время 58 вагонов подсолнечного масла, что составляет приблизительно 6—7 млн. п. в год (Сирин). В годы войны, когда Кубанскую маслобойную промышленность можно было считать уже окончательно сформировавшейся, начал чувствоваться недостаток сырья, столь велико было его потребление промышленностью.

За 1911—14 годы в среднем, в год, на Кубани производилось до 6 мил. п. подсолнечного масла. Сравнивая избытки растительного масла в 1897 г. 200 т. п. с цифрой вывоза за 1911—14 гг. — 4,79 м. п., мы увидим увеличение в 24 раза. Такое быстрое развитие дела за каких нибудь 16—17 лет заслуживает по меньшей мере удивления. Средняя производительность одного маслобойного завода в рублях составляла на Кубани 36,192 мил. р. в год.

Территориальное распределение заводов связано с районами распространения маслиничных растений, путями сообщения и наличием рабочих рук. Главными ее центрами на Кубани были отделы Лабинский (в 1917 г. — 27,3% всего производства Кубани), Екатеринодарский (22,97%) и Майкопский (16,8%). В качестве отдельных пунктов выделяются Екатеринодар и Армавир, дававшие в сумме 81% производства поименованных районов, ст. Лабинская и Майкоп.

На Дону выделялись своими масштабами 5 заводов в Ростове, Таганроге, Азове и Миллерове, с общей годовой производительностью до 1 мил. п. В Ставропольской губ. по данным за время войны крупных заводов было два, вырабатывавших около 400 т. п. масла подсолнечного и до 30 т. п. горчичного и такое же количество горчицы в порошке. Маслобойные заводы были обычно самостоятельными специальными предприятиями, но иногда имело место и комбинирование с мукомольными мельницами. Огромное потребление маслобойными заводами сырья (до 25 м. п. в год) вызвало к жизни определенную организацию их снабжения. Преобладающее большинство заводов на Кубани (72%), работало по заказам местного населения. Меньшее число работало частью по заказам, частью на свой риск и страх. Третья категория заводов работала исключительно на рынок за свой риск и страх. Заводы этой группы, а отчасти и второй, закупали сырье сами, при чем до 20% таких заводов на Кубани принуждено было нередко стоять в бездействии из-за недостатка семян. Уменьшение запасов сырьем было предметом коммерческой изворотливости, особенно если припомнить, что осенью, зи-

мой и частью весны подвоз грузов по грунтовым дорогам был труден. Способ заготовок семян через собственные засевы употреблялся редко (выгодно, но рискованно). Главная масса сырья подвозилась гужом. Картина движения маслянничных семян по железной дороге видна из следующей таблицы жел.-дор. перевозок за 1915 год (в мил. пудов):

	отправления	назначения	превышение отправ. + или назначени —
Астраханская . .	0,06	0,03	+ 0,03
Донская	1,12	2,01	— 0,89
Кубанская . . .	3,02	1,93	+ 1,09
Ставропольская .	0,39	0,03	+ 0,36
Терская	0,23	0,17	+ 1,05
Черноморская . .	0,01	0,02	— 0,01
Итого	5,83	4,19	+ 1,63

Как видим, выделяются по поступлениям грузов Дон и Кубань, благодаря развитию, именно тут маслобойной промышленности.

Общий итог вывоза семян из пределов Казачьих Земель равен 1,6 мил. пудов. Сопоставляя эту значительную цифру с фактом недостатка сырья для наших заводов, наталкиваемся опять на явление обычного несовершенства организации дела. По исчислениям Лященко («Эконом. районы юго-востока») количество вывозимого необоротного сырья семян всех маслянничных растений вместе, достигало даже в 1914 г. 3,2 м. п. Наибольшие партии шли в Московский район (715 т. п.), в Петроградский (135 т. п.). Новороссийск (343 т. п.) и Таганрог (219 т. п.). Из всего количества до 35% приходится на семена подсолнечника. Количество отправок растительных масел превышало 5 мил. пудов, из коего количества 2,8 м. п. приходится на Армавирский район. и Екатеринодарский 1,7 м. пудов. Меньшее количество отправлялось из Миллеровского района — 250 т. п., Ростова 220 т. п. и Таганрога 105 т. п. Донская область в целом, несмотря на наличие собственной маслобойной промышленности, ввозила масло с Кубани. Главное количество отправок растительных масел имело своим назначением внутренние рынки России, где распределялось равномерно всюду, так что выделялись крупными закупками лишь Москва (149 т. п.) и Петроград (147 т. п.). В Европейскую Россию масла шло до 4,8 мил. п., больше ½ мил. пудов шло в Закавказье и Турцию.

В области рыночных отношений большим минусом нашей маслобойной промышленности было недостаточное количество баков для сливки масла на выдержку. На Кубани, напр., вся емкость баков равнялась приблизительно 1 м. пудов, что заполнялось при полной работе слишком быстро. В силу этого обстоятельства, как благодаря бедности промышленности капиталом и невозможности совершать операции в кредит, сбыт был плохо отрегулирован, цены стояли очень низкие и народное хозяйство не извлекало всей возможной прибыли. Все же стоимость вывозившихся, напр., с Кубани, продуктов маслобойной промышленности, составлял около 20% общей стоимости вывоза области, стояла на втором месте после экспорта хлеба (59) и мучных продуктов, превышая даже стоимость вывоза табачных изделий (16%). За 1911—14 гг. стоимость одного растительного масла, получавшегося на Кубани, составляла в среднем 26 мил. рублей. Для русского рынка большая часть масла закупалась небольшой группой крупных коммерсантов, имевших склады по всей России (б. Ратнеры—Одесса и Петроград, Маликов—Курск и т. д.) и нередко до поступления к потребителям являлось предметом биржевой игры.

По рынкам внутри Казачьих Земель расходилось около 685 т. п., при чем наиболее крупными получателями были Новороссийск (25 т. п.) и Шахтная (52 т. п.). В порты наших растительных масел поступало 891 т. пуд. Главная масса шла в Новороссийск (591 т. п.); до 342 т. п. отправлял в порт Екатеринодар. Вывоз заграницу (Румынию и Болгарию), кроме Турции был невелик (3000 п.). К продуктам маслобойного производства, кроме растительного масла относятся еще, в качестве побочных продуктов, жмыхи (макуха). Высокоценное значение этого продукта, как хорошо концентрированного корма, известно давно. Однако, в местном хозяйстве жмыхи, как кормовое средство, не применялись вовсе и применялись лишь на топливо. За то заграница предъявляла на жмыхи большой спрос, именно, как на кормовое средство. Цифрой производства жмыхов во всех Казачьих Землях мы не располагаем. На Кубани же их производство в 1911—13 гг. равнялось в среднем 8,3—9,5 м. п. в год, (со стоимостью 7 мил. руб.), из коего количества 8,3—8,5 мил. пуд. вывозилось из пределов области. Подавляющее количество поступало через Новороссийск заграницу и только незначительная часть шла на внутренние рынки России. Так в 1900 году в Новороссийск пошло 5,4 мил. пуд., в Россию, 15 т. п.; в 1911 г. в Новороссийск 9,1 м. п., в Россию 0,1 м. п.; в 1912 г. 7,3 м. п. и — 0,2 м. п.; за 1911—13 в среднем в Новороссийск шло 98%, в Россию 2%. По отношению ко всему количеству жмыхов, вывозившихся из России (41,595 м. п.), кубанская макуха составляла больше ⅕, а по отношению к вывозу только подсолнечных жмыхов около 55%. Распределение вывозимого количества между заграничными покупателями приблизительно совпадает с соотношением общерусских цифр (до 59%) Дания, 27,3% — Германия, 6,1% — Швеция, 27% — Великобритания, 1,2% — Голландия и некоторое повышение % пришлось бы сделать лишь для закупок Дании. Жмыхи закупались заграничными комиссионными конторами в Новороссийске, из ко-

торых широко известны были конторы Дрейфуса и Дюмартье (Франция) и датчанина Шютте.

Последние годы перед войной ознаменовались на Кубани усиленным развитием производства из подсолнечного масла искусственного сала «саломаса» и «маслорода», идущего на варку мыла и производство свечей. Путем последовательных изменений подсолнечное масло из жидкого состояния превращалось в твердый продукт, полуфабрикат, из которого затем могут быть изготовляемы пищевые продукты (первая попытка выработки с'едобного продукта «маслола» была уже сделана в 1911 г.) и смазочные вещества. Твердому продукту из растительного масла надо было выдержать конкуренцию животного сала, которое в большом количестве ввозилось в Россию из-заграницы (из Австралии) и вытеснить его с русского рынка. т. к. мыловаренная промышленность в России потребляла в год до 2 мил. пудов сала, то такая победа раскрыла бы большие горизонты. Закрытие портов во время войны облегчило задачу, и саломас быстро завоевал на 50% спрос русской промышленности.

В ноябре 1914 г., в Екатеринодаре был пущен в ход крупный завод по переработке растительного масла на твердое сало «Саломас». В начале 1916 года приступил к работам такой же завод Аведова в Армавире. Размеры продукции обоих заводов видны из следующей таблицы:

	суточное производ. в пудах		годов. производ. в пудах	
	продук.	масла	продук.	растит. масла
«Саломас»	3.000	3.075	900.000	922.500
«Маслород (Аведова)	1.500	1.537	450.000	467.500
	4.500	4.612	1,350.000	1,390.000

Екатеринодарский саломас представляет из себя одно из интереснейших предприятий не только в Казачьих Землях, но и в Европе. Получавшийся на нем продукт отличался весьма высоким качеством. В 1919 г. были сделаны успешные попытки сбыта Саломаса заграницу, где в то время ощущался большой недостаток жиров. Говорят, что даже американцы, снабжавшие в те года Европу, были встревожены конкуренцией и заинтересовались предприятием. При заводе имелись приспособления для выработки из шелухи, семячек необходимого для заводских двигателей газа. Не погиб завод и теперь. Его производственная программа на 1926/27 гг. расчитывалась на выработку 1 мил. пудов саломаса.

С культурой масляничных растений, особенно подсолнечника, связан еще один вид производства — поташное. Несмотря на то, что производство поташа являлось одним из древнейших производств России, еще при Иване Грозном поташ вывозился из Архангельска в Англию, в дальнейшем его вывоз пал и в XIX стол. ввоз превышал уже вывоз. Только с появлением Кубанского поташа восполнился недостаток на русском рынке и Империя перешла к экспорту.

Поташное дело начало развиваться на Кубани одновременно с развитием культуры подсолнечника. Первые заводы появились в 1893—94 гг., но больших размеров производство достигло лишь с началом XX стол. В 1910 году было основано «Акционерное общество Кавказских химических заводов», об'единившее ряд мелких заводов (в 1916 году акционерный капитал общества достиг почти 1,2 мил. руб.), а с 1915 г. стал вырабатывать поташ и Екатеринодарский «Саломас», оказавшийся в скором времени его самым крупным производителем. Большими были также предприятия Дицмана и Галанина. В отличие от заграницы, где поташ добывался из растительной золы вообще, отбросов свекольного производства, овечьего пота, и Леблановским способом из серно-кислого камня (Германия), кубанский поташ добывался исключительно из золы подсолнечника. Лучшая для этой цели зола получалась на почвах района Ахтырского и Афипского и на лесо-степных — в нижнем течении Лабы и Белой.

Общее количество поташных заводов в Казачьих Землях до 20 с годовым производством в 900 тыс. пудов поташа. Получение через дальнейшую обработку продукта едкого камня и очистка солей велись лишь на заводе Дицмана. Из других продуктов поташные заводы давали в год 25 тыс. пудов хлористого камня, 15 тыс. пудов серно-кислого камня. На заводе Новосильцева организовывалось производство иодистого камня. Стоимость получавшегося у нас поташа равнялась приблизительно 2 мил. рублей. До 7% продуктов поташной промышленности экспортировалось через Новороссийск за границу, в Гамбург, Антверпен, Лондон и Нью-Йорк. Около 25% использовывалось в России.

Мы обращаем еще раз внимание читателя на культуру масляничных растений и связанную с ними промышленность, потому что Казачьи Земли являются не только буквально неисчерпаемым источником для получения сырья в этой области, но и потому, что они имели уже крупные достижения и в переработке этого сырья. Размеры описанных отраслей нашего народного хозяйства были настолько велики, что претендовали и в прошлом на известное значение в мировом хозяйстве.

Что же касается будущего, то оно обеспечено исключительной емкостью мирового рынка растительных масел, их значением в жизни современного человечества и необыкновенно благоприятными природными условиями для дальнейшего внедрения соответствующих культур в хозяйственный оборот наших земледельцев.

3. Табаководство и табачная промышленность.

Табаководство принадлежит к числу очень выгодных для народного хозяйства культур. Об'ясняется это во-первых довольно высокой ценой табака, особенно его высших сортов: принимая в среднем довоенную цену в 13 рублей (10—16) за пуд, а урожай на десятину в 80 пуд (60—120) мы имеем среднюю величину валового дохода на десятину посева в 1040 рублей. Далее культура табака создает возможность применения труда физически наименее сильным группам населения, подросткам, женщинам. Наконец, табаководство делает выгодным раскорчевку земель, т. к. окупает связанные с ней расходы стоимостью уже первого урожая. Неудивительно поэтому, что мировой сбор табака достигает такой крупной цифры, как 60,000.000 пудов, а площадь культуры все растет.

Наибольшее количество табака собирается в Соедин. Штатах (30%), на втором месте Британская Индия (20%) и на третьем месте была Россия с ее продукцией в 6,900.000 пудов.

Пионерами по разведению табака в Казачьих Землях были греки. Они принесли к нам эту культуру из района Сухума-Батума-Трапезунда. Дату появления у нас первых плантаций следует повидимому отнести к концу 60 гг., или к началу 70 гг. Исключительная пригодность местности для природы табака привела к тому, что северные и южные (Черноморское побережье) склоны западной части Кавказского хребта стали перед революцией важнейшим районом Империи по культуре высших сортов табака. Из приводимой ниже таблицы по данным переписи 1916 года указаны главнейшие в отношении табаководства губерний и области Империи, мы видим, что Кубанская область стояла на первом месте по площади посева, а Черноморская губерния на втором месте по значению для ее земледелия культуры табачной.

	площадь посева табака	тоже в % от всей обр. площ. дан. г.
Кубанская область . .	14.432	0,5%
Сухумский округ . . .	9.164	21,5%
Тамбовская губ. . . .	8.155	0,4%
Полтавская г. (1914) . .	8.000	—
Черниговская г. (1914)	7.858	0,5%
Черноморская г. (1914)	3.357	19,0%
Рязанская г. (1914) . .	1.970	0,2%

В общей сложности под табаком в 1916 году перепись зарегистрировала в России 48.000 десятин. По отношению к этой цифре площадь посева в Кубанской области и Черноморской губернии составляет больше ⅓ (37.5%).

Чтобы наметить место табачной культуры наших Земель в общем мировом хозяйстве, возьмем средние данные за 1911—1915 гг., характеризующие состояние нашего табаководства:

	число плант.	сред. разм. плант. в дес.	площ. пос.	год. сбор в пудах	в том чис. высших турецких сортов	в том чис. низших сортов	сбор с дес.
Астраханская . .	13	0,08	1,82	136	—	136	84
Донская	4	2,61	13,40	570	—	570	82
Кубанская (1915)	4.264	2,50	11.017,00	860.357	859.997	360	77
Ставропольская .	15	0,02	0,25	20	—	20	80
Терская	83	0,05	3,97	395	245	150	91
Черноморская .	2.419	1,58	3.194,00	178.556	178.556	—	56
Всего . . .	6.797	—	14,230,44	1,040.034	1,038.798	1.236	—

Округлив цифру нашего сбора в 1 мил. пудов и сравнив с довоенной продукцией двух главных мировых производителей (Соед. Штаты 20,000.000 и Британская Индия 12,000.000), продукцией России без Казачьих Земель и ряд других, шедших вслед за Россией стран, увидим, что наш урожай составлял 5% С. Штатов, более 8% — Британской Индии, 17% — России, без Казачьих Земель, 25%— Венгрии, 50% — Германии и 50% — Турции. Беря цифры с большой осторожностью, мы оценили наш сбор в 1 мил. пудов. Однако, уже в 1917 году, за каковой год мы не располагаем данными по всем Казачьим Землям, урожай табака на одной Кубани дошел до 2,000.000 пудов. Иначе говоря, мы можем свободно все приведенные процентные отношения удвоить. Картина может стать для нас предметом справедливой гордости: одна Кубань дала в 1917 году столько табаку, сколько давала перед войной вся Германия или Турция, ½ того, что собирала Венгрия, 10% урожая Соед. Штатов и 3.8% мирового сбора.

Для любопытства сравним еще наше табаководство с чехословацким. В 1923 году здесь было засеяно 2600 десятин, у нас 14.230, сбор в ЧСР. в 23 году равнялся 87.318 пудов, у нас превышал 1 мил. пудов, наконец, средний урожай на деся-

тину у нас был в 80 пудов, почва ЧСР давала лишь 33 пуда.

В сборе табака во всей России, место нашего табака было тем исключительней, что у нас в подавляющем количестве были распространены культуры высокосортного турецкого табака, в то время, как половина общерусского производства приходилась на сорта дешевые, особенно махорку. В производстве дорогого турецкого табака Казачьи Земли давали 54.9%, в производстве же низших сортов лишь 0.92%.

Характерны также более крупные размеры наших табачных плантаций (Дон 2.6 десятин, Кубань 2.5 десятин) в сравнении со средними размерами плантаций всей Империи (0.2 дес.).

Взяв среднюю цифру общей площади табачных плантаций в наших Землях за 1911—1915 год и помножив на среднюю чистую прибыль с десятины 700 рублей, получим, что доход Казачьих Земель от табаководства доходил 10,000.000 рублей и это ведь при незначительной в % отношении площади, занятой у нас плантациями (кроме Черноморской губернии).

Из приведенной выше таблицы видно, что культивирование табака в Казачьих Землях представлено, главным образом, Кубанью и Черноморской губернией. В остальных областях его значение невелико. Остановимся на первых подробнее.

Как мы уже упоминали, пионерами табаководами были греки. Вместе с армянами они распространили культуру табака из Черноморской губернии на северные склоны гор. Потом табачные плантации захватили постепенно отделы Екатеринодарский, Майкопский, Баталпашинский. Туземное население сравнительно долго лишь смотрело, как пришельцы наживали огромные капиталы. Но потом казаки присмотрелись, научились уходу и переняли искусство табаководства. Прошло несколько десятилетий и оно стало распространенным кустарным занятием целых семей. Рост культуры по Кубано-Черноморскому району виден из следующей таблицы:

	площ. пос. в дес.	сбор в пуд.
1901—05 гг.	12.768	911.576
1906—10 гг.	12.524	833.477
1910—15 гг.	14.211	1,038.913
1916 г.	17.828	1,119.257
1917 г.	19.768	1,500.000

Из отдельных сортов табака получили известность »Трапезунд«, »Самсон« и на побережьи еще знаменитый »Дюбек«.

Насколько больше в сравнении с целой Империей у нас было развито разведение дорогих сортов, показывает сбор 1911—1915 гг., когда из 860 с лишним тысяч пудов кубанского сбора на низкие сорта у нас приходилось в среднем лишь 400 пудов.

Во время войны табаководство, в противоположность ряду других специальных культур не только не пало, но наоборот сильно увеличилось благодаря большому спросу на табак со стороны армии. Зато революция и большевицкая война принесли падение прямо катастрофическое. Приняв площадь посева табака в 1916 году за 100%, мы увидим, что в 1917 году она дошла до 116,4%, в 1920 г. пала на 2,5% в 1921 году — 4,2%, 1922 году — 0,5%, ½% нормальной засевной площади или в десятинах 83 десятины посева, это означает почти полное прекращение культуры! Греки, до сих пор удерживавшие в своих руках значительную долю плантаций, ликвидировали дела и эмигрировали заграницу. Лишь допущение Советской властью исключительных льгот по землепользованию и условиям найма рабочих, подняло в 1923 году площадь посева до 26.7% (3253 десятин). В этом году распределение табачных плантаций было таково: округ Славянский — 1800 дес, Краснодарский — 1038 дес., Майкопский — 100 десятин, Адыгея — 700 дес., Новороссийский и Геленджикский округ — 304 дес., Туапсинский — 150 дес. (в 1913 году 390 десятин), Сочинский — 400 десятин (в 1913 году 2562 десятины), Адлерский — 300 десятин. В последние годы изменение площади засева выражается в следующих процентных числах (за 100% берем опять площадь 1916 г.): 1923 г. — 33%, 1925 г. — 120%, (такой скачок об'ясняется тем, что в это время были высокие цены на табак, большой спрос, и табаководам были отпущены большие ссуды), 1926 г. — 53%, 1927 г. — 79%, в 1928 г. — 98%. Высокие процентные числа, совершенно несоответствующие общему состоянию сельского хозяйства в СССР., опять таки об'ясняются исключительными, прямо таки, героическими мерами Советской власти, отпускающей миллионные авансы во избежание нового краха табаководства.

Характер табаководства теперь принял характер: все время уменьшается число хозяйств, занимающихся специально разведением табака и, наоборот, увеличивается доля продукции хозяйств чисто хлеборобских, для которых табаководство не является главным источником дохода. Одновременно наблюдается понижение качества табака, нет прежних технических приспособлений для обработки табакового сырья, отсутствует работа специалистов, могущих находить применение своему труду лишь на больших плантациях.

Не говоря об иных условиях современного хозяйствования, при которых успех табаководства сомнителен, упомянем об одном любопытном и совершенно новом обстоятельстве, мешающем в отдельных местах росту посевной площади. В некоторых Закубанских районах конкурентами табака неожиданно стали картофель, виноград и ... клубника! Недавняя научно-исследовательская экспе-

диция проф. Конюкова по изучению специальных отраслей хозяйства показала, что на новых раскорчевках поименованные культуры занимают все более и более значительные площади чем табак. Торговое разведение клубники стало очень выгодным, особенно на кооперативных началах. В 1928 году Абинское товарищество отправляло клубнику пудами в Ростов и Москву. При той же трудоемкости, какую имеет виноград и клубника (период ее уборки!) для табака не остается, по отзывам самих хозяев, в малых хозяйствах сил.

В удержании современной продукции табака, играет большое значение кооперация. В 1928 году % кооперативных хозяйств составлял по отношению к общему числу табачных хозяйств 60 с лишним процентов, а кооперированная площадь 65% общей площади под табаком. Оправдалось лишний раз, что кооперация — дочь нужды.

После того, как в 1923 году табачное производство Кубанско-Черноморского края дало больше половины всего производства СССР, Москва обратила исключительное внимание на поддержание нашего табаководства. Основанная в 1914 году опытная лаборатория табаководства около Екатеринодара, где велись лабораторные исследования, вегетационные опыты, и подготовлялись специалисты, была в 1926 году преобразована в Центральный Институт опытного табаководства. Теперь он находится в 2 верстах от Екатеринодара в Первомайской роще (бывшая Чистяковская). Институт имеет отделение полеводственное, ферментативное, ботаническое, химическую лабораторию, метеорологическую станцию и... отдел пропаганды. Об'единяющий работу всего северного Кавказа, Институт известен своей деятельностью и за пределами СССР.

Если бы находящиеся в СССР ученые действительно могли заниматься своим делом, то институт, конечно, сыграл бы большое значение в процессе будущего развития табаководства в Казачьих Землях.

Вместе с развитием табаководства в наших Землях, развилась и табачная промышленность. По обследованию мин. Торг. и Пром. она характеризовалась в 1912 году следующими цифрами:

	Число фабрик	Число рабочих	Выработано пудов табаку	Продано на сумму рублей	Выработано тыс. папир.	Продано на сумму рублей
Донская	4	1.785	121.244	5.486.684	1.747.917	3.822.245
Кубанская	4	258	9.246	241.253	2.628.058	408.044
Терская	2	116	5.035	198.419	38.957	105.184
Итого	10	2.159	135.525	5.926.356	4.414.932	4.335.473
Всего в России или наша доля в промышл. Росс. в %	170	30.594	19,2%	15,3%	19%	7,5%

Что касается количества фабрик, то надо помнить, что несмотря на рост промышленности, число их падало благодаря процессу синдицирования. В результате об'единений, из 12 фабрик, бывших в 1911 году, к 1914 году самостоятельных, осталось лишь 8. Ряд фабрик Ростова был приобретен Петроградским Торгово-экспортным Акционерным Обществом, в том числе и известные на всю Россию фабрики Асланиди (Ростов), Асмолова, Кушнарева, сохранившие и дальше свои фирмы. Предприятия эти могли крошить в год до 300.000 пудов табака и принадлежали к числу лучших по оборудованию и крупнейших табачных фабрик Империи. Остальные предприятия были разбросаны по всей территории Дона, Кубани и Терека. Размерами они все значительно уступали трем поименованным выше, и годовая их производительность не превышала 2—12 тысяч пудов.

В сравнении с развитым табаководством наша табачная промышленность отставала и не справлялась со всем урожаем Казачьих Земель. Так, в 1917 году у нас дома было переработано лишь 300.000 пудов, в центральную же Россию было вывезено в виде сырья около 800.000 пудов, остаток пошел в Крым, Грузию, до войны сырой табак шел и заграницу. Много табака шло в Польшу. Не говоря о невыгодности вывоза продукта непереработанного, мы теряли много и на том, что табак отправлялся, не будучи снабжен никакими торговыми марками. Наш табак циркулировал в заграничной торговле, находил должную оценку своих высоких качеств среди иностранных потребителей, но в то же время широкие массы покупателей не знали происхождения товара.

Изделия нашей табачной промышленности потреблялись, главным образом, в Казачьих Землях. Районами сбыта была Терская область и Ставропольская губерния. Однако, благодаря подавляющему в сравнении с остальной Россией количеству первосортного табака, дорогие сорта поступали в большом количестве на рынки Центральной России в обработанном виде, составляя 54% соответствующей выработки всей России.

Как мы уже видели из таблицы, центром табачной промышленности у нас был Дон. Продуктов промышленности кубанской для области не хватало, и около 60.000 пудов ввозилось на Ку-

бань с Дона. По переписи 1920 года количество небольших местных фабрик на Кубани дошло до 19; в 1922—1923 гг. из них работало лишь две.

Будучи центром табаководственного района, Екатеринодар славился большим количеством табачных складов. Из 55 основных и 33 запасных складов Кубано-Черноморского края в Екатеринодаре находилось 34 первых и 24 вторых. По вместимости своих складов Екатеринодар может быть причислен к числу мировых центров. Если вспомнить, что Англия, Германия, Италия и Египет, — страны, в которые можно организовать отправку табачных грузов водой (переработанного табака из Ростова, сырья из Новороссийска, Туапсе и Сочи), то можно с полным основанием предполагать, что наш табак мог бы явиться в будущем весьма важным продуктом для экспорта.

4. *Садоводство, огородничество, бахчеводство, некоторые спец. культуры и лекарственные растения.*

»В тени сплошных садов утопают казачьи станицы« — так представляет нас заграницей один из недавно виденных нами фильм. И в то же время садоводство Казачьих Земель являлось отраслью народного хозяйства с довольно таки малым удельным весом. Статистические сведения о нашем садоводстве почти отсутствуют. Все что имеется, носит неполный и отрывочный характер. А кто, как не Казачьи Земли со своим Черноморским побережьем и нижним Поволжьем принадлежали наряду с Крымом, Бессарабией и Туркестаном к наиболее богатым садами районам бывшей Империи. Об'ясняется это в первую голову выгодными данными их географического положения, климатическими условиями и богатством почвы.

Если мы сравним средние метереологические данные, напр., для Екатеринодара, с таковыми же для Ташкента, Крыма и Тироля, то увидим, что климат Кубани можно считать средним между климатом Туркестана и Тироля. В последних же двух местах получаются первоклассные фрукты. Такие произростающие в Казачьих Землях сорта яблок, как Шампанский ренет, ренет Орлеанский, Кальвиль Королевский, желт. Бельфлер и др. принадлежат к лучшим промышленным сортам Крыма, Туркестана и Бессарабии. Астраханские яблоки и сейчас охотно покупаются в Праге. Наше же садоводство носило промышленный характер лишь на Черноморском побережьи, особенно в районе Туапсе, Сочи, Анапы и в Нижнем Поволжьи, приближалось оно к нему в отдельных местах Ставропольской губернии, Кубанской и Донской областях.

Правильный уход за садами был редок, сорта плодов носили случайный характер и были невысокого качества, урожайность посредственная, но садоводство в целом носило скорей любительский характер, удовлетворяя местные потребности. Какими огромными кажутся приводимые далее цифры в сравнении с фруктовым промышленным производством в 95 мил. пудов садов Калифорнии и ее занимающими десятки тысяч десятин образцовыми садами!

Вишни, сливы, яблоки, груши, черешни, абрикосы, персики, реже кизил, лыча, айва, грецкие орехи, шелковица (тутовник), вот обычный ассортимент растений наших садов. Нередки и целые районы дико растущих плодовых деревьев и кустарников: диких груш и яблонь, зарослей кизила и орешника, малины, боярышника, ежевики, целые сплошные пространства терна. Из этих бесплатных даров природы население часто умело извлекать пользу. В горных районах Кубани особенно на границе Черноморской губернии, население нередко поголовно занималось сбором и сушкой в примитивных курилках диких груш, называя их своим хлебом. Такой сбор груш в урожайные годы давал до 2 мил. пудов, ¾ коего количества поступало в продажу в среднем по 1 р. за пуд или в общем за муку и зерно (пуд за пуд). Таким образом одни дикие груши давали 1½—2 мил. рублей дохода; что бы сказал предприимчивый американец или трудолюбивый немец, услышав такие цифры и переведя их на свои доллары или марки?

Полудикий характер носят остатки горских садов, свидетельствующих о былом промышленном производстве местного садоводства и вызывающих воспоминания о покинувших их владельцах, переселившихся, после завоевания Кавказа, в Турцию. Сады эти в большинстве случаев невелики (½ дес., 200—400 кв. саж.), но насажены 70—100 лет тому назад. Ютятся они по долинам у ручьев и потоков. Их долговечность говорит об исключительном подборе соответствующих местным условиям сортов, и о немалом труде и знании садоводства черкесами. Площадь под культурными садами по неполным данным (Сирин) представлялась перед войной в следующих цифрах: Кубанская область — 12.000 дес., Терская — 6998 д., Ставропольская — 25.000 десятин, Астраханская — 2000 дес., Черноморская — 1847 десятин. Исправить и дополнить эти данные представляется возможным лишь частично и больше догадками. В 1924 году советская статистика насчитывала в «Северо-Кавказском районе» садов 46.476 десятин, а в «Нижневолжском« 44.285 десятин, что в сумме составляло больше 25% площади занятой садами во всем СССР. Более подробные сведения имеются по «Кубанскому краю», где после переписи 1920 года размеры садоводства выражались в таких цифрах:

Интересно некоторое постоянное соотношение площади кубанских садов к количеству населения, наблюдавшемуся за последних 15 лет перед войной.

	число хоз. с садами	площ. под. сад.	% хоз. с садами
Армавирский отд.	17.737	5.103	19,0
Ейский	13.148	2.293	21,3
Кавказский . . .	7.768	1.473	13,0
Краснодарский .	16.549	3.480	21,3
Майкопский . .	11.691	1.744	22,8
Славянский . .	13.038	3.171	19,4
Черноморский .	3.867	1.677	30,8
всего . . .	83.798	18.941	19,8

Это говорит за то, что развитие садоводства происходило в строгом соответствии с ростом населения, и что его значение не выходило за пределы нужд. Впрочем, в некоторых местах на Кубани садоводство носило промышленный характер. Сюда следует отнести около 2 тыс. десятин садов опоясывающих городскую землю Екатеринодара широким поясом более 20 верст длиной, далее сады по Кубани и вокруг Ейска (абрикосы).

Более значительную роль играло садоводство в Черноморской губернии, служа часто населению самостоятельным источником дохода. Особенно отличался Сочинский округ, где теплый и влажный климат весьма благоприятствовал некоторым садовым культурам. Прекрасно здесь удавались сливки-угорки, дающие чернослив. Культура и сушка чернослива носила в Сочинском округе уже явно выраженный промышленный характер. Кроме сливы особенность округа составляли мандарины, лимоны, фундуки, японская хурма, миндаль, инжир и субтропическая японская мушмала. Около Сочи, южнее, успешно удавался чай (Апостолов), культура которого пробиралась сюда из Батумского округа. Каштаны, кизил, грецкие орехи, черешни считались здесь уже скорее лесными, чем садовыми растениями. В садах всюду разводилась клубника, смородина, крыжовник, маслина и др. ягоды, дававшие выгодные урожаи.

Одной из общих причин недостаточного развития в Казачьих Землях садоводства было многоземелье: слишком уж выгодно было экстенсивное полевое хозяйство, чтобы население стало вкладывать труд и энергию в такую трудоемкую отрасль, как садоводство. Открытие в последние 10—15 лет перед войной ряда школ садоводства начало быстро оказывать благотворное влияние. Были открыты школы Георгиевская на Дону, Вознесенская на Кубани, Варваринская в Туапсе и опытная станция в Сочи. Отсутствие готовых, орошенных площадей являлось тоже немалым тормазом к развитию садоводства, т. к. распространение промышленного садоводства едва-ли будет возможно без искусственного орошения. Без воды культура яблони, груши, особенно и наиболее ценных зимних сортов, обречена на неудачу. При искусственном орошении не страдали бы от норд-оста и сады левобережной Кубани, т. к. в поливных садах ветер не так легко сбивает плоды.

Лучше обстоит дело с культурой косточковых (абрикосы, сливы и т. д.), не требующих столько воды. Однако, эволюция промышленного разведения этих культур будет у нас зависеть от совершенства транспорта, т. к. эти плоды быстро портятся и не выдерживают долгой перевозки.

Если к названным причинам добавить еще обычный недостаток капитала, столь остро, напр., чувствовавшийся в Черноморской губ., то станет понятно, почему наше садоводство не достигало желанных размеров.

Большее развитие, чем садоводство, получило в наших Землях огородничество. Наряду с огородничеством приусадебным, снабжавшим местное население, у нас было сильно распространено бахчеводство, т. е. разведение огородных растений на поле.

Посев бахчевых растений имел в России наибольшее значение на Дону и в Предкавказьи. В этих местах до 3% всего посева состояло под бахчевыми. Далее шла Терская область — 2,1% и Астраханская губ. — 2%. Более 1% посевной площади было под бахчами и на Кубани (1,1%) и в Черноморской губ. (1,1%). По мнению специалистов бахчевые растения призваны произвести в наших Землях положительное агрономическое значение, как одна из составных специфических для них частей севооборота.

В нижнем Поволжьи огородные культуры должны обращать на себя внимание и с другой стороны: экономическое будущее этого района связано развитием мелиоративного дела; последнее может явиться доходным лишь при широком распространении садово-огородных культур. Некоторые надежды в этом направлении и дает быстрое распространение огородных культур в Нижнем Поволжьи: по данным проф. Рыбникова с 1880 г., их площадь расширилась здесь в 3—6 раз.

Всего в Казачьих Землях под огородами и бахчами насчитывалось около 1 мил. дес., что составляет больше ⅓ территории Бельгии. В противоположность общему падению сельского хозяйства за время революции, огородничество в некоторых районах не только не сократилось, но даже расширилось. Об'ясняется это общими условиями сурового времени, когда огородничеством принуждено было заниматься множество лиц ни раньше не занимавшихся (и городское население) и когда во многих хозяйствах из-за сокращения обрабатываемой территории появился избыток труда. На Кубани, напр., площадь бахчей и огородов в 1928 г. превышает площадь 1920 года в три раза, а в отделах Армавирском, Славянском и Майкопском даже в 6 раз.

Главными центрами огородничества и бахчеводства в Казачьих Землях были: промышленный

район Донской области (до 5,5% всей посевной площади), округ Суньженский и Грозненский (5,3%). От 2,6% до 5% всей посевной площади описываемые культуры занимали в округе Донском 1-ом, на западе Сальского и в Предкавказском центре, на западе и в предгорьи Кубанской обл., в Черноморской губ. и в отдельных местах Ставропольской губ. Бахчи и огороды не встречались вовсе или не превышали 1% всей посевной площади в большинстве районов горских народностей и в «инородческих» районах северо-восточных Ставропольской губ.

Посевы картофеля распространены по большинству территории Казачьих Земель, но только приблизительно в половине их % посевной площади под картофелем превышает половину % площади всех засевов. Картофельными центрами можно назвать район Тебердино-Балкарский (10,7—16,6%) и курортный. В промышленном районе Дона посев картофеля не превышает 0,6—1,3% засевной площади. На Кубани, несмотря на значительную продукцию в отделах Баталпашинском и Лабинском, картофеля не доставало, и в последнее пятилетие перед войной до 2 мил. пудов ее ввозилось. Незадолго до начала войны начало развиваться в Казачьих Землях и промышленное огородничество, введшее в свой ассортимент помидоры и капусту, лук, арбузы, дыни, фасоль, свеклу, морковь, огурцы и т. д. Однако, на его долю из общей площади в 1 мил. дес. приходилось не более 15 т. дес. Роль пионеров и учителей здесь сыграли профессиональные огородники болгары. На Дону развитию промышленного огородничества способствовала горнозаводская промышленность: рабочие предъявляли на овощи большой спрос. В Кубанской области промышленное огородничество развилось по течениям Кубани (от Армавира до Темрюка), Белой (от Майкопа), Урупа. На Тереке и в Ставропольской губ. промышленное огородничество развивалось медленно.

Среди товарных продуктов на первое место следует поставить у нас арбузы и дыни. В некоторых местах культура бахчевых сводилась именно к этим двум занятиям. Ряд их сортов пользовался широкой известностью и за пределами нашей Земли, сюда следует причислить арбузы ажиновские (Дон), моздокские и кизлярские (Терек), спицевские и бешпагирские (Ставропол. губ.), белые астраханские.

В осенние месяцы в России шел оживленный торговый оборот в арбузах. В количествах измерявшихся в десятки мил. пудов (на Кубани в 1926 году собрано 26 мил. пудов арбузов, больше 2 мил. пуд. дынь, правда это был год хорошего урожая), они доставлялись из наших Земель на северорусские рынки, особенно в Москву и в Петроград. Попадали продукты нашего бахчеводства и в Малую Азию. Любопытно отметить, что арбузы, как продукт широкого потребления и живой торговли, выступали в рамках мирового хозяйства, помимо России, лишь в Соедин. Штатах. Усовершенствование техники транспорта легко могло бы сделать наши арбузы продуктом экспорта заграницу, подобно тому, как стали теперь продуктом мирового обмена бананы.

Определяя валовую доходность десятины промышленного огорода в 500 руб., а полевого усадебного до 150 руб., мы получим чистый доход в размере ⅓, что в сумме составляет для Казачьих Земель 50 мил. руб. народного дохода.

Развитие соответствующих культур создало у нас и собственную консервную промышленность, правда, недавнего происхождения. На Кубани число консервных заводов в 1912 году равнялось 14. Особенно успешно изготовлялись на них помидорные томаты, в 1911 году производство последних составляло 25 тыс. пуд., рядом с 187 пуд. овощных консервов. В специальных вагонах томаты экспортировались в Москву, Петроград и Ростов. Благодаря своему высокому качеству кубанские томаты завоевали рынок и на Дальнем Востоке. В 1911 г. из пределов области было вывезено всего 13 тыс. пуд. томатов и 62 т. пуд. овощных консервов. Ежегодный доход от консервного производства равнялся на Кубани кругло 400 тыс. рублей, а общее число заводов этой отрасли дошло до 28. Несколько консервных заводов имелось на Тереке и в Ставропольской губ., ряд новых заводов открылся во время войны на Дону для работы на армию.

Кончая обзор огородничества, бахчеводства и связанной с ними промышленности, следует еще упомянуть о попытках связанного с огородничеством промышленного цветоводства, какие имели место на Черноморском побережьи. Благодаря прекрасным природным условиям и эта отрасль хозяйства может расчитывать на развитие в будущем. Особенно заманчивы были попытки отдельных предпринимателей вести культуру казанлицкой-болгарской розы с целью получения розового масла. Не менее достойна упоминания и попытка разведения у нас сахарных растений.

В 1913 году сын быв. Кавказского Наместника, граф Воронцов-Дашков, открыл около стан. Кавказской первый в Казачьих Землях свекло-сахарный завод. Опыт связанного с заводом широкого насаждения сахарной свеклы показал большую выгодность дела. Однако, дальнейшее развитие культуры требует известного опыта и знаний у населения и наличие соответствующего инвентаря для глубокой вспашки. Формирующиеся в Чехословацких высших учебных заведениях кадры наших казачьих специалистов могли бы в будущем двинуть это дело, т. к., конечно, едва ли где в другом месте можно приобрести в этом отношении такие знания, как в ЧСР. с ее сахарной промышленностью мирового значения.

Более успешно, чем сахарные растения привилась у нас культура сорго. Она возникла и быстро распространилась не задолго до начала войны, особенно в Майкопском и Лабинском отделах на Кубани. Растение проявило, в наших условиях хорошую устойчивость, и служило, как для приготовления из стеблей сахарной патоки, так и для получения зернового корма скоту (до 100 пудов с десятины). В 1919 году, под этим растением было занято около 5000 десятин. Продукция выражалась в ½ мил. пуда патоки (в среднем 100 пудов с 1 десятины) и ¾ мил. пудов зерна из сжатых стеблей. Доход от культуры превышал 2 миллиона рублей.

Из лекарственных растений в большом количестве встречается в Казачьих Землях растение Валериана, по имени которого окрещены известные Валериановые капли. Растение дает продукт особенно высокого качества в условиях Кубани. Толчок к сбору валерианки дали главным образом агенты из крупных городских центров России, производившие большие скупки. В последние годы начались попытки культивировать валерьянку в питомниках.

Заслуживает упоминания еще и другое растение. — Кубанская белладона. Кроме Закавказья и Крыма она не встречалась ни в целой России, ни в соседних с ней странах. На Кубани же она не тралась и мирно жила в лесах. Прекрасные урожаи давали также мята и шалфей.

Великолепные условия для лекарственных растений дает Черноморская губерния с ее субтропическим климатом в южной части. Все растения, которые для всей Европы считаются заморскими и выписываются из за океана, у нас растут, тут же дома под боком.

Рядом с растениями лекарственными статистика помещает обычно растения дубители. Последние, как известно, чрезвычайно важны для кожевенной промышленности. Население Черноморской губернии, а также прилегающей части Кубани, уже давно было знакомо со сбором растений дубителей. Видное место среди последних принадлежит сумахе. По названию широкие круги этого растения не знают, однако возможно, что многие проезжая железной дорогой из Екатеринодара в Новороссийск, замечали через окна вагонов целые заросли краснеющего листвой кустарника. Это и есть сумаха. Еще больше встречается кустарник в районах Анапы, Туапсе и Геленджика. Перед революцией в указанном районе собиралось (собираются ветви, которые потом сушатся и молотятся) до 150 тысяч пудов, что, впрочем, совсем не соответствовало площади, покрытой сумахой. Увеличить сбор было невозможно из-за отсутствия складов и вообще организации дела. Ценность собираемого количества при цене от 1½ рубля до 3½ рублей (в 1916 году) за пуд, все же была относительно велика.

В этом же районе очень распространено и другое дубильное растение — «зимний дуб». Площадь занимаемая им колоссальна (смотри главу о лесном хозяйстве), однако эксплуатация его из-за бездорожья не велась. При наличии тут же по близости Геленджика, селения Архипо—Осиповски, как возможных пунктов для погрузки на пароходы, иначе говоря при возможности минимальных расходов на дорогую доставку по суше, этот район мог бы поставлять на мировый рынок огромное количество сырья по ценам вне всякой конкуренции. Кожевенная промышленность Германии и ЧСР. с ее «ботиночным Фордом» — Батей, закупали бы у нас все эти продукты массами, ибо обеспечение необходимыми дубильными веществами составляет для них целую проблему, решаемую в масштабах мирового рынка. Рощи благородного каштана, эксплуатация которого на дубильные вещества впрочем едва ли была выгодна из-за его высоких качест, как строительного материала; черная ольха, лещина и »кермек« — вот дополнение списка наших растений дубителей.

Дубильное дело уже и теперь принимает на Кубани размеры крупного фабричного производства. Большие надежды возлагаются в СССР. на Майкопский завод дубильного экстракта, считающийся сейчас одним из лучших заводов этого рода в Советском Союзе. Завод расположен за городом Майкопом на правом берегу реки Белой. На нем занято уже 450 рабочих. Ежемесячно производство завода в 1923 году было 5200 пудов сухого экстракта. Уже и этого количества было достаточно, чтобы не только покрыть потребность Кубанских кожевенных заводов, но и вывозить много продуктов из пределов края. В этом же районе, в трех верстах от Туапсе, существует еще один завод (»Дубло«), но меньших размеров, в 1923 году на нем работало 70 рабочих, а местная производительность равнялась 1200 пудам жидкого дубильного экстракта.

Упомянем еще об одном лекарственно-техническом растении. Мы имеем в виду солодковый корень, или »солодку« с ее ценными корнями. Запасы этого растения в Черноморской губернии и на Кубани неисчерпаемы. Эксплуатация растения представляет огромный интерес ввиду большого спроса на него в Англии, где корни солодки находят себе применение при изготовлении английских национальных спиртных напитков. Англия перед войной закупала нужное в этих целях сырье в Туркестане, Закаспийской области и Закавказьи. Специально для экспорта и велась в этих районах эксплуатация: строились специальные склады, организовывалось оборудование специальными прессовальными машинами и т. д. В самые последние перед войной годы англичане начали на-

лаживать закупку и на Кубани. Благодаря близости моря, как дешевого пути, Кубанская солодка могла легко выдерживать конкуренцию. Сейчас однако, солодка гниет в лесах...

5. Винокурение, пивоварение, виноградство и виноделие.

В связи с прекращением продажи водки (с началом великой войны) в основу характеристики винокуренной промышленности Казачьих Земель должны быть положены данные за период предшествовавший. В 1913—1914 г. размеры нашего винокурения определялись следующими цифрами:

	число зав.	колич. выкурен. 40° спирта в ведрах
Донская . .	5	440.193
Кубанская .	8	2,043.656
Ставрополь.	2	437.701
Терская . .	4	440.245
всего . . .	19	3.361.795

Последняя цифра совпадает с количеством спирта, полученного в ЧСР. в компанию 1922—23. В сравнении с размерами винокурения во всей Императорской России, доли Казачьих Земель была невелика: 0.8% числа заводов и 2.4% продукции. В то же время потребление водки у нас было велико, колеблись между 7—7,5 миллионов ведер. в год и давая на душу населения на Дону и Кубани по 0.4 ведра, в Ставропольской губернии 0.34, на Тереке 0.2. Местное производство не покрывало всей потребности и значительное количество спирта должно было ввозиться. По расчетам специалистов удовлетворить местной продукцией всю потребность населения, можно было бы лишь при условии устройства еще 12 заводов с нормальной годовой производительностью около 250.000 ведер. Не безинтересно заметить, что системой казенной винной операции из населения наших областей выкачено было в 1911 году 48,800.000 рублей, а в 1912 году 47,300.000 рублей, составлявший чистый доход казны.

Относительно большее значение имело у нас производство коньячное и фруктово-виноградоводочное, дававшее почти 12% всего производства России.

	число зав. 1912	число зав. 1914	выкур. вед. спирта фрукт. в. 1912 г.	выкур. вед. спирта коньяч. 1914 г.
Кубанская .	1	2	440	177
Ставрополь	50	22	604	389
Терская . .	1	1	115.704	19.938
Черномор.	2	2	1.170	455
всего . . .	54	27	117.918	20.899

С начала войны, как видим из таблицы, эта отрасль производства сильно пала. Терская область попрежнему сохранила свое доминирующее положение. Из других лет следует отметить еще Анапу, где был большой виноградо-водочный завод; там же был и завод коньячный.

Размеры пивоваренной промышленности Казачьих областей в годы перед революцией характеризировались следующими цифрами:

	чис. зав. в 1911-15 гг.	из них действ. в 1915 г.	годи. произв. в ведрах за 1911-15 гг.
Кубанская . .	27	19	1,279.515
Донская . . .	14	—	1,056.168
Терская . . .	13	6	531.514
Ставропольская	12	5	511.615
Астраханская	3	—	830.644
Черноморская	2	—	135.371
всего . . .	71	30	4.344.827

Деля цифры годичного производства на число заводов, мы увидим, что самые крупные пивоваренные заводы были в Астраханской губернии: на 1 завод здесь приходилось в год больше 276.000 ведер, на Дону — 72.500, на Кубани 27.400. Характерно также падение числа действовавших заводов после начала войны.

В отношении культуры винограда Россия сильно отставала от главнейших винодельческих стран мира. Накануне войны площадь виноградников и производства вин выражалась в следующих цифрах:

	Франция	Италия	Испания	Ав.-Венг.	Португ.	Россия	Германия
Виноградников в тыс. дес.	1500	3500	1200	450	300	250	100
Вина в милл. ведер	500	350	150	75	35	30	25

Т. обр. русское виноградарство и виноделие уступало даже маленькой Португалии. Из общей суммы сбора винограда в Империи на долю Казачьих Земель приходилась доля довольно большая — почти $^3/_5$ (19%). Из площади же земли, занятой виноградниками, на Казачьи Земли приходилось 16%. Донская и Терская обл. принадлежали к 9 наиболее богатым виноградом районами б. России: наибольшая площадь под виноградниками была занята в Грузии, губерниях Закавказья и в Самарканде (Тифлисская губерния 58.000 десятин, Кутаисская 28.200 десятин, Самаркандская 20.000 десятин, Елизаветпольская 16.000 десятин); далее шел Дон с 15.500 десятин, губерния Эриванская 11.300 десятин, Терек и губерния Бакинская — по 10.900 десятин, Таврическая губерния 10.300 десятин. Если сравнить площадь, занятую в наших Землях виноградниками, и количество изготовлявшегося вина с однородными величинами некоторых славящихся винодельем стран, то оказывает-

ся, что по площади наши виноградники составляли, 40% площади, напр., немецких и давали 12% германского вина, 13,3% по площади и 8,5% по количеству вина — Португалии. Для нас эти цифры должны считаться крупными, ибо Португалия принадлежит к числу мировых экспортеров вина, а германское виноделие славилось еще в средние века (Рейнские вина). Распределение винограда и виноделия по отдельным нашим областям, видно из следующей таблицы:

	площадь виногр. в дес.	сбор в мил. пуд.	изготов. вина в тыс. вед.
Астраханская (1910 г.)	507,4	0,21	3,0
Донская (1915 г.)	11.542,5	1,77	629,5
Кубанская (1914 г.)	8.645,0	1,90	—
Ставропольская	5.547,2	0,23	419,4
Терская (1914 г.)	10.849,5	1,94	1.516,5
Черноморская (1915 г.)	3.000,0	0,60	500,0
Итого	40.091,6	6,65	3.068,4

По занятой виноградниками площади выделяются Дон, Терек и Кубань; по изготовлению вина — Терек. Каждая область имела вина своих специальных марок. Из Терских вин широкую известность получило Кизлярское вино. Другим Терским продуктом, но уже местного значения был »Чихирь« — молодое, невыдержанное вино. Приготовлялось оно чисто домашним способом. Отличалось дешевой ценой (60 коп. — 1 руб. за ведро), благодаря чему продавалось массами на всяких базарах, ярмарках и т. д. С одного этого вина получалось дохода более 1 миллиона рублей в год. Широко был распространен »Чихирь« и в Ставропольской губернии, на Дону и Кубани — уже в значительно меньшем количестве. Из вин Ставропольской губернии ценно было вино Прасковейское. Славившееся по всей России «Донское шипучее» Цимлянское — специальность Дона. Из Кубанских вин лучшими считались Анапские типа Бордо и Бургунское красное, не уступавшее лучшим крымским сортам. Новороссийский округ давал наилучшее в России белое вино. Прекрасно удавались на побережьи первоклассно-западноевропейские сорта рислинга, аликанте, сотерни, кабэрнэ, совиньона. Производившееся в удельном имении Абрау-Дюрсо шампанское, также было известно всей России, а в 1923 году было даже единственным сортом шампанского в СССР. Сколь ценятся некоторые сорта вин Черноморского побережья теперь, видно уже из того, что на последней выставке образцов товаров в Праге (сент. 1929), в павильоне СССР. можно было видеть среди экспортных товаров ряд наших вин. В Новороссийском округе виноградарство не достигало возможных размеров из-за высокой стоимости закладки новых виноградников, вследствие большой трудности производства плантажа в каменистой почве. При таких условиях виноградарством могли заниматься только люди состоятельные. Последние же находили более выгодное применение своих капиталов. Прекрасные природные условия для виноделия давал Туапсинский округ, но здесь часто отсутствовал еще надлежащий опыт. Столовый виноград собирался, главным образом, на севере наших Земель — на Дону и Астрахани, меньше — в районе Екатеринодара, где приходные условия не гарантируют нормальной продуктивности виноградников, но за то обеспечен сбыт десертных сортов. В качестве целебного ценился виноград Анапский. Приблизительно после 1905 года стал довольно ясно обозначаться промышленный характер виноградарства и виноделья Казачьих Земель. Техника культуры быстро улучшалась, все больше и больше значения приобретало изготовление вин высших марок. За время войны и революции виноградарство очень пострадало. Тысячи дес. были заброшены, раскорчеваны, или погибли от вредителей. Общий процент падения площади виноградников в СССР. (около 35%) может приблизительно характеризовать падение виноградарства и у нас. Перепись 1926 г. учла, напр., на Кубани с Черноморьем лишь 3280 десятин, а ведь виноградники Черноморской полосы пострадали в относительно меньшей степени. На Дону площадь виноградников в 1922 году равнялась лишь 4000 десятинам, в Астраханской губернии 300 десятинам. Весьма тяжелым обстоятельством лет революции явился недостаток материалов для борьбы с вредителями, уничтожавшими виноградники. Не мало забот виноделью принес и прекратившийся подвоз посуды.

Много образцовых плантаторских хозяйств крупного типа было ликвидировано. Урожаемость на десятину понизилась, даже в 1922 году до 75—80 пудов; а в Черноморской губернии до 166 пудов, хотя более поздние советские статистические источники и считают приведенные цифры преуменьшенными. Некоторые признаки восстановления можно наблюдать лишь начиная с 1922 года. Благодаря росту доходности на 1 десятину в 1924 году чистый доход на 1 десятину в Кубанском округе поднялся на 46% валовой прибыли, в 1926 году — до 61%.

Общая нужда заставляет теперь более бережливо обходиться со сбором, тщательней заботиться о сбыте, и более труда вкладывать в самую культуру. В сыром виде теперь сбывается не более 25—

30% урожая, остальное количество перерабатывается на вино. Любопытно отметить развивающуюся отправку винограда, а отчасти и вина, из Темрюкского района в Крым.

Площадь под виноградниками стала увеличиваться. В Кубанском округе, напр., цифры растут так: 1924 г. — 3640 десятин, 1925 г. — 3636 десятин, 1926 г. — 4680 десятин, 1927 г. — 5480 десятин, 1928 г. — 6300 десятин — дореволюционные размеры все же далеко не достигнуты. Максимальное восстановление наблюдается в Темрюцчом районе.

Нет, как говорят, худа без добра: быть может тяжелые современные условия, когда виноградарь должен вложить неизмеримое количество труда и энергии в дело, дабы смочь не только заплатить все бесчисленные налоги, но и заработать на свое существование, приучат к более заботливому отношению к виноградникам, и научат ценить возможности нашей богатой природы. При этом условии виноградарство Казачьих Земель может послужить в будущем источником больших доходов для нашего населения.

6. Рыболовство.

Рыбный промысел издавна принадлежал у нас к числу промыслов, значение коих всегда не доценивалось. Рыболовству, его охране и восстановлению рыбных богатств не уделялось подобающего внимания. А между тем в довоенное время один Каспийский район давал 59% улова всей Империи, занимая первое место среди всех ее рыболовных районов, в то время, как стоявший на втором месте, район Дальневосточный давал лишь 13.2%. Доля же улова всех Казачьих Земель составляла 65% улова Европейской России. Около 110.000 человек было в наших Землях связано с рыболовством (в Великобритании насчитывается 100.000 ловцов). Потребление рыбы у нас значительно превосходило потребление центральной России: в то время, как там в среднем на душу населения приходилось в год 2.4 фунта, у нас 4 фунта.

Среди промысловых сортов вылавливавшейся у нас рыбы наибольшее количество приходилось на семейство сельдевых, потом шли лососевые и осетровые. Наиболее ходкими из наших рыб были Астраханские и Керченские сельди, Азовская и Черноморская камса, или килька по терминологии Каспийской, вобла, жерех, лещь, осетер, белуга, севрюга. Последние с осетровой породы были особенно распространены в Каспийском море.

Казачьи Земли можно разделить на 5 рыболовных районов: 1. Астраханский или Нижневолжский, включающий Волгу от Царицына вниз по течению (особенно уезды Царицынский, Царевский, Черноярский, Енотаевский, Красноярский, Астраханский), ее разветвленное устье и побережье Каспийского моря от г. Гурьева Уральской области до острова Чечень; река Урал также может быть относима сюда; 2. Каспийско-Терский бассейн Терека и берег Каспийского моря в пределах области; 3. Азовско-Донской бассейн Дона и морское побережье в пределах области; 4. Кубанский бассейн Кубани и морское побережье с его лиманами и озерами в пределах области; 5. Черноморский — морское побережье в пределах бывшей Черноморской губернии. Сравнительный обзор годичного улова в этих пяти районах характеризуется за последние 5 довоенных лет, следующими цифрами (по статистическому сборнику Лященко):

	красн. и белая рыба	частик. рыба	икра	общая ценность
	в тыс. пудах		в пудах	в рублях
Астраханский	650,0	13.500,0	78.000,0	42,500.000
Каспийско-Терский	96,0	40,8	1.917,6	322.756
Азовско-Донской	334,2	3.008,2	486,6	921.786
Кубанский	19,6	9.151,7	476,1	666.440*)
Черноморский	3,0	45,0	—	109.914

Рассмотрим теперь каждый район отдельно:

1. Район Астраханский или Нижневолжский. По количеству продуктов он является одним из наиболее значительных рыболовных районов мира. Приведем для сравнения с ценностью его улова (42.5 миллионов рублей) ценность продукции в 1913 5 наиболее богатых рыбой стран мира: Великобритания — 118 миллионов рублей, Россия — 168 миллионов рублей (по ценности продукции — первая, по весу выловленной рыбы — вторая), Соед. Штаты — 146 миллионов рублей, Япония — 60 миллионов рублей, Канада — 58 миллионов рублей. Район не представляет географически нечто целое и легко может быть разбит на ряд подрайонов. Из них самым главным явилось бы устье Волги с прилегающими к нему берегами. Здесь вылавливалось больше ½ всей Каспийской рыбы, в качестве отдельного подрайона можно выделить и Урал, интересный по совершенному своеобразному укладу рыболовства, производившемуся казаками, сообща, целой общиной.

На северных берегах Каспийского моря рыбо-

*) Эта цифра взята нами из »Статистического ежегодника Советов с'ездов» предусм. на 1912 г., т. к. цифра приводимая здесь Лященко (51.923 р.) явно ошибочна.

ловство имеет характер вспомогательного промысла населения прибережной полосы, расположенной у границы песчанной, бесплодной и пустынной степи, где земледелие почти отсутствует и ведется лишь экстенсивное скотоводство.

Настоящим несчастьем для Волжского рыболовства было загрязнение воды нефтью, которая утекала з барж при перевозках в отромном количестве — до 15,000.000 пудов. Нефть эта, образовывала в мелких заливах, где размножается рыба, непроникаемую пленку, от которой пропадали мальки.

Наиболее важными сортами ловимой в рассматриваемом районе рыбы, были: белуга, осетр, севрюга, сельдь, вобла. Наипродуктивен был улов воблы и сельди. Размеры улова главнейших сортов иллюстрируются следующей таблицей (в тысяч. штук):

	1912 г.	1913 г.	1914 г.
Белуга . . .	45,6	55,2	19,1
Осетр	441,8	508,3	159,8
Севрюга . . .	285,0	253,8	95,6
Сельдь . . .	97.414,0	159.673,0	43.021,0
Пузанок . . .	103.382,0	137.830,0	90.266,0
Белорыбица .	41,0	44,0	24,0
Лосось . . .	1,0	1,0	2,0
Сазак	7.951,0	4.073,0	4.018,0
Судак	10.905,0	8.897,0	3.753,0
Вобла	189.942,0	195.313,0	117.508,0

К данным приведенной таблицы можно еще прибавить тюлений промысел, давший в 1911 году 53.300 штук.

Все эти цифры далеко не характеризуют возможностей рассматриваемого района. По исчислениям, напр. советских специалистов, годовой улов в Каспийском море мог быть доведен без ущерба для рыбного хозяйства до 760.000 тон. В 1925 году улов был лишь в 435.000 тон. Увеличение улова тем желательней, что Астраханский район никогда не испытывал затруднений в отыскании рынка для сбыта, благодаря налаженной связи с такими крупными центрами, как Москва (до 3,200.000 пуд. в год), Петроград (1,200.000 пуд.) и др. Организация Астраханского рыболовства определялась не только географией вод и естественно биологическими условиями, но и привычками, традициями населения, и его этнографическими особенностями. Можно было видеть резкие контрасты: с одной стороны крупные, подчас миллионные рыболовные предприятия, расположенные в дельте Волги, где они имеют свои невидные тони, и располагающие ледниками, холодильниками, штатом специалистов, быстрыми судами для подвозки, иногда и собственными бондарными заводами, — с другой стороны мелкий рыбный промысел, в котором участвовали весьма разнообразные рыбаки, начиная с мелких речных бударочников, вооруженных 2—3 концами сети, и кончая морскими ловцами, производящими лов с довольно крупных морских судов (т. наз. «сточных», «кусовых», «реюшек») с грузоподемностью до 2000 пуд. и более. Все эти ловцы сдавали рыбу на особые скупные промыслы, расположенные на берегу, особенно в Астрахани, где совершалась переработка свежей рыбы в соленную, копченую и вяленую. В этом виде. товар поступал на рынок.

Количество поступавшей на рынок свежей и мороженой рыбы стало увеличиваться лишь в последние годы, в связи с развитием техники холодильного дела. Раньше, из-за отсутствия холодных перевозных средств, свежая рыба могла отправляться по Волге в теплое время года лишь пассажирскими пароходами. Крупнейшими станциями отправления рыбных грузов были Астрахань и Царицын. По данным жел.-дор. статистики за 1914 г. из Астрахани отправлено всех видов рыбы 13,700.000 пуд., из Царицына — 3,600.000 пуд. Далее шла Баландинская пристань — 3,100.000 пуд.

Очень часто ловцы сдавали рыбу не непосредственно на промыслы, но специальным скупщикам, которые на особых судах «рыбницах», снабженных льдом и солью выходят в море, скупают там у ловцов рыбу и таким образом служат передвижным звеном между ними и промышленниками.

На Урале крупных капиталистических промыслов не было совершенно. Наоборот, на западных берегах Каспийского моря концентрация зашла так далеко, что почти все крупные предприятия об'единились в 2 больших кампании, на манер синдикатов и держали в своих руках лов и сбыт сельди-пузанки.

Развитие крупного промысла замечалось только там, где возможен был неводный лов. Политика Министерства Земледелия тоже способствовала росту крупных предприятий. Министерство сдавало рыболовные угодья с торгов за очень высокие цены, делавшие совершенно недоступным для мелкого ловца пользование угодьями. Некоторые участки в дельте Волги сдавались за сумму более 200.000 рублей, а аренда селедяных промыслов доходила до 1 мил. рублей. Нельзя, конечно, отказать, что развитие крупных предприятий со всеми их техническими преимуществами способствовало поднятию техники рыбного промысла, но в то же время оно ставило в очень тяжелые условия массы мелких ловцов, не могущих выдерживать сильной конкуренции и попадавших в полную зависимость скупщиков. Скупщики использовывали необходимость для ловцов, сдавать рыбу во избежание порчи немедленно после улова, и во время массового улова рыбы, сбивали цены до последней возможности. В 1912—13 гг. в Астрахани бывали случаи, когда тысяча превосходной сельди сбывалась за 50 коп. (по современным ценам в ЧСР.

принимая курс 1 рубл.—17 кр., тысяча стоил около 60 кр.), или даже за ½ бутылки водки; как правило же ловецкая рыба продавалась в 5—6 раз дешевле, чем ценилась на потребительном рынке. Еще хуже было при подрядном лове, когда промышленники закупали по ничтожным ценам будущие уловы. Рыболовство, благодаря этому, из источника народного дохода для местной массы населения, каким оно могло бы быть при известной организованности ловцов, превращалось в источник колоссальных барышей для небольшой группы лиц.

Что касается Урала, где при обилии рыбы стоимость годовой добычи доходила до 1,500.000 руб., то здесь главное зло было в крайней примитивности переработки и сбыта. Радикально поставленные промыслы отсутствовали совершенно. Засол рыбы происходил иногда прямо в вырытых на берегу ямах. Помимо того, что это снижало качество продукта, много рыбы иногда просто пропадало. Не мало вредил делу и один старый, но не разумный обычай уральских казаков: они упорно не желали пускать в Урал не только паровые суда, но даже — рыбницы и баржи. Из-за этого рыбу приходилось везти гужем иногда за сотни верст. Ясно, что от такой перевозки цена рыбы в месте назначения страшно поднималась и конкуренция с астраханской рыбой была возможна лишь при минимальной цене на улов на месте.

Чем было рыболовство для населения, рассматриваемого района, хорошо видно из статистики занятия населения, напр., Гурьевского района. Временами здесь рыбной ловлей занималось 100% всего населения; весной и осенью даже кочевое население подходило к берегам.

2. Район Каспийско-Терский. Улов в бассейне Терека и прилегающих частях Каспийского моря рисуется в след. цифрах (по Лященко Ок. район юго-восточн. Европейской России»):

	1912 г.	1913 г.	1914 г.
Красная рыба пудов	809	31.445	22.209
Белая рыба пудов	1.449	102.095	131.490
Икра красной рыбы	628	1.941	1.232
Икра белой рыбы	20	673	485
Сельди тыс. штук	—	78.512	383
Общая ценность руб.	115.761	552.718	69.177

Использование рыбных богатств района было невелико и велось нетитенсивно. Число ловцов не превышало 4000 чел. Главнейшими центрами отправки рыбных грузов были Хасав юрт — 48.000 пудов (в 1914 г.) и Грозный — 5100 пудов.

3. Район Азовско-Донской. Бесконтрольно-хищное хозяйничанье частных предпринимателей нигде не сказалось так сильно, как именно в Азовском море, исчезновением весьма ценных пород. Богатейший в былые времена район в некоторые годы перед войной являл уже все признаки истощения и даже нуждался порой в подвозе рыбы с Каспия. Цифры улова речной рыбы и улов по берегам моря в пределах Войска донского выражается в следующем виде:

	1912 г.	1913 г.	1914 г.
Красная рыба пуд.	7.588	14.275	11.259
Белая рыба пуд.	149.524	488.926	504.256
Икра кр.. рыбы пуд.	180	1.034	378
Икра бел. рыбы пуд.	95	20	33
Сельди тыс. штук	2,625.781	3,233.713	5,156.014
Общая цен. в руб.	736.443	1,035.061	974.946

Как видим из таблицы, абсолютные цифры улова все же велики. В 1910 г. улов здесь белой и красной рыбы превышал по весу треть всего улова Ледовито-Беломорского бассейна. И при известного рода истощении, Азовское море превосходило по богатству рыбой море Черное. Рыболовство на северо-восточных берегах Азовского моря не играло исключительной роли: при богатой почве и благоприятных климатических условиях земледелие доходило здесь часто до побережья, почему ловля рыбы приобретала характер подсобного промысла более или менее крупного значения. Исключение в этом отношении представляют лишь район Таганрога (ст. Ново-Николаевская), и Ростова (ст. Елизаветинская). Из речных уловов наибольший получался по верхнему и среднему Дону, особенно в ст. Вешенской, Усть-Медведицкой и др. центрами отправки рыбных грузов рассматриваемого района был Ростов — 285.000 пуд. (за 1914 г.) и Таганрог — 215.000 пудов.

4. Район Кубанский и Черноморский. Черное море не отличается рыбным богатством. Ловле рыбы препятствует большая глубина моря. Рыболовство здесь не имело крупного промышленного значения и, как видно из первой таблицы, цифра улова была в общем невелика. Как местную особенность следует отметить лишь: бой дельфинов, дошедшей в 12 г. до 10.500 пуд., улов камбалы, лов кефали и барбули. В Кубанском районе наиболее крупными участками являются Ачуевский (устье Протока) и Темрюкский. Для жителей Ейска, Ахтарей, ст. Должанской и Гривенской, рыболовство имеет исключительное экономическое значение. Среди рыбных пород главное место принадлежало осетру, севрюге, белуге, судаку (суда), шарану, шамае, тарани, рыбцу и сельди (в Керчинском проливе). Размеры улова в бассейне Кубани некоторых сортов видны из следующей таблицы:

Центрами по вывозу рыбы из края были Новороссийск — до 22.000 пуд. в год, и Екатеринодар — 72.000 пуд. (1914 г.).

Хищнический способ рыболовства привел к тому, что рыболовство в Кубано-Черноморском райо-

	1912 г.	1913 г.	1914 г.
Красная рыба пуд.	5.424	4.114	3.062
Икра красной рыбы п.	476	389	321
Икра кефали пуд.	3	5	—
Кефали	3	5	—
Сельди тыс. штук	967	1.079	1.833
Сом пудов	2.264	4.449	4.120
Таловарка штук	19.820	11.333	—
Сула тыс. штук	229	261	294
Короп тыс. штук	310	139	157
Тарань тыс. штук	3.440	4.672	1.995
Чебя тыс. штук	1.306	1.215	1.387
Рыбец тыс. штук	24	33	33
Кираль тыс. штук	4.748	2.319	1.470
Чехонь тыс. штук	41	29	28

не за последние 50 лет уменьшилось страшно: в 1861—65 гг. здесь вылавливалось одной красной рыбы более 4½ т. пуд., а в 1896—1900 гг. — 18 т. пуд. (по данным Апостолова). Рыболовство в пресных водах, особенно в Кубани и приазовских плавнях и озерах все и более и более уступало место рыболовству морскому.

Обособленное место в рыбном хозяйстве имела ловля форели в верхнем течении некоторых рек; характер такой ловли оставался, впрочем, подсобным.

Всего рыбным промыслом на войсковых водах в 1914 г. было занято 7033 ч., сверх того более 5000 чел. (считая и мелкия домашния предпринимательства) было занято на рыбных и консервных заводах. Из более-менее крупных заводов этого рода статистика 1919 г. отмечает на Кубани 5 заводов по изготовлению раковых консерв и 16 по консервированию рыбы и икры.

Посмотрим теперь, как распределялась вылавливавшаяся в Казачьих краях рыба на рынке. В пределах наших Земель наиболее крупными рыбными рынками были Ростов, куда ввозилось в год до 31.500 пуд. (стат. ж.-дор. перевозок за 1914 г.), Екатеринодар — 17,6 т. пуд., Армавир — 31,5 т. п., Изобильная — 8,9 т. п., Ставропольская — 9 т. п., Крымская — 5,6 т. п., Владикавказ — 11,9 т. п. Главными внешними районами, получавшими рыбу от нас, были: район Московско-Киев-Воронежской ж. д. (до 540.000 п.), район юго-восточных жел. дор. — 413,6 т. п., южных — 472.3 т. п., юго-западных — 321,2 т. п., Полесских — 129,7 т. п., закавказских — 166,9 т. п., и привислинских — 117,3 т. п. Из отдельных крупных потребительных рынков нашей рыбы были Москва, куда мы поставляли до 311,6 т. п. (1914 г.), Петроград — 200,3 т. п., Харьков + 122,9 т. п.

Здесь можно сделать любопытное сравнение: общий улов рыбы в Ч. С. Р. равен кругло 190 т. п. в год. след., в один Петроград наши Земли поставляли рыбы больше, чем ловится ее в Чехословакии: вес же икры, доставлявшейся на рынки одним Астраханским районом составлял 41% от веса Чехословацкого улова рыбы.

Война и революция отразились на рыболовстве Казачьих Земель довольно своеобразно. С одной стороны рыбное хозяйство было всюду сильно подорвано, а местами и совершенно разрушено; лов уменьшился, невознобновляемый инвентарь пришел в ветхость; лодки, сети, снасти износились; места засола и хранения оказались разрушенными. Но в это же время основа рыбного промысла — рыбные богатства — в итоге войны и революции выиграли. Мобилизация сократила количество ловцов. Недостаток рыболовного снаряжения, всевозможные реквизиции и военные действия в водных бассейнах невольно привели к сокращению добычи. Уменьшение судоходства и прекращение загрязнения рек (напр., Волги мазутом), тоже сыграли положительное значение. Рыбная молодь получила более благоприятные условия для своего развития. В итоге количество рыбы в Казачьих реках и морях значительно увеличилось, а размеры ея стали более крупными. Контрольные ловы показывают теперь большее количество рыб полновесных, зрелого возраста. В Астраханском районе в 1917 г. вобла весила в среднем 10 пуд. в 1000 шт., осенью же 20 г. вес доходил до 20 пуд. в тысяче. В Кубанском районе сазан весивший 5—6 фун., в 24 г. давал средний вес 7—10 ф. Во время весеннего улова 1924 г. в низовьях Дона напор рыбы был столь велик,, что во многих местах были прорваны сети; ежедневно ловилось до 200.000 п. рыбы, да вдобавок еще преимущественно красной. Некоторые специалисты по рыбному делу находили уже признаки перенаселения, (!) при котором уже нарушалось равновесие между наличием в воде кормов и рыбы.

Проследить состояние нашего рыболовства в годы революции и точно учесть его положение теперь, не представляется теперь возможным. Материалы не приведены еще в систематический порядок, и мы располагаем лишь отдельными сведениями. Так в Астраханском районе первые годы войны подорвали совершенно ловецкое хозяйство (мобилизация), в то время, как крупный промысел на этом выиграл, использовав для услуг туземных рабочих, особенно персов. Первые дни революции несколько приостановили развившуюся спекуляцию с рыбой и вернули потерянное положение мелким ловцам, ставшим об'единятся и восстанавливать старинные самобытные формы рыбных артелей.

На Урале Центральный Продовольственный Комитет пытался организовать скуп всей рыбы и на 40% добился успеха. Предполагалась уже и организация Комитета в устьях Урала крупного промысла, т. к. Казачий Круг под влиянием новых веяний шел уже на уступки и в Урал предполагался впуск шаланд. Но гражданская война и тут создала хаос. Ныне рыболовство в устье Урала

и на прилежащих берегах Каспийского моря (этот район входит в республику «Казакстан») держит в своих руках «Казакрыбтрест», поставивший в 25 т. значительнейшую часть годового улова.

На Кубани Ачуевский и Темрюцкий участки признаны государственными. За 1916—20 гг. улов давал здесь 5298 пуд. красной рыбы и 5096 пуд. белой. В последние годы улов всего Кубанского района выражался в следующих цифрах: 1924-25 — 448 т. п., 1925-26 — 756,800 п., 1926-27 — 926.400 п., 1927-28 — 1,035.200 п. Улов государственных угодий «Кубокруга» в 1925 г. был оценен в 1,300 тыс. руб., в 1927-28 — 1,542.200 руб.

Интересно, что несмотря на общую страшную дороговизну, цена на рыбу в последние годы долго держалась на уровне 30% цены довоенной, что способствовало увеличению потребления рыбы. До 350.000 пуд. потребляется сейчас в одном Екатеринодаре, а около 2,000.000 пуд. вывозится из пределов края.

Из других отдельных данных советских источников заслуживают упоминания развития рыболовной кооперации, об'единяющий теперь до 30% всех ловцов; появление новых специальных профессионально-ловецких хозяйств в Славянско-Приморско-Ахтарском и Темрюкском районах; проект обводнения Черноморских лиманов в устройства Гривенского шлюза.

Мы умышленно остановились несколко дольше на рыболовстве в наших краях, ибо возрождение его составляет одну из первоочередных экономических задач: ни одна отрасль народного хозяйства не дает в процессе восстановления такого быстрого и внушительного эффекта, как рыбный промысел. Таков приход самого рыболовства, таковы возможные результаты увеличения наших рыбных богатств за последние 10—12 лет. В связи со всем этим рыба может явиться одним из первых экспортных товаров наших Земель. А наладится дело, — тогда его перспективы буквально огромны. Ведь само то по себе Каспийское море уже является одним из наиболее богатых рыбой водных бассейнов света. А что же будет, если в этом бассейне применить методы научного искусственного рыборазведения.

В 1916 г. в С.-Штатах выведено и пущено в воды 5 миллиардов мальков различных рыб (среди попыток искусственного рыборазведения в России можно отметить таковые по выводу стерлядей в Волге). Те же С.-Штаты дают и другой, буквально-исторический пример—урок: в течении нескольких лет оплодотворенная икра сельди Атлантического океана перевозилась поперек всей Америки к берегам Тихого океана и выведенные там мальки выпускались массами в соответствующие реки. В результате на Тихоокеанском побережьи начался и скоро достиг больших размеров промысел, этой сельди, никогда там раньше неводившейся. Что же ждет наше рыболовство, если и без того огромные богатства наших рек и морей соединить с научными методами. Мы нисколько не впадем в преувеличение, если скажем, что при наших данных и надлежащих методах мы можем стать одними из хозяев мирового рынка икры, рыбы и раков.

7. Скотоводство.

Разведение домашних животных имеет большое значение для народного хозяйства. Животноводство составляет, во-первых, рабочую силу, особенно веденую в странах с таким значением сельского хозяйства, как наша со сравнительно небольшим употреблением механических двигателей; во вторых дает в странах главную массу навозного удобрения, что при малом употреблении у нас удобрений искусственных чрезвычайно важно; в третьих, скотоводство является самостоятельной отраслью народного- хозяйства, дающей такие продукты, как молоко, масло, кожи, шерсть, щетина и т. д.

При весьма больших абсолютно цифрах голов скота, Императорская Россия являлась по сравнению с другими странами, государством довольно слабо развитого скотоводства: степень развития скотоводства нельзя измерить только численностью животных, но и плотностью «скотского населения». В этом отношении Россия уступала многим странам, как в отношении числа животных, приходящихся на 100 душ населения. Тем замечательней было положение Казачьих Земель, принадлежащих рядом входивших в них районов, к наиболее скотоводческим районам Империи.

Развитие у нас скотоводства уходит своими корнями, как мы уже говорили, в историю, и не так давно уже было время, лет 50—60 назад, когда не хлебопашество, но скотоводство определяло экономический характер наших Земель. Несмотря на то, что времена бесчисленных бродивших по степям табунов лошадей, необозримых стад рогатого скота и отар овец, гнавшихся по «скотопрогонным» трактам на ярмарки, и держание скота почти круглый год на подножном корму, — прошли, население перешло к хлебопашеству и скотоводство уже в новых формах заняло второе место, количество же скота оставалось по прежнему исключительным. Появились и новые отрасли животноводства, как разведение кроликов, козоводство или промышленное свиноводство.

Посмотрим теперь, каковы же были размеры скотоводства Казачьих Земель и каково было их место в этом отношении в Империи и мировом хозяйстве. Комбинируя ряд данных из различных источников, получаем такую таблицу в миллионах голов:

По количеству домашних животных, как видим, на первом месте в Казачьих Землях стоял Дон, далее шла Кубань, потом Терек, Ставропольская

	лошади	круп. рог. скот	овцы, бар. и козы	свиньи	всего
Астраханская (1914 г.)	0,35	1,00	2,78	0,04	2,17
Донская (1914 г.)	0,88	2,25	2,01	0,54	5,68
Кубанская (1914 г.)	0,91	1,32	1,85	0,59	4,67
Ставропольская (1914 г.)	0,48	0,78	1,97	0,23	3,46
Терская (1914 г.)	0,31	0,95	2,22	0,12	3,60
Черноморская (1914 г.)	0,01	0,03	0,02	0,01	0,07
Итого в Каз. Земли	2,94	6,33	10,85	1,53	21,65
Россия (с Казачими Землями)	34,43	51,27	84,06	16,64	186,40
Англия (1915 г.)	1,7	21,1	28,2	2,7	45,7
С.-Штаты (1916 г.)	21,1	61,4	52,1	68,0	202,6
Германия (1915 г.)	3,3	20,3	8,4	17,2	49,2
Франция (1916 г.)	2,3	12,7	13,2	4,4	32,6
Аргентина (1912 г.)	9,4	29,1	89,8	2,9	131,2
Австралия (1914 г.)	2,5	11,1	82,2	0,8	96,2
Италия (1914 г.)	—	6,6	—	2,7	—
Испания (1913 г.)	—	2,9	16,4	2,7	—
Дания (1914 г.)	—	2,5	0,52	2,5	—
Бельгия (1913 г.)	—	1,9	—	1,4	—
Голландия (1913 г.)	—	2,1	0,84	1,4	—

и Астраханская губ., потом Черноморская губ., со слабо развитым животноводством. По общей суммарной цифре мы отстаем от других стран, но по количеству голов отдельных видов скота часто и превосходим некоторые государства. Напр., одна Донская обл. количеством рогатого скота превосходит Бельгию и Голландию и лишь немного уступает Дании и Испании. При сравнении с цифрами всероссийскими, наши цифры кажутся небольшими, однако, совсем в ином виде представится наше скотоводство, если мы сделаем сравнение по признаку обеспеченности населения скотом:

	На 100 жителей в 1914 г. пришлось штук,		
	лошад.	круп. рог. скота	овец, бар., коз.
Астраханская губ.	27,0	75,8	214,8
Донская обл.	22,8	58,0	65,7
Кубанская обл.	30,5	44,2	81,3
Ставропольская губ.	35,9	58,5	165,9
Терская обл.	24,6	75,0	185,6
Черноморская губ.	7,9	19,0	21,5
Россия	19,7	29,3	57,5
Англия	3,7	26,1	60,7
Германия	4,9	30,0	7,5
Дания	20,5	88,8	18,6
Франция	5,8	32,1	30,5
С.-Штаты	21,4	62,2	49,8

Таким образом, обеспеченность скотом наших Земель значительно выше среднерусской. Если не принимать во внимание такие, стоящие вне конкуренции, по обеспеченности, населения скотом страны, как Уругвай и Аргентину (на 100 жител. в Уругвае приходится 2322 овцы!), то, как отдельные области, так и все Казачьи Земли могут претендовать по данному признаку на передовые места и в мировом хозяйстве. Из таблицы видна также характерная черта структуры нашего скотоводства: за границей почти всюду крупный рогатый скот превосходит наличие лошадей в большее число раз чем у нас. Это свидетельствует об относительно большом значении там, в сравнении с Казачьими Землями, продуктивного скотоводства. Сравнение скотоводства наших Земель со скотоводством всей Империи дополним еще такими данными:

(смот. табл. на стр. 184).

Из первой таблицы мы видим, что в некоторых областях соотношение между количеством скота и посевной площадью меньше, чем в России, в других больше. В отношении крупного рогатого скота наименьшая плотность у нас наблюдается в северных и центральных районах Кубани, в центральных и восточных — Ставропольской губ., в восточных — Терека, на юго-западе и севере Донской области. Эти районы облегаются полосами со значительно меньшей распашкой земли (особенно на восток), так, что плотность скотоводства опирающегося уже не на полеводство, но на естественные угодья, там, конечно, большая. Территория скотоводства со средней плотностью составляет промежуточная полоса. Зато в отношении рабочего скота по расчету на одно хозяйство и на 100 дес. посева Астраханская, Донская и Ставропольская губ. стоят очень высоко, что видно из второй таблицы.

Несмотря на общее низкое качество скота в России, животноводство Казачьих Земель давало ряд пород весьма подходящих для местных условий и не всегда уж так низких по своим качествам. Особенно это касается коневодства Донской обла-

	на 100 дес. посев 1914 г.			на 1 хозяйство			на 100 дес. посева		
	приходило голов скота			приходило рабоч. скота			приходило рабоч. скота		
	лошадей	круп.	всего	лошадей	вол.	всего	лошадей	волов	всего
Астраханская	58,2	163,1	462,3	1,4	0,2	2,5	37,7	6,6	69,9
Донская . .	16,1	41,0	48,3	1,8	1,0	2,8	18,5	10,2	28,9
Кубанская . .	27,5	39,9	73,3	2,0	0,4	2,4	16,9	3,6	20,7
Ставропольск.	18,2	29,4	84,5	1,2	0,1	1,3	25,4	1,8	27,6
Терская . .	28,2	88,6	219,2	—	—	—	—	—	—
Черноморская	106,9	256,8	290,6	—	—	—	—	—	—
Всего по Рос.	33,8	50,4	99,0	—	—	—	—	—	—

сти. Местная порода кавалерийской лошади признавалась отличной. Не были редкостью прекрасные экземпляры в Моздокском и Кизлярском округах, Терской области, среди табунов кабардинцев и черкесов. Уменье казаков и горцев оценить лошадь было порукой достаточно высокого уровня коневодства в наших Землях.

В области овцеводства Казачьи Земли располагали главным количеством наиболее ценной породы во всей Империи — тонкорунных мериносов. В свиноводстве наиболее выгодной, но наименее у нас развитой по абсолютным цифрам области животноводства, первоклассные породы в некоторых местах даже преобладали. Об'ясняется это молодостью данной отрасли хозяйства, с самого начала ставшего на путь достижения Западной Европы. Английские йоркширы и беркширы, как и их помесь с местными породами, не являлись редкостью в нашем промышленном свиноводстве.

Главная масса крупного рогатого скота относилась или к породам пустынных степей Астраханской губ. — красный калмыцкий скот, или к сивому украинскому скоту и его помесям. Первая порода была распространена, главным образом, на северо-востоке наших Земель. Она очень подходит к местным условиям и характеризуется большой выносливостью, неприхотливостью в корме, достаточной молочностью и быстрой откармливаемостью на мясо. Вторая порода приближается уже к высококачественному, тяжеловесному, мясному черкасскому скоту. Нагорные пастбища юга представляли прекрасные условия для разведения этой породы. Не менее, впрочем, были благоприятны альпийские луга юга и для молочного скота. В самые последние перед войной годы обозначился ввоз из-заграницы в Казачьи Земли и таких «аристократов»-производителей, как представителей симментальской, швицкой и ангальской — молочных пород.

Переход к более культурным формам животноводства и некоторое распространение специальных знаний начали выводить из состояния «домашнего хозяйства» и наше маслоделие и сыроварение. На Кубани в этом отношении давали пример немцы-колонисты и латыши. Достаточное развитие в более или менее крупных формах этого вида сельско-хозяйственной промышленности способствовали бы повышению общего уровня нашего животноводства и его интенсификации.

Много интересного материала дает рассмотрение скотоводства по отдельным областям и губ. Главным скотоводческим районом Казачьих Земель является Киргизская и Калмыцкая степи, восточная часть Царевского уезда Астраханской губ., Сальский и Донецкий округа Донской области и уезды и округа Дербетовский, Турхменский, Ачикулакский, Караногайский. Довольно сильно, но уже без такого исключительного значения, как в перечисленных районах, было развито скотоводство и в округах Кизлярском, Грозненском, Хасав-Юртовском, уездах Медвеженском, Ставропольском и Благодаренском, округах Владикавказском, Нальчикском и Сунженском.

Не будем затруднять внимание читателя цифровыми исчерпывающими данными и наметим лишь общую схему. Так в Донской области в 6 округах общее количество лошадей, овец и крупного рогатого скота превышало 1 мил. голов (!), при чем Донецкий округ давал 1,5 мил. гол., а Сальским 1,2 мил. голов. В Киргизской степи количество скота доходило до 1,4 мил. голов, а в Калмыцкой до 0.9 мил. голов.

По количеству лошадей в Астраханской губ. на первом месте была Киргизская степь до 160 тыс., на Дону Донецкий округ — 224 т., Таганрогский — 159 тыс. и Сальский 128 тыс.

На том же Дону отдельные округа располагали и огромным количеством рогатого скота: в Донецком цифра превышает ½ мил. голов (549 т.), в 1-ом Донском 442 тыс., во 2-ом Донском 343 тыс., в Сальском — 294 т. В Ставропольской губ. наибольшим количеством рогатого скота располагал Благодаренский уезд — 188 тыс.

По числу овец весьма большие цифры в Астраханской губ. выказывает Киргизская степь — 620 тыс. (больше 7% количества овец Германии), Калмыцкая — 548 тыс. В Ставропольской губ. уезды Александровский — 545 т. и Благодаренский — 478 тыс., на Дону — Сальский округ —721 т., Донецкий — 473 т., Донской 1-ый — 424 т и Усть-Медведецкий — 420 т. Распределение овцеводческих районов выясняет и хозяйственное обоснование нашего богатейшего овцеводства: в равнинной части Предкавказья и на востоке таковым является огромное

пространстве выгонных земель кочующих народов (калмыки, туркмены, ногайцы) и мало удобная для земледелия территория Ставропольского поднятия с центром в Удельной степи; в горном районе овцеводство опирается на субальпийские пастбища. Малоовечьи районы охватывают Приазовье, предгорный запад Кубани и Черноморское побережье.

На Тереке до $^2/_3$ числа голов всего скота приходилась на овец, другая, кругло $^1/_3$, приходится там на рогатый скот. Как исключительный вид скотоводства, овцеводство было представлено на Тереке в районах восточных и горных. Очень характерно для Терской области слабое развитие свиноводства, что связано с преобладанием мусульманских народностей. Такая же полоса слабо развитого свиноводства окаймляет наши Земли с северо-востока. Вообще, многоовечьи районы у нас оказываются малосвинными, и наоборот. Одинаково мало свиней и овец в промышленном районе Ростова.

Что касается Кубани, то последняя сочетала в себе, признаки, как экстенсивного, так и интенсивного скотоводства. По сравнению с другими казачьими областями Кубань выделяется развитием свиноводства, существующего здесь на счет больших избытков зерна, и характеризовавшегося заметным сдвигом в сторону омоложения свиного стада (явление прогрессивное), откорм на мясо за счет откорма на сало старых свиней. В то время, как сокращение толок и возрастание местного городского населения вели к уменьшению вывоза с Кубани рогатого скота, в отношении свиней Кубань увеличила вывоз за 1893-4 и 1912-13 гг., т. е. за 20 лет в 13 с лишним раз. По общему количеству скота на Кубани выделяются отдел Армавирский (1,1 мил. голов), Ейский (0,83 мил. гол.) и Кавказский (0,77 мил. гол.). Наименьшую цифру выказывал отдел Майкопский (0,38 мил. гол.). Наибольшим количеством лошадей (211 тыс.) и крупного рогатого скота располагал Ейский (273 тыс.), овец Армавирский (463 тыс.) и Кавказский (361 тыс.), коз — Майкопский (8 тыс.) и Армавирский (7 тыс.). В сравнении с другими отделами бросается в глаза бедность лошадьми Майкопского отдела (53 тыс.). Учитывая, что плотность скота по расчету на посевную площадь была наиболее в отделах Таманском и Майкопском и связывая это с обеспеченностью хозяйств посевами, констатируем, что животноводство на Кубани имело повышенное значение в отделах малопосевных; в хозяйствах же отделов многопосевных оно уступало в своем значении развитому там полеводству.

Для Кубанского коневодства характерно, что выращивание лошадей было здесь переложено на соседние области с более экстенсивным хозяйственным строем (Донскую и Терскую), откуда Кубань получала уже взрослые экземпляры.

По числу свиней первые места на Кубани занимали отделы Армавирский (136 тыс.), Екатеринодарский (178 тыс.), Таманский (157 тыс.) и Ейский (151 тыс.), в то время, как в Майкопском отделе их было лишь 82 тыс.

В отрасли крупно-рогатого животноводства на Кубани шел процесс интенсификации, сопряженной с переходом с мясного на молочный скот. Молочных избытков все же было еще мало и несмотря на наличие вывоза в 1909-13 гг. ввоз, напр., сливок превышал вывоз на 1359 пуд., а молока на 11.887.

К составу кубанского стада 1915 года надо прибавить еще 11,1 тыс. буйволов, встречавшихся, главным образом, в Майкопском отд. и в Черноморской губ. Статистика того же года насчитывает в Черноморской губ. и Карачае еще около 1600 мулов и ослов. В соотношении с иными отделами Кубани, Черноморский отдел стоял в 1916 году на первом месте по количеству коз (20 тыс.). Несмотря на обильное местное потребление продуктов животноводства — молочных продуктов, мяса, жиров и т. д., (потребление, обильность и роскошь которого можно познать вполне за годы нашей жизни заграницей, и увидев, с каким расчетом и бережливостью питаются здесь иностранцы), скотоводство наших Земель давало большое количество избыточных продуктов на вывоз. Практиковался в больших размерах также и вывоз скота. Размеры этого вывоза из Казачьих Земель представляются в следующих цифрах за 1914 год:*)

	количество	стоимость в рублях
Лошадей	11.348 голов	1,134.800
Круп. рог. скота . .	147.838 голов	7,391.650
Овец	108.168 голов	540.840
Свиней	29.439 голов	294.390
Мяса	673.000 пудов	1,346.000
Сала	102.200 пудов	613.200
Молочных прод.	53.570 пудов	1,071.400
Кож невыдел. . .	402.200 пудов	4,022.000
Кож выделанных	172.000 пудов	2,580.000
Шерсти овечей . .	1,601.200 пудов	9,607.200
	Всего . . .	28,601.480

Из приведенных цифр обращает на себя внимание большая стоимость шерсти и крупного рогатого скота. На третьем месте стоят кожи, далее, по стоимости шел бы вывоз яиц, о чем мы говорим в главе о птицеводстве. Участие отдельных областей в вывозе продуктов животноводства было весьма неравномерно, как видно из нижеследую-

* О шерсти и коже см. данные в специальной главе. Некоторые цифры последней не сходятся с цифрами текущей главы, ввиду различия источников, разных отчетных лет и отличных методов учета. Учет вывоза на основании жел.-дор. перевозок не всегда может быть исчерпывающим.

щей таблицы, в которой учтен средний годичный вывоз за 1909-11 гг. по жел. дорогам:

Говоря словами, Дон отличался вывозом крупного рогатого скота, лошадей, шерсти и молочных продуктов. Кубань стояла на первом месте по вывозу овец и свиней, Ставропольская губ. и Терская обл. давали много шерсти, а сама Терская обл. еще и мяса и невыделанной кожи.

Если рассматривать вывоз по районам, то тогда главным поставщиком вывозимого рогатого скота будет вообще не Предкавказье, где выделяются по жел.-дор. отправкам скота район Армавирский

	кр. рог. скот. в тыс. г.	лошадей т. г.	баранов, овец т. г.	свиней т. г.	мяса раз. пор. т. пуд.
Астраханская	3,7	—	—	—	29
Донская	81,6	5,68	14,4	7,5	522
Кубанская	35,3	3,37	48,7	19,5	44
Ставропольская	18,1	0,55	17,6	1,3	13
Терская	9,0	1,71	27,5	1,0	94
Черноморская	—	0,02	—	—	—
Всего	147,8	11,53	108,2	29,4	702

	сало т. п.	кожи невыд. т. п.	кожи выдел. т. п.	шерсти т. п.	молоч. прод. т. п.
Астраханская	—	—	—	39,0	—
Донская	65,6	186,3	158,0	511,3	49,3
Кубанская	9,3	81,3	—	314,6	24,0
Ставропольская	2,0	26,3	—	291,3	—
Терская	25,3	118,3	—	445,0	18,7
Черноморская	—	3,0	14,0	—	—
Всего	102,2	415,3	172,0	1.601,3	93,0

(в 1914 г. — 33,041 голов), Тихорецкий (10.066), Торговая-Великокняжеская (7882). В качестве отдельных главных пунктов укажем только три: Кавказскую, отправившую 8400 голов, Армавирскую — 7060 и Кубанскую — 5637. На втором месте по вывозу скота стоит район, лежащий целиком в пределах Донской обл. и дающий 45% всех отправок. Он составляется из подрайона Хоперско-Медведицкого (со ст. Царицынской ветки — до 28.772 голов), Чертковский — 12.008, Черкасский — 7376 и Каменский — 4647. Из отдельных станций упомянем лишь о наиболее крупных: Чертково — 8364, Панфилово — 5738, Шахтная — 5461. В качестве самостоятельного отправного центра выступает Ростов — в год 8322 голов. В отношении ж.-д. отправок баранов и овец, первое место занимает район Хасав-Юртовский — до 30.000 гол. Далее идет Армавирский — до 29 т. гол., Минераловодский — до 23.000 т. гол., за ним Владикавказский — до 12 т. гол. По вывозу свиней выделяется район Ставрополь-Богословская-Армавир-Кавказская; значительно менее отправляют северные округа Донской Области.

По отправкам мяса выделялись Ростов — 11,6 т. пуд. (главный центр переработки на бойнях скота на мясо), Серебряково — 42,4 тыс. Владикавказ и Новочеркасск по 16,7 тыс. пуд., Екатеринодар 12,2 тыс. пуд. и Ахтуба 10 тыс. пуд. Сала наиболее отправлял Ростов, далее шли Минеральные Воды, Владикавказ, Екатеринодар, Таганрог и Новочеркасск.

Посмотрим теперь, куда же сбывались продукты нашего скотоводства. Следующая таблица показывает распределение вывоза в % по разным направлениям за 1909—11 годы:

(См. табл. ниже).

Как видим, для ряда продуктов имеет преобладающее значение вывоз на внутренние рынки Империи. Это особенно заметно в отношении лошадей, почти полностью шедших на север в Россию. Сала к портам шло кругло ⅓ всего вывоза, свиней Таблицы показывают распределение вывоза в % по разным направлениям в 1909—11 гг.

	крупный рогатый скот: к портам и погран. пунктам России	в т. чис. к южн. портам России	к внутр. рынкам России
Астраханская	32,6	—	67,4
Донская	12,8	2,4	87,2
Кубанская	62,2	61,7	37,8
Ставропольская	40,0	38,8	60,0
Терская	26,9	26,9	73,1
Всего	29,3	22,5	70,7

	мясо: тыс. п.	тыс. п.	тыс. п.
Астраханская	6	—	23
Донская	254	32	342
Кубанская	26	26	14
Ставропольская	10	10	8
Терская	20	20	65
Всего	316	88	452

овцы:

	%	%	%
Донская	26,4	26,4	73,6
Кубанская	55,5	55,5	44,5
Ставропольская	47,5	47,4	52,5
Терская	8,8	8,8	91,2
Всего	38,4	38,4	61,6

сало:

	%	%	%
Донская	16,2	16,2	83,8
Кубанская	67,7	67,7	32,3
Ставропольская	100,0	100,0	20,0
Терская	68,4	68,4	31,6
Всего	35,0	35,0	65,0

кожи невыделанные:

	%	%	%
Донская	19,5	15,6	80,5
Кубанская	27,9	26,6	72,1
Ставропольская	41,8	41,8	58,2
Терская	14,1	129,0	85,9
Черноморская	10,0	10,0	90,0
Всего	20.9	18,6	79,1

лошади:

	%	%	%
Донская	9,0	8,2	91,0
Кубанская	9,2	9,2	90,8
Ставропольская	8,4	8,3	91,6
Терская	7,3	7,2	92,7
Черноморская	—	—	100,0
Всего	8,8	8,4	91,0

свини:

	%	%	%
Донская	20,9	20,0	79,1
Кубанская	75,3	75,3	24,7
Ставропольская	65,4	65,4	34,6
Терская	19,9	19,9	80,1
Всего	58,9	58,7	41.1

больше ½. Наибольшее тяготение к внешнему рынку обнаруживала Кубань и Ставропольская губ., значительная доля их, напр., вывоза сала шла за границу. Наоборот, Терская и Донская обл. обнаруживают тяготение к русским рынкам в отношении овец и кожи, свиней и лошадей. Крупнейшим русским рынком для рогатого скота вывозимого из наших Земель были Москва (в 1914 г. — 61.464 гол.) и Петроград (15.293). Лященко («Экономич. районы юго-востока») увеличивает даже значение этих двух районов до 87% полного вывоза, что, хотя и не соответствует нашим данным, но характеризует размеры вывоза в этом направлении.

В отношении сбыта овец и баранов, подобных крупных рынков не обозначалось. Большую роль для последних играли рынки внутри Казачьих Земель, особенно много шло в район Петровск—порт Баладжары (до 54 тыс.), около 22 тыс. направлялось в Новороссийск.

Для сбыта свиней наикрупными центрами были Ростов (в 1914 г. — 15,8 тыс. голов), Екатеринодар (2,7 тыс. гол.), Новочеркасск (2 тыс. гол.), где имела место и переработка свиней для дальнейшей отправки в виде мясных изделий. Около 7 тыс. свиней поступало для экспорта в Новороссийск. Из рынков, лежащих вне Казачьих Земель, здесь опять выделялись Москва и Петроград (по 6 с лишком тыс. голов в год). Для мяса важным рынком было Закавказье (48,5 т. п., Баку около — 40 тыс. т.), горнопромышленный район Донбаса в пределах Екатеринославской губ. Из сев. округов Донской обл. до 23,5 тыс. п. получала Москва, 4,4 тыс. пуд. Петроград, и 1,2 тыс. пуд. Рига. Сравнительно небольшие цифры вывоза мяса дают на эти 3 последние емкие рынки и вообще на далекие рынки, об'ясняется отсутствием у нас крупных боен и холодильников. Из местных центров по получению мяса выделялись Новороссийск 11,5 т. п., Шахтная 9,7 т. п., Петровск 7,3 тыс. пуд. и Сулин 5,3 тыс. пуд. Также недостаточно был развит вывоз из наших Земель и сала. До 16 тыс. пудов последнего получала из Ростова Екатеринославская губ., и до 23 тыс. пуд. оттуда же Москва.

Устранение только что упомянутого недостатка и широкое развитие у нас боен и холодильников имело бы не только непосредственное значение для вывоза мясных продуктов, но и стимулировало бы появление заводов побочной продукции, клееваренных, салотопенных и т. д., что, в свою очередь, способствовало бы развитию мыловаренного и кожевенного дела.

Более обдуманное использование продуктов животноводства отразилось бы и на улучшении качества скота: при 1.32 мил. гол. крупного рогатого скота вывоз с Кубани молочных продуктов все же уступал место их ввозу (а ведь, на Кубани уже обозначился уклон в сторону молочного скотоводства!). Дания же при 2½ мил. голов вывезла в том же году 5,6 мил. пудов масла. Ввоз в Данию сибирского масла об'ясняется не недостатком собственного, но дешевизной сибирского масла.

Большие размеры внутреннего рынка Казачьих Земель вовсе не предопределяют характер сбыта продуктов нашего скотоводства в сторону сбыта лишь на местных рынках.

Количество скота приходящегося на 100 душ населения, как мы видим, очень велико. Вспоминая соответствующие цифры иных стран, умеющих более рационально использовать свое скотоводство, мы убеждаемся, что из этой отрасли сельского хозяйства мы извлекали лишь ничтожную часть возможных доходов. Лишь перед самой революцией начал намечаться путь интенсификации нашего животноводства, т. е. путь желанный и многообе-

щающий. Тем печальнее все то, что принесла революция и гражданская война.

Если в былое время высокая обеспеченность сельских хозяйств рабочим скотом и составляла один из важнейших факторов земледельческого расцвета Казачьих Земель, то в 1920—21 гг. ее ничтожная величина была одной из причин регресса и упадка. Скот племенной и заводской погиб безвозвратно. По данным проф. Отаповского в районах Северо-кавказском, Нижне-волжском и степях Киргизских за 1916—21 гг., количество лошадей сократилось на 31,9%, крупного рогатого скота на 33,3%, овец и коз на 59,8% (!), свиней на 44,9%. Голодный 1921 год довершил катастрофический упадок. На Кубани, напр., по Советским же данным, вместо 4,6 мил. голов (1916 г.) в 1923 году насчитывалось лишь 2,5 мил. гол. всего скота.

В наших Землях, столь богатых прежде лошадьми, статистика отмечает теперь их вытеснение рабочими волами. Все это тем печальней, что животноводство принадлежит к отраслям народного хозяйства, которые ни теоретически, ни практически быстро не восстановимы. На должную высоту животноводство Казачьих Земель сможет стать только тогда, когда начнется производиться его обдуманное и систематическое восстановление: нужны породистые производители, нужна организация по европейским образцам кооперативных племенных рассадников, нужно введение в оборот травосеяния и корнеплодов для создания возможности стойлового содержания молочного скота, нужна организация сбыта молочных продуктов, поднятие маслоделия и сыроварения, нужны меры к возрождению тонкорунного овцеводства и т. д., и т. д. Тогда только наше животноводство во всех отношениях займет подобающее ему место в мировом хозяйстве.

8. Пчеловодство, птицеводство, охота.

Пчеловодство относится к весьма старым отраслям народного хозяйства Казачьих Земель. Особенно процветало в годы их заселения, т. к. десятки тысяч десятин нетронутых земель изобиловали медовыми растениями и давали великолепный медосбор. Эволюция сельского хозяйства и массовый посев зерновых хлебов принесли пчеловодству период упадка. И только к концу первого десятилетия текущего столетия пчеловодство начало вновь оживать на сей раз уже в иных, более рациональных формах. Введение в оборот люцерны и клевера местами очень помогло пчеловодам: Казачьи Земли с их плодородной почвой для пышной и разнообразной растительности представляют для пчеловодства исключительно благоприятные условия. Особенно выгодно в этом отношении отличается Кубанская обл., с которой редко какие места бывшей Империи могли поспорить в отношении обилия и разнообразия медоносных растений. Боярышник и черноклен горной и предгорной полосы и считающиеся во всем мире первоклассные растения для пчел — синяк, шалфей, будяк — вот представители наших медоносов. Нередко они встречались сплошными, концентрированными массами на пространствах в тыс. десятин. Такая концентрация дает пчелам возможность не тратить много времени на полет за взятками и собирать больше меду. Обилие степного взятка дает основание проф. Каблукову сравнивать Кубань с Америкой, где пчеловодство достигло чисто «американских размеров», а другой авторитет по пчеловодству, Г. Горбачов — называет Кубань Калифорнией. Даже в плавнях могли пчелы найти в определенное время года взяток, когда в конце лета, вследствие высыхания, вода уходила, и на влажной почве появлялись массы мяты, болотного василька, живокости и т. д. Плавневый мед, впрочем, нельзя было причислить к лучшим сортам. Большое распространение на территории Казачьих Земель культуры подсолнечника тоже способствовало процветанию пчеловодства.

Преобладающей формой ведения пчеловодного хозяйства в наших Землях является хозяйство стациторное, оседлое без передвижения пасеки из станицы в степь. Такая форма характеризует пчеловодство, как подсобное занятие, каковым оно обычно и являлось. Однако, в ряде мест развивалось и более прибыльное профессиональное пчеловодство, введшее в практику его кочевую форму с передвижением пасек в различные районы на время цветения медоносов. Этот вид пчеловодства требует уже больших знаний и опыта. На Кубани кочевое пчеловодство сделало большие успехи; бывали даже случаи переброса пасек на такие большие пространства, как из Темрюка в район Тихорецкой или из Тихорецкой в Минеральные Воды. Любопытно, что наличие 3 пчеловодных районов (предгорье, степь, плавни), цветение медоносной флоры которых не совпадает во времени, но идет последовательно, вызвало именно на Кубани эту форму пчеловодства, совершенно неизвестную во всей Империи.

Статистические данные, касающиеся пчеловодства, представляются в след. виде за 1914 год:

	ч. пасек	рам. ул.	дуп. ул.	сапер. соб.	мед. пуд.	на с. руб.	воск. п.	на с. руб.
Дон . .	2.888	14.590	39.018	—	21.464	229.604	2.819	59.516
Кубань	7.678	93.944	227.692	—	99.159	803.186	9.160	208.077
Терек .	1.742	27.666	—	54.510	23.415	—	2.169	—
Всего .	12.308	136.200	266.710	54.510	144.038	1.032.790	14.148	267.593

Приведенные числа неполны и значительно уступают действительности, т. к. статистика пчеловодства хромала чрезвычайно. Ряд более полных данных имеется на Кубани. Почти ⅓ всего количества ульев здесь была сосредоточена в отделе Лабинском (в 1923 году — 135.189), далее идут отдел Кавказский и Екатеринодарский.

Очень сильный прирост количества ульев наблюдается за последние годы в бывшей Черноморской губ. По данным 1920 года Кубань стояла в отношении пчеловодства на первом месте в СССР, обладая почти ⅙ всего количества пчелиных семей, обогнавши пчеловодство Алтая, располагая «пчелиным населением» по густоте в 19 с лишним раз больше, чем таковое же в других областях союза. На 100 хозяйств «юго-востока» (перепись 1920 г.) приходилось 40 пчелиных семей, по Кубано-Черноморской области 75, в среднем же по СССР лишь 15. Средняя Кубанская пасека располагала в 1920 г. 11 ульями, в Кавказском же отделе цифра доходилаа до 20. За годы большевицкой войны пчеловодство сильно пострадало. В голодном 1921 г., когда в СССР. гибли пчелы целых районов, Кубанское пчеловодство сократилось в некоторых местах на 50—75%, однако, достаточно было удачного лета 1922 года, чтобы пчеловодство Кубани быстро оправилось; % хозяйств, занимающихся пчеловодством, даже вырос (в среднем в 1920 г. было 6—7%, доходя в Кавказском отделе до 7,3%, спадая в Таманском до 4% и достигая максимума в Черноморском округе — 9,8%).

Уровень Кубанского пчеловодства очень высок и в немалой своей части оно носит промышленный характер. В таких станицах, как Успенская, Отрадная, Спокойная, Выселки, профессионалы-пчеловоды насчитываются сотнями. С сокращением посевной площади в наши дни кадры профессиональных пчеловодов стали расти. Рамочная система ульев, употребление искусственного роения, искусственной вощины и другие подобные атрибуты современного пчеловодства вошли на Кубани в обиход в значительной степени еще в годы войны. Большую работу сделал в своей области «Союз пчеловодов Кубанского края» своей пропагандой, организацией курсов, изданием специального журнала и кооперативными начинаниями в области продуктов, покупки инвентаря и т. д.

С 1896 года в станице Вознесенской существует специальная школа пчеловодства и садоводства, при которой имеется показательная пасека. Несмотря на явные черты эволюции в сторону промышленных заданий, широкие круги привыкли у нас смотреть на пчеловодство, как на чисто любительскую отрасль хозяйства. В числе прочих видов народного хозяйства оно отодвигается вследствии этого, как-то на последнее не почетное место. Современная жизнь, однако, показывает, что и пчеловодство может быть важной статьей народного дохода и не только относительно но и абсолютно. Укажем только два примера из области пчеловодной кооперации. Кооперативное общество „Ontario Honey Producers' Cooperative ltd." основанное в 1920 г. в Канаде, и об'единившее пчеловодов провинции Онтарио, организовало сбыт меду в Европу и уже в Голландию и Германию, поставило в1924 г. 1420 т. п., а все обороты общества превышали на чешские кроны 100 миллионов (!). Венгерское кооперативное общество пчеловодов „Biene", основанное в 1921 г., экспортировало в 1926 г. более 16 тыс. пуд. меда (более 6 мил. чешских крон). Так используют в других местах работу маленьких пчелок и превращают продукт их труда в товар для экспорта. Надо надеяться, что и наши пчеловоды вступят в будущем на этот путь, тем более, что Кубанский,напр. степной мед собранный с диких растений, расценивался на столичных рынках Петрограда и Москвы наравне с такими общепризнанными медами, как липовый и клеверный.

*

В бывшей Российской Империи птицеводство являлось второстепенной отраслью сельского хозяйства. Ему отводилось ничтожное место, что сказывалось на условиях содержания птиц, их кормления, уходе за ними, а тем и на результатах дела. К немногочисленным центрам птицеводства Империи, Казачьи Земли не принадлежали (таковыми считались Воронежская, Курская, Харьковская, Киевская и Казанская губ.) и разведение птиц носило в них подсобный характер. В количественном отношении наибольше птицы приходилось на хутора. Т. к. птицеводство является отраслью хозяйства весьма несовершенно поддающейся статистическому учету, то привести цифровые данные по всем областям является для нас неисполнимым. Некоторыми данными мы располагаем лишь для Кубани, где птицеводство было впервые более или менее широко учтено переписью 1920 года. В этом году здесь насчитывалось 3,43 мил. кур, 540 тыс гусей, 510 тыс. уток и 70 тыс. индеек, всего 4,55 мил. штук домашней птицы. Наибольшим распространением, таким образом, пользовались куры — почти ¾ всего числа птицы. По округам по обилию птицы на первом месте стоял отдел Армавирский, далее шли Краснодарский и Ейский. Из местных пород птицы заслуживает упоминания местная порода кур Сунженского отдела Терской области, превосходная по мясистости, приплоду и стойкости против болезней итальянских кур. Не уступала она им и по яйценосности. Из других известных пород попадались особенно на Дону, мясные куры лангшаны, японские фавероли, минорки, плимутровки, оршингтоны энденские белые и тулузские серые гуси, китайские утки и другие представители птичьей «аристократии», но главная

масса нашей птицы была беспородная. Птицеводство представляет интерес в отношении вывоза его продуктов, особенно яиц. Вывоз яиц из отдельных областей, включая цифры внутреннего обмена внутри Казачьих Земель, виден из следующей таблицы (в тыс. пуд.):

	1893/4	1906/9	1912/13
Донская	6	323	426
Ставропольская	10	140	155
Терская	11	123	142
Кубанская	3	17	155

Особенно характерен здесь быстрый рост вывоза, увеличившийся за какие нибудь 20 лет в отдельных областях в 50—70 раз. Главнейшими районами экспорта яиц из пределов Казачьих Земель были север Донской области (Серебряково до 114 тыс. пуд.) и Ставропольская губерния с прилегающими местностями Терской и Кубанской области. Из отдельных центров яичного экспорта здесь выделяется Ставрополь — до 102 тыс. пудов, Песчанокопская + 57 т. п., Георгиевск — 42 тыс. пудов и др. Что касается мест назначения, то их можно разделить на 3 группы (в тыс пудов):

экспортные рынки		рынки внутри России		рынки местные	
Рига	261	Петроград	166	Ростов	17
Волочиск	30	Москва	129	Чертково	12
Новый Порт	16	Воронеж	16	Новочеркасск	7
Либава	4	Козлов	10	Царицын	5
Граево	3	Минск	6	Остальные	17
Млава	1	Остальные	35	—	
Всего	315	Всего	362	Всего	58

Впрочем не мало яиц, шедших на внутренние рынки поступало туда не для потребления, но для сортировки, распределения и дальнейшей переотправки заграницу. Владикавказская жел. дорога работала на 88,4% местные рынки и на внутренние рынки России, со ст. жел. дор. Юго-Восточных 64,8% отправок яиц имело назначением внешние рынки. В общей сложности вывоз яиц из пределов всех Казачьих Земель в 1914 г. составлял 737т. п. (по данным жел.-дор. перевозок, на сумму около 1½ мил. рублей.

Относительно вывоза птицы располагаем числами лишь по Кубани: за 1909—13 гг. отсюда в год вывозилось в среднем 20½ тыс. пудов с максимумом в 1912 — 39,5 тыс. пудов.

Мы уже охарактеризовали наше птицеводство, как слабо развитую отрасль сельского хозяйства. Этим мы скорей хотели указать на отсутствие в нем достаточно сильного промышленного уклона. Зато в местном обиходе птица играла у нас всегда роль продукта массового потребления. Только теперь, живя за границей, можно почувствовать, сколь дешевы и доступны были у нас яйца и мясо птицы. Если бы французский король Генрих IV., мечтавший о том, чтобы каждый крестьянин его королевства имел в праздничный день на столе курицу, жил в 1914 году и увидел, как питалось даже среднее по благосостоянию сельское население наших Земель, он наверное считал бы свою мечту более чем осуществимой. И мы даже не уверены, потребляют ли датчане с их прославленными 25 мил. (1925 г.) породистых кур и всем блестяще поставленным птицеводством, такое количество птицы, какое потребовалось у нас дома, на родине «слабо развитого» птицеводства.

Охота на диких птиц и животных еще и теперь является для некоторых местностей СССР. почти единственным источником существования жителей. В Казачьих Землях, однако, ни теперь ни раньше в составе Империи, звероловство не носило промыслового характера. Лишь в горных местах встречались промысловые охотники на куниц, медведей, диких кошек и свиней. Ввиде браконьерства практиковалась охота и на диких коз, оленей и... зубров (!) (директора американского Национального Парка, единственного места в мире, где после разрушения в годы войны Беловежской пущи, встречаются еще зубры, наверное попадали бы в обморок от негодования и ужаса, прочтя эти слова). В горах охота на диких зверей, особенно на медведей и свиней, часто велась в целях ограждения от них пасек и посевов. В других же местах охота носила характер забавы и спорта. Охотились на зайцев, лисиц, волков, перепелов, куропаток и другую дичь, которой так богаты были до недавно наши степи. Наименьше затронуты былые богатства дичи в болотах и плавнях, особенно на побережьи Азовского моря, кишащем дикими утками и др. представителями пернатого царства. Но и в этиз районах, как и во всех Казачьих Землях в целом, охота не имела почти никакого экономического значения, почему и невозможно произвести точного цифрового отчета ее результатов.

9. Лесное хозяйство.

Казачьи Земли издавна было принято рассматривать, как район степей, а их запас лесных богатств — небольшим. Об'ясняется это тем, что всегда здесь разумелось сравнение со всей Россией. Запасы же лесных богатств последней действительно огромны. Общая площадь лесов зем-

ного шара занимает несколько больше 1½ миллиарда десятин, т. е. 13% всей суши. Лесные богатства России составляли приблизительно ⅓ мирового запаса (503,200.000 дес.), или 47% площади лесов 5 наиболее богатых ими стран света. За Россией на втором месте стояла Канада с ее 296,5 м. дес., далее шли Соед. Штаты. Посреди таких цифр площадь в 3,47 м. дес., какую занимают леса Казачьих Земель, кажется конечно скромной. Не менее скромной кажется она и в сравнении с площадью лесов в некоторых губерниях бывшей Империи, напр. Вологодской (30,200.000 десятин, лесистость 82%), Архангельской (32,100.000 дес., лесистость 82%), Пермской (16,800.000 дес., лесистость 56%) и др., сравнение с коими и порождало мысль о невеликости лесных богатств наших Земель. Забывалось, что можно было делать сравнения и иные — площадь лесов Италии (3,700.000 дес.) приближается к нашей, площадь лесов Германии, славящейся постановкой и организацией лесного дела, лишь в три раза превосходит наши «небольшие» лесные пространства; леса Великобритании занимают лишь 1,1 м. дес.

Немало способствовала преуменьшению наших лесных богатств их полная необследованность. Если вообще в России была обследована лишь очень небольшая часть лесов, то в наших Землях обследованная площадь была совсем ничтожна, т. к. на них обращали слишком мало внимания. На Кубани, напр., сейчас обследовано лишь 5% лесной площади (во всем СССР. — к 1929 г. — 20%, «устроенном» считается лишь 10%). Отсюда почти полное отсутствие в наших Землях того, что называется лесным хозяйством, в научном смысле слова, т. е. эксплуатации лесных богатств на основании заранее составленного плана, имеющего целью, как извлечение из леса постоянного наивысшего дохода, без истощения лесонасаждений, так и улучшение роста леса и его состава по поводам. Все, что было сделано у нас в этом направлении, являлось лишь скромными попытками, далеко не соответствовавшим грандиозным задачам. Размеры эксплуатации наших лесов были ничтожны. Спрос удовлетворялся главным образом предложением с северо-востока. Донбас получал лес почти исключительно из северо-восточных заволжских губерний. Благодаря неорганизованности и Кубань, наиболее из Казачьих Земель богатая лесом, значительно больше лесного материала ввозила, как видно из следующей таблицы (в пудах):

	привозилось	вывозилось	превыш. ввоза над вывозом
За последние 5 лет перед войной в среднем			
досок, балок и брусьев	17,494.800	207.500	17.287.300
Древесинной коры	34.600	28.200	6.400
Клепок	682.000	144.300	537.700
Иного лесного строительного материала . .	2.062.000	137.500	1,924.500
Дегтя	30.800	3.700	27.100
Шпал	574.800	298.500	276.300

Центром, через который шло питание лесным материалом Казачьих Земель, был Царицын. К нему сплавлялось с севера в год 1,800.000 бревен, 1,000.000 шпирковых дров, 200.000 кулей древесного угля, 65.000 пуд. смолы, 50.000 пуд. дегтя, 165.000 пуд. мочалы, 100.000 бондарной доски, 2,500.000 мелкого березового леса, 40.000 штук лыка, — цифры, как видим, значительные. В самом Царицыне и в непосредственно прилегающем районе оставалось не больше 15—20% всего количества. Остальная масса шла в Ростов, Ставрополь, расходилась по станциям Владикавказской жел. дороги, часть проходила и в Закавказье. Много лесного материала доходило водным путем до Астрахани. Какие большие деньги оставались бы в пределах Казачьих Земель, если бы велась должная эксплуатация своих лесов, а не выписывалось бы дерево издалека.

Леса в Казачьих Землях распределены неравномерно. Общее распределение их по отдельным областям видно из нижеследующей таблицы:

	Площ. леса в дес.	Запас древесины в мил. куб. футов	Лесист.
Ставропольская .	29.000	16	0,6 %
Астраханская . .	189.500	41	—
Донская	250.800	1.375	—
Черноморская . .	587.032	4.120	67 %
Терская	768.278	6.760	—
Кубанская . . .	1,650.000	18.150	24,09%
Всего . . .	3,474.610	30.462	

Как видно из таблицы, наименее богата лесом Ставропольская губ. Лес разбросан здесь небольшими островами по всей губернии. Возраст деревьев в среднем 40—60 лет. Наиболее распространенной породой является дуб (до 40%).

Лесообрабатывающей промышленности собственно не имелось. В Ставрополе была большая лесопильня; отдельные лесорубки имели исключительно местное значение. Не имели промышленного значения и леса Астраханские. Возраст леса здесь

был еще меньше (20—40 лет). Росли главным образом тополь, акация и ветла. Число лесопильных заведений в 1912 г. было 12. Далее имелось 23 заведения по технической обработке дерева. Производство главных лесопильных продуктов не превышало 14,5 мил. куб. футов со стоимостью в 4 слишком мил. рублей. За несколькими исключениями не имели промышленного значения и леса Дона. По своим качествам здешний лес не мог употребляться как строительный материал и шел больше на топливо и мелкие хозяйственные нужды. Наиболее распространен был дуб (до 60%). Далее шли карагач, ольха, ясень, клен, липа, береза. Встречались на Дону и искусственные насаждения возраста 15—25 лет. Имелся один лесопильный завод и 11 заведений по технической обработке дерева.

Весьма богата разнообразием лесных пород была Черноморская губерния. Вообще едва ли во всей России был другой край с таким разнообразием пород деревьев и кустарников, как Кавказский берег Черного моря. Число пород встречавшихся на побережьи от Анапы до Батума, превышало 300, в то время, как в остальной России их было не больше 200. Значительная часть из этих 300 пород встречалась в Черноморской губернии. Дуб, граб, бук, каштан, кавказская пальма, ясень, пихта, тис, — вот главные представители здешней растительности. В Черноморской губернии сохранились значительные запасы ценных пород. Обширные площади были заняты вековечными девственными лесами. На такие породы, как самшит, орех, тис, — заграница делала часто специальные заказы. Деревья в южных частях губернии поражали своими размерами, диаметрами и огромной вышиной. В таких местах на одной десятине находилось иногда до 200 куб. сажень дров. В среднем же для губернии в полосе главного хребта запас древесины на десятину был 50 куб. сажень, в средней полосе 35 куб. сажень, в морском районе 25 куб. сажень. Что касается % лесисости, то в таблице мы указали ее осторожно и цифрой 67% (Борисов), что впрочем ставит ее в число первых по лесности губерний бывшей России. По данным Кубанского статистического сборника за 1922—23 эта лесисость определена в 70,44%, С. Н. Сирин же принимает ее за 90% (т. е. на 10% больше Вологодской) и считает Черноморскую губернию за самую лесистую в Империи. Из всей площади лесов Черноморской губернии 62% приходилось на долю казенных, удельных и монастырских. Лесная промышленность начала развиваться лишь в самые последние годы, когда в Туапсе, Гаграх и Новороссийске возникли лесопильные заводы, иногда крупного характера.

Весьма ценны по своим породам были леса Терека. 35% здесь приходилось на долю дуба, далее шли — чинара, бук, осина, ольха, ясень, ильма, белый клен, пихта и липа. Средний возраст деревьев в Терских лесах 50—100 лет. Лес шел больше на дрова, т. к. в сколь либо больших размерах лесообрабатывающая промышленность не могла развиться при отсутствии путей сообщения. Несколько центров ее все же создалось по линиям жел. дороги. Большой лесопильный завод был лишь в Грозном, несколько первоклассно-оборудованных во Владикавказе (Воробьева). Число мелких лесопилок в области дошло в 1919 г. до 154, однако все они имели узко-местный характер. В Кизляре имелся бочарный завод.

Из всех Казачьих Земель наиболее богата лесом (по абсолютным цифрам) Кубанская область. Запас древесины Кубанских лесов превышает в 1,5 раза запас ее в остальных областях, взятых вместе. Половина лесов Кубани принадлежала казне и Войску. Разнообразие климатических и почвенных условий, в связи с наличием резких контрастов рельефа местности, создали на Кубани очень неравномерное распределение лесных богатств, как видно из следующей таблицы (статистический сборник 1922—23 г.).

	площ. леса в дес.	лесистости %
Отдел Армавирский . .	176.965	11,12
» Ейский	1.218	0,46
» Кавказский . . .	15.235	1,73
» Краснодарский	206.617	19,09
» Майкопский . .	891.360	64,49
» Славянский . .	117.017	8,96

Безлесые степи карбонатого, т. е. богатого солями угольной кислоты, чернозема северной и восточной частей области сменяются полосой лиственных лесов с господством дуба. Следующую ступень на переходе от равнинной степи в Кавказскому хребту занимают предгорные леса на слабо выщелочных почвах. Третий ярус образует северный склон Кавказского хребта с преобладанием бука и граба. На высоте 6000—8000 футов над уровнем моря пояс лиственных лесов сменяется сосной, пихтой, елью и, наконец замыкается хвойно-лиственными из хвойных пород в смеси кленом и березой, после чего уже следует пояс густых зарослей кустарников, переходящих в в Альпийские луга. На высоте 10.000—11.00 фут. лежат уже вечны снега. Длина лесной полосы на северном склоне Кавказского хребта доходит до 200 верст при ширине с севера на юг в 50—70 верст. По площади наибольшая часть приходится на леса на горах и их склонах (больше 807.00 десятин). Из древесных пород наибольшую площадь занимает дуб (848.600 десятин), пихта — 386.350 десятин, бук — 196.600 десятин, граб — 81.150 десятин, сосна — 64.680 десятин, ольха и тополь — 30.200 десятин, берест — 26. 970 дес., ясень — 17.000 десятин самшит — 2000 десятин. Лучшие сосновые лес

отошли при теперешней перекройке Кубани в пределы Карачая, в Адыгейскую же область вошли леса лишь при нижнем течении Пшиша и Пескупса. Наилучшие леса примыкали к Черноморской губернии. Не все леса области были доступны для эксплуатации. Из-за недостатка колесн. дорог, делающих невозможным вывозку бревен, 69% лесов в 1922—23 г. лежала вне пределов экономической досягаемости. Пока не будут положены лесоспуски, гужевые и рельсовые пути, неисчерпаемые богатства ценной древесины в горах останутся незатронутыми. Впрочем, несмотря на все это, в некоторых дачах давно уже велась заготовка высоко-ценных подельных материалов: дубовой и буковой планки, кровельной драни, досок из хвойных пород, спиц и ступицы. Эти материалы вывозились по плохим дорогам за 70—80 верст в Майкоп. Неудивительно, что при таких условиях хороший лес можно было легче и дешевле получить из Пермской или Костромской губернии.

Искусственного лесоразведения на Кубани почти не было. В довоенное время за период последних 15—20 лет произведено было всего 200 десятин посадок и посева дубов в Краснолесском лесничестве (на Волыни же напр., в год культивировалось до 3000 десятин). Степное лесоразведение, т. е. как бы поступательное движение лесовода в степь в целях увлажнения степи, улучшения ее климатических условий и создание источников древесины для жителей степей, было заложено на Кубани в 1903 году, когда было основано два культурных лесничества — Новопокровское и Средне-Челбасское. Из года в год шла в них работа по завоеванию степи лесом. К 1917 г. площадь облесения достигла 600 десятин. На этом из-за недостатка средств работа и застряла. В 1928 г. по советским источникам было опять посажено 45 десятин.

В целях выращивания посадочного материала в Области в довоенное время, существовали в 4-х лесничествах лесные питомники. Ассигнуемые сначала войны средства, были не только недостаточны на их развитие и расширение, но даже на поддержание их состояния. Питомники пришли в упадок. В советской статистике за 1928 г. встречается упоминание, что населению отпускается древесина и плодовые саженцы из питомников на площади — 13,7 десятин.

Последняя война оставила по себе тяжелое для лесного хозяйства наследие. Вследствие расстройства транспорта прекратилась подвозка дерева с северо-востока России. Начался нажим на местные леса. Недостаток минерального топлива толкал население на безбожную вырубку местного леса. Рубили трехлетки и пятилетки. В результате появились громадные оголенные площади, или вовсе не облесившиеся впоследствии или покрывшиеся сорной лесной растительностью. Топором снесены целые дачи, да так, что во многих случаях теперь нет никаких надежд на удовлетворительное их возобновление. Так погибло в ст. Корсунской 108 десятин Дубники, в лесной даче Атакай в 1920—21 году вырублено больше 300 десятин, в Малышейском лесничестве уничтожено 100 десятин молодого дубового леса, в Черноморской губернии лесная дача «Широкая Балка», «Восьмое ущелье» «Новороссийская городская дача» с общей площадью больше 3000 десятин за период 1917—1921 гг. уничтожены местным населением совершенно. На всей площади Новороссийской городской дачи теперь растет лишь сорное держи-дерево. Неправильные рубки по крутым склонам Кавказских гор на Черноморском побережьи вызвали удаление ветрами и осадками поверхностного слоя почвы и послужили причиной накопления и застоя влаги в низинах, сделавшихся очагами распространения малярии, этого страшного бича области. Трудно вообще подсчитать неисчислимые и труднооправимые убытки, которые потерпело лесное хозяйство Казачьих Земель за недавние годы.

Есть в этом и один хороший момент: как ни как, но все эти беды дали сильный толчек к развитию лесного промысла, что особенно заметно по линиям жел. дор. в окрестностях Екатеринодара, да и по всем вообще Казачьим краям. Интересно, что в хозяйстве СССР. леса начинают играть более существенную роль, чем играли в России. Объясняется это стремлением советского правительства, во что бы то ни стало, увеличить экспорт, лесные же богатства тут дают неограниченные перспективы. Вот почему на той же Кубани цифры оборотов в лесном хозяйстве сильно растут и ему придается все большее и большее значение. Так отпуск леса составлял в 1918-19 г. —391,2 дес., в 1919-20 г. — 801,7 дес., 1920-21 г. — 2818,6 дес., 1921-22 г. — 2292,7 дес., в 1922-23 г. 5993 десятин. В следующие годы по советским данным продукция на Кубани росла так (в тыс. куб. саж.):

	1924/5	1925/6	1926/7	1927/8
Деловой древесины	17,0	20,0	14,5	25,0
Дровяной древес.	20,5	26,5	27,5	38,5
Итого	37,5	46,5	42,0	63

В 1926-27 г.впервые было отведено в Псекупской даче около 1300 дес. леса для заготовки шпал. Леса теперь разделяются на государственные и «местного значения». Последние преданы станичным обществам. Доход получаемый от Кубанских гослесов Москвой, составлял в 1928 г. 172.000 рублей, расход — 75.000 рублей. По лесам «местного значения» доход местного бюджета в тем же году был 181.000 рублей, расход — 65.000 рублей. Вообще в смысле оборотов лесное хозяйство возросло довольно сильно, но за то в смысле лесоустройства достигнуто очень мало. Хозяйство ведется хищнически. Лесоустроительные работы ведутся сей-

час лишь в Абинском, Северском и отчасти в Горяче-Ключевском лесничествах.

Из новшеств, заведенных в последние годы, следует упомянуть о попытках насадить лесные артели. Таковых теперь насчитывается 15, об'единенных двумя союзами — Севкавколлессоюзом и Кубпромредсоюзом. В них участвуют до 500 человек. При других условиях эти артели могли бы развиться, т. к. количество населения, особенно малоимущего, занимающегося лесным промыслом, сильно в последние годы увеличилось. В нагорных станицах лесным промыслом теперь занимается до половины и более жителей. Приобрел так же значение вывоз из этих станиц лесных грушь, яблок и орехов. Нужда последних лет принесла с собой развитие углежжигательного промысла.

Что касается предприятий по дерево-обдельной промышленности, то они и числом и размерами не отвечают потребностям Кубани. В 1927 г. насчитывалось 530 предприятий и мастерских с основным капиталом в 180.000 рублей, 700 рабочих (в южно-волжском районе число фабричных рабочих дерево-обдельной промышленности к концу войны дошло до 1262, а число кустарей до 13.410), с валовой продукцией в 430.000 рублей. Из отдельных отраслей имеют значение производство бочек из чинары для вывоза растительного масла: в 1919 году специально их изготовляло 44 предприятия с годовой продукцией в 436.000 бочек. Далее имелось лесопильное производство с более менее крупными заводами в ст. Шапсучской и Эриванской (всего в Области в 1919 г. было заводов 9 с 270 рабочими).

Подводя итоги всему обзору лесного хозяйства Казачьих Земель и в частности, особенно богатой лесами Кубани мы констатируем наличие крупнейших природных богатств, вообще почти еще не тронутых и ждущих творческой деятельности человека. Всякое усилие и всякий труд здесь оплатятся с избытком.

10. Мукомольная промышленность.

Мукомольная промышленность, одна из древнейших видов промышленности. На Египетских орнаментах уже встречаются изображения приготовления муки ступкой. В библейской истории упоминается о том, что Самсона в темнице заставляли ворочать мельничный жернов. Маленькие каменные мельницы, движимые рукой, еще и теперь встречаются в Китае. Первая водяная мельница была уже у царя Метридата. Кто ездил по Дунаю и видел многочисленные тамошние мельницы на баржах тому, быть может, не безинтересно будет узнать, что они были занесены сюда еще во время древнего Рима, в последнем же встречались на Тибре уже за 500 лет до Р. Х. Первые ветряные мельницы появились в Германии около 800 лет назад и проявили исключительную живучесть. В России до ¾ потребляемой муки перемалывалось на ветряках. Наши Казачьи «ветряки», повидимому, еще долго будут сохранять значение, ввиду отдаленности станиц друг от друга и хаотического состояния путей сообщения.

В 50 г.г. прошлого столетия из Америки были занесены новые способы установки больших ветряных и водяных мельниц. Первая паровая мельница появилась в Магдебурге в Германии в 1826 г., хотя попытки в Англии были уже в 1784 г. Идея применения вальц, вместо жернова, возникла в 1884 году. Товарное мукомолье в России стало развиваться с распространением в 50 годах 19 ст. паровых мельниц.

Из образовавшихся впоследствии крупных центров мукомольной промышленности для нас особенно важен Царицын. Ростов тоже принадлежал на ряду с Одессой и Петроградом к числу трех виднейших портов, вырабатывавших муку на экспорт.

Почти всюду в Казачьих Краях мукомольное производство начало развиваться со времени их заселения. На Кубани первые мельницы появились в степной полосе Черноморья. Из довоенных сведений о мукомольной промышленности Казачьих Земель наиболее полные и достоверные данные имелись лишь за 1908 г., когда была произведена специальная анкета к мукомольной всероссийской выставке того года. Сведения более поздние были бы для нас, конечно, интересней, но они менее полны и не столь достоверны. В 1908 г. картина нашей мукомольной промышленности представляла следующий вид:

(См. таб. на стр. 195).

Значение нашей мукомольной промышленности в рамках таковой целой Империи все время росло. К 1912 году на наше производство уже приходилось 10,1%. В 1914 г. перемол ржи и пшеницы дошел до 170,000.000 пуд., а число вальцовых мельниц до 600. По числу предприятий и размерам перемола на первом месте стояла в Казачьих Землях Донская область, на втором месте — Ставропольская губерния, по количеству товарных мельниц 1-го—5-го разряда, в 1908 году на первом месте была Кубань.

Характерной чертой мукомольной промышленности Казачьих Земель было подавляющее преобладание перемола пшеницы. Распределив в % выработку муки по отдельным ее видам и сравнив с таким же распределением, во всей быв. России имеем:

	мука в %			
	пшен.	ржан.	проч.	всего
Казачьи Земли . .	96,4	2,8	0,8	100
Вся Россия в довоен-.				
ных границах . .	75,8	23,1	1,1	100

т. е. в то время, как во всей России пшеничный перемол составлял лишь ¾ всего перемола, у нас

	число мельниц								
		в том числе		в том числе					
		всего тов. I-V разр.	с произв. до 20 т п.	больше 20 т. п.	имеющ. пар., газ. и нефт. двигат.	вальцов	число рабоч.	перераб. зерна в мил. п. всего	в т. ч. тов. I-V разряда
Астрахан.	436	3	420	13	15	13	580	2,4	0,8
Донская	3.604	53	3.495	56	156	120	5.194	34,3	22,2
Кубан.	181*)	81	63	37	73	66	2.130	20,1	13,8
Ставроп.	1.262	70	1.107	85	143	146	2.580	27,9	14,7
Терская	131	32	87	12	14	22	419	10,2	8,2
Черномор.	1	1	—	—	1	1	100	1,1	1,1
Итого . .	5.615	240	5.172	203	402	368	11.003	95,8	22,2
Всего было в Имп. кроме Фин. и Сибири	144.053	2.414	136.325	5.314	5.194	2.936	214.055	1.286,2	659,2

в целом он составлял 96%, в Терской же области доходил до 99,7%.

Посмотрим теперь на движение мучных грузов и их вывоз из наших Земель. Статистика жел.-дор. перевозок за 1915 год рисует след. картину (в тыс. пудов):

	отпр. муч. прод.	прибыло	превыш. отпр. + над ввозом —
Астраханская	243	1.274	— 1.031
Донская	17.925	3.821	+ 14.104
Кубанская	11.985	1.092	+ 10.893
Ставропол.	1.799	75	+ 1.724
Терская	8.127	1.575	+ 5.552
Черноморская	2	1.705	— 1.703
Всего	40.081	2.542	+ 30.539

Из таблицы видно, что главным поставщиком муки была Донская область. Вместе с Кубанью Дон давал ¾ всех отправок. По получению мучных грузов на первом месте стоит опять-таки Дон, как наиболее крупный потребительский район края. Недоставало своей муки губ. Астраханской и Черноморской. Суммарный положительный остаток в 30.500.000 пуд. может быть принят за общий вывоз муки из пределов Казачьих Земель; 45,9% этого вывоза давал Дон, 35,7% — Кубань.

Что касается вывоза муки заграницу, то он составлял лишь ничтожную часть муки, шедшей в Россию, и уже совсем ничтожную часть цифры экспорта зернового. Так из Ростова и Новороссийска за 1908—12 гг. в год в среднем вывозилось заграницу 61,000.000 пуд. зерна, пшеничной же муки из Ростовского порта экспортировалось 104,400 пуд. (плюс 948,200 пуд. отрубей), а из Новороссийска — 51.000 пуд. (отрублей — 494.800 пудов).

*) Иванюк в книге «Кубань» число мельниц с количеством рабочих не менее 3 определяет для 1919 года 450. Перепись 1920 г. зарегистрирована 1548 мельниц. Апостолов в книге «Кубанско-Черноморский край» (изд. в 1924 г.), насчитывает 2100 мельниц. Такая недопустимая разница в цифрах, повидимому, об'ясняется недоговоренностью в вопросе учета мельниц ветряных.

Идеалом каждой экспортирующей зерно страны является перемол всего зерна дома и экспорт продукта в виде муки, чем значительно увеличивается народный доход. До этого идеала, как видим, у нас было очень далеко. По мнению специалистов, для этого понадобилось бы удвоить число наших мукомольных предприятий, работавших в 1914 г. Тем более далек этот идеал теперь, если вспомнить, что к моменту окончания большевицкой войны в исправном состоянии находилось едва 20% всех мельниц, а ряд необходимых для ремонта товаров мог быть получен только из заграницы (шелковые итальянские или швейцарские сита, английские кожанные ремни и т. д.).

За последние годы перед войной наше мукомолье развивалось очень быстро. К 1914 г. число крупных мельниц на Дону уже дошло до 250, с годовым перемолом в 75,000.000 пудов. 10 самых крупных предприятий области находилось в Ростове. Работали они почти исключительно на внешний рынок. Ростов приобрел характер самого крупного центра в Казачьих Землях по производству муки. На Кубани, к моменту войны, число крупных мельниц уже дошло до 200 с годовой выработкой в 60,000.000 пуд., пропускная способность Кубанской промышленности была, однако, в 3 раза больше приведенной цифры. Главными центрами по выработке муки на вывоз были Екатеринодар, Гулькевичи, Армавир. В Екатеринодаре было 7 мельниц, из которых самая крупная (ныне «Госмельница № 1 имени Маркса») давала в год 1,500.000 пуд. перемолу. Теперешняя мукомольная промышленность Кубани в ее современных грани-

цах почти в 3 раза слабее довоенной. Из числа мельниц, зарегистрированных в 1920 году, лишь 30% пользуются тепловой энергией, остальные или ветряки или водяные. В 1922—23 гг. перемол равнялся 16,500.000 пуд., в 1926-27 — 28,000.000 пуд., в 1927-28 — 29,900.000 пуд., планирование на 1928-29 гг. указывает 24,200.000 пуд., при этом в издании Кубанской Окружной плановой комиссии — «Контрольные цифры Народного хозяйства Кубанского округа» — встречается характерная для современных условий фраза: «задачами предстоящего года является выпуск муки при минимальном содержании отходов (не мене 80%), а также переработка, ввиду недостатка пшеницы, в примеси к ней не менее 30% ячменя и кукурузы»(!).

В Ставропольской губ. к 1914 году товарных мельниц насчитывалось уже 150. Годовая их выработка превышала 30,000.000 пуд. Главными центрами мукомолья были Ставрополь, село Воронцово, Александровское и ст. Изобильная. Производство 20 наиболее крупных мельниц Терской области не превышало 4,000.000 пуд. Мукомольными центрами являлись г. Владикавказ и ст. Незлобная.

О мукомольной промышленности Астраханской и Черноморской губ. более поздних сведений, чем приведены в нашей таблице за 1908 г., нет. За дальнейшие 6 лет размеры перемола и количество товарных мельниц здесь изменилось мало.

11. Кожевенное производство и обработка шерсти.

Среди различных видов слабо развитой промышленности быв. России, кожевенное производство являлось одним из древнейших. Уже в половине 17 стол. из России вывозилось довольно большое количество кожевенного товара заграницу. Кожевенная промышленность была разбросана по всей территории Империи. Однако, лишь в нескольких центральных и прилегающих к центру губ. производство имело крупное промышленное значение. На остальной же территории производство имело характер мелкой промышленности, чем, отчасти, и об'ясняется низкий уровень техники производства. Обилие мелких предприятий и их разбросанность очень затрудняли сбор статистических сведений.

Для получения общего представления рассматриваемой промышленности в наших краях, мы воспользуемся данными анкеты Всеросс. Общ. Кож. заводчиков за 1916 год, сделав оговорку, что по отзывам специалистов они далеко меньше действительных. Кроме того, анкета совсем не коснулась мелкого кустарного производства; таковое же, как напр., выделка специальной мягкой обуви из козловой кожи на Тереке, у нас очень распространено. По данным этой анкеты, наша кожевенная промышленность характеризуется след. цифрами: (См. обе табл. ниже).

Для оборотов кожевенной промышленности характерна стоимость продукта в рублях, последняя

	чис. зав.	выдел. подош. в пуд.	полувыдел.	глян.	мостов.	вырост.
Астраханская	10	600	13.876	1.400	28.049	4.160
Донская	10	218.457	25.193	—	23.550	1.900
Кубанская	5	11.500	7.500	—	20.500	4.000
Ставропольская	2	62.724	200	—	250	—
Терская	2	16.000	—	—	—	—
Черноморская	2	5.380	—	—	520	—
Всего	31	314.661	46.769	1.400	72.869	10.060

	оп. дуб.	конина	сыром.	коз., бар.	всего	чис. раб. на всех зав.
Астраханская	—	11.205	36	10.278	74.831	153
Донская	1.300	1.100	300	2.600	274.400	1.081
Кубанская	70	6.000	250	4.100	53.920	136
Ставропольская	—	179	—	—	63.353	215
Терская	—	—	—	—	16.000	35
Черноморская	—	100	—	—	6.000	27
Всего	1.370	18.524	586	16.978	488.504	1.647

для одной подошвенной кожи достигла в 1912 г. суммы 4,3 мил. руб.

По общим размерам на долю нашей кожевенной промышленности приходилось кругло лишь 4% производства, однако, в ряде ее специальных отраслей этот % значительно повышался. Так для кожи подошвенной, он доходил до 10,6% (Дон), для Астраханской верблюжьей кожи 26,4%, продукция кожи ременной составляла почти ⅓ соответствующей продукции Империи, а выработка тюленьей кожи в Астраханской губ. даже 98,3%.

Главную массу производимых у нас товаров составляли грубые сорта. Высшие хромовые сорта вырабатывал лишь 1 завод в Екатеринодаре, явля-

ющийся и поныне самым крупным кожевенным заводом Кубани («Кожзавод Крайсоюза»), как по оборудованию (98 рабоч., основной кап. более ½ мил. руб.), так и стоимость производства до 200 тыс. руб.

Из отдельных районов сбора и сбыта кож для кожевенной промышленности наиважнейшими являлись районы Предкавказья: Армавирский, Ставропольский, Георгиевский и Грозненский. В качестве наикрупных отдельных центров в этой области выделяется Армавир (в год 32 тыс. п.), Грозный (31 тыс. п.), Хасав-Юрт (23 тыс. п.), Георгиевск (22 тыс. п.), Ставрополь (20 тыс. п.), Пятигорск (20 тыс. п.) и Кавказская (10 тыс. п.). На втором месте стоят северные округа Донской области с центрами в ст. Чертково (7 тыс. п.), Шахтной (7 тыс. п.), Каменской (6 тыс. п.) и район Макеевско-Успенский (Макеевка — 21 тыс. п., Успенская — 10 тыс. п.).

Центрами по сбору и распределению кож для всех Казачьих Земель были Ростов и Таганрог. Первый отправлял в год до 142 тыс. п. Из приводимой дальше таблицы жел.-дор. перевозок за 1914 год, видно, в какой мере отдельные наши области участвовали в вывозе и ввозе кожевенного сырья (в тыс. пуд.):

	отправл.	назнач.	превыш. отпр. (+) назн. (—)
Астраханская	6	26	— 20
Донская	248	198	+ 50
Кубанская	103	55	+ 48
Ставропольская	24	—	+ 24
Терская	126	31	+ 95
Черноморская	21	19	+ 2
Итого	528	329	+ 199

Как видим, кроме Астраханской губ. все остальные области кожу вывозили. До 60% поступавшего на рынок сырья оставалось в пределах Казачьих краев, остальное вывозилось. Приняв 200 тыс. п. за круглую цифру вывоза, видим, что почти ½ давал Терек и по ¼ Дон с Кубанью.

Главными пунктами по отправке кож с территории Казачьих Земель были Ростов (51 тыс. п.), Таганрог (30 тыс. п.) и Новороссийск (15 тыс. п.). В пределах прежних границ Империи главными районами потребления нашего кожевенного сырья были Виленский район (41 тыс. п.), Полесье (25 тыс. п.), Московский район (18 тыс. п.) и юго-западный (9 тыс. п.). До 31 тыс. п. кожи получала от нас Рига, а около 2 тыс. п. Одесса. Экспортный характер носила отправка грузов через Астрахань (до 10 тыс. п.).

Интересно, что суммарная цифра вывоза сырой кожи из Казачьих Земель кругло (200 тыс. пуд.) приблизительно соответствует тому количеству, которое еще недавно ввозила Чехословакия (в 1922 г. — 225 тыс. п.). Сравнение это интересно в том отношении, что после войны маленькая Чехословакия все больше и больше стала завоевывать своими кожевенными изделиями заграничные рынки, экспортируя обувь даже в Австралию (фирма Бати!). Получать сырье молодому государству в первые годы до войны приходилось даже из Бразилии и Британской Индии, т. к. предложение Голландии, Германии и соседней Венгрии весь спрос не удовлетворяли. Казачьи Земли могли бы в этом отношении прекрасно обслуживать чешский рынок, конкурируя транспортом по Дунаю с ввозом из других стран, в то время, как для чешских готовых изделий открылись бы неограниченные перспективы сбыта у нас, особенно, если принять во внимание дешевизну чешской обуви. По довоенным нормам, потребность, напр., Кубани в обуви измерялась в 5 мил. пар в год, своего же сырья хватало бы лишь на изготовление 1,5 мил. пар. Современное состояние скотоводства последнюю эту цифру значительно уменьшает.

Необходимость сторонних поставщиков обуви не стоит в противоречии с наличием вывоза кожи: здесь у нас повторялось то же, что в масштабах всей Империи: значительное количество кожевенного товара вывозилось заграницу, но еще большее количество обработанной кожи и кожевенных изделий ввозилось.

Не под силу будет справляться с местной потребностью нашей кожевенной промышленности, так же и в силу далеко не первоклассной обработки сырья. За годы войны цифры кожевенного производства у нас значительно возросли, однако, не благодаря развитию фабрик и заводов, но благодаря исключительному росту кустарного производства (из насчитанных в 1919 г., напр., на Кубани мелких предприятий, ⅔, напр., возникли во время войны). Кустарным способом изготовлялась у нас и главная масса местного шорно-седельного товара, ремней, сумок и т. д. Дальнейшие судьбы нашей кожевенной промышленности будут связаны с судьбами животноводства и повышением техники кожевенного дела. Весьма полезным тут окажется и возникновение за годы войны местного производства дубильных экстрактов.

Выделка шерстяных тканей была известна еще во времена древней Руси: уже в X стол. Киев вел торговлю сукнами. Однако, шерстяная промышленность Империи была более позднего происхождения. Работала она, главным образом, на иностранном сырье и из-за недостатка собственного и невысокого его качества. В числе районов, считавшихся источниками сырья для шерстяного производства, видное место в Империи занимала Донская область, Астраханская и Оренбургская губ., где значительно развилось шерстомойное дело фабричного типа. В то время, как % производства в наших краях грубой шерсти был в масштабе

России не велик — 8,4%, в отношении тонкорунной шерсти Казачьи Земли занимали исключительное положение, поставляя 74,5% сырья. Стоимость полученной у нас в 1914 г. шерсти составляла 9,6 мил. руб. Приняв количество полученной в этом же году у нас шерсти кругло за 1,6 м. р. (25,8 т. тонн) ,и сравнивая его со средними цифрами добычи шерсти за последние перед войной 4 года в других странах, увидим, что она равняется таковому в Германии, в Югославии составляет 31% добычи Франции, 46% Италии и 48% — Испании. Сравнивая со странами, считающимися главными мировыми поставщиками шерсти, получим такие отношения: в отношении Великобритании с Ирляндией, получение шерсти в наших краях составляло 19%, Соед. Штатов 8%, Уругвая и Британской юж. Африки — 15%, Аргентины 7%, Новой Зеландии — 12% и наконец, по отношению самой крупной в мире добычи — Австралии — 3,5%. Цифры эти, конечно, не так уже велики, но с другой стороны не так уж малы, особенно, если вспомнить, сколько внимания обращается в перечисленных странах на овцеводство.

Главными районами сбора шерсти в Казачьих Землях является Предкавказье, с центрами отправок в Георгиевске (184 тыс. п. в год), Куберле (181 тыс. п.), Прохладной (154 тыс. п.), Ставропольской (119 тыс. п.), Курсовке (106 тыс. п.), Невинномысской (97 тыс. п.) и Хасав-Юрте (94 тыс. п.). Район Юго-восточных и Екатериненских жел. дор. имел по сбору шерсти значение небольшое (Таганрог — 7 тыс. п., Чертково — 6 тыс. п.). Главным распределительными центрами шерсти для наших краев были Ростов, собиравший в год шерсть с Царицынской линии, района Куберле-Торговая, Ставрополь и отправлявший в год до 266 тыс. п. (в 1914 г.) и район Невинномысской, с его крупной шерстомойкой (до 148 тыс. п.). За исключением Черноморской губ., все наши области шерсть вывозили, что видно из таблицы ж.-д. перевозок за 1914 год (в тыс. пуд.):

	отправл.	назнач.	превыш. отпр. (+) назн. (—)
Астраханская . .	4	—	+ 4
Донская	575	225	+ 350
Кубанская	251	166	+ 95
Ставропольская . .	560	21	+ 539
Терская	345	3	+ 342
Черноморская . .	—	6	— 6
Итого	1.735	421	+ 1.314

Общий вывоз шерсти из Казачьих Земель, следовательно, определился в результате такого учета в 1,3 мил. пуд. Наибольшее превышение вывоза над ввозом видим в Ставропольской губ., далее идут Дон и Терек. Главная масса вывозившейся от нас шерсти шла в 3 направлениях: в Московский промышленный район до 243 тыс. п., Лодзинский — 155 тыс. п., Белгород-Харьковский — 598 тыс. п. Меньшее количество шло в район Петрограда и Ярославля. Шерсть вывозилась невыделанная, т. к. своей шерстопрядильной промышленности Казачьи края почти не имели: имелась шерстопрядильная фабрика в ст. Невинномысской, изготовлявшая в сутки не более 20 п. пряжи, 2 шерсточесальных предприятия на Кубани и Дону, да 2 войлочных мастерских на Дону, поставивших в 1914 г. 1710 п. войлока на сумму 3 тыс. руб. Из 290 рабочих, зарегистрированных в 1912 г. в последних 4 предприятиях, 280 работало на Кубанской фабрике.

Потребность нашего населения в шерстяных тканях покрывалась, таким образом, привозными товарами. Лишь после революции начало налаживаться обильное, полукустарное местное производство. В 1919 г. на Кубани, напр., имелось уже 6 предприятий по выработке сукна. Гордостью Казачьих Земель могут считаться паровые шерстомойки на Дону, перемывавшие почти всю мериносную шерсть. Шерстомойки Езикова, Мартена, Стукен и К°, Молконова — считались по своему оборудованию лучшими в России.

12. Производство строительных материалов.

Производство цемента. Среди иных видов промышленности по производству строительных материалов наибольшее развитие в Казачьих Землях получило производство цемента. Количество одних рабочих, занятых в этой промышленности, доходило у нас до 10 тыс. человек, а количество получавшегося цемента достигало солидной цифры 3,5—3,8 мил. десятипудовых бочек, стоимостью в 13 мил. руб. В случае работы с постоянной полной нагрузкой годовая производительность заводов могла бы быть повышена до 5,5 мил. бочек. Однако, и при той средней нагрузке, с которой работала наша цементная промышленность, ее продукты составляли 25% всего русского производства.

Главным поставщиком цемента являлась Черноморская губерния. Исключительное благоприятное, создание природой свойство черноморских мергелей, употребляемых для изготовления портландского цемента, дало основание развитию здесь заводов и создало большую известность местному продукту. Начиная с 1882 года, число заводов росло и достигло к рассматриваемому времени уже 10, десятый был, впрочем, не вполне достроенный. Наиболее крупным был завод «Общества Черноморского цемента», с возможной годовой производительностью до 15 мил. п., далее шли заводы «Туапсинского общества цементного производства» — до 6 мил. п., акц. Общество «Цепь» — 5,3 м. п., Новороссийского товарищества «Атлас» — до 5 м. п. и др. Заводы группировались на площади от ст. Тоннельной до Новороссийского порта включи-

тельно. Максимальный экспорт цемента из этого района был достигнут в 1907 г. — около 23 м. п. Большая часть этого цемента пошла на Дальний Восток (в Японию, Китай). При Советской власти относительное значение Новороссийской цементной промышленности поднялось еще больше: в 1923 г по данным Уполнаркомвнешторга район дал до 36,3% продукции всех функционировавших в СССР заводов. Процесс восстановления после войны здесь был легок, т. к. особого ремонта не требовалось, а нужен был только подвоз топлива и клепок.

Далее, в Казачьих Землях имелось еще 6 цементных заводов в Донской области. Наиболее крупными среди них были заводы Юзово-Глухозерский (около ст. Амвросиевки), с годовой производительностью до 7,2 мил. пуд., и «Общества соединенных цементных заводов» — до 1,5 м. п. В Кубанской области цементных заводов было 3. Первый из них был открыт только в 1912 г. Предельная годовая продукция всех этих трех заводов вместе могла быть доведена до 10 мил. пуд. До 1912 г. потребность в цементе Кубани покрывалась исключительно продуктом привозным, с 1912 года хватало уже и местного производства, т. к. потребность области не превышала 1½ мил. п. Что касается Ставропольской губ. и Терской обл., то сюда цемент должен был ввозиться.

Главными центрами по отправке цемента из Казачьих Земель были Новороссийск, Тонельная, Амвросиевка и Ростов.

Производство кирпича и черепицы. Производство кирпича и черепицы, особенно первого, является в наших краях довольно распространенным. Из отдельных сортов известен красный Владикавказский кирпич, Ставропольский из особой глины у селений Медвежье, Привольное и Белая Глина, Пятигорский белый и огнеупорный. Прекрасный огнеупорный кирпич мог бы получаться на правом берегу Кубани между ст. Джегутинской и Красногородской, где на берегу реки обнаружены мощные толщиной в 5 саж. пласты, как сероватой глины, так и 2,3 саженные пласты чистого каолина, идущих на выделку высших сортов фарфоровых и фаянсовых изделий. Качества здешних залежей настолько исключительны, что глина могла бы экономически выдерживать перевозку и на большие расстояния.

Общее представление о трактуемой промышленности в наших Землях можно получить из следующей таблицы:

	число зав., изготовл. кирпич	число зав., изготовл. черен.	изгот. штук в мил.	прод. на сум. в тыс. руб.	штук в мил.	прод. на сум. в тыс. руб.
Астраханская	32	—	24,3	350	—	—
Донская	—	—	103,9	1.437	1,7	43,3
Кубанская	379	85	25,2	271	0,6	7,7
Терская	455	87	11,4	416	1,8	28,7
Ставропольская	170	35	1,1	13	—	—
Черноморская	2	1	—	—	—	—

Наибольшее количество кирпича, как видим, производилось в Донской обл., черепицы на Тереке. Черепичное производство Казачьих Земель составляло около 9,3% продукции всей России.

Другие строительные материалы: На первое место среди таковых следует поставить у нас известь, получавшуюся путем обжигания в специальных печах натуральных известняков. Наибольшее количество заводов приходилось на Донскую и Терскую области. В Терской области число таких заводов вместе с заводами алебастровыми достигало 56. На Кубани в 1919 г. было 10 заводов по выделке алебастра и гипса. Значительные гипсовые богатства находились в районах станиц Ахметовской, Передовой, Усть-Джегутинской, где доступные для эксплуатации слои доходили до 50—70 саж. толщины. Далее имелось 2 завода в Ставрополе и несколько в Черноморской губ. Достойны упоминания работы ряда заводов по изготовлению бетона в Майкопе, Владикавказе и на Черноморском побережьи у Адлера (в имении ген. Драченского) и заводское производство гончарных труб (на Тереке 23 гончарных завода, в Ставропольской губ. 15, в Кубанской обл. 48), рядом с такого же рода производством кустарного характера.

Как оригинальный строительный матерьял заслуживает упоминания «камышит» — плиты прессованного камыша, шедшие на обшивку каменных и кирпичных остовов строений. Выработка камышита на вновь отстроенном в 1928 г. заводе в ст. Приморско-Ахтарской (Куб. обл.) дошла до 49,5 тыс. пудов.

Стекольное производство, — несмотря на обилие необходимого сырья, было развито очень слабо. Потребность его удовлетворялась стеклом привозным. Особенно было чувствительно отсутствие местного стекла оконного, т. к. листовое стекло рядом с бутылочным производил лишь один завод в Астрахани. Остальные заводы изготовляли лишь бутылочное стекло. Таких заводов было: в Донской обл. 1 (Аксайская), в Кубанской 3 (2 в Екатеринодаре, 1 в Армавире), в Терской обл. 1 (ст. Минеральные воды). Вопрос создания собственной стекольной промышленности должен будет в будущем стать очень насущным, т. к. потребность в стекле очень велика: в пределы одной Ку-

банской обл. ежегодно (за 1909—13 гг.) ввозилось около ½ мил. п. (492,7 тыс. п.) стекла различных видов.

13. Соляная промышленность.

Во всем мире ежегодно добывается более 1 миллиарда пудов соли. Из этого количества до войны приходилось на долю С. Штатов — 28%, Англии с колониями 22%, Германии — 11%, России — 12%. Добыча соли в России составляла в 1914 г. 118 мил. п., из чего 54 м. п. приходилось на долю соли самоосадочной, 32 м. п. — каменной, 31 м. п. — выварочной.

Казачьи земли занимали первое место в ряду соляных районов России, дав в 1913 г. почти 60% всей русской продукции. Нижеприводимая таблица дает сравнительные цифры добычи соли в России по отдельным местам (в мил. пуд.):

	1913 г.	1920 г.	
Баскунчак	30,5	4,8	соль самосад.
Крым	18,4	—	соль самосад.
Пермский район	21,6	5,6	соль вывар.
Донецкий район	39,0	5,5	соль кам. и вывар.
Одесский район	2,0	4,0	соль из лиманов
Илецкий район	2,6	0,8	соль камен.
Сибирь	1,2	11,3	соль вывар.
Прочие районы	6,4	5,2	соль вывар.
Всего	12,8	37,3	

В сравнении с другими странами соляная добыча в Казачьих Землях составляла ¼ добычи Соед. Штатов, ⅓ Англии с колониями и 66% добычи Германии.

Неговоря уже о необходимости соли, как вещества незаменимого в питании человека, наличие соляных богатств в Казачьих краях чрезвычайно важно ввиду наших рыбных богатств: консервирования наших рыбных продуктов вызывает большую потребность в соли. Вниз по Волге на нужды Астраханской рыбной промышленности в 1913 г. прошло свыше 10 мил. пуд. соли. В этом отношении Астраханский рыболовный район очень удачно совпадает с наличием в Астраханской губ., и запасов соли. Астраханские соляные богатства принадлежат к крупнейшим богатствам такого рода в мире и измеряются в сотнях миллиардов пудов: их хватило бы на долгое время на удовлетворение потребности в соли всего человечества. Находится она в многочисленных солянных озерах Заволжских степей. К началу текущего столетия уже много озер были в разработке. Наибольшую известность получили озера Баскунчакское и Эльтонское. В последующие годы добыча соли концентрировалась вокруг этих двух озер, а потом сосредоточилась почти целиком на озере Баскунчакском. Эльтонское озеро находилось в эксплуатации Рязано-Уральской жел. дороги. Баскунчакское принадлежало казне. Значение второго особенно увеличилось после проведения 60верстной жел. дороги от озера к пристани на Волге-Владимировке. Линия эта пересекла уже раньше проходившую около озера магистраль Саратов-Астрахань. Все производство Астраханской солянной промышленности оценивалось кругло в 5 мил. руб.

Техника добычи соли была у нас довольно примитивна. Нижние плотные слои соли просто взрывались динамитом и вытаскивались потом на берег. Верхние же слои новоосадочной соли разбивались ломами во времена года, когда уровень воды в озере был наименьший (с половины весны до осени) и складывались на берегу в бурты около 10.000 пудов, каждый. Отсюда соль погружалась в вагоны и отправлялась или по жел.-дор. линии Астрахань-Саратов (небольшая часть), или нагружалась во Владимировке на волжские суда (большая часть). Водным путем в 1913 г. отправлено до 70,000.000 пудов.

Помимо Астраханской губ. значительными запасами соли обладают и другие Казачьи края. Много солянных озер разбросано в Терской области. Особенно богат ими Пятигорский район Малых и Больших Калмычков, где эксплуатация была бы особенно легка и удобна. Богат солью и Дон с его целыми солянными полями и Ставропольская губ. район Маныча. В Кубанской области у берегов Черного и Азовского морей имеется 5 групп солянных самоосадочных озер: Буганско-Туэлянские, Петровские, Ачуевские, Ахтарские и Ясенские (Ханское озеро). Добыча здесь соли выражалась в таких цифрах:

	1909 г.	1914 г.
	пудов	
Тузлянские	300.000	271.000
Петровские	18.000	7.600
Агуевские	6.000	—
Ясенские	5.500	6.000
Всего	329.000	284.000

Наилучшая по качеству соль получалась на озерах Тузлянских, являющихся в то же время и месторождением целебной минеральной грязи (здесь имелась войсковая грязелечебница). В остальных озерах добыча соли в настоящее время почти прекратилась. Промышленная разработка ведется сейчас лишь на озере Тугазско-Тузлянском, где по последним исчислениям добыча может быть легко доведена до 500.000 пуд. в год.

При средней норме годового потребления 0,85—0,95 п. на душу из-за отсутствия достаточной разработки, местной соли не хватило, и около 2,7 м. п. Кубань должна была ввозить. Ту же картину мы видим и при рассмотрении передвижения солянных грузов по всем Казачьим краям в целом: несмотря на наличие всюду местных больших запасов, лишь вывоз соли из Астраханской губ. имел

крупное значение. Ничтожное количество вывозила еще Черноморская губ., в остальных же областях ввоз превышал вывоз. Получалось парадоксальное явление. Включая в свой комплекс Астраханскую губ. с ее соляными богатствами мирового значения, Казачьи Земли в целом соль ввозили: в статистике жел.-дор. перевозок солянных грузов графа «назначений» своей суммой превышает на 450.000 пудов ничтожную цифру графы отправок. Наше население питалось, главным образом, привозной Крымской солью. Явление это об'ясняется не столько недоразвитием нашей местной солянной промышленности, сколько условием транспорта. Соль слишком дешевый продукт, чтобы экономически выдерживать длинную перевозку, особенно по жел. дор. Подвоз морем Крымской соли был выгоднее, чем перевозка по железным дорогам соли местной. Явление это наблюдается собственно почти во всех странах. Та же довоенная Россия в целом, несмотря на то, что по добыче соли занимала третье место в мире, ввозила немецкую соль для надобностей населения Польских губерний, а Приамурье потребляло соль Японскую.

В какой мере разовьется в будущем наша солянная промышленность, обслуживавшаяся в прошлом 10.000 рабочих и служащих, зависит в значительной мере от удачности решения проблемы создания дешевого транспорта.

14. Нефтянная промышленность

Нефть известна людям уже с древних времен. Еще древние греки и римляне употребляли ее, то, как лекарственное средство, то, как осветительный матерьял, под названием сицилийского масла. Жители тех мест, где теперь расположен город Баку, свыше тысячи лет тому назад знали, что такое нефть. Они добывали ее с различными целями из неглубоких колодцев: жгли в глиняных сосудах с фитилями, применяли при поражении и болячках, смазывали оси телег и т. д. В 17 верстах от Баку, в местечке Сураханы, с давних пор стоит храм огнепоклонников, где горит, выходящий из трещин земли, нефтянной газ. С разных мест Востока и Индии стекались сюда люди для поклонения священному огню.

Добыча нефти в значительных размерах начала развиваться лишь с недавнего времени, когда был открыт способ получения из нефти керосина. Первый колодец был вырыт в 1859 г. в С. Штатах.*) В течении ½ столетия нефть имела значение лишь для освещения. В конце XIX стол. был построен мотор, работающий путем вспышек и питаемый бензином, а в начале XX стол. был сконструирован, получивший широкое распространение, двигатель внутреннего сгорания Дизеля, что дало применение и нефтянных остатков. Вспомним, что пароход, работающий на угле, может находиться в плавании, не нуждаясь в снабжении, 15 дней, пароход же с Дизель-мотором — 57 дней, тогда нам станет понятно, что дали эти открытия, чем стала для человечества нефть и как отразилось это на ее добыче. «Ревущий в поднебесьи аэроплан, пенящий морскую воду пароход, пылящий по дороге грузовик, все эти технические способы осуществления быстроты-божества нашего времени зависят от продуктов нефти.»

Годы войны с особенной остротой подчеркнули все значение нефти. Для Великобританской империи господство на морях есть вопрос жизни и смерти. В годы войны это господство обходилось в 37,5 мил. пудов нефти, потреблявшейся великобританским флотом в месяц, — английскому адмиралтейству было о чем заботиться, чтобы обеспечить такие гигантские количества продукта. Франция, располагавшая к моменту начала войны 110 военными грузовиками, пятью десятками с лишним тракторов и 132 аэропланами, должна была в 1918 г. питать нефтянными продуктами 70.000 грузовиков (срочная переброска сил к Вердену была совершенна на 30.000 грузовиках) и 12.000 аэропланов, количество же грузовиков англо-британской армии, сосредоточенной на французской территории, дошло в этом году до 100.000. Заводы по военному снабжению пожирали ежедневно огромные количества толюэна, ксилена (нефтянные продукты) и бензина для снарядов. В дни больших сражений потребление бензина доходило до 750.000 пуд в 1 день. 15 декабря 1917 г., когда стало очевидно трагическое положение вопроса о снабжении, Клемансо послал Вильсону кабеллограмму с указанием, что малейший недостаток вызовет паралич армий и если правительством Соед. Штатов не будут приняты немедленные меры и исключительные, то грозит катастрофа. И эти меры были приняты. Все военные операции Англии в Месопотамии были обусловлены необходимостью для нее прикрыть от противника нефтепровод «Англо-Першек и К°.».

Что же удивительного после всего этого, что и Англия и Соед. Штаты, забрав в свои руки миро-

*) Для того, чтобы добыть нефть из недр земли, особыми приборами-бурами, делают в земле скважины — узкие колодцы. Буровой инструмент постепенно долбит и разрыхляет землю, которую особыми приборами подымают на поверхность земли. В постепенно углубляющуюся скважину вставляется металлическая труба, которая под сильным давлением опускается все ниже и ниже. Работа по бурению ведется до тех пор, пока не достигнут нефти. Из скважин нефть называется «тартальной», в отличие от случаев, когда нефть бьет из скважины фонтаном — «фонтанная нефть». Главнейшими, получаемыми из нефти продуктами являются: бензин, газолин, керосин, мазут (нефтян. остатки), различные смазные масла, вазелин, парафин, светильный газ и др.

вую продукцию нефти, так тщательно обхаживают каждый кусочек земли, где добывается нефт. К числу таких кусочков относится и месторожденье нефти в Казачьих Землях, немалую долю которых приобрела раньше в свои руки англо-голландская группа «Рояль Дач Шелли К°», и из-за которых, наряду с Бакинской нефтью, переломано теперь столько копий в борьбе иностранного капитала с Советским правительством.

Международная нефть имеется собственно во всех частьях света. В Русской Империи добыча нефти имела промышленное значение на Апшеронском полуострове около Баку, в окрестностях Грозного на Тереке, у Майкопа — на Кубани, на островах Святой и Челекан, — на Каспийском море, в бассейне реки Embы и в Ферганской области.

Из перечисленных месторождений 3 лежат в пределах Казачьих Земель (Грозный, Майкоп, бассейн Эмбы).

Место русской нефтянной продукции в продукв всех частях света. В Русской Империи добыча Землями в продукции русской и соотношение непосредственное видно из следующей комбинированной таблицы:

Добыто нефти мир. доб. в 1914 г. (в %):

Соед. Штаты	66,36
Россия	16,74
Мексика	5,29
Румыния	3,20
Голландская Индия	3,17
Австрия	1,26

Добыто нефти мир. доб. в 1914 г. (в мил. пуд.):

Соед. Штаты	2.406
Бак. район и Фер. обл.	456
Мексика	192
Казачьи Земли	118
Румыния	112
Голландская Индия	101
Австрия	47

Распред. добычи России в 1916 г. (в мил. пуд.):

Бакинский район	479,9
Грозненский район	102,7
Урало-Эмб. район	15,5
Кубано-Черноморский район	2,0
Фергания	2,0
Всего	602,1

Таким образом, Казачьи Земли по добыче нефти уступали лишь С. Штатам, Бакинско-Ферганскому районам России и Мексике, превосходя другие страны, принадлежащие к числу главных мировых поставщиков нефти.

Теперь картина мировой добычи нефти изменилась: с одной стороны, в орбиту вовлечены нефтянные богатства Персии, Мессопотамии, Венецуэлы, с другой стороны СССР в 1927 г. дала лишь 5,77% мировой добычи, в то время, как еще в начале столетия Россия была на первом месте, давая 51,5%. Относительное значение добычи нефти в Казачьих Краях, однако, и после 1914 г. изменилось мало: в 1916 г. на их долю приходило 20% добычи России, в 1917 г. — 37%.

Рассмотрим теперь отдельные месторождения нефти в наших Землях. Как видно из таблицы, наиболее богат нефтью у нас — Терек. Площадь под нефтяными промыслами Терской области равнялась в 1913 г. 2359 дес., из коего количества главная часть приходится на Грозненский район. Площадь добычи нефти росла в этом районе все время неуклонно. В 1910 году она равнялась лишь 694,5 дес., в 1912 г. — 794,8 дес., в 1913 г. — 924,8 дес. С 1913 года в эксплуатацию вступил новый обособленный район в 1308 дес. на землях Беллика — в 6 верстах от Грозного — «Новогрозненские промыслы» (в отличие от «Старогрозненских»). Площадь месторождений Грозненских представляет из себя длинную складку пластов, имеющих направление поперек Кавказского перешейка.

Из всей доступной для эксплуатации площади в 1914 г. разрабатывалось лишь 1059 дес. под формой 107-ми сданных Терским войском в аренду участков. Нефтянной доход составлял в 1914 г. 64,6% от суммы всего дохода Войска. Арендаторами являлись 5 отдельных предприятий и 11 акц. обществ. Срок аренды был 24 года. Общее число буровых скважин доходило до 520, из которых 278 было в эксплуатации. Перед открытием Новогрозненских промыслов добыча нефти составляла в 1912 г. 65,4 мил. п. Открытие новых источников резко повысило в 1913 году добычу, т. к. месторождения нефти оказались чрезвычайно богатыми и уже через год принесли свыше 10 мил. пудов нефти. Интересно, что две самые богатые фонтанами скважины здесь не глубоки до 263 саж. (самая глубокая скважина в Старогрозненских промыслах 528 саж.).

Открытие 1913 г. вызвало целую нефтянную горячку. За 1 год на общественных землях было заявлено 18.433 площади под разведку и было выдано 805 позволительных свидетельств. Дальнейшие геологические исследования заставляют полагать, что описанные 2 района составляют только часть нефтянных богатств Терека, т. к. вся местность характеризуется теми же геологическими данными, как и связанный с ней Кавказским хребтом Апшеронский полуостров с нефтерождениями у Баку. Промышленная эксплуатация Грозненской нефти значительно более старого происхождения, чем Кубанской. Правильная добыча нефти у Грозного началась уже в 1893 г. Последующие годы были ознаменованы ее непрерывным ростом. В 1908 г. было добыто уже 52 мил. пудов, в 1910 г. — 74 мил. п., в 1914 г. — 98,4 мил. пуд. и в 1916 г. —

106,9 мил. п. (максимум). Известная часть получавшейся нефти тут же на месте и перерабатывалась. В районе Грозного имелось 5 заводов нефтеперегонных, 2 кислотных, 3 механических, 2 по обработке нефтяных дериватов.

Важным достинством Грозненской нефти являлось наличие в ней большого % летучих дериватов, что увеличивало выгодность перегонных процессов. В результате переработки части добытой в 1916 г. нефти, было получено около 10 мил. пуд. бензина, что составляло 71% продукции России. Превышало в 2 раза количество бензина, получавшегося в Австро-Венгрии и крыло с избытком 2 м. п. всю потребность 1909 г. Германии. Далее, в этом же 1916 г. было получено до 8 м. п. керосина, 2 м. п. мигронна и 1 м. п. смазочного масла.

Большевицкая война и борьба горских племен с Терскими казаками принесла Грозненской промышленности тяжкие потрясения. За весь период революции никаких новых разведок и разработок новых площадей не производилось. Заботы о Грозненской нефтепромышленности были для Советской власти тем серьезней, что добыча в Бакинском районе все время уменьшалась.

Из других месторождений нефти на Тереке заслуживает еще упоминания район ст. Вознесенской.

Наш краткий обзор Терской нефтянной промышленности был бы уж слишком не-полон, если бы мы не упомянули об одном грандиозном сооружении в этой области. Мы имеем ввиду нефтепровод Грозный-Туапсе, законченный 7 ноября прошлого года 1928, и открытый 5 декабря. Нефтепровод имеет радиус в 10 дюймов и протяжение 624 километра! Вместе с примыкающими заводами «1-ой очереди» постройка его обошлась в 45,5 мил. золотых рублей. По плану нефтепровод должен окупить себя в 4 года. Возможность доставки нефти по трубам через весь кавказский перешек и погрузки ее прямо на суда в Черном море чрезвычайно усиливает позицию грозненской нефти на мировом рынке, т. к. уменьшает расходы на перевозку и ускоряет технику поставки заграничным покупателям. Проведение нефтепровода явилось одним из тех блестящих решений трудной проблемы нефтяных транспортов, благодаря которым в свое время известный нефтяной король Рокфеллер достиг своего «королевского сана». Хотя советская «пятилетка» и писана, как говорится, вилами на воде, но все же быть может читателю не безинтересно будет узнать, что она включает постройку второго нефтепровода Грозный — Туапсе (опыт первого показал, что перекачка нефти обходится в 2 раза дешевле, чем перевозка ее по жел. дор.) и такового же между Эмбой и Самарой; в последний уже год пятилетки входит начало сооружения нефтепровода Петровск—Москва.

На втором месте по добыче нефти в Казачьих Землях стоит район Урало-Эмбенский. К цифрам, приведенной раньше таблицы, мы добавим еще добычу 1926—27 г. 13,6 м. п., показывающую, что процесс восстановления здесь имел относительный успех. Из наиболее крупных промыслов здесь получили известность промыслы Доссорский и Макатский в 110 верстах от Гурьева с керосинным заводом на берегу моря и идущим к нему нефтепроводом. Нефтяное богатство Урало-Эмбенского района исследовано вообще мало, как и сам район в целом. Советские газеты за 1929 год неоднократно приносили сообщения о вновь открытых тут богатых нефтяных месторождениях.

Добыча нефти на Кубани количественно уступает Урало-Эмбенской и тем более Грозненской. Однако и здесь повидимому будущее принесет блестящее развитие. Уже при самом заселении Кубани было известно о существовании там нефти. Недаром одна из станиц получила название «Нефтяной». Первый нефтяной фонтан забил в районе Кудако (к западу от ст. Крымской) в 1865 г. Позднейшие геологические изыскания установили наличие нефтяной полосы от Тумани до Пшехи, верст в 250 длиной и до 10 верст шириной, по направлению Еамань-Суворово-Черкесский аул-ст. Ильская-Пензенская-Кабардинская - Ширванская. Нефтепровод у Ильского района в Новороссийск был проложен уже в 80 гг. Однако до 1909 г. добыча, как здесь, так и на Таманском полуострове (Таманская нефть отличается легким удельным весом) была весьма невелика.

В 1909 г. начались нефтяные горячки: в этом году ударил фонтан в районе Майкопа (в 60 верстах от него в ст. Ширванской), что и положило начало Майкопской нефтепромышленности. Такие же фонтаны ударяли на Кубани несколько раз и позже, в частности в 1923 г. Последний сильный фонтан, дающий в сутки более 150 тыс. пудов нефти забил 24 января 1929 г. От Майкопских промыслов был проведен нефтепровод в Екатеринодар. Размеры добычи нефти в Майкопском районе характеризуются 9,2 мил. пуд. — в 1912 г. Район этот на Кубани является наиболее крупным; под нефтяными промыслами в нем было занято 2726 дес. (1913 г.). Майкопская нефть отличается обилием легких составных частей (бензин) и ценными ароматическими соединениями (толуол и др.).

На втором месте стоит район Калужский, где нефть отличается смазочными свойствами, а добыча дошла в 1927 г. до 837 тыс. пуд. Из Калужского района проведен нефтепровод к ст. Афипской. Далее идут районы ст. Крымской, Анапы (Суворово-Черкесская) Старо-Титарской, Ильской (в 1927 г. 145 тыс. пуд. и Дербентской. Всего в Кубанской области в 1919 г. имелось 186 нефтяных

колодцев и количество рабочих, занятых на нефтяных промыслах равнялось 1300 человек.

Рост добычи Кубанской нефти характеризуется след. цифрами: 1907 г. — 62,4 тыс. пуд., 1909 г. — 0,6 мил. пуд., 1910 г. — 1,3 мил. пуд., 1911 г. — 7,8 мил. пуд., 1912 г. — 9,2 мил. пуд., 1913 г. — 4,8 мил. пуд. 1914 г. — 3,9 мил. пуд. 1915 г. 7,6 мил. пуд., 1916 г. 2,1 мил. пуд., 1921-22 — 3,1 мил. пуд., 1922-23 — 2,9 мил. пуд.

Кубанская промышленность по обработке нефти происхождения совсем молодого, ее возникновение относится к 1910-11 гг. Представлена она заводами в Екатеринодаре, ст. Ширванской и Новороссийске. Первый завод получает сырье из нефтепровода из Майкопа и ст. Калужской и завозом из Грозного. Вырабатывает он керосин, бензин, газолин и разного сорта масла. Завод принадлежал «Товариществу нефтепромышленных заводов». Работает он и теперь, по производственной программе 1926-27 гг. он должен был переработать около 5 мил. пуд. нефти. Благодаря слабой постановке статистики, определять общие цифры получавшегося на Кубани керосина, бензина, мазута и др. продуктов, мы уже не рискуем и отсылаем интересующихся к книге Ивасюка «Кубань».

Что касается местного потребления нефти и ее вывоза из пределов Казачьих Земель, то о них приблизительно можно судить на основании данных о транспорте нефти и ее продуктов. В 1914 году с наших жел.-дор. станций было отправлено всего 47,5 мил. пуд. нефтяных грузов, прибыло же 18,4 мил. пуд. Отправка таким образом на 27 мил. пуд. больше. К этой цифре следует прибавить 15 мил. пуд. перекачивающихся по нефтепроводу Грозный-Петровск (150 верст) для дальнейшей отправки водой в Астрахань и дальше. Общий вывоз из Казачьих Земель нефти и нефтяных продуктов так обр. может быть грубо определен в 42 мил. пуд. Сюда входят и 10 мил. пуд. Грозненского бензина, почти целиком шедшего через Новороссийск за границу.

Соответственно распределению добычи главным поставщиком на вывоз является Терская область. Центром по вывозу был Новороссийск, через который проходило до ⅓ всего нефтяного экспорта Империи и почти полностью шли предназначавшиеся на экспорт нефтяные грузы северного Кавказа. За 6½ месяцев 1914 г. в Новороссийск поступило 7,4 мил. пуд. бензина, керосина и легрона из Грозного и 530 тыс. пуд. из Екатеринодара.

Если взять нефтяной экспорт всей России и сравнить его с тем количеством нефти, которое вывезено из Казачьих Земель, (считая и направление на внутренние русские рынки) то оказывается, что цифры очень близки: в России в 1912 году вывезено нефти 43,3 мил. пуд., в 1913 г. 47,9 мил. пуд. Из Казачьих Земель, как мы указываем, кругло 42 мил. пудов. Не иди таким образом, главное количество нашей нефти на внутренние рынки России, а поступай за границу, Казачьи Земли были бы известны, как один из главных мировых поставщиков нефти. Впрочем картина, имевшая место, в действительности не меняет сути дела: ведь и Соед. Штаты вывозят лишь ничтожное количество всей добычи, а 85% ее идет на нужды одного автомобильного дела.

Дело не в том, куда шла наша нефть, но каких размеров была выручка за ее проданное количество, — ведь превосходит же финансовая мощь «Стандарт Ойль и ко» вдвое довоенный бюджет Франции. С этой точки зрения, нефтяные богатства Казачьих Земель являются неиссякаемым источником создания народного богатства, ибо под выразительной американской формулой нефтяных королей — «доллары будут посланы всюду и по любому курсу, где есть возможность, приобрести нефть» — готовы подписаться теперь все нефтеторговцы света.

15. Промышленность горнозаводская, металлургическая и металлообрабатывающая.

Районами горных богатств Казачьих Земель являются Терская область, южная часть Кубанской, значительная часть Черноморской губернии. Обнаружено месторождение руд и в западной части Донской области — в районе Провальной, Должанки и Нагольной.

Во всех перечисленных районах поиски полезных ископаемых, геологические разведки, добыча полезных ископаемых и их заводская переработка, находятся в самом зачаточном состоянии. Природные богатсва исследованы весьма мало. Обширная нагорная полоса, к которой и приурочиваются как раз рудные богатства, остается почти совершенно отрезанной в сообщении с главными портовыми и торговыми пунктами. Многие залежи полезных ископаемых не могли быть доныне разрабатываемы исключительно вследствии своей недоступности и непомерных расходов, сопряженных с доставкой к ним необходимых для эксплуатации материалов и вывозом добытого продукта. Промышленная молодость наших краев тут чувствуется особенно сильно.

Тем манящей и притягательней влекут к себе внимание испытателя недра наших гор. Самый беглый обзор и перечень достижений отдельных горных разведок наполняет гордостью сердце казака. Недра нетронутого Кавказа таят в себе медные, серебро-свинцовые, цинковые, ртутные, марганцевые, железные руды, графит, серный колчедан, самородную серу и много другого. Мало где собраны так близко друг от друга такие разнообразные богатства. Запасы железной руды Тамани по самым приблизительным подсчетам могут дать до 600 тыс. тонн чистого железа. Некоторые железные руды между Лабой и Белой со-

держат до 60—71% металлического железа, а магнитный железняк в некоторых местах Баталпашинского отдела и Майкопского — 70,9%. В верховьях Кубани у аула Учкулан обнаружен мышьяковый колчедан. У ст. Переправной, Хамкетинской и Губской, залегают слои марганцевой руды. В Донской области обнаружены, но еще совсем необследованы, месторождения бурого железняка. И т. д., и т. д.Этот перечень можно бы было вести очень долго. Не ставя себе целью, нарисовать картину всех наших природных богатств, но лишь нашего народного хозяйства, посмотрим в какой мере все эти богатства эксплуатировались.

За исключением скромной разработки бурого железняка около мыса «Железный Рог», в 12 верстах от ст. Таманской, да нескольких других еще более скромных начинаний, вся наша горно-добывающая промышленность, после прекращения за невыгодностью добычи серебро-свинцовой руды в верховьях Кубани и Худеса, сводилась лишь к эксплуатации серебро-свинцово-цинковых месторождений у местечка Садон в Горной Осетии. Всего остального рука человека еще не коснулась. Названный уголок Терской промышленности принадлежал Алагирскому горнопромышленному о-ву «Алагир». Добывавшаяся руда содержала на тонну 18% цинка, 5% свинца и 110 гр. серебра. Размеры добычи видны из нижеследующей таблицы (в пудах):

	добыто		
	цинка	свинца	серебра
1909 г. . . .	101.700	48.056	155
1910 г. . . .	134.700	64.691	153
1911 г. . . .	139.400	68.175	128
1912 г. . . .	180.200	95.430	268
1913 г. . . .	178.940	80.672	242

Если принять во внимание, что ценность свинцовой добычи в 1912 г. во всей Империи составляла 215.072 руб., а ценность добычи того года на Тереке 173.667 руб., то оказывается, что Садонское месторождение давало по ценности 80,8% всей добычи Империи. Аналогичный расчет в отношении цинка дает 20,8%, а в отношении серебра — 100%; иначе говоря, несмотря на абсолютную ничтожность добычи в сравнении с другими странами, все серебро для России давал Терек. В качестве побочных продуктов общество «Алагир» поставляло на рынок более 600.000 пудов серной кислоты, железный купорос, сульфат, хлористый цинк, квасцы и кислоты: соляную и азотную. Металлургическая промышленность была представлена у нас в Донской области, в пределах которой находилась приблизительно $^1/_7$ часть металлургической промышленности всей Империи. Чтобы понять, что за величину представляет из себя эта $^1/_7$ часть, скажем несколько слов о бывшем целом. Созданный на базе каменноугольного очага Донбаса промышленный центр на юге приобрел за последнее пятидесятилетие перед войной исключительное значение. В 1865 г. юг дал 168.000 пуд. выплавленного металла, Урал — 12,2 мил. пуд. Через 45 лет юг оставил далеко за собой уральскую промышленность, увеличив производство в 752 раза, в то время, как производство чугуна на Урале возросло лишь в 3 раза. Довоенное распределение выплавки чугуна в России видно из следующих цифр за 1912 г. (в мил. пуд.): Юг — 189,7; Урал — 55,7; Подлюский район — 11,8; Север — 0,1; польские губернии — 25,5. К 1916 г. выплавка чугуна на юге уже давала 76% производства Империи. Как известно, Россия, как по абсолютным цифрам, так и по темпу развития промышленности, отставала все время от наиболее сильных в этом отношении стран мира. Приведем для сравнения таблицу:

	С. Штаты	Германия	Англия	Франция	Россия
Мировая доб. жел. руды за 1897 г. в мил. п.	18,6	15,5	14,0	4,5	4,1
В 1913 г.	59,9	35,9	16,3	21,5	8,2
Мировая выплавка чугуна в 1913 г. . . .	31,5	19,3	10,4	5,3	4,6

Благодаря тому, что на долю России перед войной приходилось лишь 5,9% мировой выплавки чугуна (Соед. Штаты — 40,1%, Германия — 24,6%), значение Донецкого басейна по отношению к мировой добыче невелико. Однако, если провести сравнение с добычей отдельных стран, то картина меняется. По отношению к добыче Соед. Штатов это составит 10%, Германии — 160%, Англии — 30%, Франции — 59%.

Выделим теперь из добычи промышленного «Юга» часть приходящуюся на Донскую область. В 1909 г. это составляло 26 мил. пудов (Сирин). Взяв за основание для сравнения эти цифры, получим такие отношения: к Соед. Штатам — 1,3%, к Германии — 2,2%, к Англии — 4,1%, к Франции — 8%. Мы произвели для нас чрезвычайно невыгодное сравнение: с одной стороны, за неимением более поздней достоверной цифры добычи чугуна в Донской области, мы взяли добычу 1909 года, в то время, как у других стран — цифры 1913 г.; с другой стороны мы сделали сравнение с промышленностью самых передовых стран мира. Казалось бы, что количество чугуна добытого в наших промышленно-отсталых «земледельческих» краях должно измерятся ничтожными долями процента в сравнении с совершенными индустриальными колоссами, а между тем по отношению, напр., ко Франции, это составило, как мы видели, 8%.

Сделаем теперь сравнение более скромное — со странами, не претендующими на первые места в мире, но в то же время числящимися в числе первого десятка стран по мировой добыче чугуна. Наша добыча тогда составит по отношению к добыче чугуна

Бельгии в 1912 г.	17%
Швеции «	58%
Люксембурга в 1927 г.	16%
Саарской области в 1927 г.	43%
Чехословакии в 1927 г.	36%
Японя „	36%
Индии „	43%

Мы приглашаем читателя вдуматься в эти цифры, чтобы понять относительное положение неразвитой отсталой металлургии земледельческих Казачьих Земель по отношению к ряду стран, выдающихся своей индустрией; тем более, что выплавка чугуна считается одним из основных моментов для характеристики промышленности соответствующей страны, т. к. на чугуне, железе и стали покоится вся тяжелая индустрия.

Из 21 металлургических заводов промышленного «Юга» на территории Донской области было три. Все они работали на руде Криворожского бассейна, а завод Таганрогский пользовался еще и рудой керченской. Самым крупным был завод Макеевский в г. Дмитриевске. Специальным продуктом этого завода были трубы для нефте-промышленности, листовая строительная сталь, жел.-дор. рельсы. Вторым по величине был завод Таганрогский на Азовском море у Таганрога. Он специализировался на изготовлении котельного, кровельного и резервуарного железа и сварных паровозных труб. Третий завод Сулинский, при ст. Сулин, Юго-Восточной жел. дор. (на север от Новочеркасска). Здесь производился исключительно Мартеновский чугун. Завод славился продукцией костылей, болтов, жел.-дор. скреплений, проволоки, всяких видов сортового железа. Из специальных сортов чугуна на Макеевском и Таганрогском заводах, изготовлялся чугун зеркальный и ферроманган, на Таганрогском — и ферро-сицилий. На ряду со специальными продуктами все 3 завода выпускали продукты для всех металлургических заводов вообще. Размеры заводов видны из следующей таблицы:

	Макеевский	Таганрогский	Сулинский
Число домен	4	4	5
Чис. Мартынов. печ. для пол. стали и чист. жел.	6	4	5
Числ. Томасовских конв.	—	1	—
Число рабочих	5.500	4.500	2.000

Нормальная производительность чугуна при полной работе доменных печей была для Сулинского завода 300.000 пуд. в месяц, Таганрогского — 750.000 пуд., Макеевского — 1,100.000 пуд.; итого 2,2 мил. в месяц.

Интенсивность работы металлургических заводов зависит в числе прочих причин и от снабжения их топливом. Вопрос этот для наших будущих перспектив очень важен. Несмотря на общий рост выработки угля в Донецком бассейне, увеличение потребления Донецкого угля жел. дорогами и размах работы промышленности, работающей на оборону, создали уже во второй год войны нашей металлургической промышленности затруднения. Снабжение заводов топливом, как видно из приводимой таблицы, все время падало (в мил. пудов):

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г. (⅓ года)
Таганрогский	23,4	23,6	13,3	16,4	7,3
Сулинский	14,3	14,0	14,2	15,1	6,6
Макеевский	25,7	26,2	25,1	—	14,6

Тем большее значение должно иметь собственное коксовое производство заводов. Таковое было организовано на заводах Таганрогском и Макеевском. На первом имелось 100 коксовых печей с годовой производительностью в 6 мил. пуд. (действительная производительность была меньше), на втором — 280 печей с возможной производительностью до 21 мил. пуд. Макеевский завод общества «Унион» работал главным образом с французским капиталом (основ. капитал около 50 мил. рублей). Заводы Сулинский (основ. капитал 21 мил. рублей) и Таганрогский (основ. капитал 32 мил. рублей), составляли собственность, смешанной группы из представителей бельгийской промышленности (особенно завод Таганрогский) и Азовско-Донского Коммерческого Банка. Число лошадиных сил, работавших на металлургических заводах Ростовского района, в 1917 г. составляло 18% (64.515 HP) от общего количества паровых лошадей, работавших на металлургических заводах Юга, иначе говоря по числу лошадиных сил наша промышленность была непропорционально сильнее: ⅓ часть составляла бы лишь 14,4%. Четвертым металлургическим заводом наших Земель является завод в Царицыне. Собственных домин он не имел, пользовался привозным чугуном со своего завода Донецкого-Юрьевского общества. По мощности оборудования его производитель-

ность равнялась 1000 пуд. в месяц. Оборудован он был главным образом для выработки сортового, листового и кровельного железа.

Металлообрабатывающая промышленность в Казачьих краях распределена довольно неравномерно. Разделение ее по отдельным видам, распределение территориальное и относительные размеры в сравнении с бывшей общерусской промышленностью видны из нижеприводимой таблицы (по данным обследования Мин. Торг. и Пром. за 1912 г.):

Из этой таблицы заключаем, что 1) наиболее про-

	чугн. лит. произ.		обработ. сорт. жел.		произ. зам. товар.		экипажное и ресор.		машиностр. и механич.	
	завод.	рабоч.	завод.	рабоч.	завод.	рабоч.	завод.	рабоч.	завод.	рабоч.
Астраханская . .	3	26	—	—	—	—	—	—	3	31
Донская	4	1.131	2	286	2	166	3	118	8	1.757
Кубанская . . .	1	69	13	53	—	—	2	95	10	600
Терская	2	118	—	—	—	—	—	—	3	190
Черноморская . .	1	40	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	11	1.384	15	339	2	166	5	213	24	2.578
Всего по России .	232	17.996	92	12.289	41	5.508	66	3.775	383	105.993

	земл. машин и орудия		судостр. и рем судов		рем. фабр. зав. машин		прочие произ.		итого	
	завод.	рабоч.	завод.	рабоч.	завод.	рабоч.	завод.	рабоч.	завод.	рабоч.
Астраханская . .	—	—	26	1.871	2	8	6	81	38	2.009
Донская	11	1.162	2	117	2	168	20	11.795	54	16.700
Кубанская . . .	2	76	—	—	—	—	1	30	29	923
Терская	—	—	—	—	—	—	2	632	7	940
Черноморская . .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	40
Итого	13	1.238	28	1.988	4	176	29	12.538	129	20.612
Всего по России .	270	27.519	73	14.977	41	1.152	898	255.410	2.190	484.362

мышленный характер имела Донская область; 2) виды имевшей у нас место промышленности были довольно разнообразны, вплоть до промышленности судостроительной; 3) соотношение итогов с общерусскими цифрами даже и при отсутствии данных по Ставропольской губернии по некоторым видам промышленности для нас не столь малы, сколь можно можно было ожидать, принимая во внимание возрастную разность промышленности и разность территорий.

Положение о преобладании в промышленном отношении Донской области над другими Казачьими краями подтверждается статистикой жел.-дор. перевозок за последние 5 лет перед войной. Лишь в Донской области наблюдается превышение отправлений железных, чугунных и жестяных грузов над получением их. Означив плюсом превышение отправлений, а минусом получений, имеем (кроме машин) в тыс. пудов:

	для чугуна, жел. жести	для жел. изделий
Астраханская . .	— 188	— 144,5
Донская . . .	+ 1.027	+ 1.696,2
Кубанская . . .	— 1.027	— 284,5
Ставропольская .	— 372	— 25,2
Терская	— 2.798	— 1.815,8
Черноморская .	— 133	+ 104,4
Итого	— 2.544	— 570,4

В глаза бросается слабое развитие промышленности на Тереке и Кубани. Большая часть промышленных металлообрабатывающих предприятий последней состояла из предприятий мелко-кустарного типа, обслуживавших чисто местные нужды. При советской власти положение не изменилось. Так из 1884 предприятий, насчитанных в области советской статистикой в 1924-25 г., лишь 5 цензовых; вся остальная масса приходится на мелкопочиночные мастерские, кузни и т. п. Более или менее крупные заводы возникли лишь в последние перед войной годы. Среди наиболее крупных заслуживают упоминания Кубаноль в Екатеринодаре и Армалит в Армавире. Первый был построен во время Великой войны акционерной английской кампанией, с целью изготовления снарядов. В дальнейшем завод был приспособлен к нуждам нефтяной промышленности. На нем происходил ремонт вышек, отлив тартальных барабанов, силовых установок и т. д. В 1925-26 г. на нем работало 450 рабочих и 50 служащих. Осенью 1926 г. завод был закрыт и передан в ведение Грознефти на консервацию. В 1927 г. — опять пущен в ход. Завод переименован теперь в «завод имени Седина« и причислен к экстерриториальной промышленности, т. е. такое управление, которое находится вне пределов округа — в крае или центре (в СССР к экстерриториальным предприятиям причисляют заводы более мощные, лучше обору-

дованные, со значением для всего данного края или даже всего союза).

Как видно из приведенной выше таблицы еще более чем Кубань, нуждалась в подвозе металлических товаров Терская область. Итог в обоих колонках таблицы с минусом. Это свидетельствует о превышении ввоза рассматриваемых товаров в Казачьи края в целом.

Что касается поставок продуктов местной промышленности, то главными пунктами отправлений железа, чугуна и жести были Таганрог, Мушкетов и Харцизск; центрами получения — Грозный, Армавир, Екатеринодар. Производительными пунктами для железных изделий являлись Ростов, Таганрог, Харцизск, Тулин; потребительными и распределительными — Ростов, Армавир, Грозный. Среди отдельных отраслей металлообрабатывающей промышленности большое значение всегда имеет машиностроение. Ценность этого вида производства равнялась у нас в 1912 г. 585,8 тыс. руб., что составляло 5% ценности всего русского производства. Местного производства машин, конечно, не хватало и статистика жел.-дор. перевозок здесь обнаруживает потребительный характер наших краев. В нисходящем порядке главными центрами по ввозу и распределению машин в Казачьих Землях были: Ростов, Армавир, Екатеринодар, Астрахань, Таганрог, Новороссийск, Ставрополь, Гулькевичи, Кавказская и Незлобная.

Еще более важное значение, в связи с земледельческим характером Казачьих краев имеет производство сельско-хозяйственных машин. Общая стоимость этого производства у нас оценивалась в 1,99 мил. руб., из чего 1,82 мил. руб. приходилось на долю Донской области, 84.890 руб., — Ставропольской губ., 81.571 руб. — Кубанской, и 2500 руб. — Терской. Размеры производства были не достаточны и все Казачьи края должны были сельско-хозяйственные машины ввозить. Не мало шло к нам сельско-хозяйств. машин и из западной Европы и из-за моря. Центром такого импорта был Новороссийск. За 1908-12 г. через него в среднем в год проходило до 1,6 мил. пуд. сельско-хоз. машин и орудий, особенно из Англии (гл. обр. паровые молотилки) и Соед. Штатов (гл. обр. уборные машины).

Наиболее крупными из собственных заводов сельско-хозяйств. машин был Аксайский завод на Дону и Армавирский на Кубани. На Тереке и в Ставропольской губернии производство сельскохозяйств. машин было развито особенно слабо: Терек дал в 1912 г. лишь 100 штук веялок, а Ставропольская губ. общей сложностью разного сельско-хозяйств. инвентаря 24.554 пуд. и 6260 штук.

Проблема создания достаточно сильного собственного производства сельско-хозяйств. инвентаря является одной из главнейших проблем нашей промышленности. Этого требует весь характер нашего народного хозяйства. Прекращение заграничного снабжения сельско-хозяйств. инвентарем за годы Великой войны и полная износка имевшегося инвентаря за годы войны большевицкой, придают вопросу особенную остроту. В отчете Центрального Статистического Управления о состоянии сельского хозяйства в 1921 г. имеются цифры «сельско-хозяйств. инвентаря в крестьянском хозяйстве в 1920 г.». Исчисление для всего СССР. (с Сибирью). Предположив, что на Казачьи Земли приходилась доля пропорциональная их посевной площади за предвоенное пятилетие, т. е. 7,8 (в 1911-15 гг. в России засевалось 99,7 мил. дес., в Казачьих краях — 12,7 мил. дес.) получим следующие грубые цифры сельско-хозяйств. инвентаря в пределах наших Земель:

Сох, косулей, саб., плугов . . .	1,176.273,	что давало на един. инвент. меньш.	2	хоз.
В том числе плугов	548.108,	»	»	»	»	»	»	3,3	»
Борон всего	1,238.278,	»	»	»	»	»	»	2	»
В том числе железных	63.511,	»	»	»	»	»	»	29	»
Сеялок	25.955,	»	»	»	»	»	»	70	»
Жнеек	73.128,	»	»	»	»	»	»	25	»

По Кубани мы располагаем более точными данными (пр. Смирновский. Движение основных элементов сельско-хозяйств. производства во время войны и революции, 1928 г.):

	плуги	Буккеры	сеялки рядов.	сеялки разброс.	всего	жнейки в том числе сноповяз.	сенокос.
1920 г. . . .	69.069	—	10.213	9.327	38.821	5.877	5.742
1925 г. . . .	56.477	60.212	13.382	9.981	39.311	5.195	6.214
1926 г. . . .	60.536	64.526	12.286	9.656	35.582	4.702	6.460
			то же в %				
1920 г. . . .	100	—	100	100	100	100	100
1925 г. . . .	86,8	—	131	107	101,3	88,4	108,8
1926 г. . . .	93,0	—	120,9	103,5	99,4	80	113,1
			то же в 1913 г. (по Ивасюку)				
	335.713	—	23.253	23.399	32.388	22.610	9.778

Из числа хозяйств, приходящихся на единицу инвентаря (см. первую таблицу), мы заключаем, сколь остр был недостаток в инвентаре. Из второй таблицы видно, как велика бедность теперь в сравнении с довоенным временем, и как ничтожны результаты «восстановления». Довоенные цифры показывают, какой огромный рынок сбыта имела бы перед собой наша промышленность по производству сельско-хозяйств. машин, тем более, что потребность в сельско-хозяйств. инвентаре всей империи покрывалась русской промышленностью лишь на половину, другую же половину поставляла заграница (в 1913 г. ввезено на 63,5 мил. руб., произведено в России на 52,6 мил. руб.).

Наличие одного рынка, конечно, недостаточно для создания промышленности, но в то же время оно является одним из тех условий, которые вызвали столь большой размах производства сельскохозяйств. машин в Соед. Штатах, и которое будет всегда служить стимулом соответствующего производства и у нас.

16. Каменноугольная промышленность.

Каменный уголь — это фундамент, на котором покоится вся промышленность, техника, а с ними, по сути, и вся современная материальная культура. Уголь известен человеку с глубокой древности, несмотря на то, что использование его началось только недавно. Впрочем уже в 1280 г. в лондонские кузни пытались привозить уголь из Ньюкастля, но ввиду протеста населения, считавшего угольный дым ядовитым, в 1316 г. топка углем была запрещена. В XV. ст. центр. Европа уже освоилась с углем. Но только быстрое развитие применения механической силы с начала прошлого столетия обусловило место угля в хозяйственной жизни, создав из его употребления одно из главных мерил всего культурно-технического уровня той или другой страны.

С прогрессом науки люди научились использовать каменный уголь для получения светильного газа, карболовой кислоты, сальмиачных солей, дегтя, смолы, сажи, нафталина, толя, бензола, лаков и т. д. — всего того, что играет теперь большую роль в химической промышленности и типографском деле. Исключительное значение, которое будет иметь уголь в развитии хозяйственной жизни Казачьих краев, заставляет нас остановиться на нем подробней тем более, что в прошлом каменноугольная промышленность являлась главнейшей отраслью нашего народного хозяйства после скотоводства. Не считая ничтожной по количеству добычи каменного угля на Кубани (40—50 тыс. пуд.), угольная промышленность Казачьих краев была представлена на Дону. Именно Донская область включала в свои границы ⅓ (круглой цифрой) того геологическо-хозяйственного района, который получил широкую известность под именем «Донецкого Бассейна» и который в административно-географическом отношении захватывал часть Донской области, Харьковской и Екатеринославской губерний, обнимая в общей сложности площадь в 20.000 кв. верст. Из этой площади около 6,5 тыс. кв. верст лежало в пределах Донской области (округ 1-ый Донской, Таганрогский, Черкасский и Донецкий). Не вся толща находящихся здесь отложений каменноугольного возраста (песчаников, сланцев, известняков и углей) является угленосной. Нижний ярус каменноугольных отложений и значительная часть верхнего почти совершенно лишена угольных пластов, пригодных для разработки, почему и не имеет практического значения. Только средний ярус и нижние горизонты верхнего составляют собственно продуктивную толщу донецких каменноугольных отложений, достигающих мощности 2400—2600 метров. Мощность угольных пластов колеблется в узких пределах от 0,01 до 1,5 метра.

Посмотрим, каковы же были подземные богатства Донецкого Бассейна и его части, лежащей на территории Дона. По специальным подсчетам мировых запасов ископаемого угля, произведенным к XII. международному геологическому конгрессу в 1913 г. в Торенто (Канада), открытые до ныне угольные рессурсы земного шара равнялись 7,4 миллиардам метрических тонн. По 7 первым странам запасы располагалис так: С. Штаты — 3,838,657 м. т., Канада — 1,235,269 м. т., Китай — 996,795 м. т., Германия — 423,556 м. т., Россия (без Домбровского бассейна в Польше) 233,985 м. т., Англия с Ирландией — 189,533 м. т., Австралия с остров. — 170,380 м. т. По важнейшим же месторождениям России, запасы исчислялись в следующих размерах (в миллионах метрических тонн): Бассейн Иркутский — 150,000, Кавказский — 55,613, Кузнецкий — 20,000, Подмосковский — 1,578, Сахалин — 556, Кавказский — 284, Забайкальский — 200, Амурский — 188, Туркестанский — 157 и т. д. Таким образом, запасы Донецкого бассейна стояли на втором месте в ряду всех угольных богатств России, составляя приблизительно ¼ их, 33% запаса Австралии, около 30% Англии и 11% Германии. Из общей цифры запасов Бассейна на долю, лежащую в пределах Донской области, приходится 18,638 мил. тонн (1,097,462 мил. пуд.), что составляет около 10% запасов Англии с Ирландией, 23% Индии (79 мил. тонн), 32% Южной Африки (56,2 м. т.), 51% Колумбии, 93% Индо-Китая, и превышает запасы Франции (17,58 м. т.), Бельгии (11 м. т.), Испании (8,7 м. п.), Шпицбергена (8,7 м. т.), Японии (6,9 м. п.), Голландии (4,4 м. п.), Южной Америки (5,0 м. п.). А ведь по отношению к Донецкому бассейну произведенный для него подсчет является по выражению известного геолога Л. И. Лутугина только первым приближением к точному подсчету угольных запасов Бассейна.

Удельный вес угольных богатств наших Земель значительно увеличится, если мы вспомним, что 68% запасов Донецкого бассейна приходится на наиболее дорогой вид — антрацит, и лишь 32% на курные угли (бурых углей нет). Сравнив теперь с запасами России, получим такую таблицу (Мерцалов, Каменноугольная промышленность, 1925) в мил. тонн:

	каменных углей курных	каменных углей антрац.	бурых углей
Донецкий бассейн	18,014	37,599	—
Всего в Евр. России	18,324	37,599	1,595
Всего в Азиат. Рос.	66,034	1	107,844
Всего в России	84,358	37,600	109,439

Таким образом, Донецкий бассейн совершенно не имел породы менее ценной — бурых углей, содержал 21% русского запаса угля курного и больше 98% антрацита. Ввиду того, что точной цифрой запаса антрацита в пределах Донской области мы не располагаем, примем за нее ⅓ всего количества Донбасса (на самом деле она значительно больше, т. к. именно в пределах Донской области находятся главные антрацитные залежи), т. е. 12,533 мил. тонн. Сравнив эту цифру с предполагаемыми мировыми запасами антрацита, увидим, что наш запас антрацита значительно уступал лишь запасам Китая (378,649 м. т.), в меньшей мере Индо-Китая (20,002 м. т.) и С. Штатов (19,684 м. т.). Запасы Южной Африки (11,660 м. т.) лишь приближались к нашим; из других же стран никто в мире собственно не мог конкурировать с Дон. обл. Запасы Франции оценены лишь в 2,690 м. т., Канады — 1,483 м. т., Англии — 0,013 м. т., Австралии с островами — 0,560 м. т., Испании — 0,585 м. т., Голландии — 0,27 м. т., Южной Америки — 0,7 м. т. и т. д., в Германии же, Бельгии, Индии, Колумбии и на Шпицбергене антрацита нет совсем.

По запасам курных каменных углей запас Донской обл. (опять берем ⅓ от 18,014 м. т., т. е. 6 м. т.) составляет около 12,5% Англии с Ирландией (48,021), 66% Франции (9,058), 54% Бельгии (11,000), 99% Японии (6,234) и почти в 4 раза превосходит Испанию (1,590).

Таково наше место в мире, если его определить по количеству угольных богатств. Посмотрим теперь, как используются у нас угольные богатства по сравнению с добычей мировой. Несмотря на то, что донецкие угольные месторождения обнаружены уже очень давно, — эксплуатация их началась лишь во второй половине 18-го столетия (1789—94 гг.). Грушевский антрацит на ряду с углем Домбровского бассейна в Польше положил начало угольной промышленности России. Однако, до начала 70 гг. прошлого ст. о «каменноугольной промышленности» говорить можно лишь с натяжкой. По крайней мере, грушевский антрацит обслуживал лишь местное потребление. В связи с общей запоздалой и недостаточной индустриализацией страны и незначительностью рельсовой сети, это и понятно. В 70-ых годах добыча угля начинает расти, и за 1895—1913 гг. по темпу роста русская угольная промышленность заслугами Донецкого бассейна обгоняет и старые (Англия, Франция) и молодые капиталистические страны (Соед. Штаты, Германия).

Сильным конкурентом углю Донецкого бассейна в 80-х гг. выступила бакинская нефть. Каспийский флот, пароходство на Волге, жел. дороги и промышленность Кавказа перешли на нефть. При дешевизне водной доставки по Волге, нефть, например, в Нижнем Новгороде стоила дешевле донецкого угля. Однако, с 1901 г., когда старобакинская нефтяная площадь стала истощаться, добыча падать, а продукт сильно повышаться в цене, донецкий уголь стал быстро восстановлять потерянное положение, завоевав прежние рынки. В 1904—1912 гг. цена донецкого угля на копях не поднималась выше 9 копеек за пуд, что соответствует по теплопроизводительности цене нефти в 15 коп. за пуд, тогда как цена нефти стояла выше 15 коп. (в 1911 г. — 24 коп., в 1912 — 36 коп.).

То же наблюдалось и с дровами: в связи с опустошением лесов в промышленных районах и удорожанием гужевого подвоза к рельсовым и водным путям, цена 1 куб. сажени дров стояла значительно выше 10 руб., в то время, как равное по теплопроизводительности количество угля (110 пуд. угля = 1 куб. саж. дров) стоило 9 руб. 90 коп. Правда, завоевание новых потребителей донецкого топлива путем низких цен обусловливала невысокую прибыльность донецких копей в период 1910—11 гг. Развитие южной металлургии и свеклосахарного производства в юго-западном районе, как и проведение новых жел.-дор. линий, создавших спрос на донецкий уголь в самых отдаленных районах России, давали все новые и новые стимулы к развитию угольной промышленности Донецкого Бассейна.

Война сказалась главным образом на расширении добычи угля в районах, уголь которых имел местное значение и усилении угольной промышленности Донецкого Бассейна путем не интенсивного, но экстенсивного развития. Благодаря высоким ценам и повышенной прибыльности эксплуатации был привлечен в значительной мере мелкий капитал, открывший ряд новых мелких предприятий на так называемых «крестьянских» шахтах. Этому же содействовало и освобождение владельцев и руководителей таких новых предприятий от призыва в ряды армии.

На крупных предприятиях увеличение добычи происходило благодаря росту числа рабочих (в 1913 году — 168.000 чел; в 1916 г. — 243.000; в Чехословакии же в 1927 г. в угольной промышленности было занято 104.000 чел.), из военноплен-

ных и выписанных специально китайцев (отсюда и появились эти неожиданные участники большевицкой войны) и персов. Однако, ослабление мобилизацией кадра квалифицированных рабочих и недостаточное пополнение технических средств понизили сильно качество донецкого угля (масса угольной мелочи). Гражданская война принесла полное разрушение уже и без того обветшалого оборудования шахт и отлив рабочих, и свела добычу Донбасса к небольшой цифре 260,000.000 п. (1920 г.).

По исчислениям горного инженера Штединга для восстановления в это время нашей угольной промышленности понадобилось бы 100,000.000 руб., столь основательно была она разрушена. Перед Генуэзской конференцией в 1921 году Советское правительство расчитывало на привлечение для восстановления угольной промышленности итальянского и английского капиталов. Всю крайнюю восточную часть Донбасса, весь Белокалитвенский район и заводы Сулинский, Керченский и Таганрогский предполагалось передать в концессионное пользование. Как известно, из этого ничего не вышло, теперь же вопрос о концессиях не стоит актуально, так как их никто не берет.

Рост производительности Донбасса характеризуется следующими цифрами (в мил. пудов): 1860 года — 6; 1870 г. — 15,6; 1880 г. — 86,4; 1890 г. — 183,3; 1900 г. — 671,7; 1910 г. — 1018,8; 1911 г. — 1217,6; 1912 г. — 1380; 1913 г. — 1531; 1914 г. — 1671; 1915 г. — 1709; 1916 г. — 1751; 1917 г. — 1510,6; 1918 г. — 551,7; 1919 г. — 295; 1920 г. — 260; 1921-22 гг. — 405,9; 1922-23 гг. — 545. Выделяя из этих величин ⅓, кругло приходящуюся на Донскую область, и сравнивая эту часть с добычей России, а потом разбив добычу 1913 года по сортам угля, получим такую таблицу (в мил. пуд.):

	за годы			общерус. доб.	добыча 1913 г. по статистике		
	1860-64	1895-99	1913	в %	кам. уголь	антрацит	бурый уголь
	в процентах			1913 г.	каменноугольная		
Донская область	2,4	136,6	514,7	29,0	414,09	70,5	—
Подмосков. бас.	1,2	11,1	18,0	1,0	6,7	—	11,6
Урал	0,6	21,4	73,0	4,1	61,4	0,2	11,8
Туркестан	—	0,5	8,0	0,4	8,4	—	—
Кавказ	0,1	1,7	4,0	0,2	4,3	—	—
Кузнец. бас.	0,4	1,9	52,0	2,9	—	—	—
Черемхов. бас.	—	—	35,0	2,0	—	—	—
Прочие	0,3	2,6	38,0	2,1	—	—	—

Цифры эти уже сами говорят за себя и не нуждаются ни в каких комментариях.

Определим теперь место добычи Донской области в добыче мировой. По абсолютной величине добычи, место, занимаемое Доном тут, конечно, не из первых, так как вся то угольная добыча России составляла лишь 2,11% добычи мировой (1913 г.), но зато при сравнении с добычей отдельных стран, проценты приходящиеся на Донскую область часто достигают большой величины: в то время, как по отношению к Соединенным Штатам, добыча в Донской области составляла лишь 1,7%, Англии — 2,9%, Германии — 3,3%, Австрии — 18,8% (1913 года), по отношению к добыче Франции она уже достигает 20,3%, Бельгии — 36,8%, Японии — 37,1%, Индии — 50,6%, Австралии — 67.5%, Венгрии — 81%, добычу же Испании превосходит в два раза, Голландии превосходит в 4 раза, Турции — в 10 раз, Италии — в 11 раз, Швеции и Болгарии — в 20 раз, а сравнивать с цифрами Сербии, Румынии (в прежних границах), Португалии, или Швейцарии — и вообще не приходится.

Интересно, что Донбасс эксплуатировался совершенно не сообразно природным условиям: в то время, как более двух третей всех его угольных запасов составлял запас антрацита, добыча его составляла лишь 19% всей добычи угля. Несмотря на то, что разработка бассейна началась именно с антрацита и первыми стали разрабатываться антрацитовые месторождения Грушевского района, добыча его за период 1881—90 гг. все время падала в проц. отношении ко всей добыче: 1881-90 гг. — 26% (33,4 мил. пуд. из 128,5 м. п.), 1891-1900 гг. — 17% (53,3 м. п. из 367,7 м. п.), 1901-10 гг. — 13% (111,7 м. п. из 878,4 м. п.). Причина данного явления лежала в том, что крупнейшие потребители Донецкого топлива, железные дороги, пред'являли спрос не на антрацит, а на пламенные и спекающиеся угли. Сообразуясь с этим, иностранный капитал занялся разработкой лишь коксующихся углей, оставив антрацитовую промышленность среднему и мелкому капиталу, работавшему достаточно примитивным способом. Лишь с 1907 года рост потребления антрацита газогенераторными фабриками Московского района, отказавшегося от дорогой нефти, и развитие центрального отопления в больших городах, начали поощрять увеличение добычи антрацита. Надлежащее использование именно антрацитовых залежей подняло бы еще больше удельный вес Донбасса.

По качествам угля добыча Донбасса в 1913 году распределялась так: пламенный уголь — 22,9%, коксовый — 58,6%, кузнечный — 9,6%, газовый — 5,6%, тощий — 3,3%.

Весь Донбасс состоит из ряда обособленных горнопромышленных районов. Из них в пределах Донской области лежит ряд дающих подавляющее количество антрацита Донбасса. Таковыми районами были, например, Боково-Хрустальский, давший в 1913 году 90,000.000 пудов антрацита (или 35,1% всей добычи), Грушевско-Власовский — 74 мил. п. (28,8%), Должанский — 38 м. п. (14,7%), Чистяковский — 33 м. п. (13%), Бело-Калитвенский — 0,8 м. п. (0,3%). Последний, впрочем, как и районы Макеево-Моспинский и Гундоровский, носили уже характер районов не антрацитовых, но угольных.

Перед войной началось заметное оживление в области производства брикетного, причем было приступлено к производству брикет из антрацита. Все же, в общем, слабое развитие брикетного производства Донбасса стояло в связи с малой разработкой тощих углей, при добыче которых получается большое количество пригодной для брикетирования мелочи. Наши брикеты потреблялись преимущественно для нужд железной дороги и флота. Вопрос о создании достаточно сильного брикетного производства станет в свое время на повестку дня, так как спрос на брикеты все время растет, благодаря их большей, в сравнении с углем, теплопроизводительности (экономия в десять процентов) и удобству для хранения и образования запасов.

Не менее важным является и получение побочных продуктов коксования, быстро развивавшееся у нас перед войной: смолы, амиака, бензола и т. д. Массовое производство продуктов коксования удешевило бы стоимость и самого кокса, что имело бы большое значение, не только для развития нашей металлургии, но и для создания собственной сильной химической промышленности. Как известно, химическая промышленность Германии, дававшая перед войной до ¾ мирового производства химических и красочных продуктов, в значительной степени обязана своим развитием умелому и всестороннему использованию подобных продуктов коксования. У нас же получение этих продуктов было ничтожно: в 1914 г. каменноугольной смолы добыто лишь 2,9 мил. п., а 25%-ой аммиачной воды — 1,2 мил. п. Приходилось прибегать ко ввозу их заграницу до 220.000 т. п. бензола, 195.000 п. пеку и т. д. Выжигание кокса сосредоточивалось у нас на каменноугольных копях и металлургических заводах. Из общего количества добываемого в Донской области угля, на кокс шло около 29%.

Посмотрим теперь, как была организована наша угольная промышленность. Неравномерное залегание угольных пластов затрудняет сосредоточение добычи в небольшом числе пунктов, и требует заложения большего числа шахт с относительно меньшей производительностью. Так, в то время, как в Вестфалии производительность одной шахты достигала 7 мил. пуд., у нас она в среднем равнялась 3,1 мил. пуд. По той же причине наши каменноугольные предприятия были вынуждены приобретать или заарендовывать громадные площади: в 1912 г. средняя площадь одного из группы 138 более или менее крупных предприятий составляла 1314 десятин; эти крупные же предприятия и давали $^4/_5$ (более 5 мил. пуд. в год) добычи всего Донбасса. Более половины угольной площади принадлежало к Войсковым Землям, однако, шахты на Войсковых Землях давали лишь ¼ добычи; больше ½ добывалось на землях частновладельческих и до $^1/_5$ на землях крестьянских.

Приблизительно на $^2/_3$ добыча Донбасса была сконцентрирована в руках акционерного капитала, производство кокса на 96%, значение единоличного владения было велико лишь в антрацитовой промышленности. Процесс концентрации обозначался весьма ясно, и в 1912 году 81,9% всего вывезенного угля приходилось на крупных отправителей.

Процесс концентрации, усиленный приливом иностранного капитала, сопровождался техническими улучшениями. Все же в целом оборудована была угольная промышленность весьма отстало. Отбойка производилась обычно в ручную — кирками и кайлами, реже порохом и динамитом. Применение врубовых машин было незначительно: во всем Донбассе к 1914 году таких машин было лишь 125, да и то их использование было больше в стадии опыта.

Мытый уголь (для уменьшения зольности) получался лишь в самых крупных предприятиях, количество мытого антрацита равнялось лишь 0,25% его добычи, за последние довоенные годы стала развиваться сортировка угля, однако, несортированный уголь составлял еще 38—39% (в Германии уже в 90 гг. — лишь 3%).

Средняя себестоимость рядового угля составляла в 1913 г. 8,97 коп. за пуд, в Соединенных Штатах уже 4,62 коп., Англии — 6,84 коп., Германии — 8 коп., Бельгии — 10,23 коп. Низкая себестоимость американского угля, как и высокая производительность американских рабочих, об'ясняется применением машин. Относительная дороговизна рабочих рук в Донской области была связана с их недостатком, задерживавшим развитие промышленности: в прежние времена углепромышленный район был заселен слабо, приходилось пользоваться услугами пришлых рабочих из центральных районов России, прилив которых зависел от урожая или недорода данного года. Преобладание пришлого «кочующего» элемента сохранилось и в позднейшее время. В связи с этим, одной из трудных организационных проблем нашей угольной промышленности был вопрос о рабочих квартирах. На него обращалось в целях удержания ра-

бочих много внимания. Строились целые специальные поселки с больницами, школами, церквами и т. д., но благодаря наличию в Донской области 60.000 рудокопов (опять таки берем ⅓ количества всего Донбасса), а с семьями даже 180.000-го рудничного населения, вопрос не терял остроты. Недостаток необходимых кадров постоянных профессиональных шахтеров снижал и без того низкую среднюю производительность рабочего за год (в 1912 году) Донбасс — 8965 п. (для антрацита даже 7168); в Бельгии же — 9610 п., во Франции — 12.400, Англии — 15.128, Германии — 16.678, Соед. Штатах — 40.920 п.(!).

Размеры основных капиталов, вложенных в угольную промышленность Донской области, исчисляются кругло в 200 мил. рублей. Большое значение в промышленности всего Донбасса играл иностранный капитал. По данным Сирина, на него приходилось 46%, по позднейшим данным советским — иностранный капитал превалировал. Среди иностранных капиталов первое место занимал французский (⅔ всего иностр. капитала, или, по Сирину, 26% всех основных капиталов), далее следовал бельгийский (18% или 14%). Около 6% основных капиталов приходилось на долю англичан и швейцарцев. Германский и итальянский капиталы принимали малое участие. Бельгийско-французский капитал сосредоточивался на разработке собственно-каменного (курного) угля, ему принадлежали крупнейшие месторождения коксующихся углей, на которых базировалась местная металлургия. В разработке антрацитовых залежей он участия не принимал. По времени проникновения французско-бельгийский капитал был старейшим, он собственно и создал здесь в 80 гг. металлургическую промышленность. Швейцарский капитал принимал на 33% участие и в антрацитовой промышленности; исключительно в последнюю был вложен капитал английский. — более молодого происхождения, но зато наиболее для нас важный. В общем угольная промышленность Донской области работала с преобладанием русского капитала (до ⅔), который особенно доминировал в средних и мелких предприятиях, в то время, как иностранный шел в крупные.

Нам остается еще рассмотреть рыночное потребление Донецкого топлива и движение угольных грузов. Главная масса угля шла на нужды промышленности, что видно из следующих цифр потребления за 1913 г. (в мил. пуд.) металлургические заводы — 266,9, передельные — 42,1, сахарные — 62,2, соляные — 6,5, газовые — 5,2, прочие фабрики — 135.8, всего на фабрики и заводы, таким образом, 518.7; железные дороги — 300,9, города и прочие потребители — 311. В числе последней группы потребителей выдающиеся роли играли Ростов с Нахичеванью — 31 мил. пуд., Новочеркасск — 4,9 м. или Таганрог — 6,1 м. п. По данным 1913 года около ¾ всего добытого донецкого топлива поступило на рынок, 7,27% было израсходовано на собственные нужды копий, 19,1% пошло на коксование и 0,09% — на брикетирование. Наибольшее в процентном отношении количество рыночного продукта давал антрацит — до 94%. Главными рынками донецкого топлива являлись районы расположенные по железным дорогам, прорезывавшим горнопромышленный юг бывшей России: Екатерининской, Сев.-Донецкой, Южным и Юго-восточным; сюда же относится побережье Черного и Азовского морей. Главная масса отправок угля приходится на Екатерининскую железную дорогу — 317,4 мил. пуд. и юго-восточный — 78,4 м. п. Распределение угля внутри Казачьих Земель видно из следующей таблицы жел.-дор. перевозок за 1914 год (в мил. пуд.):

	отправл.	назнач.	прев. отпр.+ или назн.—
Астраханская	—	0,102	— 0,102
Донская . . .	394,4	92,083	+ 302,3
Кубанская . .	—	14,755	+ 14,755
Ставропольская	—	1,896	— 1,79
Терская . . .	—	4,877	— 4,88
Черноморская	—	1,307	— 1,3
Всего	394,4	114,920	+ 279,53

Таким образом местное наше потребление угля составляло в 1914 г. почти 115 мил. пудов (в этом году в Донской области добыто кругло 500 м. п.), вывезено из пределов Казачьих Земель 279,53 м. п. Стоимость этого вывоза превышала 22 м. рублей. Народохозяйственное значение угольной промышленности этой цифрой для нас, впрочем, не определяется: нельзя забывать, что около половины стоимости производства, составляющей больше 20 мил. рублей падало на заработную плату рабочих и служащих, т. е., тоже составляла доход местного населения; кроме того угольные грузы стояли для железных дорог на втором месте после хлебных. Из отдельных местных центров по полученным угольных грузов выделяются: Ростов (30,7 м. п.), Таганрог (24,9 м. п.), Мушкатово (6,4 м. п.), Екатеринодар (3,38 м. п.), Новочеркасск (4,36 м. п.) и Тихорецкая (3,2 м. п.).

Заграницу донецкого топлива поступало очень мало, как и вообще был слабо развит экспорт угля из всей империи.

Главным предметом угольного экспорта был антрацит, добыча которого, как мы видели, не получила должного развития, и была сосредоточена по преимуществу в мелких предприятиях со слишком скромными финансовыми средствами. Не удивительно, что экспорт антрацита из всей России составлял в 1911-13 гг. лишь 0,4% его добычи или 8,2 м. п. В то же время импорт угля в район Черноморского и Азовского побережья выражался в несравненно больших цифрах. За 1883-85 гг. сюда ввозилось ежегодно более 18 мил.

пуд. английского угля; с установлением высокой пошлины импорт пал в 1891-93 гг. до 4,9 мил. пудов, в 1900 г. не превышал ½ мил. пуд., но в годы промышленного под'ема, когда добычи Донбасса не хватало, опять возрастал, дойдя в 1913 году до 18,7 мил. пудов В 1912 году из всего Донбасса заграницу поступило 9,97 мил. пуд.; сколько из этой цифры приходится на долю Донской области, установить не представляется возможным, во всяком случае вывоз антрацита (1,43 м. п.), можно смело отнести полностью на долю Донской области. Шел этот антрацит главным образом в Турцию (1,3 мил. пуд.), Румынию (0,43 мил. пуд.), и немного в Болгарию (0,019 мил. пуд.).

Развитие в будущем экспорта нашего угля, особенно антрацита, явится одной из насущных задачь нашего народного хозяйства. Связанные с ним перспективы не являются областью фантазий и радужных пожеланий, но опираются на многочисленные об'ективные данные. Дело в том, что современные цены на английское каменноугольное топливо в два раза выше довоенных, в то время, как благодаря ослаблению внутреннего спроса цена Донецкого угля должна будет снизиться. Цена отборного антрацитового орешка на копях Донбасса стояла в довоенное время на уровне 9—11 коп., в Свансн (английский порт) борт парохода — 19—20 коп. Прибавляя к нашим ценам 3 коп. за доставку с копий до, напр., Мариуполя, 1¾ коп., накладных расходов и портовых сборов за нагрузку (рассчет «Совета С'ездов горнопромышленников юга России» получаем цены в Мариуполе на борту парохода 13,25—15,25 копеек. Морские же фрахты из Мариуполя в Геную или например в Марсель были при нормальных довоенных условиях приблизительно те же, что и из Свансижда или Кардифа. Напрашивающиеся уже и при таких данных выводы ясны, несмотря на то, что близость портов Средиземного моря к нашему угольному району в сравнении с расстоянием до английских вывозящих уголь портов, остались при этом не использованной: Мариуполь—Константинополь — 549, от Ньюкестеля же (Англия) до Костантинополя — 3346 миль; от Мариуполя до Генуи — 1865 миль, от Ньюкестля до Генуи — 2391 миля.

Емкость рынков бассейна Средиземного моря определялась до войны кругло в 1 миллиард пудов ввозного каменноугольного топлива, в том числе Италия ввозила до 700 мил. пудов (антрацита26—37 мил. пуд.). Наилучшим местом для ввоза донецкого антрацита, где он может легко конкурировать с английским горючим, специалисты считают Венецию. Всякое выступление нашего топлива на иностранных рынках будет радостно встречено тамошними потребителями, ибо избавит их от зависимости от теперешних монополистов. Это касается не только районов ближнего востока, но и других, до западного берега Италии и южного побережья Франции включительно.

Учреждение торговых заграничных агентств, систематическое обследование заграничных рынков, устройство складов и переорганизация разрушенной революцией угольной промышленности из внутри, является необходимым экономическим условием для проведения в жизнь подобных широких перспектив и исполнение того, на что смело могут претендовать угольные богатства Дона, а тем и Казачьи Земли в целом.

VI. Торговля и транспорт.

Описанные в предыдущих главах отрасли народного хозяйства Казачьих Земель, составляют производительную сторону их хозяйственной жизни — торговой деятельности.

При рассмотрении различных видов сельского хозяйства и промышленности мы одновременно рассматривали и меновой оборот в соответствующих продуктах. Теперь остается поэтому лишь подвести итоги, сделать обобщающий обзор и выделить наиболее интересную сторону торговли — обороты с заграницей.

Статистика внутренней торговли Казачьих Земель еще менее точна и более устарела, чем статистика промышленности. Последнее общее обследование, опубликованное Министерством Торговли и Промышленности в 1908 г., основано на данных 1900 года (!). Поэтому и мы, имея возможность по ряду вопросов данные дополнить, положим в основу характеристики нашей торговли именно эти застарелые сведения, группируя их в следующую таблицу торговых предприятий и их оборотов:

	земл. раст. прод.	продукты живот.	лес. мат. и дер. изд.	минер. прод. и мет. изд.
Астраханская	332	638	208	151
Донская	724	513	248	571
Кубанская	835	372	223	254
Ставропольская	593	217	143	190
Терская	226	194	49	145
Черноморская	67	27	8	19
Всего торг. зав.	2.777	1.961	879	1.330
Оборот по 6 обл. в мил. руб.	139.952	47.074	15.682	43.407

	мануфакт. галлантер.	литейно-трак. промысел	смеш. гр.	всего
Астраханская	773	853	2.002	4.957
Донская	2.178	1.733	4.392	10.359
Кубанская	656	839	4.905	8.551
Ставропольская	594	859	1.382	3.958
Терская	998	128	2.592	5.063
Черноморская	92	5.718	261	602
Всего торг. зав.	5.291	—	15.534	33.490
Оборот по 6 обл. в мил. руб.	84.742	41.842	82.501	461.200

По отношению к оборотам русской внутренней торговли наш оборот составлял около 7,7%, повышаясь для продуктов земледелия до 12% и для продуктов животноводства до 9%. В связи с тем, что хозяйственная жизнь Казачьих Земель базируется на сельском хозяйстве, главным предметом товарообмена у нас являются именно его продукты.

По размерам оборотов торговли на одну душу населения, наши Земли превосходили Европейскую Россию. В то время, как в Европейской России торговый оборот на одного жителя составлял 53,87 рублей, для Астраханской губернии он равнялся 92,33 руб., для Донской области 75,97 руб., для Кубани 46,76 руб., Ставропольской губ. 31,82 руб., Терской обл. 28,41 руб., Черноморской губ. 355,10 руб., в среднем для 6 областей 62,49 рубля.

По размерам оборотов на одно предприятие нормы Казачьих Земель также превосходили соответствующие цифры для Европейской России (13,7 тыс. руб. — 12,6 тыс. руб.). Исключительное место по оборотам на одно торговое заведение занимала Черноморская губ. (35,4 тыс. руб.); далее шли Астраханская губерния и Дон (19,3 и 19,2 тыс. руб.).

По количеству торговых заведений на первом месте, как видно из таблицы, стояла Донская область; она же была на первом месте и по общему торговому обороту (197,6 мил. руб.); на втором месте по итогам торговли была Астраханская губ. (95,4 мил. руб.), далее шла Кубань (91,5 мил. руб.). Все эти цифры, повторяем, очень устарели. На Кубани, например, в 1914 году обороты внутренней торговли достигли уже 230,4 мил. руб. (наибольше в Лабинском отделе — 56,7 мил. руб.), а количество лиц, занимавшихся торговлей 19,4 тыс. чел. Из последнего числа на казаков приходилось лишь 2254 чел.

О географическом распределении товарообмена довольно точное представление дает картина жел.-дор. перевозок, к данным которых мы уже неоднократно прибегали. Первое место у нас здесь занимали хлебные и мучные грузы, что подтверждает значение для Казачьих Земель торговли земледельческими продуктами. Следующее место занимала перевозка каменного угля. В связи с значительной культурой растений и развитием маслобойного производства, большие размеры приобрела перевозка растительных масел.

Передвижение остальных жел.-дор. грузов являлось более или менее связанным с определенными районами, и торговые обороты у них были уже распределены по областям не столь равномерно. Сюда относится торговля нефтью, цементом, вывоз из Астраханской губ. соли, ввоз железа и железных изделий, торговля машинами, особенно сельско-хозяйственными, обороты в продуктах животноводства, вывоз рыбы и общий для всех областей ввоз сахара и мануфактуры. По ввозу и распределению последней, особенно выдающуюся роль играл Ростов, бывший в то же время самым крупным торговым центром Казачьих Земель с годовым оборотом в 92,21 мил. рублей. На втором месте по торговому обороту стояла Астрахань 58,16 мил. руб. Далее шли Таганрог 30,2 мил. руб. и Новороссийск 20,3 мил. руб. Из других торговых центров, назовем лишь наиболее крупные: Екатеринодар с годовым оборотом 17 мил. руб., Армавир 15,95 мил. руб., Ейск 12,88 мил. руб., Новочеркасск 6,3 мил. руб., Ставрополь 6,03 мил. руб., Нахичевань 5,51 мил. руб., и Азов 3,37 мил. руб.

География товарообмена наших Земель стоит в тесной связи с путями сообщения и средствами торгового транспорта, о которых мы скажем теперь несколько слов, прежде чем перейти к внешней торговле.

К сожалению, дорожный вопрос это Ахиллесова пята народного хозяйства Казачьих Земель. Если мы возьмем, напр., жел.-дорожный транспорт, то здесь уже прямо проглядывает известная обделенность Казачьих Земель в сравнении со всей прежней Европейской Россией. В то время, как по Европейской России на 1000 кв. верст приходилось 10,7 верст жел.-дорожной колеи, в Астраханской губ. ее имелось лишь 2,6 версты, в Черномории 2 версты, в Ставропольской губ. 4 версты, на Тереке 7,1 вер., на Кубани 10,1 версты и на Дону 13,1 версты.

(В среднем, в Европе 35; в Великобритании — 120, Германии — 118, Бельгии —299, в Европейской Турции — 12, Италии — 61, Швейцарии — 117,)

Кроме территории Донской обл. густота жел.-

дорожной сети у нас была таким образом ниже средне-русской. Несколько лучше обстояло дело по расчету на один мил. жителей: Европейская Россия — 36,6 версты, Дон — 54 версты, Ставропольская губ. — 15 верст, Кубань — 32,3 версты, Терек — 38,3 версты, Черноморская губ. — 11,2 версты, Астраханская губ. — 43,7 версты. Под обоими углами зрения бросается в глаза ничтожная обеспеченность железно-дорожною сетью Ставропольской губернии, отрезанной к тому же от восточных морей и не имеющей на своей территории судоходных рек.

На первом месте по развитию жел.-дорожной сети стояла Донская область. Длина жел.-дорожной линии составляла у ней 2100 верст из 4250 верст, проложенных всего в Казачьих Землях. Кубань — 994 версты, Терек — 464 в., Ставропольская губ. — 192 в., Черноморская губ. — 17 в., Астраханская губ. — 573 в.

В пределах Донской Области проходило 1010 верст Юго-восточных железных дорог, имеющих значение для вывоза и игравших роль распределительной магистрали для продуктов ввозимых. В Донской же области лежала и Екатерининская железная дорога, длиною в 430 верст. Ассортимент ввозимых по этой линии товаров, был весьма разнообразен, вывозились же, главным образом, каменный уголь и железо на внутренние русские рынки. Главной железно-дорожной артерией для всех Казачьих Земель являлась Владикавказская железная дорога, протяжением на нашей территории в 2485 верст. Своими многочисленными ветвями эта дорога соединяла почти все наши главнейшие хозяйственные районы, играя большую роль по ввозу товаров и имея первостепенное значение для экспорта. Ее направление на Новороссийск связывало Казачьи Земли с заграницей. Более местный характер носили железные дороги: Астраханская — 422 в. и Баскунчакская — 60 в., специализировавшиеся на перевозке соли. Протяжение Черноморско-Кубанской железной дороги равнялось 390 в., Армавир-Туапсинской 632 в. Последняя вместе с Ейской железной дорогой имеют также значение для экспорта, так как соединяют производительные районы с морским побережьем. Из перечисленных железно-дорожных линий, Екатерининская и Баскунчакская принадлежали казне, а остальные частным обществам.

Большой интерес представляет по своей организационно-правовой структуре Черноморско-Кубанская железная дорога. Ее часто называли «первой кооперативной железной дорогой в мире». Это было некоторым преувеличением, так как таковое место в истории кооперации уже раньше было отведено кооперативной железной дороге в итальянской провинции Реджио Эмилия; да и принципы кооперации у нас соблюдены были не совсем строго. Все же применение кооперативных начал в таком сложном деле, как постройка железной дороги может составлять справедливую гордость Казачьих Земель. Черноморско-Кубанская же железная дорога останется навсегда редким для всего света примером кооперативного строительства в качестве второй кооперативной железной дороги мира.

Необходимое количество подвижного железно-дорожного состава для обслуживания Казачьих Земель было определено специалистами в «комитете экон. восстановления юго-востока России» («при Об'единенном Совете Дона, Кубани и Терека» в 1921 году в Константинополе). В 1400 паровозов, 1450 классных вагонов, и 67.000 вагонов товарных.

В оценке продолжительных и отрицательных условий транспорта, решающее значение имеют вертикальный и горизонтальный разрезы местности. Всякое небольшое повышение местности между двумя пунктами, делает их фактически более отдаленными друг от друга. Террен Казачьих Земель в целом ровен. Те горы, которые могли бы стать существенными препятствиями для развития сухопутного транспорта, отмечают только юг Кубани, Терскую обл., да полосу Черноморской губ. Однако здесь приходит на помощь выгодная горизонтальная расчлененность нашего горного кряжа: в то время, как основной хребет Кавказских гор лежит почти по параллели, северное предгорье в большинстве случаев слагается из цепочек, направленных приблизительно по меридианам. Этот факт делает легким «вход» в горы и сводит на нет могшее здесь быть препятствие для развития жел.-дорожного транспорта. Технические трудности для развития железно-дорожной сети могут представлять еще и плавни на берегах Азовского и отчасти Черного моря (Таманский полуостров), где Кубанцы имели уже опыт при постройке Черноморско-Кубанской железной дороги (провалы насыпи у станции «Живило»). Но, повторяем, эти трудности чисто технического характера. В массе же террен Казачьих Земель представляет самые широкие перспективы для развития железно-дорожного транспорта.

Тем разительнее выступает его слабость, если приведенные раньше цифры сравнить с величинами, характеризующими густоту железно-дорожной сети других стран. В то время, как на Дону на 10.000 жителей приходится ½ версты жел.-дор. колеи, в Германии 7,2 мили, во Франции 7,7 мили, в Швеции 16,1 мили, в Соед. Штатах 24,8 мили, в Канаде 46,5 мили и т. д. И даже в маленькой Болгарии в 6 раз больше, чем у нас — 3,3 мили. Гордиться своей железно-дорожной сетью, мы можем лишь перед Китаем! (0,2 мили).

А между тем с железными дорогами дело не обстояло так плохо, как обстояло у нас с дорогами грунтовыми и шоссе. Протяжение первых, бывших

в ведении министерства путей сообщения, или министерства внутренних дел, доходило до 107,7 тысяч верст. (89,3 тыс. в. — Дон, 9,8 тыс. в. — Терек, 5,1 тыс. в. — Астраханская губ., 3,3 тыс. в — Ставропольская губ., 0,1 тыс. в. Черноморская г.), что впрочем дает не полное представление, так как на Кубани таких дорог почти не было. Но главное то, что учет даже и этих «опекаемых» дорог вообще теряет смысл, если вспомнить, что между ноябрем и мартом эти «дороги» представляют по существу море невылазной грязи.

О каком непрерывном хозяйственном использовании грунтовых дорог может быть речь, если при последнем отступлении вслед за переходом у Екатеринодара моста, через Кубань пришлось сейчас же начинать бросать не только военные подводы, но и орудия, за невозможностью сдвинуть их с места по этим «дорогам».

Цифры мощеных и шоссированных дорог, не включающие впрочем ряда дорог бывших в ведении Военного Министерства (например Военно-Сухумская, Военно-Осетинская), все же более характеризует возможности нашего колесного транспорта. Таковых дорог в Казачьих Землях имелось 823 версты, в то время, как в маленькой Бельгии их протяжение равнялось 24.500 кил., Швеции 59.000 кил., во Франции 563.000 километров. Если из этих 823 верст отбросить 600 верст первоклассного шоссе по Черноморскому побережью, ставшим жизненным нервом этого края, то тогда цифры протяжения шоссированных дорог в других областях могут вызвать лишь грустную улыбку: Астраханская губ. — 5,3 в., Дон — 10,5 в., Терек — 41,5 в., Ставропольская губ. — 59,2 в., Кубань — 105,4 в. (Майкоп-Туапсе).

При территориальных размерах наших Земель и масштабах их народного хозяйства это означает собственно полное отсутствие колесных дорог в настоящем смысле этого слова.

Следующим видом этого транспорта является транспорт водный по речным путям и морской.

В отношении движения торговых грузов наши реки можно разделить на два рода: исключительно сплавные и судоходные. Общее протяжение первых равно приблизительно 2,7 тыс. верст, из чего 1447 верст приходится на Кубанскую обл., 261 в. на Астраханскую губ., 230 в. на Донскую обл., и 147 в. на Терскую.

Значение этих рек второстепенное и развитие нашего водного транспорта приходится оценивать, принимая во внимание главным образом реки судоходные. Главной по длине судоходной артерией Казачьих Земель является Дон. Последний судоходен в пределах Донской обл. на протяжении 725 в., судоходны, также нижние части впадающих в него Донца и Хопра. Навигация по Дону была развита сильно. В 1912 г. по нему перевезено 31 мил. пуд. грузов на сумму 34 мил. руб. Плавало здесь всего 53 парохода, из них 38 буксирных и 15 товаро-пассажирских. Число парусных судов доходило до 230. Главная часть перевезенных грузов приходится на баржи (20,9 мил. пуд.), число которых доходило до 215. Количество сплавленных в 1912 г. по Дону плотов равнялось 870.

На втором месте по длине судоходной линии стоит Волга, протяжение которой от Царицына до Астрахани равно 450 в. Значение Волги исключительно, как в отношении ввоза продуктов, так и для вывоза их на север, в Россию. Для продуктов Астраханских рыбных промыслов, Баскунчакской соли и Грозненской нефти, Волга являлась совершенно незаменимым путем на север. Охарактеризовать размеры Волжского судоходства было бы трудно, так как пока не представляется возможным выделить статистически ту его часть, которая обслуживала именно Казачьи Земли. Скажем только, что в рамках Империи Волжский флот стоял на первом месте по тоннажу речных судов. Значение Волги тем более велико, что отмечавшееся неоднократно экономистами тяготение известной части Волжского бассейна к Приазовью — несомненно. Комбинация водного пути Волга-Дон-Каспийское море, в случае осуществления проекта соединительного канала, могла бы не только изменить всю географию товарообмена окружающих районов, но и отразиться на направлении путей из стран бассейна Средиземного моря на восток.

На третьем месте по своему значению стоит судоходство на Кубани, значительно уступавшее первым двум. Кубань судоходна на протяжении 214 верст от Темрюка до Екатеринодара. Впрочем грузовые пароходы для перевозки леса и других грузов иногда ходили и выше Екатеринодара. Лет 40—50 тому назад пароходы ходили до станицы Тифлисской, а один пароход прошел по реке Лабе до станицы Тентинской (Апостолов «Кубань»). Использование Кубани для выхода в море было бы без искусственных мероприятий затруднительно, ввиду образования больших мелей и наносов у устья (река выносит ежегодно до 3-х мил. куб. м. твердых частей). Такого рода препятствие не является однако непреодолимым, Кубань сможет явиться в будущем весьма удобным продолжением водного морского пути до внутренних частей Кубанской области. Судоходство было возможно на Кубани почти в течении 10 месяцев в году. Грузооборот Кубанью составлял в 1912 году 25,6 мил. пудов. Водный флот Кубани состоял из 13 пароходов (5 товаро-пассажирских и 8 буксирных) и 300 барж и парусных судов.

Судоходная на протяжении 100 верст — до станицы Гривенской — была в Кубанской обл. и река Протока.

Грузооборот главнейших речных портов Казачьих Земель составлял в 1919 году для Астра-

хани 62 мил. пудов, Царицына — 103 мил. пуд. и для Ростова — 34 мил. пудов.

Морской транспорт доступен для Казачьих Земель на протяжении 1300 верст береговой линии. 600 верст последней приходится на побережье Азовского моря и по 350 верст на моря Каспийское и Черное. Азовское море очень мелководно, и его наибольшая глубина равна 7 саженям, зимой оно замерзает на большие пространства от берегов, а в особенно суровые зимы даже сплошь. Во всяком случае навигация прекращается ежегодно минимум на три месяца. В связи с большой мелководностью Керченского пролива, крупные океанские судна в Азовское море входить не могут. Все Азовские восточные порты характеризуются условиями мелких заливов. Рейды, т. е. места, где суда дожидаются нагрузки, иногда отстоят от порта на многие версты: в Таганроге больше 20 верст, из Ростова паровые суда идут до рейда 10 часов. Осенью восточные ветры отгоняют воду от Ростова и Таганрога на целые версты, так что всякая погрузка прекращается, как это было, напр., в урожайный 1909 г. Это однако не мешает быть Азовскому морю в торговом отношении очень оживленным. Непосредственно перед войной в 1914 году только через Ейск, Ахтари и Темрюк прошло 3500 судов, что дало грузооборот в 28 мил. пуд. на 23½ мил. рублей.

Черное море, в противоположность Азовскому, очень глубоко (до 2½ в.). Использование его затрудняется лишь отсутствием у Кавказских берегов достаточного числа удобных заливов. Количественный недостаток однако искупается качеством незамерзающей Новороссийской бухты 15 в. длиной и от 2 до 5 в. шириной, к тому же хорошо оборудованной. В 1913 году Новороссийск посетило 457 крупных судов дальнего плавания и 492 каботажного.

Бухта у Геленджика могла бы быть использована, имей она более удобные подходы с суши. Туапсинский порт имеет значение лишь по скольку в нем сделаны искусственные сооружения. С проведением железной дороги, Туапсе приобрело значение в вывозной торговле. Анапа и Сочи известны больше, как курорты и не играют роли вывозных центров в виду отсутствия оборудованных пристаней и подвозных путей. Все эти второстепенные порты посещались, главным образом, мелкими парусными судами каботажного плавания, особенно турецкими и греческими. В 1913 году Геленджик посетило 1015 судов, Джубгу — 287, Туапсе — 1952, Лазаревку — 304, Сочи — 915, Адлер —822, Гагры — 484, Новые Гагры — 309. Каспийское море уступало в прошлом, по своему значению, место морям Азовскому и Черному, так как его водное пространство является замкнутым. С начавшимся пробуждением Востока, торговое значение Каспийского моря, конечно, сильно поднимется.

Экономическое значение для Казачьих Земель длинной морской линии, было в том, что именно этим путем шла вся их торговля с заграницей; в оборотах через сухопутные границы Империи они принимали весьма небольшое участие. По оборотам внешней торговли на первом месте в Казачьих Землях стоял Ростов, располагавший большим и сравнительно оборудованным портом. Ростов выделялся экспортом хлебных продуктов, маслянич-ных семян и выжимок, шерсти, сала и т. д. Импорт состоял из продуктов колониальных, химических, машин, инструментов. Число мелких каботажных судов, посетивших Россию, уже в 1909 году превышало 3½ тысячи (Таганрог — 2131).

Далее шел Новороссийск, вывозивший сверх предметов экспорта Ростова еще и дерево, табак и нефть. По ввозу первые места здесь занимали всевозможные машины и изделия. Специфическая черта вывоза через Новороссийск, это его зимний экспорт. В 1909-13 гг., напр., за декабрь, январь, февраль, март отправлено до 50% всех вывезенных грузов. Решающее значение в области хлебных грузов сохранится за Новороссийском впредь, благодаря вместимости его известного элеватора и зернохранилищ (всего до 16,8 мил. пуд.). В порту имеется специальное сооружение и для погрузки нефти. Общий грузооборот Новороссийска дошел в 1913 г. до 116,7 мил. пудов товаров, прибывших (морем и по железной дороге) и около 100 мил. пудов отправленных.

Участие во внешней торговле Таганрога выражалось в меньших цифрах, но ассортимент грузов оставался тот же, что и у Ростова и Новороссийска.

Несколько иной характер имела внешняя торговля Астрахани. Через последнюю ввозилось и сырье и «персидские» товары. В экспорте же видное место занимали шедшие транзитом с севера готовые изделия. В общем, о характере и размерах нашей внешней торговли можно судить по следующей таблице (за 1908-12 гг.) ввоза и вывоза наших четырех главнейших портов, связывавших Казачьи Земли с заграницей:

Новороссийск.

Вывоз			Ввоз		
Пшеница	22,92	м. п.	сл. с.-х. маш.	650	т. п.
ячмень	20,95	„ „	апелс. и лим.	346	„ „
выжимки	8,16	„ „	череп. кров.	256	„ „
нефть	6,72	„ „	глина строит. и кирп.	254	„ „
кукуруза	4,53	„ „	с.-х. маш. и орудия	160	„ „
рожь	1,69	„ „	маш. и апар.	136	„ „
овес	1,58	„ „	шпагат	135	„ „
просо	659	т. п.	локомоб. при с.-х. маш.	104	„ „
дерево под.	539	„ „			
отруба хлев.	495	„ „			
семя льнян.	491	„ „			

семя подсолн. мак и др.	370 „ „	проволока	73 „ „
всякая	244 „ „	краски хим.	41 „ „
солодк. кор.	196 „ „	канаты верев.	35 „ „
табак в лист.	149 „ „	кожи невыд.	22 „ „
рельсы	98 „ „	инстр. руч.	18 „ „
мука пшен.	51 „ „	гар. и каниф.	18 „ „
шерсть сырая	46 „ „	трубы жел.	14 „ „
семя рапс.	31 „ „	части маш.	13 „ „
		жел. и жест. изд.	12 „ „
		вина и коньяк	11 „ „
		сталь всякая	10 „ „
		пар. котлы	9 „ „
		чугун. отлив. и ид.	7 „ „
		сардины и масло	4 „ „
		масло оливк. и дер.	2 „ „
		сукна и шерст. ткани	1 „ „
		прив. ремни	1 „ „

Ростов.

Вывоз		Ввоз	
Пшеница	38,6 м. п.	краски	3 „ „
ячмень	29,0 „ „	вяз. изд.	2 „ „
рожь	6,9 „ „	Гарп. и каниф.	45 т. п.
отруби	949 т. п.	оливки и масл.	13 „ „
выжимки	542 „ „	кофе сыр.	12 „ „
мука пшен.	104 „ „	вина и коньяк	8 „ „
семья рапс.	102 „ „	масла оливк. и дер.	3 „ „
семья льняное	67 „ „	изд. из меда	3 „ „
семья подсол.	13 „ „	сардины и масло	2 „ „
		электр. прин.	2 „ „
		табак в лист.	2 „ „
		галантерия	2 „ „
		трубы жел.	1 „ „
		дин. маш.	1 „ „

Астрахань.

Вывоз		Ввоз	
изд. из стек.	10 „ „	Фрукты сухие изюм	411 т. п.
ткани льнян-			
Бревна	146 т. п.	хлопок сыр.	250 „ „
соль пов.	116 „ „	рыба сол.	219 „ „
сахар раф.	52 „ „	дер. всякое	51 „ „
жел. изд.	12 „ „	орехи, мид.	37 „ „
ные и пеньк.	8 „ „	мяг. рухлядь	18 „ „
		шкуры барани	17 „ „
		рыба свеж.	10 „ „
		арав. камедь	6 „ „
		кожи выд.	4 „ „

Таганрог.

Вывоз		Ввоз	
Пшеница	20 м. п.	апельс. и лим.	298 т. п.
ячмень	14 „ „	дуб. вещ.	278 „ „
рожь	607 т. п.	кожи невыд.	115 „ „
выжимки	326 „ „	масло оливк. и дер.	17 „ „
семья рапс.	61 „ „		
семья льн.	49 „ „	слив. и масл.	8 „ „
икра всякая	26 „ „	вина винотр.	6 „ „
		канаты и вер.	0,6 „ „

Из таблицы видим, что главные предметы для нашего вывоза являются: хлеб, выжимки, семена масляничных растений, дерево, нефть; в восточном направлении — еще соль и шедший транзитом сахар. В импорте немалое место занимали товары, проходившие через Казачьи Земли лишь транзитом. Сюда относится часть таких грузов, как апельсины, лимоны, вина, оливковое масло, сардины и т. д.

Было бы очень интересно, распределить ввоз и вывоз по отдельным странам. К сожалению, мы располагаем здесь лишь отрывочными данными. Так в 1913 году в Новороссийск прибыло грузов: из Англии — 3,6 мил. пуд. (около 3 мил. пуд. угля, 378 тыс. пуд. сельско-хозяйств. машин), из Америки — 866 тыс. пуд. (из них 793 тыс. пуд. сельско-хозяйств. машин); из Италии — 553 тыс. пуд. (365 тыс. п. лимонов); из Китая — 233 тыс. пуд. (232 тыс. пуд. чая); из Франции — 170 тыс. пуд., из Бельгии — 70 тыс. пуд. (по 21 тыс. пуд. швейных машин и карболовой кислоты), из Германии — 55 тыс. пуд. (37 тыс. пуд. швейных машин).

Участие во внешней торговле других уже более мелких наших пристаней, выражается, главным образом, в вывозе сельско-хозяйственных продуктов. Так за 1909-12 гг. через Ахтарскую таможню прошло 4,2 мил. пуд. пшеницы, 4,5 мил. пуд. ячменя, 222 тыс. пуд. выжимок и 66 тыс. пуд. рапсового семени; — через Темрюк — 6,5 мил. пуд. ячменя, 219 тыс. пуд. пшеницы, 165 тыс. пуд. выжимок, 704 тыс. п. ржи, 81 тыс. пуд. подсолнечных и маковых семян, 34 тыс. пуд. семян рапса.

Несмотря на известное развитие не только внутренней, но и внешней торговли, участие Казачьих Земель в общем товарообмене не соответствовало их производительным силам. Причина этого кроется в недостаточном развитии основного нерва современной хозяйственной жизни: путей и средств сообщений. Вопросы дорог и транспорта, — это, как мы уже сказали, — Ахиллесова пята народного хозяйства Казачьих Земель.

Казаки, читайте журнал „Вольное Казачество—Вільне Козацтво.“

VII. Заключение.

Итак, мы набросали в схематической форме очерк народного хозяйства Казачьих Земель. С одной стороны он очень неполон. Мы не сказали ни слова о молодом, сильном и хозяйственно очень важном движении, начинавшем охватывать наши Земли, о кооперации. И раньше весьма несовершенная кооперативная статистика в годы наибольшего развития кооперации, т. е. те годы, по данным которых только и можно было бы охарактеризировать все движение, было совершенно парализовано. Тем меньшими материалами можно располагать заграницей.

Мы не коснулись финансового хозяйства наших Земель: описание его с точки зрения финансов Империи было бы анохронизмом, ибо уже при временном правительстве началась полная ломка бюджета, росписи налогов, обложение и т. д.: наше финансовое хозяйство в его необщественной части — частные банки, организация кредита — все это вещи настолько хрупкие, переменные и так зависящие от политических и правовых норм данного момента, что едва ли бы при современном положении дел имело бы смысл и практическое значение утомлять его описанием внимание читателя; поскольку же говорить стоит, — надеемся поговорить специально, в другой раз.

Далее, мы все время вели описание лишь 6 основных казачьих областей, так как не располагали данными более широкими. О всех остальных недочетах работы мы и не говорим. Но, с другой стороны, наше изложение было все же и недостаточно полным, чтобы сделать и известные выводы.

Мы начали очерк с постановки вопросов маршала Фоша — «В чем дело?» «О чем идет речь?». Для ответа на них мы набросали схему исторического развития народного хозяйства Казачьих Земель и увидели, как уходят в историю его корни; наметили основные факторы экономического характера Казачьих краев и разобрали главнейшие отрасли их народного хозяйства, чтобы показать читателю не только сколь многого нам не доставало, но сколь многим мы можем гордиться. Язык цифр — язык самый убедительный, спокойный и бесстрастный. Мы пользовались все время этим языком и, по мере возможности, предлагаем не только абсолютные цифры-размеры, но и данные сравнительные, дабы найти свое место среди других народов и стран.

В чем же дело, о чем же теперь идет речь? — О нашем будущем. Ведать его дано лишь пророкам, но верить в него дано каждому. Для того мы и изучаем экономическое бытие Казачьих Земель, чтобы приобрести и укрепить свою веру. В источнике для укрепления этой веры мы не ошиблись. Разве не в мыслях о наших черноземных полях, где воткни оглоблю — телега вырастет, можно найти воодушевление? Разве не в шелесте наших богатейших дремучих лесов подслушивать радостное будущее? Разве не в водах кишащих зверьем наших рек, черпать свои силы? Что, как не вера загорается в сердце, когда начинаешь пересчитывать подземные, земные и надземные богатства Казачьих Земель, теряясь, что чего больше? Что, как не воля к труду и желание к работе шевелится при мыслях о том, что уже достигнуто? И не сокращается ли бег времени, когда думаешь о сказочной быстроте развития наших Земель? Говорят, что в революции побеждают только... молодые, ибо они одни ее выживают, переживают. Тогда мы победим.

Недавно началась лишь революция социально-политическая, революция же экономическая в Казачьих Землях началась много раньше, ибо бурный темп их развития с начала 20-го столетия уже не свойственнен эволюции, но революции. И если современное народное хозяйство Казачьих Земель имеет свое историческое прошлое, то 20-й век для него все равно эпоха рождения для новой жизни. Родилось в начале революции, — значит победит, ее выиграет. Революция выигривается при известном стечении об'ективных факторов, идей и деяний. Где на другом конце земного шара мы найдем такое сочетание естественных данных для того, чтобы народное хозяйство его населения могло так развернуться во всю ширь и триумфально закончить борьбу за свое «Я»?

Говорить об идеях — составляет задачу не нашу. Деяния? — Остановка за ними. Остановка за тем, чтобы претворить в дело огромные запасы творческой энергии Казачества. По законам физики одна энергия переходит в другую. Казачеству надо перевести ту часть его энергии, которая затрачивалась раньше бесполезно, на продуктивную работу. «В каждой ноте, в каждом голосе мне слышится страшная мощь молодых пробуждающихся, доселе не тронутых сил народа» — так говорил мне один знакомый иностранец на концерте одного казачьего хора. А когда начинается пляска и раздается задорный свист, переполненные залы загипнотизированных слушателей, загипнотизированных чем-то молодым, новым, сильным... вздрагивают. Вздрагивают и холодные англичане, и веселые французы, и рассудительные немцы. Свист, — что в этом свисте? Свист ли это заставлявших трепетать Европу орд дикой Азии? Задор ли степных просторов? Удаль ли казачья? — Не знаем... Скорей ломящийся, рвущийся «напор»... неудержимый напор... И вздрагивают! И вздрогнут еще раз от напора стихии нашего развития, когда засвистят и завоют трубы наших фабрик и заводов, когда заскрипят цепи сотен под'емных кранов в портах, когда зашипят мо-

торы, завздыхают котлы, когда заскрежещет врезывающаяся в недра Кавказских гор сталь буравов, когда загудят пароходы по нашим рекам и тракторы по черноземным полям, когда польется нефть по новым и новым нефтепроводам, когда урожаи начнут расти, удваиваться, быть может утраиваться, а тысячи грузовых автомобилей повезут по гладким шоссе и хлеб, и шерсть, и виноград, и масло, и табак, и уголь. И это будет. Это должно быть!

Хотеть — значит уметь. Уметь хотеть — значит мочь и сделать. Мы хотели, но... не умели. Теперь мы хотим и, думаем, что уж больше сможем, ибо понять ошибки прошлого — это научиться хотеть. Пластуны проходили там,, где ни «конный-пеший не пройдет живой». И народное хозяйство Казачьих Земель должно «пройти» и выйти на широкую дорогу, развернуться во всю ширь своего территориального простора и внутренних творческих сил, чтобы занять подобающее ему место в мировом хозяйстве.

Попытаемся, — говорит пчела, и делает из цветочной пыли мед. Попытаемся, — говорит крохотный муравей, и строит муравейник. Попытаемся, — говорит плющ, и взбирается на вершины деревьев. Попытаемся, — говорит тщедушная роза, и наполняет своим благоуханием все окружающее. Попытаемся, — говорит паук, и оплетает целые дворцы, палаты и башни. Попытаемся, — говорит полип корала, и из пучин океана подымает и возводит целые острова. Попытаемся, — должны сказать и мы, чтобы поднять лежащее, пробудить дремлющее и дать расцвет всему могущему Казачьих Земель. Сила — солому ломит. Смелость — города берет. Разум — мосты строит. Сила, смелость и разум, — все сделает. Соединится ли сила наших Земель с американской предприимчивостью, да разумной смелостью, — быть им хоть меньшей, да второй Америкой!

21. ноября 1929 года.

Использованные литературные источники.

1. — Bulletin de statistique agricole et commerciale.
2. — Meyers Konversations — Lexikon.
3. — Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон.
4. — Ottův obchodní slovnik.
5. — Zukkermann. Die landwirtschailiche Produktion Russlands und der deutsehe Markt.
6. — Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 г. Статистический ежегодник под редакцией Фалькнера. Москва, 1922.
7. — Статистический ежегодник на 1912 г. Совета С'ездов Представителей Торговли и Промышленности.
8. — „Юго-восточный статистический сборник", под редакцией проф. Н. Лященко. Ростов, 1918 г.
9. — Войтинский. Весь мир в цифрах. Берлин, 1925.
10. — Население и хозяйство Куб.-Черном. Области. Статист. сборник за 1922-23. Краснодар, 1924.
11. — Контрольные цифры народного хозяйства Куб. Округа на 1926-27 г.
12. — Контрольные цифры народного хозяйства Куб. Округа на 1927-28 г.
13. — Контрольные цифры народного хозяйства Куб. Округа на 1928-29 г.
14. — Контрольные цифры народного хозяйства Адыгейской обл. на 1928-29. г.
15. — Запнер. Всеобщая экономическая география. 1926.
16. — А. Челинцев. С.-Хозяйственная география России. 1924.
17. — Н. Огановский. Очерки по экономической географии СССР. Москва. 1924.
18. — Борисов. Эконом. география России новейшего времени. 1922.
19. — Кубань и Черноморье. Изд. Куб. Окр. бюро краеведения. Краснодар, 1920.
20. — Трахтенберг. Посевная площадь южной России.
21. — К. Юрченко. Фабрично-заводская промышлен. на Кубани в 1913-16 гг. Екатеринод. 1920.
22. — Кондратьев. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции.
23. — Юшкин. Горные богатства в районе прохождения Сев.-Кавк. ж. д. и действия Зеленчукского горнопромышл. тов-ва. Екатеринодар. 1919.
24. — Мерцалов. Угольная промышленность в СССР, 1925.
25. — Федоров. Хлеботорговля в главных русских портах и Кенигсберге.
26. — Л. Апостолов. Кубано-Черноморский Край. Краснодар, 1924.
27. — А. Пономарев. Сельск.-хоз. районы Дона, Сев. Кавказа, Черноморья и Дагестана. Ростов, 1924.
28. — И. Ивасюк. Кубань. Прага, 1925.
29. — Материалы по хлебному делу и торговле. Труды Совета обследования и изучения Куб. Края. Краснодар, 1919 г.
30. — Сидоренко К. и Бар. А. Тизенгаузен. Элеваторная система и ее значение для Сев. Кавказа. 1919.
31. — Сирин. Юго-восток России. Берлин, 1922.
32. — Смирнский. Движение основных элементов с.-хоз. производства во время войны и революции. Кубанск. Сель.-хозяйств. Институт. Краснодар, 1928.
33. — С. Кнушевицкий. Обзор коммерческой деятельности южно-русских портов.
34. — Лященко. Экономические районы Юго-востока Европейской России. Ростов, 1918.
35. — Масличные растения, маслобойная и поташная пром. в Кубанском Крае. Статист.-эконом. исследование под редакц. Протопопова. Ек-дар, 1920.
36. — К. Скальковский. Русский торговый флот и срочное пароходство на Черном и Азовском морях.
37. — Записки Русского экономического общества в Лондоне.

ЛЮДМИЛА КОСТИНА.

Снежные искры.

Мне кажется, что я сегодня влюблена,
Как девочка в красивую игрушку.
Хочу заснуть, но гонит сон луна
И давят плечи грубые подушки.
А за окном искрится белый, белый снег,
И на стекле мороз плетет узоры...
Мне хочется любить. Ну, разве это грех,
Поверить ласке пламенного взора?!
Мне кажется, что я сегодня влюблена
В какую то незбыточную сказку,
Где в жутких чудесах царит моя мечта,
И ждет любви покинутая ласка...
Там бродит кто-то с лютней золотой,
Такой изящный, стройный и красивый...
Там тихо шепчутся над дремлющей рекой
Полузабытые, стареющие ивы.
Там чей-то голос пел в безмолвии ночном
О белой лилии, сломавшейся с зарею,
О белой женщине, мечтающей о нем,
Каком то призрачном, блуждающем герое...
Пусть блещет белый снег, в душе моей
весна!
В ней май цветет, в ней гимн слагают
птицы...
И я, как девочка, сегодня влюблена
В густые, длинные, пушистые ресницы!..

ВЛАДИМИР КУРТИН.

Осколок.

Сиза пташка моя, канареюшка,
Што так жалосно поешь,
Надрываешься?..
Што поешь-то ты песни старые
Про тяжелое, про бывалое...
Ты пропой мне, пташка, песню новую.
— Ох, пою-то я песни старые,
Про тяжелое, про бывалое. —
Аль пою-то я их все на новый лад,
Все на новый лад, да на бабий склад...
— Не жалала-бы я больше счастия:
Как иметь-бы мне
Сизы крылыньки...
Уж вспорхнула-бы я, полетела-бы
В чужу дальнюю сторонушку,
Где сложил свою головушку
Мой миленький...
Горючми слезами вдовьими
Я омыла-б его кости сирые, —
В косу русую заплела-бы их
И домчала-бы во единый миг, —
Во единый миг, в ночку темную
Во свою-ль станицу родную.

Старинная женская песня.

Пять лет прошло с тех пор, как ты унесла с собою тайну своей смерти. Пять лет. Немного...

Но как давно все это было!..

Теперь тебя уже забыли. К могиле твоей уже не ходят дамы с букетами живых цветов. Не совершают паломничества твои ученицы... Красный смерч разметал по миру все, что составляло твой круг... Ты вóвремя ушла. Ушла, увидя лишь первые гримасы Большевизма.

* * *

Тебя забыли... Но не я! Ибо пока в груди моей будет биться сердце, оно будет полно тобой, только тобой...

Ты ушла на заре нашей жизни и после тебя наступила темная ночь без конца, без просвета.

И за все эти годы после твоей смерти я не мог спокойно взяться за перо и, день за днем вновь пережить нашу жизнь и нашу смерть. Не мог потому, что еще отделял твою смерть от своей, что еще судорожно цеплялся за жизнь, что боялся признаться самому себе, что и я умер в тот момент, когда, войдя в дом твоего отца, споткнулся об угол гроба и без чувств повалился на него...

* * *

Далеко, далеко отсюда, в ограде Варваринской церкви тихого провинциального города, под небольшим крестом белого мрамора, лежишь ты уже пять лет, ожидая меня. Но, едва ли мои кости лягут около твоих. Слишком далеко твоя могила, а мне слишком недолго осталось жить.

* * *

Наша жизнь была гимном торжествующей любви. — Наша смерть — рыдающими аккордами похоронного марша Шопена, который мы так любили при жизни...

И не странно-ли, что когда мы были на вершине земного счастья, мы так любили скорбную песнь смерти...

Не потому ли мы так любили ее, что подниматься нам было уж некуда?

И до сих пор я слышу мистическую мессу, слышу погребальный перезвон колоколов, то замирающий в смиреннейшую мелодию, то разростающийся в вопль вечного протеста. И до сих пор резким диссонансом, криком отчаянья врезается мне:

— Неправда!

Мой ответ на смиренно-покорные слова молитвы, что «щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив...»

— Неправда! Кричу я священнику и вижу, как в смятении качают головами молящиеся о упокоении души твоей, шепчутся между собою и показывают на меня пальцами...

А ты лежишь в белом, с золотыми кистями по углам гробу, убранная осенними астрами величественно-спокойная, недвижимая... И только маленькая прядь волос, выбившись на точеный, беломраморный лоб, вздрагивает от моих рыданий...

Сейчас эта прядь у меня...

* * *

Помню, в солнечный весенний день мы вышли на площадь, где перед Городскою Думою проходили церемониальным маршем «революционные, войска». Впереди несли новенькие шитые из красного шелка знамена, на всех штыках болтались красные тряпки, с балконов свешивались красные полотнища.

— Это — весна-красна русской истории, сказал подошедший к нам присяжный поверенный Нонин.

— Это — красный смех России, ответила ты.

А один солдат, заметив, что на мне нет красного банта, ухмыляясь, спросил:

— Штой-то вы, товарищ капитан, не рады штоль, что нынче и мы человеком стали?

От этих «человеков» я убежал сюда, в далекую Далмацию... А от тебя осталась лишь маленькая прядь волос, маленький локон, вздрагивавший некогда над твоим классически прекрасным лбом.

* * *

Ты знаешь, что я никогда ничего не писал, но рассказывать любил. Еще больше любила ты слушать мои рассказы. Однажды ты мне сказала:

— Милый, напиши о своей жизни в Курдистане, откуда ты пришел ко мне. Я буду читать это, когда ты будешь в отлучке.

Я ничего не написал, ибо слишком скоро не стало тебя...

* * *

Мне не долго осталося жить. И все-же, того, что еще суждено мне прожить, совершенно достаточно, чтобы успеть день за днем вновь пережить и нашу жизнь и нашу смерть. Ибо слишком коротка была наша жизнь; слишком полон кубок счастья, который мы так бережно хранили и который так неожиданно разбился...

Ужели неожиданно? Нет, мы знали. Мы знали, что такое счастье невозможно на земле. Боги не хотят, чтобы люди были счастливы, как Боги.

И потому-то, когда с крыльца нашего дома ты мне крикнула — «Прощай» — я прочитал в твоих глазах роковое — навсегда... Над тобой уже стояла смерть, опахнув тебя черным своим покрывалом...

* * *

А однажды мне отец сказал:

— Владимир, так люди не живут долго... Или ты, или Анжелика... скоро кто-нибудь из вас умрет...

— А как нужно жить, чтобы прожить долго?

— Этого я и сам не знаю, ответил отец и озабоченно принялся прорезать сушняк в кустах малины.

* * *

Тебя долго смотрели врачи. Но когда я спросил одного из них: — Доктор, скажите, — отчего умерла моя жена? — Он вздернул плечами, развел недоуменно руками и — ничего не ответил.

Твой отец, милый седенький Константин Иванович, об'яснял все Божьей волею и, казалось, был спокоен. Но, однажды ночью, я подсмотрел, как он, сидя в твоем рабочем кабинете, перелистывал толстый медицинский справочник, изучая симптомы отравлений различными ядами. Он плакал. Плакал ночью, чтобы никто не видел его слез.

С тех пор мы с ним уже вдвоем сидели по ночам в твоем, когда-то таком уютном кабинете, — и, страницу за страницей, перелистывали толстый медицинский справочник. Мы читали: «Цианистый калий — сильно затрудненное дыхание со значительными интервалами. Слабое замедленное сердцебиение, расширение зрачков, анестезия кожи, запах синильной кислоты...» Восстанавливали в памяти все, что было с тобою. В сотый раз отец рассказывает мне, как ты под'ехала к дому, как особенно тревожно прозвенел звонок, как ты прошла через столовую, отказавшись от обеда, который уже был на столе, и как тебя нашли около кушетки с пеной у рта...

На лбу у меня выступают капли холодного пота, дыханье останавливается...

— Да, это ясно... ты умерла от цианистого калия... Перечитываем еще раз, еще раз. Признаки несомненны...

Старичек твой берет меня за руку.

— Слушай, сын мой, а ведь у Анжелочки не было запаха миндаля. Не заметил я и расширения зрачков... Кожная чувствительность, конечно, была несколько притуплена... Нет, это не цианистый калий... Да и откуда-бы взяться ему?..

И он долго, долго рассказывал о нашей жизни. Рассказывает с твоих слов и писем к нему. Делится своими сокровеннейшими мечтами — мечтами о внуках, о жизни с нами. Лицо его делается таким светлым и вместе трогательно скорбным... Нервы мои не выдерживают дольше... Сердце готово разорваться от боли...

— Отец мой, отец мой!.. И ее нет... Она никогда, никогда уж не будет с нами...

Он гладит меня по голове своей маленькой, морщинистой рукой и плачет...

— Да, нет... никогда...

Тихо потрескивает в лампе керосин. За окном вздыхает карагач. Весь дом спит. Или притворился, что спит. Со стола на нас смотрят твои фотографии. Я беру одну из них. Смотрю на тебя долго, долго... И не замечаю, как горячие слезы крупными каплями падают на стекло, застилают твой лик...

— Сын мой, будь мужчиной,—говорил отец. Анжелочка и сейчас счастлива... Счастливее нас... Разве теперь она могла бы быть счастлива, когда тебе ежеминутно грозит арест и расстрел?..

Да, теперь ты не была бы счастлива. Хорошо, что ты ушла, увидав лишь первые гримасы грядущего Хама.

* * *

Но что было причиною ее смерти? Отец, ты сам исключаешь самоотравление. Может быть... может быть ее отравили?.. Ведь если полиция вмешалась и ведет расследование, то мы-то... Мы-то должны узнать! Отец мой, будь искренен. Расскажи мне все о ней... все!.. Я так любил ее и так мало знал ее... Ты был около нее, когда она умирала; ты видел ее, когда она подъехала к дому; ты слыхал ее крик: — Спасите меня! Скажи мне, может быть она что говорила. Вспомни все... Может быть мелочь какая откроет нам тайну ее смерти. Умоляю тебя!.. Заклинаю ее памятью! Ведь я мучусь... мучусь!..

— Так хотел Бог, коротко отвечает отец.— Но давай еще посмотрим в справочник.

И мы опять склоняемся над толстой потрепанной книгою. Опять отец читает.

«Антимон — жгучая боль в нижней части живота... жажда, конвульсии, холодный липкий пот... — нет, этого не было. — Морфий, опий: беспамятство, анестезия, сильное сужение зрачков, затрудненное дыхание... — Похоже, очень похоже — шепчет отец. И опять я ему говорю:

Отец, Анжелочка умерла от этого...

Бледный рассвет нерешительно заглядывает в окно. Слышно, перекликаются петухи. Догорая, чадит и тихо потрескивает лампа... А мы сидим, низко склонившись над медицинским справочником, и мучимся в тщетных попытках разгадать твою тайну: отравилась сама или тебя отравили, или причиною твоей смерти было то, чего еще никто не знает и симптомов чего еще нет в медицинском справочнике.

* * *

А утром, наскоро выпив по чашке кофе, идем к тебе. Отец держит меня под руку. Встречаются знакомые; участливо смотрят на нас, кланяются...

— К Анжелочке?.. Царство небесное... Крепитесь, молодой человек. А у самих на глазах слезы...

Я иду к тебе, — к твоей могиле точно с такими чувствами, с какими шел к тебе на наше первое свидание: то ускорял, то замедлял свой шаг; то жадно, нетерпеливо смотрел вперед, желая скорей увидеть тебя (твою могилу), то опускал глаза к земле, желая продлить мучительное, но сладостное чувство приближения к тебе. Но всякий раз, как только показывалась свежая насыпь твоей могилы, цветы на ней, — в ногах вдруг ощущалась страшная слабость, колени подгибались, силы оставляли меня...

— Анжелочка... Анжелочка!..

За мной тщательно следили. Оружие у меня отняли, как только я поверил в твою смерть. А поверил я лишь только тогда, когда увидел приготовленный для тебя гроб и услыхал ужасное бормотание монашек.

Моим сторожем был сотник Михайлов, друг твоего детства. Он не отходил от меня ни на шаг; на прогулках крепко держал под руку,— спал в одной комнате со мною.

Однажды мне удалось обмануть его бдительность. У нас были гости. Я сказался больным и ушел из гостинной в кабинет. Не раздеваясь, лег на диван. Из гостинной доносилось слабое жужжанье голосов. Полежал минут десять; вылез через окно во двор, бегом направился к тебе... Мне так хотелось чуда!.. Помню тяжелый запах земли, помню вкус ее — кисловато-горький... Поздно ночью меня нашли в полуразрытой могиле, в глубоком обмороке, с забитым землею ртом... Чуда не случилось...

* * *

Зачем я сейчас пишу все это? Почему так тороплюсь?.. Почему с такой лихорадочной поспешностью набрасываю слова?.. Гонит меня толпа воспоминаний... Ты зовешь меня. Я слышу твой голос... Иду к тебе!.. Иду!..

* * *

Но и сейчас еще открыты раны сердца моего. И еще сочится из них больная кровь воспоминаний... Ах, зачем все это было?.. Зачем? Что произошло с тобою в тот роковой день, когда ты, выйдя из дому здоровой, жизнерадостной, полной забот обо мне, через три часа вернулась бледная, с застывшим на лице

ужасом, чтобы еще через два часа страшных мучений умереть, не сказав никому ни слова.

* * *

А на какие муки ты обрекла меня... меня, кого любила больше жизни... Ты знаешь это. Ты видишь все. Ты читаешь в книге сердца моего и вместе со мной переворачиваешь страницы моей жизни.

Книга подходит к концу. — Еще несколько страниц, и мы увидим лик смерти, моей смерти.

* * *

Не потому ли я так тороплюсь, что тонка осталась непрочитанная часть книги?..

* * *

Верую, что соединюсь с тобой. Верую, что человек есть Универсальный Человек, каким он был до гнева Магадовы и каким мы будем, когда я приду к тебе. Я слышу твой голос и иду к тебе...

* * *

О, я хорошо помню, когда и где это началось! Это началось там, в том диком, суровом крае, где впервые я услыхал твой клич призывный...

И я пришел. Взял тебя за руку... И до сих пор я чувствую ответное пожатие руки твоей, когда ты, обдав меня лаской глаз своих, тихо сказала:

— О, да... это — я.

А может быть ты это только подумала... Но не все-ли равно?.. Я слыхал это. Слыхал!..

* * *

Жаркий летний полдень. Раскаленные камни дышат зноем. Воздух тяжел и недвижим. Два горных хребта, сдавившие долину Огнота с севера и с юга, повиты горячим маревом и кажутся двумя громадными пепельно-седыми львами, уснувшими среди песков Сахары. Тишина. Грустно торжественная тишина пустыни. На берегу маленькой, извилистой реченки, вернее ручья, Ашаги-Чар-Сул, разбиты палатки. Поодаль — коновязь с привязанными лошадьми. Я с милейшим Михал Михалычем, бригадным интендантом, лежу около ручья под чахлыми кустами лозняка. Сонно журчит ручей. Гулко топочут о сухую землю кони, отбивающиеся от назойливых оводов. Изредка доносится резкий клекот двух орлов, кружащихся над вершиной Чолик-Симана.

Михал Михалыч лежит на животе, подперев левою рукою подбородок, — правой он ловит мух и, бросая их в воду, наблюдает, как одних течение быстро относит вниз, а других, покружив немного, прибивает к берегу. Он видимо нервничает: промахивается все чаще и чаще. Наконец, неистово махнув три, четыре раза и обнаружив между пальцами муху, он не бросил ее в воду, как первых, а яростно раздавил ей голову на ногте большого пальца. Перевернулся на спину. Вскочил. Стал на колени. Поднял руки к верху...

— О, Господи, ну хоть-бы кусочек юбки спустился откуда нибудь на эту проклятую долину!

Ничего он не сказал особенного. — А меня точно жаром обдало. Необычайное было не в словах, а в самом тоне его голоса, которым он произнес эти слова.

Михал Михалыч опять улегся и продолжал:

— Вот, почитай, уж целых пять месяцев стоим мы в этой долине. А что видали, что видим? Вон, вытянулись одне горы, вон — другие... и все!... Раньше я хоть интересовался: а что́ за ними? А теперь знаю, что и за этими горами такая-же узенькая, запыленная долинка и опять гора. И так без конца! Поехал я как-то из Эрзерума в Муш, верхом (это я-то, Господи, — дома, в Сердобске, и подойти-то боялся к лошади, а если-бы мне сказали, что я должен верхом до Алексевки доехать — двенадцать верст всего — да я удавился-бы, а не поехал, а тут вот 24 дня на седле проболтался). Ну, так вот — проехал я, почитай тыщу верст, ровно, брат, через этот самый Шайтан-Дач, с горы на гору, с перевала на перевал... Доехал до Кизиль-Таша (самый высокий перевал), посмотрел на юг... и там, насколько хватал глаз, торчат серые, голые вершины, тянутся хребты, вьются узкие, пыльные долины... И вы думаете, я хоть одну живую душу встретил?.. Ни черта!.. Раз, уж над самым Мушем, набрел на одно «живое» селение, — промаячило что-то на крыше сакли и только что заметило меня, скрылось. Так и не разобрал, что оно было: женщина, мужчина или тот-же камень... И такая тоска меня взяла, такая тоска — хоть плачь... Ну, так вот и встал Сердобск перед глазами... А жена?

Я слушаю Михал Михалыча и чувствую, как и у меня из глубины души поднимается эта самая тоска, жгучая, неспокойная, а сердце сжалось предчувствием чего-то сладко-мучительного, доселе неизведанного. Точно родилось что-то светлое, для меня предназначенное и потянуло к себе силою непреодолимого желания. Точно чьи-то слова нежные, страстные прилетели в этот миг ко мне и наполнили радостной верою, что и меня ждет кто-то на далеком севере. Точно клич любви пронесся над вершинами и ударился о дремлющее сердце мое и оно отозвалось на этот призыв, как отзывается струна рояля на звук другой, одинаково с нею настроенной...

Я знаю, что именно в эту минуту мы отдались друг другу. А потому то после сразу узнали друг друга. И как смешны же были те, что спрашивали нас: — Когда же вы познакомились?

Я подошел к тебе, потому что сразу узнал тебя...

* * *

Прошло лето. С мутными потоками разлившегося Шарнана уплыла дождливая осень, и я приехал в Энск. Зима здесь стояла снежная, но с частыми оттепелями. По улицам то завывала метелица, нагромождая у стен сугробы, то неслись потоки веселой, говорливой воды.

Энцы ходили друг к другу в гости, играли в карты, немного сплетничали, обсуждали по-

следние петербургские события. Только что был убит Распутин, и сведущие в политике люди предсказывали революцию. Как и во всех городах России во время войны, и в Энске, был ресторан — «Чашка Чаю». Каждые четверг и субботу здесь устраивались концерты. Обычно я приходил сюда с наступлением сумерек и уходил в числе последних. Не знаю почему, но именно здесь и ожидал встречи с тобою. С пытливой тревогой присматривался я к девушкам, в каждой из них искал тебя... Но проходили дни, — знакомых становилось больше, а тебя между ними все не было. Грустный возвращался я в свою «комнату для одинокого», становился у печи, прислонившись спиною к нагретому кафелю и молча курил папиросу за папиросой.

Странно. Я был так уверен, что ты здесь, в этом городе, что каждый прошедший день считал уворованным у нашего счастья. Как будто предчувствовал, что дни наши слишком скупо отсчитаны, и потому безумно хотел приблизить нашу встречу. Жил ожиданием встречи и ни о чем другом не думал.

* * *

Помню один вечер. В этот вечер мне было особенно грустно. Не знаю, почему именно у меня было такое настроение, но только грустно мне было до слез. Может быть это было действие музыки. Наверное. Музыка всегда меня расстраивает. Ухо что-ли у меня уж так устроено, что и в самых веселых мелодиях слышу тоны скорби.

Концертное отделение кончалось. Как последний номер за сценою кто-то играл «Сон негра». Играл прекрасно. Я не знаю, чего было больше в этой игре: буйной, безграничной страсти или тоски. Я слушал с закрытыми глазами и, казалось, видел этого негра, кружащегося в дикой пляске и плачущего слезами раба... Смех и слезы... Это близнецы... Не потому ли самый веселый смех вызывает у смеющегося слезы?

Я подумал тогда: так может играть человек, для которого весь мир — одна огромная слеза, трепещущая в рамке смеха.

Долго я сидел в тот вечер в ресторане и упорно думал о том непознатом, кто играл «Сон негра». Спросить? Но я мог бы узнать это и из афиши. А я и не подумал заглянуть в нее...

Я думал: вот есть человек, который из мертвого инструмента извлек целый океан звуков, придав им свою, только ему одному присущую силу и красочность, и все эти звуки нашлись в моем сердце... И новая мысль прорезала мозг: а может быть он играл на струнах моего сердца?.. Меня вдруг охватила тревога. — Нервно достал папиросы, но не закурил.

... А может быть у меня с ним одна душа, одно сердце... В сильнейшем возбуждении встал. Прошелся по комнате...

Узнать!.. Узнать, кто это! Схватил программу. Там стояло: М-lle Б. — «Сон негра».

* * *

В эту ночь я спал плохо. Часто просыпался. Как будто меня все время звал кто-то. Раз или два даже отозвался. Не понимал, что со мною. Но только вкравшаяся с вечера тревога становилась все сильней и сильней... Вспомнил почему-то Михал Михалыча и его рассказ...

Бедное человеческое сердце! Оно так верно предугадывает и несчастье и большое необыкновенное счастье...

Только мы не слушаем своего сердца и плохо понимаем язык его.

* * *

А потом пришло то, что подняло меня к самому престолу Бога Любви, — показало мне Божественное начало природы человека, ярким светом пылающего метеора осветило целые миры... и бросило к свежей могильной насыпи, скрывшей под собою все...

И у меня остался лишь локон, — маленькая прядь волос, вздрагивавшая над твоим лбом, когда тебя везли на катафалке к Варваринской церкви...

— Так хотел Бог. Утешал меня раньше твой отец. Плохое утешение. Потому что до сих пор я слышу свой отчаянный крик в церкви:

Неправда!

И до сих пор повторяю его. Ибо еще открыты раны сердца моего и еще сочится из них больная кровь воспоминаний.

* * *

И почему, вспоминая тебя, какою ты была в тот вечер, когда я впервые увидел тебя, я не могу отделить твоего образа от того, какою была ты в гробу с белыми астрами! Не видал ли я его уже тогда, в первый момент нашей встречи?..

И право-же, я не знаю, когда ты была прекраснее. Тогда ли, когда вошла в ресторан и глаза в глаза, душа в душу встретилась со мною, а на лице твоем сразу отразились все волнения и чувства врасплох застигнутого сердца, а глаза... большие глаза, цвета темного бархата, зажглись, заискрились, точно две звезды лучистые, и улыбкой росистого утра блеснули зубы... Или тогда, когда ты лежала в белом с золотыми кистями по углам гробу, точно кружевами брачного ложа, покрытая белыми астрами...

И тогда лицо твое не было — м е р т в о е. О, нет! Это было лицо уснувшей богини.

Даже врачи заметили это. И пять долгих дней и пять ночей пытались пробудить тебя...

* * *

Я сидел за столиком со своей квартирной хозяйкой, Анной Павловной. Рассеянно слушал ее анекдоты из жизни старых дев и, по обыкновению, пытливо смотрел на входящих. Через запотевшее окно видел мелькавшие фигуры гуляющих на улице, слышал, как громко и весело отряхиваются в прихожей от снега; видел, как поворачивалась дверная ручка. Потом открывались двери...

* * *

Ах, ну зачем эти две слезы, что колеблющейся пленкою покрыли глаза мои?.. Еще и еще... Что это?.. Я плачу?..

* * *

Говорят, время — лучший доктор. Не знаю. У меня оно ничего не излечило. Ничего!.. А может быть и это п р о т е с т? Глупый, бесполезный протест человека?..

А хотел-ли бы я, чтоб этого не было? Чтобы не было ни нашей пятимесячной жизни, ни этих пятилетних страданий?..

О, нет, тысячу раз нет! — Готов сколько угодно раз родиться, прожить сколько угодно жизней, даже таких, как вот эта, и столько-же раз умереть, чтобы только испытать еще раз то, что испытал я в тот вечер.

Ты вошла. И первый твой взгляд, первые лучи твоих глаз ударили меня по сердцу и, без мыслей, точно подкошенный я опустился на стол и как во сне прошептал. —

— Вот пришла жена моя.

Анна Павловна с удивлением посмотрела на меня. —

— Владимир Алексеевич, что́ с Вами?.. Ведь это Борецкая. И на днях ее свадьба с доктором В.

— Ах, какая ерунда, подумал я. Какая ерунда. Это — моя жена...

Я никого не видал около тебя. Как будто все и все куда-то вдруг исчезло. Как исчезают звезды и месяц при первой улыбке солнца. Потом уже я увидел около тебя капитана Вортынского. Он вопросительно, недоумевающе смотрел то на тебя, то на меня... А я?.. Разве-же я мог ожидать дольше?.. Медленно поднялся и пошел к тебе. Ближе и ближе. Вижу только свет глаз твоих. Взял тебя за руку. Ты что-то сказала... И сразу я вспомнил жаркую долину Огнота, высоты Чолик-Симана, Михал Михалыча, «Сон негра»...

— Да, это я, — тихо, ласково ответила ты.

А что сказал тебе я?.. После ты говорила, что это были не слова, а стон — страстный, молящий и вместе повелевающий... Потом я почувствовал на себе сверлящий взгляд капитана Вортынского и овладел собой. Но не выпустил твоей руки...

С таким неоспоримым правом подошел я к тебе, взял тебя за руку, что даже и не подумал, зачем около тебя этот Вортынский. А он, кажется, и вошел с тобою. Я знал его давно. Но никогда мы с ним не были друзьями. А теперь (я это чувствовал) мы были уже врагами...

А разве я тебя спросил когда нибудь, зачем он был с тобой?..

Нет, я этого никогда не спрашивал.

* * *

Ужинали втроем. Пили вино. Ты была не то чтобы весела, но как-то радостна. Твое настроение передалось и мне. И я сам не знаю, откуда, вдруг, у меня нашлось столько острот и забавных анекдотов, слушая которые, ты так звонко смеялась, что даже за другими столами улыбались и кивали в нашу сторону. Вортынский был мрачен. Но это только полнее оттеняло наше веселье. Что мне было до какого-то Вортынского? Упивался музыкой твоего голоса, вспышками смеха. Плохо понимал, что́ ты говорила. Но ка́к говорила — не забуду никогда...

* * *

Была чудная, морозная ночь. Одна из тех ночей, которыми так редко дарит нас наша южная зима. Под ногами хрустел и искрился снег. На лицо садились редкие, будто заблудившиеся пушинки. Чуть-чуть щипало за уши. У под'езда ресторана длинной вереницей стояли санные извозчики.

— Лихач! громко крикнул я.

— Есть! отозвался в темноте густой бас. Звякнули колокольчики и к под'езду подкатила тройка.

— Тройка! закричала ты, захлопав от радости руками.

— Эх барин... Катывали когда-то в Нижнем господ... благодарны были... прошли золотые денечки... Ну да, авось, и теперь не подгадим, — басит ямщик, закрывая нам ковром ноги.

— Эх — ма!

Взвизгнули полозья. Качнуло на повороте. И — понесли, полетели...

— Гей, берегись! Крикнул ямщик, осаживая немного лошадей, И на момент я увидел переходившего улицу пешехода. Мне показалось, что это был капитан Вортынский. А ты в этот момент еще крепче прижалась ко мне.

* * *

Мы тогда мало говорили. Лишь крепче прижимались друг к другу. Слушали свист встречного ветра, звон колокольчиков, чёткое ёканье подков о накатанную дорогу. За городом мело. Точно атакующие войска, то залегая, то поднимаясь, бежали по необозримому полю цепи фантастичных, снежных облаков, — сшибались, отступали, сворачивались в колоны и опять наступали. Становилось холодно. Я снял с тебя шляпу и покрыл своим башлыком твою курчавую, коротко остриженную головку. В нем ты была еще прекраснее, чем в своей «тулеечке»...

Я, собственно, не знаю, так ли называлась эта твоя тёмно-коричневая шляпка с небольшими прямыми полями, но, когда ты у меня, бывало, спрашивала:

— Володя, какую мне надеть шляпку? Я обычно отвечал: — Надень «тулеечку!»

Мы вернулись поздно. И когда в морозном воздухе в последний раз прозвучал перезвон колокольчиков от'ехавшей тройки, жадно потянулись друг к другу и слились в первом поцелуе...

* * *

Вот сейчас сижу я в убогой мрачной комнатке. — Слышу сердитый рокот взбунтовавшегося моря: слышу глухие уда́ры волн, а

слышу и торопливые толчки своего сердца... Скорей, скорей...

Ибо наступят последние дни. придут чужие, далекие люди... Может быть доктор придет с ними. Посмотрят на меня. Пощупают пульс... Тронет ли кого смерть неведомого пришельца?

А как ярко, как болезненно ярко я помню наш первый поцелуй!.. Со страшной мольбою я опустился перед тобою на колени и припал устами к твоему платью...

— Милый, ты плачешь? — прошептала ты, обвивая руками мою голову.

И так началась наша жизнь. А пять месяцев спустя я также стоял на коленях, целуя край твоего белого покрывала... Только тогда никто уж у меня не спрашивал:

— Милый, ты плачешь?..

* * *

На другой день я уже шел к тебе на наше первое свидание. Первое и единственное... На небе радостно смеялось солнце; другое солнце смеялось в моей груди... Был ли я когда болен?.. Тяжко болен?.. Не был. Жил ли я прежде?.. Не жил. Я родился вчера и со вчерашняго дня началась жизнь моя...

По улице сновали детишки, весело перестреливаясь снежками. И мне захотелось обнять их всех, всех и перецеловать их хорошенькие раскрасневшиеся мордочки.

Вот и ты...

Ах, какая она красивая! — Была моя первая мысль, когда я увидел тебя. Это случалось со мною и после. С каждым днем ты мне казалась прекраснее и прекраснее, и я только бросался к твоим ногам и в молитвенном экстазе шептал:

- Анжелочка... Анжелочка... В это единое слово вкладывал я всю силу своей любви и преклонения пред тобою...

Ты подошла и я утонул в океане блаженства, как в жаркий полдень утопает в солнечных лучах влюбленный жаворонок. И опять, как и вчера, мог произнести только одно единое слово:

— Анжелочка!..

Должно быть я как-то особенно сказал это.

— Так еще никто никогда не произносил моего имени, серьезно ответила ты.

А я и не подумал тогда, что кто-нибудь другой, прежде меня, мог говорить тебе:

- «Анжелочка».

Пришли в «Английский» парк. Деревья были голы и черны, но уже чувствовалось, что они пережили зимнюю спячку, что скоро нальются их почки, как соски девушки от впервые пробудившейся страсти, зазеленеет молодой парк, зашумит листва...

— Мы будем жить! стискивая твою руку, сказал я.

— Хочу жить! крикнула ты.

Мы не вспоминали о вчерашнем, потому что и сейчас еще волновалась кровь от первого поцелуя; не загадывали о будущем, потому что простыми, обычными словами не хотели даже прикоснуться к занавесу, за которым скрывалось оно. Мы точно вошли в храм и остановились перед закрытым алтарем, где совершалось Великое Таинство.

Я тихо спросил:

— Анжелочка, ты знаешь?

— Знаю, так-же тихо ответила ты. И я почувствовал, как задрожала твоя рука, которую я крепко держал в своей руке, как поднялись груди...

— Скажи...

Ты только взглянула на меня своими чудными, блеснувшими сквозь радужную оболочку слез, глазами; прижалась упругими грудями...

— Вся!

Все, что произошло потом, все шло так быстро, как-будто мы тогда уже знали, что слишком коротка будет жизнь наша.

— Сегодня же вечером мы поедем в Пятигорск.

— Я буду готова, просто ответила ты.

* * *

Хорунжий Михайлов взял два крытых экипажа, и в 10 часов вечера я с ним ехал за тобой по темным, пустынным улицам Энска. Шел сильный дождь. Снега уже не было. Под колесами хлюпала и бурлила вода.

Михайлов ничего не знал. После нашего свидания я пришел прямо к нему и сказал:

— Сегодня вечером ты должен взять для меня два крытых экипажа.

Больше я ему ничего не сказал.

Мы сидели в разных экипажах, и, когда я приказал остановиться у вашего дома, — он крикнул:

— Что случилось?

— Что случилось?.. Пока еще ничего, ответил я ему, поджидая тебя, как было условлено. Но ты не подошла к экипажу, а стояла на крыльце. Я подошел к тебе. –

— Владимир Алексеевич, я не могу так... Мама узнала про мой от'езд... Подумай. — Гадала на картах и говорит:

— Ты собралась бежать.. — Мне очень тяжело... помоги мне... жаль папу.

Мы вошли в гостинную. Первое, что я увидел, это твой дорожный сак на рояле...

На полу раскрытый чемодан, а около него горка белья и платья. Навстречу нам из другой комнаты вышел маленький, сухой старичек.

— Владимир Куринский. — Мой папа!.. представила ты. Я поклонился. Вышла мать. Еще молодая, высокая женщина, с красными заплаканными глазами. С минуту длилось молчание. Отец и мать испытующе смотрели на меня. Ты нервно перебирала в руках концы дорожного шарфа. Я был совершенно спокоен.

— Сколько вам лет? спросил вдруг отец.

— Двадцать семь.

— Когда вы познакомились с моей дочерью?

— Вчера.

Отец заплакал. Заплакала и ты. Старик молча подошел к тебе, обнял. Ты упала перед ним на колени, прильнула к его рукам.

— Папа, я ничего не знаю... Но я не могу не ехать с ним!

— Да ведь ты же у меня все, все! простонал старик, бессильно опустившись в кресло. Я посмотрел на часы. До отхода поезда оставалось 30 минут.

— Отец, благословите нас, нам надо ехать.

Когда мы уже сидели в экипаже, ты прильнула ко мне на грудь и заплакала.

— Я не знаю, как это все случилось. Я не знаю, почему ты мне такой близкий. Ближе папы... Не знаю, как это случилось... Все оборвалось. Началось что-то новое... Не знаю, откуда это чувство... счастья, огромного счастья. Я ничего не знаю, но я так непростительно счастлива, что не могу не поплакать немножко...

* * *

На вокзале — смятение. Революционное русское правительство посылало донцов усмирить ультрареволюционный русский народ, принявшийся грабить «награбленное». В нашем вагоне командир сотни, молодой хорунжий Р., со своим «штабом» — толпой дюжих, чубатых станичников.

Поезд тронулся...

— Вско-лы...

Всколыхнулся, взволновался...

Поют донцы, а вслед несется «Северная смесь« от отборных ругательств и «ура» провожающих...

* * *

С первого-же момента нашей встречи ты заполнила собою всю мою душу и вне тебя, без тебя, отделенным от тебя для меня не существовало ничего. Ты была во всем и везде и в тебе было все. — Воздух, которым я дышал, была ты. Природа, которая меня окружала, была ты. Весь смысл и оправдание самой жизни моей было в тебе. И Бог, которому молился, была ты. Ты была начало и конец. До тебя я не знал никого; после тебя не было, да и не могло быть никого... А был ли я твоим началом?.. Любила ли ты уже до меня?.. Я не спрашивал тебя об этом. Да и не думал об этом. Слишком много ты дала мне. Принесла с собою такое огромное счастье настоящего, что невозможно было и подумать о твоем прошлом. Ах, я ничего не знаю, ничего!.. Разве те смутные, едва уловимые тени, что иногда, пробегали по твоему лицу, были тени прошлого?..

* * *

Тяжело говорить о том, что было. Тяжело именно потому, что было, прошло и завершилось страшною тайною: тайною твоей смерти.

А была ли у тебя тайна еще при жизни?.. Кто ныне разрешит мои сомненья?.. Сомненья, которых не было при жизни?..

Если-бы я писал что-либо такое, чего-бы со мною в действительности не было, я здесь привел бы твой «дневник», который «нашелбы» после твоей смерти; или я заставил бы твоих «друзей» или своих «благожелателей» написать мне «письмо»; или, наконец, столкнулся бы с Вортынским. Но я говорю только то, что было. А судьба не помогла мне ни одним из указанных способов. — Я не встретился с Вортынским, не получил никаких писем и не нашел никакого дневника... А вспыхнувшие после твоей смерти разговоры, даже с вмешательством полиции, так и остались разговорами и ничего не открыли.

* * *

Лишь один месяц без тебя я прожил в нашем доме. И чувствовал себя в нем, как в запущенном храме. Я не прикасался к твоим вещам; ничего не изменил в комнатах. Обед по-прежнему готовился на двоих. И на столе стояло два прибора. Рояль был открыт; на нем развернутые ноты — любимая наша песня, песня смерти...

А потом?.. Потом в дом ворвались «большевики» и разрушили храм мой.

* * *

Я все обещаю рассказать о нашей жизни, а говорю лишь о смерти. Обещаю рассказать все, день за днем, а останавливаюсь лишь на том, что было после смерти... Ибо наша жизнь не была жизнью — «день за днем». Это был миг, в котором пролетели миллионы лет жизни...

И все-же я не могу не выделить один день. — День нашей свадьбы. — Мы шли из церкви. Ты спокойно оперлась на мою руку и была какая-то сосредоточенная, серьезная. Ты сказала тогда:

— Сегодняшний день... Он впитал в себя все предыдущие дни, впитает последующие... Этот день — венчальный камень на пирамиде всех дней нашей жизни!..

И потом выпрямившись, гордо закинув голову, добавила:

— Посмотри, разве я не стала выше?!.

А когда мы сидели в парке и слушали музыку, тихо и медленно проговорила:

— Есть какя-то глубокая, глубокая правда во всем том, что читал и говорил священник.

Тогда я не придал особого значения твоим словам, вернее мысли, которую ты хотела выразить этими словами. И лишь после увидел, какое глубокое значение имел для тебя совершенный над нами обряд...

* * *

Я приходил к тебе из госпиталя. видел какою радостью, каким счастьем загорались глаза твои. Как всматривалась ты в мое лицо, будто всасывая в сердце каждую черточку, каждое движение нервов, каждую мысль...

Я должен был рассказывать все, что было за день нового. Ты усаживалась у моих ног. Клала мне на колени голову и, глядя на меня снизу вверх, просила: рассказывай, рассказывай.

Подтягивалась повыше. Обвивала мне шею своими гибкими, как змеи, руками; вздрагивающими губами искала мои губы... И потом только тихо шептала:

— Мой... совсем мой...

* * *

Иногда мы уходили в лес. Забирались далеко в чащу, куда не доходили докучные звуки города...

Будто зачарованный стоял лес. Ни одного шороха, ни одного движения. Затаив дыхание, неподвижно сидели мы. Точно сами были частью леса. Точно сами были во власти покоривших его чар. Редко-редко упадет какая-нибудь сухая веточка; вздохнет кудрявой вершиною самый высокий дуб и опять все тихо.

Однажды ты сказала:

— Мне кажется, что я слышу тишину... А разве тишина природы не есть совершеннейшая гармония? И дар восприятия тишины не есть драгоценнейший дар Бога?.. Благословляю тишину, которая открывает и говорит мне много больше, чем бурливая музыка жизни. Только в такие минуты можно молиться... В такие минуты открывается душа человека и он чувствует себя частицею Бога...

— Из всех песенок наших композиторов больше всего люблю: «Песенку без слов» Чайковскаго... А из всей музыки — музыку тишины, музыку без звуков... вот, какую сейчас слушаем...

— А почему истинное счастье немножко грустно? — Следуя своему, только одной тебе известному ходу мыслей, вдруг спросила ты. И потом, улыбнувшись, сама-же ответила:

— Вероятно потому, что счастье без грусти — не счастье, а «благополучие»...

* * *

Вот сейчас я говорю тебе: «ты была»; «ты была прекрасна»... Как будто в душе моей ты и сейчас не жива и не прекрасна. Для меня ты и сейчас прекрасна и полна жизни, как в тот момент в лесу, когда, поднявшись с мягкой сухой листвы, заломила над головою руки, хрустнула пальцами и крикнула:

— Я счастлива!..

Широкие рукава твоей блузки опустились и обнажились руки; высоко поднялась грудь, обозначив на тонком батисту две пурпурные точки сосков; влагой жгучей страсти покрылись глаза, полуоткрылись вздрагивающие от желанья губы и белей пены морской блестели зубы...

А сейчас я вспомнил один «случай»... Давно это было. — В нашем доме жил офицер, сосланный на Кавказ из Петербурга. Он приехал с невестой. Была она хрупкая и нежная, точно цвет мимозы. У нас-же в станице они повенчались. А через две недели она умерла... Давно это было. — Я не помню подробностей. Помню лишь, что офицера держали связанным на кровати и что у него в комнате день и ночь дежурили его друзья. Говорили, что у него «буйное помешательство» и что он все время пытается разбить себе голову о стену. Потом его увезли куда-то. А через шесть месяцев он вернулся и поселился в маленькой хатенке кладбищенского сторожа. Он почти не отходил от могилы жены, отказывался от еды и заметно сгорал... А однажды приказал сторожу разрыть могилу... Открыл крышку гроба... посмотрел...

— Закройте! — коротко приказал сторожу. Вылез из могилы и в тот же день уехал.

И с тех пор уже ни разу не приезжал в нашу станицу.

* * *

Почему я вдруг вспомнил про это? Что общего между тем, что было с нами и этой картинкой из жизни, о которой до сих пор я не вспоминал ни разу?..

Ты не была ни слаба, ни хрупка. Наоборот, здоровье и сила сквозила в каждом твоем движеньи, они яркими румянцами цвели на щеках, брызгами звонкаго смеха переливались в воздухе... Только иногда твои щеки бледнели, и тогда ты говорила, что у тебя болит сердце. Но уже в следующий момент ты смеялась. И смеясь, и целуя меня, говорила.

— Ах, глупое сердце. — Оно не в состоянии вместить всю любовь мою к тебе и потому болит немножко...

А я принимал твои поцелуи и думал, что от любви болит сердце.

— Боже мой, мог-ли я думать иначе, чем думала ты? — А для меня ты думала то, что говорила... Да и право-же я не знал, где кончался «я» и где начиналась «ты». Говорят, что близнецы даже на расстоянии друг от друга чувствуют одинаково боль, причиняемую одному из них. И душевное состояние одного передается другому. Вот так было и со мною. Сросся с тобой, растворился в тебе и все твои чувства были — мои чувства; твои боли — мои боли... Знаю, что все мои боли находили место в твоем сердце. И скрыть от тебя хотя бы часть их я не мог... Но, давала ли ты из своего сердца все свои боли...

* * *

Я чувствовал себя совершенно спокойным лишь тогда, когда ты была со мною. Да и тогда, инстинктивно, не замечая того, все время держал тебя за руку. Без тебя я не только духовно был половиною человека, но и физически чувствовал себя так, как будто все органы моего тела функционируют наполовину. Трудно это об'яснить. — Был неотделим от тебя. Как, например, неотделим от женщины утробный младенец.

Чувство физической зависимости от тебя с каждым днем становилось все сильнее. — Однажды я в смертельном ужасе бросился с койки, спасаясь от чего-то огромного, что грозило раздавить меня... В этот момент ты едва не попала под трамвай...

* * *

Из Москвы приехала делегация от союза офицеров-демократов. В этой делегации был и капитан Вортынский. Встретились мы с ним более нежели сухо...

Как и полагалось в это «свободное» время, приехавшие из Москвы делегаты были угощены огромным митингом, организованным в

их честь местными офицерами - демократами. — Было произнесено много прекрасных речей и за и против. Написали и послали куда-то несколько резолюций. Капитан Вортынский говорил что-то о чистой, неиспорченной душе товарища-солдата и призывал офицеров к ней «подойти»...

Вечером, рассказывая тебе о митинге, я упомянул имя Вортынского. Я заметил, что ты как-бы испугалась. А ночью, проснувшись, я услыхал, что ты плачешь... Увидав, что я проснулся, ты бросилась ко мне, казалось хотела задушить в своих об'ятиях; целовала меня так страстно, так нервно-торопливо, как будто боялась, что завтра уже не будешь целовать меня...

* * *

Я знал, что он тебе «делал предложение». Это ты сама мне говорила. И, в тот вечер, когда мы с тобой встретились, должна была «ответить»...

— Глупо это — «делать предложение», сказала тогда ты. — И он, и тот инженер, невестой которого меня об'явили, а женой которого меня хотела бы видеть мама... Вот ты не «делал мне предложение», а подошел и взял. Как человек, имеющий право подойти и взять. И я не отвечала тебе обычным «да», или «нет». Но пошла за тобой, потому что это было так само собой понятно...

Да и к чему я так много уделяю внимания тому Вортынскому!

В одном из твоих альбомов была его фотографическая карточка. Было несколько открыток, присланных им тебе из Петербурга. Обычные приветы и поздравления. Одна открытка адресована твоей матери. В ней он чрезвычайно почтительно справляется — «как чувствует себя Анжелочка...».

Сколько раз видел я эти открытки; читал их, и никогда оне не вызывали у меня тех мыслей, какие сейчас встревоженным осиным роем закружились в моей голове... Ведь, если были открытые письма, — должны были быть и закрытые. А я не видал закрытых...

* * *

Прости мне, родная, за эти строки! Правоже человек способен подумать иногда такое, что если бы он хоть на миг мог предположить, что все то, что он думает, станет известным другим, разбил-бы себе голову о камень или спрыгнул в первый попавшийся колодезь...

* * *

Тяжело мне сейчас. Так-же тяжело, как и в тот момент, когда получил телеграмму о твоей смерти. Но ведь и счастье было не обыкновенное. Ведь нам завидывали все, кто знал нас. А ведь и среди них были счастливые. Значит, чувствовали, что в их счастьи все-же недостает чего-то. Чего-то такого, что находили у нас.

Помнишь, в «Живом трупе» Федя вспоминая о своей жизни с женою, говорит: — У нас с ней все было хорошо... Очень хорошо. Жена моя была идеальная женщина и любила меня... Очень любила... Но в нашей жизни не было изюминки, что вот иногда кладут в хлеб...

А у нас эта «изюминка» была. И на ряду с этой полнейшей внутренней гармонией нашей внутренней жизни, счастье и удача сопутствовали нам во всем, чтобы мы ни задумали сделать.

Мы не знали, что это было роковое счастье. Счастье Поликрата...

Я говорю о счастьи. Говорю, что мы были счастливы... А что такое: счастье? В чем было наше счастье?.. Ах, это не поддается об'яснению... Но если бы кто любил так, как любил ее я, и если бы он хоть один, хоть один только раз увидал ее улыбку, он понял-бы что такое счастье...

А однажды Анжелика обвила мою шею руками, спрятала на груди зардевшееся от какого-то нового внутреннего света лицо; растегнула потом бешмет и поцеловала меня там, где бьется сердце... Потом подняла на меня свои ясные глаза с трепещущими в уголках слезами...

С этого дня ты уж не говорила о себе в единственном числе, но — «мы».

— Мы сегодня хорошо себя чувствуем.

Или:

— Мы сегодня немножко не в ладах.

И стала еще нежнее со мною. А боязнь моя за тебя стала еще острее. И не за здоровье твое я боялся. А все ожидал чего-то извне. Что-то такое, что грозило тебе... А что? Не знал.

Лечение мое окончилось. Прошла последняя комиссия, и мы оставили группы.

Железные дороги были уже во власти разнузданной солдатчины, но мне все-же удалось очистить от «товарищей» купэ I класса, и мы благополучно доехали до нашей станции.

Атаман нам выслал лучшую станичную тройку. Дружные рыжаки по сторонам и серый, в яблоках «бывший скакун» — в середине легко бежали по мягкой дороге.

Хлеба были уже скошены и по жнивью зеленым бархатом мелькала молодая отава. Кое-где пестрели четыреугольники бахч с неизменными куренями — резиденцией караульщика-діда. За полотном железной дороги, в степи, купаются в мареве догорающего дня отары овец, косяки лошадей... Миром, довольством и богатством веяло от широкой прикубанской степи...

Внизу, под горой, в рамке темно-зеленого леса извивается и искрится красавица Кубань. За нею — степь, ровная, как морская ширь, далеко на юге упирающаяся в стену снежных гор.

Выехали на гору.

— А где-же станица? спросила ты. — Вижу только лес вдали, да колокольню над лесом. И больше ничего не вижу...

— Но это и есть станица! Станица это — сад. Сплошной сад... Да и весь наш Край — один огромный, цветущий сад!.. Посмотри

хотя бы туда! Указал я рукою в Закубанскую сторону.

— Я понимаю, почему ты так горячо любишь свою Кубань, — сказала ты, любуясь Закубаньем.

— И не только потому люблю я ее: люблю ее потому, что она вся — моя. Что органически, может быть по звериному, чувствую свое право на всю Кубань. Не на какой нибудь отгороженный, отдельный клочек «собственной» земли. Такой у нас нет. Но именно на всю. Ибо, куплена она вся ценою крови моих дедов, а пóтом отцов превращена в цветущий сад. Люблю ее за ее красивую своеобразную жизнь, какою не живет никакой другой народ в мире; люблю за песни ее, в которых изливается свободная душа казачья; люблю за чистоту ее нравов, за рыцарство, еще сохранившееся здесь... Чудное, богатейшее наследство оставили нам наши седочупрынные деды!.. Мы ли растратили его?.. Да, я люблю Кубань. И хотел бы ,чтобы и ты ее любила так же.

— Да я уже люблю ее и, кажется, буду такой-же «самостийницей», как и ты!..

— Ты говоришь — «самостийницей»... А я, ей-Богу-же не чувствую себя никаким самостийником!.. Я — просто казак. В семье отдельных племен и народов имею свое, совершенно определенное место и имя. И от «непризнавания» нас — ничего не изменится. Не виноват же я, что родился казаком, а не русским или поляком?..

* * *

Нам приготовили торжественную «встречу». Кроме родных, собрались и товарищи отца, даже деды. — Все старые герои, «баязетцы»...

Я был счастлив. Счастлив тем, что меня любят казаки, и что ты видишь это.

— «Я очень, очень рада, что тебя так любят казаки», сказала ты, когда мы остались одни, и— поцеловала мне руку... — Я никуда, никуда не хочу уезжать отсюда...».

* * *

Мы тебя, Алексеич, в Раду выбрали... И всё поджидали, когда приедешь. — Так нас встретил Атаман, дородный старик старообрядец...

И его уж давно нет в живых. «Большевики» сорвали с него черкеску. Выволокли за станицу... Сперва — гнусные издевательства над душею и верою, затем — залп и кощунственные надругательства над телом.

Старик гордо перенес пытки. А окружавшей толпе крикнул перед смертью:

— Умираю за Казачество!

* * *

— Послужи нам, Алексеич. Ты наш рóдный казак... Береги Казачество... А это что-ж — барыню привез?.. Одной казачкой прибавилось. Смотри, казачат побольше!...

— Будут! Будут! весело ответила ты, слезая с тачанки.

— Не мы Россию развалили. Сама взбесилась. Отгородиться-бы... По старинке. Как деды живали... Чтоб атаман, значит, свойский... Рада... Да закон казачий. Порядок... А этого самого «гражданства» рассейского, «товарищей» — нам не надобно...

Бедные. Они чувствовали, что наступали грозные дни для Казачества и отделением от «побесившейся» России думали удержать свою Волю Вольную...

* * *

Чтоб рассказать о том, как мы жили в станице, я должен был бы написать целую книгу о том, как мы с благороднейшим из благородных людей, султаном Г., разрабатывали его старые проекты поднятия экономического благосостояния родного края на такую высоту, чтобы он был славен на мир. Как мы готовились к проводке трамвая между нашей станицей и хутором. Мечтали о соединении узкоколейными железными дорогами всех станиц степных нашего отдела с главной железнодорожной линией. Как популяризировали идею орошения излишней водой Кубани станичных юртов по Егорлыку. Как мы мечтали об организации новых «Казаче-Черкесских» школ. И, какими идеями вдохновлялись, задумав открыть такие школы...

Вторую книгу должен был бы написать о том, как просиживал я со стариками целые ночи в поисках «спаса» от непрошенных друзей-«товарищей». Как собирали по станицам оружие и прятали про черный день. Как отбивались от разноцветных «учителей», приезжавших учить нас уму-разуму...

И третью, написать о тебе. И назвать эту книгу: «Сострадание». В ней я должен был бы рассказать, как с первого-же дня, как только ты открыла двери кабинета, к тебе пошли казачки со всеми своими болестями. И не только физическими. Как быстро ты снискала любовь, их. Как всей душей сроднилась с ними, — радовалась их радостями, и плакала с ними...

— Тяжелая, суровая доля — казачья доля — в об'ятьях «единой-неделимой». Не сын и не пасынок; ни слуга, ни равный... Служба. войны, походы, «граница»...

Но казаки знали и радости. Знали радости побед, с которыми не сравнится никакая иная радость. Знали славу. И в блеске ее — легче переносили недолю... За честь Кубани, не задумываясь клали головы...

А казачки?.. Возьмите песни их — среди них нет ни одной веселой. О чем думы их? — иметь крылья — полететь туда, где убит милый. Собрать его «косточки»... Или омыть слезами раны. Перевязать их косою русою.. Впитать в свое сердце всю боль их лютую...

И с такими песнями, с такими думами, от которых «сердце разрывается» и без «присухи трава вянет», «лицо белое» оне пахали, сеяли... Воспитывали детей. Чтобы потом, когда подрастет:

... Провожать тебя я выйду...

Недаром еще Гоголь сравнил стон взбун-

товавшегося Днепра с плачем матери казака, выпровожающей его в Войско. Но отнимете от нее ее высокий долг воспитания казака, — отнимете самый смысл ее жизни. За слезы, за песни, за тоску свою, за гордость казачки-матери — оне держались еще крепче, чем казаки за старую славу свою. И в наступившие черные дни большевицкого засилья явились вернейшими и надежнейшими хранительницами всего казачьего. И не один «распропагандированный», колеблющийся фронтовик взял винтовку и выступил на защиту родной станицы, подчинившись приказанию жены, устыдившись сестры иль испугавшись проклятия матери...

Вот такою казачкою стала и ты...

* * *

Что это? Или уж я стал так сантиментален, что, вспомнив о казачках, заплакал?..

Мне надо успокоиться. — Сегодня у меня шла кровь горлом. Много крови. Это предостережение, что я не имею права распространяться.

Пойду к морю. К тому-же сейчас, когда воспоминания о казачках слезами тоски покрыли глаза мои, из соседней комнаты несется отвратительный шимми... Слышно шарканье ног. То какой-нибудь «феш младіч» с разрисованной «шйорой» танцует модный танец...

* * *

Так в чем же было наше счастье?.. Ах, если бы тогда задали нам этот вопрос, мы-бы ответили:

- А разве не счастье жить в родной, свободной станице и служить своим станичникам?..

Мы хотели и умереть в родной станице... Увы, в этом нам было отказано.

* * *

Уже давно слышу голос твой. Давно слышу тихое веяние твоих мыслей, помогающих мне записывать то, что было.

Слышу — ты спрашиваешь, почему я не говорю о наших музыкальных вечерах? о твоей игре? . Когда это было лучшим украшением нашей домашней жизни? .. Я не пишу об этом потому-же, почему не пишу и о тебе.

Разве можно словами описать, какая была ты?..

И наилучший портрет — лишь бледная копия оригинала. Тем менее слова. И потому, как ни ярок твой образ в сердце моем, изобразить его словами я не могу. И унесу его с собою. А говорить о музыке?.. Нет, о музыке нельзя говорить. Нельзя потому, что нет таких слов, которыми бы можно было выразить то, что говорит человеку музыка.

Музыка, это — глас Бога. А человек еще не изобрел азбуку для этого языка. Скажу лишь, что у меня всякая музыка вызывает безграничную грусть. А твоя — наполняла мне душу — скорбью.

Есть у нас на Кавказе благородный и храбрый народ — адыге-черкесы. Их язык до сих пор не имеет своей азбуки. А почему, — об'ясняет поэтический рассказ Шапсугского муллы, приведенный в «Истории Кубанского Казачьего Войска», Ф. А. Щербины. Вот этот рассказ:

... «В один ненастный осенний вечер тоска угнетала меня. Я удалился в свою уну, крепко запер за собою дверь и начал молиться. Буря врывалась в трубу очага и возмущала разложенный на нем огонь. Я молился и плакал; вся душа выходила из меня в молитву; молился до последнего остатка сил, и там-же, на ветхом чилиме молитвенном, заснул. Дух ли света, дух ли тьмы стал передо мною и, вонзив в меня две молнии страшных очей, вещал громовым голосом: — Натаук, дерзкий сын праха! Кто призвал тебя, кто подал тебе млат на скование цепей вольному языку вольного народа адыге? Где твой смысл, о человек, возмечтавший уловить и удержать в тенетах клекот горного потока, свист стрелы, топот бранного скакуна?.. Ведай, хаджи, что на твой труд нет благословения там, где твоя молитва и твой плач в нынешний вечер услышаны. Повелеваю тебе — встань и предай пламени нечестивые твои начертания и пеплом их посыпь осужденную твою голову, да не будешь предан неугасаемому пламени «джехеннема»...

Натук пробудился от тяжелого сна, разжег костер на очаге и сжег на нем свои дорогие свитки».

Вот так и музыка. Нам дал ее Бог и в ней открывает сердцу человека премудрость свою. Но не дано нам словами передать голос Его.

* * *

Но почему, как только я хотел попросить тебя сыграть похоронный марш Шопена, в этот же момент из-под твоих пальцев вырывались рыдающие, тяжелые звуки, точно стоны колокола, провожающие на кладбище усопшего?.. Почему нам так близка была эта песнь неутолимой скорби?..

И когда ты играла этот «марш», у меня всегда так больно сжималось сердце, точно оно вместе со звуками впитывало в себя всю боль земную... А зарождающиеся Бог весть откуда и почему тревожные предчувствия передавались тебе, и ты, повернувшись от рояля, со страхом спрашивала:

— Что с тобою, милый?

- Ах, Анжелочка, боюсь чего-то, отвечал я. И, взяв тебя на руки, долго, долго смотрел в глаза твои, как-бы в глубине их отыскивая причину своей тревоги...

А потом наступала ночь... И я с трепетным желаньем ожидал тебя... И встречал так, как будто ты входила ко мне впервые...

* * *

Так прошел еще один месяц. И на небе нашей жизни не пробежало еще ни одного облачка. А грусть, рождаемая музыкой, была лишь ее синевою.

Станица жила мирной, трудовой жизнью: Гудели десятки молотилок, широким потоком изливая в мешки тяжеловесную пшеницу. А запыленные, веселые казаки и казачки развозили ее по амбарам. Діды готовили к пахоте «бу-

кари», возились в садах и виноградниках. Никто не сидел без дела. От ранней зари и до поздней ночи сновали казаки по станице, точно муравьи, собирая щедрые дары кубанской земли.

А вечером просыпалась песня. Вечером сотнями, тысячами молодых звонких голосов пела станица...

Діды чинно сидели на заваленках, вспоминали старое, свои походы, старых командиров. Или тоже присоединялись к общей песне и затягивали «Старинушку»:

— «Не заря-ль ты, моя зорюшка».

Или:

– «На высотах было Саганлукских...».

Улеглась пыль от прошедшего стада. Прошумели лохматыми верхушками акации...

Повеяло прохладой. Всюду мир.

* * *

— Боже, как хорошо жить в станице, говорила ты однажды вечером. — Какая это полная, разумная и красивая жизнь. Какое счастливое сочетание военно-патриархального уклада с прочным, здоровым прогрессом. Как люблю я эту, общую всем казакам черту, врожденный аристократизм и, я-бы сказала, племенскую гордость.

Казак — все может. Все смеет. — Вчера, например, был у меня мальчик лет 14. Ему надо было выдернуть зуб. Очень плохой зуб: одни корешки.

— Это будет очень больно, если дергать сейчас же, говорю я. — Ты не будешь плакать?

Эх, как у него вдруг загорелись глазенки!.. Так и вспыхнул весь.

— Разве я не казак? Дергайте!

Схватился за ручки кресла и хоть бы пошевельнулся. Только по щекам градом покатились слезы.

— Это ничего, что слезы, утираясь сказал он. А все-же я не закричал.

Разговорилась я как-то с одним стариком и, между прочим, спросила:

— Ну что, дедушка, за какую партию вы будете голосовать в Учредительное Собрание?

Старик с сожалением посмотрел на меня.—

— Что я — мужик что-ли, чтобы голосовать за партии?.. Казак я. Значит ясно, что и как... У казаков одна партия — Казачество; оно постарше-то партий. И понадежнее...

А уж про казачек я и не говорю. Это положительно древние римлянки. А песни их, это такая красота!.. Я обязательно запишу их все. Некоторые я уже записала...

– А ну?..

Ты села за рояль... И я и до сих пор еще помню в какой восторг ты привела меня варьяциями женской песни:

— «Наши мужья, они во походе...

В чужой дальней стороне...».

— Что, разве я не казачка?..

Я только молча целовал твои пальцы.

.... Это тогда ты мне сказала:

Я сумею воспитать его казаком...

* * *

Погашены свечи у рояля. В комнате полумрак. По ковру плетет узоры месяц. В окна льется сладкий запах ночной мяты. Где-то, в садах под горою, перекликаются сычи. Тявкнут иногда собаки, будто тоже уставшие за долгий летний день. Прогудит, отбивая часы, на православной церкви большой колокол. На его гул отзовутся другие, и опять все дремлет.

А мы, обнявшись, молча сидим еще долго, долго пока и нами не овладеет дремота и прекрасная действительность не смешается с еще более прекрасными грезами.

* * *

А с севера надвигалась гроза. Разгоралось кровавое пламя анархии. Ополчались дьяволы, и гибель грозила не только казачьей свободе, но и самому бытию Казачества.

И над нашим счастьем; над нашим гнездом, в котором уже ожидали птенцов своих, собирались тучи.

* * *

Я не был раньше «суеверным» и над всеми народными «приметами» (суеверием?), если и не смеялся, то и не верил им нисколько. Но теперь, вспоминая прошлое, вспоминая все те «незначительные» явления, которые для народа были «приметами» грядущих значительных событий и, действительно переживя эти события, я верю им так же, как верит народ. Пусть меня назовут «суеверным». Мне это совершенно безразлично... А впрочем, кто назовет? Те, кто меня знает, уже не увидят меня больше, а кто не знает, — что им до того — суеверен я или нет?

Есть у человека одно чувство, которое обычно называют инстинктом. Что это такое – инстинкт? Меня не интересует научное его определение. Но я так много знаю примеров, когда инстинкт предсказывал человеку судьбу его, и так часто предсказания инстинкта совпадали с определенными явлениями — приметами, что суммировав их, нельзя не прийти к вере в них. На войне я был свидетелем многих случаев, когда человек за несколько дней предсказывал свою смерть, хотя обстановка в тот день, когда он предсказывал свою смерть, совершенно как-бы исключала всякую возможность опасности. Знал людей, которые с песнями и шутками бросались, казалось-бы на верную смерть. Но не потому, что были «храбры», а потому, что знали, что лично им не грозит никакая опасность. На это у них были свои «приметы».

А инстинкт массы еще вернее, еще безошибочнее, чем инстинкт индивидуума.

Особенно яркие примеры предугадывания событий были опять таки на войне. — После Сарыкамышских боев нас отдельными батальонами разбросали по огромному фронту северной Турции, с заданием наблюдать за всеми более или менее проходимыми дорогами, ведущими к нашей границе.

Приказы высшего командования и сама обстановка на фронте говорили за то, что мы

надолго заброшены в горные, занесенные снегом трущобы, но казаки упорно твердили, что мы здесь простоим не долго. И весьма неохотно исполняли приказание командира рыть землянки.

Как-то я спросил своего взводного урядника, почему он со своим взводом не устраивается, а мерзнет в снегу, когда нам стоять здесь по крайней мере до весны.

— Никак нет, ваше благородие. — Мы не будем здесь стоять до весны.

— Но почему?

Урядник замялся немного; потом, не глядя на меня ответил:

— Потому, что нам стоит теплый край и море.

— Какой там «теплый край»? Кто это говорит?..

— Все говорят, уклончиво ответил урядник.

Так и случилось: неожиданно для командиров частей, а может быть и для самого командующего Кавказской армией, нас сняли с позиций и перебросили в Батум.

В Батуме начались спешные работы по подготовке дессанта в Константиноцоль. А казаки только посмеиваются.

— Не бывать этому дессанту. Галиция нашу кровь ждет.

В Севастополь, накануне нашей посадки на пароходы, приехал царь и, после смотра, обращаясь к казакам, сказал:

— Желаю вам благополучно переплыть море. А там, когда высадитесь, я за вас не боюсь.

— Ну, что? говорю я после своим казакам. — Верите теперь, что дессант будет?.. Сам царь сказал!

— Никак нет! У Галицию нам стоит дорога...

На другой день после от'езда царя нас посадили в вагоны и — на Сан...

А «приметы»?.. На основании каких «примет» сказал мне однажды отец:

— Владимир, так люди не живут долго... Или ты, или Анжелика... Кто-нибудь из вас скоро умрет.

Что он знал? Какие «приметы» видел?..

И отчего так больно, с такой недоброй тревогою сжималось иногда сердце...

* * *

Нависла над Кубанью тревога и хотя ничего еще определенного не было, что оправдывалобы тревогу — сумрачными, озабоченными ходили казаки. И уже не чувствовалось того покоя, того радостного, здорового веселья, что отличают жизнь станицы от крикливо-нервной жизни города.

* * *

Мы не должны, не смеем разлучаться, лаская и обнимая меня, сказала ты однажды... А на другой день я был вызван в Е. и пробыл там 10 дней.

То была наша первая разлука за 4 месяца... а еще через месяц?...

Ах, зачем забегать вперед?.. Разве уж так скоро начнутся те страшные дни, вспоминая которые я и теперь не могу не спрашивать:

— Зачем все это было?.. Зачем?..

И разве уж так скоро конец мой?..

Право же в те 10 дней разлуки не произошло ничего особенного. — Ты мне каждый день писала обширные письма; я каждый день отвечал на них. А приехал неожиданно для тебя. И когда увидал тебя, занятую какой-то работой в кабинете, когда ты, повернувшись, вспыхнула светом счастья, а глаза вдруг налились радостными слезами, я, как и при первой встрече, пал к твоим ногам и только шептал:

— Анжелочка... Анжелочка...

* * *

— Мы никогда не будем разлучаться, никогда!.. Ни на минуту!.. Говорила ты, прижимая меня к груди...

— Разве может сердце еще раз перенести безумье такой встречи?..

* * *

А именно этот-то момент и был роковым началом конца. — Эта встреча убила того, о ком мы столько мечтали...

— Это был бы наш первый, печально говорила ты.

И стала жаловаться на боли.

— Я сама врач и знаю, как опасно то, что со мною было. Мне нужно к хорошему доктору...

— Вот оно, пронеслось у меня в похолодевшем мозгу. — Вот в чем — тревога...

А ты уже кинулась ко мне, целовала лицо, руки...

— Милый, ну можно ли так пугаться... Все пройдет. Пойду к доктору. Со многими бывает и проходит...

— Только обязательно к доктору, обязательно, умолял я.

С тех пор меня начали мучить сны. Вернее один сон. Ибо видел я одно и тоже и всегда с такой точностью, что начал бояться, как чего-то, что должно случиться и на яву.

Ах, эти сны, что будили меня среди ночи, облитого холодным потом, с застывшим от ужаса сердцем!.. Как жутко — точно предсказывали они то, что должно было произойти вскоре..

Я бросался к тебе. — Обнимал тебя так, как никогда еще не обнимал, целовал так, как будто боялся, что после никогда уж не буду целовать тебя.

Что с тобою, милый?.. Что ты видел?..

Я только крепче обнимал тебя. — Не помню, но что-то страшное...

Целый день я чувствовал себя разбитым. Страх, тоска грызли сердце...

Перестал ходить на службу. Никакая работа не могла увлечь, заинтересовать меня. Целые дни просиживал дома. Так бы и не отрывался от тебя!.. Со страхом ожидал ночь... Когда твои слезы заставили меня пойти к доктору, тот нашел у меня «нервное расстройство».

Я не рассказывал тебе свои сны, хотя видел,

как мучаешься ты оттого, что я скрываю от тебя истинную причину своей «болезни». Теперь могу рассказать.

Я видел: ты, нагая лежишь на кровати, а я сижу около тебя и наблюдаю жизнь твоего тела. Ровно поднимается и опускается грудь. По щекам блуждают румянцы. Уста чуть-чуть полуоткрыты и похожи на свежеразрезанную спелую вишню. Правая рука — в моей руке; левая покоится на груди... У кровати стоят два светильника. Свет от них падает на тебя сбоку, отчего все тело кажется окрашенным в розоватую окраску...

Вижу каждую черточку, каждый изгиб твоего тела и, точно боясь пробудить тебя, шепчу: — Богиня, спящая богиня...»

Но вот заколебалось пламя светильников, будто от пронесшегося ветра, а из каждой поры твоего тела начинает выделяться пар, или дым. Руки свиваются в две спирали пара; в эти спирали втягивается пар поднимающийся от тела, и вся ты, превращалась в облако пара, медленно, почти незаметно, но непрестанно уменьшаясь, исчезаешь. Я хочу обнять тебя, задержать это страшное исчезновение, но не могу пошевельнуть ни одним мускулом. Чувствую за спиною присутствие кого-то, кому нужно твое исчезновение, но, скованный ужасом, не могу повернуться к нему. Сколько времени это продолжается, не знаю. Но вот на том месте, где б ы л а ты, оказывается сверток черного сукна «штука». Сверток этот разворачивается в бесконечно длинную и широкую ленту, которая, поднимаясь одним концом вверх, сгущается в тучу. Светильники гаснут. Наступает мрак, в котором вместо воздуха — сукно. Я задыхаюсь. Из груди вырывается последний, как мне кажется, крик и я просыпаюсь. С пробуждением, ко мне возвращается способность движения, и я тотчас же хватаюсь за тебя, чтобы убедиться, что то был сон...

Потому-то я так крепко-крепко обнимал тебя, прижимал к груди, целовал тебя и шептал что-то, как безумный.

Так продолжалось около двух недель. Тяжелые предчувствия раз'едали мне душу, а ты часто плакала...

И только изредка, обычно, когда мы работали в саду, когда я смотрел, как ты перекапываешь грядки или копаешь ямки для новых посадок, ничуть не уступая в силе и ловкости ни мне, ни работнику, когда, раскрасневшаяся, с разметавшейся, коротко остриженной косою, протягивала ко мне руки и, смеясь говорила:

— Посмотри какие у меня мускулы!.. О, я очень сильная!..

Тогда я стряхивал с себя ночные кошмары.

— Да что-же в самом деле случилось?.. Сны?.. Но ведь это просто игра нервов. Займусь работой, и все пройдет... Разве мы не молоды? Не сильны?.. Мы хотим жить и будем жить!

Часто, перед вечерним чаем, мы бегали с тобой «на перегонки» по двору, а «арбитром» нашим были отец и наша несчастная «сидели-ца» — Маруся... К слову — помнишь ли ее неизменную песню:

«Родом мы от бедных азров,
Полюбив, мы — умираем...».

Иногда, оседлав «Кабардинку» и «Арапа», мы выезжали в поле. Мы то ехали шагом друг около друга, то сразу бросались широким наметом по простору «восточной толоки». Твоя «Кабардинка» выносилась вперед, и ты, гордая победой, поворачивала ко мне свое сияющее от радости лицо, кричала: — Догоняй!..

В ушах свистит ветер, пьянящий, возбуждающий... А навстречу нам летит, летит бесконечная, родимая степь, вся залитая кротким розоватым маревом...

А рыбная ловля?.. Сколько прелести было в этих сборах, в дороге к Челбасам между подсолнечниками; остановки на пасеках, или у чабанов... Помнишь, каким чудесным медом угощал нас старый Пахомыч, с каким аппетитом мы ели степовой суп с бараниной у словоохотливого Шамрая?.. А вечера у костра на берегу сонной степной реки?..

Так близка и мила сердцу родимая степь, с ее высокими курганами, с крутыми, заросшими осокою, балками...

Нет, лучше не вспоминать о широкой родимой степи: невольно напрашиваются сравнения с местными каменными «делянками», на которых хорват, с детства перегнувшись вдвое, и не разгибаясь до самой смерти, выращивает три-четыре куста боба или жалкий сноп пшеницы.

Вспоминая степь, вспоминаю наших веселых друзей — маленького, юркого Андрея и рослого красавца Степана: оба «Георгиевские кавалеры», оба страстные охотники, казаки и душею и телом. И оба, всего лишь два месяца спустя после наших поездок на Челбасы расстреляны большевиками.

* * *

Приближалась осень. Волны анархии уже захлестывали станицы. На Кубани оседала солдатчина. Кой-где уже начались разгромы «таврическихъ экономий»: первый акт трагедии под названием: «земля трудящимся».

В Е. тревожно. Компромиссная политика кубанских казако-россов потерпела полное фиаско. Иногородний элемент воспринял русскую революцию, как господство над всеми не русскими народами России, а в первую голову — над казаками. В последний раз прозвучали сладкие напевы о «бескровной», и в воздухе запахло кровью. Я должен был ехать в Е.

А недобрые предчувствия окончательно овладели моим сердцем... И вот, в последнюю перед от'ездом ночь, мне приснился новый сон.

Мне снилось: ты лежишь около меня тихая, спокойная. В глазах еще вспыхивают зарницы пронесшейся страсти. Прекрасным изгибом заломлены над головою обнаженные руки. Нервно дышат упругие груди, еще не остывшие от моих поцелуев.

И вся ты точно пламя, пригнутое ветром, во всякий момент готовое вспыхнуть вновь

огнем неугасимой страсти. Опьяненный красотою твоего тела, безмерно счастливый, гордый сознаньем, что все это принадлежит мне, что ты вся моя, что для меня дышат, бурно вздымаются эти груди, моих поцелуев ищут губы; огонь моей страсти струится в твоих жилах и что благодаря мне спокойной синевой далекого неба светят глаза, — я покрываю бесчисленными поцелуями твое дивное тело; впиваюсь горячими устами в твои кровью налитые уста, прижимаюсь к груди... Сливаемся в могучем об'ятьи... и вдруг я замечаю, что целую и обнимаю — мертвую... С ужасом чувствую мертвую окоченелость трупа... Но — продолжаю также страстно целовать и обнимать тебя — мертвую...

Проснулся. — Ты лежишь около меня в том положении, в каком тебя видел во сне. Я уже не мог заснуть. Придвинули столик к кровати. Достали вино, фрукты...

— Будем пить!..

— Кутнем!..

* * *

Мало что уже осталось рассказывать о нашей жизни. Мало... Сколько ни отнимает времени кашель, как ни торопится к вечному покою сердце — рассказывать о том, что было в те последние несколько дней, не долго. И я успею рассказать это.

* * *

Целый день 30 октября ты возилась с укладкой моих вещей. Не знаю, в какой уже раз перекладывала в корзине белье. Учила, когда и что я должен надеть, где что́ искать... А то, вдруг, оставив укладыванье, прижимала мою голову к своей груди, целовала волосы, — крестила меня...

— Боже, да что со мной?.. Почему мне так больно, так невыносимо больно отпустить тебя!.. плача, говорила ты и опять принималась укладывать.

Смотри, вот здесь лежат носовые платки, здесь вот рубашки... Сюда вот я уложу твои бумаги... Да ты не смотришь?..

Смотрю, смотрю, отвечал я, не видя ни платков, ни бумаг, не понимая твоих наставлений... Видел только тебя. В голове было только одно:

— Скоро, скоро уеду...

И было мне так, как-будто кто разрывал мне сердце...

Наступил вечер. Проводить меня пришли отец и мать. В последний раз мы все собрались в столовой. В последний раз ты подала мне чай...

С самаго утра шел дождь. За окном плакала и стонала осенняя непогодь. Я сидел у окна, а ты примостилась у моих ног и, подняв на меня глаза, казалось, навеки хотела всмотреть мое лицо в свое сердце.

Перед разлукой вообще не говорится, сейчас-же говорить о чем бы то ни было, было положительно невозможно. Но и молчание было безмерно тяжело. Отец спросил:

Когда отходит поезд?

— В одиннадцать.

— Значит в Енске в 7 утра?..

И опять молчание.

— Ямщик под'ехал, тревожно прошептала ты, не сводя с меня глаз.

И — то... будто прогромыхало что-то, подтвердила мама. Засуетились вдруг. Взялись за вещи.

— Нет, посидеть надо, сказала мама.

— Старый обычай, как-бы извиняясь добавил отец. Не будем уж отступать от него... Посидим немного.

Сели. За окном плакала непогода. В трубе стонал ветер, жалобно дребезжа вьюшкою. Вдруг в окно снаружи что-то ударилось. Глянув туда мы застыли от ужаса: из тьмы смотрела на нас огромная черная кошка. Жутко, зловеще мяукая, царапая по стеклу когтями, оскалив зубы, буравила она нас своими злыми светящимися глазами. Я инстинктивно отшатнулся от окна. Вздрогнул... А ты?.. Вся кровь сбежала с твоего лица. Показалось даже, что у тебя нет лица. — Видел только глаза. Неестественно большие глаза на белом поле.

— Господи Иисусе Христе; шепчет, крестясь, мать. И поспешила в корридор.

— Ох, не спроста это!... Не к добру́ это!.. слышал причитанье матери.

— И откуда возьмется! с досадой говорит отец, гладя тебя по голове.

* * *

На улице, у под'езда, стояла общественная тройка. Дождь хлестал по поднятому верху экипажа. Акации печально шумели своими сиротливыми мокрыми ветками.

— Ты что запоздал так! раздраженно крикнул я ямщику, хотя он нисколько не запоздал и, хотя в душе я желал, чтобы он и совсем не приехал.

— Грязь большая... Еле добрался! ответил тот.

Уложили вещи. Пока я с отцом возился с ними у экипажа, ты со свечею в руках стояла на крыльце. Взбежал по ступенькам на верх. В последний раз прижались друг к другу. Последний поцелуй. На мгновенье задержал твою руку...

— Какие холодные пальцы — как у мертвой... И когда я уже сидел в экипаже, когда последний раз глянул на тебя, когда увидал тебя, освещенную колеблющимся пламенем свечи, у меня против воли вырвалось страшное слово:

— Прощай!

— Прощай!—как эхо, больно, отозвалась ты. Лошади рванулись, и я увез с собою последний звук твоего голоса, последние лучи твоих глаз, с мольбою провожавших меня...

* * *

Теперь, когда передо мною проплывает то время, и я гляжу на него сквозь очки последующих событий; когда я вижу, как цеплялись один за другой все те факторы, наличие которых уже само по себе говорило о неизбежности

рокового конца; когда вижу, что все те сны, безотчетная тревога, непонятная боязнь за тебя, страшные, неизвестно на чем основанные предсказания, острая боязнь и самой краткой разлуки, — были ясно видимые вехи на нашем пути и что только по этому пути шли мы и свернуть с него не могли, — мне становится страшно и за нашу прошлую жизнь и за жизнь человека вообще... Ничего-то мы не знаем... ничего!... Тусклыми, далекими зарницами блеснут иногда «откровения» и погаснут.

И опять — тьма... Даже «откровения» то эти, этот свет велий, разгоняем силою своего разума, как что-то неприсущее самой природе человека. Для всего нашли мудренные определения, все рассортировали по полочкам так, что кроме этих полочек и не видно ничего. Как будто и нет ничего...

Почему, например, я так боялся твоей поездки в Энск? Ну, я знал, что там в это время находился Вортынский — коммисар по военным делам Энского совета, — но боязнь свою, нежелание, чтобы ты ехала в Энск, ни на одно мгновенье не связывал с его именем. Я знал, что тебе надо было с'ездить в Энск: ты ехала повидать отца «в последний раз». Нужно было взять кой-какие вещи, а главное, обратиться к доктору... Столько очевидных неоспоримых данных за то, что тебе надо было ехать туда. Тем более, что из Энска ты должна была ехать прямо ко мне в Е... И все-таки, как только я остался один, — в голове вдруг засела мучительная, неотвязная мысль:

— Анжелика не должна ехать в Энск.

* * *

Всю дорогу от станицы до Е. я провисел на нижней ступеньке вагона. Те, кто пережили «Великую Рассейскую» знают, что значит «висеть» на нижней ступеньке вагона. — Это значит, что во всякий момент от толчка ли или оттого, что устанут руки, — ты можешь очутиться под колесами поезда. — Это значит, что тебя в любой момент, просто для молодецкой потехи, столкнут туда же «свободные граждане» самой «свободной» в мире страны, — это значит, что в вагонах, на вагонах, на буферах, на ступеньках, на паровозе — всюду, где только можно стать, сесть, лечь или хотя-бы ухватиться рукою — стоят, сидят, висят «товарищи-солдаты», развозящие великобескровные лозунги: бей, режь, грабь... Великороссийские изготовления французских продуктов: егалите, либерте, фратерните...

От мысли, что тебе придется ехать с такой компанией, холодел мозг.

— Приеду в Е., обязательно пошлю телеграмму, чтобы Анжелочка оставалась в станице, думал я всю дорогу.

* * *

Я так и сделал. Но ты не получила моей телеграммы. Как-бы предчувствуя это, я послал тебе сейчас-же письмо с казаком. Он был «случайно» убит на ст. К. солдатами проходящего с фронта эшелона. Я послал тебе еще несколько писем, надеясь, что хоть одно из них ты получишь... Ты не получила ни одного. А твое, в котором ты писала, что выезжаешь в Энск, я получил. Второе письмо от тебя я получил уже из Энска. В нем ты сообщала, что доехала благополучно, но что тебя мучит чудовищная тревога за меня. Было отчего тревожиться: в Е. уже пролилась кровь. Началась борьба не резолюциями и речами, а пушками и пулеметами.

»... В это тревожное время я должна быть с тобой, писала ты... я измучилась, изнервничалась. Рисуются всякие ужасы. Не знаю, что у вас делается, так-как ваши газеты сюда не доходят. Думала остаться здесь 5—6 дней, но чувствую, что не выдержу, это выше моих сил...»

Вечером того-же дня писала:

— «Нет, я абсолютно не могу быть здесь дольше: страх, страх гонит меня отсюда. Боюсь выходить из дому... Думы с тобою... Даже мои старики, которых так хотела видеть, кажутся чужими. Сердце готово вырваться из груди и лететь к тебе... А писем от тебя нет... Завтра с вечерним поездом выезжаю.

Твоя жена.

P. S. Я совершенно здорова, а ты?

Геля.

На другой день утром:

... Проплакала всю ночь. Страшно мне... «Товарищи» стреляли всю ночь. Говорят, что пришли матросы... А от тебя и сегодня — ничего... Папа совсем не выходит из дому. Я все-же выйду, куплю кое-что. Возьму монограмму, которую заказала на твой портфель... Хотела, чтобы ты не узнал о моем маленьком подарке прежде времени, да вот видишь, не смогла... Крепко, крепко целую тебя! Послезавтра уже будем вместе. И только тогда я успокоюсь. Каждая минута без тебя — ужасна. Храни тебя Пресвятая Богородица!

Твоя маленькая, одинокая

Анжелочка...»

Это и предыдущее письма я получил, когда тебя уже н е б ы л о...

* * *

Вот я написал этих два коротеньких слова... «не было». И у меня так больно, так больно сжалось сердце... Осмотрелся кругом... Один... Один до ужаса... Зачем я здесь... Зачем тогда у меня выбили из рук кинжал?..

Так не похоже на близкую смерть все то, что ты мне писала за — пять часов до смерти...

Неужели так было нужно? Кому?..

* * *

Весь тот день я в смертельной тоске метался по Е. Чудовищная тоска... Гнетущее, ноющее чувство тревоги лишило меня возможности не только делать то, для чего приехал в Е., но и понимать, что вокруг меня происходит. Я то запирался в своем номере и, не ша-

гал, а бегал из угла в угол, то бросался на кровать, закрывал голову подушками спасаясь от преследующих криков боли самого дорогого для меня человека, которому не мог помочь; то выбегал на улицу думая, что толпа развлечет, успокоит меня. И... и ожидал чуда: не увижу ли среди стольких тысяч — тебя!.. Почему бы ты не могла быть здесь, когда другие — могут?.. Садился на трамвай, бесцельно ездил туда-сюда... Обошел весь парк. Побывал даже на пристани... Несколько раз заходил в Атаманский дворец, где происходили заседания Рады. Но о чем там говорилось не понимал. Точно был усыплен кем-то, и находился в состоянии транса. Долетали отдельные фразы, но без всякой связи с действительностью. Четко вставали картины из жизни на фронте, назойливо вертится мотив какой-то песенки, уловленной на улице... А надо всем этим чудовищное беспокойство и страх...

На обед попал в Собрание. Но — ничего не ел. Пил много.

Да, я должен напиться: засну и— все пройдет.

Но пьян не напился. Только отчаянно заболела голова.

Выскочил на улицу. Не помню, как добрался до «Европы». Бросился на подушки и зарыдал:

— Анжелочка!.. Анжелочка!..

В этот момент, как я узнал после, ты кричала:

Спасите меня!..

На другой день я получил от тебя письмо. То самое, в котором ты сообщала, что «завтра вечером поездом выезжаешь ко мне...»

Я сидел за столом в одной из комнат дворца. Около меня сидели мои друзья. Кажется, в этот день выбирали «управляющего военными делами...» О чем-то горячо спорили. Я читал твое письмо. А стоявший за моею спиной Алексей Иванович подсмеивался:

В наш век — на пятом месяце брака уж разводятся, а он, как влюбленный жених, в сотый раз перечитывает письмо жены!..

К столу подходит дежурный гвардеец.

Господин есаул — вам две телеграммы.

Разорвал одну:

«Анжелочка сильно заболела. Приезжайте. Отец».

Другую:

«Анжелочка скончалась. Спешите. Отец».

* * *

Видал я, как на станичных бойнях бьют быков: заводят быка в стойло, нагибают ему голову, и резник с размаху наносит ему удар молотом в верхнюю часть лба... Бык издает короткий, но такой жуткий, полный неописуемой боли крик, что если-бы человек был хоть немного более того, что он есть, он, раз услыхав этот крик, уж никогда бы не ел мяса...

Вот такой удар нанесло мне известие о твоей смерти... Боль, страшную физическую боль почувствовал во всем теле. Как-то осел весь, — точно меня приплюснули чем-то тяжелым и быстрым. И только водил сухими ничего невидящими глазами. Потом вырвался из чьих-то рук и побежал на вокзал. Я не плакал. Глаза были сухи и горячи... А где-то, в глубине сердца, теплилась надежда... И разве бы это было чудо?.. Ведь это так чудовищно нелепо!.. В голове кружилась где-то уловленная фраза: «телеграф вообще перевирает»...

— Да конечно-же врет!.. Не может этого быть!..

В руках еще держал недочитанное письмо. Но и телеграммы здесь-же...

Добежал до поезда. Вокруг казаки с винтовками:

— Нельзя — депутатский!

— Да пусти его... может родня какая...

Поезд шел страшно медленно. Несколько раз хотел выброситься в окно и — бежать. Мне казалось, что так было-бы скорее... а что — скорее?..

Увидел около себя Алексея Ивановича.

— Провожу тебя до Кавказской, говорит он.

— А в загробную жизнь я верю, хоть и скинул рясу... Отчаиваться не нужно: кто раньше, кто позже, — все там будем. И опять встретимся...

Да, и он уже там. И тоже «не своей волей». Не по естественной дороге: в том самом Е—е, где его так хорошо знали за его смелые выступления против большевиков, большевики черные задушили его... А на груди табличку повесили:

«За измену России и Казачеству». Бедная Россия, а еще беднее Казачество «в ней»...

* * *

Приехали на станцию К. Здесь происходило нечто неописуемое: тысячи пьяных, озверелых людей метались по местечку. На скопившихся поездах — серая, пьяная солдатская масса. На путях лежат трупы зарезаных, раздавленных маневрирующими поездами... Густые облака едкого дыма покрыли местечко: горел казенный винный склад. Во многих местах горит и поселок. Надрывно, жутко стонут десятки паровозов. На колокольне, около вокзала, тревожно гудит набат...

Бом-бом-бом... бом-бом-бом...

Пламя, разносимое свирепым восточным ветром, перескакивает с крова на кров. От рушащихся построек там и сям взметаются огромные вихри искр...

Пьяный солдат, стал на площадке нашего вагона, безобразно ругаясь, грозит кулаком церкви:

— Што звонишь?.. Бога зовешь?.. Он и сам не разберется в этом б—ке!..

В одном из вагонов соседнего с нами поезда нашли спирт. Туда рванулась тысячная толпа. Задние нажали, несколько человек передних раздавлены о колеса и стенку вагона. Забрызганные кровью и мозгами раздавленных, новые передние хватают бутыли, отбивают горлышки, запрокидывают в рот... Пьют... Тут-же падают. Их затаптывыают дру-

гие пьющие... Мужик вырывает у бабы бутылку. Баба визжит, царапает его за руки... Солдат с размаха бьет мужика по голове четвертной бутылью. Мужик, обливаясь кровью и спиртом, падает. Баба топчет его ногами, долбит каблуками глаза...

Толпа ревет, гогочет...

Из толпы, что скопилась около вокзала, вырывается об'ятый пламенем солдат. Шинель, пропитанная спиртом, горит точно сноп соломы.

— Горю, братцы, горю!.. вопит солдат.

— Гори, чорт с тобой! Кричат сотни голосов. Солдат падает в лужу нефти на первом пути... Моментально обволакивается густым дымом...

Толпа ревет, гогочет...

— Вот она, вот она... Романовская... пей, товарищи!

Пришедшие со склада казаки рассказывают, что много «товарищей» плавает в огромных цистернах со спиртом; много обгорелых трупов валяется на развалинах сгоревших корпусов...

Наконец, поезд тронулся. Толпы пьяных солдат кинулись к вагонам. Колотят в двери. Казак огрел переднего... Солдаты бешенно заорали, разбили стекло... Поезд рванулся. «Товарищи» посыпались... Поезд затарахтел полным ходом...

Я смотрю на все это совершенно равнодушно: ни жалости ни возмущения.

— Все равно, все равно, повторяю про себя. — Все это так неважно, так обычно... Все равно... Но за что все это вдруг на нас?.. за что?..

В первый раз заплакал. Алексей Иванович возится около меня, подает воду.

А разве лучше было-бы, если-бы она видела все это?

А меня так больно хлестнули слова: «если-бы она видела»... Он говорит так, как будто ее действительно нет.

Анжелочка мертвая... Анжелочка мертвая... Прислушиваюсь к тому, что говорю, и то что слышу, кажется так нелепо, так не похоже на действительность, на явь...

Да уж не сплю-ли я?.. Не кошмар-ли это?..

А поезд так медленно тащится. Бьет косой дождь. На крыше стучат товарищи... Я сижу в углу купэ против Алексея Ивановича. На мне нет ни пальто, ни черкески. Где и когда я их снял? — Не помню. Револьвера тоже нет, но кинжал на мне... В вагоне холодно и меня трясет лихорадка. Алексей Иванович со встречным поездом уехал назад. Я остался один...

* * *

Извощик неистово хлещет лошаденку, дергает возжами, цмокает губами...

— Да скорей-же ты, ради Создателя, скорей! «Большая», «Зубов», и «Килмевская»... вот, вот...

Все так-же, как и было... ничто не изменилось...

Схватился за грудь... Вот уже виднеется дом. Ставни закрыты. В щели виден свет. Кто-то вышел. Хлопнули дверью. Соскочил с пролетки. Пробую нащупать кнопку звонка... Ноги дрожат. Сгибаются в коленях... Дверь отворилась. Кто-то обнял меня. Прижал к груди. Слышу плач. Мелькнули какие-то женщины... Много женщин... Поднялись по ступенькам. Зацепился за что-то. Упал... — Гроб!.. Выхватил кинжал, ткнул себя... Но что-то сильное ударило по руке. Схватили меня, поволокли... И — все исчезло.

* * *

Я лежу на кушетке в твоем кабинете. Около меня сидит хорунжий Михайлов. Против меня Константин Иванович. Хорунжий дремлет. Отец, подперев голову рукою, испытующе смотрит на твой портрет... Зеркало над столиком закрыто черной кисеею. Фитиль лампы прикручен. Полутьма. В комнате душно, жарко. Слышу запах ладана. Зашипели часы. Пробило два. В гостинной послышался шорох, протяжный зевок.

— ... Живый в помощи Вышнего...

— Что это?.. Прислушиваюсь.

— Рече безумец, в сердце своем...

— Перестать!.. Перестать!.. Кричу я, вскакиваю с кушетки и бегу к тебе...

* * *

Мало уже осталось рассказывать. Ты уже не принадлежала мне одному. Опять этот несносный хорунжий ухватил меня. Опять столпились женщины. Опять меня уводят от тебя...

— Да какое вы имеете право! Уйдите отсюда!.. Уйдите все!.. Оставьте нас в покое!..

Но меня не слушают. Женщины плачут. Одне из них целуют меня, говорят что-то. Другие оправляют на тебе покрывало, вставляют между пальцами свечу, кладут цветы... Монашка опять начинает свое ужасное бормотанье...

Так продолжалось пять дней и пять ночей. Тогда я, конечно, не знал, что это продолжалось «пять дней и пять ночей»...

За это время я часто слышал слова: «летаргия», «отравление», «самоотравление»...

Однажды Константин Иванович смущаясь и «издалека» начал рассказывать, как мучатся после те люди, которые не зная истинной причины смерти любимого человека, не позволили врачам определить это... Догадавшись к чему он клонит, я так сжал кулаки, так бешено крикнул:

— Резать... Ни за что!

Старик испугался... Потом заплакал...

— Спасибо, сын мой, я тоже не хочу этого... Резать Анжелочку... Но надо было спросить тебя... Врачи хотели... Полиция... А я то? Божья воля..

Приехал Султан

— Я не верил, сказал он. Не мог поверить... Долго мы стояли около тебя.

— Спящая богиня...

— Да, да... ты прав. — Спящая богиня...

— Счастливая, ты не знаешь, что делается

в «нашем царстве»... Мы уж никогда не соберемся в моем ауле, на «вышке»... над Кубанью... Мечту убили...

* * *

Дорогой мой, незабвенный друг!.. Если бы знал он, как близка уже была тогда к нему смерть!.. И какая ужасная смерть!..

Его схватили. Связали. Бросили на кучу хвороста, облили керосином... Подожгли...

И погиб мученически рыцарь. Отпрыск славного княжеского рода... Погиб от грязных рук своих заклятых врагов. Врагов своей родины — Кубани...

* * *

Несколько раз слыхал боязливое, любопытное — «отравилась»... Случайно подслушал, как пристав спрашивал мать:

— А они хорошо жили?..

Мать заплакала.

— Дай Бог, чтобы все так жили. И дала приставу связок твоих писем. Их скоро вернули. Полицейский пристав сочувственно пожимал мне руку. Говорил, что в сравнении с несчастьем постигшем Россию — личное несчастье — пустяки. Говорил, что он свои обязанности исполняет только по «инерции», что скоро уйдет на покой... Я не слушал полицейского пристава...

* * *

Пришел день, когда я услыхал, что появились «признаки»...

А потом тебя вынесли. Положили на катафалк. Три пары лошадей в белых попонах. Белый катафалк. Длинные ряды девочек с венцами из живых цветов. За ними — «весь город». И у всех в руках грустные, белые астры...

Я шел за катафалком и смотрел, как тяжело вздрагивает от толчков твоя голова. Видел отделившуюся прядь волос над лбом. И больше ничего не видел...

В церкви эту прядь срезали. Сейчас она у меня. Она обшита твоей ленточкой и вместе с крестом висит у меня на груди. Умирая я хотел бы передать кому нибудь из близких и крест и локон... Это все мое имущество. Но — «близких» у меня нет, а чужим это не нужно...

Я один задержался здесь. И с радостью пойду ко всем тем, с кем жил, кого любил, с кем хотел строить красивую радостную жизнь на земле...

Тебя положили в ограде Варваринской церкви. После я купил возле место и для себя. Теперь там наверное лежит твой отец. А мне — лечь здесь. На чужбине...

Часто вижу, как из городской больницы выносят гроб. Гроб несут арестанты из местной тюрьмы; крест впереди — больничный сторож. Это те, что как и я, случайно задержались на земле и дожили свои последние дни одинокими, никому не нужными...

Смерть их — лишнее бесплатное место в городской больнице и неприятная, а может и приятная прогулка для узников...

Скоро они отнесут и меня... И кончатся мои воспоминания...

* * *

Я написал все, что было. Ничего не прибавил и не скрыл ничего...

Что еще осталось сказать? Разве то, что после того, как тебя отнесли в ограду Варваринской церкви, я несколько дней подряд ходил по тем улицам, по которым ты прошла в день своей смерти. Заходил в магазины, в которые ты тогда заходила. Подолгу беседывал с ювелиром. Он добросовестно исполнил твой заказ: в четверг, в 5 часов дня монограмма была готова... А ты уже лежала в белом, с золотыми кистями по углам, гробу... Я точно установил, где и в какой момент была ты; где и в какой момент ты встретилась с толпой свободных рабов; где, спасаясь от них, взяла извозчика. И извозчика того нашел. Он сказал мне, что ты была «бледная, точно от мела»... Выходя из магазина Андреева, ты встретила наших станичников. Они сказали тебе, что «собственными глазами видели, как меня большевики убили на вокзале Армавира». Рассказы видевших тебя между двенадцатью и двумя часами были противоречивы. Одни утверждали, что видели тебя в парке, — другие — в это-же самое время — на вокзале. Одни говорили, что ты была одна; другие, что с тобою был «военный в светло-серой шинели». Одно я узнал доподлинно: в этот день с двухчасовым поездом из Энска выехал Вортынский.

Только одно существо могло-бы рассказать, что было с тобою в тот роковой день; это — твоя Дэзи, с которой ты в тот день вышла... Но она только жалобно квилила, лизала мне руки, как-то многозначительно смотрела своими маленькими, умными глазками... Ночью, забравшись в твой кабинет, выла... жутко, надрывно... Анна Алексеевна уверяла, что она плакала. Может быть... Может быть и плакала... Но она ничего мне не сказала...

* * *

Надо ли говорить, как я жил после? Я расскажу лишь один маленький, неважный эпизод, который почему то глубоко запечатлелся в моей памяти.

Однажды, раннею весною, я стоял около одного из бесконечных заборов, какими отгорожены с улицы дома в нашей станице. У забора было сухо. Пригревало солнце. Посреди же улицы грязь была схвачена утренним морозом в огромные кочки. Вдруг из двора, около которого я стоял, выбросили маленького щенка. Он больно шлепнулся головкой о кочку и, некоторое время лежал неподвижным. Я уже подумал, что «кутёночек» убился; но он приподнялся на своих коротеньких, растопыренных в стороны лапках и, жалобно взвизгивая, пополз по грязи, тыча слепой мордочкой в кочки, спотыкаясь и падая... Долго он полз между кочками, но за все время, пока я наблюдал за ним, ни на шаг не отдалился от того места, на которое его швырнула чья-то безжалостная рука...

* * *

Море тихо. Серебристый саван его, сотканный из лунных лучей, колышется едва-едва... Всюду мир... Меланхолично, тоскливо стонет сыч... В отворенное окно моей комнаты влетел «настопырь» — летучая мышь. Несколько секунд кружилась безшумно под потолком. Потом — прилепилась в уголку. Сложила свои ноги-крылья...

Не за мной ли прилетел ты, маленький Дух Тьмы?.. Устал и я... Забиться в уголок и — заснуть... Навсегда.

Ф. ПОЛКОВНИКОВ.

Осень.

Сегодня не надо, довольно...
Не надо смеяться и петь —
С весенними песнями больно
Сегодня на солнце смотреть.

Пришла безысходная осень...
Сегодня так тихо в лесу...
В усталую мертвенность сосен
Печаль я свою отнесу...

Что было... то было когда-то...
Теперь безысходный покой, —
Лишь осень шуршит виновато
Своей пожелтелой листвой.

САНЖА БАЛЫКОВ.

Чонкушка.

Материалу, должно быть, не хватило у создателя-Заячи, когда он творил и отправлял на белый свет Чонкушка: такой уж крохотный он родился, что мать почти не почувствовала его появление.

Правда, она рожала уже двенадцатого, но все же роды — не то что, например, скажем... расстройство желудка.

Потом оказалось, что и лицом Заячи обидел Чонкуша: две малюсенькие щели, далеко друг от друга отстоящие — глаза; две дырочки, под тупым углом на небо смотрящие — нос; большой рот, лицо поперек длиньше, чем вдоль.

Значит, не в одном материале было дело:

Если на хороший рост и не доставало материалу, то хоть наружностью сносной мог Заячи Чонкуша наделить; видимо, надоело создателю через каждые полутора года одним и тем же супругам детей посылать, зло, наверно, взяло его за этакую человеческую ненасытность и решил он, видимо, такого сынка напоследок им преподнесть.

Двадцать лет рос Чонкуш под теплым крылом родной матери, на вольном хлебе, молоке и мясе, но вышел парень прямо никудышний: Только что — не карлик.

Когда подошли законом предусмотренные года и Чонкуш, присягнув перед грозным богом, смотрителем ада — Яман-Цага, «служить верой и правдой русскому царю», явился в окружное управление на освидетельствование, то доктор даже не стал его и выслушивать, сразу подвел к мерке, ткнул костлявым пальцем в затылок и сказал:

— Иди, расти еще!

Обиделось, что напрасно Чонкуш присягал: служить из-за роста не пришлось. Льготу ему дали, думали — подростет еще парень.

— Хорошо Чонкушу, Чахтарке своей будет служить, в восьмом полку — острили над ним его годки.

В том же году женили Чонкуша на сиротке Чахтаре и зажил он тихим работником в своей шумной, многолюдной семье.

На двадцать восьмом году Чонкушиной жизни случилась Русско-Японская война и на этот раз забрали и Чонкуша.

Старший брат его, глава семьи, купил ему хорошего, перворазрядного коня.

Как ни горевал Чонкуш, делать было нечего, пришлось прощаться с Чахтаркой и тремя детьми.

—x—

В четвертом взводе шестой сотни N-Донского казачьего полка служил потехой Чонкуш.

Он был не только самый маленький, но и самый тихий, скучный казак в сотне, но стоило только кому-нибудь посмотреть на Чонкуша, уже нельзя было не улыбнуться; так он был забавен, маленький, сгорбленный, увешанный оружием на своем здоровом сером коне.

Фамилию его — Алцадыков — едва ли кто знал, но зато всему полку был известен «Чонкушка».

Трудно было Чонкушке, без навыка действительной службы попавшему в полк; особенно мешали ему при команде «садись!» пика и винтовка.

Любимым занятием его было — ухаживать за конем: целыми днями, когда бывал свободен, возился он при нем.

Командир взвода, сотник Козадоров, не раз уже ставил Чонкушова коня в пример.

— Смотрите, какой у Чонкушки справный конь, как будто из денника только-что выведен, — говаривал он.

— Да, что же ему не поправиться, когда он все равно что — заводной, седок легче седла, — острили на это казаки.

Когда в одной перестрелке ранили у Козадорова вестового, он взял к себе Чонкушку.

Через месяц рука нового вестового заметно поправила сотникова коня.

Командир хвалил Чонкушку. Был доволен переменой службы и Чонкуш: пику не таскать, в заставе не стоять, коней смотреть — любимое дело.

Была осень 1904 года. Однажды вызвало сотнику Козадорову с раз'ездом в 12 коней быть в опасной и важной разведке. Нужно было: «Пробраться в глубь расположения противника и достать побольше точных сведений о неприятеле на участке деревень Ши-Гудзе — Чан-Фу». Козадоров слыл храбрым, исполнительным и толковым офицером.

Темной ночью, по досчатому мостику в два коня, у каких-то трех заброшенных китайских дворов, переправился он, с раз'ездом, через глубокую и быструю горную речку и по горным ущельям углубился в неприятельскую зону.

Долго он, как говорили казаки, блуждал по горам, не раз останавливался, смотрел на звезды и, накрывшись буркой, при свете спички, рассматривал карту, ставил компас, вымерял, смотрел на часы и продолжал «блуждать».

Наконец, уже к утру, привел раз'езд в пустой лес и, спешив казаков, приказал стоять тихо, полез сам пешком на гору.

За этой горой по расчету Козадорова должна была быть деревня Чан-Пао, через которую проходила шоссейная дорога в сторону русских позиций.

Это был уже тыл японской армии.

Долго стоял раз'езд в ожидании офицера; утомленные бессонной ночью одни казаки, несмотря на утренний холодок, спали, накрутив на руки чумбуры, иные сидели, попыхивая дымком цыгарок, спрятанных в рукава шинелей; понурив головы, попеременно поджимая задние ноги, поддерживая тяжесть тела тремя ногами, дремали кони.

Между тем уже рассвело. Сотника все не было.

В конце концов урядник не выдержал и полез по следам сотника, чтобы узнать в чем дело и успокоить казаков.

Гора была не высокая, не крутая и скоро урядник, забравшись на вершину, увидел своего офицера лежащим, прильнув глазами к биноклю, под одним деревом, меж двух больших камней.

Услышав за собой хруст веток, сотник оглянулся и энергично махнул урядинку ложиться и ползти к нему. Урядник опустился на четвереньки.

— Ну, что, Ваше благородие — прошептал он, ложась рядом с сотником.

— Смотри вон, вниз — также тихо отвечал ему офицер, указывая вперед.

Урядник глянул и, разинув рот, побледнел.

Внизу, прямо под носом, в сотнях шагов раскинулась деревушка, а из нея, по шоссе, в сторону русских позиций, извиваясь грязной лентой, тянулась большая колонна пехоты. В деревне, при внимательном наблюдении, виднелись кавалерия, артиллерия, обозы. Видно было, что все это суетится и собирается выступать.

Приказав урядинку идти к раз'езду и соблюдать тишину, Козадоров остался лежать, наблюдать, считать.

Два часа лежал он, пока последний возок покинул деревню. На сто глазах строились конные полки и проследовали туда же по шоссе. Сосчитал он все пушки, подводы, кухни, все записал и только тогда поднялся на ноги и поспешил к раз'езду.

День клонился уже к вечеру, когда раз'езд под'езжал к тем самым дворикам, у которых была переправа.

Но, осторожный сотник еще издали заметил, что дворики заняты японцами и проехать через мостик нечего и думать.

Поспешно завел он раз'езд за ближайшую горку, в лесок и решил простоять здесь до ночи, чтобы попробовать пробраться в темноте.

Казаки поняли, что они «отрезаны» и приуныли.

Томительно долго тянулась часть короткого осеннего дня в тревожном и чутком ожидании. Люди и лошади чувствовали голод и жажду.

Наступил вечер, теплый, беззвездный. Тихо и осторожно повел сотник раз'езд в об'езд двориков и, приблизившись к речке, послал двух пеших казаков к мостику — разузнать. Те вернулись и доложили начальнику, что на мосту сильная застава с пулеметом.

Призадумался Козадоров. Взяв с собой одного из ходивших, сотник сам пошел туда и убедился в правильности показания казаков.

Пробраться по мостику было явно нельзя. Положение — хуже не выдумать.

— Ваше благородие, а не переплывем речку? . . .

— Ну, я уже думал об этом, вижу, что нельзя . . . Глубока, быстра и крутые берега.

— А если попробовать — настаивал урядник.

— Попробовать? . . . охотник будет?

— Братцы! Кто желает попробовать через речку вплавь? . . . спросил урядник.

С минуту никто урядинку не отвечал.

— Я! господин взводный — хрипло отозвался кто-то.

— Кто это, ты Чулков?

— Так точно.

— Переправишься, к кресту представлю — сказал сотник.

В темноте из рядов выехал казак, и, сняв шапку, крестясь, направился к речке.

— Ноги из стремян вынь, коня правь чумбуром, переправившись, свистни с того берега, а если собьет тебя, не смей кричать, товарищей подведешь, — приказывал ему урядник.

— Слушаюсь — спокойно отвечал Чулков, спускаясь к воде.

Зафыркал конь под казаком, послышался плеск воды и все смолкло. Прошло минут пять, шесть в полной тишине. Раз'езд напряженно слушал. Ни свиста, ни крика не раздалось. Прошло с полчаса.

— Урядник, пошли-ка по течению реки двух казаков, может вынесло его где по близости — проговорил, наконец, офицер.

Посланные вернулись ни с чем.

— Погиб Чулков, царство ему небесное, — говорили казаки крестясь.

Козадоров повел раз'езд обратно в горы, в лес. Казаки начали «митинговать». Стали говорить сотнику, что нужно броситься на мост в атаку и попытаться прорваться, «все равно пропадать».

— Смирно! неожиданно раздалась энергичная команда сотника. — Слушайте станичники! — продолжал он, когда привычная команда заставила казаков умолкнуть.

— Я — здесь начальник. Я и отвечаю за ваши головы перед Богом и начальством. Никаких мне советов. Я знаю, что делаю. Ваше дело — слушаться и идти за мной. Хотите идти, не слушаться командира, — идите. Я остаюсь здесь, но только вам придется пристрелить меня, иначе, если я проберусь, отдам вас под суд. Но знайте, без меня не проберетесь, через мост не проскочите. Мост не только охраняется, но должен быть и забаррикадирован. Японцы не дураки. Так вот: кто хочет, — идите.

Казаки молчали.

— Я... с его благородием хочу оставаться — проговорил вдруг, всегда молчавший Чонкушка.

— Ишь ты, Чонкушка! — засмеялся урядник. — оставаться, так всем, не казачье это дело, друг друга в беде оставлять...

— Конечно, погибать так всем, что уж тут... — заговорили казаки и опасный момент, напряженное состояние между офицером и казаками исчезло.

Голод и ночной холод в горах не давал людям дремать. Ни курить, ни костер разводить офицер не разрешил. Коням попробовали навесить торбы, но они не ели. Их мучила жажда. Но торбы так и остались висеть на головах коней, чтобы не ржали.

Наконец, забрезжил рассвет.

Козадоров поднялся на ближайшую к дворикам горку и в бинокль стал смотреть в сторону моста. Вдруг, поспешно повесив бинокль на шею, бегом спустился он с горы и, еще не доходя, скомандовал:

— Подтяни подпруги, садись!

Через минуту он рысью вел раз'езд по балке мимо двориков к речке и, дойдя до речки, берегом направился к мостику, который только что был покинут ночной заставой. Сотник спешил проскочить мост, пока не было выставлено дневное наблюдение.

Под'ехав незамеченными к мосту, казаки поняли, что ночью сотник был прав. Мост был устлан досками с рядами больших гвоздей остриями вверх, загорожен бревном, боронами и т. д.

Казаки живо спешились, вмиг убрали препятствия, на глазах уже бегущих к мосту японцев, перескочили мост и, преследуемые частой стрельбой, скрылись в горы, направляясь в свою сторону. От'ехав верст пять остановил сотник раз'езд и с улыбкой обратился к казакам:

— Ну, что... не вывел?!

— Так точно, вывели, просим простить ваше благородие... Вы, можно сказать, наш спаситель...

— Ну, то-то. Смотрите, другой раз не прощу, я знаю, кто начал язык чесать и товарищей смущать, — сказал офицер и спокойно повел раз'езд дальше. Под'ехав к журчащему горному роднику офицер поднял правую руку и скомандовал:

— Стой!... Слезай!... отпустите подпруги, не разнуздывая напойте коней понемногу, навесьте торбы, разведите костер, у кого есть чай, сахар, кипятите в котелках чай... отдохнем. Кони очень измучены; часом позже доедем.

Через пять-шесть минут уже трещали костры.

— Ты, что же это, не чай разве варишь? спросил сотник, глядя на Чонкушку.

— Никак нет, Ваш благородь, кашу варю, сало и нашано есть.

— Вот так Чонкушка, смотри, какой он запасливый, ну, вари и меня накорми, — весело засмеялся Козадоров.

— Ну да, усе будем исть — отвечал Чонкушка.

— Урядник, вышли одного наблюдателя вон на ту горку, пусть смотрит по той дорожке, по которой мы ехали и вправо и влево; вышли-ка лучше двух, один как бы не заснул, не спали ведь ночью. — распорядился сотник, ложась у костра Чонкушки на свою бурку.

— Ну, как там Чонкушка, скоро твоя каша — спрашивали казаки, успевшие пополоскать желудок горячим чаем.

— Сичас, сичас, — отвечал тот, кроша в кипящую кашу сало.

Вдруг все обернулись и увидели своих бегущих, спотыкающихся об камни, придерживающих шашки, наблюдателей.

— Приготовься! — скомандовал офицер, вскакивая на ноги.

Казаки бросились снимать торбы, взнуздывать коней, подтягивать подпруги.

— Ну, что там!?

— Ды... японский раз'езд, наше благородие, под'езжает, коней в десять, совсем без дозоров, недалеко, прямо на нас едут, — доложил один из наблюдателей.

— По коням!... Садись!

Чонкушка, проворно и хладнокровно работая, успел привести в порядок двух коней, помог сотнику сесть, а сам, не желая бросить уже готовую кашу с салом, взял с огня котелок с кипящей кашей, положил его в торбу, повесил ее на заднюю луку так, чтобы она лежала на переметной суме и, наспех обвязал сверху торочинами, по команде сел на коня.

Казачий раз'езд в сомкнутом строю поджидал появления японцев. Как только показалась голова японского раз'езда, Козадоров, выхватив палаш, закричал «Ура!» и рванулся на врагов. Казаки, блеснув шашками, склонив пики, дружно кинулись за своим командиром. Чонкушка тоже заорал во все горло и дернул добраго коня. Японцы, от неожиданности замешались и бросились удирать. Вмиг Чонкушка опередил всех казаков, промелькнул мимо сотника и быстро стал приближаться к японцам.

Тут, не желая зарываться, он хотел было придержать коня, но вдруг, словно почувствовав уколы шилом, конь его, как бешенный рванулся вперед. Чонкушка растерялся и изо всей силы, обеими руками стал тянуть повода, но конь, словно не чувствуя усилия хозяйна, еще быстрее понесся за японцами. Не успел Чонкушка даже догадаться вынуть шашку, как он нагнал уже заднего японца.

«Нужно же рубить» — пронеслось в голове Чонкушки и он, взмахнув бывшей в правой руке плетью, потянул японца по голове. Японец, ожидавший, что казак, вот-вот раскроет ему череп, свалился с коня.

Не успел Чонкушка и оглянуться назад, как другой японец уже оказался под носом. Ободренный первой удачей, Чонкушка и этого, верным ударом по левой коленке, вышиб из седла.

Остальные японцы были дальше и Чонкушке удалось свернуть в сторону и остановить взмыленного коня. Казаки скакавшие следом за Чонкушкой, поймали двух лошадей и окружили японцев.

Остановив коня, Чонкушка слез и тут только понял, от чего взбесился его серый:

Торачины, державшие торбу с котелком на переметной суме, на скоку развязались. Торба с горячей кашей сползла на бок лошади и жгла его. Улыбнулся Чонкушка, поправил торбу с кашей и, ведя коня вповоду, подошел к своему раз'езду.

— Молодец, Чонкушка! Иди сюда дорогой! — сказал дрогнувшим голосом сотник и, обняв, поцеловал его.

— Вот братцы, пример вам, как нужно в атаку ходить! К кресту тебя представлю. Ты взял в плен двух японцев!...

— Ваше благородие! Ды, как же он рубал их; японцы и не поранеты вовси — сказал урядник, оглядывая японцев, лицом и ростом довольно сходных с Чонкушкой.

— Да, Чонкушка, как ты их рубил, что даже не поцарапал их?

— Я, ваш благородь, их плетем бил.

— Плетью!?... да что ты, с ума сошел?... с плетью в атаку ходить; почему же ты не рубил?

— Хотел, штоб живые были — отвечал Чонкушка.

— Ха! ха, ха! вот так наш Чонкушка, вот герой! — зашумел весь раз'езд.

—x—

Слава о лихой разведке сотника Козадорова, побывавшего в тылу противника и доставившего важные сведения о перегруппировке неприятеля, и о герое казаке Чонкуш Алцадыкове быстро облетела весь корпус.

Сам начальник дивизии, перед строем всего полка, вызвал Чонкушку, поцеловал его и нацепил на грудь Георгия.

Командир корпуса потребовал к себе казака Алцадыкова и, подробно расспросив, как он плетью сбивал с коня японцев, одобрительно похлопал его по плечу, внимательно рассмотрев плеть, дал ему золотой пятирублевик, говоря:

«На, кавалер; твою руку не грех озолотить.»

Так стал героем полка Чонкушка.

И до родной станицы долетела весть о его подвиге.

Одно дело — вернуться домой „в одиночку“, ничем не связанными идейно; принести туда только муку и боль своей души, которых там и без того достаточно. И другое дело — придти политически организованными, подчиненными одному общему плану работы, придти так, чтобы каждый из нас не только знал там свое место, но и то, что делать ему на этом месте.

„R. K“. № 12, 25—V—1928.

ВЛАДИМИР ПОЛЯКОВ.

* * *

На дворе давно мятет мятелица,
Снегом шелестит в мое окно,
По земле ковром волнистым стелется,
За окном сугробы намело.
Брожу один по комнате уныло,
Полна тоской щемящей моя грудь.
И образы того, что где-то было,
Мне долго, долго не дают заснуть.
В углах с тенями полутьма играет,
Чуть слышно что-то непонятное, шепча.
А на столе печально догорает
Забытая, оплывшая свеча.
Горит она, мигая в тьме полночи,
Минуты неуклонно за минутами ползут...
И знаю я теперь, что голубые очи
Уж никогда в мою мансарду не придут.
Вьется за окном сердитая мятелица,
А в ушах какой-то странный звон...
Нечего теперь на счастье мне надеяться
Счастье разлетелось, точно сон.
Пролетело счастье, словно птица...
И погас свечи неверный желтый свет.
Снег неугомонно на дворе кружится,
Заметая чей-то под окошком след...

А. А. ГЕЙМАН.

По закону или не по закону?

(Кубанская старина).

— Конечно, господа, поступайте всегда по закону, — поучал нас наш Войсковой Старшина на «офицерских собеседованиях».

Есть устав дисциплинарный, есть книга Свода Военнных Постановлений, они вполне определяют ваши права и обязанности по управлению вверенными вам людьми. Хотя... хотя должен вам сказать, бывают такие в жизни случаи, когда, что называется, — либо честь, либо смерть, — вот и угадай и реши, как поступить лучше.

Расскажу вам случай из своей практики, а там судите сами.

Был 1877 год. Уже давно газеты и журналы пестрели описаниями дел и подвигов гремевшего уже на весь славянский и не славянский мир генерала Черняева и его добровольцев (действовавших в Сербии и Болгарии на защиту славян против турок), и не давали покоя горячим сердцам и пламенным головам молодежи.

Как вдруг — манифест: объявлена война Турции!

Одним пожаром, одним пламенем засияла тогда вся Россия. Болгарский гимн «Шуми Марица», — песни «Герцоговинку встретил я» и прочие гимны и песни играли музыки, пели и юноши и девицы, свистели мальчишки.

Дамы и барышни засели щипать корпию и шить бинты для раненных, купцы валили крупные суммы на расходы по войне.

Я учился тогда на втором курсе Московского университета. Разумеется, бросился домой и подал, к ужасу бабушек, тетушек, старых и молодых сестриц, об определении меня в действующую армию. Только старый рубака, отец мой покойный, носивший по всему телу, голове и лицу яркие следы знакомства с шашками и пулями джигитов Шамиля и Хаджи-Мурата в Чечне и Дагестане, коварно улыбался и, наконец, торжественно объявил мне, что в тот же день, как я приехал домой, он приказал табунщикам готовить под меня двух лучших неуков нашего табуна.

Все таки влияние «коварных» женщин в семье нашей, оказалось очень сильным, т. к. я не попал за Дунай или на Закавказский фронт, куда уже потянулись многоверстные ленты наших казачьих полков, а попал во 2 Лабинский полк, поставленный в районе г. Сухума, в Абхазии, на случай высадки турецких войск в этом районе.

Полк стоял разбросанно, по селениям и аулам, держа наблюдения за берегом моря и настроением, тогда близких по духу туркам абхазцев.

Боевых действий еще не было, но край был объявлен на военном положении. Ежедневно к берегу подходил небольшой турецкий пароходик, выпускал по берегу с десяток гранат и мирно отходил куда то. Особенное затруднение испытывал полк с доставкой фуража, т. к. сотни часто перемещались, а возить за ними запасы фуража по тогдашним путям сообщения в Абхазии и при их перевозочных средствах было совершенно невозможно. Для облегчения, командирам сотен и начальникам разъездов были выдаваемы часто крупные суммы денег, чтобы покупать и тут же расплачиваться с населением за купленный фураж. Деньги эти сильно стесняли.

Денежных ящиков в сотнях не было, а таскать за собой массу бумажных денег, хотя бы в переметных сумах или чемоданах, было очень опасно. Тогда приказом по полку учредили при сотнях приказчики караулы со всеми к ним атрибутами

и формальностями. Командиры сотен просто завели кожаные сумки, которые (запечатанными) всегда висели на значковом древке у квартиры командира сотни под охраной часового.

И вот, однажды, при смене часовых оказалось, что одна такая сумка на дне прорезана, деньги вынуты и наскоро сумка опять зашита дратвой.

Кто виноват? Дело не трудное: при постановке (он же, караульный начальник) всякого часового и при смене его, разводящий совместно с новым часовым осматривает целость помещения денег, печать и замки. Значит, украл тот часовой, которого сменяют. Его сменили, обыскали и действительно нашли за подкладкой голенища сапога все деньги (их на этот случай было всего три бумажки сотенных и одна в пятьдесят рублей). Дело не сложное, казалось бы. Отдали часового под суд! Но, какой суд, ведь суд то должен быть полевой! В военное время, в виду неприятеля! Часовой украл вверенные его охране деньги! Со взломом ящика! А это... Это, господа, смертная казнь... Это вот по закону. Но, как же... Ведь еще нигде не пролита ни единая капля крови, а тут целая молодая жизнь будет загублена! Как же допустить до этого? Призыл мой командир сотни. Призыла и сотня, подавленная тяжестью преступления и его последствиями.

Однако, виновник не сознавался! — Мои деньги, еще с дома и все тут. Правда, и казак то был особенный. Пришла из России на заработки семья — мужик с женой и мальчиком. Мужик вскоре разболелся и умер, а на молодой вдове женился тоже вдовый казак.

Мальчика усыновил. Мальчик рос настоящим чертенком. Держался волчком, отдельно от всех сверстников, но целый околоток страдал от проказ этого черного, как галченок, озорника. Много раз был бит и, наконец, лет 12-ти, сбежал. Спустя год уже узнали, что пристал он в Армавире к деповским рабочим, так его, никому, даже самой матери ненужного, и оставили. Там он, конечно, набрался всяких премудростей. По мобилизации вспомнили и его, вызвали, наскоро обучили, посадили на коня и отправили с полком в поход.

Поскакал командир сотни к командиру полка. Тот так и схватился за голову. Как! Что? Слушайте, я ничего не слыхал и не знаю! И вы мне ничего не говорили. Ведь тут тебе и сокрытие преступления, и попустительство, и слабый надзор за подчиненными. Нет. Я не хочу отвечать. Действуйте, как знаете!

Темнее тучи ехал наш сотенный в сотню. С докладом — вахмистр. Ну что, а как арестованный? — Так точно, порешили! — Как порешили? — Да сотня сама его своим судом. Приговорили дать ему сто плетей — да еще пригрозили, что если кому когда скажет, или из сотни кто разнесет, то и тому и другому не сдобровать. Ну и дали. Ничего, ходит веселый.

Ну, вот — еще новое преступление. Однако, на том и порешили. И все пошло гладко и шито. По-видимому, все остались довольны.

Но вот кончилась война. Полки пришли на распускные пункты. Пришли и мы. Ну, разумеется, встречи, молебны, обеды, торжества. Полк второочередной, должен разойтись по домам. Опрос жалоб и претензий, собственно для соблюдения законных формальностей. Никогда прежде не слыхал и после сам не видал, чтобы казаки когда заявляли претензии или жалобы. Так и тут, — никак нет, не имеем! — Но, из ряду на шаг вперед выходит, вдруг, известный нам уже герой этого рассказа: — Я имею жалобу и претензию! — заявляет он. — Какую? В чем дело? — удивился опрашивающий сотню командир сотни. — А помните под Сухумом, когда пропали из денежной сумки деньги, так меня за это выдрали плетьми, да еще мои собственные деньги отобрали. — Да ведь ты же их вырезал из сумки! — Никак нет. Кабы я их украл, так вы бы меня под суд отдали, а то ведь нет.

Можно, конечно, и теперь возбудить дело, но как на это посмотрит суд? В свое время дело не возбуждалось, а теперь, когда война окончилась, уже поздно.

По меньшей мере отрешение от командования полком, для командира полка, и суд для командира сотни — неизбежные последствия.

Побежал опять командир сотни к командиру полка. Поверг и того в отчаяние. Что же он хочет наконец от нас?

— Деньги, говорит, возвратите, а за самосуд прошу дать делу законный ход!

Но, пока начальство охало и стонало, ломая голову, как выйти из отчаянного положения, сотня опять все сама порешила. Казак бежал и даже коня бросил. Решили все отдать на волю Божью. Да так дело и засохло.

Так что лучше: по закону или не по закону?

...Как бы нам ни было здесь тяжело, как бы ни были неотложны заботы настоящего дня, — все должно быть подчинено одной мысли, одной руководящей идее — освобождению Родины.

„Голос Казачества“ № 12, 6—XI—1921.

Рак-неборак-ззаду-очі.

Картина-сцена з життя на Кубані козаків-Чорноморців.

У одній дії.

Дієві люде:

Станишний отаман. — **1-й**
Писарь. — **2-й**
Підписарий. — **3-й** } **виборні** *(сходчики).*
Днювальний козак у калідорі. — **4-й**
Діжурний. — **Другі виборні, казначей і**
Помошник отамана. — **козаки.**

Діється в послідніх роках минулого (19-го) століття, коли ще не було на Кубані винної монополії. На сцені виведені звичаї, характери людей, одежа і, особливо, козацька чорноморська мова, які були в ті часи на Кубані.

Сцена уявляє широкий калідор (ходник) в станишному правленії. Справа і зліва по двоє дверей, з прибитими над ними табличками: „Станичный Атаманъ", „Канцелярія", „Казначей", „Станичный Сборъ". Поміж дверима стоять коло стіни довгі деревьяні канапеї (лави). Прямо проти публіки широкі вихідні двері, розчинені настіж, далі рундук (крильце), а за ним видко площадь і на ній церкву.

Ява 1.

На лаві, у калідорі, сидить мовчки днювальний, молодий ще козак, у черкесці, з красними (палєтами) приказного на плечах. Між ногами держить обома руками шапку, з красним верхом, схилившись на руки головою. У правленії тихо, нічого не чути.

Днювальний. *(Кільки хвилин мовчить, а далі починає розмовляти сам з собою).* Люде одстояли у церкві службу, поприходили додому і сидять зараз любенько та обідають, а тут сиди та дожидай, хоч і голодний, як вовк. *(Трохи знову помовчавши).* А через що? Через те, що чорт-має доброго порядку... І отакечки буває усякий раз, як доводиться служить при правленії на тижньовій... А по-мойому треба б так зробить, щоб зміна з тижньової була або в суботу увечері, або у неділю рано зутра... Ото був би порядок і усякому було б добре. *(Ще трохи помовчавши).* Та не добереш толку, хто в цьому ділі причиною: писар воєнний каже, що усе в руках у помошника, а помошник каже, що винуватий нарядчик... А нарядчикові що? Загадав усим, тай квит, а коли посходяться, яке його діло?.. Треба буде доложить отаманові, нехай їх трохи приструнчить, та найде між ними крайнього. Отаман у ціх ділах чоловік ще новий, служить тільки другий місяць, так добрих порядків ще не позаводив... а здається, що він скоро усім сирицю намне, бо береться добре. *(Устає, іде до вихідних дверей і дивиться туди й сюди).* Не видно на площаді ні однісінької тобі душі — наче усі вимерли... звісно, обідають люде... їдять борщ з бараниною, або з курятиною; пиріжки з потріпкою та з сиром; локшину, або кашу з молоком... Молодиці усього понаварювали та понапікали, ради праздника — їж, хоч розпережись... А тут у пустому животі так торохтить та нявчить, наче туди коти позалазили, та завелись биться... *(Вернувся од дверей, сів на лаві).* Треба хоч закурить цигарку, чи не перебье вона трохи охоту на їжу. *(Виймає з кишені кисет, дістає з неї махорку і крутить цигарку).* Буває й таке, що отакечки сидиш, поки й звечеріє, а зміни тобі усе нема та й нема... І чорти б побили їхнього батька з отаким порядком! *(Устав,*

прийшов до дверей, запалює цигарку і пускає дим на двір). Ну, та вже-ж таки, Бог дасть, діжду зміни, а тоді до другої черги буду слободний тижнів на сім, або й на восім... *(Курить цигарку й позирає туди й сюди).* О! іде швиденько підписарий... Поспішає, аж спотикається... а ондечки виткнувся і сам писарь. *(Помовчавши).* Добре їм, пообідали, так зараз приймуться так за роботу, що аж пира скрипітимуть.

Ява 2.

Сходить по східцях на рундук, а тоді іде в калідор підписарий, молодий парубок, одягнутий у гарну черкеску, з срібними газирями і з маленьким кінжалом у срібній оправі. На голові сіра шапка, заломлена на-бік.

Підписарий. (*Здоровкається по воєнному, прикладаючи руку до шапки*). Здоров Перепеличка, мала-невеличка!

Днювальний. (*Витягається, шуткуючи, у хронт і робить рукою під-вись*). Здравія желаю, господин підписарий!

Підписарий. Та що це? Хіба ти і досі на тижньовій?

Днювальний. Та й досі ж бо зміни чорт-має!

Підписарий. Іще й не обідав?

Днювальний. А вже-ж що ні! Хоч би тобі мала крихта була в роті!

Підписарий. (*Помалу свистить*). Отуди к чертовому батькові! Дослужились наши козаки! Це погане діло! Ось я скажу Петрові Семеновичу, а він доложить отаманові.

Ява 3.

Сходить на рундук і підходить до їх писарь, чоловік середніх літ, у черкесці, з срібним кинжалом і газирями. На голові чорна каракулєва шапка, з красним вершком і срібними на йому галунами.

Писарь. Здоров був, козаче!

Днювальний. Здравія желаю, Петро Семенович!

Підписарий. Ось дивіться, Петро Семенович, який порядок у воєнного писаря! І досі Перепеличка не снідав і не обідав, а зміни ще немає. Коли ж вона буде, хіба увечері?

Писарь. (*До підписарого*). Постой, хлопче! Ти ще молодий, а дуже гострий! Яка ж тут вина воєнного писаря? Його діло — видать нарядний список козаків, яким дійшла черга на тижньову; а зібрать їх і поставить на своє місто, це вже діло помошника отамана з нарядчиком.

Підписарий. Ну, що-ж, коли не писарь, так помошник з нарядчиком винуваті, а козаки ось голодні цілісінький день стоять, дожидаючи зміни.

Писарь. Я й сам про те давно знаю, та усе не було случаю новому отаманові сказать. Ось я йому сьогодні як небудь про те нагадаю, як що не забуду, так він другий порядок наведе.

Днювальний. Поклопочить уже, Петро Семенович, дай Бог вам здоровля, — не забудьте. Бо самому мені, признаться, балакать про те з отаманом, якось незруки.

Писарь. Добре, добре. (*До підписарого*). Нагадай мені сьогодні про те, щоб я не забув.

Підписарий. Добре, нагадаю.

Писарь. (*До днювального*). А що, чи хто є в правленії?

Днювальний. Прийшов помошник новий, змінив старого, та діжурні позмінялись, а козаки, яки слободні, пішли ще зутра додому, поостались тільки ті, що на своїх постах стоять, а зміни усе немає.

Писарь. Тай більш нікого?

Днювальний. Ні, прийшов ще казначей, та сходчиків посходилось чоловік з десяток, чи й більше: сидять у зборній — балакають. Сьогодні, кажуть, сходка буде, чи що...

Писарь. Та буде-ж сходка, та ще й велика і дуже довга; бо роботи та усякого калмагалу буде стільки, що хватить до півночі. Сьогодні будем кабаки з торгів здавать.

Днювальний. Тож-то я дивлюсь, що сходчики почали рано сходиться, та й думаю: чого воно? Аж вони, бач, заранї нюхом чують, що доведеться доброго могоричу випить.

Писарь. Та то вже як водиться: могорич сходчикам буде добрий, як що здамо поцінно кабаки... А отамана ще нема в правленії?

Днювальний. Немає.

Писарь. Стій же на крильці та добре пильнуй, щоб не проглядів, бо скоро і отаман прийде.

(*Пішов з підписарим у канцелярію*).

Ява 4

Днювальний. (*Остався сам, став на рундуці, за порогом і позирає туди й сюди*). От і добре, що нагодився писарь. Може таки він доложить отаманові, а той небезпремінно зробить за тижньову одбучу инший порядок. Нехай уже сьогодні оддіжурю більше, чим треба, так зате далі буде легше... эге... А дома борщ стоїть на припичку та мене дожидає... ох, як догребусь я сьогодні до його, так цілісінький горщик виїм, до самісінького дна, та добру паляницю умегелю!.. та де й не взисти? Здається, цілу б собаку ззів, не то паляницю! (*Помовчавши трохи*). Так от иродові души, песиго..овці, з його козаками! На крильце три чоловіки назначено, так хоч би один прийшов! Уже-ж, здається, давно пообідали, так мабуть після обіда вилежують, махамети, а що товариш тут стоїть зутра не ївши, так про те їм ні гадки! (*Ще помовчавши*). Так ось воно що... будуть кабаки сьогодні здавать на другий рік... добра штука! Оце як би я не скінчив був свою тижньову, а тільки сьогодні заступив, так довелось би й мені добре горілки випить. Шкода. (*Пильно придивляючись у один бік*) О! таки правду казав писарь... Ондечки й батько наш виткнувся із поперечної улиці... (*Стає рівно по козацькому*). Іде поважно, як слід отаманові, а все таки трохи, видно поспішає, бо аж китиця коло шашки теліпається... а в тій китиці уся отаманова сила... Гарного отамана обібрали наші батьки... молодий ще чоловік і собою дуже показний... та й розуму в голові, кат його не взяв, таки дуже багато. Хто б до його не поткнувся, чи з жалобою, чи за совітом, усякому він толку вставить... Ось уже він недалечко, мабуть пора нагукать діжурного, щоб вийшов до його з рапортом. (*Підносить до рота свисток* (*сюркало*) *і тричі сюрчить у його*).

Ява 5.

З канцелярії швидко вискакує діжурний, молодий урядник, у черкесці і при шашці. На голові шапка з урядницькими галунами.

Діжурний. Що там таке?

Днювальний. Іде отаман.

Діжурний. Далеко?

Днювальний. Ні, ось уже близенько.

(*Діжурний виходить за поріг і стає на місто днювального, а цей поступається назад, у калідор, і стає збоку дверей*).

Ява 6.

Сходить по східцях на рундук і підходить до діжурного станішний отаман у чорній черкесці, красному бешметі, з кинжалом і шашкою під серебром і револьвером у кобурі. До шашки причеплений срібний офіцерський гемляк (китиця). На плечах погоны (палєти) вахмистра, на голові каракулева чорна шапка з галунами.

(*Ставши один проти другого, підносять обидва по воєнному руки до шапки. Теж робить і днювальний*).

Діжурний. (*Проказує рапорта*). Господин отаман, при станишному правленії усе состоїть благополушно.

Отаман. Здрастуй, діжурний, і ти, козаче!

Діжурний і Днювальний. (*Разом*). Здравія желаю, господин отаман!

Отаман. (*До діжурного*). Хіба ж так рапортують, як оце ти? Скільки уже разів я приказував і помошникам і діжурним, а ви ніяк і досі не понаучуєтесь, що треба казать у рапорті!

Діжурний. (*Підносить руку до шапки усякий раз, як що отаманові каже*). Та неначе-ж я, господин отаман, виказав усе, що слід.

Отаман. Виказав, чого не треба, а що треба, того дасть-біг! На якого бісового батька мені потрібно знать, чи ви тут у правленії благополушні, чи ви живі та здорові? Знаю добре, що вас тут гурт великий, та тільки діла чорт-ма. Поки я у правленії, так усі неначе й служать, як слід, а як пішов, так або горілку крадькома пьють, або у карти грають.

Діжурний. Нікак нєт, господін отаман, горілки в правленії немає й заводу, та й карт ні в кого немає.

Отаман. Знаю, що зараз немає, бо ждете в правленіє отамана... Слухай же, що я тобі казатиму, та добре слухай: за благополучіе в правленії мені не треба рапортувать, бо я сам тут що-дня буваю і добре знаю, що тут робиться. Треба усякий день проказувать у рапорті о благополучії в станиці і в станичному юрті, по тій хвормі, яку я помошникам видав. А коли що неблагополушно, так тоді треба тілько про те в рапорті сказать. З таким рапортом треба виходить не тільки до мене, а і до усякого начальника, або офіцера, який приїде в станицю по ділам служби.

Діжурний. Слушаю, господин отаман. Дозвольте доложить: як ви заступили на отаманство, так сьогодні я оце став на діжурство тільки уперве. А помошник мені нічогісінько за рапорт не казав.

Отаман. Не казав?

Діжурний. Не казав нічого.

Отаман. Як же це так? Він обовьязан, як заступає новий наряд козаків, усім розтолкувать, яка у кого служба, і чого я, станишний отаман, од усякого требую.

Діжурний. Та не знаю, господин отаман, може він чим заклопотався, та забув про те.

Отаман. Отож-то воно й лихо, що один не знає, або не чув, а другий чи забув, чи приказать не хоче. Де помошник?

Діжурний. У канцелярії, коло писарів сидить.

Отаман. Поклич його зараз сюди.

Діжурний. Слушаю. (*Узявшись рукою за шапку, швиденько, підстрибом, пішов у канцелярію*).

Ява 7.

Отаман і днювальний.

Днювальний. (*Про себе*). Оце як раз під стать: треба мабуть доложить, що мені зміни немає. (*Прикладаючи руку до шапки*). Дозвольте доложить, господин отаман!

Отаман. А що таке?

Днювальний. Ідосі, господин отаман, немає мені зміни, а стою я з самого утра: іще не снідав і не обідав.

Отаман. Отака чортова робота! Як же воно так?

Днювальний. А хіба-ж я знаю? Воно при нашому правленії і давно так ведеться. Як коли, так ждеш у неділю зміни до самісінького вечора.

Отаман. Так от хамової невіри порядки! Ну, хіба це козацька служба? Хіба це добре козацьке товариство? Це якась чортова свайба, та й годі! Та чи скоро я виведу усю оцю дурницю?... (*До днювального*). Ну, добре, що ти мені самому про

це сказав. Ось я візьмусь за їх з другого боку, бо видно мало їм тільки приказувать, а треба усякого ще й заставить робить те, що я хочу.

Я в а 8.

З канцелярії виходить помошник отамана, молодий ще урядник, у черкесці, з шашкою і револьвером при боці. На голові шапка з урядницькими галунами. Слідком за ним іде діжурний.

П о м о ш н и к. (*Прикладаючи руку до шапки*). Чого звольте, господин отаман?

О т а м а н. Здрастуйте, помошник!

П о м о ш н и к. Здравія желаю, господин отаман!

О т а м а н. Скажіть ви мені, Бога ради, який ви мені помошник, коли я не бачу од вас ніякої помочі?

П о м о ш н и к. Та наче-ж я, господин отаман, у всякому ділі стараюсь і роблю що слід?

О т а м а н. Яке тут у чортового батька старання, коли ви не виповняєте моїх приказаній?

П о м о ш н и к. Яких приказаній, дозвольте дознать?

О т а м а н. (*З серцем*). Усяких! Щоб я не приказував, нічого того не робиться, а у правленії така роспущеность, таке безладдя, що далі нікуди! Так дуже усі стараєтесь, так за діло гарно беретесь, як ото чорт летить, та й ноги звішав! Доки воно отак буде, я вас питаю?

П о м о ш н и к. Не можу знать, господин отаман, через що я вам став невгодний и чим провинуватився?

О т а м а н. Через те невгодний, що не робите того, що треба. Чого ось діжурний не знає свого рапорта?

П о м о ш н и к. Винуват, господин отаман! Усім діжурним я постоянно приказую, а ось цьому ненароком забув сказать.

О т а м а н. Забув? Ото й добре! Так от, щоб ви більше не забували, я вам приказую: усяким утром щоб до мене з рапортом виходили не діжурні, а самі помошники, і оцю обовьязанность з завтрашнього дня ви починаєте первий. Діжурні нехай рапортують другому начальству, кому слід.

П о м о ш н и к. Слушаю, господин отаман.

О т а м а н. Так будете мені рапортувать, поки не научитесь добре сами і не понаучуєте усіх діжурних.

П о м о ш н и к. Понімаю, господин отаман.

О т а м а н. Це одно. А тепер скажить мені, через що оце із самого утра стоїть козак голодний, а зміни йому немає?

П о м о ш н и к. Та ще ідосі козаки не зібрались.

О т а м а н. Чого-ж це так?

П о м о ш н и к. Не можу знать, господин отаман...

О т а м а н. (*Перебиває з серцем*). Як то „не можу знать“? Ви повинні добре про те знать, бо ви єсть старший начальник усього козацького наряду при правленії!

П о м о ш н и к. Дозвольте доложить, господин отаман! Наряд зробив старий помошник, що сьогодні змінився, а я прийшов на готове. Може нарядник погано загадав, або може козаки розлінувались — погано сходяться на службу...

О т а м а н. Та по вашому то воно так, а я ось думаю зовсім по другому. Мені здається, що тут ні нарядчик не винуватий, що погано загадав, ні козаки, що розлінувались і погано сходяться на свою козацьку службу. У всій вині тут одні мої помошники!

П о м о ш н и к. Нічого ми не можемо, господин отаман, поробить з ними — не хочуть слухаться.

О т а м а н. Та отаких помошників, як ви, ніхто, звісно, і слухать не буде!

П о м о ш н и к. Коли-ж народ дуже роспущенний...

Отаман. (*Перебиваючи*). Ви ж їх і пороспускали, більш ніхто!

Помошник. Та хто його знає, а тільки треба за їх добре узяться, господин отаман, та батьківською рукою усякому чуба намнять, так отоді й козаки будуть, як козаки.

Отаман. Так що-ж ви дожидаєте, поки я за це діло візьмусь?

Помошник. Та звісно, господин отаман, на те ж ви і батько над цілою станицею. Як би ви за їх узялись, як слід, так усякий би послухав.

Отаман. Так он воно що! А я, признаться, ідосі того й не знав! Добре, як що так. Я й сам давно бачу, що без мене ви кулішу не зварите. Тільки я найуперед добре візьмусь за своїх помошників, щоб вони самі знали, як треба служить, так аж тоді, мабуть, усі діла при правленії підуть на лад, та й козаки будуть добре слухаться.

Помошник. За волі вашої, господин отаман.

Отаман. А що, може це вам не до-душі?

Помошник. Нікак нет, господин отаман, — наше діло служить по правді та слухаться.

Отаман. Ну, гаразд. Коли єсть охота служить та слухаться, так от-же слухайте добре, що я зараз казатиму. Строго і неодмінно приказую вам: новий наряд козаків і усіх служащих при правленії на другий тиждень загадать зарані, а в суботу, як задзвонять у церкві до вечерні, щоб усі були тут, як один. Хто у показане время не прийде, притягти силою, і за те в наказаніє буде він служить дві неділі під ряд. Нехай нарядчик отак загадає усім, та щоб і сам він у суботу був тут з новим нарядом. Старого наряду із правленія не пускать, щоб усі були на містах. Коли новий наряд збереться, зробить йому перекличку і тоді уже доложить про те мені. Я сам новому нарядові прикажу і розтолкую усі його обовьязанності, а після того уже він зробить зміну старому нарядові. Отакий порядок щоб був кожного тижня, для чого я дам вам моє рукописне приказаніє і всі помошники нехай на йому роспишуться. Який помошник не зробить так, як оце я приказав, буде теж служить при правленії дві неділі під ряд, умісті з тими діжурними та козаками, які поганою службою, чи яким ослушанієм того зароблять. Чи добре ви усе розібрали, що я приказую?

Помошник. Розібрав чисто усе, господин отаман.

Отаман. Що-ж, як воно вам здається?

Помошник. Та усе так добре, що лучче й видумать не можна. Підогнали у саму точку!

Отаман. Глядіть же, щоб і ви усе підогнали у точку, а то лихо вам буде!

Помошник. Постараюсь, господин отаман.

Отаман. Побачу на ділі, яке у вас буде старання. Ну, а ось днювальний все-ж таки стоїть голодний. Чи єсть у правленії хоч один верховий козак?

Діжурний. Один єсть, господин отаман, тільки що заявився з конем на одинарну службу; а старі чисто усі в розгоні.

Отаман. Добре. Піди ж прикажи йому, нехай зараз сяде на коня та поїде загадає завдруге тим козакам, які назначені на днювальство отут у калідорі. Та нехай не прозьбою їх просить, а прямо в потилицю гонить.

Діжурний. Понімаю, господин отаман. (*Іде у канцелярські двері*).

Отаман. (*До днювального*). А ти, козаче, підожди уже, будь ласка, поки прийде тобі зміна. (*Дістає з кишені гаман, виймає гроші і дає днювальному*). Ось тобі на табак за добру службу.

Днювальний. Покорно благодарю, господин отаман.

(*Отаман іде у свою кімнату, а помошник у канцелярію*).

Я в а 9.

Днювальний. (*Один*). От спасибі йому, дай Бог здоровья! (*Дивиться на гроші*). Каже — на табак. Та тут не то на табак, а й на горілку буде — цілих двадцять копійок дав. (*Виймає кисет з табаком і кладе туди гроші*). Небезпремінно наберу горілки, ідучи додому, та випьєм удвох із жінкою за його здоровья... (*Сідає на лаві і курить цигарку*). Треба мабуть закурить, щоб дома не журились... (*Трохи помовчавши*). От отаман, так отаман! Уже-ж і розумна голова! Направив у калідорі таку кумедію, що аж любо було слухать... Як узяв же на цугундер діжурного за рапорт, а тоді як прискіпався до помошника, так той тільки: тулі-мулі, тулі-мулі, та не зна, як і викрутиться. Та куди-ж йому було й крутить, коли він кругом у всій вині! Тільки й речі у його, що „не можу знать“, та „винуват“, та „за волі вашої“... А отаман одно його шкилює, та на всі боки шпетить!... Прямо кумедія, їй же ти Богу! (*Сміється*). Га-га-га-га!... А не даром таки я сьогодні отут простояв пів-дня. Одно, що заробив своєю службою од отамана на могорич, а друге, — що своїми ушами почув новий приказ за тижньову одбучу. Та уже-ж і до-діла склав свій приказ отаман, — прямо як сокирою витесав! Розумніше і сам би царь Салимон не видумав!... Як задзвонить, каже, у суботу до вечерні, так щоб усі були тут, як один!... Оце по-мойому! Оце пригнав у саму точку!

Я в а 10.

Із зборної виходить у калідор один за другим чотирі чоловіка сходчиків. Усі з сивими та з білими бородами, у старенькіх черкесках давнього покрою, з високими деревьяними газирями з затичками. У двох чи трьох на грудях висять медалі та хрести за службу на Кавказі. Сідають рядом на лаві, що стоїть коло дверей.

1-й виборний. (*До днювального*). Сиділи-сиділи у зборній, та захотілось покурить, а там, бач, отаман курить не дозволяє.

2-й виборний. Еге. Це не те, що раніш було — кури, де хочеш, чи в зборній, то і в зборній.

3-й виборний. А може воно й тут курить не можна?

Днювальний. Чом там не можна? Адже-ж ось я курю.

4-й виборний. Ні, у калідорі можна. Я сам тут кільки разів курив і отаман бачив, так нічого не каже. А що в зборній забороняє, так то й добре. Бо раніш було як понакурюють, так і не продихнеш.

3-й виборний. Звісно, що так воно й треба. Нашому братові тільки дай волю, так і у церкві почнуть курить.

1-й виборний. Та це правда. Треба, щоб хто-небудь кой-коли народ осмикував та підтягав.

2-й виборний. А цей отаман таки добре підтягає за всячину.

4-й виборний. Еге. Тягне, аж комір тріщить.

Днювальний. Та ось і зараз така у калідорі була кумедія, що аж ідосі мені чудно.

3-й і 4-й виборний. (*Разом*). Яка кумедія? А що таке?

Днювальний. Отаман хіба так роспікав діжурного та помошника!

1-й виборний. За що-ж то так?

Днювальний. Заробили. Один не знає, що в рапорті казать, а другий так добре старається, що ідосі новий наряд козаків не зібрався. Ось і мені з самого утра зміни немає.

2-й виборний. Отуди к чортам собачим!

1-й виборний. Еге, це дослужились до краю — далі нікуди!

3-й виборний. Та за це мало тільки вилаять, а прямо бить треба батьківською рукою, щоб знали своє діло!

4-й виборний. Та воно може скоро і до цього дійде, як отак служитимуть. Козаків як не лаять та не бить, так чорт-матиме з їх толку. Пропаде тоді козацтво ущент.

1-й виборний. Я-ж кажу, що таки треба комусь нашого брата осмикувать та підтягать, бо без того козак так розлінується, що й на козака не буде схожий. А бійка у цьому ділі найпервідче підсобляє, особливо нашому чорноморцеві.

2-й виборний. А хіба наші чорноморці які? Дурні, чи що?

1-й виборний. Та чого-ж там вони дурні?

2-й виборний. А що-ж ти кажеш?

1-й виборний. Та то, бач, мені згадалось, що син мій колись росказував, як із служби був прийшов.

2-й виборний. Що-ж він росказував?

1-й виборний. Служив він, бачиш, у такій сотні, що було в їй половина козаків чорноморців, а друга половина — лінейців. Ну, ви-ж самі добре знаєте, які оті лінейці, або, як їх дражнять, ленчаки: язики у їх довгі і на усяку брехню вони дуже здатні, а наш чорноморець більше мовчить. От один раз стоїть мій син коло командіра сотні на вістях, а той веде балачку з молодим хорунжим, та отак його навчає: „ти, каже, як хочеш коли у козаків правди допитаться, так ось як роби: ленчаку, каже, давай волю, нехай більше бреше; так він дурним язиком і сам себе уплете і усіх своїх товаришів уплутає. Тоді, як дознаєш правди, набий їм добре зуби. А чорноморцеві ніяк не давай балакать, а зараз починай бить його по морді, так може чого-небудь і допитаєшся. Бо як даси йому балакать, так він і себе викрутить і усіх своїх товаришів одозволить, — так нічого у їх і не дознаєш".

Усі. (*Регочуть*). Га-га-га-га!

Днювальний. Господа старики! Ви не дуже тут гагакайте!

3-й виборний. А хіба що?

Днювальний. Отаман приказує, щоб у калідорі було тихо.

4-й виборний. А балакать же можна?

Днювальний. Та балакайте собі, скільки хочете, тільки смійтесь не дуже в голос.

1-й виборний. Ну добре, що хоч балакать можна, а реготать ми більше не будем. Бо справді, як почує отаман, так щоб і нам не прочитав якого-небудь „отченашу" навиворот.

3-й виборний. Та як-же його і не засміяться, коли ти, куме, дуже чудне видумав про наших козаків.

1-й виборний. Так хіба-ж то я видумав? То мій син колись отаке росказував... Як не віриш, так хоч сам його поспитай!

3-й виборний. Чом там не вірю, коли воно так і є... А я й собі, як ти росказував, нагадав був про одно давне діло, як колись одділа отаман Черник та бив у одній станиці отамана. Кумедія і там була не мала!... Забув уже, хто про те росказував, а тільки знаю, що росказував прилюдно на базарі, а ми, слухаючи, прямо животи були порвали од реготу... Хто його знає, чи воно правда була, чи може брехня... А ви про те нічого не чули?

1-й і 2-й виборний. (*Разом*). Ні, не чули. Як роскажеш, то й почуємо.

3-й виборний. Та росказать не довго, цур тільки не реготаться дуже!

2-й виборний. Та ні, ми помалу.

3-й виборний. Ну, та ви-ж усі добре знаєте, який був Черник сердитий та скажений, як був одділа отаманом?

1-й виборний. Чом там не знаємо! Дався він усім у знаки!

4-й виборний. Іще б пак не знать! Та я його добре знаю, як ще у Аршавському дівізійоні служив. Він і там був такий клятий!

3-й виборний. Я пак і забув, що ти служив у Аршаві. Так він і там вас добре колошкав?

4-й виборний. Ого! Аж пірья з нас летіло!

1-й виборний. Та росказуй уже, куме, що почав, про Черника!

3-й виборний. Так ото, бачиш, таке було діло... Саме тоді вийшло нове положеніе: замісто уїзду, став у нас Єйський одділ; замісто уїзного начальника прислали до нас оддила отаманом полковника Черника...

2-й виборний. Та знаємо про те добре, — росказуй далі!

3-й виборний. А ти коли слухаєш, так слухай, — не забивай мені баки!

2-й виборний. Та кажи уже, я мовчатиму!

3-й виборний. Ну, так ото, значить, як приїхав Черник у Єйський город, так зараз і почав заводить по всіх станицях усе по новому положенію... От один раз пише він отаманові... забув уже, якої станиці... чи Старощербинівки, чи Староминської, чи може якої другої... не буду казать, якої, щоб часом не вбрехаться... пише він тому отаманові про якесь дуже головне діло, і щоб неодмінно те діло обсудили на станишному сході. Еге. Пише він отакечки раз, пише і вдруге, пише і втретє, а отаман усякий раз йому одписує, що так і так: не хочуть, каже, ніяк сходчики зробить того, що він пише...

1-й виборний. Мабуть, щось дуже круто намалював, коли цілому сходові, бач, прийшлось навпоперек.

3-й виборний. Та може. От після того якось скоро трапилось Черникові їхать через ту станицю. Завертає він з дороги до правленія, щоб перепрягти коней, коли дивиться, аж на площаді станишна сходка. А була, значить, саме неділя. Звелів він під'їхать прямо до сходу, зліз з коляски, та й іде в середину до отамана. Приняв од його рапорт, поздоровкавсь, а тоді й питає його: „А що? Чи зробив ти, каже, на сході оте діло, про яке я тобі скільки разів писав?“ А той каже: „Ні, ще не зробив“. — „Так чого-ж ти, каже, хамлєт, дожидаєш од мене, хіба оцього?“ Та зараз змаху тьоп, отамана по мармизі!..

2-й і 4-й виборний. (*Разом*) Отакої пресвятої! Отакі та ще й лучче!

3-й виборний. А станичний отаман, кажуть, сам був чоловик сердитий і на руку таки дуже важкенький. Так він не довго думаючи, повернувся до східчиків, та як крикне: „Через вас, сякі-такі душі, мене начальство бьє, а ви тільки дивитесь?“ Та тоді зараз крайнього хряп по заїдах! А за ним другого, а там третього, та й пішов скрізь під ряд кулака до пики прикладать...

Усі. (*Зтиха регочуть*) Га-га-га-га!

3-й виборний. А сходчики бачуть, що лихо, підобрали свої поли та врозтіч... куди хто попав...

Усі. (*Трохи дужче*). Га-га-га-га!

3-й виборний. Зостались на місті тільки Черник та отаман з писарем.

(*Усі де-яку хвилину зтиха сміються*).

1-й виборний. Уже-ж і чудна твоя брехня, куме, їй же ти Богу! Га-га-га-га! Як би не в правленії, так прямо кишки б порвали од реготу.

4-й виборний. Оце так брехня, прямо — кумедія, та й годі!

2-й виборний. Та хто його знає, чи брехня, чи може й правда була!

4-й виборний. Та колись може й правда була, та тільки тепер, уже зачерствіла!

1-й виборний. Ну, а що-ж, куме, далі було?

3-й виборний. Та що-ж далі? Похвалив, кажуть, Черник, отамана за службу та й каже: „отак би ти й давніш зробив, так уже давно було б діло готове. Тепер, каже, поклич сходчиків, так вони й супротивничать не будуть, — зараз діло те зроблять“...

1-й виборний. Що-ж, зробили?

3-й виборний. Та звісно, зробили. Проти начальства, брат, нічого не вдієш, — на те воно приставлене, щоб над нами командувать...

Ява 11.

Одчиняються з отаманської кімнати двері і виходить у калідор станишний отаман. Днювальний і усі виборні устають з лави.

1-й виборний. (*На бік*). Оце як-раз! Заробили! Вилає нас зараз, як скурвих синів!

3-й виборний. (*На бік*). Еге. Ще як би і в холодну не посадив!

Отаман. Здравствуйте, господа старики!

Усі (*Разом*). Здравія желаєм, господін отаман!

Отаман. (*Весело і привітно*). А я чую, що у вас тут у калідорі дуже весело, та й думаю: піду послухаю, про що вони там так гарно балакають?

4-й виборний. Та де там гарно! Як-раз, господин отаман, і балачка у нас, як на те, така пуста вийшла, що і слухать нічого, бо нема нічого путнього... Згадали трохи про старовину, та й стало усім нудно... Звиняйте, як що може вам яке безпокойство зробили...

Отаман. Та нічого, нічого. Я саме скінчив був свою роботу, коли чую, аж у вас тут такий веселий гомін... Воно, звісно, у калідорі таки й не слід дуже сміяться, бо буває у правленії начальство, та й писарям од того поміха в їхній роботі... ну, а так, зтиха чом не побалакать?.. А хотів би я усе-таки знать, про яку-ж таку старовину ви згадали, що аж сміяться почали?

1-й виборний. Та не яка й старовина, господин отаман, — діло було не дуже давно. Ось кум росказував, як одділа отаман Черник у якійсь станиці ударив на сході отамана по щоці за те, що той із сходчиками не захотіли якогось діла зробить. А отаман той та був сам чоловік сердитий. Так він засукав рукава, та й заходивсь усіх сходчиків під-ряд бить, а ті побачили, що діло навспряжки погане, та давай на всі боки тікать.

Отаман. (*Регоче*). Га-га-га-га! Оце так брехня! Та й видумають же люде отаку дурну нісенітницю!

2-й виборний. А може воно, господин отаман, і справді отак було?

Отаман. Та ні яка, там правда! Черник хоч і сердитий був пан, а все-ж таки розумний і діловий чоловік. Отак прилюдно він би ніколи не ударив отамана, та й сходчиків не дозволив би бить... Як то можна!.. Та він же і сам чорноморський козак, так хіба він захотів би отак глумиться над своїми козаками та ще й на станишному сході? Ні, це простісінька брехня, та й більш нічого!

3-й виборний. А все-ж таки, господин отаман, кой-кому і Черник давав понюхать своєї панської долоні...

2-й виборний. Ого, іще як! Бувало те часто і густо!

3-й виборний. Та ось, примірно сказать, усі ми добре знаємо, як він колись нашого казначея Семена Піддубського ляснув по пиці, коли не хватило було у його в сундуці грошей пьятнадцять, чи сімнадцять копійок... „Де ти, каже сякий-такий, їх дівав? Пропив?“ Та зараз тьоп його по мармизі!

Отаман. Так то-ж зовсім друге діло! На те Черник, сказать по правді, не дуже скупий був, і як хто заробить, так швидко було добуде од його доброго ляпаса... А тільки, все-ж таки, не отак прилюдно на сході, а де небудь у кімнаті... Через те його усі отамани, писарі та казначеї так дуже боялись, що кажний прямо із кожі ліз, та на своєму ділі старався...

1-й виборний. Та це правда. А де страх, там, кажуть, і Бог.

4-й виборний. Уже що страшний був пан, так куди там! Було прямо усі трепечуть, як дожидають його приїзду. А у правленії зробиться так тихо, що ніхто й не шамаркне, тільки одні писарі перами скриплять.

Отаман. А ось пригадайте ви добре, що було в наших станицях доброго, іще до Черника, і що стало упослі, як він проатаманував щось годів з десяток. Поки його не було, так усі станиці були прямо голісіньки, ні на що й оком було зкинуть;

а як зачав він батькувать, та добрі козачі порядки заводить, так усяка станиця обрядилась, прямо як писанка.

Усі. (*Разом*) Еге. Це так! Так воно й було!

Отаман. Та як-же? Я хоч і далеко зі усіх вас молодчий, а добре знаю, що отут робилось у правленії, як іще було у нас уїздне начальство. Я тоді був парубком і цілий год ходив десятником при правленії, так добре придивився до усього... Кажний день було, з утра до вечера, у правленії одно могоричі пьють; а на столі у писарні, замість каламарів, більше шкалики шклянні стоять, та пляшки з горілкою. Людей було сюди усяких натовпиться, та разних баб нашевкається; понаносять бубликів, оселедців, сала та цибулі, та й хороводяться отут цілісінький день: пьють, їдять, кричать та лаються, а як коли, так ще й пісні заспівають. А нас, десятників, одно тільки ганяють було у кабак по горілку...

2-й виборний. Було, було! Отакечки й було, господин отаман!

Отаман. Понапиваються було пьяні: і отаман, і писарі, і усі судді, прямо аж гидко було на їх і дивиться, а щоб коли діло яке путнє робили, так я того за цілий год мало й бачив... А що було доброго у нас у обчестві? Нічогісінько! Правленіе містилось не в хаті, а в якійсь прямо землянці; за школу правила невеличка старенька хатка з розбитими шибками, а у дворі в правленії, замісто усякої хозяйської справи, тільки одні колючки росли...

3-й виборний. Так це так! Про те ми добре знаємо, господин отаман! Чорт-мало порядку, чорт-мало й діла, — тілько одно пьянство.

Отаман. Ну, а тепер послухайте, що я скажу далі. Коли заступив полковник Черник отаманом одділа, так я тоді уже почав козакувать, та він же і вирядив наш эшелон з Кісляківської станції на службу за Кавказ. Що-ж би ви думали? Як прослужив я чотирі годи та вернувся додому, так прямо не вгадав своєї станиці! Дивлюсь,— на площаді стоїть новісінькe гарне правленіе, нова велика школа, церква, хоч і стара, та обмальована усякою краскою... Скрізь, куди не глянь, усе в станиці наче обрядилось у нову одежу. Нащо уже улиці? І ті стали чисті та гарні, — ні бурьяну, ні колючок немає й заводу! А як прийшов я у правленіе, так ще більше здивувався на те, що там побачив: усякому є своє місто, усякий робить свою роботу, — ні гульбища, ні пьянства, нічого того і не побачиш! А у правленському дворі прямо благодать господня: де раніш тільки колючки росли бурьян та булиголова, там стоять нові сараї та конюшні, а в їх повно коней, тарантасів і усякої збруї та утварі. А що найбільше мене зачудило, так це справа на случай пужарю: на углу двора, лицем на площадь, стоїть великий сарай, а в йому виставлені рядком бочонки на тачках з водою, дроги з крюччами, драбинами, бичовою та відрами, і усяка там друга справа, а серед їх стоїть новісінька пужарна машина з великою кишкою...

2-й виборний. Еге, господин отаман, це-ж і я того году довіренним був і умісті з отаманом їздили у Ростов купувать оту пужарну машину.

Отаман. Так от бачите, як? І усе оце зроблено було за чотирі годи, а через що? Через те, що Черник позаводив скрізь по станицях добрі порядки, заставив усіх служить, як слід, на добро та на користь станишному обчеству... Понаходив та повицумував усякі доходи у обчеську касу, а гроші беріг, не дозволяв пропивать, красти, або тратить без діла...

1-й виборний. Еге. Діловий був чоловік, що й казать, і хоч дуже був, сердитий, так зате щирий козацький отаман і батько, — научив нас усіх, як треба хозяйнувать та усяке діло робить...

Отаман. От хоч би взять, наприклад, сьогодняшнє діло: торги на кабаки... Коли це діло повелось? За Черника! Поки його не було, так і кабаки не давали обчеству доброї користі, а тепер кажного году обчество кладе у свою касу тисяч восім або й десять, як одну тобі копійку.

1-й виборний. Так сьогодні кабаки будем здавать, господин отаман?

Отаман. Еге.

1-й виборний. Он воно що! А я ідосі про те й не знав.

3-й виборний. Чи воно упьять забере кабаки Ларион Сахно?

4-й виборний. Та звісно забере! У його, брат, хвате грошей на сорок кабаків!

Отаман. Та то уже таке діло: хто більше на торгах обчеству заплатить, той і візьме.

1-й виборний. І доки він буде наши кабаки держать?

2-й виборний. А хіба що?

1-й виборний. Що? Хіба ти нетутешній, чи що? Усім про те добре звісно, що Сахно хоч і добрі гроші обчеству заплатить, а тільки потім цілий год буде продавати нам не горілку, а просто саму воду...

3-й виборний. А вже-ж що так! Правду кум каже! Купиш у кабаці пляшку горілки, понюхаєш, — неначе горілкою й воняє, а станеш пить, так нікоторої сили в їй немає,— прямо вода, та й годі! Його, оцього Сахна, господин отаман, не слід і у правленіє пускать, не то що! Як би на мене, так я його бесурського сина, давно б і з самої станиці витурив, з усім його чортовим кублом, щоб не поїв нас водою, та не висмоктував із нас кров як та пьявка!

Отаман. Та це так. Я сам хоч і мало горілки пью, а давно про те чую од людей, та й сам добре усе знаю. Як що упьять здамо йому кабаки, так треба буде заставить його отут на сході, щоб дав обчеству обовьязок продавать цілий год добру горілку.

3-й виборний. Воно, господин отаман, усякий год отак буває. Як візьме Сахно кабаки, так прямо божиться на сході, що буде продавать добру горілку, а тоді цілий год водою нас напуває, а станишне правленіє мовчить, мов би йому заціпило... По мойому, так прямо не дать йому кабаків, та й усе!

1-й, 2-й і 4-й виборний. (*Разом*). Оце так! Отак і зробить! Не дать, та й усе!

Отаман. Мені й самому того хочеться, а тільки не можна так, щоб зовсім не допустить його на торги, треба, щоб була на те яка-небудь явна причина.

3-й виборний. Та якої-ж іще треба причини, господин отаман, коли усі ми добре знаємо, що він цілий год нас обманює, та даром гроші бере? Моталига він, пройдисвіт — от що! Одно слово — кабаччик! Будуть його за те на тім світі чорти гарячою водою напувать!

1-й і 4-й виборний. (*Разом*). Уже-ж не як! Так йому й треба, махаметові!

Отаман. Добре, коли так. Я й сам сьогодні цілий день про те думаю. Мабуть ми ось як зробимо. Ідіть ви у зборну, та добре про те балакайте з другими сходчиками, бо треба, щоб увесь сход на це був у згоді, як один чоловік. Порадьтесь добре з тими, що уже прийшли, а тоді з другими, які упослі підійдуть. Коли-ж збереться увесь сход, так ми перед торгами наведем невеличке слідство, підставимо свідчиків, запишем усе у протокол, а тоді цілим сходом і постановимо, щоб Сахна на торги не допустить, та й квит!

Усі. (*Разом*). Добре! Оце добре! Так і зробимо!

3-й виборний. А тільки, господин отаман, єсть по-між нами і такі братчики, що будуть за Сахном руку тягти, бо давно уже од його могоричі забрали.

Отаман. Чув я і про те. Та нічого, ми їх угадаємо! Кажіть їм од мене заранії, що я їх за те виставлю супротивниками цілого обчества, так щоб упослі не каялись. Коли забрали могоричі, так нехай лучче мовчать, бо лихо їм буде!

1-й виборний. От спасибі вам, дай Бог здоровья! Добре буде, господин отаман, як ми Сахнові до хвоста чайник причепим!

3-й виборний. Еге. Укрутим йому хвоста, коли дуже довгий!

Отаман. Чу, так ото-ж ідіть, та добре побалакайте, щоб було у нас це діло напоготові.

(*Отаман іде у свою кімнату, а сходчики у зборну*).

Ява 12.

Днювальний. (*Один*). Еге. Мабуть таки урвалась Сахнові удка... Цей отаман коли за що візьметься, так уже докаже на бубні... Бач, каже, сперва слідство зробим, та у протокола запишем, а тоді — за хвіст та на сонце! Хитрий... І усяке тобі діло знає, як за його узяться і куди його повернуть... Розумна голова, що й казать! (*Сідає на лаві, дістає кисет і крутить цигарку*). Мабуть закурить цигарку, ато не ївши, та не куривши, прямо аж уха попухли. (*Устає, іде до дверей і запалює цигарку*). Довго немає зміни... Ну, та вже небагато ждать — скоро хтось заявиться... зате, хоч і виголодаюсь добре, так наберу горілки та випью за здоровьє отамана... (*Ходить кільк'а разів по калідору од дверей до публіки і назад до дверей, курить цигарку і балакає сам з собою*). Тепер прямо гарно стало й служить при правленії... Цей отаман раз-у-раз що-небудь видумає... і усе так до-діла, що аж душа радіє... ну, та й цупко він береться за усячину і усе, бач, навертає на свою руч...

Ява 13.

Коли днювальний повертає од дверей і помалу іде до публіки, зараз слідом за ним, у одну мить, входить, крадучись, босий хлопець, швидко кладе через поріг у калідор великого рака, з привязаним до клешні у конверті письмом, чи якою прозьбою, а тоді зараз же повертає назад і зникає. Рак помалу лізе по калідору і тягне за собою привьязаний конверт з прозьбою.

Ява 14.

Днювальний. (*Один. Доходить до публіки і повертає назад. Побачивши рака, стає здивований і дивиться, як той од дверей прямує до його*). Тю-рю-рю-рю!... Дивись! Рак лізе... Відкіля він узявся?... Так от, чорти б побили його батька... Чи ти ба? Ще й пакет якийсь за собою тягне... видно з прозьбою до отамана... От тобі й нова кумедія! Прямо чудасія завелась у правленії, та й тільки! (*Пригнувся до рака і розглядає його*). Іще й мокрий, мабуть недавно з річки... (*Підводиться*). Що-ж його робить? (*Думає*). Треба видно гукнуть діжурного, нехай що зна, те з ним і робить. (*Виймає сюркало і сюрчить помалу один раз*).

Ява 15.

Із канцелярії виходить діжурний.

Діжурний. Що тут таке?

Днювальний. Та тут ось кумедія, господин діжурний.

Діжурний. Яка кумедія?

Днювальний. Та подивіться сами (*Показує на рака*). Рак ось прийшов з прозьбою до отамана.

Діжурний. (*Углядівши рака*) Тю-тю на кутю! Ти глянь — рак! Ще й пакет за собою тягне! (*Сміється*). Га-га-га-га! Так от чортової невіри робота!... (*До днювального*). Де-ж ти його узяв?

Днювальний. Та я й сам не знаю, відкіля він узявся: чи його хто приніс, чи сам може уліз...

Діжурний. А ти-ж де був?

Днювальний. Та де-ж? Тут-же й був! Іду по калідору од дверей ось сюди, повертаю назад, глядь — рак лізе...

Діжурний. І нікого не бачив? Може хто його приніс?

Днювальний. Та кажу-ж, що нікогісінько не було! Як би хто хоч ногою ступнув, так хіба б я не почув?

Діжурний. Це диво, брат ти мій, що-ж його тепер робить?

Днювальний. Та уже-ж, коли він приліз з прозьбою, так видно до отамана... треба отаманові про те сказать.

Діжурний. Стривай, я покличу сперва помошника, — побачим, що він скаже... (*Одчиняє двері у канцелярію*). Господин помошник! А йдіть лиш сюди на-час! (*Чутно голос помошника: „А чого там?“*) Та йдіть-бо, сами побачите!

Явa 16.

Виходить із канцелярії помошник отамана.

Помошник. Ну, що тут у вас таке?

Діжурний. Ось гляньте, господин помошник. (*Показує на рака*). Який ось здоровенний рак приліз з прозьбою до отамана...

Помошник. (*Дивлячись на рака*). Та що воно? Тю-у! Справді рак з пакетом... (*Сміється*). Га-га-га-га! Хто-ж це йому причепив?

Діжурний. Та хто-ж його знає... Ось днювальний каже, що він і з калідору не виходив, а хто його сюди впустив не знає і не бачив.

Помóшник. (*До днювального*). Як же воно так?

Днювальний. Мабуть крадькома хтось поклав, як я по калідору ходив.

Помошник. Еге, матері його ковінька!... І видумає чортовину, капосний народ, а нам тепер клопоти з ним... По мойому, викинуть його к бісовому батькові на двір, та й усе!

Діжурний. Як-же його викинуть, господин помошник, коли він з пакетом? Може там що й путнє написано?

Помошник. Як би що путнє, так нащо б його до рака чіплять, та отаку кумедію править?

Діжурний. А все-ж таки, як на мою думку, так треба небезпремінно отаманові доложить... бо хто його знає, хто воно цього рака приніс і що в тому пакеті написав?

Помошник. Та звісно, воно не штука й доложить, та тільки як би отаман за це усіх нас не вилаяв.

Діжурний. За що-ж він буде нас лаять? Чим ми тут причиною? Нехай лає того, хто цю кумедію пристроїв!

Помошник. Та чорт-же його шельму батька знає, що воно там у пакеті? Може хто самого отамана лає, або що-небудь ще й гірше?

Діжурний. Та то уже нехай читає, — треба-ж йому і про те знать!

Помошник. (*Чухає потилицю*). Так от, біс його батькові, яких клопіт наробив, чортової душі рак!... Та мабуть треба таки сказать отаманові, бо він часто приказує: „Як що случилось, та не знаєте, що робить, так зараз мені дайте про те знать“... (*Одчиняє двері до отамана*). Господин отаман, дозвольте доложить... (*Чутно голос: „Кажіть, що таке?“*). Та ось тут, звиняйте за безпокойство, рак до вас приліз з прозьбою... (*Голос отамана: „Який рак? Що ви там видумали?“*). Справжний рак, господин отаман, лізе по калідору, ще й пакет за собою тягне... (*Голос отамана: „Що за видумки отакі? Ну, ось я зараз!“*)

Явa 17.

Виходить у калідор станишний отаман.

Отаман. Де-ж він, той рак?

Помошник. Осьдечки-о, господин отаман, дивіться: ще й пакет до клешні привьязаний...

Отаман. Отака чортова робота! (*Сміється*). Га-га-га-га! Оце добре хтось видумав!... А я таки й ждав сьогодні якоїсь штуки, та тільки не знав, як воно буде... Ну, тепер я догадуюсь, хто цього рака сюди прислав і для чого... І треба-ж було отакого здорового піймать, а тоді ще й прозьбу написать... Це справжна кумедія, — прямо хоч у газетах печатай... А хто його приніс? Чи бачив хто з вас?

Помошник. Ніхто не бачив... днювальний тут сам був, так каже, що по калідору ходив, та й не углядів, відкіля він і узявся.

Днювальний. Так тошно, господин отаман.

Отаман. Та розуміється, що так! Я й сам знаю, що це крадькома зроблено. (*До днювального*). А ну, візьми, козаче, цього рака у руки, та подерж, а я розкрию пакет, та подивлюся, що в йому є.

Днювальний. Так він ущипне, господин отаман, за руку хоч мене, а хоч і вас!

Отаман. Знаю, що ущипне, — на те він і рак! А ти його візьми за клешні гарненько, та й держи добре.

Днювальний. (*Бере з помосту рака і приказує до його*). Постой, брате, постой не щипайся... дай мені твої клешні узять... отакички — о!... Ну, тепер беріть, господин отаман, пакет, а я його держатиму.

Отаман. (*Бере в руки пакет, роздирає його збоку і виймає прозьбу*) Ну, так я і знав... (*Розгортає листа і дивиться у його*). Написано по формі, як і слід. (*Читає про себе і одразу сміється*). Га-га-га-га! Так от, чортів син, як видумав добре! (*Читає голосно*) Уповномочений од обчества раків з річки Нетеки... га-га-га-га!... Рак-неборак — іззаду-очі... га-га-га-га! (*Усі сміються разом з отаманом, а він читає далі про себе, усміхається і крутить раз-у-раз головою*). Ну, це він написав, тепер я добре знаю.

Помошник. А хто-ж то такий, господин отаман?

Отаман. Знаю, що він, та тільки зараз неслід казать, — нехай я упослі скажу, як буде можна. (*До днювального*) А ти все-таки держи рака — не пускай,

Днювальний. Та чого-ж? Я держатиму, господин отаман.

Отаман. Держи, аж поки не побачуть його усі, хто є в правленії, та не почують, що він у своїй прозьбі пише. (*До помошника і діжурного*). А ви ідіть, та зараз мені покличте сюди писарів, сходчиків і усіх, хто тут є.

Помошник і Діжурний. (*Разом*). Понимаю, господин отаман! Слушаю, господин отаман!

(Помошник іде в канцелярію, а діжурний сперва у зборну, а тоді відтіль виходить, та іде в казначейську).

Ява 18.

Отаман і днювальний.

Отаман. (*До днювального*). А що, тебе рак ще ні разу не вщипнув?

Днювальний. Ні, господин отаман, я узяв обидві його клешні у жменю, та й держу.

Отаман. Ну держи, та гляди не задави його, щоб він живий був. (Бере пакет, що висить біля ракової клешні, і засовує в його просьбу на місто, де вона й раніш була).

Ява 19.

Виходять з канцелярії помошник отамана, писарь з підписарим і де-кілька других козаків. Із зборної виходить чоловік з десяток сходчиків (виборних), а з казначейської діжурний з казначеєм.

Писарь. Чого звольте, господин отаман?

1-й виборний. Нащо требували, господин отаман?

Отаман. Та тут ось, господа, таку хтось кумедію направив у нашому правленії, що прямо хоч у газетах печатай.

Писарь і 1-й виборний. (*Разом*). Яку кумедію? А що-ж таке?

Отаман. Ось послухайте, як воно було діло. Ходить днювальний тут один по калідору, коли дивиться лізе рак і тягне за собою пакет, привьязаний йому до клешні. Ніхто, каже, у калідор не входив, а відкіля узявся рак, не знає, — неначе з неба упав, або сам знадвору уліз.

Писарь і 1-й виборний. (*Разом*). Он бач, яке діло! Отака ловись!

Отаман. Так оце я і звелів покликать вас усіх, щоб гуртом дознать, що цей рак у своєму пакеті пише, та розібрать гарненько, що воно і до-чого. (*До писаря*). Візьміть, Петро Семенович, ось у пакеті ракову прозьбу, та прочитайте її голосно, щоб усі почули. Я трохи в неї заглядав, а тепер подивіться ще й ви.

Писарь. Слушаю, господин отаман. (*До днювального*). Держи ж рака добре, щоб він мене не ущипнув. (*Виймає із пакета прозьбу*).

Днювальний. Не бійтесь, Петро Семенович, не ущипне. Він і сам грамотний, знає, кому її в руки давать.

1-й виборний. Кумедія, їй же ти Богу!

3-й виборний. Це прямо чиста катавасія, як діякон наш каже.

Де-хто. Та де-ж пак не кумедія, коли рак та з самої річки прозьбу притяг! (*Усі помалу сміються*).

4-й виборний. А ну, цитьте лиш! Послухаєм, що він пише.

Писарь. (*Розгорнувши листа, дивиться у його*). Еге, бісової бестії рак! Написав так добре, що й чоловік так не напише... слухайте-ж усі, я зараз читатиму.

Помошник. А ну, смирно!

Писарь. (*Читає*). Господину N.....ському Станишному Отаманові. Жалоба-прозьба. Пише і подає оцю прозьбу уповномочений од обчества раків з річки Нетеки, на-прозвання Рак-Неборак — ззаду-очі.

Усі. (*Сміються зтиха*). Га-га-га-га!

1-й виборний. Бач, аж із річки Нетеки сюди приплентав!

3-й виборний. Та воно-ж і наша річка Нетека, бо вода в їй не біжить, а стоїть.

2-й виборний. А про-вання, бач, у його настояще: Рак-Неборак та ще й ззаду очі!

Усі. (*Сміються трохи дужче*). Га-га-га-га!

Помошник. А ну, смирно!

Писарь. (*Читає*). Наша річка Нетека нікуди не тече, бо вода у їй стоїть на місті. Через те ми, раки, живем у оцій річці споконвіку: тут жили наші діди й прадіди, тут живем і ми з своїми жінками та дітками. Життя наше з давніх-давен було тихе і спокійне, бо ніхто нам ніякої шкоди не робив. Тільки иноді бувало, що котрий-небудь дурний рак заскочить у волок, що люде тягають, так чим-же йому пособиш, коли той рак — дурак. (*Сміється*). Га-га-га-га!

Усі. (*Регочуть*). Га-га-га-га!

Помошник. А ну, смирно!

Писарь. (*Читає далі*). Добре нам отак жилось, добре їлось і пилось, аж поки не заявився у нашу станицю отой пройдисвіт, отой лиходій-кабаччик Ларион Сахно. Як став він кабаки аж на десять станиць закупать, як став у горілку багато води підливать, так за десять літ усю чисто воду з річки витягав. Зосталось води тільки на самому дні, — старому горобцеві не буде й поколіна... (*Сміється*). Га-га-га-га!

Усі. (*Регочуть*). Га-га-га-га!

Помошник. А ну, смирно!

Писарь. (*Читає далі*). Коли іще хоч на год здадуть Сахнові кабаки, пропадем ми усі на вічні-віки, — не останеться од нас ні плоду, ні заводу. Отак ми у річці живем-пропадаєм, а все-ж таки думаєм-гадаєм, що козаки в станиці не дурніші за нас, щоб без кінця-краю воду з річки пили, а Сахнові за те гроші платили... (*Сміється*). Га-га-га-га!

Усі. (*Регочуть*). Га-га-га-га!

1-й виборний. Та не бісової собаки й рак! Як-же ж таки й добре доказує!

4-й виборний. Та мабуть він правду каже, як що не бреше!

Помошник. А ну, смирно!

Писарь. (*Читає далі*). Через те просю я господина отамана оцю нашу про-

зьбу на станишному сході прочитать, Лариона Сахна із станиці втришія прогнать і тим нас — раків од неминучої смерти обрятувать. А за те буде вам — козакам велика дяка од усіх нас і од самого найпосліднього рака. (*Сміється*). Га-га-га-га!

У с і. (*Регочуть*). Га-га-га-га!

П о м о ш н и к. А ну, смирно!

П и с а р ь. (*Читає далі*) Оцю прозьбу склав і своєю клешньою підписав уповномочений од обчества раків з річки Нетеки, на-прозвання Рак-Неборак — ззаду-очі.

(*Усі сміються*).

1-й в и б о р н и й. Чи оце вже й кінець?

П и с а р ь. Оце й кінець.

1-й в и б о р н и й. От казка, так казка, — зроду я такої гарної не чув!

3-й в и б о р н и й. Та чи казка, чи брехенька, а тим вона гарна, що настоящу правду виказує.

2-й в и б о р н и й. Еге. Тільки чудно якось виходить, що раки більше знають у воді, чим люде на землі. Бач, прямо пишуть: вигнать Сахна втришія, та й квит!

Д е - х т о. Та й давно б пора, та усе було нікому!

4-й в и б о р н и й. Та один чоловік, звісно, не вижене, бо дуже Сахно у велику силу увійшов, та у гроші убився, а станишне обчество, як захоче, то й Сахна вижене!

3-й в и б о р н и й. Із станиці може й не вижене, а кабаків не дасть, та й усе!

1-й в и б о р н и й. Е, як кабаків йому не дадуть, так тоді його і виганять не треба: він сам із станиці утіче!

О т а м а н. (*До усіх*). Ну, тепер і я хочу кой-що вам сказать...

П о м о ш н и к. А ну, смирно!

О т а м а н. Оце ж ви усі прослухали ракову прозьбу... Як же вам здається? Правду рак пише, чи ні?

У с і. Та звісно, що правду, господин отаман!

1-й в и б о р н и й. Правду пише, та по правді й доказує.

О т а м а н. А як ви думаєте? Чи слід оцю ракову прозьбу прочитать на сході?

У с і. А як же! Небезпремінно треба прочитать!

3-й в и б о р н и й. Треба, треба! Нехай увесь сход оції правди послухає, та тоді по правді й зробить,

2-й в и б о р н и й. Авже-ж не як! Сход як дознає, що уже й раки з прозьбами надокучають, так Сахна не то що на торги, а й на двері не пустять.

У с і. Авже-ж! Так воно й буде! Не пустить і на поріг!

П о м о ш н и к. А ну, смирно!

О т а м а н. Ну, гаразд, — так ми і зробимо. Підождем, поки збереться увесь сход, а тоді запросимо рака у зборну, положим його на столі, щоб усі сходчики бачили, а тоді прочитаєм його прозьбу.

У с і. Оце так! Оце добре, господин отаман! Отак і зробіть! (*Де-хто сміється*).

О т а м а н. А тоді, як що сход здасться на ракову прозьбу, так ми Сахна на торги не допустим, а здамо кабаки комусь другому.

У с і. Добре! Добре! Проженіть його, хамлєта, у потилицю! Щоб і духу його тут не було!

О т а м а н. Та ні, проганять не можна, бо на торги ми запрошували усіх, хто хоче, то звісно і Сахно на те має право. А ми сперва зробимо слідство про те, що він продавав горілку з водою, запишем у протокол, а тоді сход зробить постановленіє, щоб Сахна на торги не допустить... Те постановленіє ми йому прочитаєм і після того на торги його уже ніяк не допустим... Отак воно буде як слід, — по закону. Після того Сахнові тут нічого буде робить, так він і піде з правленія к бісовому батькові геть!

Д е - х т о. Еге. Отак воно добре буде! Сперва по закону, а тоді — хоч і в потилицю!

3-й виборний. Робіть, господин отаман, як лучче, лиш би кабаків йому не дать!

Отаман. Та тепер похоже на те, що кабаків Сахнові не дамо. Тільки він, звісно, подасть начальству жалобу, так треба усе зробить так добре, щоб жалоба його осталась без послідства. (*До сходчиків*). Ото-ж ви, господа старики, постарайтесь добре на сході, щоб усі були в згоді проти Сахна... Та за одно підшукайте і таких, хто може бути свідчиком, що купував горілку і вона була з водою. А ми з писарем зробим тоді усе, що буде треба...

Виборні. Постараємось, господин отаман!

Отаман. Ну, а тепер, господа, можна розійтись усім — кажному на своє місто.

Помошник. А ну, розходьтесь по містам!

(Усі розходяться — кожний у ті двері, з яких вийшов).

Ява 20.

Отаман, помошник, діжурний і днювальний.

Отаман. (*До днювального*). Чи рак у тебе ще живий?

Днювальний. Та ще живісінький, господин отаман!

Отаман. Ну добре... треба, щоб він був живий, поки зійдуться усі сходчики.

Днювальний. Та я б і радніший, господин отаман, хоч і до вечора сидіть оттут з раком, та коли-ж я ще не обідав...

Отаман. Так це тобі ідосі зміни намає?

Днювальний. Та немає-ж, господин отаман! Чорт її сьогодня дождеться...

Отаман. (*До помошника і діжурного. З серцем*). Ну, що це за чортові порядки отакі? Коли ви дасте слободу чоловікові?... Послали ви верхового козака за новим нарядом?

Діжурний. Так тошно, — послали, господин отаман.

Отаман. Де ж він? Ідосі не вернувся, чи що?

Діжурний. Та ще ідосі немає, господин отаман.

Отаман. Отака чортова робота! Ну чого-ж він там застряв, хамової невіри козак? Як ти йому приказував?

Діжурний. Приказував добре, як ото ви й самі звеліли: щоб швидко загадав і щоб зараз з козаками і назад вернувся.

Отаман. Ну які-ж оце козаки, бодай їх чорти удушили, що не хочуть слухать приказаній? Це — хами, а не козаки!

Помошник. Ото-ж, господин отаман, правду я вам казав, що козаки ніяк не хочуть слухаться ні діжурних, ні помошників...

Отаман. Та тепер я і сам бачу, що на те похоже... (Ходить сердитий по калідору, заклавши руки за спину й балакає, мов би сам з собою). Е, ні, хлопці, отака ваша служба ні к чорту не годиться... Чи видали де отаких козаків?... Постойте, ось я за вас візьмусь та заставлю служить, як слід... Бач які, махамети!... Ні, я з вас прямо шкури поздираю, а научу слухаться... (*До помошника*). Слухайте сюди! Як тільки оцей верховий заявиться з козаками, зараз же, без розговора, посадіть їх під строгий арешт, кажного на двоє суток, на хліб та на воду... це за те, що не слухають приказаній... а тоді, як одсидять, нехай заступлять на тижньову службу і, за неявку у своє время, будуть служить дві неділі під ряд...

Помошник. Понимаю, господин отаман.

Отаман. Та шоб ви самі були з козаками, як строгий начальник, а не так, як який-небудь кум, сват, або панібрат.

Помошник. Слушаю, господин отаман.

Отаман. Та треба змінить оцього днювального... Зараз мені давайте на його місто якого-небудь козака... та швидко!

Помошник і діжурний (*Разом*). Слушаю, господин отаман.

(*Ідуть обидва у канцелярські двері*).

Ява 21.

Отаман і днювальный. Отаман одчиняє двері і хоче іти у свою кімнату.

Днювальний. Дозвольте доложить, господин отаман.

Отаман. Кажи, що таке?

Днювальний. Та я хотів сказать вам, господин отаман, за оцього рака... що поки сходчики зберуться, так він до того часу й здохне...

Отаман. От бач! Добре, що нагадав... а я за цього рака уже й забув... Погано буде, як він здохне, а другого зараз трудно піймать... щоб його зробить таке, щоб він живий був? Хіба вкинуть у відро з водою?

Днювальний. Подозвольте мені, господин отаман, додому його взять!

Отаман. На що?

Днювальний. Та я-ж живу біля самої річки... Так ото як прийду я додому, так зараз наберу з річки у відро води, тай положу туди рака, — от він у тій воді і живий буде... А як пообідаю, так накладу йому у воду хліба і кісток од мняса, щоб він неголодний був, та й принесу тоді з відром у правленіє.

Отаман. Оце гарно ти надумав, спасибі тобі за добру службу.

Днювальний. Рад стараться, господин отаман.

Отаман. Та бач таки й треба, щоб ти був тут на сході бо виборні схочуть побачить того козака, який первий цього рака углядів.

Днювальний. Так що-ж? Коли треба, то я тут і буду... Ось піду тільки пообідаю, а тоді зараз принесу у відрі рака та й сам тут буду...

Отаман. Ото буде добре. Заробиш вірною службою іще на могорич. . Ну, так іди-ж, пообідай, та зараз і приходь... Та гляди, щоб рак був живий!

Днювальний. Постараюсь, господин отаман, — буде живий.

(*Отаман іде в свою кімнату*).

Ява 22.

Днювальний. (*Сам*). Аж оце мабуть кінець буде усій оцій кумедії... Прямо чистий калавур з нею... насилу діждався краю... (*Знимає з кілочка козацькv торбу і надівае на себе*) І чорти-б побили їхнього батька... Тут зміни немає, а тут оця кумедія з раком, де він узявся на мою голову... (*Піднімає рака вгору щоб його бачила публіка, і сам балакае до його*). А ну, господин повномочений, сухий ти зараз — ненамочений... на-прозвання Рак-Неборак... ходім мабуть удвох додому... Нехай йому чорт з цією кумедією... Може кому вона й навдивовижу, а нам з тобою ніколи, бо ми-ж голодні, як собаки... (*Кладе рака в торбу*). Ось заховайся лишень у торбу гарненько, щоб ніхто тебе не бачив... Та підем добре пообідаєм... та ще й по чарці випьєм... (*Знімае шапку з голови і кланяється до публіки*). Прощавайте, добрі люде! Звиняйте, як що ми з раком дуже вам надокучили... а коли ще не набридло вам отут сидіть, так підождіть трохи, ми зараз вернемось тоді може почнеться нова кумедія... (*Як він отак балакае завіса помалу спускаеться*).

ЗАВІСА.

25-XI-1929 г. Югославия.

Единому фронту оккупантов надо противопоставить союзный фронт всех народов Восточной Европы, борющихся за свое освобождение.

„Голос Казачества" № 24, 23-IV-1922.

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ.

У ворот Кубани.

Красные, тесня Добровольческую армию, подходили к Ростову. Эвакуация города шла быстрым темпом, но одна линия Владикавказской железной дороги, с нехваткой паровозов и подвижного состава и с отсутствием распорядительности, не могла выполнить той тяжелой задачи которая выпала на ее долю. Само собой разумеется, что эшелоны с провиантом и английским обмундированием обливались керосином и сжигались, дабы не достались в руки врага.

Нередко многие, любуясь пожарищем, с горечью в сердце вопрашали: „почему же не вывезли раньше? зачем тянули до последнего момента? кому от этого польза?“

Почему не вывезли раньше? Странный вопрос! Да потому, что никто из высших чинов командования не допускал такого быстрого исхода, а если кто нибудь и указывал на возможность преждевременной катастрофы, то все же в глаза говорилось, что на „Шипке все спокойно“ и нет оснований „создавать панику“. Таким образом дотянули до последней минуты и, в то время, когда войсковые части за отсутствием теплой одежды замерзали в сальских степях, тут же на глазах голодных, морально издерганных и озлобленных воинов предавалось огню то добро, которое так необходимо было в армии.

Ростов отстаивала горсть храбрецов. Напрасная кровь лилась на улицах города, сдерживая стремительный натиск врага, но обескровленные части не выдержали и бросились на единственную переправу через Дон.

По замерзшим комьям, недавней осенней распутицы, сплоченная масса былых рыцарей двигалась на Батайск, где сосредоточились в теплых вагонах многочисленные штабы с их командами и конвоем. Усталые, издерганные полки шли на Кубань — единственную надежду на спасение... Приветливые казачьи хаты с теплом и уютом ласково манили к себе изголодавшихся воинов. Одни шли к себе домой, как полноправные хозяева, другие — гости, еще не так давно ругавшие кубанцев за их самостийность, „измену“ обще-российскому делу, и кричавшие о том, что нужно разбить, уничтожить, смести с лица земли непокорное казачество.

Батайск представлял из себя шумное море, разгулявшееся в бурю, в непогоду. Некоторые войсковые начальники пытались разобраться в этом хаосе, удержать отступавшие полки, создать из них заслон, чтобы выиграть время и, не расставаясь с удобными теплушками, спокойно выбраться в глубокий тыл; иные же, стараясь не задерживаться в Батайске, походным порядком шли на Кубань, не видя возможности продолжать борьбу в подобной обстановке.

Отсутствие транспорта, теплой одежды, голод и холод царили вокруг и бесжалостно умерщвляли гражданский долг и честь в сердцах воинов, искоса поглядывавших на пульмановские вагоны.

М-ский Кубанский полк, истрепанный в неравных боях и обескровленный в последние стычки с неприятелем, на усталых, тощих конях медленно тащился к Батайску.

Из Ростова, уже занятого большевиками, в догонку летели снаряды, сердито шипя и разворачивая землю, крепко скованную декабрьскими морозами. Но, казалось, никто не обращал на них внимания, — так все были заняты голодными думами и родной далью, манящей к себе в широкие об'ятия.

Приближался зимний вечер... Необходимость заставляла остановиться на ночлег в Батайске, чтобы дать отдых лошадям и достать в забивших до отказа станцию вагонах что либо из фуражного и провиантского довольствия.

К командиру полка под'ехал в черном казачьем полушубке и с красным башлыком, обмотанным вокруг шеи, молодой офицер-ад'ютант.

— Что, брат, холодно? — ласково спросил командир, ежась под дырявой буркой.

— Свежо, нечего сказать, — бодро ответил ад'ютант, — и холодно и голодно! А что будем делать, господин полковник: в Батайске останемся на ночлег, или пойдем дальше? — спросил он своего командира.

— Уж дальше никак не пойдешь, не на чем! Лошади свалятся в пути. Волей неволей остановимся в Батайске, и, если возможно, достанем фуража в интенданстве.

— Хорошо бы кого нибудь отправить с чековым требованием раньше, чтобы к нашему приходу все уже получил?

— Какое, к чертовой матери, чековое требование! — вспылил полковник, — а в Ростове сколько всего бросили большевикам, тоже по чековому требованию?!

— Так точно, но ведь вы знаете нашу канцелярщину: им вынь да положь, а через час зажгут; или того хуже, просто бросят, — заметил ад'ютант.

— Напишите и дайте на подпись. Нет подождите! Знаете, что? Поезжайте вы вперед с двумя ординарцами и оборудуйте, что нужно, по вашему усмотрению, а я спешу полк и пойдем в поводу. Ноги чертовски мерзнут...

Ад'ютант, прежде чем ехать, опросил в сотнях о количестве людей и лошадей.

— Семь! Тринадцать! Девять! Двадцать два! — доносилось из сотен.

Боевой полк в пятьдесят семь шашек... а под Орлом было тысячу двести. Все растеряно на полях России во имя „единой неделимой“.

Пока полк, отогреваясь на ходу, приближался к Батайску, ад'ютант нырял по многочисленным штабам и воинским учреждениям, выпрашивая и умоляя отпустить что нибудь из интенданства. В некоторых из них получался отказ, но в мягкой форме:

— Ничего нет, голубчик, с удовольствием бы дали! Обратитесь к Иксу.

Ад'ютант бежал к Иксу, но оттуда направляли к Игреку. В иных штабах, узнавая, какая часть

просит довольствие и фураж, сопровождали молодого офицера руганью по адресу всего Кубанского Войска.

— Вам не довольствие нужно дать, а веревку! Изменники! Фронт бросили! Перевешать нужно всех!

Так продолжалось до подхода полка, а когда пришли голодные, усталые казаки, то ад'ютант со слезами на глазах показал только место для коновязи и для бивачных костров.

— Что ж делать, — сердито пробурчал полковник, — должно быть придется коням прочитать газеты главкома, а казакам потанцевать возле огня!

— Я пошлю в разведку своих хлопцев, быть может кое-что и разыщут! — сказал командир одной из сотен, бравый есаул, с красивыми черными усами и в серой барашковой шапке.

— Единственная мера!.. Раз отказывают в интендантстве, значит нужно промышлять самим! А я все таки попытаюсь погулять по штабам, да кстати узнаю, нет ли каких распоряжений.

Полковник пошел „гулять" по штабам, а казаки стали разводить костры и греть воду для чая. Надежда, что всетаки, быть может, что нибудь и перепадет, не покидала ни на минуту. Казаки второй сотни достали где то в вагонах тюк соломы и спешно раскидывали голодным лошадям. Многие с завистью смотрели и тихонько спрашивали счастливцев:

— Де це ви найшли? Може там іще е?

— Пошукайте по вагонах може і найдете!

От третьей сотни отделилась группа и, разговаривая вполголоса, скрылась в станционном лабиринте. Ад'ютант заметил, но не окликнул, лишь только предупредил вахмистров, чтобы до возвращения командира полка не распускали людей, ибо может последовать какое нибудь распоряжение боевого характера.

В разговор вмешался командир первой сотни.

— Какое боевое распоряжение? Прежде нужно подумать о казачьем брюхе, а потом воевать. Да и на чем?..

Вернулся полковник, на вопрос ад'ютанта „как дела", — нервно закутываясь в бурку и ложась у костра, ответил:

— Хуже не может быть! Переночуем и утром двинемся дальше. Здесь не добьешься ничего. Одни потеряли голову, а другие благодушествуют в вагонах и пишут суровые приказы. А в общем всех их к чертовой матери! Утром на Кубань!..

Один за одним усталые и голодные располагались казаки на покой, подставляя иззябшие ноги ближе к догоравшим кострам. Кто был одет потеплее, тот сразу заснул богатырским сном; в дырявых же бурках или в легких английских шинелях, ежились, стонали, и, не выдерживая, поднимались, закуривали и устремляли взор в морозное рождественское небо, украшенное мириадами ярких, мерцающих звездочек.

Группа казаков третьей сотни, отправившаяся на поиски фуража и довольствия, как стая голодных волков, рыскала между вагонами, нюхая, шаря и заглядывая во все темные уголки. Вагоны были заперты. Кое-где бродили часовые, охраняя казенное имущество. Осторожно, чтобы не попасться, подходили, щупали запоры и не решаясь приступить к делу, отходили в сторону.

— Что-ж, братцы, бродить зря нечего! Попробуем один на рождественское счастье! — дрожащим от волнения и страха голосом предложил один из казаков.

— А что если пустой, или со снарядами? Зря только... Но не успел окончить своей фразы довольно пожилой урядник, как подскочивший казак обратил внимание всех на полуоткрытый соседний вагон.

— Мешкать нечего! Заглянем туда!

Подсаживая друг друга, влезли в вагон. Слабый свет спички осветил внутренность. Запах соленой рыбы доносился из бочек, стоявших рядами вдоль стены.

— На рыбу попали, должно ахтарская сельдь!

Вмиг заработали кинжалы...

— Ну, так я и угадал, селедка!... доставая вонючую рыбу из грязного рассола, произнес усатый урядник.

— Во что бы ее набрать, чтобы отнести в сотню? На огне поджарим, так с'едим за свежую! А ну, ты, Дуб, ты, брат, помоложе, сбегай ка на кухню за ведром!

— Слушаю, господин взводный! — отчеканил молодой казак Дуб и быстро спрыгнул с вагона.

Но только Дуб соскочил и сделал несколько прыжков, как в след ему послышался грозный оклик:

— Кто здесь?! Стой!

Дуб ловко подскочил под вагон и притих между рельсами. Какие то люди с фонарем быстро приближались к нему, но вдруг остановились у полуоткрытого вагона. Луч фонаря скользнул внутрь.

— А, сукины сыны, мародерством занимаетесь! Вылезай вон, сволочь! — закричал офицер, пришедший с командой солдат.

— Да мы ничего, мы от холода залезли ваше благородие! — испуганно от неожиданности оправдывались казаки.

— Вылезай сволочь, а то расстреляю на месте!

Казаки послушно спрыгнули с вагона и очутились в кругу солдат комендантской команды. Высокий капитан в „репаной" шапке храбро заломленной на затылок и с рыжими, щетинистыми усами, размахивая наганом, кричал:

— Воевать вас нет, а в тылу грабежом заниматься! По ночам замки взламывать! По вагонам шарить! Мерзавцы!!

— Никто не взламывал, господин... есаул, вагон был открыт! — заметили в свое оправдание виновные.

— Врете негодяи! Интендантские вагоны все заперты! Отправить их в штаб корпуса!

Солдаты застучали коваными сапожищами и скрылись в темноте, сопровождая арестованных.

Когда все стихло, Дуб выбрался из под вагона и опрометью пустился в сотню.

— Господин подхорунжий, а господин подхорунжий, — толкал он спавшего на сотенной повозке, вахмистра Лысенко.

— Га? Що? — отозвался последний.

— Біда трапилась з хлопцями! Арестували!

— З якими хлопцями? Де арестували? Докладай толком, вареник тобі в рот!

Дуб, не придя еще как следует в себя, с трудом изложил суть дела.

— Еге! — многозначительно промолвил вахмистр, выслушав доклад казака, — так кажешь в штаб їх повели? Діло погане!

Подхорунжий Лысенко тотчас же поставил в известность командира сотни, спавшего возле походной кухни на грязных мешках, а тот в свою очередь доложил о всем случившемся командиру полка. В то время, когда сонный полковник выслушивал командира сотни, и собирался идти на выручку казаков, комендантский капитан уже писал рапорт в теплом штабном вагоне, предназначенном специально для дежурного комендантского офицера. Затягиваясь душистой папиросой, подбирал стильные выражения и, прищурившись, смотрел в потолок.

— Разрешите войти? — громко пронеслось по вагону.

— Кто там? В чем дело? — строго спросил капитан, но увидев штаб-офицерские погоны, приподнялся со стула и сразу изменил тон.

— Чем могу служить, господин полковник?

Командир полка представился и, изложив обстоятельства, кои вынудили казаков „шарить" по вагонам, просил освободить их.

— Никак не могу этого сделать, господин полковник! По долгу службы, как дежурный офицер, я должен донести высшему начальству. Они пойманы на месте преступления!...

— Но ведь преступление то выразилось в краже вонючей селедки, которую, к тому же, не успели даже вытащить из бочки?

— Это безразлично! Утром я доложу начальнику штаба корпуса и передам рапорт: Вы можете обратиться в штаб корпуса.

— По крайней мере, я могу видеть арестованных?

— При всем желании и этого разрешить не могу!

С грустным настроением полковник вышел из комендантского вагона и направился в полк...

„Утро вечера мудренее! — утешал он себя, — переговорю завтра с начальником штаба и, наверное, все улажу."

Перед рассветом погода изменилась. Потянул северо-западный ветер, затянуло небо, засыпала снежная пурга, покрывая голую землю белым покровом.

Все замело вокруг ... и живое и мертвое. Сердце обливалось кровью, при виде лошадей, дрожавших от холода, хватавших с жадностью снежные хлопья и нервным храпом напоминавших о себе.

— На Кубань! На Кубань! Скорее, ни медля ни минуты!..

К походу на Кубань приготовились в миг. Лишь бы освободить арестованных и в путь: добраться до первой станицы, а там хоть трава не расти. Командир полка, сделав последние распоряжения, торопливо пошел в Штаб корпуса. Уверенность в благополучный исход, не покидала его с вечера.

„Вот, поговорю сейчас с начальником штаба, выложу ему всю правду матушку, пусть знает, где собака зарыта! Стыдно будет, когда узнает, кто виноват во всем!" размышлял полковник, приближаясь к штабу.

„Казаки грабители!.. А кого они ограбили? Интендантство? Так ведь интендантство систематически грабило казаков в продолжении многих лет! Но, интендантов за это не арестовывают! Так, как будто, и должно быть. А казаков за тухлую селедку арестовали. Разве это грабеж? Они брали свое, положенное им по закону, по праву..."

Часовой у штабного вагона щелкнул каблуками и, салютуя шашкой, застыл. Полковник очнулся. Ответив на приветствие часового, быстро вошел в вагон.

— Я могу видеть начальника штаба? — спросил он дежурного офицера.

— Можно узнать по какому делу?

Командир полка об'яснил. Дежурный офицер скрылся в соседнем купе, где стучали „ремингтоны", строча новые и новые приказы, раз'яснения, и донесения.

— Начальник штаба очень занят фронтом, — сказал возвратившийся офицер, — и просит не отнимать у него драгоценные минуты такими пустяками.

— Именно пустяки, я с вами вполне согласен, но ведь при подобной обстановке...

— Подержат под арестом и освободят! — докончил дежурный офицер.

— Так что, можно быть, совершенно спокойным?

— Конечно!

— Честь имею кланяться!

— Всего лучшего, господин полковник!

М-ский кубанский полк вытянулся по Кущевскому шляху. Северный ветер, с завываньем бросая снежную вату, румянил лица. Подбадривая коней бодрились и всадники. Еще, еще один переход и у себя дома...

Полк медленно уходил от Батайска, а вслед ему пять его казаков, качаясь на станционных столбах, посылали последний, прощальный привет родной Кубани.

Суровый генерал, командир корпуса, на рапорте комендантского офицера черкнул:

— Повесить! —

... Сама жизнь заставила казаков отделить свои края от советской России и об'явить их самостоятельными государственными образованиями.

А. БОГАЕВСКИЙ. („Возрождение", № 1522, 2-VIII-1929).

ИВ. БОЙКО.

* * *

Я люблю Кубань Родную,
Быт и нравы казаков,
И бессмертную, былую
Славу дедов и отцов!

Я люблю свои станицы
И широкие поля,
Где, подобно вольной птице,
На коне резвился я!

Я люблю и наши горы,
Древний лес и блеск снегов,
В свете царственной Авроры
Крик веселый чабанов!

Я люблю черкески, шапки,
Я люблю свои полки,
И кинжалы, и берданки,
И бешметы, башлыки!

Я люблю казачье пенье,
Джигитовку на конях,
Беззаботное веселье
И в походах и в боях!

Я люблю казачек милых,
Красоту и гордость их,
Стариков, всегда ворчливых,
И старушек молодых!

. . . . . .

Все мелькает предо мною,
Все былое, как во сне,
И живу мечтой одною:
Как вернуть вас снова мне!?.

ГНАТ МАКУХА.

Могила.

Недалеко від ст. Брюховецької, коло спуску до річки Бейсужка, де він робить коліно, повертаючи на північ, щоби злитися з великим Бейсугом, серед широкого степового простору стоїть „Висока“ могила.

Якось так виходило, що багато могил на Кубані було звязано з життям козацтва. Чи йдуть козаки на службу за Кавказ, то мусять, бувало, зупинити коней коло могили, самі вилізуть на могилу, подивляться навкруги, ніби прощаються з рідними степами, зійдуть, попьють горілки коло неї, та й з Богом у дорогу; чи чабан роспустить свій шматок, мов би роскине широку темну плахту серед зеленого моря трави, вилізе на могилу та й заграє на сопільці „штирі-бирі“; чи товарчій розгубить череду, зараз біжить на могилу подивитись, а побачивши, заспіває весело „Ой у полі, полі“; чи козак, їдучи у степ волами, кине воли коло могили, а сам вилізе на неї, подивиться навкруги і веселий вертається до воза, а коли б спитав хто його, кого він виглядав, відповість — „Нікого, дивився на рідний Край“; чи прийдуть весняні свята, то до могили збираються дівчата й парубки, одні грають у гилки, городка, або шарлая, другі у короля, співають; чи малі козачата чекають своїх батьків зі служби, зберуться купкою на могилу і поглядають у ту сторінку, звідкіль повинні йти батьки. Багато де чого в життю козака звязано з могилами.

Таку саму ролю відогравала й могила „Висока“ в життю козаків ст. Брюховецької. Тут станишна молодь проводила всі свята, тут грав чабан на сопільці штирю-бирю, тут товарчій виглядав свою череду, а козак, кинувши воза, задивлявся на рідний Край. Любив і я колись малим сидіти на могилі. Вийдеш на неї, сядеш і поглядаєш навкруги; легко і радісно стане. Чому? — І сам не знаєш, чому. Сидиш дивишся й не надивишся на свій рідний Край і бачиш: перед тобою розлягається широкий рівний простір, вкритий зеленою травою, котра, ніби хвилі моря хвилюється від вітру; з цього зеленого келима бьють до очей ріжноманітні барви цвітів: горицвіта, воронця, бабки, синецвіту, що їх мов шовковою хустинкою покриває трава, схиляючись від вітру; кругом тебе звенить в повітрі пісня пташиного царства, а з підніжжя могили тягнуться до тебе ягідки полуниць і ніби промовляють: „йди, зірви нас“ А там далі мов зелені шапки підіймаються инші могили, над котрими иноді кружляє орел-степовик, або важко перелітають дрофи... Вийдеш на цю могилу, оглянеш рідний Край, та й задумаешся:

Так от ці степи широкі
Козака зродили...

І полинеш думкою й на Дніпро й на Запоріжжя, перейдеш все життя козацьке, а вернувшись на могилу, скрізь сльози, промовиш: „Ні, не можна не любити тебе, мій рідний Краю й тебе, мій рідний Краю й тебе моє рідне Військо!“

І як мені дуже бажалося у ті роки, зробити на цій могилі що небудь таке, щоби нагадувало козачатам станиць, про життя молоді у старовину... Й нічого иншого не надумав, як посадити на могилі дуба. Скільки раз я бігав на весні у ліс генерала Котляревського, викопував там молодого дуба, обережно приносив й садив. На лихо, чиясь зла рука його завше вирвала. Довго я з цим боровся, та так мені цього зробити і не вдалося...

Так і не довелося мені уквітчати могилу. А здійснили мою думку мої милі брати вільного куріня. Вони уквітчали могилу, та не дубом, як я мріяв, а великим дубовим хрестом...

У 1918 році довелося мені бути у рідній станиці. За кілька верст до станиці, вже побачив я ту могилу, яку так щиро кохав ще з дитячих літ. Яким святим духом об'віяло мене, яка велика ра-

дість родилася у моїх грудях, коли я ще здалеку побачив на тій могилі великий чорний стовп, котрий мені здавався за підпорку для посаженого дуба.

Але ж чим ближче я під'їжжав до могили, тим холоднішим вітром обдувало мене, на серці робилося важче й важче. І вже коли добре можна було розглядіти могилу, коли добре вже на ній видно було хрест, в грудях моїх загуляло бурхливе, холодне море, серце заболіло, а уста якось мимоволі промовили: „ні... не дуб..."

Коло могили я зупинився, з великим тягаром у грудях піднявся на могилу. На могилі я побачив обгорожену й обсажену півниками могилку, на котрій стояв дубовий хрест.

— Хто й за що? — питаюся сам себе й не бачучи нічого, не діставши відповіді на свою думку, я кинув погляд навколо, де колись була райська краса.

Чорне рілля, жовту стерню і де не де копиці побачив я, а коло могили десятків півтора овечок, які ходили по стерні і яких пас старий козак.

У драній свитині, старих штанях і в старій кудлатій шапці, сидів він, зігнувшись, й потихеньку співав: „Усилився вражий москаль, виганяє з хати..." Ще гірше шарпнуло мене по серцю...

— Дідусю, а хто це похований під цим хрестом? питаю.

— А на що тобі? — якимсь похилим, та сумним голосом спитав і мене дід. — Були такі, яких треба було поховати — відповів він не дивлячись на мене. — Дивно мені, що ти живеш у станиці та й не знаєш кого тут поховано під цим хрестом.

— Я, дідусю, хоч і цієї станиці, але ж тут не живу, а через те й не знаю.

— А хто ж ти будеш?

— Гнат Макуха, отаман Брюховецького Вільнокозачого куріня.

Це ніби оживило старого, він хутко встав, обтрусився, бадьоро підійшов до мене й промовив.

— Здоровенькі були, батьку! Так ви як бачу живі ще? А нам тут розказували, що вас большевики ухопили коло Тимошівки, та рострілявши, сховали в гноях.

— Живий, дідусю, як бачите, відповів я йому вже веселіше.

— А чи пізнаєте ви мене? — знову спитав він мене. Я теж вільний козак из золотої сотні, Ви не забули її?

— Ні, не забув, дідусю! — А хто ж це лежить під цим хрестом?

— Е-хе-хе! якось знову сумно сказав дід, — лежить тут дванадцять синів вільного Брюховецького куріня!

— Чи не розстріляли большевики?

— Розстріляли! — промовив дід ще сумніше й сива голова схилилась ще низче.

— А це було так. Коли вже большовики зачали з усієї сили налягати на станицю, то курінь пішов до Корнілова, котрий йшов тоді з Ростова на Катеринодар; залишилась у станиці золота сотня. Коли вбили Корнілова під Катеринодаром, а потім поховали його тіло і нічим було стріляти, так ніби сказали пани, що вже все покінчено, й хто куди хоче, хай іде. Старіщі цьому не повірили, а молодь повернула від Андрієвської, та й приїхала до дому у Брюховецьку. Тут вже їх большевики ухопили, та й розстріляли, — зовсім вже тихо докінчив дід й по бороді покотилась гаряча сльоза. — „Тут, — додав він вже зі сльозами, — лежить і мій послідний..." — й не доказавши, заплакав, як дитина...

— Я теж був у Вільному курині, ховав військові регалії, так мене, бач, й не вбили. Забрали лише хазяйство, та потягали по холодних, та й випустили, а його нещасного розстріляли. Як би були живі старші, то його б вони не пустили до дому, а то старших убито під Катеринодаром, а воно молоде, двадцять другий рік лише, закрутилось як та сарана, та й прилетіло на свою стерню у станицю.

— А скільки ж у вас всіх було, дідусю?

— Та чотирі. Одного вбито під Рязанською, двох під Катеринодаром, а цього Бог приніс умирати до дому!

— Жалко, — тільки й промовив я.

Та коли б цим й скінчилось, а то як розстріляли цього, жінка не перенесла — померла, невістки, наче умовились, пішли всі до своїх батьків і лишився я один. Хазяйство все забрали... Зосталась хатина, коняка, та цих пятнадцять овечок. Вижену от це сюди до могили овечок, наплачусь на могилі добре, попасу овечок, та й з Богом до дому... Там у хатині виливаю й лихо й тугу свою гіркими сльозами, що б ніхто не бачив. Як буду далі жити й не знаю...

Ще з півгодини ми постояли, про де що поговорили, потім повернувся я до хреста, та й написав на ньому:

Спіть ви нещасні у рідній землиці;
Спіть мододії птахи.
Хрест ваш хай вкаже рідній станиці
Биті козачі шляхи...

Потім попрощався з дідом, хутко зійшов з могили, сів у тарантас й поїхав, а в усі ніби хто говорить: „уквітчали, та не тим, чого бажалось".

І тепер, коли стоїш иноді серед широкого степу у чужині, згадаєш усе, що діялось, у грудях робиться важко, а уста мимоволі шепочуть:

Краю милий, краю тихий,
Краю не добитий!
Та мазкою козачою
Як водою вмитий.
За що гинеш, пропадаєш?...

. . . . . .

Казаки, читайте журнал „Вольное Казачество—Вільне Козацтво."

БОРИС КУНДРЮЦКОВ.

Степной сказ.

Казак удалый,
Зипун алый,
Голубой шлык.
Усы длинные расправил — усмехнулся.
Птицей, птахой луговой трепыхнулся:
— Что за молодец усмешливый такой?
И не смел ли черезчур ты, голубок?
На Москве у нас подвал для вас глубок.
Уж и холодно студеной там зимой,
Уж и голодно для голи там степной.
Щурит гордо и с презреньем клок бровей.
А казак в ответ:
— Московский соловей,
Растабарывать с тобою нам концы.
Мы примчались до царя твово, гонцы.
Я — станицы Атаман, вишь, Зимовой.
Все ль понял ты своей барской головой?
Вот наказ тебе казачий Войсковой,
Припечатан он печатью восковой.
Передал дьяку дубленой кожи клок,
И нахмурился, сам строен и высок.
Словно шилом кто дьяка в зад уколол,
Подскочил руками впился крепко в стол.
— Ишь, — послы от рвани. Что за честь!
Пробурчал да и отдал наказ прочесть.
„Войском выбран я теперь как Атаман,
А прозвание мое — Сары Аз Ман.
Не женатый я казак, а холостой,
Породниться бы Царь-Батюшка с тобой.
Дочка есть у Тебя ровно маков цвет,
На Дону у нас гуторят — краше нет.
Со станицей дар я шлю триста коней,
Да для доченьки — пятнадцать голубей,
Да намисто из заморских жемчугов,
Да с нардеком восемнадцать казанов.
А за сим бывай Царь-Батюшка здоров“...
Атаман
Донских всех казаков.
„Поле Дикое“,
Шестого Генваря,
До Московского написано Царя.
А скрепил печатью писарь: Бунтарев.
А в сватах идет-Иван Золотарев...
Не успели дочитать и до конца —
На дьяке от перепугу нет лица,
Исказился и мигает, что сова,
Изо рта бегут несвязные слова.
— Ца-а-рю Ба-атюшке пойду я до-ло-жить.
А казак за люльку:
Стало быть!
Не вернулся дьяк в посольскую назад, —
Костылем его в грудь насквозь, говорят,
Царь разгневанный пронзил, услыша весть.
Вышел князь — благодарил за честь:
Молода де больно дочка у Царя.
— Што-ж, проехались, видать, сваты мы зря.
Не хотите. Мы — не гордые. Найдем...
С Золотой Орды себе принцесу приведем.
Гей, по коням, атаманы-молодцы.
Ан бегут уже со всех сторон стрельцы.
Казаки тут шашки острые с ножен!
Кто из первых наскочил — упал, сражен.
Долго бились казаки среди двора.
Челядь падала, вопя сдуру — урра...
Всю устлали площадь трупами людей,
Да лишились сами верных всех коней...
На камнях Иван распластанный лежит
И из горла кровь казачая бежит.
И станичники побиты все, мертвы,
Нет живехонькой чубатой головы.
— „Ой, ты голубь мой, да голубь сизокрылый,
Полетай до речушки ты милой,
Ты поведай все горе-беду,
Как изгинули казаченьки в плену.
Атаману весточку снеси,
Мать-старушке доложи, —
Будет плакать, штоб не убивалась,
Наша доля, знать не улыбалась,
И такая на-а-ам судьба-а“.
Меж побитых царску дочку провели,
Жемчугов казачьих нитку поднесли...
Полетели голубки к себе домой, —
Не далися в руки девушки чужой...
Ночь спустилась, все прибрали, замели.
Наказали, что б молчком себя вели
Дворовые, и стрельцы, и холопье,
И, какое там, царицыно бабье.
Атаман-же, не дождавшись казаков,
Снаряжал в другую сторону сватов.
Из великой, из татарской, из Орды
Привезли ему красоточку они.
Прилетали верны голуби на Дон,
Донесли с собой казачий горький стон,
Ворковали, докладали все дела,
Как Москва сватов казачьих приняла.
Ворковали сизокрылые в крови,
О Московской, да о крепкой о любви
И совет давали птичий казакам,
Что б прислушались к их верным, ко словам:
— Не женитесь вы на бабах из Москвы,
Што бы сорной не посеялось травы.

ВАДИМ КУРГАНСКИЙ.

Приход.

Ой з-за гори, з-за лиману
Вітер повіває, —
Та кругом Січі Запорожської
Москаль облягає...
. . . . . .

Взлохматилась серая поверхность моря... Далеко-далеко, беспредельно растянулась-раскинулась водная ширь, отражая серое тусклое небо. Низкий берег как то незаметно, точно украдкой переходил в мутные пенящиеся волны...

Хлюпала вода под бортами лодок — жалобно и надоедливо... Скрипели уключины, гнулись длинные весла, мерно вздымались и опускались крутые носы „чаек". Все ближе надвигалась серо-желтая полоса берега. Ветер срывал верхушки волн и со злобой швырял их в лица гребцов...

Угрюмо хмурились седые брови; пытливые очи зорко всматривались в приближающуюся землю, крепко сжимались губы под нависшими густыми усами... Цветные жупаны и шаровары насквозь пропитала вода, намокли высокие смушковые шапки с красными верхами и грубые сапоги. Даже короткие люльки неохотно дымились в сизой сырости... Сырость — тяжелая, промозглая нависла в воздухе...

Ветер крепчал, нес навстречу облака водяной пыли, раскачивал узкие лодки и свистел в снастях...

Их было много, насколько глаз хватал растянулась бесконечная, в горизонт уходящая вереница чаек. Алели красные верхи шапок, тускло отсвечивали стволы длинных рушниц и рукоятки кривых сабель. На первой чайке колыхалось в воздухе малиновое полотнище знамени, шевелил ветер хвосты бунчука... Угрюмо сидели вокруг седоусые, старые казаки...

Скрипели уключины, брызги летели во все стороны, тяжело вздымались груди усталых гребцов, — берег надвигался. Мутные, желтые волны реки вливались в свинцовые волны моря, крутились и смешивались с ними. Вдали чуть заметно, смешиваясь с нависшим туманом, синели незыблемые громады гор.

На чайках все примолкло. Ни звука, ни голоса, ни вздоха, только пытливо поблескивали глаза, всматриваясь в открывающийся берег. Низкой, однообразной пеленой расстилался он, уходя в хмурящуюся даль. Уже виднелась колышащаяся под ветром высокая, густая трава... Степь — сколько глаз хватает степи... А за ними — желтая полоса реки, порой скрывающаяся за высокой стеной камыша, а еще дальше — горы дыбятся к небу и прячутся в облаках...

Зашуршал под дном песок — первая чайка вплотную подошла к берегу, ткнулась в желтую массу и стала... Слетели шапки, обнажая чубатые головы, замелькали руки, кладя широкие кресты... — „Дав Бог добраться".

Одна за другой, шурша, подходили лодки к берегу, неуклюже вздрагивали, ткнувшись острым носом в песок, и далеко растянулась вдоль пенящейся полосы прибоя расписная вереница чаек. Тяжело дыша, выходили на сушу гребцы. Кованные сапоги глубоко врезались в мокрую от дождя, мягкую землю, беспощадно давя буйную траву, почти вплотную подходившую к самой воде...

Заколыхалось развевающееся полотнище знамени. Крепко сжимая в жилистых руках святыню, вышел на берег старый запорожец и осторожно воткнул древко на небольшом пригорке. Под знаменем стал высокий, седой, со шрамами сплошь покрытым, обветренным лицом сечовик и далеко разнесся над морским простором его мощный, не старческий голос: „З прибуттям вас, панове! Дав Бог добраться!.. Дай нам Боже и тутечки послужити ще Украині милій, та вірі православній!.. Дай Боже здоровля цариці Катерині, що...

Дрогнул голос и смолк... Пробежала волна по чубатым головам и закончил речь старого козака чей-то молодой, звонкий голос.

„Що зруйновала Січ-Матір за службу нашу вірную, за те, що ляхів, та султана, та татарву нещадно били!... спасибі, мати рідна, дай Боже й тобі того же!...

Понурились седые чубы. Сумно, сумно стало в душах казачьих, полетела думка через синее море, далеко-далеко к синему Днепру, к островам запорожским, где ковалась мощь казачья, где крепла да ширилась слава Запорожская... Оборотились очи казачьи к морю, что, пенясь уходило в туманную даль, и шептали губы старых сечовиков: „Прощай Мати-Січ Рідна, не забудуть Тебе сини твої і не вмре слава Твоя і на берегах Кубані-річки!..."

Сердито рвал ветер, трепал чубы, дергал ветхое полотнище знамени и лохматил поверхность моря... Удивленно журчали волны реки и шептался камыш о невиданных пришельцах; хмуро, недружелюбно глядели из тумана твердыни Кавказа и только ковыль степной, казалось, ласковым шепотом обещал развеять тоску казачью по широкой степи...

... Не будем вести бесполезных споров, потратим свои силы на творческую положительную работу. Такой работы нам хватит всем...

„В. К.", № 50, 10-XII-1929.

Е. БУЛАВИН.

* * *

По бурливым волнам,
Меж крутых берегов
Быстрей ветра летит
Легких, стая стругов.
Ушкуи иль челны —
Разобрать не легко,
Только прочь от Москвы
Держат путь далеко.
„Не ушкуйское есть
В этой стае стругов“
Пронеслась „чутка-весть“
До чужих берегов.
Песни, удаль, разгул
Слышат волны реки, —
То в ушкуйских стругах
В путь плывут казаки.
Не кручинит чело
Невозвратный уход
И кому бы взбрело
Учинить поворот?
Что сулит поворот —
Жизнь в угоду бояр?!
Нет, уж лучше полет...
Да свой стан — Черный Яр.
Как стихии порыв
Невозможно унять,
Так казачьей души
Москвичам не понять...

В. СЕДОВ.

Сон.

Снились мне степи безбрежно широкие,
Ровные, белые, снегом покрытые,
А по-над Доном синели высокие
Горы родимые — стражи забытые.
Снились станицы в синеющей дали,
Ряд хуторов, занесенных пургой,
Дон молчаливый, окованный льдами...
Тишь и безлюдье царило кругом.
Лишь бушевали сердито мятели.
Снежное море вздымая, ветры
Словно отходную жалобно пели
Милой свободе родной стороны.
Гнулась верба по-над Доном тоскливо,
Жалобно плакал белесый тальник,
А на прибрежных песках сиротливо
Снегом забитый торчал кагальник.
Вдруг предо мною на поле с снегами
Белый свет сразу померк...
И по сугробам, большими шагами,
Черный прошел человек...
Был он гигант, весь закованный в стали,
Меч заржавелый — на левом бедре,
Ловко прилажены стрелы с пищалью,
Щит богатырский в могучей руке.
Шел он на север тяжелой стопою.
Сдвинуты брови и блещут глаза,
И из груди его мощной грозою
Вдруг загремели слова:
„Что-ж вы, холопы, забыли былое?“
(Крепко он сжал кулаки).
„Сгинуло думали Войско Донское!
Нет, еще есть казаки!“
Грузно стоял он в снегу по колени,
Мрачно на север грозил,
Голос его среди снежной метели
Ветер в степи разносил.
. . . . . .
. . . . . .
Ей, молодцы-атаманы, вставайте!
Вас я, как старший, зову, атаман.
В круг Войсковой удальцов собирайте,
Снежная степь — нам майдан“.
Степь задрожала. Снега завихрились,
Ветер средь степи сильнее завыл, —
И чудо великое вдруг совершилось:
Голос могучий века воскресил.
Степь почернела в мгновение ока, —
Покрылась вдруг морем казачьих голов
И с запада, севера, юга, востока
Шли конные рати бойцов.
Вот Разин примчался, гарцуя отважно,
За ним прискакал Булавин-атаман,
А следом за ними, с осанкою важной,
Рысцою под'ехал Пугач Емельян.
А после совета, вся — дружно и смело —
На север пошла необ'ятная рать:
К Москве — защищать свое правое дело,
Свободу казачью мечем возвращать.

Федеральное государственное учреждение культуры
"Государственная публичная историческая библиотека России"
№ 20 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
I. Православный календарь	1— 16.
II. Литературно-политический альманах календаря „Вольного Казачества—Вільного Козацтва“.	17—274.
1. **Игн. Билый.** Казачья Идея.	19.
2. **Констант. Поляков.** Родная Песня	24.
3. **Ис. Быкадоров.** Казакия (историко-географический очерк).	25.
4. **Любовь Самсонова.** Путь. (Поэма).	49.
5. Д-р **С. Федоров.** Краткий очерк истории Казачества.	50.
6. **С. Балыков.** Калмыкам. (По калмыцки).	80.
7. **Сергій Савицький.** *** Вірш.	81.
8. **П. И. Кокунько.** Батарейка Тиховского.	81.
9. **Виктор Карпушкин.** *** Стихи.	88.
10. **В. П. Елисеев.** Два раза под Петроградом.	88.
11. **П. Крюков.** Донцам. Стихи.	99.
12. **М. Бытынський.** Казачьи гербы.	99.
13. **Ал. Персидсков.** Казакия. Стихи.	129.
14. **И. А. Билый.** Территория и народонаселение Казачьих Земель.	129.
15. **Я. Рудик.** *** Вірш.	139.
16. Инж. **В. Бейсуг.** Экономический очерк Казачьих Земель.	140.
17. **Л. Костина.** Снежные искры. Стихи.	222.
18. **Вл. Куртин.** Осколок.	222.
19. **Ф. Полковников.** Осень. Стихи.	242.
20. **Санжа Балыков** Чонкушка.	242.
21. **Вл. Поляков.** *** Стихи.	246.
22. **А. А. Гейман.** По закону или не по закону?	246.
23. **Олександр Півень.** Рак-неборак-ззаду очі.	248.
24. **Сергей Макеев.** У ворот Кубани.	267.
25. **Ив. Бойко.** *** Стихи.	270.
26. **Гнат Макуха.** Могила.	270.
27. **Борис Кундрюцков.** *** Степной сказ	272.
28. **Вадим Курганский.** Приход.	273.
29. **Е. Булавин.** *** Стихи	274.
30. **В. Седов.** Сон. Стихи	274.
III. Содержание.	275.

1,175
1918
57

Открыта подписка

на 1930 год

(3-й год изд.) (3-й год изд.)

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество"

„Вільне Козацтво"

выходящий в Праге 10 и 25 числа каждого месяца

под редакцией И. А. Билого

и при участии свыше 100 сотрудников — казачьих писателей и журналистов-казаков всех Казачьих Войск.

Условия подписки:	На 6 мес.:	На 1 год:
В Ч. С. Р.	30 к. ч.	50 к. ч.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	25 фр.	40 фр.
В др. странах	$1^1/_2$ ам. долл.	3 ам. долл.

Редакция и контора: Praha—Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie

Казаки, читайте журнал „Вольное Казачество--Вільне Козацтво".